

Дорогие читатели!

В первой половине 2020 года журнал “Наш современник” планирует опубликовать:

- повесть Альберта ЛИХАНОВА “Незабытые игрушки”;
- повесть Владимира КРУПИНА “Ловцы человеков”;
- повесть Сергея МИХЕЕНКОВА “Берлин-45”;
- повесть Юрия УБОГОГО “Железо и воздух”;
- книгу миниатюр Андрея АНТИПИНА “Живые листья”;
- прозу “новых традиционалистов” Андрея ТИМОФЕЕВА, Юрия ЛУНИНА, Ирины МИХАЙЛОВОЙ, Александры ЯКОВЛЕВОЙ;
- стихи Александра НЕСТРУГИНА, Евгения СЕМИЧЕВА, Елизаветы МАРТЫНОВОЙ, Виктора КИРЮШИНА, Карины СЕЙДАМЕТОВОЙ, Николая КОНОВСКОГО, Дианы КАН, Натальи ЕГОРОВОЙ, Марии ЗНОБИЩЕВОЙ, Евгения ЧЕПУРНЫХ;
- продолжение книги Станислава КУНЯЕВА “К предательству таинственная страсть”;
- новую документальную повесть Михаила БАРКОВА;
- цикл статей Елены ЛАРИНОЙ и Владимира ОВЧИНСКОГО;
- материалы к 75-летию Победы;
- статью Александра КАЗИНЦЕВА “Друзья и враги “Пробуждения””;
- статьи Михаила ДЕЛЯГИНА, Владимира ОСИПОВА, Анатолия ГРЕШНЕВИКОВА, Бориса КЛЮЧНИКОВА, Лидии СЫЧЁВОЙ, Андрея УБОГОГО;
- окончание исследования Александра БЕЛОНЕНКО “Шостакович и Свиридов: к истории взаимоотношений”;
- продолжение книги Сергея КУНЯЕВА “Вадим Кожинов”;
- статью Петра ТКАЧЕНКО “Какую Библию читал Шолохов” (неизвестные материалы из шолоховского архива);
- материалы к 90-летию со дня рождения И. С. Глазунова;
- неизвестные письма В. В. Кожинова;
- критические статьи Яны САФРОНОВОЙ, Ирины МОНАХОВОЙ, Марины ПЕТРОВОЙ, Юрия ПАВЛОВА.

Дорогие друзья, не забудьте подписаться на журнал “Наш современник”!

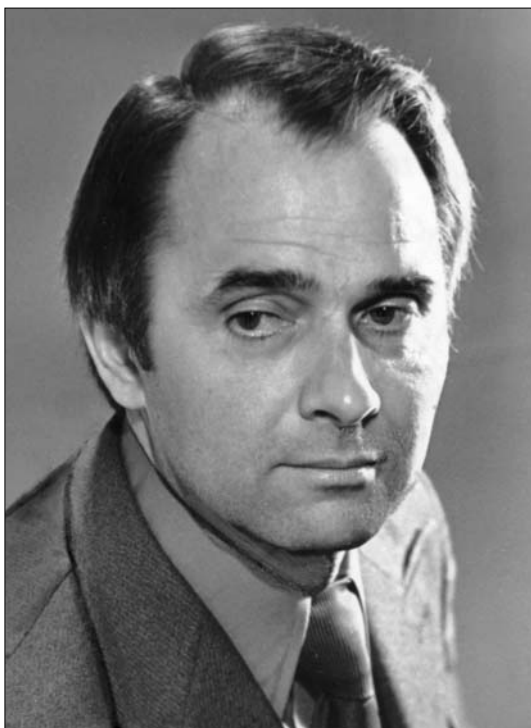
НАШ СОВРЕМЕННОК

Журнал писателей России

№ 2 2020

85 лет со дня рождения В. И. КАЗАНЦЕВА

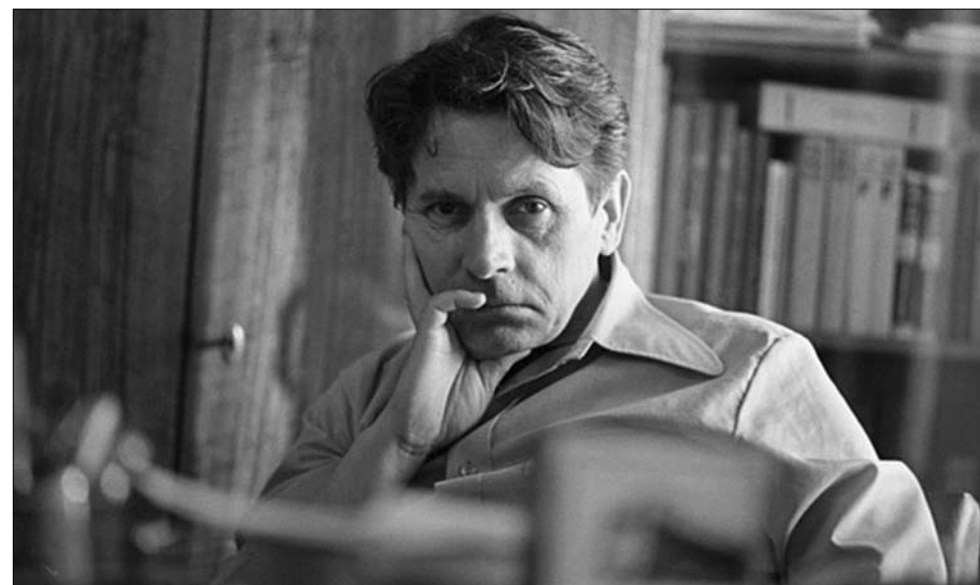

“Лучшие стихотворения Василия Казанцева рождаются и живут как раз на самой г р а н и, на самом рубеже сдержанности и порыва — когда под холодной, иногда словно бы ледяной корой стиля чувствуется или хотя бы угадывается прорывающая её струя, затаившая в себе жаркую энергию страсти.

Лучшие его стихи нередко основываются на своеобразной поэтике м г н о в е н и я. Этот внутренний стержень творческого сознания отчётливо, даже обнажённо проступает в целом ряде стихотворений (Василию Казанцеву, кстати сказать, совершенно чуждо типичное для многих стихотворцев стремление “пленить” читателя нарочитой загадочностью, зашифрованностью смысла; он ставит перед читателем т а й н у лишь тогда, когда она является тайной и для него самого)”.

Вадим КОЖИНОВ

100 лет со дня рождения Ф. А. АБРАМОВА

Проза Фёдора Абрамова — наше художественное достояние. Всё то, что было написано им, — теперь, по истечении довольно длительного времени, приобретает ещё большую значимость, чем это было при жизни самого творца. Сейчас, как никогда, остро востребованы высокие нравственные ориентиры, которые писатель раскрывал в своих произведениях. Потребность в духовном обновлении давно назрела не только в молодёжной среде, но во всём нашем обществе, так стремительно обнищавшем в культурном, нравственном и физическом смысле. Об этом Абрамов предупреждал нас ещё много-много лет назад. Он вёл неистовую духовную битву за утверждение лучших качеств в Человеке: совести, добра, справедливости, любви к тому уголку родной земли, где родился каждый из нас, благоговел перед отечественной историей, значимостью и величием России. Да, он всем своим творчеством, которое воспринимается не иначе, как служение и подвижничество, проявил себя ярким и одержимым представителем из колена Аввакумова.

Материалы о Фёдоре Абрамове читайте на стр. 24, 42, 252.

Содержание

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1956 года

Главный редактор
Станислав КУНЯЕВ

Общественный совет:

Л. Г. БАРАНОВА-
ГОНЧЕНКО,
Ю. В. БОНДАРЕВ,
А. В. ВОРОНЦОВ,
Т. В. ДОРОНИНА,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. КАРА-МУРЗА,
В. Н. КРУПИН,
А. Н. КРУТОВ,
А. А. ЛИХАНОВ,
Ю. М. ЛОЩИЦ,
С. А. НЕБОЛЬСИН,
Д. Н. НИКОЛАЕВ,
Ю. М. ПАВЛОВ,
И. И. ПЕРЕВЕРЗИН,
З. ПРИЛЕПИН,
Е. С. САВЧЕНКО,
А. Ю. СЕГЕНЬ,
В. В. СОРОКИН,
А. Ю. УБОГИЙ,
В. Г. ФОКИН,
Р. М. ХАРИС,
М. А. ЧВАНОВ,
С. А. ШАРГУНОВ,
В. А. ШТЫРОВ

Проза

- Алексей ЛИТВИНОВ
Бокс. Два рассказа 10
- Николай КОНЯЕВ
Абрамовский дом 25
- Андрей ВОРОНЦОВ
Корабль в пустоте. Роман 56

Поэзия

- Виктор КИРЮШИН
Трава из-под снега 3
- Владимир КОРНИЛОВ
Таёжные стихи 8
- Валерий ФОКИН
Из жизни в жизнь 20
- Геннадий МОРОЗОВ
Памяти Фёдора Абрамова 42
- Иван ПЕРЕВЕРЗИН
Сгореть дотла назло судьбе...
С вступительной статьёй
Льва Аннинского 48
- Владимир СКИФ
До хрупкой дымной
белизны... 115
- Максим ЕРШОВ
Ты хотела любить меня,
Родина... 118

Очерк и публицистика

- Станислав КУНЯЕВ
“К предательству таинственная
страсть...” 121
- Елена ЛАРИНА,
Владимир ОВЧИНСКИЙ
Трамп с искусственным
интеллектом 134
- Израэль ШАМИР
“Император Севера” и битва
за Освенцим 156
- Александр БОБРОВ
Наше оскорбляемое общее... 161

Редакция

Приёмная —
(495) 621-48-71

А. И. Казинцев —
*первый заместитель
главного редактора* —
(495) 625-01-81

С. С. Куняев —
*заместитель главного
редактора,
зав. отделом критики* —
(495) 625-02-81
ns-kritika@yandex.ru

А. Ю. Сегень —
зав. отделом прозы —
(495) 625-30-47
ns-proza@yandex.ru

К. К. Сейдаметова —
зав. отделом поэзии —
(495) 625-02-81
ns-poetry@yandex.ru

Е. Н. Евдокимова —
зав. редакцией —
(495) 621-48-71

Я. В. Сафронова —
*редактор по связям
с общественностью* —
(495) 621-48-71

М. А. Чуприкова —
гл. бухгалтер —
(495) 625-89-95

Александр СЕВАСТЬЯНОВ
Черчилль и евреи 175

“...Всё для Победы”

Сергей СОЗИН
Прививка Сталинградом... 223

Память

Сергей КУНЯЕВ
Вадим Кожинов 232

Евгения СПАССКАЯ
“Я буду тебя ждать...” 243

Виктор БАРАКОВ
Как поссорились
Фёдор Александрович
с Виктором Васильевичем 252

Елена ПАПКОВА
“...Жизнь в будущем
оплачивается дорого” 258

Критика

Пётр ТКАЧЕНКО
На руинах великих идей... 269

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА
“Мир, где Русью пахнет...” 276

Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и регулярно публикует лучшие, наиболее интересные из них в обширных подборках. Рукописи принимаются как в распечатанном виде по Почте России, так и по электронной почте отделов. Каждая рукопись внимательно рассматривается. Связь с авторами происходит ТОЛЬКО при положительном решении. Вступать в переписку по поводу рукописей редакция не имеет возможности. Рукописи не рецензируются. Журнал не публикует поэмы, сценарии, либретто. Журнал оставляет за собой право опубликовать присланное произведение в журнальном варианте. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Адрес редакции: **Москва, 127051, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2** (пн.-чт. с 11 до 17 ч.)

Сайт в интернете: www.nash-sovremennik.ru, эл. почта: n-sovrem@yandex.ru

Журнал зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 20.06.03. ПИ № 77-15675. При изготовлении оригинал-макета журнала использованы шрифты ООО НПП "ПараТайп".

Оператор: Н. С. Полякова. Корректоры: С. А. Артамонова, Н. А. Павлова

Подписано в печать 10.02.2020. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная.

Офсетная печать. Усл. печ. л. 25,4. Уч.-изд. л. 22,9. Заказ № 0098-2020. Тираж 3800 экз.

Отпечатано в АО "Красная Звезда", 125284, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38.

Тел.: (495) 941-21-12, (495) 941-32-09 www.redstarprint.ru e-mail: kr_zvezda@mail.ru

ВИКТОР КИРЮШИН

ТРАВА ИЗ-ПОД СНЕГА

* * *

Пусто.
Ни крика, ни эха.
Торчит, как обида,
В поле трава из-под снега
Сиротского вида,

Превозмогая
Терпеньем жестокое время —
Былка сухая,
Давно потерявшая семя.

В звёздные верши
Минувшая канула небыль...
Что её держит
Под этим неласковым небом?

Травы и люди...
Мороз пробегает по коже:
Как мы по сути,

КИРЮШИН Виктор Фёдорович — поэт, переводчик, публицист. Родился в Брянске в 1953 году. Окончил факультет журналистики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Член Союза писателей и Союза журналистов России. Автор шести поэтических книг, многочисленных публикаций в антологиях, журналах и альманахах. Лауреат Всероссийских и международных литературных премий. Заслуженный работник культуры РФ. Живёт в Москве.

По судьбам нелепым
Похожи!

В этом же поле,
Где ветер гудит, не стихая,
Плачу от боли —
Такая же былка сухая.

ВЕСЕННЕЕ

Снова даль прозрачней акварели,
Дымкой чуть окутанная днём.
Тополя, как спички, отсырели,
Но зелёным вспыхнули огнём.

Небо щедро дождик сыплет наземь,
Хоть земля водой уже сыта...
И ворчит прохожий: “Сколько грязи!”
А другой: “Какая красота!”

* * *

Ты позвони,
Я брошу свой шесток.
Вокзал, перрон...
Какие наши годы!
Согреет душу солнечный глоток
Санкт-петербургской сумрачной погоды.

Приеду,
Виноватый без вины,
И вдруг пойму над невскими волнами:
Ещё не все мосты разведены,
Тем более не сожжены меж нами.

Невозмутимо холоден гранит,
А век летит,
Стремительный, как росчерк.
Мы будем жить!
Пускай повременит
На переправе хмурый перевозчик.

Рука в руке
И вечность про запас —
Две искорки в горячей звёздной пыли...
Когда-нибудь легко забудут нас,
И всё-таки мы были, были, были!

МОГИЛА ПОЭТА

Памяти Н. И. Тряпкина

Люди не ходят,
А травы к поэту пришли,
Следуя зову приятельства и простодушья.
Немудрено украшенье могильной земли —
Мята, кипрей, одуванчик да сумка пастушья.

Ты укрощал табуны полудиких словес
И приручал своевольную птицу гагару...
Что там теперь с не улыбчивых видно небес?
Тяжко ль молчания вынести вечную кару?

Крест потемневший доверчиво обнял вьюнок.
В гуще крапивы дождя мимолётного блёстки.
Славный поэту природа соткала венок —
Хвощ да осот,
Сон-трава да кукушкины слёзки.

Люди больны,
Времена безнадёжно глухи.
Я бы и сам не поверил в наивные сказки,
Если б не знал,
Как растут из забвенья стихи —
Чертополох, василёк и аютины глазки.

* * *

Льнёт паутина к седеющим мхам.
Свет убывает.
Время рождаться грибам и стихам.
Так и бывает.

Снова сгорают в багряном огне
Тихие рощи.
Время подумать о завтрашнем дне
Строже и проще.

Что там в логоу, на ветру трепеща,
Шепчет осина?
Время прощать,
Даже то, что прощать
Невыносимо.

ХОРОШО!

Тянет гуж провинция глухая,
Ни о чём столицы не моля.
Хорошо, что сыплет, не стихая,
Белый снег на чёрные поля.

Быть большой воде и урожаю,
Льду речному рваться на куски...
Хорошо, что больше не сажают
За случайный трёп и колоски.

Яблоня озябшая в окошко
Постучит, мечтая о тепле...
Хорошо, что в подполе картошка
И она же вечно на столе.

Хорошо, что золотятся дали
И весной аисты кружат
Над избой, где дедовы медали
За божницей строгою лежат.

Первые в застолье и артели,
Без отказа — только позови...
Хорошо, что не разбогатели
На чужой недоле и крови.

Подавать не брошена привычка
И врагу разбитому не мстить.
Хорошо, что церковь-невеличка
Всех принять готова и вместить.

Хорошо, что подрастают дети
С чистой и ясною душой.
Просто жить на этом белом свете
Необыкновенно хорошо!

* * *

Для горечи немало оснований:
Болезнь, обман, неотданный должок...
О, бесконечных разочарований
Жестокий и завистливый божок!

Уныния смертельная отравка
Отраднa и по-своему сладка,
Когда едва забрезжившая слава
Украдена, как булочка с лотка.

Есть женщина, которая из плена
Отчаянья
Несла со мною кладь...
Но где любовь, а где её подмена —
Уже и самому не разобрать.

Пусть замечает времени пороша
Казавшиеся главными дела.
Несбывшегося тягостная ноша,
В конце концов, не так и тяжела.

И я, как все, взлетал и разбивался,
И мне утраты остужали пыл.
Кто в жизни вдрызг не разочаровался,
Тот эту жизнь захлёб и не любил.

СТАРОЕ ДЕРЕВО

Красное зарево, логово зверево,
Ворона вся в чёрном на мёртвом суку...
Старое дерево, старое дерево,
Всё повидало на долгом веку.

Радость — негаданна, горе — непрошено.
В небе растаяли дни-журавли.
Как тебя гнули ветра заполосные!
Гнули, да только сломать не смогли.

Варится варево, мелется мелево —
Вечности неистощимая снедь.
Старое дерево, старое дерево
Снова надеется зазеленеть.

Свежей корой затянуло отметину
Молнии, плоть опалившей твою.
Слышишь, за речкой кукушка ответила
Юному, в неге любви соловью?

Кроне густой благодарны, как терему,
Птицы, птенцов сберегая в дупле.
Старому дереву, старому дереву,
Господи, дай устоять на земле!

ВЛАДИМИР КОРНИЛОВ

ТАЁЖНЫЕ СТИХИ

* * *

Я уеду в тайгу, где охотничьи наши угодыя
От ближайших селений два локтя на карте любой.
Потому не хочу показного веселья сегодня.
Потому из гостей мы так рано уходим с тобой...
Пусть таёжной звездой мне на компасе светится точка.
Да в напарники мне бы двоих, но надёжных ребят.
...А вернусь к очагу, где останутся сын мой и дочка, —
Вновь узорчатый день мне, как праздник, подарит тебя.

* * *

Ночь ли это?.. Сумрак ли сгустился?
Только стало жутко и темно.
Говорят, в колодце месяц утопился —
Пил над срубом и упал на дно.
Потому и люди приутихли.

КОРНИЛОВ Владимир Васильевич — русский поэт, член Союза писателей России, член Союза журналистов России. Окончил Литературный институт им. М. Горького. Автор 19-ти поэтических книг и 2-х книг прозы. Лауреат многих литературных фестивалей и премий, среди которых премия им. Владимира Даля, премия им. А. В. Кольцова, им. Н. А. Некрасова, премия “Левша-2018” им. Н. С. Лескова. Публиковался в различных российских и зарубежных литературных изданиях: в журналах “Наш современник”, “Москва”, “Юность”, “Вертикаль. XXI век”, “Всерусский соборъ”, “Великороссъ”, “Сибирь”, “Сибирские огни”, “Дальний Восток”, “Новый Ренессанс” (Германия), “Эмотикон” (Германия), “Наше поколение” (Молдова), “Простор” (Казахстан), “Метаморфозы” (Беларусь) и др. В Сибири живёт с 1972 года.

Не скрипит журавль пустым ведром.
Златокрылый месяц, не для них ли
Санный путь ты выстилал пером?..
Даже птахам нынче не поётся.
Льют дожди... И в траурном платке
Ночь-вдова склонилась у колодца
Над утопшим месяцем в тоске.

* * *

Откуда мог шатун проклятый
Набрести на нас в тайге дремучей?
И, снедь почуяв, сгрёб он лапой
Жильё, стоящее над кручей...
Как жутко чувствовать ознобье
В беде, подкравшейся незримо,
Где смерть вершится не по злобе,
А страстью голода звериной.
Так пробиваясь трое суток
В тайге сквозь дикое заснежье,
Тогда нам было не до шуток:
Везде стерёт нас рык медвежий...
Метель, гнусавя про поминки,
Рожила страх и безнадёгу.
...Мы во вселенной — две былинки —
Взывали мысленно лишь к Богу.

* * *

Памяти Александра Вампилова

Зацвел багульник по угорам,
Зарёй окрасив лепестки.
И, сбросив лёд,дохнул простором
Байкал на сонные пески.
...Байкал. От сопок полдень синий
Стекает медленно в тайгу...
А там, вдали, в изломе линий,
Я взором лодку стерегу.
Быть может, там моя удача,
На гребнях пенистых валов,
Где чайки, за кормой маяча,
Подстерегают свой улов.
Где в шторм — одно к спасенью средство:
За вёсла взявшись, на́смерть стой!
Чтоб берег зыбкий, словно детство,
Казался Родиной святой.

АЛЕКСЕЙ ЛИТВИНОВ

БОКС

ДВА РАССКАЗА

ПОЕДИНОК

“Внимание!” — радиоволной по группе пролетел сигнал. Разведчики, не прекращая движения, мгновенно растворились в зелёных зарослях местных кустов и кронах деревьев. Тропка, по которой только что двигались люди в камуфлированной форме, опустела, и только примятая берцами трава выдавала прошедших здесь путников.

Дозорная группа, оцетинившись веером автоматов, сидя осматривала зелёнку. Что не понравилось их старшему, сержанту Соватееву, оставалось загадкой. Но это их и не касалось. Они четверо вели основную группу разведчиков, ещё одна четвёрка под руководством прапорщика Каверина прикрывала тыл.

— Что там у вас? — тихо в микрофон запросил дозорных старший лейтенант, командир всей разведгруппы. — Сова, что там?

Рация молчала. Передовая группа мониторила лежащую впереди местность. Старлей знал об этом, и всё же не утерпел:

— Сова, как принял?

— Что-то не так, командир! — прозвучал смешанный с помехами далёкий голос сержанта Соватеева.

Передовой дозор — глаза и уши разведгруппы. Сейчас он, осматривая лесистый склон впереди, должен был определить, возможно ли двигаться дальше, или стоит поменять маршрут. Впрочем, это штатная ситуация, когда передовая подгруппа не доверяет безмятежности пейзажа и спокойному

ЛИТВИНОВ Алексей Михайлович родился в Оренбурге в 1974 году. Окончил Оренбургский государственный университет, по специальности юрист. Служит в правоохранительных органах. Данная публикация — дебют.

пению птиц. Здесь включается ещё один ресурс, который разведчик имеет помимо зрения, слуха и обоняния: это чувство номер шесть. Разведчики, не раз ходившие на задания, предугадывают опасность на подсознательном уровне. Внутреннее чутьё тоже не безошибочно, но недоверие к нему дорого обходится.

Сова знал своё дело, и старлей ему доверял.

— Ну, давай оттянемся и поменяем маршрут, если сомневаешься.

— Сейчас, ещё осмотрюсь, — донёсся голос Совы.

— Давай, Совушка, давай, милый, смотри, — шутливо произнёс старлей и, отпустив тангенту рации, обернулся к радисту с позывным “Диод”. С приоткрытым ртом Диод внимательно смотрел на командира, в его взгляде угадывалось волнение. Радист первый раз вышел в разведку, всё было ново для него, всё представлялось опасным. — Что смотришь?

Тот неуверенно пожал плечами и отвернулся.

— Не трать энергию на страх, рядовой Волнин, — похлопал командир Диода по плечу, — береги её на выполнение боевой задачи. А твоя боевая задача яка?

— Чтоб исправная была радиостанция, товарищ старший лейтенант, — выпалил Волнин ответ на риторический вопрос командира.

— А для этого должен быть ты исправен, Диодик, — командир, продолжая пятиминутку психологической поддержки, похлопал бойца по плечу. — А ты тухнешь от каждого шухера.

— Вайфай, Вайфай, я Сова, приём! — наушники завибрировали, передавая радиосигнал.

— Что у тебя, Сова? — отозвался старший лейтенант.

— Наблюду движение. Группа, человек пять насчитал, но, скорее всего, больше. Метрах в тридцати от нас.

— Куда направляются? Какое вооружение?

— Чем вооружены, не вижу. Идут... а, нет, крадутся... Ага, занимают позиции. Похоже, нам встречу готовят. По наши души ребята. Как понял?

— Тебя понял, Сова. Скрытно подтягивайся к нам, будем отходить, — распорядился старлей. — Кава. Как слышал?

— Все слышал, Вайфай, — отшумел в динамике прапорщик Каверин.

— Давай, переходи в режим головного дозора. Будем оттягиваться.

Старлей поднял вверх руку и подал условный сигнал. Группа, перестроившись, начала отходить по уже пройденному маршруту. Старлей понимал, что сейчас те, кто ищет встречи с ними или с кем-то другим, направляются в их сторону и рано или поздно обнаружат следы. Надо менять маршрут и увеличивать ход. Пока есть возможность избежать боестолкновения.

В этот момент тишину рассекли автоматные очереди, тут же перешедшие в общий рокот перестрелки.

— Вайфай, это Кава! Нарвались чуть ли не в упор!

— Потери?

— ... Потерь нет.

— Уже хорошо. Оттянитесь назад, к нам! — крикнул в микрофон старлей. И, больше не скрываясь, скомандовал группе:

— Занять круговую оборону!

В голове у старлея проявилась нерадужная картина происходящего: нас ждали впереди и поджали сзади, нас вычислили или кто-то сдал маршрут группы, хотя это маловероятно: кроме меня, маршрут никто не знал. Скорее всего, мы сами где-то засветились.

Стрельба то нарастала, то стихала. Разведчики группы Каверина ответным огнём прижали противника к земле и, прикрывая друг друга одиночными выстрелами и короткими очередями, начали отходить к основной группе. Патроны надо было беречь. Бородачи тоже не особо тратили боеприпасы, но поддерживали постоянный огонь, постепенно зажимая федералов в клещи.

Голос старлея теперь почти непрерывно звучал в наушниках бойцов, раздавая команды. Иногда старлей делал паузу, чтобы принять информацию. И вновь его голос долетал до подчинённых, которые ловили каждое слово командира, как будто это фишка пазла, представляющего спасительную картину

солдатской фортуны. Вот-вот пазл сложится, и они чудесным образом уйдут от преследователей.

Как это азартно и в то же время страшно — не оправдать надежды ребят, не защитит их, ошибиться в решении, принятом за долю секунды, на основе опыта, полученного за время службы на Кавказе.

— Сова, я Вайфай... Сова, я Вайфай... — вызывал старлей старшего головного дозора, его голос перемешивался с автоматной стрельбой, которую время от времени разбавляли гранатные взрывы, будто знаки препинания, расставляемые в тексте перестрелки.

— Да здесь я, — из-за спины старлея отозвался Сова, с деловым видом забывая в магазин патроны.

— О, ты уже отступаешь?! — попытался перекричать стрельбу старлей.

— По-моему, мы все немножечко отступаем, — отшутился Сова, засовывая полный магазин в карман разгрузочного жилета. Он открыл рот, чтобы ещё что-то добавить, но взметнувшаяся вверх от автоматной очереди земля ударила ему в лицо. Сова по инерции сжался, втянул голову в плечи, сморщился и начал отплевываться, одновременно вытирая лицо рукавом.

— Что? Не нравится, когда перебивают? — поддел его старлей.

Сова пробормотал что-то нечленораздельное, и старлей продолжал уже серьезно:

— Давай, хватит гостей намывать. Хватай своих и — вниз по склону, ищи проход. Мы за тобой сейчас будем оттягиваться. Понял?

— Понял, понял. — Сова резво по-пластунски исчез в кустах.

Разведгруппа начала уходить вниз по склону холма, извиваясь змейкой в узком пространстве горно-лесистого ландшафта, ища лазейку, которая ещё не была заблокирована противником. Бойцы где перебежали, а где ящерицей переползали от укрытия к укрытию, огрызаясь автоматным огнём из высокой травы.

Впрочем, исход этой схватки был уже предрешён.

Из сложной ситуации люди обычно выходят по мере своих возможностей и навыков: кто-то до последнего взбивает масло, а кто-то предпочитает отпустить всё по формуле “будь что будет”. И в том, и в другом случае всегда на что-то надеясь.

Склон, по которому отходили разведчики, оканчивался обрывом. Сова со своими ребятами, как бешеный, метался вдоль пропасти, пытаясь найти хоть какой-то мало-мальски возможный спуск. Основная группа организованно отходила к краю склона — ещё минут двадцать, и они будут прижаты к горизонту. Появились первые раненые.

Неожиданно стрельба со стороны борцов за свободу Ичкерии прекратилась.

— Вот это сюрприз, — повернулся старлей к подползающему Каве. — Что, Паша, думаешь, недоброе что-то задумали наши оппоненты?

— Да, командир, недоброе они уже сделали — загнали нас в сортир. А теперь уж и не знаю. Предлагаю выбираться отсюда.

— Сейчас там Сова на краю что-то соображает.

Их разговор прервали.

— Эй, командир! Давай поговорим! — вдруг раздался крик со стороны противника. Старлей в недоумении переглянулся с Кавериным. — Эй, пострелять всегда успеем! Поговорим давай! — продолжали выкрикивать с той стороны. — Выходи на середину поляны, поговорим.

— А ты кто? — старлей решил потянуть время. — С кем я говорить буду?

— Со мной будешь говорить. Со мной, Хасаном, командиром этих славных воинов, которые загнали тебя в угол, как зверя, залезшего в чужой сарай.

— Подумать надо, — отозвался старлей.

Хасан по прозвищу Егерь был известен тем, что умело охотился на разведгруппы, а за взятых в плен солдат предпочитал брать выкуп.

— Подумай, подумай, командир. Пять минут тебе хватит?

— Хватит, — старлей вопросительно повернулся к прапорщику.

Тот смотрел на него с напряжением, плотно сжав засохшие потрескавшиеся губы; лоб, покрытый мелкой рябью пота, морщился, смешивая солёную влагу в складках кожи с осевшей там пылью; грязевые капельки сползали по лицу.

— Не ходи, командир. Знаешь же, чем это всё может кончиться, — попытался переубедить старшего лейтенанта Каверин. — Хотят тебя кончить, а ребят в панику ударить, чтобы легче нас размазать. А так....

— Ша, Паха, — перебил Каверина старлей, — я вижу, у тебя и без чехов паника на носу пляшет. — Он достал из планшета карту. Кава молча смотрел на командира. Старлей оглядел пацанов, их позиции и повернулся к раскрытой карте. — Слушай сюда, Паха, — старлей легонько хлопнул Каверина по плечу, чтобы привлечь внимание и чтобы сгладить предыдущие обидные слова. Кава знал повадки старлея и особо не обижался. Они оба понимали, что происходит.

— Вот видишь, вот, ленточка?

— Ага. — Каверин смотрел, как нож Вайфая, из воронёного металла, с широким лезвием, кончиком скользит по карте вдоль изгибов синей ниточки-речки.

— Эта река — ориентир, по ней уйдёте. Выйдете в эту точку, — ножик старлея перемещался по карте, указывая географические ориентиры, — там свяжешься с нашими... В общем, сам всё знаешь.

— Как нам выйти на ленточку? Нас зажали.

— За камнем на обрыве, — командир указал на одинокую глыбу позади них, — Сова организовал спуск, навязал верёвки, так что уйдёте. Как только поймёшь, что мне трындец, открываете огонь и шустро за камень, по верёвкам вниз, с собой только боекомплект, всё остальное бросаете, ясно? — командир в упор посмотрел на прапорщика. — Что молчишь, мне нужен мужской ответ.

— Да понял я, Иван Саньч, — голос Паши прозвучал твёрдо, только щека дёрнулась и глаза сузились.

— На, возьми, — старлей протянул помощнику карту. — И давай уже частично эвакуируй группу, пока я разговариваю. Оставь здесь только прикрытие. И тихо, без шума.

Командир ещё раз бегло оглядел позиции своих бойцов. Разведчики готовились подороже отдать свои жизни. Старлей не заметил в них ни страха, ни неуверенности. Некоторые из ребят поглядывали в сторону командира с прапорщиком, выдавая общее желание узнать: что сделает командир? Что он ответит? Как он поступит?

— Ну что, командир, подумал? — Голос чеченца звучал весело и надменно.

Паха, положив ладонь на предплечье Саньча, сжал пальцы. Старлей накрыл его руку своей и слегка кивнул. Поджав губы, резко отстранил Пашину руку. Старлей и Паха одновременно отвели взгляды друг от друга, и оба как бы невзначай остановили их на листке дикого кустарника, по которому медленно, неуверенно скатывалась, набирая силу, прозрачная капелька — маленькая частичка утренней росы. Капелька на мгновение задержалась на стрелке листа, не сразу решившись спрыгнуть на землю. И, попрощавшись с недавним пристанищем, сорвалась вниз, как чистая слеза, падающая с женского лица.

— Подумал.

— И что подумал?

— Да давай погугарим.

— Погугарим? Ха, давно такого слова не слышал. Ну, выходи на середину поляны. Оружие можешь не брать, оно всё равно не поможет. Давай, выходи.

— Выхожу! — выкрикнул старлей, скидывая с себя разгрузочную систему. Положил перед Кавой свой автомат, пистолет и ножик:

— Забери себе!

— Сам заберёшь, когда вернёшься, — нагло ослабил Каверин.

Саньч аж вскинул на него глаза — от такой несубординации:

— Ты что, дядя, забыл, кого бояться?

Паша улыбнулся. Они были благодарны друг другу за эти полушутки, за иронию, поддерживавшую их в трудную минуту. Бойцы, увидав, как скалятся командиры, тоже оживились, заёрзали на своих позициях от радостных ощущений, что всё идёт хорошо.

— На, возьми, на всякий случай. — Прапорщик протянул командиру гранату. Старлей молча взял её и засунул в карман.

Маленькая группа разведки, находящаяся где-то в горно-лесистой местности Чечни, зажата в клещах боевиков, без права на помощь, ...и с надеждой на то, что их останки когда-нибудь найдут и предадут родной земле... Хуже расклада не придумаешь.

На поляне его ждал полевой чеченский командир. В новом американском камуфлированном костюме. На голове — кепка такой же расцветки. Руки скрещены на груди, ноги широко расставлены. Он стоял, покачиваясь взад-вперёд, пристально разглядывая выходящего к нему старлея. Что-то было в чеченце знакомое, смутно припоминалось.

— О чём хотел поговорить?

Чеченец молчал, смотрел. Пауза затянулась.

— Ваня?! — неожиданно нарушил молчание боевик. — Ваня — это ты?

— Да, меня так зовут.

— Вань, ты забыл меня? Я — Хасан. Ну... Хасан. Вспоминай. — Чеченец встал в боксёрскую стойку. Прикрываясь руками, начал изображать уклоны.

Старлей вспомнил его: крепкий мальш, невысокого роста, слегка косолапая походка, непропорционально длинные руки, волевой подбородок, тёмно-карие, слегка прищуренные глаза, источающие неприличную уверенность, нос с горбинкой, плотно сжатые тонкие губы и рыжая шевелюра. А теперь и борода. Говорят, рыжий цвет волос — признак чистокровного чеченца. Всё тот же Хасан, почти не изменился, только налёт жёсткости появился на лице.

Они встречались два раза, на соревнованиях по боксу, там и завязалось их знакомство. Встречи эти вышли нелепыми. В первый раз, на юношеских состязаниях, у них получилась ничья по очкам. Второй раз, отстаивая честь своих военных училищ на армейских соревнованиях, оба вышли в финал. Но Хасан в западе боя случайно задел рефери, и его дисквалифицировали. Победу присудили Ивану.

— Ваня, здравствуй, дорогой! Не ожидал, не ожидал! Какими судьбами? — радостно развёл руки в стороны Хасан.

— Такими же, какими и ты! — скрывая удивление, немного вызывающе ответил Иван.

— Ай, какая радость!

— Для кого? Для тебя?

— А, ты про это? — Хасан указал на своих боевиков и разведчиков. — Это война, Ваня. Неужели ты думал, заходя в мой лес, что будешь по нему спокойно гулять, возьмёшь в плен всю бригаду Хасана и получишь медаль?

— О чём ты хотел поговорить?

— Изменился ты, Ваня. Злым стал. А ты знаешь, это даже хорошо, что я встретил тебя. Нам будет проще договориться.

Старлей напрягся. Сейчас может последовать условие, которое ему придётся принять или отказаться от него. Пойти на сделку с совестью и офицерской честью, если предложение окажется хоть сколько-то приемлемым. Или надеяться на чудо — что Паха успеет увести ребят, оторваться от преследования, выйти к своим. А если не уйдут? Да не, должны, всё будет у них хорошо. О том, что станет с ним самим, он пытался не думать, его внутреннее напряжение перевело чувство самосохранения в режим “уже всё равно”. В кармане, тяжестью своего присутствия — как говорится, “чем могу” — морально поддерживала граната. Спасительница его чести, сигнал для ребят, отвлекающий, хоть и ненадолго, адский мячик в металлической оболочке, его подруга мести, последняя точка в его судьбе, последний свидетель его конца. Человек и граната объединятся в одно целое и разлетятся на части, одновременно покидая этот мир и на лету разя врагов. Это будет их общий

реванш. Его душа и внутренняя энергия этого шарика, высвобождаемая сгорающим тротилом, одновременно взлетят вверх. Только плазма его железной подруги всё-таки отстанет где-то там, внизу, а он будет лететь дальше, выше небес, и потом по ситуации — куда направят...

— Ты меня слышишь? — прервал размышления старлея Хасан. — Или заснул?

Хасан рассмеялся.

— Нет, слушаю!

— Так я повторяю: я предлагаю тебе решить наш давний спор.

Полевой командир смотрел на старлея с вопросительной ухмылкой.

— Спор — это не совсем подходящее слово, — бросил Иван.

— Мы с тобой встречались на ринге два раза, и каждый раз, по разным причинам, у нас дело не доходило до конца. Закроем вопрос? — Хасан взглянул на Ивана уже серьёзно, без улыбки. — На кону твоя команда. Естественно, если ты победишь, я даю вам коридор и не буду преследовать.

— А если я проиграю бой?

— Вы сложите оружие, и я гарантирую вам жизнь.

— В зиндане?

— Ваня, по-моему, всё честно. Я не хочу крови, но если ты мне не оставишь выбора, я сделаю то, что умею лучше всего.

— Мне надо подумать.

— Ты много сегодня думаешь, Вань. Думать надо было, когда завёл своих пацанов в западню, а сейчас надо пользоваться шансом, который тебе дают.

— Почему тебе просто не уничтожить нашу группу? — старлей тянул время и обдумывал неожиданное предложение.

— Ты знаешь мои методы и что говорят про меня. Меня не интересуют головы федералов.

— Я согласен, — неожиданно сказал старлей. — Надо только скинуть кое-что с себя.

— Конечно, скинь, и не забудь вытащить гранату из кармана, а то мешаться будет. — Хасан улыбнулся.

Ивану сделалось не по себе: всё это время Хасан знал о гранате, он её визуально вычислил, скорее всего, сразу же. Чеченец читал его, как книгу.

— Будем спарринговаться на этой же поляне, — решил Хасан.

— Кто рефери?

— Рефери не будет, будет Мага, — командир боевиков указал на своего помощника, который наблюдал за ними из ближайших кустов. — Боксируем до нокаута, либо... Ну, в общем, тот и проиграл.

— А твои не сорвутся после твоего аута?

— Ваня, — Хасан рассмеялся, — не сорвутся, я их предупрежу, это честный бой. Своих предупреди об условиях, а то с перепугу начнут палить.

— За моих не беспокойся, — Иван направился к позициям своих ребят.

Хасан развернулся и пошёл к своим. Поговорил, вернулся. Бойцы заняли позиции, стали в стойки. Мага взглянул на обоих боксёров и махнул рукой:

— Бокс!

Обменялись первыми одиночными ударами. Оба, легко подтанцовывая на ногах, подсакивали друг к другу, били, уклонялись, пригибались, отсакивали в сторону.

Понемногу противники разогрелись. Удары пошли сериями — по два, по три. Поддавшись запалу боя, закружились в боксёрском степе. Голые кулаки попадали по рёбрам, по голове. Заблокировав удар противника, каждый тут же сам переходил в атаку: поднырнув, наносил апперкот с добавкой боковых ударов.

Завораживающее зрелище. Со всех сторон из кустов на боксёров смотрели зрители, поддавшись спортивному азарту, на время забыв о войне. Каждый переживал за своего командира. Соперники не уступали друг другу в мастерстве. Никто из них ещё не добился в бою перевеса. Оба уже начали уставать. Их лица и кулаки были испачканы кровью.

Иван, отскочив, спиной упёрся в неожиданную преграду — ствол дерева. Вслед ему уже летел крепкий кулак. Нырок, и мясистый молот отщепил кусок коры с того места, где только что была голова старлея. Вторая рука метнулась исправить ошибку первой, но тело атакующего сотрясла серия сильных ударов в корпус. Уйдя от удара нырком под руку, прижатый к дереву противник обнаружил открытое место в защите нападающего и вложил все силы в удары по рёбрам.

Всхлинув, раздетый по пояс боксёр подсел на колено и тут же упал. Его соперник, тяжело дыша, взглянул на побеждённого, затем на подходящего к ним Магу и медленно опустил руки.

Хасан лежал на земле, упёршись головой и левым плечом в листву, с подтянутыми к телу ногами, руки прижаты ладонями к правому боку. Он дышал прерывисто и хрипло, глаза полузакрыты.

Вот он начал потихоньку расправляться, присел на одно колено, всё так же продолжая держаться за повреждённые ребра. Посмотрел снизу вверх на Ивана. Тот стоял, упершись руками в колени, слегка покачиваясь.

— Ну, что... Твоя взяла, — прохрипел Хасан. — Помоги встать, — обратился он к телохранителю. Мага покорно наклонился, подхватил своего командира аккуратно за локти и приподнял, одновременно что-то прошептал ему на ухо. Хасан слегка кивнул ему.

— Ну что, наша сделка в силе? — без эмоций в голосе спросил старлей. — Или ты хозяин своего слова по принципу: слово дал — слово забрал?

— Уговор есть уговор. Победа твоя. Забирай свою банду и уходи. — Хасан сморщился от боли, неосторожно шевельнувшись, и добавил:

— Тем более, твой уже наполовину спустился по склону.

— Так заметно? — Иван вздрогнул.

— Ваня, я тебя обложил. Внизу у меня секреты, твои салаги давно в прицелах моих снайперов.

— Ты же сказал уходить. — По спине старлея пробежал холодок, какая-то безнадежность обхватила его тело и потянула вниз.

Формально он их отпустил, но кто виноват, что мы так медленно и заметно перемещаемся... Сейчас он даст отмашку, и все, кто уже внизу... Злость мгновенно заволочла мозг. Сколько же её может быть у человека? Кажется, что сегодня он уже её всю выработал. Но нет, вот ещё одну порцию выделяет организм, как яд у змеи.

— Расслабься, — успокаивающе произнёс Хасан. — И ты расслабься, Мага, — приказал он своему телохранителю, который, заметив, как лицо Ивана перекосилось от злости, приподнял автомат стволом в сторону старлея. — Иди, а то Мага начинает уже нервничать. — Хасан похлопал своего помощника по плечу. — У тебя, Ваня, три часа. Потом я пускаю по твоему следу ищущих славы командиров. С ними ты уже не договоришься. Если только сам не отдашь им все свои уши, сразу на верёвочке. И то этого будет, наверное, мало для них.

Хасан ощерился. С позиций боевиков послышались смешки. Мага, бдительно наблюдая за обстановкой, оставался непроницаем. Иван слегка кивнул Хасану, сделал пару шагов спиной к своим позициям, потом медленно развернулся и направился к кустам. Где-то там его ждёт группа бойцов, которая должна прикрывать основную группу, спускающуюся вниз.

— Эй, Вань.

Старлей резко остановился. Повернулся вполборота к боевику, выжидательно посмотрел на него.

— Хороший был спарринг, Вань.

— Хм, — офицер ухмыльнулся. — Прощай, Хасан.

— Не зарекайся, Ваня.

Старлей исчез в кустах. Хасан в сопровождении помощника удалился к своим. Поляна опустела, и только глубокие следы армейских ботинок, отпечатавшихся на сырой земле, да вмятая в неё листва, оставались свидетелями поединка.

Пару месяцев спустя старший лейтенант Иван Александрович Стрепков заехал в бригады, чтобы получить отпускные документы. Впереди его ждали

полтора месяца домашнего уюта у родителей в деревне. Выскочив на крыльях из здания штаба, Иван направился к машине, ожидавшей его возле контрольно-пропускного пункта. Старлей похлопал по нагрудному карману, на всякий случай проверяя, на месте ли документы.

Тут он заметил, что ему наперерез направляется комбриг с какой-то делегацией. Что за чёрт? “Табурет...” Как мне везёт! Спокойно не уедешь в отпуск. Откуда он здесь взялся? Этот упырь просто так никого не отпустит, вечно что-нибудь придумает. А уж я-то, без дела шляющийся по бригаде офицер, — это просто подарок для него. Как минимум, план работы “отсюда и до обеда”, с обязательным рапортом об исполнении, я уже заработал. Отъезд в родные края под угрозой. Но делать нечего, пойдём на прорыв, он меня и так уже заметил, глупо будет сейчас вилить, как заяц по ровным дорожкам с перпендикулярными развязками. Это доставит ему ещё большее удовольствие, а мне — сомнительную славу, с подачи этого душегуба, и надо мной будет ржать “самый последний фурштатский солдат”, как говаривал Лев Толстой.

Но что-то показалось необычным в компании, возглавляемой Табуретом. Компания приближалась. Иван пробежал глазами по всем лицам, и вдруг его как молния пронзила. Он просто ошалел. Рука его машинально взлетела вверх, отдавая воинское приветствие полковнику. Но взор старлея был обращён не к начальству, а к сопровождающим его людям в камуфлированной форме.

— Товарищ старший лейтенант, из какой роты? Почему не на занятиях? — накинулся тут же Табурет на Стрепкова. Но тот его даже не услышал, он смотрел на одного из спутников полковника.

— Вы что, оглохли, старлей?! — рявкнул полковник.

— О, Ваня, здравствуй, дорогой, здравствуй, — с неподдельной радостью протянул Ивану руку Хасан. — Полковник, я вам рассказывал про этого геройского офицера. Помните?

Теперь пришло время Табурета прийти в недоумение. Он закивал головой, приговаривая:

— Да, да, конечно.

Иван, не торопясь, пожал руку Хасану. А тот так и сиял от счастья:

— Вот видишь, Вань, говорил же, что встретимся, — и, повернувшись к комбригу, бросил: — Идите, я вас сейчас догоню, дорогу я знаю. И ты, Мага, иди. Мне здесь ничто не угрожает.

Иван только сейчас увидел Магу. Тот молча развернулся и пошёл вслед за делегацией к штабу.

— Да уж, умеешь ты удивлять, — нейтральным тоном произнёс Иван.

— Вижу немой вопрос, — не скрывая гордости, отозвался Хасан.

— Да, хотелось бы знать, каким ветром тебя занесло на этот уровень.

— Я перешёл на вашу сторону. Долго же пришлось вести переговоры с федералами. Объяснять, что я пересмотрел свои взгляды на жизнь и понял: мне с бандитами не по пути. Под конец переговоров оставалось сделать этакий финт, подтвердить мои добрые намерения. И твоя разведгруппа мне в этом помогла. Я показал, что не убиваю федералов, а помогаю им.

Иван поморщился. Неприятно осознавать, что тебя использовали в своих интересах, когда ты думал, что все серьёзно и по-настоящему. От злости он сжал кулаки и двинулся на полевого чеченского командира. Тот ловко отскочил в сторону:

— Оу, оу, стой, утомонись, мы не на ринге.

— Ты всё запланировал, ты решил проиграть мне...

— ...И в то же время показать своим воинам, что бой настоящий, — договорил за Ивана Хасан. — Не забывай, я контролировал этот бой, чтобы сохранить вам жизни.

В сердцах Иван развернулся и пошёл прочь. Настроение накануне поездки домой было испорчено. Одно успокаивало: чтобы реализовать свои замыслы, Хасан сохранил разведгруппу старлея.

— Эй, командир! — Хасан окликнул ещё не успевшего далеко уйти Ивана.

Старлей остановился, обернулся в его сторону.
— С тебя спарринг, Ваня! Мы не закончили наш спор!
— Тогда начинай тренироваться! — бросил Иван.

ДЕРЖИ ДИСТАНЦИЮ!

Ноги легко несли Бориса домой. Казалось бы, после такой тренировки будет тяжело, однако силы оставались.

Сегодня его тренер Сергей Александрович после хорошей разминки разбил ребят на группы и, пока они наматывали на руки бинты и надевали перчатки, объяснил план занятия. Каждый должен сменить трёх спарринг-партнёров и с каждым бороться по минуте, а потом — минута отдыха. И так пять кругов вольного боя. Не в полную силу, а процентов на семьдесят. Каждая схватка начиналась у Бориса одинаково: он мощным напором атаковал напарника, поддавливал его с флангов, отрезал пути отхода, зажимал его в углу ринга и там уже методично расстреливал дальними прямыми ударами, а порой переходил и на ближнюю дистанцию.

Тренер внимательно наблюдал за своими учениками и делал замечания: то криком, тем самым придавая ускорение и стремление в атаке, то мягко, по-отечески подсказывая, а то просто хвалил — для закрепления хорошо проведённого приёма.

— Боря! Тише, тише! Не надо его убивать! Дай Славе сообразить, как лучше защищаться. Дай ему тоже поработать, — напутствовал тренер.

Это одёргивало Бориса, хотя ненадолго. И он опять увлекался атакой. Нельзя сказать, что Борис упивался своей ловкостью и преимуществом над партнёром, — просто всё шло как-то по накатанной: перед ним “муляж соперника”, и он просто отрабатывает на нём серии ударов, уходит и снова нападает.

С последним спарринг-партнёром — невысокого роста парнем — пришлось держаться на расстоянии вытянутой руки. Тот не мог достать Бориса, но, расслабившись, частенько сближался с ним. И каждый раз, когда Борис атаковал его на ближней дистанции, противник умудрялся нанести ему серию ответных ударов, что ещё больше распаляло. Тренер уже несколько раз подходил к Борису с замечаниями:

— Боря, держи дистанцию! Боря, где дистанция?! Боря, ты видишь — он тебе втыкает? Держи дистанцию, я тебе говорю!

В свои двадцать два года, по мнению тренера, Борис подавал надежды в боксе.

— Боря, етишкин свет, я кому говорю про дистанцию?! Ты меня слышишь? Ау! Боря, сынок... ди-стан-ци-я!

Теперь он шёл по улице, вспоминая сегодняшнюю тренировку и находя наслаждение в спокойном размеренном шаге, в том, что на плече висит спортивная сумка с мокрой формой и перчатками. Погружённый в свои мысли, он подошёл к арке, за которой родной дом и двор. Борис спокойно завернул в арку, и его взору открылась следующая картина: трое парней — двое “дохленьких”, ничем не выдающихся, а третий повыше и покрепче — отбирали сумочку у девушки. Та сопротивлялась, то и дело посылала в их адрес маюки, за что тут же получала пощёчины от самого крупного из парней, кричавшего:

— За метлой следы, овца!

— Деньги где? Что молчишь, конченная? — подключился к разговору один из “дохлых”. Второй в это время пытался вырвать из рук симпатичной девушки сумочку.

Сначала он вырубил крепыша, “дохлые” сами разбегутся, а потом проводит девушку домой. Подойдя совсем близко, Борис обратился к компанье:

— Эй, братва, может, оставим девушку в покое? А? — Борис сбросил сумку с плеча на дорогу и изобразил снисходительную улыбку.

Парни обернулись на голос. Крепыш ответил:

— Пошёл на хрен, ушлёпок!

Девушка с любопытством наблюдала за происходящим, вовсе не собираясь убежать.

— Те чо надо, шляпа? — сказал крепыш и протянул в сторону Бориса руку, чтобы схватить его за шею. А дальше всё произошло мгновенно. Борис ловко поднырнул под протянутую руку и, выскочив с другой стороны, правым боковым в челюсть отправил крепыша в нокаут. Пока тот падал, Борис успел нанести ему ещё пару ударов вдогонку. Одновременно боковым зрением оценил расстояние до двух других и развернулся к ближайшему. В голове мелькнуло: “Почему они ещё здесь?”

Резким движением Борис сократил расстояние к следующей жертве, и... В мозгу будто что-то вспыхнуло, в глазах потемнело, в паху взорвалась парализующая все мышцы боль. Его согнуло пополам, и сильный толчок опрокинул на асфальт. Мужские кроссовки зачастили по животу, груди, ногам и спине Бориса, а женские туфельки норовили своими носками попасть по лицу. Было даже не столько больно, сколько неприятно, неудобно. Боль от паха расплзлась к животу и спине и вернулась назад — к месту, откуда она начала своё путешествие по телу.

Борис сжался в комок, закрыв руками лицо, и по возможности прикрывал локтями бока и живот. Двое недооценённых боксёром жилистых парней охаживали его по кругу, приговаривая:

— Вот тварина, сейчас раскатаем тебя! Получай, козёл, теперь по полной за Коляна! Что, Конченая, как он?

Девушка, немного попинав с остервенением Борю и посылая ему в лицо свои “приветы”, подошла к здоровяку, который уже начал приходить в себя.

— Колян, ты как? Миленький, тебе больно? Я ему нахлестала по хайлу! А Пача ему в яйца так зарядил, что вон, до сих пор валяется, — сказала запыхавшаяся девушка.

— Да ничо... нормально... помоги привстать, — Колян сидел на асфальте придерживая одной рукой голову. — Дай-ка я его тоже рихтану.

Он подошёл к лежавшему, пару раз пнул его ногой с мстительным наслаждением и обратился к стоявшим рядом друзьям:

— Ладно, пошли — надо деньги на вечер найти.

— Я у этого проверил: у него карманы пустые, а в сумке — вонючее шмотье да перчатки боксёрские. Денег нет, — отчитался один из “дохлых”.

— Боксёр, что ли? Ха, ушатали боксёра!

Вся компания рассмеялась.

— Да есть деньги! Вон, у меня в сумке под подкладкой! — обрадовала компаньку девушка.

— А чо концерт здесь устроила? — спросил Колян. — Общаконское бабло решила стырить?

— Нечего было наезжать на меня! — оправдывалась Конченая. — Потом всё равно бы отдала.

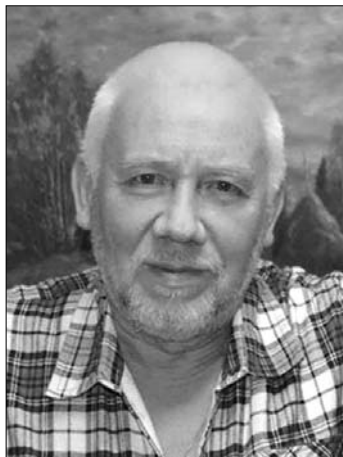
Компания развернулась и медленно начала удаляться. Девушка поддерживала Коляна, а двое других пересказывали взахлёб, как они отмузулили боксёра.

Боря потихоньку поднялся. Боль в ахиллесовой пяте, из-за которой была проиграна битва, уже проходила, зато начинало болеть остальное тело; дамская туфля всё же один раз влетела в лицо, и под глазом начал наливать синяк. Компанька ушла уже довольно далеко, их голоса были едва слышны. Боря запахал в сумку разбросанные вещи, застегнул её и набросил на плечо. Он был подавлен и смущён.

“Что пошло не так? Где же я ошибся?” — мучительно размышлял он.

И медленной походкой, прихрамывая, пошёл домой, а в голове отчётливо прозвучал голос тренера: “Боря, держи дистанцию!”

ВАЛЕРИЙ ФОКИН

ИЗ ЖИЗНИ В ЖИЗНЬ

МОЛЯСЬ, ТВЕРЖУ СВОЁ

Через пургу и непогоде
идём навстречу торжеству
сквозь пасмурное Новогодье
к сияющему Рождеству.
Христос-Младенец тянет руки
к звезде,

вдруг вспыхнувшей во мгле,
не зная, чрез какие муки
пройти придётся на земле.
Он всё пройдёт — Спаситель мира,
чтоб наши искупить грехи.
Ни Церкви нет ещё,

ни клира,
лишь Вести внемлют пастухи.
Я, может, лишнее дозволя,
молюсь

и вновь твержу своё:
хотя на всё Господня воля,
мы — исполнители её.

ФОКИН Валерий Геннадьевич родился в 1949 году в вятском селе Пищалье. Закончил семинар Ю. П. Кузнецова на ВЛК. Автор двенадцати поэтических сборников, книги прозы “Всего-навсего” и документального издания “Вятская гармоника”. Член Союза писателей России. Лауреат Всероссийской литературной премии имени Николая Заболоцкого. В 2014 году после речной аварии стал инвалидом. Живёт в г. Кирове (Вятке), а с апреля по октябрь — в лесном посёлке Разбойный Бор.

Отшумели бурно страсти.
Мне уже не двадцать пять.
Только так не смог я власти
научиться доверять.
Гляну в небо
и немею:
вся страна — ракетный щит! —
ну, а жизнь моя над нею
лёгким пёрышком летит...

СВЕТ ПОБЕДЫ

Извращают праздник наш лукаво:
предстоит немало сделать нам,
чтоб и мы поднять имели право
боевые честные сто грамм.
Мы всё больше понимаем это
даже в дни печалей и обид:
от Победы нашей столько света,
что всех наших недругов слепит.
И сегодня в бурном мире нервном
под прицелом, словно под огнём,
как из окруженья в сорок первом,
из беды выходим мы с трудом.
Нас ведёт Победы нашей дата.
Надо, чтобы свет её не гас
и всем тем, кто брал Берлин когда-то,
ныне стыдно не было б за нас.

ЧТО НАДО РУССКОМУ ПОЭТУ

Ах, если бы возможно было это!
Я в общежитской комнате пустой
подвинул бы озябшему поэту
стакан вина и булку с колбасой.
Затем бы долго, пристально и молча
смотрел, как жадно он к еде приник,
как, словно на загривке шерсть — по-волчьи,
топорщится пиджачный воротник.
Кто виноват?
Кого призвать к ответу?
Где верный путь?
В чём сущий смысл всего?
Как мало надо русскому поэту,
зато так много спросится с него.
Пусть он поест и посидит спокойно,
пусть пот на лбу проступит, как роса,
чтоб смерти, революции и войны
оставили его на полчаса.
Что видит он, какие ловит звуки,
что вспомнил и задумался о ком?
Он тихо греет над стаканом руки,
как будто это кружка с кипятком.
Он из толпы вокзального народа —
на сапогах слой глины и песка.
А за окном — холодная погода,
а за стеной — холодная Москва.

А во дворе — то ямы, то траншеи:
не то ремонт, не то весь дом под снос...
Он шарфик замотает вокруг шеи,
как будто его гонят на мороз.
Как будто его гонят по этапу
сквозь дождь и снег, и через всю страну
под песенку про маму и про папу,
в детдоме сочинённую в войну.
Кто и зачем так гнал его по свету
сквозь эти обездоленные дни?..
Как мало надо русскому поэту:
“Россия,
Русь!
Храни себя,
храни!..”

ПРОВОД ПОД ТОКОМ

*Коллеге-журналисту молодёжной
газеты времён распада страны*

В дни,
когда хоронили вождей,
приходилось работать ночами.
Ты сейчас понемногу налей,
чтобы вспомнить,
что прожито нами,
чтоб своих помянуть,
кто ушёл —
эта память,
как провод под током:
“молодёжки” затоптанный пол,
сквозняки из распахнутых окон.
Как легко нам писалось тогда,
как леталось в бушующей шири!
Даже если случалась беда,
мы грехи замолить не спешили.
Так пойдём собирать звонарей
в недостроенный храм с колокольней.
В дни,
когда хоронили вождей,
было как-то на сердце спокойней.
А сейчас оно то ли болит,
то ли слишком растерянно бьётся...
Вот рука.
Вот стакан.
Он налит...
Только что ж нам, как прежде, не пьётся?!

ВСЕГДА

Темнеет к нóчи, а к утру светает.
То выпал снег, то снова дождик льёт.
Как жаль, что эта красота растает...
Как радостно, что новая придёт...
Вот так всегда — то холодно, то сырость...
Так не ворчи, а тихо помолись,
чтоб это никогда не прекратилось:
из года в год, вовек, из жизни в жизнь.

Страдания — проклятие нашего поколения, но страдания и благо. Мне дороги мои страдания. Молодому поколению не хватает страданий. Страдание делает человека человеком.

Фёдор Абрамов
19 мая 1977 года

29 февраля 2020 года исполняется 100 лет со дня рождения одного из главных представителей так называемой “деревенской прозы” Фёдора Александровича Абрамова. В связи с этим юбилеем публикуем главу из “Жития Фёдора Абрамова”, написанного нашим постоянным, увы, уже покойным, автором Николаем Михайловичем Коняевым.

Последнее десятилетие жизни Фёдора Абрамова пришлось на годы, которые принято называть эпохой застоя, хотя определение это служит скорее для оправдания перестроечной катастрофы, нежели для описания тех сложных процессов, которые происходили в советском обществе во второй половине семидесятых и начале восьмидесятых годов.

Конечно, публичная демонстрация Леонида Ильича Брежнева, с каждым годом всё глубже впадающего в маразм, окончательное омертвление марксистско-ленинской идеологии, крупные внешнеполитические просчёты и системные ошибки государственного планирования создавали серьёзные проблемы, но вместе с тем нельзя не отметить, что и за “точкой невозврата”, которую тогда, видимо, уже прошёл Советский Союз, происходили положительные изменения, делались реальные шаги, чтобы вывести страну из кризиса или хотя бы отодвинуть крах.

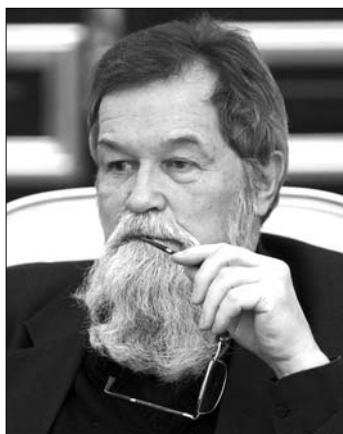
К заслугам брежневского правления следует, прежде всего, отнести общее повышение уровня жизни. Кажется, впервые в семидесятые годы не отдельные профессиональные группы, не люди определённой национальности, а всё население СССР без исключения получило возможность относительно безбедного существования. Любой человек мог получить работу, гарантирующую, что он не будет голодать, любой человек мог получить крышу над головой.

Правление Брежнева стало, пожалуй, единственным периодом в жизни Советского государства, когда реформы в нашей стране на короткое время перестали осуществляться исключительно за счёт народа.

Существенно и происходившее в эти годы исправление чудовищных национально-экономических перекосов в устройстве нашей страны. Впервые были сделаны реальные шаги на пути возрождения ограбленной деревенской России. Программа возрождения Нечерноземья, при всех её недостатках и минусах, впервые переориентировала часть денежных потоков, высасываемых из России, на саму Российскую Федерацию.

Очень важно и то, что в семидесятые годы появился реальный результат начавшихся ещё в послевоенные годы образовательных реформ. Впервые после революции Россия оказалась обеспечена своей национальной интеллигенцией. Можно говорить, что интеллигенция эта качественно уступала дореволюционной, но очевидно, что ещё никогда в истории России не была интеллигенция так близка к народу.

НИКОЛАЙ КОНЯЕВ

АБРАМОВСКИЙ ДОМ

1

“Невысоким, задумчивым и усталым немолодым человеком с маленькими изящными белыми руками, давно отвыкшими он крестьянской работы, с мягким взглядом карих глаз, всё словно прислушивающимся к чему-то, что доносится до него одного и не слышно окружающим” запомнил Фёдора Абрамова в начале семидесятых московский писатель Андрей Леонидович Никитин.

В эти годы Фёдор Абрамов приобретает воистину всенародную известность. Книги его издаются огромными тиражами и вызывают живой отклик у читателей. Почти все они переводятся на различные иностранные языки, многие — это и в театре Ленинского комсомола в Ленинграде, и в Республиканском русском театре драмы им. Лермонтова в Алма-Ате, и в Московском театре драмы и комедии на Таганке, и в Русском драматическом театре им. Крупской в городе Фрунзе, и в Архангельском театре драмы и т. д., и т. д. — обретают сценическую судьбу.

Фёдор Абрамов много ездит по миру — Франция, Финляндия, Швеция, Дания, Румыния, Япония, Англия, ФРГ...

Поразительно, но шумный литературный и театральный успех семидесятых, кажется, совершенно не вскружил голову Абрамову.

“Он стоял у дверей, невысокий, сухощавый, в распахнутой куртке, шало, небрежно распахнутой и как бы сползавшей с плеч, — вспоминает Василий Петрович Цеханович, работавший тогда в отделе прозы журнала “Нева”. — Надо лбом разлохматилась тёмная, мягко вздыбленная шевелюра. К переносице круто спускалась завихряющаяся прядь. Было в нём что-то задорное, ребячье. Как будто он только что спустился на санках с горы”...

Это очень точный портрет Фёдора Абрамова.

Так, будто *он только что спустился на санках с горы*, и ощущал себя Фёдор Абрамов в первой половине семидесятых в минуты, когда, разумеется, ничто не раздражало его, когда он не был поглощён литературной работой.

Судя по записям “Дневника”, Фёдор Абрамов остаётся прежним, таким же, каким был в пятидесятые и шестидесятые годы, по-прежнему он занят своими книгами и тем, что происходит со страной, а личная жизнь остаётся на втором плане...

“У Абрамова всегда было немало поклонниц и лёгких увлечений с его стороны, — вспоминает Людмила Владимировна Крутикова-Абрамова. — Но в 1970 году он встретил в Москве женщину, к которой испытал повышенное влечение: если не любовь, то головокружительную страсть. Он буквально потерял способность управлять своими чувствами.

Зная мой твёрдый и решительный характер, прямогу и нежелание идти на компромиссы, он был уверен, что я укажу ему на дверь, как когда-то в подобной ситуации поступила Л. Целиковская с Ю. Любимовым. Но я тогда не могла поступить столь решительно и прямолинейно. Фёдор заканчивал роман “Пути-перепутья” и задумывал “Дом”. Мне всегда были очень близки его творческие дела. Я была, как он сам не раз признавался, его лучшим советчиком и критиком. И вдруг — разрыв! А что будет с его творчеством, с его многочисленными замыслами?”

Мы приводим эти воспоминания Людмилы Владимировны Крутиковой-Абрамовой для того, чтобы показать, что и эти искушения не миновали Фёдора Абрамова, хотя, конечно, если судить по “Дневнику”, *способности управлять своими чувствами* Абрамов не терял и в самую горячую пору романтического увлечения В.

“Нет, нет, не для меня, видно, все эти любовные романы на стороне, — записывает он 14 марта 1972 года. — Я для этого слишком глуп, у меня для этого слишком много совести... И главное — это мешает работе”.

Едва ли Людмила Владимировна читала тогда дневниковые откровения мужа, но она очень хорошо знала Абрамова и действовала в весьма щекотливой ситуации так, как будто исполняла его негласную инструкцию.

“Я стала узнавать, что собой представляет увлечённая его женщина. Сможет ли она оберегать его писательскую судьбу? Если бы она была достойна его таланта, его подвижнического труда, у меня хватило бы мужества и сил расстаться с ним. Но погубить его талант я не могла и предоставила Фёдору самому сделать выбор. Он был удивлён и, ничуть не смущаясь, заявил: “Кто из вас двоих выдержит, тот и победит. Я ничего не могу решить, я не хочу расстаться с тобой, но и не обещаю прервать общение с В.”.

Однажды я не выдержала и сказала: “Ты здесь напишешь “Дом”, а затем — уходи на все четыре стороны”.

Я даже встречалась с этой женщиной в Москве, просила оставить его, ибо он сам от меня не уйдёт. Я предполагала, что она ищет обеспеченного мужа (моя “разведка” подтверждала, что Абрамов далеко не первый её избранник за последние годы). Я хорошо понимала, что Фёдор не всегда правдив с ней. И решила доказать правду “документально”.

Хотя мы прожили с Фёдором больше двадцати лет, но юридически брак у нас не был оформлен, что могло вводить некоторых особ в заблуждение. И вот, чтобы прояснить и закрепить прожитую нами жизнь, я попросила Фёдора оформить брак. 13 марта 1973 года наши супружеские отношения были законно зарегистрированы, была поставлена печать в паспорте. Но окончательная “капитуляция”, как выразился сам Фёдор, произошла лишь через год”¹.

Любовное увлечение Фёдора Абрамова, закончившееся официальной регистрацией с собственной женой, можно назвать адюльтером по-абрамовски, но иначе и не могло произойти с ним... Развлечения и удовольствия Фёдора Абрамова всегда были достаточно простыми. Он был страстным спортивным болельщиком... Чрезвычайно любил прогулки по паркам, по берегу залива, по Неве... Зимой, когда жил в Доме творчества, катался на лыжах, играл на бильярде... Иногда, не очень часто и не очень много, выпивал. Вот, как-жестся, и всё...

А по-настоящему занимали его совсем другие проблемы...

“Вот я и вышел в первые писатели Ленинграда, — записывает Фёдор Абрамов 28 ноября 1974 года. — В отчётном докладе партбюро на первом месте я, секретарь РК Новожилова выступала — меня назвала (да ещё с кем рядом? — с Толстым и с Достоевским!)...”

И Сережа Воронин, и Гранин уже косо посматривают на меня.

Ерунда! Всё ерунда! Надо работать. И надо, в конце концов, плюнуть на В., тем более что она становится слишком практичной (“Мне надоели слова. Я жду дела”).

Да, работать”.

И не только любовными увлечениями жертвовал Фёдор Александрович ради работы...

2

К середине семидесятых Фёдор Абрамов незаметно для самого себя превратился ещё и в видную фигуру в общественной жизни Ленинграда.

Разумеется, многое тут определялось талантом писателя, его стремлением говорить об общественно-значимых проблемах, но несомненную роль в этом успехе сыграла и поддержка, осуществляемая на достаточно высоком уровне политического руководства страны.

Все семидесятые годы вплоть до 1983-го, когда в ранге члена Политбюро и секретаря ЦК КПСС его перевели в Москву, Ленинградский обком КПСС возглавлял Григорий Васильевич Романов, талантливый организатор. С его именем в Ленинградской области связано создание крупных специализированных объединений по производству овощей, молока, мяса. При Романове в области появились оборудованные по последнему слову техники и успешно работающие и по сей день птицефабрики. Ну, а заслуги Романова в развитии ленинградской промышленности, науки, образования и жилищного строительства столь огромны, что их не пытались поставить под сомнение даже в конце восьмидесятых, когда ниспровергалось всё, что было связано с КПСС².

При этом считается, что, будучи “технарём” и отдавая все свои силы непосредственной хозяйственной работе, идеологией и всем связанным с нею Григорий Васильевич занимался мало и неохотно.

Дневники Фёдора Абрамова не то, чтобы опровергают это расхожее мнение, но вносят в него существенные коррективы.

Сближение или, вернее сказать, попытка сближения Григория Васильевича Романова с Фёдором Александровичем Абрамовым была предпринята в середине семидесятых, когда решался вопрос о новом председателе Ленинградской писательской организации.

Читая дневники Фёдора Абрамова за эти месяцы, мы видим, как много сил прилагает обком партии в целом и Григорий Васильевич Романов, в частности, чтобы нормализовать обстановку в Ленинградской писательской организации. Видим мы и то, как постепенно это открывалось самому Фёдору Абрамову...

“18 марта 1975 года. Хотел попасть на приём к Андрееву — отказали. Не нужен. За мной никто не стоит. А Гранина принял бы немедленно. Потому что за ним — ленинградская синагога”.

“24 апреля 1975 года. С утра за столом. Новые идеи по роману. А с четырёх часов — встреча с Б. Андреевым, секретарём обкома...

Великое открытие! Ленинградом правят боссы от творческой интеллигенции. Товстоногов, Дудин, Мильников, Аникушин, Петров — человек 15. Они — опора и руки третьего секретаря. Он выполняет их волю. А если заупрямится? Скомпрометируют в низах, да и наверх шепнут. Андреев бывал хоть раз на приёме у Генерального? Вряд ли... А ведь Аникушин публично целуется с Генеральным. По телевидению на всю страну показывали. Сообрайжай, если хочешь удержаться на плаву”.

“6 октября 1975 года. В целом день был препаскудный. Вызвали в обком к Пантелеймонову, к Николаеву и вот четыре часа переливания из пустого в порожнее. Не понимаю, чего я с ними разговариваю. Что у меня с ними общего? Хотят “русской” линии в писательской организации, но разве это возможно, когда писательская организация на 60% нерусская? Да и что такое эта “русская” линия? Всем ли нам, русским, нужна одинаковая Россия? Идиоты! Хлеб закупаем в Америке, которой заправляют евреи, и захотели “русской” линии в культуре.

Мусолили будущих кандидатов в первые секретари: Воронина, Чепурова”.

“22 октября 1975 года. Воронин, Хватов, Козлов³ завалены. А заодно с ними и Виноградов⁴: боялись — секретарём поставят.

Для обкома это полная неожиданность, да, да! Ставка была на Воронина. — Мы даже в президиум его не ввели, — проболтался простоватый Пантелеймонов. — Нарочно предприняли отвлекающий маневр.

И вот стали уламывать меня. Не от любви, от нужды. Четыре часа уговоров. Сперва у Николаева, потом у Андреева.

Я, конечно, наотрез отказался”.

“23 октября 1975 года. Всё сразу: секретарь СП РСФСР, секретарь СП СССР, член обкома, делегат XXV съезда, дача по вкусу и по выбору под Ленинградом. Плюс к этому всякие другие почести, издания во всех республиках, неограниченные поездки за границу, по стране.

И цена за всё это — возглавить ленинградских письменников...

Хотелось, хотелось мне получить премию (Романов сказал: будет!), но я и от премии отказался. Идиот, кретин, Иванушка-дурачок... Но должны же быть Иванушки-дурачки! Иначе что за Россия без них!”

“24 октября 1975 года. 23 часа. Премию — дали.

Только пришёл домой, порисовал немножко в дневнике — звонок из Москвы.

— Поздравляю с лауреатством! — голос Феликса Кузнецова”.

“27 октября 1975 года. В четыре часа партгруппа правления в обкоме. Мне по предложению Романова пришлось рекомендовать Чепурова.

Да, самое интересное: Романов перед праздниками хочет проехаться со мной по комплексам. Так Николаев мне сказал”.

“1 декабря 1975 года. Подполье кончилось.

Что делать? Статью писать (Россия и литература) или за роман браться?

Статья кричит, который уже год бунтует. И хорошо бы на эту тему пальнуть с трибуны съезда. Да к кому взывать? Кто на съезде будет?..

Обман, обман это всё — не уступаем в идеологии. А “Литературку”, самую влиятельную газету, формирующую общественное мнение, отдали — это что, не уступка? А “Юность”? А кино, театры, музыка, эстрада... Лопухи мы, лопухи глупые.

Торг давно идёт. А эти выставки молодых модернист? А Солженицын, Сахаров — не уступка это?”

“5 декабря 1975 года. В газетах указ о назначении Володарского⁵ начальником Статистического управления. Не антисемит, нет, но зачем же всё-таки отдавать всю информацию в руки еврея? Где же наша хваленая бдительность?

То евреев в вуз не пускаем, то все ключи от всех сейфов отдаём”.

Возможно, если бы Фёдор Абрамов возглавил Ленинградскую писательскую организацию, “русскую” линию в Ленинграде удалось бы усилить... Но Фёдор Абрамов уже попадал в схожие ситуации, работая в ЛГУ, и понимал, какие невероятные трудности возникнут на его пути, догадывался, сколько сил отнимет у него эта, скорее всего, обречённая на неудачу деятельность.

Не будем забывать, что в 1976 году Фёдор Абрамов переваливал через роковой для его семьи рубеж. В роду Абрамовых мужчины умирали рано — и отец, и братья не дожили до 55 лет. И, конечно же, на этом роковом рубеже Фёдор Абрамов всё чаще задумывался о сроке отпущенной ему жизни...

Как бы то ни было, но Абрамов, путая планы обкома КПСС, решительно отказывается от престижной и весьма выгодной должности. Впрочем, — в этом и заключается удивительный парадокс семидесятых годов! — отношение обкома КПСС к Фёдору Абрамова и после его отказа от руководства Ленинградской писательской организацией нисколько не ухудшилось. Снова и снова приглашает Фёдора Александровича Абрамова первый секретарь Григорий Васильевич Романов поехать с ним по области и посмотреть, что происходит в селе, вопреки противодействию самого Абрамова его вводят в руководство Ленинградского горкома КПСС.

“Меня поначалу в члены горкома определили, — записывает он 10 января 1976 года. — И вот я, насмерть перепугавшись, начал всем райкомовцам и горкомовцам твердить: нельзя меня в горком, я псих неуравновешенный, с загибами, с заносами. Такое ляпну, что горком в лужу посажу...”

Переполюх, который я поднял, действовал. Новожилова (1-й секретарь РК), надо полагать, доложила о моём разговоре кому надо, потому что в случае “ляпа” ведь с неё спрос в первую очередь. И вот меня рангом понизили (это она мне сказала) — сделали кандидатом.

Да, этой линии надо придерживаться и впредь”.

Несомненно, придерживаться Абрамову *этой линии* немало помогало то обстоятельство, что Григорий Васильевич Романов симпатизировал Фёдору Абрамову, и существенную роль в этом играла удивительная общность их судеб.

Как и Абрамов, Г. В. Романов родился в северной деревне⁶ в крестьянской семье, младшим, шестым ребёнком. Были они — Романов родился в 1923 году — почти ровесниками, и оба ушли на войну со студенческой скамьи. Выпускника судостроительного техникума Г. В. Романова отправили тогда под Лугу рыть траншеи. Потом, как и Абрамов, рядовой Романов защищал Ленинград, как и Абрамов, попал с ранением в блокадный госпиталь и оказался спасён только благодаря подвигу и самоотверженности своей будущей жены...

Общим у Романова и Абрамова было и понимание того, что возрождение России невозможно без возрождения русской деревни.

Как мы уже говорили, созданию птицеферм и мясокомплексов “технар” Романов уделял внимания не меньше, чем строительству Ленинградской атомной электростанции или созданию НПО “Ленинец”. С именем Романова в Ленинградской области связано создание крупных специализированных объединений по производству овощей, молока, мяса. В 1971 году было создано объединение тепличных совхозов “Лето”. В 1973 году введён в строй промышленный комплекс по откорму крупного рогатого скота “Пашский”, свиноводческий комплекс “Восточный”... При Романове Ленинградская область полностью стала обеспечивать овощами, куриным мясом, яйцами, молоком не только многомиллионный Ленинград, но и поставлять яйца и кур в другие промышленные центры Северо-Запада.

Увы... Поездка Романова и Фёдора Абрамова в новую русскую деревню так и не состоялась. Но нельзя сказать, что Фёдор Абрамов никак не отреагировал на предложение Романова. Весной 1976 года он вместе с поэтом Антоном Чистяковым и прозаиком Борисом Рощиным ездил по Новгородчине, наблюдая за происходящими на селе переменами. От этой поездки остались очерки “Пашня живая и мёртвая”, “От этих весей Русь пошла”, написанные Фёдором Абрамовым в соавторстве с Антоном Чистяковым, несколько рассказов самого Фёдора Абрамова и воспоминания Бориса Рощина.

“В путешествии, которое совершили мы по Новгородчине, — писал он, — партнёрами мы были неравноправными. Командовал парадом Фёдор Абрамов. Антонин Чистяков был у него вроде как на подхвате, я шоферил. Фёдор Александрович без лишнего с нами советов выбирал маршруты поездок, места остановок и ночлега. Он беседовал с людьми, он задавал вопросы ответственным лицам, проверял документы, он платил. Платил в самом прямом смысле этого слова. Платил за наши обеды в придорожных столовых, за продукты, которые покупали мы в магазине, и даже за бензин. Насчёт бензина я было попытался возразить, но Фёдор Александрович решительно пресёк мои возражения, заключив: “У меня, то самое, много денег, Борис. Много денег”. Я, конечно же, знал, что, у кого много денег, тот никогда об этом не говорит, но спорить с Фёдором Александровичем по этому вопросу было бесполезно. Он всегда и за всё расплачивался только сам”.

Каждый “рабочий день” в этой поездке был предельно уплотнён Абрамовым. Борис Рощин приводит запись первого дня той поездки.

1. Встретились в обкоме КПСС с заведующим сектором печати, радио и телевидения. Затем беседовали с секретарём обкома В. А. Цалпаном.

2. Посетили музей северного деревянного зодчества “Витославлицы”.

3. Знакомимся с новыми жилыми районами Новгорода. Увидев блочные дома, Абрамов проговорил: “В Ленинграде итальянская делегация гостила. Показали им новостройки, говорят: теперь, мол, только начинаем понимать, какая богатая ваша страна. Позволяете себе строить дома, рассчитанные меньше, чем на сто лет”.

4. Осмотрели Новгородский кремль. Мы с Чистяковым не смогли поимённо перечислить все фигуры, изображённые на памятнике Микешина “Тысячелетию России”, чем Абрамова рассердили.

5. Побывали в колхозе “Искра”, беседовали с председателем колхоза, Героем Социалистического Труда Н. М. Андриановым, с колхозниками и специалистами хозяйства. Дорога к центральной усадьбе “Искры” недавно заасфальтирована, возле здания правления чистота, цветы, аккуратная Доска почёта. Рядом скульптура доярки в сапогах, выливающей молоко из подойника в бидон. Скульптурная фигура плотна, костиста, но полна женственности и по-своему грациозна. Абрамов осмотрелся, проговорил: “Здесь Советскую власть уважают”. И, кивнув на скульптуру, одобительно добавил (по адресу скульптора, наверное): “А то понаставят вместо доярок балерин...”

Когда распрощались мы с председателем колхоза и расселись в “Москвиче”, Абрамов раскрыл записную книжку (которая почти всегда была у него в руках), проговорил, записывая: “Как это Андрианов сказал: “После работы волоку себя домой за шиворот”? А?! Ну, писатели, кто из вас сможет короче и образнее сказать про усталость?”

6. Посетили совхоз “Ташкентский”. Осмотрели поля, стройку центральной усадьбы хозяйства, которую вели ташкентцы, точнее, узбеки, приехавшие работать на новгородскую землю из своей республики. Разговаривали с ташкентцами. Затем долго беседовали с председателем исполкома Лесновского сельсовета Виктором Константиновичем Зеновым и секретарём сельского Совета Ниной Павловной Махиной. Более всего Абрамова поразило “стройное место”, выбранное для центральной усадьбы совхоза. Осушенное болото, вокруг до самого горизонта ни деревца, ни кустика. Летом пыль, земля под ногами, как камень. Весной и осенью — непролазная грязь. Более неприглядного места в районе искать — не найдёшь. Недаром место это в недавнем прошлом носило название Грязная Харчевня. Теперь название: Лесная.

7. По предложению Абрамова навестили семью новгородского писателя Леонида Воробьёва. Вместе с вдовой Воробьёва съездили на кладбище, возложили цветы на могилу этого талантливого, рано ушедшего из жизни писателя”.

На ночёвку остановились у Александра Васильевича Ежова, и вечером Фёдор Александрович пригласил всех в ресторан “Садко”. Поехали на “Запорожье” хозяйки квартиры, но в ресторан попасть не удалось.

— Не обслуживаем! — объяснил белокурый молодец в расписной рубахе, подпоясанной кушаком. — Иностранную делегацию ожидаем.

Одноногий — ему оторвало ногу выше колена на “Невском пяточке” — Александр Васильевич Ежов принялся шептать молодцу, что это писатели, что сам Абрамов здесь, но молодец был неумолим.

— Поехали домой, — буркнул Абрамов и, круто повернувшись, захромал к выходу. В кабине он повернулся к Ежову и мрачно проговорил: — То само, Саша, почему вы все такие?... Ведь у тебя в руках, то само, был костыль...

3

Не об этом ли унижении в России русского человека вспоминал Фёдор Александрович Абрамов, когда, выступая на Шестом съезде писателей СССР, размышлял о происходящих в Нечерноземье переменах: “В деревне сегодня в результате небывалого вторжения техники и науки происходит поистине небывалая, ни с чем не сравнимая революция. Речь идёт не просто о коренной перестройке сельского производства, всего уклада деревенской жизни. Речь идёт об изменении русской географии, об изменении лика русской земли.

Я вот ехал недавно из Новгорода в Питер. Небывальщина! Степь залетела в Ленинградскую область — такое пашенное раздолье по обе стороны шоссе. Это на месте-то недавних кустарников и болот! И подобные изменения в русском пейзаже сегодня можно наблюдать и в других наших областях...

Но, конечно, это только начало. Предстоит в полном смысле заново сотворить русское поле, построить такие селения, где бы зелёная радость деревенского существования была дополнена всеми благами современного города. А это задача гигантская. Задача, прямо скажем, библейских масштабов,

от решения которой зависит наше будущее. Процесс великого созидания и великой ломки”.

Принимая и одобряя то преобразование, которое происходит в сельском хозяйстве России, Фёдор Абрамов говорил о том, что ни мелиорация земель, ни возведение оборудованных по последнему слову техники комплексов, ни другие капиталовложения не решат ничего, пока без ответа остаются гораздо более важные вопросы... “Старая деревня с её тысячелетней историей уходит сегодня в небытие... А что это значит — уходит старая деревня в небытие? А это значит — рушатся вековые устои, исчезает та многовековая почва, на которой всколосилась вся наша национальная культура: её этика и эстетика, её фольклор и литература, её чудо-язык... Деревня — наши истоки, наши корни. Деревня — материнское лоно, где зарождался и складывался наш национальный характер.

И вот сегодня, когда старая деревня доживает свои последние дни, мы с особым, обостренным вниманием вглядываемся в тот тип человека, который был создан ею, вглядываемся в наших матерей и отцов, дедов и бабок.

Ох, немного выпало на их долю добрых слов!

В чаении нового прекрасного человека, в жадном порыве к новой обетованной земле социализма мы частенько смотрели на них свысока, как на неполноценную породу людей, как на “полу-полу”, как на людей, погрязших в собственничестве и разного рода пережитках. А между тем на них, на плечах этих безымянных тружеников и воинов, стоит здание всей нашей сегодняшней жизни.

Вспомним, к примеру, только один подвиг русской бабы в минувшей войне. При этом я ни на минуту не забываю о подвижничестве женщин других народов нашей великой страны. Но говорю о русской бабе, потому что о русской прозе веду речь. Ведь это она, русская баба, своей сверхчеловеческой работой ещё в сорок первом году открыла второй фронт, тот фронт, которого так жаждала Советская армия. А как, какой мерой, каким мерилом измерить подвиг все той же русской бабы в послевоенную пору, в те времена, когда она, зачастую сама голодная, раздетая и разутая, кормила и одевала страну, с истинным терпением и безропотностью русской крестьянки несла свой тяжкий крест вдовы-солдатки, матери погибших на войне сыновей!

Так что ж удивительного, что старая крестьянка в нашей литературе на время потеснила, а порой и заслонила собой других персонажей? Нет, не идеализация это патриархальщины, не пресловутая тоска по *уходящей избяной Руси*, как иной раз с такой бездумной лёгкостью и даже высокомерием вещают некоторые критики и даже некоторые писатели, а наша сыновья, хотя и запоздалая благодарность.

Вместе с тем большой разговор в литературе о людях старого и старшего поколений — это стремление осмыслить и удержать их духовный опыт, тот нравственный потенциал, те нравственные силы, которые не дали пропасть России в годы самых тяжких испытаний.

Да, тёмные и малограмотные, да, наивные и чересчур доверчивые, да, порой граждански невоспитанные, но какие душевные россыпи, какой душевный свет! Бесконечная самоотверженность, обострённая русская совесть и чувство долга, способность к самоограничению и состраданию, любовь к труду, к земле и ко всему живому — да всего не перечислишь. К сожалению, современный молодой человек, взращённый в иных, более благоприятных, а порой просто тепличных условиях, не всегда наследует эти жизненно важные качества...

И одна из главнейших задач современной литературы — предостеречь молодёжь от опасности душевного очерствения, помочь ей усвоить и обогатить духовный багаж, накопленный предшествующими поколениями. И это вопрос не узко моралистический, не отвлечённый. Это вопрос вопросов всего нашего бытия. И в него, в этот вопрос, в конечном счёте, упирается подлём русского Нечерноземья, реализация тех грандиозных планов преобразования русской деревни, которые намечены в известных постановлениях партии и правительства.

В последнее время мы много говорим о сохранении природной среды, памятников материальной культуры. Не пора ли с такой же энергией и напором ставить вопрос о сохранности и защите непреходящих ценностей духовной культуры, накопленных вековым народным опытом?"

Перечитывая сейчас выступление Абрамова, понимаешь, что отнюдь не случайно так настойчиво звал его Романов в совместную поездку по области. Писатель и член Политбюро ЦК КПСС о многом думали одинаково и, наверняка, если бы поездка состоялась, это пошло бы на пользу обоим, а может быть, и всей стране.

Если бы призыв Фёдора Абрамова оказался услышанным, и руководители страны сумели опереться на духовный и нравственный потенциал старой России, если бы взялись за "защиту непреходящих ценностей духовной культуры" с такой же энергией и напором, какую некоторые из них проявляли в хозяйственной деятельности, страну, может быть, и удалось бы отвести от пропасти, к которой она приближалась.

Все свои силы, весь свой талант, всю свою душу готов был отдать Фёдор Абрамов, чтобы докричаться до русского человека...

4

Последний роман тетралогии — это тоже попытка писателя докричаться до страны, до народа, это попытка сообщить всем о той катастрофе, к которой приближается наша страна...

Роман не случайно назван так... Слово это, пожалуй, из числа наиболее употребляемых Фёдором Абрамовым в семидесятые годы.

Дом — это та веркольская изба, которая возникла в Верколе из мучительных бессонниц в чужих жилищах. Фёдор Абрамов поставил её в 1974 году на угоре, недалеко от того дома, в котором родился...

Разумеется, это сам роман, который Абрамов писал с 1973-го по 1978 год...

Но главное, дом — это образ России, путь выхода её из духовного кризиса, тот корень, который ещё способен был, как казалось Фёдору Абрамову в середине семидесятых, напоить советское общество живой водой возрождения морали и нравственности. "Главный-то дом человек в душе у себя строит... — говорит Егорше в романе "Дом" старовер Евсей Мошкин. — И тот дом ни в огне не горит, ни в воде не тонет".

Работа над романом "Дом", судя по записям в дневнике, не очень и отличалась от строительства настоящего дома. Писательская работа — "Вот и начал размахивать пером-топориком. Перебрал три подглавки 7-й главы... Четвёртую подглавку придётся рубить заново" (11 октября 1976 года); "Снова колдую над "Домом". Топор, руки притупились — со скрипом выковыриваю, вырубая слова. Но как-никак, подглавку "У Петра Житова" написал" (5 января 1977 года); "Строительство "Дома" — закончил. Каков-то он будет в эксплуатации?" (13 февраля 1978 года) — вбирала в себя и впечатления от стройки, и обрётённую на строительстве настоящего дома спорную-поэтику.

И неудачи строительства тоже вбирал в себя роман.

Знаменательно, что, построив в 1974 году за несколько месяцев — использована была старая изба! — дом на угоре, Фёдор Абрамов и сам не понимал, **что** он построил. "Вернувшись в Ленинград, — вспоминает Л. В. Крутикова-Абрамова, — он отдал мне ключ от дома и сказал: поезжай, обживай дом... Приехала в Верколу 2 августа 1974 года, осмотрела дом и руками развела: кухни нет, окна без форточек, в комнате даже спать нельзя — душно, пахнет краской. Окна открыть нельзя — комары, мошка... но красота кругом — глаз не отвести... Дома, в Ленинграде, я сразу высказала свои недоумения: почему кухни нет, почему всего одна печь, да и та в большой комнате-кабинете", без духовки, разве на ней что-нибудь приготовишь? Ведь жарко летом... И тут, к великому удивлению, услышала ответ:

— Так мы не будем дома готовить!

— А как же?

— К братану ходить будем.

Братан Фёдор Захарович Клопов и его жена Нина Афанасьевна — чудесные люди, они опекали Фёдора во время стройки, он у них завтракал, обедал и ужинал. И так к этому привык, что решил и впредь столоваться у них. Но жили-то они на другом конце деревни, полтора-два километра от нашего дома. И тут я поразила наивности и бытовой неприспособленности своего мужа”⁷.

Новый роман в чем-то оказался похожим на построенный в Верколе дом... Понятно, с какой целью Абрамов строил его, труднее было сообразить, как он должен работать. Трилогия “Пряслины”, включающая в себя романы “Братья и сёстры”, “Две зимы и три лета”, “Пути и перепутья”, уже образовала художественно-цельное, завершённое произведение. Ритм эпического повествования — действие романа “Братья и сёстры” происходит летом 1942 года, романа “Две зимы и три лета” — в 1945–1947 годы, герои романа “Пути и перепутья” живут в начале пятидесятых — был задан, временные паузы между романами определены.

И хотя все эти годы копился материал для четвёртой книги, Фёдор Абрамов и как художник, и как литературовед не мог не понимать, что передвинуть действие нового романа в современность невозможно, поскольку он безнадежно отстал со своей эпопеей от движения реального времени.

Действительно... Роман “Братья и сёстры” о военной деревне был написан в пятидесятые годы. Отставание: 1957 — 1942 = 15 лет.

В шестидесятые — роман “Две зимы и три лета”. Отставание: 1967 — 1947 = 20 лет.

Роман “Пути и перепутья”, действие которого завершается в начале пятидесятых, Фёдор Абрамов завершил в начале семидесятых, так и не сумев сократить отставание от реального времени.

С 1942 года в трилогии прошло всего одно десятилетие, а в жизни — уже тридцать лет, и “добежать” до современности не получилось бы и в четвёртом романе, если продолжать двигаться в заданном темпе. Ну, а изменение временного ритма повествования могло быть чревато потерей не только художественности, но и той глубокой, народной правды, которую несла в себе трилогия.

Разумнее было взяться за работу над другим произведением и на его страницах попытаться понять, как превратили в пустошь тысячелетнюю Россию⁸. Но — вспомните выступление Фёдора Абрамова на Шестом съезде писателей СССР! — ему не интересно было разбираться, **кто виноват**, более волновал его ответ на вопрос, **что делать** теперь? Сумеет ли поднятая целина русского Нечерноземья сохранить духовный опыт предшествующих поколений? Останется ли деревня “материнским лоном, где зарождался и складывался наш национальный характер”?

Чтобы найти ответы на эти вопросы, и решается Фёдор Абрамов, уподобившись Александру Дюма, перебросить героев завершённой трилогии через два десятилетия в пространство романа “Дом”. Действие романа происходит в 1972 году, когда Михаилу Пряслину было уже сорок четыре года. Другой стала жизнь в Пекашине: колхоз реорганизовали в совхоз, и директорство-вал теперь в нём не похожий ни на Анфису, ни на Лукашина Таборский.

5

Разумеется, решиться на столь рискованный эксперимент Абрамову было непросто. Подготовительная работа к роману не ограничивалась рабочими записями, а включала в себя, как это ни странно, и такие самостоятельные произведения, как повесть “Пелагея”.

Некоторые критики считают, что “Пелагея” (сюда же приплюсовывают и “Альку”, родившуюся из отсечённых при редактуре глав повести), — это одно из самых значительных произведений о советской деревне, а саму Пелагею даже сравнивают с героиней рассказа А. И. Солженицына “Матрёнин

двор”. Не отвергая подобных оценок, скажем, что, при всех несомненных достоинствах повести, это ещё, так сказать, и разведка боем, попытка проверить, можно ли, сохраняя характеры, созданные в романах о военном и послевоенном времени, перепрыгнуть через десятилетия в годы застоя. “Пелагея”, пожалуй, единственное произведение Фёдора Абрамова, в котором, как и в “Доме”, героиня перемещается из послевоенных лет сразу в конец шестидесятых. В повести эта попытка вроде бы удаётся.

Возвращаясь домой с работы в пекарне, Пелагея — кажется, что это происходит на страницах “Братьев и сестёр” или романа “Две зимы и три лета” — валится на голый крашенный пол, чтоб “охолонуть”, лежит неподвижно, закрыв глаза, трудно, с присвистом, дыша, и только потом, повернувшись лицом к больному мужу, начинает расспрашивать его о хозяйстве, а потом встаёт, выпивает пять чашек чая без сахара и начинает хлопотать по хозяйству... И такая усталость одолевает её, что и на семейные торжества не может идти Пелагея... Но вот кликнул её в гости Пётр Иванович, и она идёт в его дом, где собрались председатель сельсовета и председатель колхоза, председатель сельпо с бухгалтером и начальник лесопункта, и другие нужные поселковые люди, и приходит... совсем в другую эпоху, которая уже не помнит ни “Братьев и сестёр”, ни “Двух зим”...

Критики, анализируя “Пелагею”, по обыкновению рассуждают, что чёрствость, расчёт, бездушие покрывают ржавчиной самые народные низы, ужасаются, что духовное перерождение советского общества достигло его фундамента... Всё это, может быть, и справедливо, но только не по отношению к Пелагее. Какое перерождение, если Пелагея по-прежнему зарабатывает свой хлеб тяжёлым трудом, по-прежнему вкладывает в работу всю свою душу, по-прежнему — одна только продажа ей залежавшейся жакетки под видом дефицитного товара чего стоит! — её бессовестно обманывают на каждом шагу? В чём же перерождение? В том, что она старается своему борову принести из пекарни помоев погуще? В том, что собирает приданое дочери? Нет, в том и состоит трагизм повести, что никакого перерождения Пелагеи не могло произойти, она — прежняя. Это вокруг Пелагеи всё другое, но в это время, в котором “чёрствость, расчёт, бездушие покрывают ржавчиной самые народные низы”, проникнуть Пелагее не удаётся, хотя и очень хочется.

“Пелагея плохо помнила, как ушёл от неё Пётр Иванович. Её душил кашель, она задыхалась. И в то же время ей было необычно хорошо. Хорошо до слёз, до знойного жара в груди. И она хватала запёкшимися губами избыточной воздух и всё больше и больше распалила своё воображение надеждами. Теми радужными надеждами, которые заронил в неё Пётр Иванович... На какое-то мгновение она потеряла сознание, а потом, когда пришла в себя, ей показалось, что она стоит у раскалённой печи на своей любимой пекарне и жаркое пламя лижет её жёлтое, иссохшее лицо. Она задыхалась. Ей было нестерпимо жарко. “На пол, на пол надо, — по старой привычке подумала она. — Крашенный пол хорошо вытягивает жар из тела...”

Так, лежащей на голом полу возле кровати, и нашла её наутро Анисья. Она бросилась поднимать её. И вдруг отшатнулась, встретившись с неподвижным, остекленевшим взглядом”.

Встреча эпох не удалась. “Альки на похоронах не было... приехала лишь неделю спустя и первым делом, конечно, оплакала дорогих родителей... Потом два дня у Алки ушло на распродажу отрезов, тряпья, самоваров и прочего добра, нажитого матерью. А на пятый день Алка заколотила дом на задворках, возложила прощальные венки с яркими бумажными цветами на могилы отца и матери и к вечеру уже тряслась в районном автобусе. Ей не хотелось упустить весёлое и выгодное место на пароходе”.

Повесть “Пелагея” — малообъёмное произведение и авторское насилие над временем, в котором Абрамов разместил свою героиню, заметила, кажется, только веркольская пекариха Екатерина Макаровна Абрамова, послужившая прототипом Пелагеи. При первой же встрече летом 1970 года она с нескрываемой обидой попеняла Абрамову:

— Слыхали, слыхали, Фёдор Александрович, как меня прописал... Сказывали... Пелагея сундуки накопила... Пелагея на ситцах да на крепдешинах

помешалась... Две плюшевки заимела... А того не слышал, как Пелагея робила? Муж больной сколько лет трясувшись ходил да лёжкой лежал, свёкор немощен, мать-свекровушка тоже рукой не пошевелит, четыре девки мал-мала меньше... Дак, как думаешь, легко Пелагее было? О сундуках Пелагея думала?

И хотя Фёдор Александрович попытался объяснить, что Пелагея списана не с неё, Екатерина Макаровна так и не простила ему обиды.

Путаница со временем в “Пелагее” огорчила и Василия Ивановича Белова. “Дорогой Василий, — защищаясь, отвечал ему Абрамов, — удивил ты меня страшно: я обличаю русского мужика... Да где же это? В “Пелагее”? Да что я, по-твоему, мерзавец? Не сын этого самого русского мужика? Нет, нет, говорить правду — это ещё не значит обличать. А русский мужик сегодня ни в чём так не нуждается, как в этой самой правде. Ибо все его одинаково облапошивают: и обличители, и те, кто слезу над ним пускают. Все смотрят на него как на *недочеловека*.”

Я не против жалости, нет. Я за жалость. Но одной жалостью ничего не сделаешь — это мне ясно. И ясно мне также, что литература должна хоть, по крайней мере, объяснять жизнь. “В начале было Слово...”

Вот на чём стою”⁹.

Фёдор Абрамов защищал тут, разумеется, не столько “Пелагею”, сколько роман “Дом”, который собирался писать, потому что именно там и появится русский мужик, который “ни в чём так не нуждается, как в этой самой правде”. И, декларируя, что “литература должна хоть, по крайней мере, объяснять жизнь”, Фёдор Абрамов уже не столько для Василия Ивановича Белова, сколько для самого себя обосновывал необходимость применения великолепно отлаженного инструмента трилогии для художественного исследования происходящих в российском Нечерноземье процессов.

6

Судя по дневнику, ни над одним своим романом не работал Фёдор Абрамов так мучительно трудно, как над “Домом”. “Работаю. Третий день работаю. Запоем. С утра до вечера. И, как всегда, пропал сон... Вчера я, можно сказать, написал труднейшую главу — встреча близнецов с Лизой. А сколько сделал заметок к другим главам!” (2 июля 1973 года). “Ура! Наконец-то нашёл братьев-близнецов. Думаю, Михаил — невольный бездельник во время страды — да братья-близнецы — это самое значительное, что я сделал в Комарове” (7 июля 1973 года). “Были, были счастливые деньки за эту неделю. Но сегодняшний день, кажется, самый счастливый. Во-первых, родился Таборский. Глеб, Глеб¹⁰ и больше никто. А кто помог найти? Галя! С ней вчера до часу толковали о Верколе, о её делах в совхозе, об ихнем директоре, о котором она так дельно рассказывала, что я был просто в восторге, и который, кстати сказать, мне то и дело напоминал Глеба (о нём мы, кстати сказать, говорили и с Глебом). И вот сегодня закрутилась машина. Оригинальный тип!” (5 декабря 1974 года).

“Что-то вроде дня рождения сегодня... — записывает Абрамов 28 февраля 1975 года. — Опять тупик с этим “Домом”. Перечитываю ранее написанные главы и поражаюсь их беспомощности и бесформенности. Как будто я и не писал ничего до этого, как будто и пера не держал в руке. Не знаю, не знаю — не впустую ли всё это? По мне ли эта стройка? Главная беда в Петре: не живёт сукин сын, и хоть лопни. А без Петра, какой роман? Невесёлый день моего пятидесятилетия. С утра шёл мокрый снег, потом проглянуло солнышко, а в общем, не бодрит. Тоска на сердце”. “Неожиданное, прямо-таки молниеносное озарение: Пётр должен стать опорой пряслинской семьи, в какой-то мере заменить Михаила, а значит, и найти себя, разом решить все мучившие его вопросы: как жить, что делать, в городе оставаться или в деревню переезжать и т. д. Короче, в Петре должен взять верх пряслинский дух, дух братства и взаимопомощи.”

Мысль пустяшная, лежащая на поверхности, а я возликовал. Наконец-то найден Пётр. А то ведь я не знал, что делать с ним. Ошибка моя была

в том, что я искал решение этого образа в тесных рамках его личного характера, не соотнося его с общим пафосом всей эпопеи. Давно-давно я не испытывал такой радости. Вдруг всё оттаяло, зацвело в груди, и я снова увидел красоту мира, снова у меня появилось слово” (12 сентября 1975 года).

“Опять — стоп. Целый день, с девяти часов утра до одиннадцати часов вечера сидел, не разгибаясь, за столом, написал почти подглавку и думал: получается. Во всяком случае, волновался, когда писал. А прочитал Люсе, и хоть караул кричи: плохо. Никак не хочет влезать в роман Пётр” (14 сентября 1975 года). “Напрасно думал, что Пётр найден. Нет, только сегодня он обрёл свой внутренний облик, свою пружину. Григорий сделал его человеком, ибо Григорий заставил его страдать. В этом суть образа” (19 сентября 1975 года).

Но проблемы в романе были не только с Петром, вернее не столько с Петром. Не вмещались в роман и главные персонажи: Михаил и Лиза Пряслины. “Самое великое открытие дня — Михаил, — записал Абрамов ещё 5 декабря 1974 года. — Трагическая фигура! Лишний человек нашего времени. А всё из-за своей честности, рабочего рвения. Ну, не дико ли: истинно рабочий человек враждебен времени. Время, люди не принимают его”.

Фраза эта нуждается в расшифровке... В романах “Две зимы и три лета”, “Пути и переputья” мы видели Михаила, этого первого парня на деревне, подлинным *ХОЗЯИНОМ* села, человеком, который отвечает в Пекатино за всё и не только растрчивает силы на исполнение своего тяжкого долга, но и черпает их в самоотверженном служении. Абрамов не идеализировал Михаила, не расчищал ему писательской рукою дорогу. Пряслин сталкивался с серьёзными трудностями, попадал в нелёгкие обстоятельства, зачастую оказывался в невыигрышных ситуациях, но его образ наполнен такой высокой духовной красотой, что даже когда Егорша и брал, казалось бы, верх над ним, нравственная правота оставалась на стороне Пряслина.

Михаила Пряслина Фёдор Александрович писал со своего старшего брата Михаила, каким он был в начале тридцатых. Сохранилась фотография Михаила Александровича Абрамова, сделанная в 1955 году незадолго до его смерти. Выпивший, он сидит рядом с С. И. Пономарёвым на крылечке, в огромных растоптанных валенках, и такой он маленький, такой ссутулившись, что поначалу и непонятно, как мог он стать прототипом русского богатыря. И только присмотревшись, понимаешь, что ушла лишь косая сажень в плечах, а духовная сила осталась, стёжилась в колочность и поперечность, но никуда не исчезла из прототипа и накануне смерти.

А вот Михаил Пряслин в “Доме”, сохраняя внешнее сходство со своим предшественником из первых трёх романов, усыхает не физически, а нравственно... Самый необходимый селу человек, он стал чужим наступившей в Пекатино жизни...

Сделав эту оговорку, попытаемся понять, в чём же заключалось сделанное Фёдором Абрамовым 5 декабря 1974 года открытие. По сути дела, рассказывая о трагедии Михаила Пряслина в семидесятые годы, Фёдор Абрамов совершил рокировку: вместо умершего прототипа героя решил поставить самого себя, передоверив герою рассказать в “Доме” о своей трагедии, трагедии человека, который должен верить, который не может не верить, пусть не в Бога, пусть в Советскую власть, пусть во власть неких нравственных принципов, но верить в неё, как в Бога.

И Фёдор Абрамов, и его герой Михаил Пряслин, даже ощущая на себе несправедливость власти, готовы смириться с этой несправедливостью, как смиряется верующий в Бога человек с непостижимостью Божьей Воли, при этом никогда не теряя уверенности в Её высшей справедливости и обличая любые попытки подрвать эту уверенность... Власть, в которую хотели бы верить и Михаил Пряслин, и сам Фёдор Абрамов, разумеется, не могут обеспечить ни директор совхоза, ни редактор журнала, ни секретарь райкома или обкома КПСС. Власть — это то, что невидимо, непостижимо, это то, что не может существовать рядом с тобою, но, тем не менее, всегда должно присутствовать в твоём пространстве, обеспечивая верховенство справедливости.

Поразительно, насколько сходно в начале семидесятых реагируют на то, что воспринимается ими, как несправедливость, Михаил Пряслин и Фёдор Абрамов. В этом некоторые страницы “Дома” почти текстуально перекликаются с дневниками: “Сколько раз говорил он себе: спокойно, не заводись! Почаще включай тормозную систему. Сколько раз жена его наставляла, упрашивала: не лезь, не суй нос в каждую дыру! Всё равно ихний верх будет. Нет, полез. Не выдержал. Да и как было выдержать? Сидят, мудруют, сволочи, как бы кого с сенокоса выцарапать да на пожар зашихать, а то, что скотина без корма на зиму останется, на это им наплевать. Вот он и влупил, вот он и врезал. Внёс конкретное предложение”¹¹...

“Обсуждение “Деревянных коней” в Управлении культуры Моссовета. Тон доброжелательный. Хвалили за актуальность проблематики, за яркую режиссуру, за актёрские удачи. Но была высказано немало и критических замечаний. Цинизм невероятный. Никому не известные чиновники советовали, требовали, как решать отдельные сцены, играть роли и т. д.

Я всё это слушал-слушал и рубанул: а почему бы вам самим не ставить спектакли, вам — управлению, раз вы всё знаете и понимаете?”¹².

7

Трудности работы над романом “Дом” усиливало ухудшение здоровья Фёдора Александровича. Начиная со второй половины семидесятых и уже до конца — вот он роковой рубеж Абрамовых! — болезни и больничные палаты занимают всё больше пространства в его жизни.

“22 сентября 1976 года. Ещё неделя украдена у романа. На этот раз болезнью. Ну, да мне не хныкать надо по этому поводу, а радоваться безмерно. Ведь мог под нож попасть! Мог месяцами давить больничную койку. Господи, что за кошмар был! Просыпаюсь около двух часов ночи (в ночь с 16 на 17) — дикие боли в спине. Впечатление — лёгкие отваливаются. И я так и сказал Люсе: лёгкие болят. Катался, корчился, всё проклиная, часа два, потом вызвали “неотложку”, потом “скорую”. И те, и другие кололи, писали бумаги — боли не проходят... Тогда повезли в Институт скорой помощи. Опять уколы, опять бесконечные выстукивания и ощупывания, блокада, кровь... Я корчился двенадцать часов от непрерывных болей. В спине, животе, в правом боку, в лопатке... Ползучая, кидающаяся боль, и это-то и путало больше всего врачей”.

“25 сентября 1976 года. Ну, и хватило опять! Принимал но-шпу (сколько раз), жарился в кипятке (едва из ванной вылез) — ничего не помогает. К двенадцати часам ночи вызвали Гиту¹³ с зятем, “неотложку” из Свердловки¹⁴. Сперва вкатили анальгин с новокаином — не помогло, во втором часу проснулся — опять боли. Опять вызвали “неотложку”.

“27 сентября 1976 года. Итак, то, чего больше всего боялся, случилось: я в больнице. Всё произошло довольно быстро. Сперва осмотрели урологи (В. Я. Ямпольский, ещё какой-то профессор), затем — бывший главный хирург области Валентина Дмитриевна Барева, женщина властная, решительная. Она-то и вынесла окончательный приговор: холецистопанкреатит. Нужна немедленная госпитализация. И по своей слабости начал вымаливать слова утешения. Таковых не последовало. В. Я. Ямпольский даже приблизительно не назвал срок, в течение которого я должен быть в больнице.

Положили в хирургию: чтобы в любое время положить под нож. Условия пока сносные — лежим вдвоём в трёхместной палате. А ведь сперва впихнули в восьмиместку. И вот когда я струхнул! Шум, крик, транзистор наяривает — да разве это по мне?

День, слава богу, прошёл вполне прилично. Три часа вливали из капельницы какие-то растворы (один — глюкоза), студили ледяным пузырьём брюхо. Боли в правом подреберье не прошли, но, по-моему, поменьше.

Сколько-то здесь придётся проторчать? Ах, если бы дело всё свелось к обследованию да профилактике!

Яшин бедный лёг и не вышел. А я? Нельзя мне, Господи, пропадать, пока “Дом” не построен”.

“28 сентября 1976 года. 13 часов. “Откололи... спасли”, — так говорят наши старухи, которых поставили на ноги после инсульта. Ну, а меня отколот? Дюже шибко стараются... Пришла в голову великолепная мысль — назвать свои автобиографические записки (должен же я когда-нибудь их написать) “Записки счастливого человека”. И это — точно. Меня, действительно, начиная с самого детства, когда все старухи желали мне смерти, спасало Провидение.

Для чего? Это другой вопрос. Но спасало. Авось спасёт и на этот раз. Ну, а если ко дну — что ж, можно быть благодарным жизни и за отпущенные годы”.

“29 сентября 1976 года. 21.30. Хорошо ли я делаю — один в трёхместной палате? (Александров сегодня выписался). В больнице тесень, в больницу очереди, а я роскошествую. И ведь — надо говорить правду — сам приложил руку. Сам просил по возможности не поделять никого. Нет, всё-таки я свинья. Шумлю, шумлю на каждом углу против привилегий, а сам что делаю?”

Этот блок дневниковых записей, сделанных в больнице, достаточно точно рисует весь спектр состояний, переживаемых Абрамовым в критической ситуации болезни. Будучи очень крепким от природы человеком, он и потеряв в бою за противотанковый ров своё богатырское здоровье, лет двадцать после войны держался и даже и не пытался оформить положенную ему инвалидность, а теперь, когда организм начал сдавать, так и не сумел научиться болеть.

Болезни и сопутствующие им боли Абрамов переносил плохо, малодушно впадал в панику, раздражался, и это раздражение ещё более ухудшало его состояние... Но стоило только утихнуть боли и сразу: “Сколько-то здесь придётся проторчать?” — возвращались мысли о работе, возвращался страх смерти, вернее не самой смерти, а страх не успеть завершить начатую работу: “Нельзя мне, Господи, пропадать, пока “Дом” не построен”. Ну, а затем от этих молитв и мыслей о Провидении, столько раз спасавшего его, Абрамов легко и как-то обыденно переходил к недовольству собою, своим поведением, своей — “шумлю на каждом углу против привилегий, а сам что делаю?” — непоследовательностью в отстаивании нравственных принципов. Впрочем — надо отметить и это! — недовольство собою не побуждает его отказаться от привилегий.

Алгоритм “боления” повторялся из раза в раз и, хотя Абрамов и не проявлял, входя в болезнь, необходимого спокойствия и мужества, но выходил из болезни, как и подобает, очищенным страданием, что, впрочем, не мешало ему тут же увязать в интеллигентской рефлексии.

8

Дом Ставрова в тетралогии “Братья и сестры” Фёдор Абрамов поместил там же, где стоял в Верколе, на заросшем черёмухой краю деревни, дом его родителей. И хоть Пекашино не Веркола, а вымышленная деревня, угор тут тот же, Пинега под ним та же, тот же монастырь на другом берегу реки, и дали те самые... И дом, в котором родился Абрамов, стоял распиленный, как ставровский дом в последних главах “Дома”. А рядом с ними, чуть сдвинувшись на угор к реке, обитый зелёной вагонкой дом, который построил сам Фёдор Абрамов. Рядом с ним — лиственница, описанная во всех его романах.

Гибель дома Степана Андреевича совпадает с раздорами и разором в пряслинской семье. Что осталось от неё? Мать умерла, Фёдор в тюрьме, Татьяна в Москве. Михаил с Лизой рассорились, разошлись. После рождения Лизой близнецов, прижитых от постояльца, Михаил смотрит на неё, как на врага.

Собрать семью Вани-силы, соединить Пряслиных пытается приехавший из города Пётр. Для этого он и начинает ремонтировать старый дом. “Известно, — отмечает критик, — что имя Пётр означает “камень”. На этом

камне — камне нового поколения Пряслиных — и хочет Абрамов возвести основание Дома”¹⁵.

Это ещё одна рокировка в романе. Пётр должен заменить в “Доме” Михаила Пряслина, который, сохраняя внешнее сходство со своим предшественником из первых трёх романов, усюх нравственно, сделался чужим и ненужным не только наступившей в Пекашино жизни, но и своей семье...

“Михаил ждал: вот-вот заговорит Пётр, прояснит, найдёт нужные слова тому большому и важному, что смутно и неопределённо бродило, ворочалось в нём в эту минуту, — учёный же человек! Но Пётр молчал, и он вдруг заорал, как под ножом:

— А ты думаешь, нет, что с домом-то делать? Ждёшь, когда Паха за него примется? Ну да... Чего теперь для тебя какой-то там дом из дерева, раз сам Калина Иванович всю жизнь чихал на свой дом. А между прочим, Россия-то из домов состоит... Да, из деревянных, люди которые рубили...

Он махнул рукой — бесполезно сейчас с Петром говорить о ставровском доме. Не домом у него голова занята. Да он ведь и сам в эту минуту меньше всего думал о ставровском доме”¹⁶.

Попытки заменить Михаила Пряслина Петром разрастаются в романе “Дом” в сюжетную линию, но это не спасёт семью Пряслиных, а приведет её к катастрофе — к гибели Лизы.

“Гуляя по набережной Невы, думал о Петре, о доме Степана Андреевича, о том, что значит дом для Петра... — записывает Фёдор Абрамов 17 октября 1975 года. — И вдруг, как ударило: пришла на ум концовка романа. Никаких Лизинных писем из больницы! Это всё беллетристика. А кончить — Михаил в больнице возле умирающей Лизы. И даже точнее: ценой собственной жизни опять собирает Пряслиных вместе. *Смертью смерть поправ...*

Всё живо представил в лицах, в яви и вот в садике у “Юбилейного” дворца разрыдался. Да так, как не плакал после ноября <19>43-го. После того, как получил известие о гибели брата Николая. Но тогда, надо правду говорить, был элемент “самонакачки”, “завода”, для того чтобы достойно почтить память брата, а здесь всё само собой. И это понятно. Кто же умирает? Кого же я убиваю? Самого дорогого мне человека на свете!”

9

Лизу же задавило охолопием в романе “Дом”, когда в Верколе приехали студенты Ленинградского театрального института со своим руководителем Львом Абрамовичем Додинным. Они собирались ставить дипломный спектакль по “Братьям и сестрам”, и хотя Абрамов усомнился, удастся ли молодым ребятам показать всю глубину характеров и вместить роман в рамки пьесы, студенты на свой страх и риск решили приехать в Верколе, чтобы ближе узнать людей, с которых писался роман.

“Самый счастливый и радостный день! — записал Фёдор Абрамов 19 августа 1977 года. — И от кого счастье-радость? От студентов Ленинградского театрального института. Семь часов сидели за столом **в одной из келий монастыря** при керосиновой лампе. Говорили о Пинеге и Верколе, о местных людях, затем пели (они, конечно, студенты), а потом снова говорили. И так семь часов — с пяти до двенадцати...

Очень хорошо, что соприкосновение с Пинегой пробудило в них национальное самосознание. Во всяком случае, много говорили о России. Один парень сказал (когда пустили чашу с пуншем по кругу): пусть родина абрамовских героев станет и нашей родиной. Провожали нас с лампой и фонарём до реки, а потом тьма кромешная навалилась на нас. Но мне было светло. Свет молодости светил мне всю дорогу”...

Слова о “самом счастливом и радостном дне” надо запомнить. Судя по дневнику, не так уж и много столь же светлых ощущений довелось испытать Фёдору Абрамову в Верколе. Да и то, относились они в основном к общению с природой, к собственной писательской работе.

А вот общение с самими земляками и веркольской роднёй такой радости не приносило. Отчасти это объяснялось тем, что относились в Верколе к Абрамову, как к герою его рассказа “Старухи”, любили выпросить, “где служит (мою писательскую работу они всерьёз не принимали), сколько получает, на чём приехал из района — вместе со всеми в пыльном автобусе трясся или, сидя вразвалку, на цветастом ковре райкомовской легковухи?”

С годами¹⁷, — став лауреатом Государственной премии, Фёдор Абрамов приобрёл авторитет и в Карпогорском районе Архангельской области, — на счёт службы земляки перестали интересоваться, но отношение к Абрамову, как к своему деревенскому мужику, сумевшему сделать в городе удачную карьеру, не изменилось. По-прежнему, если и читали они книги писателя, то в основном для того, чтобы узнать, с кого списан тот или другой персонаж, а не для того, чтобы самим стать лучше. Ничего удивительного в этом не было. Ещё в библейские времена было сказано, что, дескать, несть пророка в своём Отечестве, так что же говорить о русской деревне, в которой полстолетия подряд изничтожали духовность и народную культуру, из которой высасывали не только продукты, но и самое способное и энергичное население...

Фёдор Абрамов понимал это, но само осознание, что людей, способных пожелать обрести Родину в Верколе, стать земляками его героев, надо привозить в Верколу из больших городов, выучив перед этим в театральном институте, приводило его в отчаяние. Это отчаяние и двигало им при создании “Дома”. Увы...

Философско-нравственный фундамент “Дома” — “Лиза в истории с домом готова ради Степана Андриановича пожертвовать собою. И этой жертвы Егорша не выносит. Добро убивает его”¹⁸ — оказался не то, чтобы непрочным, но сооружённым в стороне от основных конструкций романа.

Если в романах “Братья и сёстры”, “Две зимы и три лета” Фёдору Абрамову удавалось сказать правду, которая поднимала героев, то в “Доме” он говорит правду, которая убивает их.

Затеянный эксперимент с переселением героев трилогии на два десятилетия вперёд удался, но итог его оказался печальным. В новом мире поднятой целины Нечерноземья не уживались ни духовность, ни красота прежней жизни...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В мире Фёдора Абрамова. Информационно-издательское агентство “ЛИК”, СПб, 2005. С. 212-213.

² Исключение тут составляет, пожалуй, Даниил Александрович Гранин, опубликовавший тогда пасквиль на Г. В. Романова “Наш дорогой Роман Авдеевич”.

³ Вильям Фёдорович Козлов, популярный прозаик, детский писатель, автор десятков книг.

⁴ Иван Иванович Виноградов, прозаик, участник Великой Отечественной войны.

⁵ Лев Мордкович Володарский, с 1967 года — 1-й заместитель начальника ЦСУ СССР, с 1975 года — начальник ЦСУ СССР.

⁶ Деревня Зихново Боровичского уезда Петроградской губернии (ныне Боровичский район Новгородской области).

⁷ Л. Крутикова-Абрамова. Дом в Верколе. Документальная повесть. Л., Советский писатель, ЛО, 1988. С. 19-20.

⁸ “В “Комсомолке” напечатана подборка заявлений добровольцев: “1976 год. Продолжим подвиг целины”, — записал Фёдор Абрамов в дневнике, работая над “Домом”. — Комсомольцы разных городов изъявляют своё согласие поехать на работу на русскую периферию, на так называемое Нечерноземье. И это ныне называется подвигом.

1000 лет русские люди жили себе да жили на необъятной русской равнине, а теперь это целина, и газеты как подвиг расценивают желание тех, кто согласен потрудиться на русской ниве. До чего же мы дожили — Россию за 60 лет превратили в целину, в пустошь!”

- ⁹ Фёдор Абрамов. Собрание сочинений. Т. 6. С. 379.
- ¹⁰ Глеб Матвеевич Яковлев, управляющий Веркольским отделением совхоза.
- ¹¹ Фёдор Абрамов. Собрание сочинений. М., Художественная литература, 1990. Т. 2. С. 356.
- ¹² Фёдор Абрамов. Дневник. Запись за 9-10 апреля 1974 года.
- ¹³ Гита Яковлевна Лихачёва, главврач из поликлиники Литературного фонда.
- ¹⁴ Больница, к которой приписали Ф. А. Абрамова, когда он стал кандидатом в члены горкома КПСС.
- ¹⁵ Игорь Золотусский. Фёдор Абрамов. М., Советская Россия, 1986. С. 79-80.
- ¹⁶ Фёдор Абрамов. Указ. собр. соч. Т. 2. С. 411.
- ¹⁷ Рассказ "Старухи" написан в 1969 году.
- ¹⁸ Дневник. Запись от 2 декабря 1974 года.

Проза Фёдора Абрамова — наше великое художественное достояние. Всё то, что было написано им, — теперь, по истечении довольно длительного времени, приобретает ещё большую значимость, чем это было при жизни самого творца. Сейчас, как никогда, остро востребованы высокие нравственные ориентиры, которые писатель раскрывал в своих произведениях. Потребность в духовном обновлении давно назрела не только в молодёжной среде, но во всём нашем обществе, так стремительно обнищавшем в культурном, нравственном и физическом смысле. Об этом Абрамов предупреждал нас ещё много-много лет назад. Он с апостольской несгибаемостью вёл неистовую духовную битву за утверждение лучших качеств в Человеке: совести, добра, справедливости, любви к тому уголку родной земли, где родился каждый из нас, благоговел перед отечественной историей, значимостью и величием России. Да, он всем своим творчеством, которое воспринимается не иначе, как служение и подвижничество, проявил себя ярким и одержимым представителем из колена Аввакумова.

Благодарю судьбу за то, что я около десяти лет общался с Фёдором Александровичем. С юношеской пылкостью и обожанием относился я к нему не только как к выдающемуся писателю, но и как к верному в дружбе человеку... Почти каждую зиму жили мы когда-то в Доме творчества «Комарово», работали над книгами, бродили по заснеженным тропинкам. Израли на бильярде. На февральской тропе, сбегаящей с комаровского крутояра к Финскому заливу, любовались величественными золотистыми стволами сосен и заострёнными макушками елей, напоминающими ему ёлки веркольские.

Я люблю прозу Абрамова за то, что в ней бесстрашно изображена жесточайшая правда жизни, в буквальном смысле — соль земли, за то, что веет от неё той языковой свежестью, которая отличает подлинного художника от его многочисленных эпигонов. Художественный текст его произведений насыщен густой и меткой образностью, отмечен особой северной фразой, являющей мудрость в познании народного бытия. И ещё той живой, весёлой озорничкой, без которой невозможно представить современную сельскую жизнь. Его пронзительная проза — это луговое разнотравье, басовитое погудывание хвойных боров, зримые картины ярой морозной зимы, снежных буранных наметов, потемневших от непогоды дедовских изб с растресканными охлупнями на тесовых крышах...

Поверьте, я счастлив от того, что имел возможность дружить с Фёдором Александровичем, читать его книги, разговаривать с ним, слушать его замечательные выступления с писательских трибун и на секции прозы в Красной гостиной Союза писателей. С годами я всё чаще вспоминаю удивительный творческий вечер Абрамова, связанный с его юбилейной датой — 60-летием со дня рождения, проводившийся в Белом Зале Шереметевского особняка. Весь этот великолепный вечер мы простояли с Глебом Горбовским на ногах, ибо в зале Союза писателей не было свободных мест. Множество людей теснилось на лестницах и в проходах, слушая трансляцию по местному радио. Ах, какие это были восхитительные мгновения!

Но разве знал я тогда, что по истечении всего-то трёх лет, весной 1983 года он так неожиданно, глубоко озадачив многих близко знавших его людей, уйдёт из жизни. С горьким и скорбным чувством провожал я его, великого писателя земли русской, в последний путь... Уже после кончины писателя я познакомился с его другом Фёдором Фёдоровичем Мельниковым, художником. Мы вместе ездили в Верколу, где в те годы проходили ставшие воистину народными многолюдные «Абрамовские чтения», посвящённые Фёдору Александровичу. Пиршество образного северного слова, народной музыки, сцены из спектакля «Дом», выступления прозаиков, поэтов, литературоведов и критиков, художников и земляков Абрамова — всё это сливалось в единое целое.

Возвратившись однажды из очередной поездки в Верколу, ставшую такой родной, я написал этот цикл стихов, посвятив его близкому мне по мироощущению человеку, чьи рукопожатия и напутственные слова всегда были для меня его сердечной, дружеской поддержкой на жизненных и творческих путях и перепутьях...

Геннадий МОРОЗОВ

ГЕННАДИЙ МОРОЗОВ

ПАМЯТИ ФЁДОРА АБРАМОВА

К 100-летию со дня рождения великого русского писателя

1

...А Веркола в сугробах вязла,
Её знобило на юру,
И отдирал мороз от прясла
Полуистлевшую кору.

Полозья пошевной скрипели,
Срывая корочку снежка.
Оцепенев, стояли ели
Вдоль пинежского бережка.

И в северной сторонке хвойной,
Где ночью веял снеговой,
Старинной песнею фольклорной
Встречали веркольцы гостей.

Синели тёмные ухабы,
Белел за Пинегой овин.
Порозовев, тянули бабы:
“Ах, Лебедин мой, Лебедин!”

Слабел мороз, мерцало солнце,
А над перильцами крыльца,
Как золотое веретёнце,
Кружилась снежная пыльца.

И всё мне было, как в новинку,
В метельной северной тиши.
Вис небосвод лазурной льдинкой...
Порхая, каждая снежинка
Дарила свет его души.

2

Ледяной сугроб сутулится,
Хорохорится зима.
Здравствуй, северная улица,
Пятистенные дома!

Нынче утро, ой, да ясное —
Отсвистулила пурга!
За осиновыми пряслами
Меркнут мягкие снега.

А от птичника до птичника —
Снегириный перелёт...
Прорезной узор наличника
Посреди зимы цветёт.

Бабы веркольские охнули,
Всполошив частушкой тишь.
И ворохнулись охлупни
На коньках тесовых крыш.

А у Дома да у самого
Запах пакли и сенца.
Я на родине Абрамова —
Вдохновенного певца.

И сугробная, морозная,
Сосульками звеня,
Супит бровь природа грозная,
Стужу гонит от меня.

Дрогнут худенькие сосенки,
Хмуры хвойные верхи,
Но выпархивает солнышко
Воробьём из-под стрехи!

Шумно охает околица:
“Задрала метель подол!
Но как только распогодится —
У коровушек отёл”.

Шубняки шуршат и варежки...
Как светло от русских лиц!
И похрустывают шанежки
На зубах у молодежи.

3

Полыхают, как цветные,
Трепетные лепестки,
Полушалки расписные,
Карпогорские платки.

Прочь, платки! Вспорхните, шали!
Кисти шумно зашуршали.

Перстенёк златой, гори,
Души наши радуя.
Блещут бусы-янтари
Семицветной радугой.

Ослепляют зыбким светом
Серебристые браслеты.

Гей, серёжки, зазвените,
Засверкайте, перстни!
Ходит солнышко в зените —
Слышит наши песни.

А поётся в них о том,
Как медведь дождливым днём
Пировал в малиннике,
Как мы воду... решетом
Носим с тихой Пинеги.

Эх-х-ха! Задроби,
Крепкой браги пригуби!

Чай, от этой светлой браги
Не завалимся в овраге.

Дробанём! Да песню грянем!
В наших песнях — шум лесов.
Громы веркольских гуляний
Крутят жизни колесо.

Не робей, пляши, подруга!
Жалко, что ли, каблуков?!
Разноцветных юбок вьюга
Раззадорит мужиков.

Знамо, наши мужики
Падкие до ласки.
Хоть на вид здоровяки —
Слабоваты в пляске!

4

Ой, зима, не охолонь
Стужею колючею!
Выручай-ка нас, гармонь,
По такому случаю.

Друг, играй, не мучай душу.
Чай, не мальчик, должен знать:
Коль под шапкой стынут уши —
Ног на месте не сдержат!

Ух, отвесим стуже плюху,
Дружно спляшем “топотуху”!

Эх, раз, да ещё раз,
Кто осудит нынче нас,

Коль в крови не “бормотуха”,
А шипучий бродит квас?..

Вот бы люди поглядели,
Как мы с кваса... “захмелели”,

Как медовый пенный квас
Чуть покачивает нас.

Оттого и ходим шатко,
Ибо сварен квас давно.
У дубовой тёмной кадки
День и ночь бубнило дно.

Бойко доньшко бубнило,
Как нас Пинега манила:

“Гей, ребята, мужики,
Обживайте бережки!

В проруби — не утоплю.
Но прохладой — отрезвлю.

Ой, напрасно вы смеетесь!
Ой, да вон какие вы,
Материтесь, дерётесь!

Но как только окупнётесь —
Выйдет дурь из головы!..”

5

Нет, память, ты не позабыла —
Такое в жизни нашей было,
Ничуть не покривлю строкой,
Коровы жрали чернобылы,
Несли горькуху-молоко.

Худы, мосласты, ноги в язвах,
Как кровяной подтёк — глаза...
Коровы жадно грызли прясла,
Могли бы выглотать леса.

Давясь, жевали ежевицу,
Перекопытили весь луг.
Им не скребли мослы скребницей,
Прихлёстывая гибкой вицей,
С утра впрягали бабы в плуг.

Тем суховейным летом знойным,
Послевоенным, беспокойным,
На молоке я рос и креп.
Держась за старенький подойник,
Шёл с матерью в прохладный хлев.

Корова, стоя у лабаза,
Щипала мелкий мох из паза.
И злых слепней хвостом гоня,
Глубоким, грустным, тёмным глазом
Глядела молча на меня.

Упрятав пряди под косынку,
Мать молоко цедила в крынку,
Корова тёрлась о столбы...
И моховинка, как сенинка,
Свисала с горестной губы.

6

В родной земле, любимой с детства,
Лежишь... А рядышком река.
Оно с тобой, твоё наследство, —
Поля, луга и облака,

И лес, и Пинега, и пожни,
Родной избы тепло и свет.
Ты рядом с нами мало пожил,
Познав не только соль клевет.

Да, ты азартно делал дело!
И со страниц правдивых книг
Нам Слово Севера звенело,
Как юркий веркольский родник,

Что под землёй упруго бьётся
И с человеком ищет связь.
И упоённо к свету рвётся,
Сквозь щель булыжную сочась.

Сквозь все запруды и преграды,
Щебёнку, глину и сузём
Он к нам прорвался... Люди рады:
“Дай Бог, с водицею живём!..”

В разгар косьбы, лесоповала,
И в год голодный, горевой
Нам так её недоставало,
Целительной и ключевой!

Теперь над ней шумят берёзы,
С ней наша родина видней.
И разве что людские слёзы
По чистоте сравнимы с ней.

1987

Веркола—Ленинград

Выдающийся критик, литературовед и историк литературы Лев Аннинский, всегда стоявший над враждующими лагерями наших писателей и отдававший должное и “патриотам”, и “либералам”, — лишь были бы талантливыми! — незадолго до смерти передал нам свои размышления о поэзии Ивана Переверзина, в которых, в сущности, поставил автора в ряд современных классиков русской литературы.

Станислав Куняев

ЛЕВ АННИНСКИЙ

ВЕСЛО ПОЭТА

*...Но рая мне не надо прежде,
чем справлюсь с адом на земле...*

Иван Переверзин

Уникальность Переверзина в том, что он не хочет окликать эту самую свою уникальность. Он настолько слит с судьбой, настолько неотделим от обстоятельств своего самоосознания — с детства, юности, молодости, — что отдельно от этих обстоятельств себя не мыслит.

Хотя обстоятельства далеко не райские. Непроходимая тайга... Солнечный жар вдруг сменяется таким холодом, что воздух при дыхании рвёт гортань и, как рашпилем, выжимает слёзы... И что? Слезы эти — от радости, что взрастивший его мир — с ним! И вдохновенье...

“И вдохновенье — тут как тут // — взрывает душу нестерпимо, — // и я, как тундровый якут, // пою о всём, что только зримо...”

Но не только “о листьях и корнях” песня — меж ветвей видна “кладка здания”, крепкий дом выстроен, и “все окрестные дома” возведены “в итоге тяжкого труда” — возведены всем миром, так что отдельность от этого мира немислима.

Ты первородно — со всеми. И поэтому “нельзя быть одному счастливым”. Это — ощущение мира, в котором ты един со всеми, и все чувствуют это так же, как ты. Изначально.

Чем бы ни был занят лирический герой, он это чувствует. И когда до изнеможения обихаживает кустики бесконечного капустного поля. И когда по ухабам и кочкам скачет верхом, чтобы успеть к переправе, пока её не снесло. И когда бражничает с корешами. И когда уединяется с подружкой... Всё время ощущается реальность, в которой всё это происходит. Ощущается земля, её ритм, её музыка.

Надо только вслушаться в эту музыку — дать ей в душе прозвучать.

И она звучит, отлаженная когда-то Пушкиным, Тютчевым, Фетом, но возрождающаяся сейчас вот в этой самой реальности.

“Пусть сил, быть может, и немного, // но ровно столько, чтоб душой // я победил и боль-тревогу, // и радость, бьющую грозой...”

Радость и боль переключаются в этой мелодии. Это необъяснимо рассудком. Потаённо от него мелодия бытия. И её Смысл.

“И вдруг так захотелось плакать // от счастья, что несчастья нет! // Как будто с неба вместо мрака // со звоном льётся звёздный свет!”

Мрак? Свет? Всё обретает смысл, если расслышать мелодию, независимую от проделок и переделок повседневья.

“Всё, что душа достойно совершит, // не подлежит бездумно переделкам. // На этом изначально жизнь стоит, // как время ни летит, срывая стрелки...”

Эта песнь изначально бытия не подвластна зигзагам времени: стрелкам смены ситуаций, молниям и громам эпох...

“Так пой, душа! Не бойся ничего: // ни молнии, ни грома, ни мороза. // Уже давно над жизнью высоко // шумит стихов рассветная берёза!”

В этом рассветном шуме стихов слышится бессмертный четырёхстопный ямб, который то мягко отступает в какой-нибудь трёхсложник, то остро взнуздывается хореем, но скорее всего, это дольник: мелодия живёт ритмом ударных слов.

И этот поэтический ритм бытия проступает из повседневной бестолочи неотступно. Летя через тьму, неподвластную логике:

“Я точно счастлив, что несчастлив, // что в жизни – жизни не пойму. // Словно с душой, открытой настежь, // лечу к рассвету через тьму”...

Это не перевод реальности в параллельный стиховой лад. И не дублирование житейского опыта с помощью рифм и размеров. Это обнаружение Смысла бытия, сокрытого в самой его основе. Только бы расслышать...

А как не расслышать, если этот лад укоренён в поддоне бытия и словно ожидает того, чтобы реализоваться в тексте.

Я прослежу это поэтическое нащупывание смысла у Переверзина на некоторых его темах.

Это ощущение единства – ты и все.

Это ощущение дара любви и греха нелюбви.

Это ощущение беды и счастья... в их нерасчленимости.

Это ощущение жизни и смерти... в их неразделимости.

Это ощущение ада и рая в их... но не будем спешить.

Ты и все... Если живёшь первородно, то есть неотделимо от родного тебе образа жизни, то о благодарности народа можешь специально не заботиться – она придёт естественно и неодолимо. Если ты в чём-то виноват, то не больше, чем любой другой в твоём с ним общении. А если ты оказываешься один, то всё равно несломленный, потому что ты и теперь не один, а со всем миром.

Нельзя быть одному счастливым, это так – “повсеместно и навечно”.

Так почему ты, сын Вилюя, плачешь, если счастлив?

“А я – счастливый сын Вилюя, – // хотя бы потому, что в жизни // пусть безответно, но люблю я, – // и мне не быть на свете лишним”.

Значит, с кем-то.

Любовь?

Это решающий пункт – ощущение любви... Точнее, любви и греха вместе. Потому что в базисном жизнеощущении оба состояния... естественны, грань между ними прихотлива, подвижна и неуловима.

Любовь естественна: “крови жаркой зов”.

И ревность естественна. Хотя иногда и пуста. Указать ей её место – трудно. Потому что и тут – жаркий зов крови. С чернотой по краям.

А грех откуда?

Да оттуда же, из естества. В сердце места греху нет. А грех есть.

Что в итоге? Любовь без правил. Несчастье, прячущееся в счастье, счастье – в несчастье. При молчании Господа, к кому всё-таки возносятся мольбы? От всех. Или от двоих.

“Нас, родная, нынче двое, // и наш закат вдвойне сильнее горит”.

Уловили мелодический стык? Закат горит...

Так есть любовь или нет?

“К сожалению, нету любви”...

Если счастье и несчастье способны меняться местами, оставаясь в нерасчленимости, то остаётся уповать на возвратность циклов.

Есть ли возврат? Или и его нету?

“И остаётся вновь и вновь жалеть, // что существует точка невозврата // к любви, в которой можно умереть, // к надежде, что сбываемостью свята”.

Умереть – в надежде. Надежда и смерть – рядом. Беда и святость вместе. Счастье и несчастье...

Но что такое несчастье? Отчего боль? Откуда слёзы?

Да ниоткуда! Из естества!

А зачем беды перечисляются?

На этот вопрос ответ есть. И не один. Череда ответов. С одним общим смыслом, перечёркивающим эту боль. Аннулирующим жуть. Осушающим слёзы.

“... И кто из нас кому помог // над горем вознестись, как птицам, // неважно, ибо каждый счастье // ковал из боли и ненастья // и верил: счастье состоится”.

Счастье – в беде, в боли. Счастье – в самом несчастье.

Формулы, фантастические по парадоксальной убедительности. В стихе – работают. Прямо-таки афористически...

“Для счастья полного // мне не хватает слёз”...

Неудивительно, что в какой-то точке жизнь уравнивается со смертью. Или так: смерть становится оправданием жизни. Тут естество миропорядка ухает в замкнутую зеркальность. И Смысл смотрится в Смысл.

И счастье – в несчастье. *И свет во тьме...*

Сейчас ослепительное якутское солнце вознесётся в златом ореоле над сопками и, спалив сомнения, снимет вопрос...

Ан нет! Не снимет. И боли не убавит. Разве что песню подскажет запеть...

Теперь дождёмся, когда погаснет песня... в молчании птиц:

“И я – поневоле всё тише, // шагаю сквозь боль на закат, // с печалью глубокою слыша, // как птицы со мною молчат...”

Птицы знают своё дело. Замирание стиха – от немоты разума, бессильного разрешить проблемы бытия на уровне повседневности.

Говоря просто: на уровне ада и рая, как они должны бы реализоваться.

А может, это всё те же сполохи запредельного воображения? И там, в запредельности, они сейчас сольются? И повиснет “такая тишина, как в водной глубине, // будто нет нигде святого рая, // будто ада злого нет нигде”.

Увы, есть. Есть земной ад, откуда хочется в рай... небесный. Туда не пустят? А в рай земной? А если рай земной – это всё-таки ад? По нашей общей вине?

“Вину по полной принимаю, // но коль я всё же – человек, // то рай, – увы, не обещаю, // но ад приму с тобой навек”.

Сказано это любимой в разгар ссоры. Когда ад и рай сваливаются в кучу, меняются ролями, ищут аргументов, чтобы разминуться.

Как чётко обещано в том стихе, который я взял в эпиграф: для того, чтобы ощутить земной рай, надо справиться на земле с адом.

Но как?

Процитирую четверостишие полностью:

“Но рая мне не надо прежде, // чем справлюсь с адом на земле... // И воли свет в моей надежде, // и свет кипящий – на весле...”

Видно, в том Смысл, чтобы надежда крепилась волей, чтобы из этой крепости рождался свет и чтобы всегда кипел этот свет на кончике весла...

...Поэтического весла.

ИВАН ПЕРЕВЕРЗИН

СГОРЕТЬ ДОТЛА НАЗЛО СУДЬБЕ...

* * *

Никогда так не было тревожно,
горестно, печально, тяжело!
Где найти такой мне подорожник,
чтобы хоть немного отлегло?

Одуванчик облетит, не скажет,
промолчат ромашки на лугу.
Ветер в поле из колосьев свяжет
с тихим пеньем радугу-дугу.

Пролетит над нею стая уток...
Осень, осень, душу отпусти
в серебром горящий первопуток —
красною рябиной прорасти.

* * *

Скажи, чем женщине, которая
тебя любила, скрасил дни?
Да ради спеси, ради норова
жестоко предал искони.

И этого она не вынесла,
ушла туда, где тьма и тьма.

А ты, исполнен злого умысла,
теперь и впрямь сходи с ума.

Я не злорадствую, я только лишь
пытаюсь взять башкою в толк
всё, от чего ты сам сгоришь,
забытый всеми, подлый волк.

И будет некому, я думаю,
твой чёрный пепел хоронить.
Да и зачем? Судьбу угрюмую —
и ту не мог ты заслужить.

* * *

Вдруг мороз ударил на рассвете,
страх ребристо сморщил синеву.
Снова липы на глазах у ветел
разрыдались листьями в траву.

Жизнь моя, ты вряд ли виновата
в чём-нибудь до горького стыда.
Всё равно, тревогою объятый,
вдруг побрёл дорогой в никуда.

Сник душою, потерял надежду?
Просто я вдали от этих мест
мысленно упорнее, чем прежде,
бился с мраком грозowych небес.

Потрясу башкой своей упрямо,
и к себе вернусь я не за страх.
Что мне стужа, если месяцами
рос в морозы, будто на дрожжах.

* * *

Ты бросила меня на произвол судьбы,
а я ребёнок с обликом невинным,
что с мамой в лес ходил когда-то по грибы,
по кислицу, бруснику
и малину.

Жестокая? Да нет! Уставшая душой
от выходов моих, но ведь дана мне свыше!
И как я без тебя останусь, Боже мой,
такой любимой навсегда,
ты слышишь?!

* * *

Прости, прости, что я посмел
коснуться губ твоих горящих.
Как будто соколом взлетел
на небо чувств животворящих.

Неужто вправду полюбил,
пускай и в шаге от крушенья,
ведь не вернуть ни чистых сил,
ни золотого вдохновенья?!

Как гром бы зло ни грохотал,
на сей вопрос враз не ответить!
И вновь лечу то выше скал,
то ниже придорожных ветел.

Но дам я, дам отчёт себе:
в любви мне только и осталось
сгореть дотла назло судьбе,
чтоб встретить на пороге старость.

* * *

Я не прав, я не прав, я не прав,
и не хмурь, пожалуйста, брови!
Это всё мой тяжёлый нрав,
спичкой вспыхнувший
на полуслове.

Но прощенья просить не спешу,
погрузившись в себя, как в реку.
Словно жизнь, которой дышу,
я чужому отдал
человеку.

* * *

Шторм-море, ты какая ж сила,
какой напор волн грозových!
Как будто встала в рост Россия
с колен разодранных своих.

Не потому ли, как магнитом,
меня всё тянет плыть и плыть
к пещерам, под водой сокрытым,
чтоб тайну бытия открыть?..

Наверно, только сердце точно
бьёт в унисон моим рукам,
гребущим вдохновенно-мощно,
как будто к самым небесам!

* * *

Я многое и, может, даже лишнее сказал,
накрытый наводнением чувств прекрасных!
Теперь пусть помолчит мой мадригал
до срока в ожиданиях ненапрасных.

А ты обдумай каждой строчки крик,
хоть на мгновенье затаив дыханье.
Быть может, вдруг поймёшь, как я велик,
за что, увы, не знать мне оправданья...

* * *

Да, было мне невмочь, да, я писал не в радость.
Как выжил, не пойму! И некого спросить.
Но всё же помнил я, что надо, надо, надо
из сил последних, но стараться дальше жить.

А что теперь в судьбе? Жизнь стала человеческой.
И больше ничего?.. Но больше мне вовек
и нечего просить у Господа, ведь вечность
добуду жизнью всей, как чести человек.

Но в круговерти дел не выживу без риска!
И я рискую вновь всё круче в сердце дня.
Да только что о том, когда летящей искрой
ты, вспыхнув, занялась пожаром для меня.

Но грех же ждать тебя! И я бегу навстречу,
чтобы любить навек в объятьях огневых!
От счастья плачу я, и ты на мои плечи
льёшь слёзы, веря в свет стихов и слов моих.

* * *

Молчишь, ну и молчи! Я не обижусь,
но погружусь в холодную печаль.
Как будто слово злое “ненавижу”
мне в этот миг ни капельки не жаль.

Но буду вспоминать всё вдохновенней,
всё пламенней твой жаркий поцелуй.
И ты меня, души моей царица,
к другим без оснований не ревнуй.

Они встречаются, глядят в глаза с надеждой,
да только между ними и тобой
стоит любовь стеною, как и прежде,
и ты лишь в силах сокрушить её, друг мой.

Но заново я стену буду строить,
поскольку больше нечем жить душе.
Прости, прости! И ждать меня не стоит,
как павшего на горьком рубеже.

Ну и сказал, как напрочь оглоушил
в невыносимо яростной борьбе,
но ты меня обиженно не слушай,
мне в этот миг вновь грустно по тебе.

ЗАГРАНИЧНОЕ

Погода нынче прохудилась —
то воют без конца ветра,
то дождь нахлестывает с силой,
как будто умирать пора.
Сей образ, может быть, и верен,
но вправду лучше буду жить,
терпя потерю за потерей,

но время находя любить
и соловьёв сладкоголосых,
и солнечный простор небес,
и речки бархатные плёсы,
и заново расцветший лес,
и пьяный запах свежей хвои,
и будто в серебре снега,
и дни надежды, дни покоя,
когда жизнь точно дорога.
Но наперво тебя, родная,
с макушки самой и до пят.
И пусть, от зависти сгорая,
мерзавцы всех мастей вопят.
Погода явно прохудилась,
но главное совсем не в ней,
а что я возвращусь в Россию
с любовью вечною своей.

В ГОРАХ КАВКАЗА

Всегда всходить на гору проще,
тем паче, если впрок силён.
Но путь назад почти наощупь —
и ясным днём опасен он!

Все эти скорбные могилы
как подтвержденье слов моих.
О, сколько молодых и сильных
покоится до срока в них!

Но, как сегодня ни печально
и ни тревожно на душе,
вершина вновь зовёт нахально,
мол, поскорей всходи уже.

И я взойду, пусть и со страхом,
но с верою, что в вышине
развеются сомненья прахом,
и не лежать в могиле мне!

Над головой сияет солнце,
лазурь прозрачная насквозь.
Ещё я здесь, но сердце бьётся
как будто в окруженьи звёзд.

АНДРЕЙ ВОРОНЦОВ

КОРАБЛЬ В ПУСТОТЕ

РОМАН

Etruscum non legitur (лат.) —
Этрусское не читается
Древнеримская поговорка

Турбины взвыли, засвистал снаружи ветер, побежала назад серая полоса асфальта наперегонки с зелёной полосой травы. Замелькали вышки, будки, самолёты, ангары, топливозаправщики. Тополя замахали руками, прощаясь. Нарастало томительное ощущение потери соприкосновения с землёй. “Эйрбас”, разгоняясь, словно наливался её тяжестью, пока под днищем что-то не оборвалось, и понеслась пустота. Мир качнулся и пошёл вниз. Косой макет аэропорта остался лежать в зелёном поле, разлинованном взлётными полосами, его разом обступила степь с ветвящимися по ней балками, слева набежала толпа домов, хаотичная в предместье и выстраивающаяся в шеренги ближе к центру. Аэропорт с диспетчерской вышкой пропал, как будто его и не бывало, внизу лежал город Южноморск, разрезанный узкой тёмной щелью бухты, которая светлела, расширяясь к морю. Мгновение — и оно уже заполнило собой весь горизонт, навалилось молодой грудью на старый, морщинистый берег. Вдруг над обрывом сверкнули на солнце два стеклянных кубика. Что-то помстилось в них знакомое... Да это же “Аквариум”! И то ли

ВОРОНЦОВ Андрей Венедиктович родился в 1961 году в Подмосковье. Автор романов “Огонь в степи” (“Шолохов”), “Тайный коридор”, “Необъяснимые правила смерти”, “Называйте меня пророком” (“Будущее не продаётся”), “Последний хеллувин маршала” и многих других произведений, большинство из которых впервые опубликовано в “Нашем современнике”. Секретарь Правления Союза писателей России. Сопредседатель Крымской региональной организации СПР. Член Общественного совета “НС”. Читает лекции по литературному мастерству в Московском государственном областном университете.

солнце превратило его крошечные грани в увеличительные линзы, то ли примерещилось мне на секунду, но увидел я, словно сквозь крышу, игрушечные коридоры, двери, комнаты, холлы, лестницы, лифты, фойе, зеркало, а в зеркале — теряющийся в бесконечности зал...

* * *

Впоследствии выяснилось, что сорок девять человек исчезли ещё вечером, а не утром, когда все встали. Придя на завтрак, я удивился, не встретив в гостиничном кафе ни души. Посмотрел на часы — опоздал? Да нет, 8.20, а завтрак с восьми. У стойки с едой совершенно нетронутый вид, на столах — ни крошки, приборы разложены в идеальном порядке. Всё блестит и ждёт едоков, башня из чистых тарелок стоит по стойке смирно, а едоки куда-то запропастились.

— Неужели я первый? — осведомился я у девушки из обслуги, показывая отелльную карточку.

Та как-то неопределённо пожала плечами, даже не попытавшись изменить заспанно-неприветливое выражение лица на нейтральное. Я редко бываю первым на какой-нибудь раздаче, но, если такое случается, не умею извлекать выгоду из положения. Вот и сейчас: кажется, выбирай, не хочу — самую глазастую яичницу, самые пухлые сосиски, самый румяный круассан. Да как-то неудобно пользоваться случайным преимуществом, хотя кухонной девушке это, скорее всего, по барабану. Неловко, чувствуя спиной её взгляд, набрал того, что попало под руку, нацедил кофе из автомата, сел в самый дальний угол. Дурацкая ситуация: один ест, другая смотрит. Может быть, и не смотрит, да какая разница, если представляешь её взгляд. Однако — где же остальные? Сказано: сбор в восемь сорок пять внизу, а ещё никто кроме меня не завтракал. Или учёные гульнули вчера, а сейчас не могут оторвать чугунных голов от подушки? Но, вернувшись поздно вечером с ознакомительной прогулки по городу, никаких звуков гульбы я не слышал. Вообще было как-то тихо, и никто не встретился мне по пути к номеру. Да и сейчас никто не встретился, даже удивительно. Отель-то, понятное дело, почти пустой — не сезон, а вот участников конференции — этрускологов, прибывших автобусом из аэропорта, — вчера на ресепшене толпило много.

Или я упустил какие-то изменения в программе? Вчера ушёл, едва заселившись, зная, что свободного времени больше не будет. Первый день — пленарное заседание, второй — работа по секциям, вечером — банкет, а на третий день, после подведения итогов и обеда, отъезд. Теперь не советское время, чтобы ещё денёк выделять гостям на культурно-ознакомительные мероприятия. Отстрелялись — и домой, чтобы лишние деньги на вас не переводить. Это только на Востоке гостей ещё не торопят выпроваживать.

Нет, если бы были какие-то внезапные изменения, то мне бы сообщил об этом портё, вручивший по моём возвращении пакет на моё имя с документами конференции. Я их у себя просмотрел, и там было написано то же самое, что сказал в автобусе координатор: завтрак — 8.00 — 8.40, отъезд на конференцию — в 8.45, с 9.00 до 9.30 — регистрация участников в городской библиотеке. Ладно, Бог с ними, что мне за дело? Главное, самому не опоздать. Я допил кофе и пошёл обратно в номер, собираться.

В коридорах и у лифтов снова я никого не встретил. Ну, значит, здесь так. Пусто и необыкновенно просторно. Номер мой был чуть не с футбольное поле. Окна — от пола до потолка, отдёрнешь шторы — море света. Прямо все шесть, а не пять “звёзд”. Не говоря уже о том, что “звёздами” я вообще не избалован и был бы доволен приличными тремя, иными словами — номером размером со здешнюю ванную. Вчера кто-то сказал, что отель только-только построил некий высокий чин из Минэкономразвития, и мы в нём едва ли не первые постояльцы. Мы да ещё местная футбольная команда. (Дело ясное — пробное заселение оплачивается из бюджета. Эти, из Минэкономразвития, умеют устраиваться.) У футболистов статус был поскромнее нашего. На ресепшене я слышал, как молодой человек в спортивном костюме

с обидой говорил лысому жилистому тренеру: “Нам же обещали, что игроки будут жить по одному!” “Так то игроки! — парировал тот. — А ты кто? Вратарь!” Оказывается, вратарь — не игрок. Во всяком случае, здесь.

По совести говоря, среди этрускологов — я тоже “не игрок”. У меня даже нет учёной степени. Но я автор книги о праславянах, в которой есть глава об этрусках. Не то чтобы я напрямую выводил русских из “этрасских”, как это сейчас модно, однако те материалы по сравнительной лингвистике, что я прочитал по ходу работы, свидетельствовали, что случайных этимологических совпадений в истории языков почти не бывает. Допустим, этрусски — это римское название, но сами-то они себя называли расена. Причём и “расена” эта известна нам в передаче историков древности, не заботившихся о транскрипции, а в этрусских надписях читаем просто — “рус”. И “земля” у них была “земеля”. При таких совпадениях нашим лингвистам и историкам нужно быть дураками, чтобы не искать общности. Другое дело, что в таинственном языке этрусов чем дальше в лес, тем больше дров, и “дрова” эти, с позволения сказать, не очень похожи на что-то славянское, а тем более русское. Однако и язык “Беовульфа” слабо напоминает не только современный английский, но и староанглийский. Всё то, что мы подразумеваем, говоря о древнеславянском или древнерусском, основано на сравнении средневековых образцов с современным языком. А ведь древнеславянскому, в свою очередь, предшествовал другой язык, более древний. Был ли он этрусским, венецким или ретским, мы не знаем. Но общее между этрусским и русским, если оно есть, можно найти, последовательно подбирая соответствия этрусскому в старославянском, древнерусском и уж потом только в русском. И не оттого ли “этрасское не читается”, что читают неправильно, ища “формулу соответствия” в неславянских языках? Ну, и так далее — об этом и была моя глава. Надо сказать, что подобных теорий, начиная с XIX века, выдвигалось немало, и я не знаю, почему именно меня пригласили на конференцию. Наверное, в качестве мальчика для битья, чтобы показательно выпороть и в очередной раз объявить антинаучными воззрения тех, кто ищет родство русского и этрусского. Я, вообще-то, не против: в нынешних условиях академическая порка — не худшая форма пропаганды твоих взглядов. И возможность, к тому же, дать вторую жизнь моей книге, которая вышла не очень большим тиражом. Доктора и кандидаты эти докажут, конечно, что я неуч, но сами наверняка не предложат ничего нового, и моя тема окажется на конференции самой интересной. Так я мнил, а как оно будет на самом деле, Бог знает.

В номере я взял папку с бумагами, бейджик и спустился в холл. Навстречу цугом шли раскрасневшиеся футболисты — видимо, после пробежки, в предвкушении завтрака. Этрускологов же я снова не увидел никого. Я человек мнительный и сразу стал думать: может, меня так изолируют? Но зачем? Я же не напрашивался на это мероприятие. Подошёл к портю — это был другой, не вчерашний.

— Скажите, а где участники конференции?

— Простите, какой конференции? — не понял тот.

— Международной конференции этрускологов. Вы что, не слышали о них?

— Слышал, но не видел. Вы первый.

Я опешил.

— Позвольте, вчера целый автобус заселился!

— Но я не дежурил вчера.

Дурдом! Я повернулся и вышел на улицу. На парковке увидел автобус с табличкой на лобовом стекле: “Международная конференция этрускологов”. А, вот и славно. Наверное, ждут только меня. Я вошёл в открытую дверь. Водитель, скучая, сутулился над баранкой. Все места в салоне пустовали. Я молча показал шоферу бейдж и сел у окна. Надоело мне спрашивать об этих этрускологах. Что я, в конце концов, организатор, что ли? Пусть сами разбираются.

Мы сидели и молчали. Площадь перед новеньким отелем была пуста. Несколько машин, кипарисы с ван-гоговскими хохолками, южные белоствольные

тополя. Тишина, солнце. Незаметно для себя я задремал. Потом очнулся и посмотрел на часы. Три минуты десятого.

— А мы не опоздаем к началу конференции? — спросил.

— Если я повезу вас одного, мне придётся потом возвращаться за остальными, — ответил водитель. — А у меня только одна путёвка — туда и обратно.

— Стало быть, вы ещё не отвозили никого?

— Нет, кроме вас никто не приходил.

— А давно вы здесь?

— С восьми сорока.

Я вытащил телефон и нашёл в “Именах” записанный вчера номер координатора Хачериди, позвонил. “Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети”, — был ответ. Я уже ничему не удивлялся. Выйти, что ли, взять такси? Но ради чего, скажите на милость, я буду это делать, если там всё равно никого нет? Или все этрускологи вышли из отеля поодиночке и уехали на такси?

— А такси здесь на площади кто-нибудь брал, вы не заметили?

— Если и брал, то не здесь. Отъезжающих машин я не видел. И приезжающих тоже. Может быть, вам сходить в гостиницу, разбудить ваших товарищей?

— Знать бы ещё, где живут эти товарищи! Я не смотрел, куда их заселяют. На своём этаже никого из них я не видел.

— Так спросите на ресепшене.

— Спасибо, уже спрашивал. Там теперь портье из новой смены, которому всё по барабану.

— Тогда так и будем стоять? Мне-то, в общем, всё равно.

— Я понял. Мне, наверное, не всё равно, но что я там буду делать один? Посижу ещё с вами, потом поеду на такси.

Шофер выругался и завёл двигатель.

— Обратно за ними поеду, если оплатят вторую ходку из своего кармана. А то что же это: взрослые люди и не могут собраться вовремя!

Город Южноморск, как и следовало из названия, лежал у моря, но не был курортом. Точнее, он всегда хотел, но как-то не складывалось. Не хватало то ли доступных пляжей, то ли атмосферы беззаботности и лёгкого разврата. Здесь трудились, служили на военном флоте и ловили рыбу. Утренние улицы были чисты и по-приморски старомодны, с обилием юной зелени на бульварах и необыкновенным количеством балкончиков, облепивших фасады домов времён царя Александра Третьего Миротворца. Развязная реклама тут смотрелась странно, как хулиганство. Люди степенно шли по своим делам или без всякого дела. Им, похоже, не нужен был сверхскоростной мобильный интернет или даровые пять тысяч за первую ставку в спортивном тотализаторе “Фонбет”. Столь же равнодушными оставляли их многочисленные ювелирные магазины, которых в наших городах развелось больше булочных. Автобус ходко двигался по улицам, не обезображенным пробками. В небе парили на изогнутых крыльях чайки, напоминая о близости моря. Самого же моря не было видно: оно лежало внизу, стиснутое длинной узкой бухтой, а открытая вода имела как раз там, откуда мы выехали, — у отеля “Аквариум”, курортной надежды города.

Я почти не удивился, когда увидел, что холл городской библиотеки пуст. Моё одиночество уже обрело тенденцию, и странно было бы, если бы оно враз нарушилась. Девушка, сидевшая за столом регистрации под вывеской “ЭТРУСКИ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА. Международная научно-практическая конференция”, имела какой-то напуганный вид и всё косилась в сторону коренастого мужчины в сером костюме, стоявшего лицом к окну.

Лист с фамилиями участников перед регистраторшей был девственно чист. Я подошёл и представился.

— Почему вы один? — прошептала она.

— А с кем я должен быть? — прикинулся непонимающим я. Если не удаётся ничего выяснить напрямую, то пойдём обратным ходом.

— Где ваши коллеги? Конференция должна уже начаться. В зале журналисты. На открытие приехал наш глава администрации.

Мужчина у окна повернулся ко мне. Бугристый лоб его навис над глазами, брови сдвинулись в одну линию. Без сомнения, он был зол.

— Хорошо, я понимаю, вы учёные, а не чиновники или солдаты, — процедил сквозь зубы он. — Но должно же быть и у вас какое-то представление о порядке. Город сделал всё для успешного проведения конференции. Хотя мы не имеем таких возможностей, как Москва. А вы? Зачем вы взялись за это дело, если не способны организовать людей? Почему вы приехали один?

— Что же здесь странного? Я и в ваш город прилетел один, и сюда приехал один, — ответил я. — Вы, вероятно, решили, что именно я организатор от этрускологов? Нет, я обыкновенный участник. Причём я вовремя вышел из отеля и вовремя сел в автобус. И этот вопрос: “Почему я один?” — у меня самого крутится на языке с утра.

— То есть, вы хотите сказать, что автобус привёз только вас?

— Совершенно верно.

Глава администрации сочно выговорил “б...”, но осёкся и раздавил зубами прочие звуки предполагаемого слова.

— А куда могли запропасться остальные? Там же у вас и иностранцы есть!

— Я думаю, вы уже поняли, что это вопрос не ко мне. Нужно звонить организаторам.

— Да звонили! — скривился он, кивнув в сторону дамы за столом. — Недоступны!

Я развёл руками:

— И мне недоступны.

Мэр задумался на секунду, пожевал узкими губами, глянул на часы и бросил регистраторше:

— Я поеду к себе. Вернусь после перерыва, скажу приветственное слово. Звоните. И всегда вот так с этой Москвой! Не по-людски!

Он ушёл, сердито вбивая каблуки в плиточный пол. Мы остались с девушкой одни.

— Ну, хоть вы распишитесь, — предложила она.

Я поставил автограф и пошёл в зал.

* * *

Полтора десятка местных журналистов и блогеров, томившихся там бездельностью, сразу окружили меня, когда понял по бейджику, что я “участник”. “За неимением гербовой, пишут на простой”, так и я на несколько минут превратился в “звезду науки”. Никогда в жизни я не был настолько популярен. Меня интервьюировали сразу несколько человек. Особенно старалась одна молодая дама с расширяющимся книзу носом, как у красоток Модильяни:

— Почему исчезли этруски?

— Я же вам говорю: я тоже с утра их не видел...

Народ засмеялся, а я поморщился. Остричь я не хотел: просто, уже по привычке, услышал “этрускологи” вместо “этруски”.

— Простите, я думал, вы всё о моих запропавших коллегах... Знаете, есть народы, которые исчезают, как кельты или готы. Вот и этруски исчезли.

— Я читала, что римляне всему научились у этрусков. Значит, ученики превзошли учителей?

— У них был сильнее выражен инстинкт государственности.

По лицу дамы пробежала тень. Видимо, она была либералкой.

— В Северной Корее тоже сильно выражен инстинкт государственности. Но значит ли это, что за ней будущее?

— Ничего не могу сказать про Северную Корею, не был. Но, если вдруг ослабнет её южный сосед и с полуострова уйдут американцы, то какая из

Корей возобладает? Наверное, та, в которой сильнее государственность. Вот и римляне: да, они не придумали водопровода и даже тогу позаимствовали у этрусков, но им, чтобы послать куда-то войско, не требовалось вести переговоры между двенадцатью городами.

— Значит, всё так просто?

— Да, всё просто, как и в нашей жизни. Только мы не доживаем и до ста лет, а история складывается столетиями. Вот и судите сами, просто или нет было небольшому племени из Лация создать империю, окружившую Средиземное море, словно это какое-нибудь озеро.

— Если римляне действительно переняли всё лучшее от этрусков, зачем нужна этрусология? — поинтересовался молодой человек хипстерского вида.

— Затем хотя бы, что римляне без этрусков погибли бы. Для них, кстати, полное исчезновение их языка и искусства в первом веке нашей эры стало неприятной неожиданностью. Римляне, очевидно, всё же хотели бы иметь при себе небольшую прослойку этрусской элиты, чтобы она и дальше подпитывала их в научной, технической и культурной сфере. Иначе чем объяснить, что будущий император Клавдий написал фундаментальную “Историю этрусков” в двадцати книгах и составил к ней словарь этрусского языка? Ничего подобного не было за всю историю римско-этрusco-ских отношений. Очевидно, что Клавдий хотел оживить ассимилированное этрусское сообщество. Но было поздно.

— Значит, существует этрусско-римский словарь? Почему же сейчас не могут читать этрусские надписи?

— Ни одно из сочинений Клавдия до нас не дошло. Причём они были утеряны ещё тогда, в эпоху расцвета Рима, во втором веке. Это довольно странно, поскольку Клавдия, как и Августа, после смерти обожествили. Но, видимо, он написал нечто такое о роли этрусков в истории Рима, что не пришлось по вкусу ни Нерону, ни его преемникам.

— А может быть, и потомков этрусков уже не было в Риме? Иначе бы они озаботились, чтобы сохранить свою “Историю”? — спросила дебелая женщина с могучими ляжками, выставленными на всеобщее обозрение мини-юбкой. Она представляла местное ТВ, судя по оператору с “Бетакамом”, выполнявшему её указания.

— Весьма может быть. Согласно свидетельствам античных историков, в восемьдесят девятом году до новой эры на Апеннинах нет-нет да звучала этруская речь, и продавались ещё их знаменитые вазы и зеркала. Потом — как отрезало. А всё дело в том, что именно в этом году этрусков объявили римскими гражданами. По обывательским понятиям того времени, мало отличавшимся от нынешних, это было хорошо, сулило обладателям новые права и возможности, а с точки зрения той небольшой доли самостоятельности, что ещё оставалась у этрусков, — не очень. Фактически их переверстали в римлян, обязав забыть, что они этруски. Полагаю, что тем из них, кто сумел к концу первого века до новой эры сохранить национальную идентичность, это совсем не понравилось. Но в новом статусе особого выбора не было: либо ты римский гражданин, либо нет. И тем, кто решил “нет”, пришлось, очевидно, покинуть пределы империи.

— И куда же?

— Это одна из этрусских загадок. Но в Ватикане хранится средневековая карта Древнего Рима, на которой указано две Этрурии: одна, нам известная, находится на Апеннинах, а другая — значительно восточнее, над средним течением Дуная, в Карпатах.

— Неужели на территории нынешней Украины? — оживился пожилой плешивый мужчина в “разгрузочном” жилете, старейшина местного журналистского цеха, очевидно.

— Не исключено. Только не говорите об этом украинскому делегату, если он имеется. Шутка. Границы второго местопребывания этрусков на этой карте не обозначены: просто написано “Этрурия” и поставлен прямоугольник. Ни координат, ни названий, кроме Дуная, всё примерно. Но по общему местоположению это и впрямь может быть и Закарпатье, и Прикарпатье, и Буковина.

— А как в свете этой карты вы смотрите на утверждения, что этруски имеют отношение к русским?

— Перед нами тот уникальный случай, когда непосредственными носителями этого утверждения были не исследователи, а исследуемые. Разве сторонники “русской версии” назвали этрусков русами, расами, расеной? Нет, они сами. Римляне же говорили в точности, как и мы, — “русские”, с тем исключением, что зачем-то прибавляли к этому слову союз “et” — “и”. “Etruscans”, “ирусские”. Тут, кажется, что-то вроде истории с подпоручиком Кижже. Очевидно, в каком-то давнем документе перечислялись народы Апеннин, в том числе, “et guscans”, без разбивки на слова, как это тогда было принято. А потом, по прошествии времени, кто-то, уже малоознакомый с тамошними этносами, переписал название этого народа вместе с союзом “et”. И пошло — “этруски”. Они, кстати, и славянами себя называли — *sluveni* — в Пиргийских табличках пятого века до нашей эры. Это вообще первое зафиксированное в истории упоминание о славянах. Переводы этрусских надписей, сделанные с использованием славянских и древнеславянских языков, по-моему, самые убедительные и отражают суть рисунков при надписях.

— Можете ли вы привести примеры?

— Ну, вот, скажем, часть надписи седьмого века до нашей эры, начертанной на спине змеи, обвивающей кувшин: “Е малу дике малу века ви сия жили”. Нам с вами, пожалуй, тут незнакомо только слово “дике” — точнее, употреблённое его значение. Между тем, на словенском и сербохорватском языках “дика” — доблесть, слава. Словенец Матей Бор совершенно справедливо переводит эту фразу на свой язык: “Je malo dike, malo veka v tem žitji”. По-русски же будет: “Мало славы, мало времени в сей жизни”. Для кого-то это удивительно, а вот знаменитый академик Марр считал, что в недрах русского языка существует огромное этрусское наследие, притом в составе наиболее коренных русских слов.

— Каких же?

— Рай, радуга, рок, рокот, тризна, луч, глаз, рот, рождать, расти, раб, отрок, ребёнок, река, ремесло, рыть, рушить, стричь, красный, румяный, ржый, лайка, конь, лошадь, лось, — и это лишь малая часть слов.

— В чём же тогда проблема? “Русскую версию” не принимают западные этрускологи?

— Они её даже не обсуждают. Любопытно послушать, что они скажут на этой конференции. Хотя лично мне это заранее известно. Для западных учёных этруски без приставки “эт” политически неприемлемы, ибо тогда выходит, что протославяне стояли у истоков древнеримской цивилизации. А значит — европейской цивилизации вообще, ведь она строилась по римскому образцу. Тем не менее, не все сторонники “русской версии” — русские или славяне. Например, Себастьяно Чампи, пионер “славянской этрусологии”, — итальянец. На родине его методы объявили ненаучными, хотя этрускологов такого уровня не было в тысяча восемьсот двадцать четвёртом году не только в Италии, но и во всей Европе. Причём Чампи, в отличие от оппонентов, знал славянские языки. С тех пор картина не меняется: “славянский след” отвергают, прежде всего, те, кто не имеет никакого представления о славянской лингвистике. Таков, с позволения сказать, “истинно научный метод”.

— Вы, как можно понять, сторонник именно “русской версии”? — уточнил давно тянувший руку человек с бритым интеллигентным лицом, выделяющийся среди остальных костюмом и галстуком.

— Я постарался её объективно изложить в главе своей книги о праславянах — скорее, в информативном, нежели в апологетическом ключе. И тому есть причины. Этрусков недаром считают самым загадочным народом. Откроешь у них одну тайну, и вылезет десять. Так и с “русским следом”. Допустив, что этруски — праславяне, мы вправе ожидать эволюцию их языка от праславянского к древнеславянскому. Практически же это означает, что поздние этрусские надписи должны быть нам понятнее, чем ранние.

— А это не так?

— Совсем не так. Как славянские, довольно легко прочитываются именно ранние надписи, а в поздних можно лишь отыскать славянские корни

и следы славянского синтаксиса, но смысл понять невозможно. Такое ощущение, что язык этрусков после пятого века до нашей эры претерпел сильные изменения под влиянием другого языка.

— Какого же?

— Новая этрусская загадка. Ясно лишь, что ни к латыни, ни к языкам других италийских народов он не имеет никакого отношения. И тут приходится вспомнить версию “отца истории” Геродота о происхождении этрусков. Они якобы жили ещё до Троянской войны в малоазийском царстве Лидия и отплыли в Европу, сначала на Балканы, а потом на Апеннины, спасаясь от многолетнего голода, постигшего страну. Именем их предводителя, Тиррена или Тирсена, названо море, омывающее итальянский “сапог” с запада. Эта теория скептически воспринимается многими сторонниками как “славянского следа”, так и “неславянского”, ибо близкие ранним этрускам по языку и письменности альпийские реты пришли явно не из Малой Азии. Язык же лидийцев совершенно иной, нежели этрусский, и вряд ли он влиял на него в поздний период существования Этрурии. Но вот какая штука... В отличие от других античных историков, Геродот жил не в пору угасания или исчезновения этрусков, а тогда, когда они ещё были в силе, то есть в пятом веке до нашей эры. Как современник, он имел возможность общаться с настоящими этрусками, а не латинизированными. Поэтому просто взять и отмахнуться от версии Геродота невозможно.

— Получается какой-то заколдованный круг.

— Ещё какой заколдованный! Оттого усилия исследователей, независимо от их отношения к “славянскому следу”, направлены на устранение этого противоречия. Вспоминают, в частности, что было несколько волн миграции на Апеннины из Малой Азии. О первой нам говорят такие античные авторы, как Гомер и Цицерон. Речь идёт о царе Энее и его соотечественниках, союзниках троянцев в войне с греками, покинувших Трою после её падения. Надо сказать, что имя царя и название его народа, энетов, звучат у Гомера так потому, что древние греки не знали звука “v” и замещали его звуком “h”, дигаммой. А поскольку нам известен народ “венеты”, который многие исследователи считают праславянским, а финны, эстонцы и карелы до сих пор называют так нас, русских, то мы вправе спросить, не являлись ли энецы Гомера на самом деле венетами? Тем более, что римляне, которые имели звук “v”, называли гомеровских энетов именно венетами. Точно так же они называли представителей атестинской или палеовенетской культуры, живших на северо-востоке Апеннин с начала первого тысячелетия до нашей эры. Это те, кому обязана своим названием Венеция. То есть, венеты из Малой Азии мигрировали не вслепую, а к европейским сородичам, причём двумя колоннами, если верить историкам древности. Первая — во главе с Энеем, вторая — во главе с троянским старейшиной Антенором. А учитывая, что у атестинских венетов и этрусков была практически одна и та же письменность и схожий, хотя и не одинаковый язык, мы можем предположить, что малоазийские венеты и были предками ранних этрусков, надписи которых читаются с помощью древнеславянского языка. Допустим далее, что история, рассказанная Геродотом, верна. Только лидийцы во главе с Тирреном являлись не праотцами этрусков, а прибывшей к ним новой миграционной волной. Встроившись в этрусское сообщество, тиррены постепенно возобладали над праславянским элементом в нём. И надписи этрусков этого периода нами уже почти не читаются. Всё вроде бы логично, только непонятно, зачем лидийцам потребовалось перенимать письменность этрусков, если у них была своя, схожая с древнегреческой.

— Говорят ещё о пеласагах как предках этрусков.

— Собственно, пеласаги, по мнению многих историков, и есть тиррены. Говорят также, что и гомеровские энецы — суть пеласаги и тиррены, потому что местопребывание этих трёх народов и маршруты миграций пересекаются. К тому же, на острове Лемнос в Средиземном море, являющемся перевалочным пунктом для мореплавателей-пеласгов, обнаружены две надписи седьмого-шестого веков до нашей эры, выполненные схожим с этрусским алфавитом и языком. Причём одну из них, Эфестийскую, ничего не стоит перевести на русский даже мне, неспециалисту.

— И что же там написано?

— “Hktaonosi heloke soromš aslaš”. “Сором”, как известно, на древнерусском — “стыд”, “позор”, “срам”. “Хтонический” по-гречески — “подземный”. Слов “heloke” и “aslaš” я не знал и запросил перевод с разных языков у “Гугла”. Он выдал, что по-турецки helak — это смерть, ад, проклятие, что соответствует греческому “коласи” — ад, геенна. Слово aslaš нашлось в литовском и латышском языках и означает “разделять”. Такой лингвистический разброс не должен нас удивлять, ибо и древнерусский, и древнелитовский, и древнелатышский восходят к одному балто-славянскому праязыку. В нашем языке это “aslaš” сохранилось в виде слова “слоиться”. Заимствования в турецком из греческого — тоже не редкость. Таким образом, есть все основания предполагать, что легендарные пеласги писали на некой смеси древнегреческого и праславянского, и означает Эфестийская надпись примерно следующее: “Подземный ад, позор разделяющим”. Но, если я, не будучи лингвистом, так легко перевёл её, то не пеласги были таинственным “народом X”, сделавшим этрусский язык из читаемого нечитаемым.

— Тогда кто же? Есть предположения на этот счёт?

— Лично у меня не было, пока я не обратил внимания на одну этрусскую надпись с кувшина, переведённую Матеем Бором. В ней осуждаются “русы”, пьющие “с jeme cu hetie”. Что за “hetie”? Первое, что приходит в голову — это хетты. Или, скорее, хеттиты, то есть потомки древнего индоевропейского народа хеттов, во времена этрусков уже не существовавшего. Так может быть, это они были геродотовыми “лидийцами”, а никакие не пеласги, обосновавшиеся на Апеннинах уже давно? Геродот едва ли знал разницу между лидийцами и хеттитами, жившими в Лидийском царстве. Да и хронология у него хромает: Тиррен со товарищи никак не могли отплыть в Европу из Лидии за столетие до Троянской войны, потому что никакой Лидии тогда ещё не было. А при Геродоте её уже не было, так что он излагал легенду о происхождении этрусков с чужого голоса. Естественно, при таких обстоятельствах весьма возможны анахронизмы и неточности. Описанный Геродотом голод случился, вероятно, после разрушения Лидийского царства персидским царём Киросом в пятьсот сорок шестом году до нашей эры. Тогда всё сходится, и лидийские хеттиты вставляются в схему этрусской истории. Ведь не сразу же они превратились в этрусков, был какой-то период взаимной притирки, едва ли короткий. Фрагмент из него и зафиксировала переведённая Бором надпись на кувшине, что само по себе весьма ценно. Только вот задача с “хеттским следом”: поздние этрусские надписи не удаётся прочесть и с помощью хеттского языка, который полностью реконструирован.

— Новый тупик?

— Да, и, похоже, не последний. Предполагается ещё, что на индоевропейский язык этрусков оказал сильное влияние какой-то неиндоевропейский, отчего и получился сложнейший субстрат, ключ к которому мы подобрать не можем. Возможно ли это? Возможно: лет за двести до первой Пунической войны некоторые этрусские города задружились с карфагенянами или финикийцами, семитским народом, проживавшим в Северной Африке. Известные Пиргийские таблички пятого века до нашей эры выполнены на двух языках — этрусском и финикийском. Когда их обнаружили, этрускологи всего мира праздновали победу, думая, что это билингва, и теперь нет препятствий для расшифровки этрусских слов посредством финикийских. Но не тут-то было: финикийская версия оказалась не переводом, а отдельным текстом, хотя и повествующим о том же событии. Однако показателен сам факт появления двуязычных табличек и то, что в своём тексте этрусски выказывали почитание финикийской богини Астарты наряду со своей Уни-Юноной (этот фрагмент прочитывается всеми переводчиками). Такое произошло с этрусками впервые после признания ими греческих богов. И, стало быть, более тесные контакты с финикийцами, включая широкие языковые заимствования, вероятны. Между тем, карфагенская религия была далеко не безобидной: там считалось обычным делом сжигать живьём детей-первенцев в качестве жертвы Ваалу и Астарте. Едва ли этрусски об этом не знали. Но они, очевидно, искали сближения с финикийцами для укрепления

своих позиций в противостоянии с римлянами, а финикийцы хотели от этрусков того же. Эти надежды оказались напрасны: ни карфагеняне не помогли Этрурии против римлян, ни этрусски Карфагену, когда Ганнибал вторгся в Италию.

— Этруски поняли, что финики эти никогда не помогают славянам! — сказал доселе молчавший мужчина с рублеными чертами лица и бородой. Народ заулыбался — видимо, бородатый не раз веселил их подобными “приколами”.

— Вот и решайте теперь, славяне этрусски или русские, даже если они сами себя так называли. И на каком языке говорили те, кто предположительно оказался в Карпатах.

— Русские те, кто говорил на древнерусском. Остальные — этрусские, — предложил простое решение русопят.

— Другими словами, вы предполагаете ввести разделение на “ruscans” и “etruscans”, где “et” означало бы отступничество от русского? Остроумно.

— А то, — охотно согласился бородатый.

Кто-то пошутил:

— Наверное, теперь конференцию можно вообще не проводить, вы уже поработали за всех.

Я очнулся. Повышенное внимание к моей скромной персоне убаюкало меня. Между тем, за полчаса этого импровизированного интервью ни один мой коллега в зале не появился. Что там этрусски — они исчезли давно, а вот где этрускологи? Я что — вот так и буду один целый день вещать журналистам? Нет, поеду в гостиницу. Скажу девушке на регистрации, пусть меня вызвонят, когда они, наконец, соберутся.

Я встал и попрощался с прессой:

— Извините, друзья. Но мне действительно неловко заменять здесь всех. Давайте сделаем перерыв, что ли.

— Напишите, пожалуйста, как точно звучат надписи, переводы которых вы привели, — попросил, протянув мне свой блокнот, интеллигентный мужчина в костюме. — А то с голоса можно напечатать с ошибками.

— Вам как написать: кириллицей, латиницей или “этрускицей”? — пошутил я. — Я, знаете, могу и этрускицей — немного изучил её, когда писал главу об этрусках для своей книги.

— Давайте лучше латиницей, — серьёзно ответил тот. — А то, боюсь, в компьютерной программе нет этрускицы. — Профессионал, сразу видно.

Я написал и пошёл на выход. Журналисты мне похлопали. О, слава, как ядовита твоя сладость! Как лишняя ложка сахара в кофе.

* * *

Стекланная громада отеля была видна издали. Он и впрямь напоминал аквариум, только не один, а два, соединённые понизу перемышкой-вестибюлем. Я возвращался на такси, поскольку мне не улыбалось ехать назад в пустом автобусе и со злым водителем. В пронизанном светом “Аквариуме” было по-прежнему пусто, только давешний портье нервно тыкал в кнопки телефона. На меня он посмотрел затравленно. Не сказав ему ни слова, я пошёл к лифту.

— Могу ли я вас пригласить на чашечку кофе? — услышал я за спиной.

Я обернулся. У стенда с газетами и журналами стоял кривоногий молодой человек в усах, который зачем-то натянул на себя узкие по моде брюки, делающей эту кривизну какой-то особо подчёркнутой и, даже не побоюсь сказать, развратной. Под стать брюкам был и его модный пиджачишко, который держался на одной пуговице, едва сходясь на уже обозначившемся брюшке.

— Простите?

— Капитан ФСБ Ротов Сергей Павлович, — он развернул красную книжицу. — Хотелось бы обсудить возникшую эээ... неординарную ситуацию.

Та-ак. Значит, дело не в опоздании или каких-то организационных нестыковках — всё серьёзнее. Что за напасть на меня такая: постоянно попадать

в истории! Я молча кивнул, и мы прошли в бар отеля, совершенно пустой в эту пору.

— Судя по вашему появлению, — предположил я, когда мы уселись за столик и заказали кофе, — мои коллеги так и не объявились.

Он покачал головой.

— Тогда при чём здесь ФСБ? Пропавшими людьми занимается полиция.

— Мы не можем игнорировать озабоченность властей города, что срывается важное мероприятие международного значения. К тому же, среди участников есть иностранцы, а это уже по нашей части. Скажите, нет ли оснований предполагать в поведении делегатов какую-то форму бойкота?

Я пожал плечами:

— Да я их не знаю, этих делегатов. Я писатель, они учёные. Сошлись мы вместе только у автобуса в вашем аэропорту. Лишь тогда я понял, что кого-то уже видел в самолёте. Пока ехали, ни о каком бойкоте ничего не слышал.

— А что вообще слышали?

— Я не особенно прислушивался. Некоторые из них были хорошо знакомы друг с другом и болтали о каких-то им известных обстоятельствах и людях. А по пути ещё говорил по внутренней трансляции координатор.

— О чём?

— Ну, например, что сегодня день заезда и питание в отеле для нас не запланировано, поэтому нам выдадут деньги на ужин в городе.

— А сами вы ни с кем не перемолвились словечком? Не завели знакомства, пока ехали в автобусе?

— В автобусе — нет. А в самолёте разговорился с соседом с такой героической фамилией... ммм... как же его? Ворошилов? Нет — Киров! Доктор Киров, точно. Причём внешность фамилии решительно не соответствовала: ухоженная борода, золочёные очки.

— И о чём вы говорили?

— Собственно, это он говорил. Я бы к человеку, сидевшему даже не рядом, а через проход, не стал обращаться. Дело в том, что он очень боялся летать и поинтересовался у меня, поскольку соседкой справа была женщина, будут ли в салоне разносить алкоголь. Ну, слово за слово, познакомились, поняли, что летим на одно мероприятие. Киров этот всё хотел довести до моего понимания, что в воздухе под нами будет пропась в десять километров. “Это же уму непостижимо! Это же уму непостижимо!” — без конца повторял он. А на взлёте попросил взять меня за руку. Через проход, представляете! Я машинально взял, и полсалона на нас оглянулись. Не знаю, что они подумали, но я после взлёта постарался от его влажной ладони побыстрее освободиться. Ну, а дальше ему спиртного принесли, он немного успокоился. Когда стали снижаться, я прикинулся спящим, чтобы больше не держаться с ним за руки. Ну, вот и всё.

— Н-да, понятно. — Ротов был явно разочарован. — Хорошо, вот вы приехали... Ваши коллеги, что, не пошли в отель?

— Как это — не пошли? Все пошли.

— Почему же они не зарегистрировались?

— Позвольте?..

— Зарегистрированы в “Аквариуме” только вы.

Я не верил своим ушам.

— Да что вы! Передо мной у стойки стояло человека три и за мной невесть сколько. Как они могли не зарегистрироваться?

— А вы видели это?

— Что — это?

— Ну, как их регистрировали.

— Естественно, я не следил за действиями портъё. Все брали карточки и шли их заполнять. Я тоже. А что уж он там с ними делал... Полагаю, вам лучше спросить у него самого.

— А видели ли вы, чтобы кто-то из ваших людей заселялся?

— В лифте со мной поднимались несколько человек — наши, не наши, сказать точно не могу. Но они вышли на других этажах, ниже. Так что я не

могу знать, как конкретно и куда они заселялись. На моём этаже никого из них не было — во всяком случае, тогда.

— Вы, насколько я понял, сразу по заселении отправились в город. Когда вы спустились холл, там кто-то ещё был?

— Полным-полно этрускологов. Я ведь только оставил в номере вещи. Кто-то ещё стоял у стойки, а кто-то получал деньги на ужин у координатора. А вы говорили с портье?

Ротов замаялся.

— Видите ли, он тоже куда-то исчез, — буркнул после паузы он.

Я закашлялся, поперхнувшись глотком кофе. Что? И портье исчез? Это дурной сон? Или какой-то дешёвый детектив с элементами театра абсурда, в который я умудрился вляпаться? Спрашивается, за каким чёртом я вообще поёрся сюда? Что мне эта конференция? Разве я не знал, что не услышу здесь ничего нового? Покрасоваться, что ли, захотел? Ну, что ж, теперь ты можешь проявить себя: найди капитану Ротову полсотни этрускологов и одного гостиничного портье.

— А наш координатор? И он, что ли, исчез?

— Да, — кивнул он.

Воцарилось молчание. Кофе потерял вкус, мне нестерпимо захотелось в аэропорт, на самолёт, домой.

— Да, вспомнил! За стойкой была ещё девушка, она занималась футболистами. Неужели и она?..

— Увы, и она.

— А футболисты?

— Знаете, мне не до шуток.

— Простите, я и не думал шутить. Но, согласитесь, исчезновение футболистов было бы не более непостижимо, чем исчезновение этрускологов.

— Футболисты в порядке. Хотя лучше бы это их похитили: плетутся в конце турнирной таблицы, позорят город... И ими бы точно занималась полиция. Вот что я ещё хотел спросить у вас... Мне, конечно, доводилось читать об этрусках, и общее представление о них я имею. Но тонкости мне не известны. Скажите, насколько резонансна тема конференции?

— Интерес к ней достаточно устойчивый, особенно учитывая загадочный характер этрусков. Что до остального... Вокруг этрусков, на мой взгляд, всегда есть какой-то налёт чертовщины — вроде как у Проспера Мериме в рассказе “Этрусская ваза”. Но мне не доводилось слышать, чтобы похитили хотя бы одного этрусколога, не говоря уже о полусотне. Вот если бы темой конференции была коррупция власть имущих... или что-то в этом роде...

— А каких-нибудь научных сенсаций на конференции не предвиделось?

— Судя по темам докладов в программе, вроде бы нет. Ну, а содержания их, как вы понимаете, я не знаю.

— А ваш доклад? Вы ведь выдвинули в нём какую-то альтернативную версию?

— А вы откуда знаете?

— Из информации о вашем общении с прессой.

— Хм... оперативные у вас информаторы. Но я не понимаю вопроса. Вы намекаете на то, что я мог устроить похищение делегатов, дабы на конференции прозвучала только моя гипотеза?

— Не знаю, как насчёт похищения, но хочется, согласитесь, понять, почему все куда-то пропали, а вы нет.

— Версия первая: я слишком быстро уехал из отеля и не попал на вечерний банкет, который делегаты себе организовали или кто-то им организовал, что вернее всего. И с этого банкета, затянувшегося за полночь, они почему-то в отель не вернулись.

— Но они, напомним, ни в какой отель не заселились.

— Это ещё не известно. Надо найти портье, чтобы выяснить, почему он их не зарегистрировал.

— Согласен. Однако он не только их не зарегистрировал, но и не выдал им карты-ключи. Куда бы они возвращались? Они пропали с вещами! А вторая версия?

— Они решили поехать на какую-нибудь экскурсию за город, чтобы с пользой провести свободное время, а там сломался автобус. Не знаю, правда, зачем бы им потребовалось брать вещи.

— Далеко же они должны были уехать, чтобы не вернуться к утру!

— Отсюда версия третья: за время моего отсутствия произошло нечто такое, что заставило их сменить отель. В итоге произошла путаница, и автобус послали не туда.

— Это правдоподобней. Тогда с минуты на минуту они должны появиться: не в соседней же области этот отель!

— Вероятно, но они всё не появляются. А у вас есть их телефоны? У меня лично — только координатора, который недоступен.

— Да, нам дали в оргкомитете. Они тоже недоступны. ВСЕ.

— Четвёртая версия. Сменив отель, они отправились ужинать и отравились некачественными продуктами, и были доставлены в инфекционную больницу. Телефоны у них забрали вместе с одеждой и документами. Вы уже обзванивали больницы?

— Занимаемся. И моргами тоже, простите. Отрабатываем также версию с ограблением делегатов, в частности, иностранцев — они обычно с деньгами. Только всё это напрасно, думаю. Об отравлении, ограблении или смерти полусотни людей мы бы давно уже знали. Это даже для Москвы круто.

— Знаете, в молодости я писал детективные романы и немного понимаю, как именно причины превращаются в следствия. С этой точки зрения все мои четыре версии не имеют особого значения. Ни предполагаемый банкет, ни экскурсия, ни переезд в другой отель, ни гипотетическое отравление не могли быть причиной происшедшего. Ход событий изменился именно здесь, в “Аквариуме”, когда делегаты регистрировались, но необъяснимым образом не регистрировались. Копать нужно здесь!

— Согласен. И вы пока наш единственный свидетель. Поэтому просьба к вам не уезжать до выяснения обстоятельств.

— Вот это здорово! За что же мне такое наказание?

— Почему — наказание? Вы же всё равно сюда приехали на три дня. За это время, думаю, разберёмся. Пятьдесят человек не иголка. А за вами будет присматривать наш сотрудник. Так, неназойливо, вы его и не увидите.

— Час от часу не легче! Это ещё зачем? Что же — если я не исчез, стало быть, я обвиняемый? Что у вас за практика такая?

— Вы не с той стороны смотрите на ситуацию. Надо так: все исчезли, а вы нет.

— И что?

— А то, что, если здесь имеется криминал, и вы лишь случайно не исчезли со всеми, то вы в опасности.

Я задумался. Хм, в самом деле...

— Хорошо, но через три дня — точнее, уже через два, — если, не дай Бог, ничего не выяснится, — я уеду. Чтобы задержать меня подольше, вам придётся предъявить мне обвинение.

— Ну, что вы. Я, думаю, до этого не дойдёт. Будем надеяться, что всё выяснится сегодня. Да, вот ещё просьба... При всей нашей озабоченности инцидентом, мы бы не хотели пока лишней огласки. А то мы поднимем гамтарарам на весь свет, а потом окажется, что причиной это странного события явилась какая-нибудь нелепость. Понимаете? Мы станем посмешищем, и вы, кстати, тоже. Воздержитесь, пожалуйста, сегодня от звонков или e-mail'ов в Москву по этому поводу. Даже жене.

— Ладно, — вяло согласился я.

На том и расстались. Я поднялся в свой номер и от нечего делать стал смотреть в окно. Отель отхватил у города немаленький кусок пляжа. Для него уже привезли три кучи мелкого белого песка. Высокий забор ощетинился у воды круглыми решётками с пиками, не дающими зайти со стороны моря. Для постояльцев отеля строился отдельный пирс и небольшой аквапарк. Подразумевалась и некая ландшафтная эстетика — японский сад камней на заднем дворе, с косою рощицей бамбука. “Если бы это всё было бесплатно, люди сказали бы: “О-о-о!” — а когда за деньги, то они говорят: “А-а-а...” —

подумалось мне. Я не испытывал никакого желания посетить японский сад и постоять на пирсе, хотя мог это сделать на законных основаниях. Я не пошёл бы кувыряться в аквапарке, будь он достроен. Всё это было дорогостоящей дешёвкой, исполненной скуки и тоски. В те редкие минуты жизни, когда тебе хочется развлекаться, нет наготове ни пляжа, ни аквапарка, ни сада камней, идёшь себе в кафешку какую-нибудь. Когда же не надо, тебя окружают омертвелые развлечения, почему-то наводящие мысли о смерти. Я не представляю себя медитирующим в саде камней. Мне не о чем там медитировать. Если это метафора миропорядка, то дайте мне свидригайловскую баню с пауками: может быть, в ней ещё удастся попариться.

Несмотря на впечатляющий метраж номера, было душновато. Однако, поискав глазами оконную ручку, я её не нашёл. И форточки тоже. Просто огромные глухие рамы до потолка. Так, первый конструктивный изъязн “новодела”. Вместо свежего воздуха — “кондёр”, гоняющий воздух несвежий. Я постучал по стеклу. Звук тупой, как будто стучишь по броне, — это было что-то пуленепробиваемое. Что ж, придётся охлаждаться кондиционером.

Покопавшись в пульте, я прилёг на кровать размером с боксёрский ринг. Подремлю, пока не позвонят. Слишком много событий за один день. Точнее, пугающее отсутствие событий и людей. Я не любил всякой чертовщины и того, чего не понимаю. Не понимаешь, значит, понимает кто-то другой — и тебе в ущерб. Мой приезд сюда не был обязательным, и всё остальное тоже. Но теперь я почему-то должен отвечать за всех. Мораль: не занимайся не своим делом. Я не историк, а полез в историю, как и многие самонадеянные писатели. И вот итог: “Сегодня вечером на Патриарших прудах будет интересная история”. Кажда разгадывать тайны часто приводит нас, хотя мы и сами того не понимаем, к тому, что мы оказываемся внутри этой тайны. Так с Булгаковым всю жизнь и было. Характер описываемого мира он определил довольно рано — “дьяволиада”. Но отчего же он удивлялся, когда она вторгалась в его жизнь? Незаметно перейдя от яви ко сну, увидел я в нём Булгакова — с моноклем, как на знаменитом фото. Михаил Афанасьевич разлепил узкие губы и сказал: “Hktaonosi heloke soromš aslaš”, — и иронически покосился на меня, поблескивая стёклышком в глазу. Польщённый, я возразил: “Думаю, это надо говорить с другой интонацией, на манер: “Слава Украине! — Героям слава!” — ну, вы знаете. То есть: “Hktaonosi heloke!” — “Soromš aslaš!” — “Вот как? — улыбнулся классик. — А может быть, если мы перешли на мову, то имеем дело с двумя сторонами одного умозаключения, вроде: “Гэрои нэ вмирають. Боягузы нэ живуть”? Хотя на самом-то деле и гэрои вмирають, и боягузы живуть. А версия “пароль — отзыв” вас не устраивает? — Пароль для чего? — Ну, для этого, “hktaonosi heloke”. Очевидная эта мысль поразила меня. “Вы имеете в виду пропуск в ад?” Булгаков внимательно посмотрел на меня и ответил: “Туда не надобно пропуска. Их требуют в другом месте. Однако нужен пароль, если хочешь попасть раньше времени”.

На этих словах его я проснулся. Господи, приснится же такое!

Я сел на кровати. Девушка из оргкомитета не звонила, значит, делегаты так и не нашлись. Поеду в местное управление культуры и науки, проводящее конференцию, решил я. Пусть они скажут, чем мне здесь заниматься. А то местные чекисты заставят меня искать вместе с ними совершенно не знакомых мне людей.

В лифте я столкнулся с парнем-вратарём, которого не признавали игроком. Обрадовавшись, я спросил у него:

— Вы меня помните? Мы вчера стояли рядом на ресепшене.

Парень как-то дёрнулся. Может, ему было неприятно, что я стал свидетелем его статусной дискриминации?

— Там ещё были учёные, целая толпа. Помните их?

Вратарь что-то буркнул, отводя глаза.

— Сегодня мне говорят, что они не регистрировались в отеле. Но ведь они регистрировались, не правда ли, вы видели?

— Ничего я не видел! — вдруг выпалил он.

— Как же так? — поразился я. — Невозможно не видеть — я ведь вас видел и запомнил. Неужели у вас, такого молодого человека, память слабее моей?

Парень покраснел и отвернулся.

— Слушайте, — выдавил он из себя, — не путайте меня в это дело, а?

— Да что за дело-то? И дела никакого нет. Просто...

— Не знаю. Приходил капитан и сказал не сообщать никому ничего про вчера. А то будут неприятности. Мне оно надо?

Лифт остановился, двери распахнулись. Вратарь-неигрок быстренько смылся. Я стоял в холле в задумчивости, неприятно поражённый. Хотя “неприятно” — не то слово. Капитан Ротов заставляет молчать свидетелей? Что это? Тут открылись двери соседнего лифта, и из него выскочил мужчина, бросивший на меня быстрый взгляд. Был он в таком же обтягивающем костюмчике не по размеру, как Ротов, только не так кривоног и без усов. Ага, это “присматривающий сотрудник”, которого я якобы не увижу. Они что, все в одинаковом “прикиде”, словно команда агента Смита из “Матрицы”?

Попросив на ресепшене вызвать мне такси, я вышел на улицу. В какой переплёт я попал? Неужели ФСБ на самом деле известно, что случилось с этрускологами, но они всеми силами пытаются это скрыть? Отсюда — “исчезновение” вчерашних портье, координатора, угрозы футболистам? Но что такое совершенно невообразимое могло случиться, чтобы маскировать пропажу пятидесяти человек? Я стал припоминать своих соседей по автобусу, помимо героического Кирова. Все они категорически не походили людей, с которыми “что-то случается”. Обычные благонамеренные научные клерки. Даже какой-то творческой сумасшедшинки я ни в ком не заметил. Другое дело писатели — вечно податые, склонные поскандалить. А эти? Может быть, они “слишком много знали”, как говорят в детективах? Но что, скажите на милость? Какой такой “инфой” могут владеть этрускологи? О чём? Как бы там ни было, ситуация диаметрально поменялась: из необходимого свидетеля я превращался в нежелательного. И ещё не известно, насколько нежелательного. Мне бы, по-хорошему, после разговора с запасным вратарём линять отсюда надо, напрямиком в аэропорт, но тогда, если меня сцапают, я точно окажусь крайним. Бежал — значит, виноват.

Когда я подошёл к дверце прибывшего такси, сзади меня вдруг материализовался “смотрящий”.

— Вы не возьмёте меня? — тихо поинтересовался он, дотронувшись до моей спины.

Я даже рот разинул от удивления.

— Всё равно ведь цена будет одинаковая — что за одного, что за двоих, — примирительно сказал он.

Я начал кое-что понимать.

— Денег вам на такси, я вижу, не выделяют. О служебном автотранспорте уже не упоминаю.

Тот развёл руками.

— Ну, садитесь. Вас как зовут хоть?

— Зовите Григорием.

— Ну, а я Борис.

— Да я знаю.

— Ну, конечно, вам положено. Только учтите, всё время я вас на такси катать не буду. Не из вредности, а потому что мне-то на такси тоже денег не выделяли. И хоть оно здесь дёшево, не наездишься.

— На общественном транспорте будем ездить, — жизнерадостно сказал курносый Григорий.

“И снова за мой счёт?” — хотел спросить я, но сдержался. Нет, это не местные чекисты похитили учёных. Они не смогли бы арендовать для них отдельный автобус. Пришлось бы везти в тайное узилище в муниципальном. И заставить их купить билеты. Я с неудовольствием отметил, что, начав шутить сам с собой, никак не могу остановиться. Ничем, кроме полной растерянности, это нельзя было объяснить. До шуток ли тут? Один знакомый директор издательства начинал смеяться и почёсывать в паху, как только речь

заходила о самом для него чувствительном — о деньгах. Так и из меня бьёт фонтан сомнительного остроумия, как вспомню о пропавших этрускологах.

Управление науки и культуры (и почему-то спорта) находилось неподалёку от городской библиотеки, в сталинском Эрехтейоне, где роль кариатид, поддерживающих портик, выполняли побитые временем рабочие и крестьяне. Парадную лестницу покрывал вытертый ковёр. В сводчатом коридоре Григорий молча указал мне налево, а сам сел на банкетку. Никакого оживления в связи со случившимся ЧП здесь не наблюдалось, только пара чиновников устало брела вдоль стен с бумагами. В помпезной приёмной начальника было пусто. Я постучал в массивные двери кабинета с табличкой “Здолбунович Семён Брониславович”, заглянул. Спиной ко мне у противоположной стены стоял сутуловатый человек, изучавший то ли бронзовый бюст президента на подставке, то ли грамоты по соседству. Когда он обернулся, я его сразу узнал: этот очкастый, с залысинами, не глядящий в глаза мужчина был на моей так называемой пресс-конференции, правда, вопросов не задавал.

— А-а, — тихо, я бы даже сказал — шелестом — молвил он, — проходите.

Я уселся на указанный мне стул. Начальник же сел на своё место, за просторный рабочий стол, и посмотрел в сторону. Я невольно глянул туда же — это был погасший монитор компьютера.

Мы молчали. Он глядел на мёртвый экран, а я — на него. Так прошло несколько минут. Наконец, я откашлялся и произнёс:

— Есть какие-нибудь новости?

— Простите? — Здолбунович нехотя отвёл взгляд от монитора, но остановил его не на мне, а на телефонном аппарате.

— Ну, новости об этрускологах.

— Ах, да, — прошелестел он. — Знаете, на конференцию никто из них, кроме вас, не явился.

Он что, издевается?

— Но это новость десяти часов утра. Я её знал, ещё когда общался с прессой — в вашем присутствии, кстати. Что-нибудь выяснилось с тех пор?

— Да, — кивнул он, но не мне, а телефону.

Ну, наконец-то! Начальник, между тем, снова замолчал. Я хотел уже его спросить, почему из него нужно каждое слово вытягивать клещами, как он выдал свою “новость”:

— Оказалось, что в гостиницу “Аквариум” они так и не прибыли.

— И это вы говорите мне? Да ведь я туда приехал вместе с ними! И координатор ваш там был, которого теперь тоже ищут!

Здолбунович слегка наморщил лоб, подумал и сказал, кажется, с облегчением:

— Нет, не наш — он от университета. А откуда вы знаете, что приехали именно с этрускологами?

— С одним я познакомился ещё в самолёте. Все прочие подошли в аэропорту к табличке с надписью “Конференция этрускологов”, которую держал координатор Хачериди. Затем он произвёл переключку по списку. Отсутствующих, между прочим, не было. Как я понял, люди лишь до Москвы добирались разными самолётами и поездами, а оттуда все вылетели одним рейсом.

— А вы видели документы этих людей?

Чаша моего терпения переполнилась.

— Послушайте, я же не полицейский, чтобы требовать документы! И ещё: очень трудно разговаривать с человеком, который не смотрит на собеседника. Извините, я вам так неприятен?

Бесцветные щёки Здолбуновича порозовели. Он с видимым усилием перевёл глаза на меня, и я увидел, что он совершенно косой.

— Могу смотреть, если угодно, — пробормотал он. — Учтите только, что у меня сильный астигматизм.

— О, простите, не знал! Можете смотреть, как вам удобно. Так что же будем делать?

Снова воцарилось молчание. Я выругался про себя матом и грубо сказал: — Послушайте, Здолбунович, у вас проблемы. Срывается международная конференция, за которую вы отвечаете. Вас ведь не погладят за это по головке. Может, пора проснуться?

Семен Брониславович собрал глаза в кучку — точнее, попытался, криво улыбнулся:

— Вообще-то непосредственно отвечает за конференцию наш университет. Мы лишь курировали это направление и обеспечили поступление средств из федерального бюджета на её проведение.

— А, знакомая тема — власть и ответственность! Ты сюда не ходи, уважаемый, ходи университет! Так, что ли? И вам всё равно, что федеральные средства могут улететь в трубу? Вы не забыли, что вы — руководитель оргкомитета конференции? Мне, например, приглашение пришло за вашей подписью. Другим, я полагаю, тоже.

— Не надо передёргивать, — голос Здолбуновича окреп. — Я лишь хотел сказать, что мы занимались общими вопросами, а не деталями организации, предоставив это университету, выдвинувшему идею конференции. Мы помогли изыскать отсутствующие у университета средства, но мы никак не предполагали, что нам придётся искать участников мероприятия. Да, я руководитель оргкомитета, но их всегда выбирают из числа тех, кто обладает большими возможностями в смысле полномочий и финансов. А конкретно вопросами проведения занимался ректор и обращался за помощью ко мне, когда требовалось. Скажем, пишет он мне, что актовый зал университета не соответствует стандартам проведения международной конференции, и просит помочь найти другой зал. Я связываюсь с директором городской библиотеки, где у нас приличный конференц-зал, с возможностями синхронного перевода, и решаю проблему. И так во всём.

— Ну, наконец-то вы разговорились! Как только дело коснулось вас лично, отметим. Стало быть, главное действующее лицо у вас — ректор. А разве он был на несостоявшемся открытии конференции? Я что-то никого похожего не заметил.

Глаза Здолбуновича снова расфокусировались и стали грустными.

— Нет, он заболел.

— Ушам своим не верю! Глава администрации приехал, а ректор, пусть и больной, не приезжает хотя бы на открытие! Да бывает ли такое?

— Увы, бывает, если человек заболел серьёзно.

— Ну, дай Бог ему здоровья. Прошу понять меня правильно, но мне бросилась в глаза одна странность. Дело не только в ректоре. Формально вроде бы ни к чему не придерёшься, но на фоне произошедшего, не побоюсь сказать, сверхъестественного события все, в частности, в вашем учреждении, как-то удивительно пассивны и равнодушны. Я думал, у вас здесь, простите, народ на ушах стоит, а на самом деле — тишина и безлюдье, как будто период отпусков наступил.

Семен Брониславович поджал губы.

— Да что же нам на ушах стоять? — пожал плечами он. — Мы ведь в розыске не сильны и не должны им заниматься. На это есть специальные службы.

— Да-да, но всё же... Не скрою, когда я получил приглашение, то был приятно удивлён, что научная общественность именно вашего города проявляет такой интерес к этрускам. Стало быть, в зале следовало ожидать не только мэра, вас, ректора и прессу, но и местную интеллигенцию. Однако её не было. Похоже, в Южноморске вовсе нет повышенного внимания к теме. Даже в университете. Как вы объясните это противоречие?

— Ну, у нас же не Москва. Где нам взять столько интеллигенции? Пресса и есть наша интеллигенция, — многие, кстати, выпускники университета. Между прочим, директор библиотеки тоже была в зале во время вашего интервью.

— Это приятно. А другие работники библиотеки? А преподаватели и студенты универа? Историки, учителя, наконец? Нет, сколь бы ни было мало по сравнению с Москвой у вас интеллигенции, она могла забить до

отказа тот не очень большой зал. Однако почти никто пришёл, из чего я делаю простой вывод, что этруски для вашей элиты... ммм... не очень актуальны. Тогда я спрашиваю себя: почему именно Южноморск взял на себя инициативу проведения форума?

— Как я говорил, она зародилась в университете...

— Это я уже понял. Я хочу понять, что для вашего города этруски. У вас жил и работал какой-то известный этрусколог?

— Простите, не имею сведений.

— Может быть, ваши археологи сотворили сенсацию и нашли здесь следы пребывания этрусков?

— Не доводилось слышать.

— Что же — вы лично фанат этой темы?

— Как вам сказать... — замялся Здолбунович.

— Так и скажите: не фанат. Что же тогда вас заставило поддержать идею конференции?

— Прежде всего, международная научная значимость темы...

— Но здесь у вас некогда жили народы, упоминаемые ещё Геродотом. Почему не они, а этруски?

— Вероятно, они не столь востребованы у историков. Научным обоснованием занимался университет...

— Между тем, сотрудниками вашего университета не написано ни одной работы об этрусках. Это я выяснил ещё до приезда сюда. В программе от вас — один доклад, заболевшего ректора. Наверное, он и есть ваш главный этрусколог. Тема доклада: “Этрусские цари в истории Древнего Рима”. Ну, в общем, это для средней школы. Нет ли других причин, побудивших город принять форум этрускологов?

— Я их не знаю.

— Тогда скажите мне как руководитель оргкомитета: чем я должен здесь заниматься, если мои коллеги, не дай Бог, так и не объявятся?

— Ну... всё же будем надеяться на лучшее.

— Сколько лично мне надеяться на лучшее? Те два дня, что я ещё должен находиться на конференции?

— Думаю, не меньше. Ведь к вам ещё могут быть вопросы у правоохранительных органов...

— Я уже ответил на них сегодня. Других ответов у меня нет. — Я колебался, стоит ли рассказывать Здолбуновичу о Ротове и его странных угрозах футболистам, и решил, что не стоит — уж больно неосновательной фигурой оказался начальник управления. — Хорошо, и что же я делаю эти два дня — просто жду?

— Да, как и все мы. Что же касается корректив в вашей научной программе, то, наверное, вам об этом скажут в университете.

— Как-то сомневаюсь. Я сегодня никого ещё не видел отсюда. Телефончик ваш мобильный мне можно для связи?

— Да, пожалуйста, вот, возьмите визитку.

Когда мы прощались, Здолбунович вдруг свистящим шёпотом сообщил мне на ухо, кося уже не просто сильно, а страшно:

— Я тоже не понимаю, что происходит. Все разбежались. Включая мою секретаршу.

— А при чём здесь...

Он приложил палец к губам.

Я вышел от него, как пьяный. Что за чертовщина здесь творится? Неведомым образом исчезли учёные — это не то, чтобы понятно, но, на крайний случай, логически возможно, если не считать истории с заселением. Но по какой причине могли разбежаться сотрудники Здолбуновича? Он бы и сам, судя по его поведению, не прочь сбежать. Один я, как дурак, продолжаю из себя изображать делегата.

Григория в коридоре не было. Тоже сбежал, что ли? Ну, и хрен с ним — сомнительная он охрана. Да и охрана ли? Но мне-то куда теперь идти? Если следовать общей, хотя и непонятной тенденции, моя первая реакция после разговора с вратарём была правильной: вернуться в номер, взять в вещи

и — ноги в руки, в аэропорт. А уж задержат там меня, не задержат... Если задержат, то, по крайней мере, появится цель — освободиться, выбраться отсюда. Какова же сейчас моя цель в становящейся всё более кафкианской ситуации, непонятно. Я завис в каком-то пустом, но цепком, студенистом пространстве. Мне нужно вновь ощутить почву под ногами. Не отправиться ли прямо сейчас в аэропорт, воспользовавшись отсутствием Григория? Вещи? Бог с ними, с вещами. Когда ты видишь, что твоя жизнь превращается в дурдом, надо немедленно покинуть этот дурдом. Даже без вещей.

Но, размышляя так, я стоял на улице без движения. Рождение нового чувства я ощутил в себе: его ещё называют словом “ретивое”: “взыграло ретивое”. Да, мы все живём именно так — бежим при первом намёке на опасность. Полчеловечества бегаёт от страха, даже те, кто не двигается с места. Бегут не только физически, но и мысленно, приказывая себе “не встречать”. Да разве нормальному, не заражённому вирусом общественной трусости человеку не интересно разобраться, как растворились в воздухе полсотни людей? Та трусость, что подсказывает мне “правильные решения”, сродни слепоте к мистической стороне жизни. Непонятно — значит, надо бежать. Мы, писатели, любим только выдумывать непонятные вещи. Но в жизни бежим от них, как зайцы, при первой возможности. Чувство самосохранения развито в нас сильнее, чем ощущение присутствия Бога. А ведь всё необъяснимое — как раз свидетельства Божьего бытия, ибо понятное потому и понятно, что объяснимо. Не жалок ли я, человек с поседевшими висками, стоящий посреди улицы и думающий, как бы смыться подальше от тайны? Как будто, если краешек её мне был явлен в чужом городе, она меня не настигнет в своём! А если и нет никакой тайны, а просто фантастическое стечение обстоятельств, то как потом избежать позора? Кто-то ведь обязательно спросит: “И что было дальше, после того как ты узнал, что исчезло пятьдесят человек? — Я уехал. — Как, почему? — Ну, там было всё как-то странно, абсурдно... — И ты не попытался ничего выяснить? — Старик, оно мне надо? — А-а-а...” Вот она — тень позора, в этом коротеньком “а-а-а...” Мне её не избежать и в том случае, если этрускологи столь же необъяснимо вернуться, как и пропали. “А где господин Лосев? — А он в тот же день уехал. — Как — в тот же день? Отчего же не попытался найти нас, ведь он же видел нас в автобусе и гостинице?” — и так далее. Да, меня будут втайне презирать те, кто и сам бы немедленно сбежал, но разве ничтожеству легче от мысли, что остальные — тоже ничтожества? Ничуть не бывало, здесь лишь жалкое самооправдание и ничего больше. Ощущение “мы ничтожества” на самом деле ничем не лучше ощущения “я ничтожество”.

Итак, остаюсь. Но просто ждать чуда или, напротив, какой-то страшной развязки я тоже не могу. Нужно что-то делать. В разговоре со Здолбуновичем я почувствовал, что исчезновение делегатов как-то (хотя и совершенно не ясно, как) связано с самой идеей конференции, никому в Южноморске, по-видимому, не нужной. Идея же зародилась в университете. Что ж, пойду туда.

Вдруг кто-то подёргал меня за рукав, я обернулся и увидел большеглазую, конопатую девочку с костром рыжих волос на голове.

— Дядя, — сказала она, — а у вас на спине такая ба-альшая божья коровка сидит!

— Да? — рассеянно спросил я. — А где?

— Да вот здесь, слева.

Я оглянулся налево, насколько смог, но ничего на коричневой поверхности пиджака не узрел.

— Да вот же, здесь, ниже! Хотите, я её сниму?

— Ну, сними, отпустим её на небко: там, как известно, её детки кушают конфетки.

— А у нас говорят: котлетки! Ой, что-то не снимается! Как будто зацепилась! Ага, вот.

Она держала в пальцах божью коровку, поблескивающую алыми, отлакированными бочками, и вертела из стороны в сторону.

— Какая-то странная... Тяжёлая и вроде неживая.

— Тяжёлая? Ну-ка, дай посмотреть.

Я осторожно взял у неё из рук насекомое: оно и впрямь не проявляло признаков жизни и вообще казалось железным. Я постучал ногтем по крыльшку божьей коровки. Точно, из железа! Я перевернул её на спинку и увидел, как внутри неё, в переплетении сложенных на животе лапок мигает что-то оранжевое. Это же “жучок” — причём в прямом смысле слова! И в переносном тоже. Григорий, гад, мне его прицепил — видимо, когда дотронулся до моей спины у такси. “Вы не возьмёте меня?” Сирота казанская с “прослушкой”! Вот и делай добро таким людям! Я зажал “жучка” в кулаке и тихо сказал девочке:

— Это не настоящая божья коровка, а значок — дорогой, наверное. Я не знаю, как он попал ко мне, но, думаю, тебе будет нужнее. Давай-ка, я нацеплю его тебе. Видишь, он как на липучке. Покажешь подружкам.

— Ой, спасибо!

— Если придёт какой-нибудь дядя и скажет, что это его значок, отдай, но скажи, чтобы больше не терял.

— Ладно, — неохотно согласилась она.

* * *

Для начала я отправился в приёмную ректора, чтобы узнать, кто, кроме него самого, был ответственным за проведение конференции.

Эффектная молодая секретарша с губами в лиловой помаде была мрачнее тучи.

— Павел Трофимович болен, — всё твердила она.

— Да, слышал, здоровья ему, но не могу ли я с ним поговорить хотя бы по телефону? Я ведь не для того приехал из Москвы — по вашему приглашению, кстати, — чтобы торчать здесь в неведении.

— Да не может он поговорить с вами! — Она отвернулась. — У него инсульт.

— Вот как... — Я уже ничему не удивлялся, но снова неприятно засосало под ложечкой. — Гхм... Очень надеюсь, что он поправится. Извините, но с кем же мне тогда контактировать? Кто, кроме ректора, занимался практической работой по конференции?

— Кафедра истории и археологии.

— Ага. Свяжите меня, пожалуйста, с заведующим.

— Павел Трофимович сам возглавлял эту кафедру.

Да что ж это такое! Специально, что ли, в этом Южноморске всё устроено так, что концов не найдёшь?

— Понятно... Но не он же выполнял всю черновую работу.

— Лаборант кафедры Райская находится в библиотеке, ей поручена регистрация.

— Ну, её я видел. Я имею в виду, кто из научных сотрудников кафедры осуществлял практическую работу?

— Доцент Хачериди, координатор. Но его не могут найти.

— Даже странно, — невольно съязвил я. — И всё? Больше никто не был задействован?

Секретарша наморщила лоб.

— Наверное, доцент Колобакин. Да, конечно, Колобакин. Поговорите с ним.

— А где его найти?

— Сейчас посмотрю расписание лекций. Он в двести восьмой аудитории, лекция как раз заканчивается.

— Очень надеюсь, что он пришёл на лекцию.

Она ничего не сказала и скривила лиловые губы.

Я пошёл в указанном ею направлении по затейливому лабиринту старого господского дома, в котором размещался административный корпус университета. Лесенка вверх, через десять метров — снова вниз, поворот налево,

направо... Пахнет какой-то сладковатой плесенью, как обычно в старых домах, и немного канализацией. Окна в конце коридора давно не мыты, рамы гнилые. Так, теперь вниз по лестнице во внутренний двор, пересечь его, найти строение четвёрте. Наверное, это вон тот двухэтажный флигель с осыпавшейся штукатуркой. В стороне от входа стояла кучка студентов с выстриженными затылками и длинными чубами до носа, на запорожский лад. Они преувеличенно вежливо со мной поздоровались, держа почему-то руки за спиной. Курят, что ли, в неподобающем месте? Однако, проходя мимо, я уловил запах не табачного дыма, а какой-то анаши или марихуаны — в тонкостях не разбираюсь. Значит, борьба с “лёгкими” наркотиками здесь не ведётся. Может быть, с “тяжёлыми” тоже.

Без труда найдя на втором этаже 208-ю аудиторию, я остановился перед не притворённой дверью. Доносился голос лектора — стало быть, Коллобакин на месте. Это обнадеживало. Я прислушался.

— ...так говорит нам официальная хронология. Но кто считал эти тысячелетия до новой эры? Летописцы? Писатели? Астролог Скалигер? Например, благодаря Гомеру мы знаем о Троянской войне. Но в это же время, по традиционной хронологии, некие “народы моря” сокрушили могущественную Хеттскую империю, причём до сих пор не известно, до или после падения Трои. Вот это, надо полагать, была война так война! Не вялая десятилетняя осада Трои, столицы маленького государства! Но почему же мы так хорошо знаем о ней и почти ничего — о катастрофе хеттской цивилизации? А хетты и троянцы, на минуточку, были соседями! И гомеровские ахейцы входили в число загадочных “народов моря”, по мнению историков. Только у Хеттской войны не нашлось своего Гомера. Он распиарил одну войну, а что же другая, куда более существенная? Мы судим о ключевых событиях в древней истории по тем источникам, что до нас дошли. Но означает ли это, что других событий не было и что они были не столь важны? Нет, конечно. Другой вопрос: если рейтинг значимости исторических событий столь выборочен, не выборочна ли и официальная хронология? Точно ли Троянская и Хеттская войны произошли в одно и то же столетие? Или даже в одно тысячелетие? И было ли их так много, этих тысячелетий, как нам внушила традиционная историография и пресловутый радиоуглеродный анализ, в достоверности которого давно уже сомневаются?..

Эге, да он фоменковец! “Новую хронологию” пропагандирует, причём в государственном вузе! Однако, когда лекция закончилась и студенты повалили из аудитории, я увидел в ушах многих из них наушники, так что едва ли пропаганда была эффективной. Вслед за студентами появился и сам Коллобакин. Этого мужчину лет тридцати пяти с круглыми розовыми щеками и рыжеватой бородкой-эспаньолкой я уже видел в холле городской библиотеки: он сидел в сторонке на банкетке с отсутствующим видом, подпирая стену. Не припомню, правда, присутствовал ли он потом в зале, где меня интервьюировали.

— Невольно услышал финал вашей лекции, — сказал я, поздоровавшись с ним. — А почему бы не завершить вашу мысль в полном соответствии с “новой хронологией”: что Троянская и Хеттская войны на самом деле — одно и то же событие и произошло оно во времена Александра Македонского? А Агамемнон и Александр Македонский — один и тот же человек?

— Это не столь уж и абсурдно, как может показаться, — нимало не смутившись, отвечал он. — Я полагаю, что “народы моря” сокрушили хеттов после того, как получили ключ к Дарданеллам, а не наоборот, то есть не до падения Трои, а после. Так что это был единый процесс, только растянувшийся во времени. Насчёт Агамемнона и Александра Македонского интересно, надо запомнить. А вам никогда не казалось, что Александр Македонский столь же мифологичен, как, скажем, Геракл? Уж больно он много подвигов насочинил, в его-то возрасте.

— Вы знаете, я в детстве вообще не верил в так называемые судьбоносные исторические события. В моём дворе ничего похожего не наблюдалось, а взрослые с авоськами категорически не напоминали людей, способных совершать подвиги.

— Вы, вероятно, намекаете, что подобные мысли могли зародиться только в таком глухом провинциальном дворе, как Южноморек, — ухмыльнулся он.

— Провинциальность — не всегда территориальный признак. Мысли о том, что никакой истории на самом деле не существовало, приходят в голову многим людям и в Москве, и в Питере. Но я хотел бы поговорить не об этом. Я так понял, что после исчезновения Хачериди и внезапной болезни ректора именно вы — то лицо, что отвечает в университете за конференцию.

— Хм, — несколько покривился Колобакин, — вообще-то никто меня пока на это не уполномочивал.

— А сами вы не спрашиваетесь. Понятно. Но всё же, кроме вас, никто на мои вопросы не ответит.

— Пожалуйста, но, наверное, лучше у нас на кафедре. Она вон там, в конце коридора.

Прошли на кафедру. Она представляла собой пеналообразную комнату, всю уставленную по периметру глухими шкапами и поцарапанными столами. На них пылились здоровенные компьютерные мониторы эпохи 1990-х — как некие утёсы, о которые разбивались волны пожелтевших методичек и прочего бумажного хлама. Здесь не пахло ни историей, ни археологией, лишь прошлогодний настенный календарь с фото столпов у Дворца дождей в Венеции напоминал о них.

Колобакин очистил стул от каких-то расписаний и приказов и предложил мне сесть. Сам он пристроился на краешке соседнего стола, развязно покачивая ногой.

— Косячок марихуаны, коллега? — вдруг предложил он.

— Благодарствуйте, не употребляю, — ответил я, ошарашенный.

— А я думал, в Москве все теперь продвинутые.

— В каком смысле — продвинутые? Наркоманы, что ли?

Доцент поморщился.

— Бросьте. Весь Амстердам, говорят, пропах марихуаной, так что же — там все наркоманы? Передовая общественность нашего города ведёт борьбу за легализацию марихуаны как психотонизирующего средства.

— А, скажем, кокаина?

Колобакин погрозил пальцем:

— Вы, я вижу, шутник. По кокаину вопрос остаётся открытым.

— Это обнадеживает. Но неужели вы прямо здесь хотели забить косячок?

— Ну да. Не во двор же идти к студентам? В туалет мне вас приглашать неудобно. А что до запаха, то потом проветрили бы.

— А если бы кто-нибудь зашёл?

— Никто сегодня уже не зайдёт. Только уборщица часа через два. Однако закроем тему: вы, кажется, ещё находитесь в плену у предрассудков. Я, на всякий случай, ничего вам не предлагал и буду это отрицать, если вы захотите...

— Оставьте, у меня другие проблемы. Скажите мне, почему этруски стали темой конференции?

— Это надо у ректора и Хачериди спросить. Нам, татарам, всё равно — этруски или не этруски. Видимо, на этрусков был спрос: вот и финансирование под них удалось выбить. Из Москвы, заметьте! Иностранцев выписали, дорогу оплатили!

— А лично вас этруски, как я понял, не интересуют?

— Не то чтобы не интересуют... Видите ли, я не верю в их существование.

— Ого! Что ж, по-вашему, их не было?

— Почему не было? Просто это те же римляне.

— Вот как? А отчего же этруски имели другой язык и письменность?

— Я не уверен, что другой. Мало, что ли, народов, использовавших два вида письменности? Скажем, хорваты ещё в начале двадцатого века писали и латиницей, и глаголицей.

— С помощью глаголицы, однако, можно читать по-сербскохорватски. А этрусскими буквами по-латыни — нет.

— Ну, это если воспринимать этрусский алфавит как буквенно-звуковой. А если он слоговой — по типу иероглифического? Все мучаются, расшифровывают... А может, надо посредством латыни кодифицировать эту слоговую азбуку?

— Вы пробовали?

— Я не знаю латыни. Но считаю весьма возможным, что римляне сначала писали слоговым письмом, а потом буквенным, как и древние греки в своё время.

— Не могу спорить, поскольку тоже не знаю латыни. Но небезызвестный Гриневич, который читает этрусские надписи с помощью праславянского слогового письма, наверное, поспорил бы.

— Гриневич — шарлатан.

— Может быть. Только у него есть переводы с этрусского, пусть порой и диковатые, а у нешарлатанов их нет. Латыни не знают или чего-то ещё...

— Намёк понял. Но мне это, честно говоря, по барабану. Не вижу ничего хорошего, если этрусски действительно существовали. Какая-то тоска от них, безысходность... Заражаешься... Может, случайно название Тоскана — этрусского корня? А у нас в городе, знаете, и без всякой “тосканы” невесело.

— Я заметил. Однако вернёмся к конференции. Как формировался список приглашённых? Из чего вы исходили, выбирая того или другого?

— Я-то ни из чего не исходил. Выбирали ректор и Хачериди. Но вас, между прочим, нашёл именно я. Павел Трофимович поручил мне выловить из Сети имена всех, кто пишет об этрусках. Интернет выдал мне и вас как автора главы об этрусках из книги о праславянах. Ректор вашу кандидатуру утвердил. Вот и всё.

— А были и такие, которых он не утвердил?

— Были, конечно.

— И кто, если не секрет?

— Ну... Гриневич этот ваш. Фоменко, Носовский.

— А, они ведь теперь этрускологи! Ну, вы, наверное, их сами предложили, без всяких поисков в интернете?

— В общем, да. Но я их не лоббировал, как не лоббировал и вас. Я всех, кого надыбал, включил в алфавитном порядке в один аннотированный список, а ректор с Хачериди над ним колдовали. Кого-то вычёркивали, кого-то добавляли от себя. По какому принципу, не знаю. Отсекали так называемые крайности, наверное.

— Значит, душою идеи были ректор и Хачериди. Они действительно интересовались этрусками?

— Хачериди интересовался тем, чем интересовался ректор. А вот Павел Трофимович интересовался этрусками сам по себе. Кажется, кое-что понимал в них. Но проект его доклада всё равно писал я.

Я покачал головой:

— Странная картина: выясняется, что никому, кроме вашего ректора, этрусски не были нужны. Конференцию, как я понял, задумали исключительно из соображений престижа. Затем, словно в назидание, все исчезли. Остался лишь я, вовсе не этрусколог, а так, историк-любитель. Может, оттого и остался. Что же мне теперь прикажете делать в вашем Южноморске?

— Не знаю, спросите у проректора, который замещает Павла Трофимовича.

— А он имеет отношение к конференции?

— Совершенно никакого.

— Ну, тогда он пошлёт меня снова к вам, как это сделала секретарша. Вы же один теперь представляете кафедру-организатора.

— Ну, у нас есть ещё преподаватели...

— Все преподаватели мне не нужны, нужен старший. Ведь старший сейчас получаете вы?

— Как-то так, вроде того. — Это признание далось Колобакину неохотно.

— Тогда я в вашем распоряжении до официальной даты закрытия конференции. Мне, знаете, тяжело всё время быть в неведении. Хочу ощущать

что-то руководство, пока я здесь. Вот мой телефон, направляйте мои действия, если нужно.

— Нашли руководителя! Я корабль в пустоте! Как в песне из фильма “Ботинки мертвеца”: “Я не могу быть в ответе за происходящее, потому что я не более, чем корабль в пустоте”.

Это вырвалось у него вполне искренне. А ведь я и сам ощутил нечто подобное, когда вышел от Здолбуновича. Корабль в пустоте... Довольно точно.

— Уезжайте отсюда немедленно, — шепнул доцент. — Я бы сам уехал, только некуда. Этруски эти притягивают несчастья. Хачериди исчез, ректора разбил инсульт... О делегатах я уже не говорю. Чья теперь очередь, подумайте?

Я сразу вспомнил слова косоного Здолбуновича, что все разбежались, включая его секретаршу. Может, на них внезапно, как ветер, налетела та же паника — необъяснимая, тёмная, неподвластная разуму? Мистическое начало не сильно развито в чиновниках, а вот инстинкт самосохранения — как у пресловутых крыс, первыми бегущих с тонущего корабля. А может... нечто подобное случилось вчера и с этрускологами? И они все побежали сломя голову, сами не зная куда?

— Что у вас тут происходит? — наконец, спросил я. — Нечто похожее уже случалось?

— Случалось, — серьёзно ответил Колобакин. — Я исчез, а сюда вернулся кто-то другой. С вами такого не бывало?

— Это метафора?

— Конечно. Ведь метафора переводится с греческого как “перенос”. Перенос души с одного места на другое. Моя душа сейчас где-то в другом месте. А ваша?

Я поднялся.

— Что ж, спасибо за интересную беседу. Узнал я, правда, немного, да видно, на большее у вас рассчитывать нельзя.

— Это город метафор, сэ. Или метаморфоз — как кому больше нравится. Познать их невозможно — можно лишь принять или не принять. Советую не принимать. А то, знаете, так перенесёшься, что потом костей не соберёшь.

Я не знал, что на это сказать. На том и расстались.

* * *

Я постоял под университетским портиком с колоннами, потом бесцельно побрёл по городу. Вчера я уже был в этих местах, когда шёл с раскопок древнего городища. Я прочитал о нём в интернете ещё дома и решил начать осмотр города именно отсюда, чтобы успеть до закрытия экспозиции. Раскопали несколько улочек с фундаментами домов и часть оборонительной стены. Кладка была грубоватой по сравнению, скажем, с херсонесской. Найденные черепки кувшинов и мисок тоже. Одни предполагали, что городище относится к Боспорскому царству, другие (преимущественно последователи Гумилёва-младшего) — к Хазарскому каганату, хотя ни городов, ни даже городищ хазар до сего времени обнаружить не удалось, — может быть, их и вовсе не существовало. А всякие эти баснословные Саркелы и Белые Вежи представляли собой стойбища грабителей, или, по-нынешнему, таможенные терминалы.

Развалины находились неподалёку от центра Южноморска, на берегу бухты. Люди всегда селились в одних и тех же местах — не одни, так другие. Скажем, город лестригонов Ламоса у Гомера — прообраз современной Балаклавы. Наверняка Боспорское царство, если его щупальца дотянулись до будущего Южноморска, исходило, закладывая здесь крепость, примерно из тех же соображений, что впоследствии и русские князья и цари, обосновавшиеся здесь же. Не исключено даже, что использовались те же строительные материалы. Меня позабавила жалоба экскурсовода на то, что местные по ночам растаскивают древние каменюки для строительства своих дач. Варварство, конечно, да ведь предшественники нынешних горожан делали

то же самое — и в античные времена, и в Средневековье, и в новое время. И не только они. Рачительные римляне обдирали мрамор с дворцов и храмов в захваченных странах, потом варвары сбивали тот же мрамор уже с римских построек, а то, что недоделали варвары, подчистил Ватикан для своих немаленьких нужд. Круговорот камня в истории. Находчивые дачники из местных всего лишь его часть.

С территорией раскопок соседствовал городской рынок. Он был удивительно похож на городище планировкой тесных, неотличимых одна от другой улочек-рядов (милетский архетип — прямоугольная решётка, вписанная в овал). Один муравейник умер, да здравствует другой! История историей, а на рынке испокон веку всё подчиняется одному желанию: выжить, добыть кусок хлеба на грядущий день. Как это по-человечески понятно, но как душно, уныло, неприкаянно в этой галдящей тесноте на фоне весёлого и вольного блеска моря внизу!

Жизнь неотделима от рынка, но является ли рынок законом жизни? Разве спас он хотя бы одну гибнущую цивилизацию? Цивилизации умирали, рынок оставался. Он живуч, спору нет, но мы почему-то до сих пор изучаем историю государств и народов, а не рынков. Когда империя слабеет, рынок не поддерживает её — он её убивает. Сюда, в торжище, уходят и здесь перемальваются в костную муку творческие силы, вера, талант, изобретательность, воля народа. Уже и рынок окружен кольцом огня, а люди продолжают тупо думать о том, что можно купить и продать там, внутри. Это ли свобода, о которой нам талдычили обслуживающие лавочников мыслители? Отчего же художники веками воспринимали рынок как бессмысленную и враждебную стихию?

*Сегодня снова я пойду
Туда, на жизнь, на торг, на рынок,
И войско песен поведу
С прибором рынка в поединок!*

Сколько таких певцов накрыл этот прибор! Что там полсотни этрускологов... Я один в чужом загадочном городе и вроде бы ещё не исчез, но как бы уже не живу, потому что жизнь в этом Южноморске течёт мимо меня параллельным курсом, никак со мной не пересекаясь. Корабль в пустоте, как сказал фигляр Колубакин.

Впереди показался плечистый кафедральный собор под круглым византийским куполом. Я в него заходил вчера. В небесах раскатисто ударил колокол. Ко всенощной, что ли, звонят? Ну да, 16.45. А не поговорить ли мне с кем-нибудь из священников о мистических странностях этого места? Может, тогда прояснится хоть что-то?

Я пошёл к боковым вратам храма, через которые обычно проходят в алтарь священники, и стал ждать. Вскоре, действительно, появился круглолицый батюшка в сером подряснике.

— Христос Воскресе! — приветствовал я его (недавно отпраздновали Пасху). — Здравствуйте, благословите! Не уделите ли приезжему человеку минуту?

— Воистину Воскресе! Бог благословит! Во имя Отца и Сына, и Святого Духа! Но только минуту: скоро служба начинается, а я ещё не облачился.

— Я Борис Лосев, писатель, приехал сюда на конференцию этрускологов.

— На конференцию кого, простите?

— Ну, тех, кто занимается этрусками.

— А, это народ из Италии, который ушёл в небытие некрещёным. Да-да, припоминаю, слышал что-то об этой конференции. Отец Константин, очень приятно.

— Я всего сутки в вашем городе, но мне хватило, чтобы почувствовать какую-то странную духовную атмосферу. Вы больше, нежели другие, имеете отношение к вещам... так скажем, сверхъестественным...

Он улыбнулся:

— Можно сказать и так.

— Общаясь с прихожанами, не слышали ли вы от них о чём-то избыточно сверхъестественном?

Отец Константин посмотрел на меня внимательными серыми глазами.

— Это как?

— Люди у вас не пропадают внезапно? — спросил я прямо.

Он пожал плечами:

— Люди везде пропадают. А Южноморск — город только с виду тихий. Здесь, как положено на юге, есть свои мафии, которые чем только не занимаются — наркотиками, водкой, торговлей женским телом... И мужским, кстати, тоже. А в притонах всегда кто-то исчезает, не правда ли? Так что ничего сверхъестественного.

— А если исчезли не в притоне, а бесследно из холла гостиницы?

— Мистическим образом, вы хотите сказать?

— Да.

— Что ж, и такое бывает. Рядом с миром зримым всегда живёт мир незримый, только большинство не верит в его существование. А он есть, и кто всё время переходит из одного мира в другой.

— Из бытия в небытие? Или из бытия в некое иное бытие?

— Кабы знать, как! Может быть, это одно и то же. Нам сие неведомо. Вот Андрей Белый писал о своей подруге, известной оккультистке Минцловой: она однажды поведала ему, что некие “они”, её неведомые мистические руководители, удаляют её от людей и общений. Дескать, скоро она исчезнет навсегда и просит друзей молчать об этом. И что же вы думаете? Она действительно в тысяча девятьсот десятом году исчезла, и никто *до сих пор* не знает, куда. А поскольку предупреждённые ею оккультисты в полицию не пошли, то Минцлова как бы растворилась. Была и нету.

Мне припомнилось белое, опухшее, как у покойницы, лицо этой Минцловой с фотографии. Снова противно заняло в животе. Одновременно отметил: а батюшка-то эрудированный, Белого читал!

— Да-а... Но эта Минцлова хотя бы предупредила о своём исчезновении. И она была одна. Мой случай хуже: вчера пропали одновременно пятьдесят человек, с которыми я ехал в гостиницу, а потом мне говорят, что их там не было. А я с ними стоял у стойки. Каково?

Батюшка поднял брови, глянул на меня уже настороженно, помял ладонью жидкую русую бородку.

— Что тут сказать?... А вы, как бы это деликатно выразиться, не...

— Именно “не”, — перебил я его, поняв, куда он клонит. — Не пью, во всяком случае, много, не употребляю наркотиков, на учёте у психиатра не состою. Полсотни этрусологов, которых я видел, как вижу вас, как сквозь землю провалились, это факт!

— Да, о таком мне слышать ещё не доводилось... Пятьдесят человек... Помнится, говорили о пропаже какой-то секты в джунглях, но это дело давнее и нездешнее. Но, может быть, они ещё найдутся, и причина их исчезновения какая-то простая и вовсе не мистическая?

— Все так говорят, и я сам на это надеялся. Но уже сутки, как они не объявляются. Значит, простых объяснений не будет. А потом... странно не только их исчезновение, но и то, как к нему относятся местные — ФСБ, МВД, власти, университет...

— А как?

— Ну, примерно так же, как друзья Минцловой. Словно что-то знают, но не хотят говорить. Надо подождать, твердят они в один голос, а из управления науки и культуры все уже разбежались, включая секретаршу начальника. Почему? И почему вслед за учёными исчезли свидетели их пребывания в гостинице — уже три человека, а ректора университета, задумавшего конференцию, разбил инсульт?

Отец Константин задумался.

— Да, признаться, и мне уже как-то не по себе... И, честно говоря, всегда было не по себе в этом Южноморске — я ведь тоже не местный. Вы правы: какая-то чертовщина тут ощущается, хотя, конечно, столько людей за

раз никогда не пропадало. Но вот вопрос, естественно возникающий после услышанного: а почему, извините, вы не исчезли вслед за другими?

Я развёл руками:

— Не знаю, что и сказать. Человек из ФСБ меня уже спрашивал об этом. Первое, что приходит в голову: потому что я не этрусколог.

— А кто вы? Ах, да, вы говорили — писатель... Что же вы делаете на этой конференции?

— Я написал историческую книгу с главой об этрусках — вот и пригласили.

— Стало быть, если причины происшедшего мистические, кому-то нужно было, чтобы остался именно писатель.

— Об этом я как-то не подумал...

Колокол, всю нашу беседу бивший у нас над головой с равными промежутками, умолк.

— Простите, мне пора, — поклонился отец Константин. — Одно я знаю точно по поводу рассказанного вами: надо бы вам, не откладывая, исповедаться и причаститься. Вы крещёный?

— Крещёный.

— Где-то у меня была карточка с телефоном... вот... Звоните, как надумаете. И вообще держите меня в курсе.

За церковной оградой я вдруг снова увидел Григория, покуривающего с праздным якобы видом. Где он шатался? Или незаметно ходил за мной от ведомства Здолбуновича? Я направился прямо к нему, отчего он занервничал и стал усиленно мне подмигивать. Конспирация, что ли? А как на такси за мой счёт кататься? Не дойдя до него метра (а то снова прицепит что-нибудь), я тихо сказал:

— Прекратите моргать, а то подумают, что у вас нервный тик. Есть новости?

Он слегка покачал головой.

Я повернулся и пошёл прочь, не заботясь о том, следует за мной Григорий или нет. Как сказано в фильме “Бриллиантовая рука”: “Вам поручена эта операция, так что действуйте”. Вот пусть он и действует, как ему поручено. Он, наверное, на обед ходил, пока я таскался по университету. Понадеялся на “божью коровку”. Что ж, надо же и секретным сотрудникам обедать. Всё равно, случись что, этот ненадёжный секьюрити меня не спасёт. Я уже устал от безрадостных впечатлений сегодняшнего дня и высматривал такси. Проходя мимо университета, я услышал за спиной негромкий женский голос:

— Не оглядывайтесь. За вами следят. Я сейчас вас обгоню, а вы идите за мной.

Голос был знакомым. Я не стал оглядываться, но, максимально скосив глаза налево, увидел каштановые локоны, лиловые губы, кончик напудренного носика и загнутые вверх кончики длинных ресниц — накладных, наверное. Понятно, секретарша ректора. Она вихляющей походкой манекенщиц — от бедра — обогнала меня, покачивая амфорами ягодиц, обтянутых лиловой юбкой. Её туфли на шпильке тоже были лиловыми. Вспомнились слова недавно слышанной дурацкой песенки: “Цвет настроения синий, внутри мартини, а в руках бикини”, — которые я никак не мог понять, потому что мартини, по моему разумению, должно быть в руках этой девушки, а бикини — на её теле. Чего она — голая, что ли, сидит, нахлобачившись мартини? Сгорбленная девушка с синими титьками, Пикассо отдыхает. А у этой, стало быть — цвет настроения лиловый? Чего ей надо? То из неё слова не вытянешь, то... Пугать будет, как остальные?

Она, между тем, зашла в магазинчик с вывеской “Минимаркет”. Помедлив, я двинулся за ней. Сейчас купим мартини и будем пить его в “Аквариуме” без бикини. Тьфу, привязалось! И всегда так со мной, когда нервничаю. Лилу́ (как я уже про себя её назвал) свернула между стеллажей налево, я за ней, и через несколько шагов мы оказались у кассы, за которой был выход на другую сторону здания. А, вот в чём дело: это, как в детективах: чтобы уйти от слежки, нужен дом со сквозным проходом.

Когда мы оказались на параллельной улочке, она указала мне длинным пальцем с лиловым ноготком на припаркованный к обочине жёлто-чёрный автомобильчик “Смарт”. Пропищал электронный ключ, мы уселись. Внутри эта двухместная каретка оказалась довольно просторной. Как водится при посадке в автомобиль, юбка Лилу задралась, оголив гладкие с исподу ляжки, и я невольно уставился на них. Она одёрнула подол, глянула на меня исподлобья. В общем, ничего, с удлинённым лицом и высокими скулами, ещё бы не так сильно была намазана... Хотя им, секретаршам, иначе как?

— А почему машина не лиловая? — спросил я.

— Что?

— Ну, на вас всё лиловое, а что же машина?

— Лиловых не было, — отрезала она и потянулась к зажиганию.

Я посмотрел в боковое зеркало: Григорий не появлялся, ждёт, наверное, служивый, у противоположного входа.

Автомобильчик тронулся.

— А как вы узнали, что за мной следят? Вы что — имеете специальные навыки?

— Этот человек зашёл в приёмную вскоре после вас и поинтересовался, куда вы пошли. Потом я увидела на улице, что он идёт за вами.

— А вы-то зачем за мной следили?

— На то есть причины.

— Хотелось бы их узнать. Простите, как вас величать?

— Ольгой.

— А в чём, собственно, Ольга, дело? Куда мы едем и зачем вся эта конспирация?

— А зачем этот человек за вами следит, вам неинтересно?

— Он меня охраняет. А вы, кстати, меня этой охраны лишили.

— Он вам не поможет. И вообще никто, случись что. Особенно с сегодняшнего дня.

Я уставился на неё.

— Да что вы меня всё пугаете и водите за нос? Считайте, я уже напуган. Вам что-то известно об исчезновении учёных? Говорите прямо!

Она молчала, следя за дорогой.

— Ну, если так, я дальше с вами не поеду. Остановите, надоело.

Лилу не отреагировала, только прижалась к обочине. Нас обогнали, заывая, несколько полицейских машин. Похоже, началась какая-то движуха по поводу этрускологов — операция “Перехват” или как это у них называется. Только перехват чего? Воздуха? Если кого-то и можно было перехватить, то, наверное, вчера.

— Этого не объяснишь, — наконец, сказала она. — Вы должны увидеть сами. Павел Трофимович о чём-то таком догадывался, но не придавал значения. А я с детства слышала эти истории.

— Какие истории? — встрепенулся я.

— О невидимом болоте посреди города. Ты не чувствуешь, как оно тебя засасывает.

— Вот как... И кого же оно засосало?

— В каждом дворе кого-нибудь да засосало. Теперь этрускологов ваших, ректора, Хачериди. И вас засасывает. Может, и меня.

— Давайте по порядку. Люди и раньше здесь исчезали неведомым способом?

— И появлялись неведомым способом. Здесь место встречи попавших в болото. Сегодня мне стало окончательно ясно.

— Послушайте, в каждом месте есть свои поверья. Но не думаете же вы....

— Думать бесполезно. Лучше не думать: тогда, может быть, пронесёт. Так мне ещё бабушка говорила.

— Так зачем же вы думаете?

— Меня не пронесло. Мы с Павлом Трофимовичем были не просто сослуживцы. Я не могу уже сделать вид, что меня это не касается. Я чувствую, как где-то рядом со мной чавкает болото. А вы?

Я пожал плечами:

— Признаться, чувствую я здесь себя погано, но меня угнетает неведение, а не чавканье какого-то виртуального болота.

Лилу стрельнула глазами в мою сторону.

— Может быть, с вами всё иначе. Ведь не зря же вы не пропали вместе с другими. А может, вы для них недоступны? Или у вас есть защита?

Я подался к ней:

— Для кого — для *них*? Выкладывайте!

Она невесело усмехнулась.

— Для *них*. Для духов из болота.

Что-то мне это напомнило.

— А вы с Колобакиным на эту тему не разговаривали? — поинтересовался я.

— Я вообще с ним никогда толком не разговаривала. Урод — в жопе ноги.

— А между тем, у него похожие мысли о вашем городе, только он выражался изящнее: город переселения душ.

— Он знает, что говорит, — сквозь зубы пробормотала она. — Откуда он сам появился? Никто не помнит в городе никакого Колобакина. А он утверждает, что всегда жил здесь.

Вот как? И Колобакин — “дух из болота”? Похоже, вообще-то. Но спрашивать ещё что-либо мне расхотелось. Мы покинули центр города и ехали по бесконечной улице, застроенной одноэтажными домами, с четырёхскатными, на южный лад, крышами. Они были сложены из какого-то странного, высокого кирпича. Приглядевшись, я понял, что это обычный кирпич, только поставленный на ребро. Очевидно, так экономились стройматериалы, а особой толщины стен в этих тёплых широтах не требовалось. А вот мелькнул дом из дикого тёсаного камня — возможно, выломанного из древних стен, как рассказывала экскурсовод. Здесь было уже темновато, поскольку кроны деревьев с обочин, испещрённые мазками свежей зелени, образовывали над дорогой тенистый свод, а фонарей ещё не зажгали. На одном из перекрёстков я увидел полицейский пикет, не обративший, впрочем, на нас никакого внимания.

В конце этой по-стационарному длинной улицы Лилу остановилась.

— Там, — указала она на смутно угадывающиеся ворота какого-то тёмного парка. — Идите, смотрите.

— Да чего смотреть-то? — недоумевал я, но любопытство перевесило, и я вышел из машины и сделал несколько шагов к воротам.

Сзади фыркнул двигатель, я отступил к обочине, полагая, что она следует за мной, но малютка “Смарт” быстро развернулась и умчалась прочь, только шины прошлестели. Я остался, как дурак, один на дороге. Ах, ты, лиловая дрянь! Завезла меня чёрт знает куда и бросила! А перед этим пугала всю дорогу, так что я, и без того уже напуганный, ощущал рождение холодных струек на спине. Сейчас меня здесь и пристукнут. Или утащат туда, куда утащили несчастных этрускологов. Но ведь за несколько кварталов отсюда стояли полицейские, может, мне по-быстрому вернуться к ним? Уже собравшись идти назад, я увидел над воротами парка какую-то вывеску, но разобрать ничего не смог, кроме “... № 2”. Что за номер два? Парки не нумеруют. Я пересёк дорогу, перпендикулярную той, по которой мы приехали, и подошёл ближе. “Городское кладбище № 2” — вот что было написано над распахнутыми, несмотря на поздний час, воротами. Только теперь узрел я кресты и надгробья между разросшимися деревьями. “А вдоль дороги мёртвые с косами стоят”, — вспомнилось невольно.

Как ни странно, но тут робость моя прошла. Дешёвый трюк, топорная метафора! Дескать, кладбище тебя ждёт, если будешь слишком любопытным? Какой-то Голливуд для бедных. Безвестность страшнее, начинаешь воображать Бог знает что. Однако, миновав ворота, я перекрестился. Так, а дальше что? Кладбище как кладбище. Вон купол часовенки виднеется. Даже, если я бесстрашен, аки лев, что мне здесь делать в эдакое время? Свежей братской могилы этрускологов, слава Богу, не видно, а искать что-то

подобное в сумерках на незначительном, как уже было ясно, кладбище не с руки. Трудно даже прочесть имена усопших на табличках. Я пригляделся к ближайшей плите и — почувствовал, как останавливается сердце.

“Минцлова Анна Рудольфовна. 1865—1942”, — было там написано.

* * *

До этого момента я воспринимал всё происходящее не то чтобы отвлечённо, но всё же как бы со стороны. А тут меня так проняло, что я не помню, как выскочил за ворота кладбища и как оказался на дальнем перекрёстке, где дежурили полицейские. Завидев их, я немного пришёл в себя. Мне захотелось, чтобы они меня задержали и отвезли в участок, потому что никаких такси на этой длинной окраинной улице, похоже, не предвиделось. Надежда на защиту полиции была, конечно, наивной, ибо она ничего не могла противопоставить той силе, что больше ста лет назад перенесла сюда Минцлову из Питера. Но нашему человеку свойственно уповать в опасности на людей в форме, вообще — на государство, а государству, как правило, всё это фиолетово. Нарочито замедлив шаг, мрачно насупив брови (или так мне казалось), я пошёл на полицейских. Но они лишь безразлично посмотрели в мою сторону и отвернулись. Я лихорадочно размышлял, под каким же предлогом к ним обратиться, и не нашёл ничего лучшего, как спросить:

— Простите, вы не подскажете, где бы я мог взять такси? Я человек приезжий, не знаю.

Мент армянистого вида оживился:

— А такое такси вас устроит? — указал он на служебный “жигуль” жовто-блакитного цвета. — Вам куда?

— Отель “Аквариум”.

— “Аквариум”? Триста рублей. Пойдёт?

— Пойдёт.

— С мигалкой поедете, уважаемый, как олигарх! Вован, — повернулся он к одному из полицейских, — это тот “Аквариум”, где пропавшие делегаты должны были жить. Поехали, человека подвезём, заодно и попатрулируем.

Двум другим ментам было предложено остаться дежурить. Те что-то проворчали в ответ, но возражать не стали.

Я сел на предложенное мне заднее сиденье “жигуля”. Ну, ладно, пусть такое “такси”, даже как-то спокойней. Дороже на сто рублей, чем в среднем по Южноморску, зато с мигалкой, под госохраной. Я сохранил способность размышлять на привычный, бытовой лад, хотя внутри меня плескалось смятение, как вино в стакане. Значит, оккультистка Анна Минцлова вовсе не исчезла в 1910 году, а материализовалась в этом “городе переселения душ”? Или исчезновение в одном месте и появление здесь — синонимы? Как это сказала Лилу? Место встречи попавших в болото? Ладно, допустим, а если кто-то исчезает именно здесь, как этрускологи, то где он появляется? И появляется ли вообще? К этим вопросам просился ещё один: как эта Ольга узнала про рассказ отца Константина о Минцловой? Ведь он просто физически не успел бы ей о нём сообщить. Но, может быть, ей и не надо ничего сообщать, она и так всё знает, будучи существом не материальным, а одним из “духов болота”, по её же выражению?

Мы ехали назад по знакомой уже дороге. За рулём сидел скуластый, с оттопыренными ушами сержант Вован. Он повернулся ко мне:

— А вы сами живёте в “Аквариуме”?

— Да.

— Про историю с учёными знаете?

— Слышал.

— И что слышали? — Вован явно был больше похож на полицейского, чем его сосед, которого интересовали только мои триста рублей.

— Они исчезли.

— Все?

— Нет, не все, один здесь.

— Где здесь?

— Ну, здесь, сзади вас.

От неожиданности он даже затормозил. Теперь они оба уставились на меня. Я не хотел произвести на них никакого эффекта, невольно получилось.

— А... что вы тут делаете?

— Ничего. Иду с кладбища.

В тёмном салоне это прозвучало зловеще. Я увидел, что им стало не по себе — словно детям, слушающим в потёмках “ужастики”.

— Почему же с кладбища? — пролепетал тот, что предложил мне услуги “такси”. — Ведь скоро ночь!

— Ладно, ладно, — постарался улыбнуться я. — Расслабьтесь, с покойниками я там не встречался. Одна ваша местная дура привезла меня туда и бросила.

— Какая ещё дура? Путана, что ли?

— Возможно. Я не спрашивал. Она хотела мне показать там что-то, я вышел из машины, а она развернулась и уехала.

— Деньги вы ей давали?

— Нет, она не просила.

— А что она вам хотела показать?

— Откуда я знаю — она же уехала.

— А кто она вообще? Как вы с ней познакомились?

— Секретарша ректора университета. Я был у неё по вопросам сорвавшейся конференции.

Теперь менты смотрели друг на друга: они явно не знали, что со мной делать.

— Сообщим, что один нашёлся? — спросил, наконец, Армянистый у Вована.

— А он терялся? Братан, ты чего-то не догоняешь. Мы же знаем, что один из них заселился в гостиницу. Этот, как его... Оленев. Вы Оленев?

— Я Лосев.

— Можно ваши документики?

— Пожалуйста.

Они включили свет в салоне и изучили паспорт.

— Вроде всё в порядке, — сказал Вован, возвращая документ. — А вас, вообще, допрашивали в связи с происшествием?

— Допрашивали, но не из вашего ведомства.

— А, понятно, смежники, значит. И они разрешили вам ходить одному по городу?

— Не запрещали.

— Те ещё следаки! Вам бы лучше сидеть в гостинице, гражданин Лосев. А то и вы куда-нибудь, не ровен час, исчезнете. Ну, чего, — повернулся он к напарнику, — в “Аквариум”?

— Поехали. Только про триста рублей я вам не говорил, а вы не слышали.

— Ладно.

Всю дорогу до гостиницы мы молчали. Менты, как мне показалось, испытывали явное облегчение, когда я их покинул у “Аквариума”.

В здании отеля был ярко освещён только вход и стеклянный вестибюль, а выше горело не более полудюжины окон. Дремавший за стойкой портье встрепенулся при моём появлении. Когда я шёл мимо него к лифту, то услышал за спиной звук разъезжающихся створок входной двери. Я обернулся — в холл входил Григорий, имевший такой вид, словно неотступно следовал за мной сегодня по пятам. Лишь покосившись в мою сторону, он направился к портье и о чём-то стал его негромко спрашивать. Я воспользовался этим, чтобы заскочить в распахнувшийся свою пасть лифт и уехать. Меньше всего мне сейчас хотелось говорить с Григорием. Но интересно, случайно ли он меня здесь застал или всё же как-то, без “жучка”, отслеживал всю дорогу, в том числе и на кладбище? Я уже ничему не удивлялся и готов был поверить, чему угодно, даже тому, что он тоже “дух болота” и следил за мной незримо.

Выйдя из лифта, я ощутил нечто необычное — точнее, непривычное, ибо что сегодня было обычным? Напротив лифтов имелось зеркало, в котором вы мельком отражались, когда входили или выходили. Я уже миновал фойе, когда боковое зрение с опозданием на доли секунды доложило мне, что в зеркале... был вовсе не я. Постояв несколько секунд в нерешительности (услужливое слово “показалось” я отмёл как издевательское в моей ситуации), я вернулся к зеркалу. Из него на меня страшными глазами смотрел... доцент Киров, мой сосед по самолёту.

“Наверное, у меня такие же глаза”, — как-то отстранённо подумал я, а губы сами собой спросили:

— Где вы?

— Я здесь, у лифта, — потусторонним голосом ответил он. Действительно, за его спиной были двери лифтов.

— Вы... живы?

— Я? — Он кривовато поправил золочёные очки на носу. — До этого момента считал, что жив, а сейчас сомневаюсь.

— Что с вами произошло?

— Все исчезли, и я остался один.

“Он остался один? — лихорадочно соображал я. — Как я? Выходит... с остальными произошло то же самое? И теперь каждый находится в своей реальности, где все исчезли, кроме них?”

— Я здесь, как в пустоте, — пожаловался взъерошенный Киров. — Весь день рядом со мной были какие-то люди, но они тоже пустота. Вокруг — километры пустоты, словно тогда, когда мы летели в десяти километрах над землёй.

Не зря он боялся высоты, ох, не зря! А я смеялся!

— Корабль в пустоте... — вырвалось у меня.

— Что?

— Так сказал один местный доцент, Колобакин... Вы видели его?

— Возможно. Но я не знаю, кто это.

Стало быть, если наши с Кировым миры параллельные, и все остальные тоже, то происходящее в них вовсе не параллельно, во всяком случае, не строго параллельно.

— А что с вами? — спросил Киров из синеватой глубины зеркала. — Что с этрускологами в вашем... мире?

— То же самое, что и в вашем. Я здесь один.

— Понятно. — Он опустил голову. — А я-то, увидев вас в зеркале, надеялся... Ненавижу этих этрусков! Не стоило ими заниматься, они не приносят счастья.

— Вы полагаете?... Вот и Колобакин...

— Не знаю, что там Колобакин, а всё вокруг этрусков пропитано обречённостью, унынием, пресыщенностью... Эти их гадания на внутренностях... этот гипертрофированный культ изысканных зеркал... Язык их нечеловеческий... Немудрено, что они внезапно все исчезли... А теперь — мы. Мы заразились от них.

— Да-да... — я задумался. — Вы говорите — зеркала? А ведь они, наверное, тоже были ритуальными. И мы вот встретились у зеркала. А если это дверь из одного мира в другой? И мы можем объединиться? Вдвоём-то будет полегче. А потом увидим в этом портале ещё кого-нибудь из наших, перетащим к себе. И так — каждого, пока не станет нас снова пятьдесят.

— Боюсь, это было бы слишком просто, — уныло сказал Киров. — Не для того нас разбросали по разным ходам во времени и пространстве, чтобы мы взяли и воссоединились в зеркале.

— Вы и впрямь, кажется, заразились. Но ведь можно легко проверить. Чего нам терять? — Я протянул к нему руку, но мой средний палец со стуком ударился о гладкую и твёрдую поверхность стекла. Киров исчез, и в зеркале появился я, будто здоровающийся со своим оригиналом. Привет, терпила! Тебя снова надули!

В номер я зашёл крадучись и осторожно вставил карту в пластиковый карманчик на стене. Вспыхнул свет. Пусто. С опаской поглядев на зеркала,

я подумал, а не снять ли шторы с окон и не повесить ли зеркала, чтобы не заглядывал сюда кто ни попадя из зазеркалья, но потом решил, что не сто́ит, — не похороны всё же.

Явление Кирова в зеркале кардинально меняло картину происходящего. До сего момента существовало два мира: тот, в котором я сейчас нахожусь, и тот, в котором исчезли остальные. Теперь же появились основания подозревать, что этих миров пять десятков, если не больше (ещё оба портье, Хачериди), а я могу повлиять, в лучшем случае, на один. В других, скорее всего, от этого ровным счётом ничего не изменится. Я свалился, не раздеваясь, на необъятную кровать. Сил не было не только что-то делать, но и думать, и я уснул.

Наутро я долго лежал без движения и глядел в высокий потолок, усеянный круглыми дырочками-светильниками. Я затерялся здесь в одном из пятидесяти миров и не знал, как выбраться обратно. Какая из дырочек моя? И всё же мой ум отказывался верить во всё, с чем я столкнулся вчера вечером. Я нацупал на тумбочке пульт и включил огромный телевизор напротив кровати. Что там говорят в утренних новостях про исчезновение полусотни человек в Южноморске? Я нетерпеливо щёлкал с канала на канал, везде сидели улыбающиеся до дёсен, точно негры, ведущие и несли какую-то хрень. Ни слова об Южноморске. На одном из каналов я увидел бегущую понизу новостную строку, стал читать. “Президент США Трамп заявил в “Твиттере”...” “ВКС России нанесли удар в провинции Идлиб...” “Парламент Тосканы признал Крым частью РФ...” “В Большом театре премьера...” “Скандально известный актёр Алексей Панин попытался выйти из летящего самолёта...” “Сборная России по хоккею вышла в четвертьфинал ЧМ...” “Курс доллара...” “Погода...” Потом заново: “Президент США Трамп...” И всё. Так, где мой телефон? А ведь вчера не было ни звоночка, даже от жены! Так не бывает: всегда за день кто-нибудь да позвонит. В “Контактах” у меня были номера нескольких редакций, с которыми доводилось сотрудничать, в том числе и ТВ. Я стал звонить. “Номер не обслуживается, поскольку вы находитесь вне пределов досягаемости сети...” По другому телефону: “Номер не обслуживается...”, “Номер не обслуживается...”, “Номер не обслуживается...” Я вспомнил шутку одного покойного писателя: “Чтобы позвонить в ад, нужно набрать код 666”. Может, тогда обслужится? Я снял трубку гостиничного телефона — он не работал.

Что ж, понятно: в моей реальности связи нет. И тут телефон зазвонил. Двумя пальцами, словно боясь заразиться, я поднял трубку:

— Аллю!

— Борис Сергеевич?

— С кем имею?..

— Вы завтракали?

— Нет. — Я вдруг почувствовал, что ужасно голоден: завтракал я последний раз вчера, но после этого не обедал и не ужинал.

— Завтракайте и спускайтесь, пожалуйста, в холл. У нас к вам есть вопросы.

— У кого — “у нас”?

— У нас. У полиции и прокуратуры.

— Вы обнаружили людей?

— Спускайтесь и поговорим.

Значит, не обнаружили. Нажав несколько раз на рычаг телефона, я проверил, работает ли он теперь — нет, быстренько снова умер. Чудеса! Всё было бессмысленно. Хотелось исчезнуть куда-нибудь, чтобы не переливать из пустого в порожнее с проснувшимися, наконец, “следаками”. Ведь это всего лишь одна из пятидесяти следственных групп, действующих в мистическом южноморском болоте. Поодиночке они никого не найдут, а вместе им никогда не сойтись. Но куда тут исчезнешь? Я и так сорок девять раз исчез в других южноморских мирах...

Я махнул на всё рукой, умылся и пошёл завтракать. В небольшом угловом холле на моём этаже сидел Григорий и ещё один субъект, набыченный.

Охраны прибавилось. Или это был сменщик — Григорий, похоже, тут ночь провёл.

В столовой на этот раз я увидел двух буржуев, жрущих свой буржуйский завтрак — овсяные хлопья с молоком.

— А что — футболисты ещё не завтракали? — спросил я у давешней неприветливой девушки.

— Футболисты уже уехали, — скривилась она.

Ну, да, конечно, среди них же есть свидетели, как же их оставлять в отеле? Моя реальность по-прежнему была безрадостной.

Ничего хорошего я не ждал и от тех, кто позвал меня в холл, и мои предположения оправдались. Там сидели шесть типов в тёмных костюмах с неприязненными физиономиями, включая известного мне Ротова. Они сразу же препроводили меня в пустующий бар, — видимо, помещение двойного назначения. Особенно несимпатичным казался лысый, узкогубый, с каким-то вдавленным внутрь носом человек, начавший меня допрашивать, причём “по-взрослому”, под протокол, который писал его коллега за соседним столиком. Третий снимал меня на камеру. А передо мной узкогубый положил ещё и диктофон.

— Ваша фамилия, имя, отчество?

— Хотелось бы сначала узнать, с кем имею дело.

— Румянов Валентин Игоревич, следователь по особо важным делам Генпрокуратуры. — Он достал и развернул удостоверение.

— Неужели из Москвы?

— Из Москвы.

Ага, значит, всё-таки всполошились. Я представился, а Румянов пошёл по протокольным пунктам: дата и место рождения, адрес по прописке, судимость — в общем, как положено. Но первый же вопрос по существу меня огоршил:

— С какой целью распространяете сведения о прибытии в отель “Аквариум” этрускологов?

Помолчав, я спросил:

— Неужели вы для этого прилетели из Москвы? Чтобы искать подтверждения местным бредням? А поиском учёных вы, пардон, не хотите заняться?

— Сейчас вопросы задаю я. Прошу вас отвечать по сути, ведётся запись. Повторяю: с какой целью...

— С той целью, что я сам был среди этих этрускологов.

— Кто это может подтвердить?

— Не знаю. Мне кажется, этих людей должны найти именно вы. Но ни дежуривших в тот день портье, ни координатора Хачериди, судя по вашим вопросам, так и не нашли. А футболистов, оформлявшихся параллельно с нами, заставил молчать, по имеющимся у меня сведениям, присутствующий здесь господин Ротов.

— Позвольте! — запротестовал побагровевший капитан. — Кого это я заставлял молчать?

— А местного вратаря, молодого такого парня. Он стоял тогда рядом со мной у стойки. А теперь отказывается говорить, что видел, поскольку, по его словам, приходил капитан и сказал не сообщать никому ничего про вчера, а то будут неприятности. И быстренько убежал от меня.

На улице у Румянова проступила некоторая растерянность. Он переводил глаза с меня на Ротова.

— Так я и вам такое говорил: во избежание слухов не распространять до выяснения обстоятельств информацию! — воскликнул Ротов.

— Если так, то чего вы добились? Вратарь молчит, как рыба. А вам он сказал, кого видел на ресепшене?

— И он, и другие футболисты видели каких-то людей в холле, но не знают, кто они были.

— Ну, один-то из них имеется! Устройте нам очную ставку! Покажите остальным фотографии учёных!

— Пока не могу: после домашнего матча они вылетели на игру в другой город.

— Вот так сразу? Не отдохнув и денёк?

— Их расписание составляю не я.

— Хорошо, но водителя автобуса, который привёз нас всех из аэропорта в “Аквариум”, вы можете допросить?

Ротов насутился.

— Нет, не можем.

— Отчего же?

— Он вчера умер.

Несмотря на то, что я, как мне казалось, понял условный и необязательный характер реальности, в которой оказался, холодок ужаса пробежал по моей спине.

— Как — умер? — пролепетал я. — От чего?

— Тромб в голову отлетел.

Я не знал, что сказать, тупо уставившись на Ротова.

— И вам... это не кажется подозрительным?

— Выясняем, — скупо отозвался тот.

— Вернёмся, однако, к допросу, — откашлявшись, предложил Румянов. — Получается, что ваши слова о прибытии в “Аквариум” этрускологов некому подтвердить?

— Естественно, некому, если все свидетели умирают и исчезают. Причём в течение суток. Я не знаю, кто ещё мог их видеть. Опросите постояльцев отеля — благо, их немного, — а также людей, что работают напротив “Аквариума”. Пятьдесят человек — это немало, кто-то ещё обязательно должен был нас видеть. А аэропорт? А списки пассажиров самолёта? Неужели вместо того, чтобы искать пропавших учёных, вы намерены доказывать, что я их придумал?

— Свидетельств, что кто-то прилетел в Южноморск помимо вас, пока не обнаружено.

— Даже так?! А вы запрашивали авиакомпанию?

— Авиакомпания “Южный ветер”, самолётом которой вы прилетели, вчера объявлена банкротом, — встрял молчавший до сего времени мужчина с седоватым бобриком. — Рейсы отменены, федералы ведут выемку документов, и доступа к ним, в том числе, и к спискам пассажиров, не имеется.

Я почувствовал, что ветерок ужаса, гулявший вдоль моей спины, пробирается внутрь — куда-то туда, где желудок и сердце. Обратное-то я тоже должен был лететь этим “Зюдвиндом”. Теперь мой билет недействителен. И я не знал, хватит ли мне денег улететь “Аэрофлотом” — билеты там были куда дороже. Конечно, есть ещё железная дорога, междугородний автобус, но здесь, как видно, прямых путей нет.

— Можно узнать, кто вы? — обратился я к седоватому.

— Да, подполковник Земский Николай Андреевич, замначальника ГУВД.

— О, тогда возникший у меня вопрос прямо по адресу. Допустим, это я придумал приезд к вам этрускологов. Тогда, может быть, и конференцию я придумал? И к вам никто не должен был прилететь?

— Должны, по нашим сведениям. Но если все где-то исчезли — у гостиницы или в аэропорту, — то почему вы не исчезли? — повторил Земский вчерашний вопрос Ротова.

— Ну, потому, наверное, что я их всех убил и в землю закопал.

— Осторожнее, — проворчал Румянов. — Не забывайте, что ведётся протокол. А в нём ваши шутки могут быть расценены как признание.

— О, я чувствую, вам это необходимо. Только с одним мной вы свою следственную кашу не сварите. Меня маловато будет.

— Мы вас пока ни в чём не обвиняем. Но ваше поведение в сложившейся ситуации кажется странноватым.

— Чем же?

— Явившись один на конференцию, вы дали журналистам длинное интервью.

— Не я им дал, а они у меня его взяли, узнав, что я делегат. Почему бы мне не ответить на вопросы прессы в ожидании остальных? Разве это криминал?

— Нет, не криминал. Но сегодня в газетах фигурирует лишь ваша фамилия и ваши гипотезы. — Румянов достал из портфеля стопку свежих газет, развернул одну.

“РАСШИФРОВАНА ДРЕВНЕЙШАЯ НАДПИСЬ”, — прочитал я над своим фото. И подзаголовок: “Открытие конференции этрускологов задерживается, но одна сенсация уже состоялась”. Ясно: это, наверняка, дело рук того интеллигента с галстуком, который попросил меня записать “Hktaonosi heloke...” и другие надписи.

— А вот ещё. — Следователь показал заголовки других газет: “Подпоручик Киже и этруски: что общего?”, “След этрусков на Карпатах”, “Русы не пьют с хеттами”, “Коренные русские слова — этрусские?” В общем, раздёргали всё на цитаты, чтобы, как они говорят, активней “пишл хавал”.

— И что? Для того, чтобы всё это появилось в газетах города Южноморска, я устранил в одиночку сорок девять других ораторов?

— Мы этого не утверждаем. Но если бы вы захотели сделать нечто подобное, вам бы потребовались сообщники.

— Вы серьёзно полагаете, что в Южноморске у меня могут быть сообщники?

— Нет, вы же не обвиняемый, а свидетель. Кстати, с кем вы вчера встречались в городе?

— То есть, кто кандидаты в сообщники? Извольте: это господин Здолбунович, председатель оргкомитета конференции, Ольга, секретарь ректора университета, фамилии которой я не знаю, доцент Колобакин оттуда же и отец Константин из кафедрального собора.

— А что, если не секрет, вы хотели узнать у отца Константина?

— Часто ли в городе случается такая чертовщина, как с этрускологами. Румянов покосился на своих коллег, а те на меня.

— А почему вам это кажется чертовщиной?

— Странно, что вам не кажется. Рациональных объяснений исчезновению учёных вы, как я понимаю, не имеете. Но ведь исчезли-то не только они. Почему-то исчезают, умирают или разбиты параличом все, кто имел непосредственное отношение к ним. Или, может быть, случайно именно вчера обанкротилась авиакомпания?

— Гм... это, по-вашему, вмешательство нечистой силы?

— Вот это я и хотел узнать у отца Константина.

— И что он вам сказал?

— Он не исключил такой возможности.

— А что вы делали вчера вечером на втором городском кладбище?

Ага, менты уже доложили. Мне не хотелось говорить Румянову про Лилу, но он, похоже, и так знает.

— Я думаю, вам всё сообщили полицейские.

— Они сообщили, что задержали вас по пути с кладбища. Но они не знают, что вы там делали.

Ах, они меня задержали! Какие бдительные! Ну, понятно, не скажут же они о предложенных услугах частного извоза. Получается, и поведенную мной историю о Лилу менты не пересказывали.

— Я посетил находящуюся на этом кладбище могилу известной теософки Анны Рудольфовны Минцловой. — Я внимательно посмотрел на Румянова и остальных, стараясь прочитать на лицах — знакомо ли им это имя.

Следователь слегка наморщил бугристый лоб: он, очевидно, не знал, ни кто такая Минцлова, ни значения слова “теософка”, но уточнять не стал. Остальные тоже молчали. Что ж, может, хоть они — не “духи из болота”.

— Позвольте задать свидетелю вопрос? — спросил Ротов.

— Прошу вас.

— А почему вы скрылись от выделенного мной сопровождающего?

Я изобразил удивление:

— Простите, вы мне сказали, что я его даже не увижу. А теперь получается, что я должен был следить, ходит ли он за мной. Но я, конечно, посматривал. Это не я от него скрывался, а он исчезал куда-то время от времени.

Ротов отвёл глаза и недовольно прикусил ус.

— Разберёмся, — буркнул он.

Достанется теперь Грише на орехи! И поделом: приказали тебе следить, так следи, а не ходи обедать или пить пиво. А то припёрся к секретарше спрашивать, где я нахожусь! Телохранитель, называется!

— Капитан Ротов деликатно не упоминает о микрофоне с маячком, от которого вы избавились. Зачем вы это сделали? — поинтересовался Румянов. — Складывается впечатление, что вас не очень заботит своя безопасность и благополучный исход поисков.

— Ах, там ещё маячок был! А ведь я не давал согласия ни на жучок, ни на маячок. И не дам. В общем, я подарил эту божью коровку одной девочке, которая и сняла с меня её.

— Какую божью коровку? — не понял следователь.

— Ну, жучок-маячок этот был в виде божьей коровки. А дети обращают на такие вещи внимание.

— Правда, что ли? — повернулся Румянов к Ротову.

Тот развёл руками, натянуто улыбаясь.

— Кто же это у вас такой... сообразительный?

Капитан нахмурился и снова отвёл глаза:

— У товарища Лосева коричневый, даже красноватый пиджак, вот агент и посчитал, что устройство в виде божьей коровки будет на нём не слишком заметно.

— Ну да, до первой наблюдательной девочки. Впрочем, это ваше дело. А теперь, — обратился ко мне Румянов, — мне хотелось бы послушать вашу версию событий, начиная с прилёта в Южноморск.

Я рассказал ему то, что поведал вчера Ротову. Выслушав, следователь поинтересовался:

— Вы кому-нибудь ещё сообщали, что делегаты якобы регистрировались в гостинице?

— Да, Здолбуновичу, — ответил я с заминкой. Отца Константина мне подводить не хотелось. Слишком много народу здесь исчезает. А то и умирает.

— У товарища Рождественского из министерства культуры, с которым мы прилетели из Москвы, — Румянов указал на доселе молчавшего, но внимательно слушавшего меня щекастого мужчину, похожего на бобра, — есть просьба к вам.

— Вы, безусловно, имеете право на своё видение случившегося, — откашлявшись, начал Рождественский. — Но только вы говорите, что этрускологи прибыли в отель, больше никто. Скоро, очевидно, здесь появятся московские и иностранные журналисты. Мы были бы вам очень признательны, если бы вы не пересказывали им версию, что учёные исчезли здесь, в "Аквариуме". Тем более, как я понимаю, вы не знаете, где именно они исчезли, вы просто последний раз видели их здесь.

— Нет, — категорически отказался я. — Это страусиная политика. Вы просто боитесь признать серьёзность проблемы. На день-два вы облегчите себе жизнь, а дальше? Зачем уводить людей с настоящего следа? Ведь сюда не только журналисты, но и родственники пропавших могут приехать. Вы об этом подумали? Кстати, — я повернулся к "силовику", — а догадался ли кто-нибудь позвонить родственникам: может быть, они выходили с этрусколгами на связь?

— Вы как-то пренебрежительно о нас судите, — пробормотал Земский. — Сразу видно — москвич. Конечно, звонили под разными предлогами, не имеющими отношения к произошедшему. Везде был ответ, что они улетели на конференцию, но на телефонные звонки не отвечают и сами не звонят. Никто пока по этому поводу особо не волнуется: думают, неполадки со связью.

— А вы и рады? Когда же вы собираетесь сказать родственникам правду? Впрочем, делайте, что хотите, а меня не втягивайте в эту сомнительную

авантюру. Пусть органы, если не могут найти делегатов, ищут портье и Хачериди, а не занимаются ерундой.

— Что вы называете ерундой? — обиделся Румянов.

— Ну, ваше это расследование относительно меня, просьбы эти молчать о прибытии этрускологов в “Аквариум”. Вас его хозяин из Минэкономразвития, что ли, надоумил?

— Мне не известно, кто хозяин отеля. А вам откуда известно?

— Мир слухом полнится. Хачериди о чём-то таком говорил по дороге из аэропорта.

— Всё же, Борис Сергеевич, в интересах следствия мы просим вас не разглашать информацию, которая, по вашим утверждениям, у вас имеется.

— Не дождётесь. Я понимаю, что местным властям, — я кивнул на Земского, — удобней считать, что учёные вообще не появлялись в городе. Но я не знаю, зачем это нужно вам, если на вас действительно не оказывает давление высокопоставленный хозяин отеля.

— Просто мы не можем брать за основу ваш “настоящий след”, потому что в гостиничных документах зарегистрированы только вы. Что же, по-вашему, мы должны сказать общественности, что учёные растворились в холле “Аквариума”?

— А, очевидно, вам легче сказать, что они растворились где-то на просторах Руси между Москвой и Южноморском! Знаете, что? Я предлагаю удобный для всех выход. Говорите общественности, что хотите, а мне выдайте новый билет на самолёт, и я сегодня же улечу. Таким образом вы уберёте от журналистов и родственников источник нежелательной для вас информации. Допрашивать же меня можно и в Москве.

Команда дознания переглянулась, а потом все усталились на Румянова. Не исключено, что кому-то моё предложение показалось заманчивым. Несколько секунд они молчали. Наивно, конечно, было рассчитывать, что, продвинувшись в пространстве по своему зеркальному коридору до Москвы, я смогу покинуть его пределы во времени, но очень уж тяготило меня пребывание в Южноморске.

— Видите ли, — наконец сказал Румянов, — вы не только свидетель, вы единственный из имеющихся в наличии участников конференции. Каким-то образом тайна их исчезновения связана с тем, что лично вы не исчезли. Каким, мы ещё не знаем, но вряд ли было бы разумно лишаться на этой стадии расследования ещё и вас.

— Понятно — я нужен вам для ловли на живца. С жучком и маячком. Однако я ни на что подобное не подписывался и сразу по истечении срока моей командировки уеду. Чтобы помешать мне, вам придётся меня арестовать. А чтобы арестовать, вам придётся предъявить обвинение. Надеюсь, ни один в мире суд не согласится, что я как-то причастен к пропаже такого количества людей. А если и согласится, то не думаю, что в местном СИЗО я окажусь вам нужнее, чем в Москве.

— И всё же сейчас вы нужны здесь. Будем надеяться, что это продлится недолго. Подпишите, пожалуйста, протокол: “С моих слов записано верно”, — на каждой странице.

Я подписал, лишь бегло просмотрев листки: какая разница, что написано в одном из пятидесяти таких протоколов? Где-то там, в зазеркалье, и Киров подобный протокол подписывает или уже подписал.

— Что ж, Борис Сергеевич, до новых встреч, — сказал следователь, поднимаясь. — Но прежде чем покинуть вас, снова попрошу, чтобы вы прислушались к словам товарища Рождественского. Ведь вы действительно *не видели*, что делегаты исчезли здесь, — вы, придя утром на завтрак, их здесь *не застали*. И вы ни на капельку не погрешите против истины, если не будете настаивать на том, что учёные зарегистрировались в “Аквариуме”.

— Но они регистрировались.

— Однако всё же не сделали этого, если записей нет, не правда ли?

— Не знаю. Ищите портье, чтобы узнать причину отсутствия записей.

— Ищем. Но, пока не нашли, воздержитесь, пожалуйста, от распространения сведений, способных вызвать панику и нездоровый ажиотаж.

Я ничего не ответил. Плевать мне на ваш ажиотаж — что он значит в этом городе переселения душ? Румянов некоторое время смотрел мне в глаза, но я не отвёл свои. Явно недовольный мной, он повернулся и пошёл к выходу, остальные молча последовали за ним.

Я же направился к стойке с прессой напротив ресепшена, чтобы просмотреть газеты, которые мне показывал следователь. В сами статьи я вчитываться особенно не стал, чтобы лишний раз не раздражаться тем, как избирательным цитированием и варварскими сокращениями перевирают твои слова. Всё это делается авторами и редакторами одинаково — что в Москве, что в провинции. Меня интересовало, что написано об исчезновении этрускологов. Но, как и следовало ожидать, — почти ничего. В основном, на разные лады муссировались слова “открытие конференции задерживается” из газеты, показанной Румяновым. “По причине организационных накладок первое заседание не состоялось...”; “Первый день вышел комом из-за того, что большинство участников не смогли прибыть к началу работы...”; “К организаторам конференции есть вопросы: они не сумели обеспечить своевременное присутствие всех делегатов...” и т. п. И ни полслова о том, где же, собственно, могут быть делегаты, если им куплены билеты до Южноморска на определённый день и час. Особенно мне понравилось это “большинство”, тогда как “меньшинство”, то есть я, составляло ровно 0,5 процента! Вот поэтому-то я терпеть не могу газет — ни бумажных, ни электронных. В ирреальном мире они оказались столь же неискренними и двусмысленными, как и в реальном.

Я поймал себя на мысли, что, определив свой нынешний мир как “ирреальный”, я, однако, не вполне ощущаю соприкосновение его границ с реальным, который должен же находиться где-то. Допустим, он за пределами Южноморска. Но встретился ведь здесь мне и нормально реагирующий человек — отец Константин. Он — часть реальности в моём “коридоре”, или же тот границы церкви огибает, не в силах пройти по освящённому месту?

Я поднялся с дивана и подошёл к портюе.

— Телефон в моём номере не работает.

— Понял, пошло к вам к вам нашего специалиста по связи.

— А могу я пока воспользоваться вашим телефоном?

— Да, конечно, вот он, на столике — специально для таких случаев.

Хороший сервис — учитывая, что я и по мобильному не могу никому дозвониться! Хотя не факт, что дозвонюсь и по этому. Однако после набора номера пошли длинные гудки, и голос отца Константина ответил:

— Слушаю!

— Батюшка, это Борис Лосев, который вчера подошёл к вам у церкви. Знаете, рассказанный вами сюжет из Белого получил совершенно неожиданное продолжение. Я бы хотел показать вам кое-что, если, конечно, у вас есть время.

— Я сейчас свободен, пожалуйста.

— А где мы можем встретиться?

— Да хоть в храме, я здесь, подходите.

— Тогда через полчаса.

Положив трубку, я некоторое время смотрел на неё. Если отец Константин существует в обычной реальности и отвечает мне по телефону, то, стало быть, и телефон реален? А почему тогда мой отключён? Нет, для меня всё это слишком сложно. Я вспомнил фильм аргентинских студентов “Мёбиус” — о том, как в метро Буэнос-Айреса после запуска кольцевой линии исчез целый поезд в месте, где начинался один кольцевой маршрут и кончался другой. Топология пространства и времени искривилась при увеличении скорости состава в точке “нулевого” поворота — примерно так же, как изменяется поверхность перекрученной ленты Мёбиуса при соединении её концов. Реальность в такой непрерывной конфигурации не противоречит ирреальности — они переходят друг в друга на витке. С этой точки зрения Румянов и Рождественский, скажем, действительно могли прибыть из реальности Москвы в мою псевдореальность — просто они на одном витке, а я

на другом. А всем этрусколагам, включая меня, выпало оказаться в нулевой точке пространства-времени “города переселения душ”. Только эта лента, в отличие от ленты Мёбиуса, перекручена не один раз, а пятьдесят, и на каждом её витке — по этрускологу. Научная фантастика, словом! Я любил её читать в детстве, но ни тогда, ни позже не мечтал сам оказаться в ней.

* * *

Поздоровавшись с отцом Константином, я не стал ходить вокруг да около:

— Батюшка, моя просьба покажется вам странной, но я хотел бы, чтобы мы вместе поехали на второе городское кладбище. Поверьте, проще показать вам то, что я вчера увидел, чем рассказывать.

Священник был явно озадачен, но виду не подал, только поинтересовался:

— Вы вчера были на кладбище?

— Да, после встречи с вами.

— Что же, простите, привело вас туда?

— Не что, а кто. Встретил напротив университета секретаршу ректора, и она сказала, что хочет кое-что показать мне там — вроде, как я сейчас вам. Вы, кстати, с ней знакомы?

— Не имел удовольствия.

— Тем загадочней выглядит ситуация. Она как будто слышала наш с вами разговор.

— Даже так? Ну, а главное: учёные-то нашлись?

— По-прежнему нет.

— М-да... А то, что вы хотите мне показать, как-то связано с этим?

— Полагаю, да.

— Ну, тогда поехали, поглядим.

— Я поймаю такси.

— Не надо, я на машине.

Мы обошли храм, и отец Константин указал на стоящую во внутреннем дворе “ладу-весту”:

— Сюда.

В салоне пахло ладаном и восковыми свечами, а над лобовым стеклом разместился рядком иконостас в миниатюре — Спас в Силах, Божия Матерь, Николай Угодник, святые равноапостольные Константин и Елена. Только мы выехали за ворота, как за нами двинулась “реношка” с набыченным парнем из “Аквариума” за рулём и другим мужчиной, мне не известным. Они “приклеились” ко мне сразу после того, как я сел в такси возле отеля. Статус наблюдения за мной был явно повышен: тут тебе и второй агент, и “тачка” нашла. Я не стал говорить батюшке о “хвосте”, чтобы он не нервничал.

— Может, всё-таки расскажете, зачем мы едем на кладбище? — спросил отец Константин, следя за дорогой. — А то невольно какие-то мысли о покойниках в голову лезут.

— Да ведь раз уж поехали, недолго ждать осталось. Потерпите уж, пожалуйста.

— Что ж, потерплю, Господь терпел и нам велел. А я читал в газетах о вас и об этрусках. Интересно. Вот вы там говорили, что этруски были родственны венетам и ретам. Но этруски, я слышал, верили в древнегреческих богов?

— Да, только называли их по-другому.

— А в кого верили венеты и реты?

— Ну, у них были свои боги — Великий Отец и Великая Мать. Называли их тоже по-разному: Велинь, Белин, Матрея, Рейтия. Всё зависело от племени. Реты и адриатические венеты предпочитали Рейтию. В сохранившихся надписях она упоминается даже чаще бога Белина. Кстати, слово Рейтия или Реция вполне может означать то же самое, что и Россия.

— Как это?

— Вам, наверное, известно, что европейцы в Средневековье называли нас рутенами, а Русь — Ruthenia. Не исключено, что и римское Raetia на самом деле калька с венетско-этрuscoго Routhia или Rousia, поскольку римлянам было свойственно превращать звук “с” в иностранных словах в “ц” или “т”.

— Я примерно представляю, где жили этруски. А где жили венеты?

— На адриатическом побережье Балкан и северной Италии, а также в Норике, на территории современной Австрии.

— Ага. А Венеция, конечно, это от венетов?

— Конечно. И Вена тоже.

— Я вот более-менее понял из ваших интервью, чем язык ранних этрусков схож с русским. А что представлял собой венетский язык?

— Он был ещё более схож. Возьмём стихотворную надпись на атесинской погребальной урне, нацарапанную латиницей: “V ougon taj o stinaj, V ougon taj tot i onaj”. Думаю, вы, зная церковнославянский, без труда переведёте это.

— Ну, наверное, так: “В огне тай, о, стенай, В огне тай тот и оный”.

— Почти так. “Тай” или “та” по-венетски будет “этот”. “Стенай” же пишется через “и”, а не через “е”, как “стенай”, и означает “истлей”. Получается: “В огне этом, о, истлей, В огне этом тот и оный”. То есть, речь идёт о кремации покойников, которые, естественно, в огне не стенают. Но основной смысл вы сохodu перевели верно. Нет, по-моему, никаких сомнений, что перед нами — праславянский язык, а не один из древнеиталийских, как утверждают итальянцы, не умея при этом перевести ни этрусских, ни венетских надписей.

— Ладно, допустим, эти этруски, венеты и реты — наши давние предки. Но почему у нас, в “Рутении”, языческие боги назывались по-другому? Даже “России” не было!

— Думаю, именно потому, что реты, скажем, верили в Рейтию, а норики — в Норейю, то есть олицетворяли богинь со своей землёй или страной. А нет страны, то нет, получается, и божеств. Но, вообще-то, в языке следы доперуновых богов можно обнаружить — даже там, где не ждётся. Откуда, по-вашему, слово “блин”? Оно с большой вероятностью восходит именно к богу Белину и означает ритуальное угощение, испечённое в форме солнца. Вообще, имя венетского бога “Белин”, “Белен” — исконно славянское, потому что происходит от древнейшего корня “бель” в значении “блестящий”, “светлый”. Старая праславянская форма этого имени — Белбог, Белобог. Распространённое мнение о том, что имена Белобог, Белин, Велинь почти не встречаются у восточных славян, неправильное, поскольку опирается на анализ только фольклорных источников, а не топонимов. Почему, скажем, Белая Русь — “белая”, а не “зелёная”, что больше бы соответствовало цветовой гамме этого края? Или возьмём древнее, ещё дохристианское название вольнской столицы — Велинь. Скорее всего, оно имело прямое отношение к богу Белину-Велиню. Многие лингвисты, кстати, выводят известного нам Велеса именно из Велиня. Не будем забывать и о том, что имена одних и тех же богов у язычников всё время менялись. Этрuscoго Зевса звали Тин или Дин, что означает “день”, а День — это уже близко к Белобогу. Восточные славяне чаще называли Белобога древнейшим синонимом Доля, — и, соответственно, Чернобога — Недоля, Лихо.

— Ну да, не буди лиха, пока оно тихо.

На этих его словах вдали зловеще замаячили ворота кладбища № 2.

— А вы знаете, как моя фамилия? — повернулся ко мне батюшка. — Недолин.

Я захохотал — по свойственной мне нервной смешливости, но тут же осёкся:

— Извините.

— Ничего, — улыбнулся отец Константин. — Не я же верил в Недолю, а какой-то мой дальний предок.

— Да ведь вера в Долю подразумевала и веру в Недолю. Жертвы, небось, приносились и тому, и другому.

— Ну, это уж как водится у язычников. Знаете, я всегда с недоверием

относился к активным поискам наших корней в далёкой древности, а вот почитал, послушал вас и вижу — не так всё просто.

— Самое пикантное, что вовсе не мы начали поиски этих корней! Такова была европейская историография вплоть до появления “норманистов”! Помню, на одном “круглом столе” по истории немецкий профессор, злобный такой дяденька, говорит: “Вы фальсифицировали свою историю ещё в семнадцатом веке, когда архимандрит Иннокентий Гизель написал о могильнице Римской империи Одоакр: “князь некий славеноросский Одоацер”! Славеноросский! В пятом веке! Как вам это нравится? — Позвольте, — возразил ему я, — Иннокентий Гизель всего лишь перевёл то, что написали *вы!* — Как это? — А кто выбил на плите: “*Odoacer rex ghuenorum*” — “Одоацер, царь рутенов”, в древней пещерной церкви в Зальцбурге, на том месте, где Одоацер сбросил со скалы полсотни священников и монахов? Архимандрит Иннокентий? И разве мы писали, начиная с десятого века, что русы — потомки библейского народа росс? А теперь нам об этом и вспоминать нельзя?” Сразу заткнулся, побагровел, сидит, моргает.

— А кто это написал — о народе росс?

— Византийский хронист Лев Диакон в своей “Истории”.

— Вы думаете, это правда?

— Не знаю, но более поздние историки, например, немец Моземан-Фабриониус и курляндец Рейтенфельс, утверждали, что правда.

Батюшка припарковался у кладбищенских ворот, покачал головой.

— Наша история — это бездна. Лучше не заглядывать, а то голова закружится. Знаете, некоторые начитанные прихожане спрашивают у меня: батюшка, если, по Нестору-летописцу, прародителем славян является сын Ноя Иафет, то мы, получается, произошли от евреев? И смех, и грех. Я отвечаю: считайте, как хотите, в любом случае все произошли от Адама.

— Да, но ведь, согласно Библии, ещё не было ни евреев, ни других народов, когда родились Сим, Хам и Иафет, а был “на всей земле... один народ и один у всех язык”.

— Книга “Бытие”, глава одиннадцать, стих первый — шестой.

— Совершенно верно. Завидую такой памяти! Я ещё могу вспомнить цитату, а уж номер главы и стиха — дудки. Родоначальником евреев всегда считался праправнук Сима Евер. “Сыны Еверовы” — сказано о евреях в той же Книге “Бытие”...

— Глава десятая, стих двадцать первый...

— ...а Евер появился на свет через несколько поколений после Иафета. Стало быть, евреи — отдельная ветвь потомков Ноя.

Мы вышли из машины. “Рено” остановился метрах в двадцати от нас. Я был рад, что отец Константин затеял этот разговор об этрусках и венецах, а не стал, например, спрашивать, что случилось со мной вчера после нашего разговора. Лучше показать ему сначала могилу Минцловой, а потом поведать о Лилу и Кирове в зеркале.

Кладбище не казалось таким мрачным, как вчера в сумерках. В свежей, не заплёванной ещё листве наперебой цвиркали птицы. На могильных цветниках сияли, как пасхальные яйца, красные, белые, жёлтые головки тюльпанов. Золотой купол часовни весело блистал в омытой солнцем синеве. Над ротондочкой здания слева от ворот столь же весело, белыми буквами по синему, входящих приветствовала вывеска “Колумбарий”, которую вчера я не заметил впопыхах.

— “В огне этом, о, истлей, В огне этом тот и оный”, — саркастически процитировал священник, отвернулся от колумбария и положил поклон на часовенный крест. — Христос пришёл в мир более двух тысяч лет назад, а язычников, похоже, меньше не стало. Куда дальше? Имейте в виду, что мне здесь находиться долго нежелательно, а то батюшка, что служит панихиды в этой часовне, подумает, что я пришёл у него хлеб отбивать.

— Как-то у вас всё не просто.

— Зато у вас всё просто: чтобы здесь похоронить кого-то, нужно выложить целое состояние. Помереть выходит дороже, чем жить. Вот люди и жгут своих близких.

— Собственно, мы пришли, вот нужная нам могила. Почитайте, что написано на плите, — я указал подрагивающим перстом на надгробье Минцовой.

Отец Константин подошёл и прочитал:

— “Минская Анна Родионовна”. А кто это? Да упокоится с миром, если крещена.

— Какая Минская? Минцова Анна Рудольфовна! — Я подошёл ближе и прочитал на плите вслед за батюшкой: “Минская Анна Родионовна. 1865—1942”. — Позвольте, как же это?.. — Я был совершенно ошеломлён.

— Минцова? Это та, о которой я вчера рассказывал? С чего вы взяли, что она здесь похоронена?

— Я прочитал вчера на плите, — упавшим голосом сказал я. — Правда, было уже темновато...

— А кто вам сказал, что это её могила? Та женщина, с которой вы приехали?

— Нет, она хотела показать мне нечто, связанное, как я понял, с загадкой исчезновения этрускологов. Но не сообщила, что. А когда я вышел из её машины, она вдруг развернулась и уехала. Я пошёл сюда и...

Я чувствовал, что объясняюсь на манер булгаковского Бездомного в психбольнице, и понимал, что отец Константин имеет все основания считать точно так же. Но он, к моему удивлению, сделал другой вывод:

— Очень похоже на бесовское наваждение. Это они так с нами играют. Я-то уж знаю, наслушался о подобных вещах на исповеди. — Он задумался. — Тут важно понять, что лукавому нужно от всех вас. Он ведь не просто так цепляется, а за какое-то ваше слабое место.

Тем временем в воротах замаячили Набыченный и его напарник — высокий худой мужчина в солнцезащитных очках. Бросив на нас быстрые взгляды, они с таким деланным вниманием стали изучать преёскурант колумбария, будто подумывали стать его клиентами.

— Батюшка, давайте поговорим в машине, — шепнул я. — Вон те двое — посмотрите, пожалуйста, не оборачиваясь, — из ФСБ, следят за мной от самой гостиницы. Думаю, не нужно им слышать, о чём мы говорим.

— Вот как? Да они, небось, давно прицепили вам “жучка”, — тоже шёпотом, покосившись на агентов, предположил отец Константин.

— Прицепили, конечно, да я отцешил.

— О, я вижу, вас голыми руками не возьмёшь.

Мы вернулись к “ладе”. В воротах я оглянулся на “хвост”: Худой снимал на смартфон надгробную плиту г-жи Минской, а Набыченный что-то высматривал внизу, наверное, на предмет тайника. Прежде чем сесть в машину, я обошёл её кругом, внимательно исследовав окна: именно на них, я слышал, крепят “жучки” в расчёте на голосовую вибрацию внутри салона. И точно — в уголке лобового стекла скромно пристроился зелёный древесный “клоп”. Я снял его, на что он, обычно лёгкий на подъём, совершенно не отреагировал, зато в пузе замигало оранжевым. Я осмотрелся и посадил железного клопа на пятнистый ствол платана у ворот.

— Неужели снова “жучок”? — нахмурился батюшка, когда я сел к нему.

— Да, теперь в виде древесного клопа. Прошлый раз была божья коровка. Видимо, у них на вооружении сейчас энтомологическая серия.

Агенты, между тем, боясь нас потерять, быстрым шагом вышли из ворот и поспешили мимо к своей “реношке”.

— А у вас что — есть опыт обнаружения этих устройств? — с подозрением посмотрел на меня священник.

— Никакого, я даже раньше никогда их не видел. Просто первый “жучок” они прицепили неудачно, и я стал бдительней.

— Когда же они его сюда присобачили?

— Как когда? Когда мы вышли из машины и пошли на кладбище.

— Думаете, не раньше?

— Теоретически могли и раньше: я же звонил вам, договаривался о встрече. Только откуда им знать, что мы поедем на вашей машине?

А потом, даже если и раньше, что они слышали? Учёный разговор об этрусках и венетах? На здоровье.

— Да, но всё же неприятно... Следующий раз засунут в такое место, что нипочём не догадаешься.

— Увы, нельзя исключить такого. Простите великодушно, что я втянул вас во всё это...

— Бог простит, и я прощаю. Куда мы теперь?

— Поехали, не торопясь, обратно, поговорим по пути. Вы меня очень укрепили тем, что не посчитали сумасшедшим после истории с мнимой Минцловой, поэтому я без боязни расскажу вам, что со мной случилось вчера, начиная со встречи в городе с этой странной женщиной — секретаршей ректора.

И я всё рассказал, упомянув и свои научно-фантастические соображения о пятидесяти витках пространства-времени по Мёбиусу. Напрасно, наверное.

Выслушав, отец Константин некоторое время молчал, сосредоточившись на дороге.

— Вы считаете, всё это мои галлюцинации? — осторожно спросил я.

— Галлюцинации тоже не бывают ни с того ни с сего. Как и в случае с Минцловой. Ведь до этого мы о ней говорили. А скажите, не увлекались ли вы в детстве или отрочестве гаданием в зеркалах?

— Со свечкой, что ли? Пару раз было, как и у всех, наверное. “Раз в Крещенский вечерок...” и так далее. Но чтобы увлекаться — нет. Это ведь девчоночья забава. Девчонки меня на неё и подбивали.

— А что подразумевал этот ваш Киров, когда говорил о культе зеркал у этрусков?

— О, они были непревзойдённые мастера изготовления зеркал из бронзы, наверное, первые в античном мире. Но использовали ли они их в гаданиях, я не знаю. Сцены ворожбы на зеркалах имеются, с обратной стороны. А вообще, этруски гадали по полёту птиц, по печени животных, по ударам молний. Увлекались они этим делом сильно. В переведённой Гриневичем этрусской надписи на камне из города Перуджа есть такие слова: “Ворожат, яростно воя, до изнурения. Дивно: имея природное богатство, возле бездны толкуются в сущей рже её и погибают напрасно”.

— Неплохо сказано.

— Переводы Гриневича много критикуют, но этот верен по сути: даже древние греки с их культом прорицаний ворожили меньше, чем этруски.

— Я вас не случайно расспрашивал об их вере. Какая-то есть связь между ней, гаданиями этими и тем, что произошло. Вот ваш коллега из зеркала интересно сказал: “Мы заразились от них”. Что бы это значило? Вы просто подцепили некий нездоровый этрусский дух? Тогда все должны хворать, кто изучает язычников древности. Но вы говорите, что среди ведунов этруски были самые отъявленные ведуны. А что такое ведовство? Это, как правило, не только попытка узнать будущее, но и повлиять на него с помощью потусторонних сил.

— Вы хотите сказать, что нам аукнулись этрусские гадания?

— Очень может быть.

— А почему — нам, мы же не этруски?

Батюшка засмеялся:

— Разве? Если верить вашему интервью, не исключено, что мы их потомки. Мы, когда докапываемся до разных древних корней, забываем о том, что они языческие.

— Да ведь те, кто гадал, давно уже померли!

— Они-то померли, а как быть с их ворожбой? Это ведь духовное действие, а не физическое. Исчезают ли в духовном мире заговоры, заклинания, проклятья? Или кружат чёрными теньями где-то в безвоздушном эфире над преисподней, пока кто-то ненароком не вызовет их на себя, заговорив об этрусских гаданиях? Вот вы приводили разные надписи — а я, дурак, их повторял, — а вы уверены, что это не заклинания? “Огонь” этот или “Подземный ад”, прости, Господи?

— То есть вы полагаете, что исчезли те, кто оказался в зоне действия этрусской магии? Иными словами, активировали её из пассивного состояния?

— Не полагаю, а предполагаю. Что я, простой смертный, могу полагать о потустороннем мире? Но я всё думаю о том, за какое именно слабое место зацепил вас и ваших коллег диавол. Не отдельно каждого, а вообще. Слабость у всех вас одна: желание узнать о тайнах этрусков больше, чем известно сегодня.

— Допустим. И что же делать?

— Лично вам — причаститься Святых Таин. Другой духовной защиты, помимо молитвы, не знаю. Поедем сейчас в храм, я вас исповедую и причастю запасными Дарами.

— Да ведь я позавтракал! Не говоря уже о том, что не готовился...

— Боюсь, готовиться у вас времени здесь не будет. Ну, а завтрак... Возьму на себя смелость отпустить вам этот грех. Вы, почитай, как на войне. Духовная брань — та же война. Вы крест-то на себе имеете?

— Имею.

— Ну, и хорошо.

* * *

В пустом гулком храме у аналоя в боковом приделе я исповедался отцу Константину, а потом он причастил меня.

— Вот вам молитва против бесов “Да воскреснет Бог...”, — сказал он мне, протягивая листок. — Читайте её всякий раз, как почувствуете искушение или опасность. А я буду молиться за вас. Если потребуется помощь, приходите, звоните. Сделаю всё, что смогу.

— Спасибо, батюшка.

Причастие и впрямь придало мне душевных сил. Я шёл по улице, не испытывая вчерашней подавленности, а, напротив, ощущая стремление что-то изменить, исправить, хотя по-прежнему не понимал, что. Давешний “хвост” всё тянулся за мной, на что я уже не обращал внимания.

Но в проклятом “Аквариуме” мой подъём стал улетучиваться. Начать с того, что теперь двое полицейских проверяли документы у входа в отель, а прямо за дверями была установлена рамка металлоискателя. Характерные типы в штатском торчали у стойки, лифтов и пожарной лестницы. Пройдя через все эти фильтры, до лифта я добрался лишь минут через пять, а в лифте обнаружился ещё один мордovorot. Как всё это могло способствовать поиску этрускологов, я не понимал. Да и никто, наверное, не понимал: просто власть по привычке изображала кипучую деятельность там, где её уже не требовалось.

В номере меня ждала новая неприятность. В моё отсутствие его хорошенечко обшмонали: все вещи были не на тех местах, куда я их накануне положил, а кровать заправляла явно не горничная. С отвращением я заглянул в перерытый чужими лапами чемодан. Господи, зачем это? Что они могли найти здесь полезного для себя? План подземелья, в которое я отвёл делегатов, как Гамельнский крысолов? Или что? Я прошёлся по номеру. Теперь наверняка меня не только слушают, но и снимают, а камеры и “жучки” на этот раз хорошо замаскированы. Находиться мне здесь было противно. Пойду в библиотеку, где мне, собственно, и положено быть как делегату, решил я, почитаю там что-нибудь, потом пообедаю, а потом — как Бог даст. В номер вернусь только ночевать.

Однако, когда я направлялся к лифту, меня остановил Набыченный, сидевший, как и давеча, в холле на диванчике.

— Гражданин Лосев, в интересах следственных мероприятий вы не должны покидать отель, — зло сообщил он. Вероятно, переживал потерю второго уже микрофончика. Они ведь, небось, расписываются в ведомости, получая на руки этот реквизит. И я уже, что характерно, “гражданин”! Ну, естественно, никого, кроме меня, у них в этом деле до сих пор нет, так что будут прессовать по полной. Скоро и в камеру с уголовниками посадят.

— А у вас что — есть постановление о моём домашнем аресте? — вежливо осведомился я.

— А вы не под арестом. Но если вы не хотите под него попасть, то должны сотрудничать со следствием в качестве свидетеля. Мы не можем гоняться за вами по всему городу, когда вы нам срочно понадобится.

— И что же? Я должен сидеть в этом непроветриваемом номере и даже не могу спуститься в бар? А как мне обедать?

— В бар, ресторан — можете, и даже по внутреннему саду погулять, но под нашим наблюдением.

— Вот спасибо, уважили! А скажите: если у вас нет ордера на меня, то на основании чего вы произвели обыск в номере?

— Я ничего не производил.

Возразить мне было нечего — ведь он и впрямь таскался за мной в собор, а потом на кладбище.

Я пошёл дальше. Мне не нужен был ни бар, ни бамбуковая роща в саду камней, но я не знал, куда ещё деваться. Набыченный, между тем, кого-то вызывал по рации: докладывал, очевидно, что я иду.

И тут произошло нечто похожее на вчерашнее. Зеркало в лифтовом фойе не отразило ничего, когда я миновал его. Я кинулся к нему. Там, в глубине, не было ни Кирова, ни вообще никого — то же самое фойе, только без меня. Поверхность зеркала как бы слегка ходила волнами. Сердце забилося чаще. А ну, как я смогу пройти на этот раз? Собственно, есть ли у меня другой шанс что-то изменить, не попытавшись попасть в один из соседних миров? Этот-то ведь тоже ненастоящий, для меня, по крайней мере, но я тут один, а там хоть есть Киров. Здесь меня скоро посадят под замок, лишив всяких шансов вернуться в подлинную реальность, а там я буду *нашедшимся* делегатом. Но всё равно как-то страшновато. Я вынул из кармана листок отца Константина и стал шепотом читать:

— Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящие Его...

В коридоре послышались шаги. Наверное, Набыченный идёт — посмотреть, поехал ли я вниз. Я ткнул пальцем в зеркало, и он провалился в пустоту. Путь свободен! Я занёс ногу и без препятствий перешагнул раму. Теперь одна моя половина стояла на земле, а другая пребывала в каком-то космосе. Или на том свете. Шаги приблизились к фойе, ручка двери пошла вниз... Я перекинул в зазеркалье и другую ногу. Ничего не произошло. Я стоял в точно таком же лифтовом фойе, какое только что покинул. Оглянувшись посмотреть, чьи же это были шаги в коридоре, я увидел только свою растерянную физиономию в зеркале. Портал уже затянуло амальгамой. И теперь бесполезно размышлять: зря, не зря. Нужно принимать то, что есть.

Однако куда же мне теперь? На лифте вниз или обратно в номер? Если *здесь* он мой. Впрочем, можно проверить. Я шагнул в коридор и оторопел. Никакого коридора не было. Я стоял в огромном, светлом, теряющемся над головой зале, сплошь увешанном зеркальными рамами разных форм. Точнее, трудно было сказать, что они на чём-то висели, ибо стен как таковых тоже не было. Рамы выступали из светящейся пустоты, напоминая аквариумы с электрической подсветкой. Из ближайшего ко мне зеркала доносился шум разговора, звенели бокалы. Я подошёл, отметил про себя, что пол или некая твердь имелись. В зеркале показывали цветное кино: раззолоченный кремлёвский зал, длинный стол под белоснежной скатертью, сияющий хрусталём и фарфором, и заставленный обильными угощениями, а за столом — Сталин, Молотов, Ворошилов, Микоян, Каганович, Берия и ещё какие-то деятели. Что это — “Пирь Валтасара” Искандера? Мои ноздри защекотали запахи вкуснейшей еды. Осетрина, жареный молочный поросёнок, шашлык, цыплята табака... Обонятельное кино, 10 или сколько там D? Или это не кино?

Сталин, между тем, разгладив большим и указательным пальцами усы, обратился к своему соседу, курносому улыбчивому мужчине лет сорока с зачёсанными назад жидкими волосами.

— Каковы происхождение и язык вашего народа? И не близок ли ваш народ к баскам? Не верю, чтобы албанский народ был выходцем из Центральной Азии; он и не турецкого происхождения, ведь албанцы древнее турок. Быть может, у вашего народа общие корни с теми этрусками, которые остались в ваших горах, потому что другие, которые ушли в Италию, частично были ассимилированы римлянами, а частично перебрались на Иберийский полуостров?

И здесь — этрусски! Я навострил уши.

Курносый подождал, когда сидящий рядом толмач переведёт слова Сталина, и ответил — через своего переводчика:

— Происхождение нашего народа, товарищ Сталин, очень древнее, а язык его — индоевропейский. Имеется много теорий об этом вопросе, однако правда такова, что мы исходим от иллирийцев. Мы — народ иллирийского происхождения. Имеется ещё теория, выдвигающая положение о том, что албанский народ является самым древним народом Балкан и что древними, догомеровскими предками албанцев являются пеласги. Теория о пеласгах развивалась многими учёными, особенно немецкими. Они ссылаются на некоторые слова, употреблённые в “Илиаде” и “Одиссее” и употребляемые и поныне албанским народом, как, например, слово “гур”, что по-русски означает “камень”. Гомер это слово ставит перед греческим словом и говорит “гури-петра”. Значит, можно предположить, что нашими древними предками были пеласги, которые ещё до греков заселяли Балканский полуостров. Во всяком случае, товарищ Сталин, я не слыхал, чтобы албанцы были одного и того же происхождения с басками. Может, существует и такая теория, наподобие той, о которой вы говорили, что часть этрусков осталась в Албании, другая переселилась в Италию, а третья оттуда перебралась на Иберийский полуостров, в Испанию. Быть может, у этой теории также есть свои сторонники, однако я не в курсе неё.

Я понял, кто этот улыбчивый мужчина — знаменитый Энвер Ходжа, вождь албанских коммунистов. Значит, они ещё при Сталине активно продвигали свою “иллирийскую теорию”! И “пеласгийскую”, оказывается, тоже! Что характерно: доказательств обеих теорий с тех пор имеется ровно столько же, сколько в словах Ходжи, человека с неоконченным высшим образованием, но об “иллирийской” теперь на Западе размышляют, как о чём-то вполне допустимом. А вот праславянская теория происхождения венетов и этрусков, хоть и разработана куда более основательно и подкреплена лингвистическими исследованиями, сходу отвергается как “ненаучная”. Всё это я отметил чисто автоматически, по привычке, не вспомнив о том, где я нахожусь и что люди, которых я вижу, давно лежат в могиле.

— У нас на Кавказе, в Азербайджане, имеется местность, которая называется Албания, — сказал Сталин. — Имеет ли это отношение к вашей Албании?

— Я этого не знаю, товарищ Сталин. Но это факт, что многие албанцы в течение веков, вследствие жестокого оттоманского ига, войн и походов османских султанов и падишахов, часто были вынуждены покидать свои родные края и переселяться на чужбину, образуя целые деревни — в Южной Италии, Греции, Турции, Румынии, Болгарии, Америке. Однако о вашей местности, которая называется “Албания”, ничего конкретного не знаю.

— Сейчас выясним.

Сталин нажал кнопку в столешнице, и в зал вошёл высокий подтянутый генерал.

— Мы с товарищем Энвером Ходжа бьёмся решить задачу, но не можем её решить, — улыбаясь, обратился Сталин к генералу. — Свяжись, пожалуйста, с профессором Державиным и спроси его от меня, имеется ли какая-нибудь связь между кавказскими албанцами и Албанией.

— Слушаюсь, товарищ Сталин. — Не выказав никакого удивления поручением, генерал щёлкнул каблучками и бесшумно удалился.

Сталин, между тем, взял из вазы апельсин, высоко поднял его и сказал Ходже:

— По-русски называется — “апельсин”. А по-албански?

— Портокал, — сразу, не дожидаясь перевода, ответил Ходжа.

Сталин засмеялся. Жёлтые глаза его стали хитрыми.

— И по-грузински, товарищ Ходжа — “портокал”! Точнее, “портока-ли”! — Он был явно доволен собой, что так угадал с апельсином. — Анастас Иванович, — повернулся Сталин к Микояну, — ты знаешь азербайджанский. Как у них называют апельсин?

Микоян поднял свой длинный нос от тарелки.

— Портагал. А турки — портакал.

Тут удивился уже Сталин:

— У всех — “портокал”?! Ещё три народа называют так апельсин, и все они живут на Кавказе! Это что — турецкое влияние или и впрямь близость языков? А как, товарищ Ходжа, по-албански звучит “народ”?

— Ньерёзит.

— А “человек”?

— Персонин.

— Чем-то итальянским отдаёт, — заметил Сталин.

— Ещё у нас говорят: “нё ньери”.

— А как “хлеб”?

— Бука.

— Почти что булка. А “жена”?

— Груа.

— А “муж”?

— Бурри.

Микоян пошевелил щеточкой чаплинских усов:

— По-азербайджански “муж” будет — “бир-эр”.

— Похоже, — кивнул Сталин. — А “земля”? — продолжал допытываться он.

— Токэ.

— А у нас говорят “ток” про место, куда свозят скирды жита, а потом обмолачивают, — заявил седой, с коротко подстриженными висками Ворошилов.

— Тоже ведь земля, — согласился вождь. — А “дар”?

— Пешкеш.

— Нет, — покачал головой Сталин. — Нет! “Пешкеш” — это не по-албански, а по-турецки! — Он снова засмеялся, широко раздвинув улыбкой усы. — Кажется, товарищ Энвер, всё же не исключена связь между кавказскими албанцами и вами! Но вот какая — вопрос!

Тут снова вошёл генерал, отпущенный звонить профессору Державину.

— Разрешите доложить, товарищ Сталин? Я получил ответ от профессора. Он сказал, что нет каких-либо данных, которые говорили бы о связях между кавказскими албанцами и Албанией. Но, добавил он, на Украине, в Одесской области, имеется несколько деревень, около семи, заселённых албанцами. Об этом у профессора точные данные.

Для Ходжи, только что благополучно отделавшегося от неведомых и совершенно ненужных ему азербайджанских сородичей, обнаружение новых земляков на Одесчине явно стало неожиданностью. Поначалу он, видимо, не знал, что сказать по этому поводу, а потом нашёлся:

— Здесь присутствует наш посол, и я, товарищи, не откладывая, поручаю ему позаботиться о том, чтобы те из наших студентов, которые учатся в Советском Союзе на историков, проводили практику в этих деревнях и изучили, как и когда эти албанцы переехали в Одессу, сохраняют ли они язык и обычаи своих предков, и так далее.

Сталин едва заметно шевельнул бровью, опустил глаза. Вероятно, у него были несколько иные взгляды на свободное перемещение иностранных студентов по стране, да ещё без его санкции. Однако возражать он не стал:

— Очень хорошо. Пусть ваши студенты проведут практику там, причём вместе с нашими. Не возражаете?

— Что вы, что вы, товарищ Сталин! Албанские студенты будут счастливы!

Сталин вытащил трубку и набил её табаком из лежавшей перед ним коробки папирос “Казбек”. Он отрывал от папиросы длинный полый мундштук,

а гильзу перетирал между пальцами, сыпая в трубку желтоватые волокна.

— Учёным предстоит ещё выяснить историю происхождения албанцев, — закурив, объявил он. — Вы особый народ, как и персы, и арабы, у которых одинаковая с турками религия. Но ваши предки, по-видимому, существовали ещё до римлян и турок. Вопрос о религии не имеет отношения к национальности и подданству. Скажите, а каков национальный состав албанского народа? Имеются ли сербские и хорватские меньшинства в Албании?

— Подавляющее большинство нашего народа, — сообщил Ходжа, — составляют албанцы, но имеется и греческое национальное меньшинство, приблизительно двадцать восемь тысяч человек, и совсем мало македонцев, всего пять небольших деревень, а сербов и хорватов нет.

— Но албанцы живут, насколько я знаю, в Сербии и Хорватии?

— Больше всего их в Косово, около миллиона. Однако Косово и другие заселённые албанцами края Югославии — это албанские земли, которые великие державы несправедливо отняли у Албании; они принадлежат Албании и должны быть нам возвращены. Теперь, когда и мы, и Югославия — социалистические страны, существуют условия для правильного разрешения этого вопроса. Я говорил об этом Тито при встрече, и он ответил: “Я согласен, мы этого хотим, но до поры до времени ничего не можем сделать, ибо сербам это трудно понять. — Если они не понимают этого сегодня, — сказал я, — то они должны понять это завтра”.

“Вот и причина проталкивания “иллирийской теории” происхождения албанцев! — усмехнулся я. — Дескать, мы здесь жили ещё задолго до вас, а значит, это наша земля!”

Выслушав, Сталин внимательно посмотрел на Ходжу.

— Мы марксисты-ленинцы, товарищ Энвер, и никак не должны вмешиваться во внутренние дела Югославии. Это было бы не по-марксистски. Вопрос этот следует рассмотреть югославским коммунистам и югославскому народу; им решать дела сегодняшнего и будущего своей страны. В этих же рамках рассматриваю я и вопрос Косово, как и остального проживающего в Югославии албанского населения. Мы ни в коем случае не должны дать повод обвинять нас в том, будто мы стремимся к распаду Югославской федерации. Это щекотливый момент, и к нему нужно подойти очень осторожно.

— Да, товарищ Сталин, — согласился Ходжа, но уже без привычной своей улыбки. — Однако мы, со своей стороны, никак не вмешиваясь во внутренние дела Югославии, никогда не перестанем поддерживать права своих кровных братьев, проживающих там.

— Это ваше право. Но — в рамках существующего между нашими партиями и странами пролетарского интернационализма.

“Если Сталин говорит “наши партии” и не ругает Тито, — отметил я, — значит, это всё происходит до разрыва отношений в 1948 году”.

Ходжа выглядел несколько разочарованным: вероятно, ожидал от Сталина бóльшей поддержки своей позиции по Косово. Сталин слегка улыбнулся в усы и поменял тему:

— Сколько вероисповеданий в Албании? — поинтересовался он. — И на каких языках у вас говорят?

— В Албании три вероисповедания — мусульманское, православное и католическое. Все верующие принадлежат к одной нации — албанской, поэтому и единственный язык, на котором у нас говорят — албанский, за исключением греческого, на котором говорит их национальное меньшинство.

Сталин поглядел на стоявшее перед ним блюдо с молочным поросёнком и задал неожиданный вопрос:

— Вы, товарищ Энвер, кушаете свинину?

— Да, — несколько замямившись, ответил удивлённый Ходжа.

Сталин сделал знак официанту, чтобы тот проложил албанскому гостю кусок поросятины.

— Мусульманская религия запрещает это своим верующим, — сказал он таким тоном, как будто Ходжа этого не знал. — Старинный обычай, который отжил свой век. Угощайтесь, пожалуйста! Тем не менее, надо иметь в виду вопрос о вероисповедании и вести себя очень осмотрительно, ведь

нельзя пренебрегать религиозными чувствами народа. Эти чувства насаждались веками среди людей, так что нужно действовать очень трезво, ибо отношение к этому вопросу важно для сплочённости и единства народа.

Сталин оглядел собравшихся и, сверкнув золотом широких генералиссимусских погон, поднялся с фужером вина в руке:

— Предлагаю тост за героический албанский народ! За доблестные Албанскую и Советскую армии! Передайте, товарищ Ходжа, мой сердечный привет героическому албанскому народу, которому желаю успехов!

Под высокими сводами зазвенел содвинутый хрусталь, а Ворошилов воскликнул: “Ура!”

— А теперь, товарищи, — сказал Сталин, — приглашаю вас пойти в кино. Сегодня нам покажут художественную картину “Богатая невеста”. Я попросил также подготовить для вас несколько цветных документальных фильмов о жизни в Советском Союзе.

Загremели стулья, народ стал подниматься. В это время я поймал на себе змеиный взгляд зобастого Берии. Я вспомнил, что стою в раме зеркала, которое, как и давешнее зеркало в фойе, ничего не отражает, зато я в нём виден, как если бы стоял у простого окна. Узрели же мы друг друга с Кировым. Берия, поблескивая очками, посмотрел направо и налево от себя — ища, видимо, странно одетого человека, отразившегося в зеркале. “Нет, — сказал я себе, — если я не хотел связываться с господином Румяновым в покинутой реальности, то тем более не хочу связываться с товарищем Берией в этой”, — и отступил за пределы рамы.

Снова надо мной распахнулись своды висящего в пустоте зала. В каждом зеркале, как на экранах телевизоров в магазине электроники, мелькало какое-то движение, цветная чехарда. Я понимал уже, что могу войти в любое, но не знал, зачем мне это нужно. В нерешительности я подошёл к “окну” по соседству с кремлёвским и увидел длинный узкий коридор, по которому уходили от меня люди с сумками и портфелями. Стенки коридора были из стекла, я пригляделся: там самолёты... лётное поле, окаймлённое взвихренными южными тополями... Ага, это труба-гармошка, по которой идут из аэропорта в самолёт, а аэропорт, судя по топлям и невеликим размерам взлётного поля, — южноморский, на который я прилетел три дня назад. А какой, интересно, это рейс и куда он прибывает? Может, московский? Вдруг в кадр вильнула сутуловатая спина Кирова. Так это что — этрускологи? Точно — этрускологи! Вот дама, из МГУ, кажется, сидевшая позади меня в автобусе в день прилёта. Вот делегат-итальянец в отличном костюме в полоску. Этот коридор, надо полагать — окно в ту реальность, где конференция уже закончилась и никто не исчезал. То, что мне надо! “Ни в одном из этих зеркал нет того, чего тебе надо”, — сказал кто-то внутри меня голосом доцента Колобакина. “Да, — ответил ему я, — но я же зашёл в это зазеркалье, и было бы странно в нём просто зависнуть. Тогда нужно возвращаться назад, а что там меня ждёт? И насколько эта реальность ирреальнее той, в которой я оказался в “Аквариуме”?” В “рамку” вошли двое мужчин, которые вспоминали о банкете: “...А после банкета меня ещё позвали в ресторан, мы там хорошо добавили, и сегодня, сами понимаете...” — донеслось до меня. Банкет! Точно, конференция у них там прошла! Они возвращаются в Москву! И я могу к ним присоединиться! А посадочный талон? Но ведь здесь, в “гармошке”, он уже не нужен, стюардессы на него смотрят только затем, чтобы направить пассажира на его место. Разве можно не использовать такую возможность? Ведь если бы “окно” находилось перед стойкой проверки билетов, в “накопителе”, тогда бы ты ни за что не прошёл! А оно находится за стойкой! Это ли не знак? Вперёд!

И я вошёл в “трубу”. В этот раз я даже ничего не перешагивал: когда я приблизился к “зеркалу” вплотную, оно разом словно всосало меня в себя, как мы пьём кисель, только что не чавкнуло. Один миг — и я уже шёл со всеми по “гармошке”. Впереди зияла распахнутая дверь “эйрбаса”. “Southwind Airlines” — было написано на ней, “Южный ветер”. Понятно, здесь ещё “Зюдвинд” не обанкротился. А вдруг не будет свободных мест? Да нет, на таких рейсах всегда бывают, сезон отпусков ещё не наступил.

Во всяком случае, когда летели в Южноморск, пустые кресла сзади имелись. Вот туда-то, назад, я и пойду. “Мне в конец”, — улыбнулся я стоявшей в тамбуре стюардессе, и та согласно кивнула. Я медленно двинулся по проходу, пережидая, когда пассажиры впереди устроят свою ручную кладь.

— Борис! — вдруг окликнули меня слева.

Я повернулся на голос — это был Киров, уже сидящий в среднем кресле. Вид он имел не очень весёлый — как и во время первого полёта.

— А мы вас потеряли! Думали уже, без вас полетим! Вас объявляли по трансляции в аэропорту! Куда вы исчезли после своего доклада?

Я остановился, озадаченный. Вот как? Значит, есть и такой вариант, где исчез только я? Сколько же их, этих вариантов?

— Я не исчезал, — наконец, ответил я, — просто решил всё-таки посмотреть город, немного заплутал.

— А почему же ваш телефон молчал?

“Потому что в этом лабиринте нечистая сила не обеспечила ещё мобильную связь”, — подмывало меня сказать, но я лишь пожал плечами:

— Наверное, батарейка села.

— Уважаемый, вы будете проходить? — толкнул меня сзади чемоданчиком мужчина, опознанный мной как этрусколог. — Из-за вас вылет чуть не задержали, а теперь вы в проходе стоите.

— Да-да, извините. — Я двинулся дальше.

— А не хотите рядом со мной? — предложил вслед мне Киров. — Какое у вас место? Можем попросить поменяться.

— Да ничего, не беспокойтесь, посижу на своём, — буркнул я, ускорившись. Покорнейше благодарю, держать тебя весь полёт за потную руку! А потом — как меняться, если нет посадочного талона с местом? То есть, место-то, наверное, для меня забронировано, но вот где оно?

В последнем ряду, справа, аккуратно у туалета, имелись только два кресла и оба пустые. Там-то я и устроился, у окошка. “Будут выгонять, пересеяду на другое, ещё раз выгонят, снова пересеяду — и так до тех пор, пока не окажусь на своём месте. А если подойдёт стюардесса и спросит посадочный талон? Скажу, что обронил где-то. Меня по трансляции вызывали, стало быть, я не заяц”.

Глядя в иллюминатор на неспешную аэропортовскую жизнь, я задумался. А ведь, на самом деле, мне не мешало бы сесть рядом с кем-то из этрускологов и косвенными вопросами осторожно выведать, была ли в этой реальности ситуация, когда портье почему-то не зарегистрировал делегатов, и они покинули отель. Или, напротив, там не регистрировали только меня? Нет, я делал доклад, судя по словам Кирова, а значит, хотя бы первую ночь провёл в “Аквариуме”. А почему ты думаешь, что именно в “Аквариуме”?

Ко мне на задний ряд никто не приходил, кроме стюардессы, которая, дежурно улыбнувшись, проверила, надёжно ли закрыта крышка багажной полки и попросила меня пристегнуть ремень. Потом в проходе начался театр кислородных масок и спасательных жилетов в исполнении стюардесс. Мои мысли приняли неожиданный оборот: “Что-то не так. Я чужой в этом мире. Согласно подобным сюжетам, я должен, оказавшись в новом измерении, разом забыть то, что было со мной в параллельном, но “вспомнить всё”, что происходило со мной в здешнем до посадки в самолёт. Эта реальность, конечно, посложнее книжной, однако и то правда, что для каждого потока времени требуется своё пространство. Здесь же, в этом самолёте, сошлись два автономных потока. Один неизбежно должен вытеснить другой — и, скорее всего, именно мой, ведь он не поток даже, а ручеек по сравнению с рекой, что влилась в этот “эйрбас”. Однако как это будет происходить на практике? Меня всё-таки выставят из самолёта?”

Между тем уже запустили двигатели для выруливания на взлётную полосу, а меня по-прежнему никто не трогал. “А что, собственно, мне известно о свойствах времени в таком искривлённом пространстве? Да ничего. Амнезия пресловутая — это что такое? Только утрата памяти или попадание из одного потока времени в другой?”

“Эйрбас” не спеша катил по рулѐжной дорожке, потом остановился. Несколькими минутами ожидания... И вот, наконец, турбины взвыли, засвистал снаружи ветер, побежала назад серая полоса асфальта наперегонки с зелёной полосой травы, замелькали вышки, будки, самолѐты, ангары, топливозаправщики... Тополя замахали руками, прощаясь. Нарастало томительное ощущение потери соприкосновения с землѐй. “Эйрбас”, разгоняясь, словно наливался её тяжестью, пока под днищем что-то не оборвалось, и понеслась пустота. Мир качнулся и пошѐл вниз. Косой макет аэропорта остался лежать в зелёном поле, разлинованном взлѐтными полосами, его разом обступила степь с ветвящимися по ней балками, слева набежала толпа домов, хаотичная в предместье и выстраивающаяся в шеренги ближе к центру. Аэропорт с диспетчерской вышкой пропал, как будто его не бывало, внизу лежал город Южноморск, разрезанный узкой тѐмной щелью бухты, которая светлела, расширяясь к морю. Мгновение — и оно уже заполнило собой весь горизонт, навалилось молодой грудью на старый, морщинистый берег. Вдруг над обрывом сверкнули на солнце два стеклянных кубика. Что-то поместилось в них знакомое... Да это же “Аквариум”! И то ли солнце превратило его крошечные грани в увеличительные линзы, то ли примерещилось мне на секунду, но увидел я, словно сквозь крышу, игрушечные коридоры, двери, комнаты, холлы, лестницы, лифты, фойе, зеркало, а в зеркале — теряющийся в бесконечности зал, в котором я стоял ещё недавно... Одно из “окон” его, казалось, светилось сильнее, и вдруг мелькнуло в нём серебристое крыло самолѐта.

Я даже не успел подумать: “Не нашего ли?” — как всё пропало: и картинка, и кубики “Аквариума” внизу — и осталось только море, охваченное со всех сторон небом. Мы неуклонно поднимались ввысь, поверхность воды из платиновой стала оловянной, подѐрнулась дымкой, в иллюминаторе запорхали раздѐранные пряди облаков, как первый снег, сначала редкий и крупный, а потом начинающий валить стеной. Так и облачная вата становилась тем плотнее и гуще, чем выше “эйрбас” забирался в небо. Вскоре закрыла она и солнце, только золотистый ободок по краю туч напоминал о нём.

Самолѐт начало потряхивать, как всегда в облаках. Дурацкие мысли о свойствах времени и пространства не покидали меня. “А вот, скажем, мой чемодан: он остался в том времени в отеле или в этом я сдал его в багаж и в Москве благополучно получу? Но если так, то где мой посадочный талон? По всей видимости, мой двойник всё же не регистрировался на рейс — иначе его бы не вызывали по трансляции в аэропорту. В той реальности я исчез сразу после доклада, а значит, в первый день конференции. И вместо пропавшего Лосева-2 в самолѐте появился Лосев-1 без чемодана и воспоминаний о последних двух днях второго. Бог с ним, с чемоданом, ничего в нём, кроме планшета, ценного не было, вопрос в другом. Я как личность в новой ипостаси существую, а существует ли в прежней чемодан? Он там лежит себе, как ни в чём не бывало, когда я сижу здесь? Я и мои вещи разбежались во времени?” Почему-то именно это казалось мне непостижимым, а не то, как разошлись во времени и пространстве 49 этрускологов, в первом варианте исчезнувших, а здесь имеющих в наличии...

За окошком было всё темнее и темнее, а тряска усилилась. К ней добавились тошнотворные зависания в воздушных ямах, когда сердце и желудок обрывались и падали вниз. Внезапно по сумеречному салону пробежал, как молния, голубой свет. Тотчас я понял, что это и была молния, потому что в иссиня-чѐрном подбрюшьѐ облаков так же длинно сверкнуло — словно трещина по стеклу иллюминатора прошла.

Гроза! Взлетев ясным солнечным днѐм, мы сразу воткнулись наверх в кучевые облака, а потом в грозовой фронт. Раскаты грома здесь звучали, как отдалѐнная артиллерийская пальба, а вспышки молний в тучевых громадах казались разрывами снарядов при беглом огне. “Эйрбас” ещё выше задрал нос, стараясь перепрыгнуть через грозу. Самолѐт затрясло сразу во всех направлениях — и по вертикали, и по горизонтали. Может, и по диагонали. Мои руки на подлокотниках ходили ходуном, а зуб на зуб именно что не попадал — точно, как в поговорке про замерзающего человека. Вскоре и голову держать прямо мне стало трудно, она дѐргалась, словно на меня напала падучая. А со стороны, наверное, я напоминал человека на электрическом

стуле. Впервые я осознал угловость этого “эйрбаса”, столь монолитно смотревшегося на земле: он скрипел всеми своими переборками и заклёпками и вольно ходил во всех сочленениях. Чудилось — ещё немного, и они посыплются. Спереди неслись испуганные возгласы. Очередная воздушная яма оказалась столь затяжной, что меня чуть не вывернуло. Когда же отвратительное ощущение невесомости в кишках прошло, я, скорее, ощутил, нежели понял, что мы уже не летим вверх. Мне показалось даже, что нос лайнера пошёл вниз. И в этот самый миг кто-то крикнул: “Пожар! Пожар! Слева!” Я глянул в окошко: из подвешенной к крылу турбины вырывался мощный сноп огня, будто из сопла ракеты. И тут мои вялые размышления о непостижимом разделении во времени меня и моих вещей обрели, наконец, логический итог. Если один поток времени в самолёте должен был вытеснить другой, то вытеснить следовало меня. Лайнер просто не мог приземлиться со мной. А из-за меня обречены погибнуть остальные. Хотя в этой истории, во всех её вариантах, обречены исчезнуть все — и я, и учёные. Не мытьём, так катаньем, не на земле, так в воздухе. “Ни в одном из этих зеркал нет того, чего тебе надо”, — вспомнил я.

Теперь самолёт не просто шёл носом вниз, а падал, как камень. Колоссальные снежные горы таяли, проносясь мимо иллюминатора, в плотной вате облаков появились разрывы, сквозь которые победоносно прорывалось солнце. Салон выли и визжал на все голоса. Пляшущими чёртиками выпали из верхних панелей маски. Что-то кричал по трансляции капитан, но я не разобрал из-за воплей. Мимо меня, разинув рот, пролетела по воздуху стюардесса с длинными красивыми ногами: видно, хотела выйти из кухни к пассажирам в салон, да утратила сцепление с полом. Где она там упала, я уже не видел — в глазах потемнело. Я схватился за уши — невыносимая боль пронзила их. “*Бесовское наваждение*”, — отчётливо сказал кто-то внутри меня голосом отца Константина. Бесовское? Так он же мне молитву против бесов дал! Где молитва? В кармане где-то, да разве сейчас същешь? И я забормотал то, что помнил: “Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящие Его. Яко исчезает дым, да исчезнут...”

И всё исчезло.

* * *

Очнувшись, я увидел, что по-прежнему сижу в кресле самолёта. Болтавшей перед лицом маски не было, двигатели ровно гудели. Уфф! Слава Богу! Проскочили! Помогла молитва! А что там с горевшим мотором? Я повернулся к иллюминатору, но вместо него обнаружил проход. Что-то было не так. Я теперь сидел в правом ряду, где было три кресла, а не два, как раньше, до обморока. И тогда я сидел один, а теперь имел справа двух соседей — девушку и дородного мужчину у окошка, причём девушка показалась мне знакомой. Приподнятые тонкие скулы, выщипанные брови, длинные накладные ресницы, сиреневая помада... Так это что — Лилу? С сиреневыми губами и ноготками вместо лиловых? Девушка почувствовала мой взгляд, повернула голову, длинно посмотрела мне в глаза. Ведьмины очи! Точно, Лилу. Я молчал, не в силах отвести взор.

— Вам что-нибудь нужно? — холодно осведомилась она.

Я пожал плечами. Что мне нужно? Мне нужно было выжить, и я выжил. Остальное — ерунда. Но откуда и, главное, зачем в самолёте появилась роковая Лилу? При посадке я её не видел.

— Вы меня не узнаете?

— А мы знакомы?

— Виделись в Южноморске, — уклончиво ответил я, понимая, что в этом зазеркалье мы могли и не видеться.

— А вы были в Южноморске?

“Как же не быть, если мы оттуда летим?” — хотел сказать я, но тут краснолицый, щекастый, с короткой толстой выей мужчина потянулся ко мне через Лилу:

— Проснулись? Борис Сергеевич Лосев, если не ошибаюсь?

— Да.

— А я Павел Трофимович Стригунов, ректор Южноморского университета. А это — Ольга Витальевна Глазова, молодой учёный, моя помощница.

Я невольно разинул рот, а потом справился с собой и вяло ответил на рукопожатие Стригунова. Ректор! Почитай, вернулся с того света! С такой апоплексической шеей после инсульта не восстанавливаются! Впрочем, кто сказал, что в этом потоке времени у него был инсульт?

— А вам известно, Борис Сергеевич, что, когда ко мне обратились с просьбой порекомендовать кандидатуры на участие в конгрессе, я назвал и вас?

— Да, спасибо, — пробормотал я, кивнув. Пропади он пропадом, ваш конгресс! Меня сейчас больше занимала мысль, как я оказался в их ряду, а прямо спросить было неловко. Ведь я же не пьян, чтобы такое забыть.

— Ваша книга — серьёзный вклад в венетологию, хотя вы, как я понял, не историк. Не знаю, что вы скажете о венецах в своём докладе, но, думаю, он вызовет на конгрессе если не сенсацию, то скандал.

Не знает? Но я же выступал, по словам Кирова! И как я могу ещё что-то сказать, если конференция завершилась? Да и тема моя — не венецы, а этрусски. И почему он говорит “конгресс”, а не “конференция”? Существенной разницы, конечно, нет, но... И тут я увидел слово “конгресс” на шапке какого-то документа, торчащего из пластиковой папки на коленях госпожи Глазовой.

— Это у вас программка, Ольга Витальевна? — поинтересовался я. — Не позволите взглянуть?

— Пожалуйста.

“Международный конгресс венетологов (Венеция, Италия)”, — прочитал я в заглавии, не веря своим глазам. Вот оно как, значит... Венеция... Значит, молитва перенесла меня из гибнущего самолёта в другой, и летит он уже не в Москву... Разветвлённый лабиринт “Аквариума” втягивает меня всё глубже... “Я не могу быть в ответе за происходящее, потому что я не более, чем корабль в пустоте”... Венеция? Ну что ж, слетаем на халяву в Венецию. “Ты уже слетал на халяву в Южноморск”, — сказал мне давешний голос с издевательскими интонациями Колобакина. Я словно отрезвел. А что я буду делать в венецианском аэропорту без загранпаспорта? Зависну навечно в зоне прилётов? А может... Дрожащими руками я полез во внутренний карман и тут только заметил, что пиджак на мне другой, светлый — не тот, что в Южноморске. Нащупал пальцами плотную корочку паспорта, вытащил. Точно, заграничный. Посадочный талон из него торчит. А шенгенская виза? Полистал, и виза есть: “VISTO stati Schengen”. Похоже, на этом витке аквариумной ленты нет противоречащего закону сохранения материи разделения меня и моих вещей во времени. А стало быть, можно надеяться, что в Венеции мы сядем. Однако здесь я тоже не помню, что предшествовало моей посадке в этот самолёт. Я — по-прежнему Лосев-1, находящийся на месте Лосева-3.

— Всё в порядке? — спросил наблюдающий за моими манипуляциями с паспортом Стригунов.

— Да-да, — пробормотал я. — Вечно засуну куда-нибудь этот паспорт, потом ищу...

— Заинтересовала меня тема вашего доклада, — указал на программку ректор: — “К вопросу об альтернативной расшифровке Птуйской надписи”.

Вот как — Птуйская надпись? Одна из тех коротких древних надписей, которые я ничтоже сумняшеся перевёл — вслед за Эфестийской и Графенштайнской? Ну, тут я в теме, даже если не найду в своём багаже доклада, который должен прочитать на этом конгрессе. Хобби у меня такое — расшифровывать короткие надписи. На длинные знаний не хватает.

— Не утолите ли естественное любопытство — хотя бы кратко: что же это за надпись такая?

У меня, в моём нынешнем взбаламученном состоянии, не было никакого желания утолять его любопытство. Но тут я подумал, что потренироваться перед грядущим выступлением мне, вообще-то, не мешало бы: ведь я не

знал, имею ли на самом деле текст доклада. А бекать и мекать на этом конгрессе мне не хотелось бы — даже в параллельной реальности.

— Что ж... Предыстория такова: эту надпись, нацарапанную на камне, нашли в 1894 году в словенском городе Птуй, который в древности назывался Петовио. Датирована примерно вторым веком до нашей эры. Выполнена она северноэтрусским алфавитом и читается справа налево. Я могу даже воспроизвести её по памяти — в ней всего пятнадцать знаков. Не дадите ли мне бумагу и ручку?

Лилу протянула мне фломастер, а потом, покопавшись у себя в папке, вытащила и чистый листок. Я вывел крупными буквами:

— Немного коряво, конечно, но надпись сама по себе корявая. В начертании латиницей получается какая-то абракадабра.

Я написал:

“ARTEBUDZBROGDUI”.

— Попробовали расшифровать с помощью этрусского языка, — точнее, того, что знали о нём, — не получилось. Перешли на латынь и древнегерманские диалекты — тоже не складывалось ничего внятного. В таких случаях немцы (а Птуй был тогда на территории Австро-Венгрии) используют одну и ту же палочку-выручалочку — кельтский язык, благо, его никто не знает. Здесь у них якобы что-то начало вытанцовываться. ARTEBUDZBROGDUI они интерпретировали как два личных имени: Artebudz “сын” Brogduos. Причём Artebudz, прошу прощения у Ольги Витальевны, переводили как “пенис медведя”.

— Кошмар! — деланно возмутилась Лилу, усмехнувшись сиреневыми губами.

— Эта пикантная расшифровка основана, очевидно, на том, что “artos” по-кельтски — медведь. Ну, конечно же, не может быть никаких сомнений, что кельты считали за честь именоваться “пенисом медведя”! Имя же Brogduos, по мнению представителей “немецкой исторической школы”, содержит элемент brog-, brog-, что означает “страна”. Существует и альтернативная версия перевода: якобы пресловутый Artebudz сделал что-то Brogduos’у или просто адресуется к нему. “Юстас—Алексу”, в общем. Согласитесь, не впечатляет. Взяли, не мудрствуя лукаво, разделили надпись на две части и решили, что обе — имена. Ну, а поскольку таких имён никто не слышал, предположили, что они кельтские. Вот и вся недолга. Причём вопрос о том, использовали ли кельты этрусский алфавит, оставили за скобками. Ну, а если подойти к разбивке Птуйской надписи на отдельные слова более изобретательно?

Я разделил латинский текст вертикальными цезурами на четыре части: “ARTE| BUD| Z| BROGDUI”.

— Разбивая таким образом, я, естественно, исходил из того, что надпись сделана на праславянском языке, точнее, на венецком, поскольку найдена на так называемой палеовенецкой территории, а адриатические венецы действительно использовали этрусский алфавит. В варианте “ARTE| BUD| Z| BROGDUI” появляется определённая ясность с BUD Z (“будь с”) и имеются основания предполагать, что перед нами — обращение. Скажем: “ARTE (имя), БУДЬ С БРАДОЮ (бородой)”. Однако данная интерпретация при всей её “славянскости” довольно бессмысленна, поскольку в ту пору все мужчины были с бородой. Или, может быть, речь идёт о некой инициации, посвящении в мужчины? Оставим как вариант. Попробуем найти другие значения слова BROGDUI, учитывая, что G во многих языках и диалектах, как-то связанных с Апеннинским полуостровом, употребляется для смягчения идущей далее согласной. Z BROGDUI, таким образом, это “z brogdju”, — то есть “с бродью”. Что это? Слова такого женского рода мы в словарях не найдём, а вот похожие у Даля указаны: бродник, бредник,

бродец, бредень, бродцы, бродничок, бреденёк, с пояснением: “небольшой неводок, который люди, идучи бродом, тянут за собой на клячах, на двух шестах стойком”. Поскольку все эти слова восходят к слову “брод”, штуйская “бродь”, скорее всего, является броднем или бреднем. И в таком случае надпись гласит: “АРТЕ, БУДЬ С БРОДЬЮ”. Похоже, назавтра намечалась рыбалка.

— Получается, это обыкновенная записка? — удивился Стригунов.

— Да, обыкновенная записка, только на камне. А разве новгородские берестяные грамоты в большинстве своём не простые записки? “Покосил я пожню, а озеричи у меня сено отняли”, “Поклон от Марины к сыну моему Григорию. Куши мне зендянцу добрую”, “Пожалуй, господин, убавь подати”... Или “Artebudz “сделал это” Brogduos” сложнее? Правда, некоторые сомнения вызывает АРТЕ (Арт) как имя. Славянское ли оно? Или, действительно, от кельтского “медведя”? Однако словенский исследователь Йожко Шавли предположил, что происхождение индоевропейского корня agh- и слова “арья” связано с земледелием. По латыни “пахать” — agare, а по-словенски — orati, и по-древнерусски, кстати, тоже. Имя АРТ, по указанной этимологии, означает “Арат” (Орат) — “оратай”, “пахарь”. Второе “а” в слове у древних славян часто проглатывалось, вот вам и “Арт”. Ну, а в форме обращения, согласно общеславянским правилам, прибавляется окончание “-е”: АРТЕ. На существование этого ныне забытого древнеславянского имени определённо указывает распространённая в России и Белоруссии фамилия Артюх (то есть “Артюх, Артов сын”), а также древнее название Азово-Черноморской Руси — Артаня или Арсания.

— Звучит убедительно, поздравляю!

— Но только не для итальянцев или немцев. Увидите, они скажут, что венецкий язык — один из древних итальянских, вроде оскского или умбрского, и не имеет никакого отношения к праславянскому. Правда, перевести хотя бы одну фразу с “древнего итальянского языка” они не смогут.

— А как быть с тем, что в древности венедами называли именно славян?

— Почему в древности? И сейчас называют, причём уже не славян, а только нас, русских. Финны официально именуют Россию Venäjä, эстонцы — Venemaa, карелы — Venä... По-фински русский — venäläinen, по-эстонски — vene.

— Интересно, итальянцы и немцы не задумывались, почему?

— Задумывались! Но финнам и эстонцам проще: у них нет ни Венеции, ни Вены.

— Это точно! — засмеялся ректор. — Кстати, о Венеции. Координатором у нас там будет наш, южноморский человек, бывший доцент моей кафедры Дмитрий Евстигнеевич Колобакин.

Колобакин? Нет, сюжеты “Аквариума” не назовёшь однообразными! Колобакин? На память невольно пришла новость, увиденная в бегущей строке по телевизору: “Скандално известный актёр Алексей Панин попытался выйти из летящего самолёта”. На миг я испытал похожее желание. Ничего хорошего с таким координатором ждать не приходится. Теперь венетологи начнут исчезать?

— Почему же Колобакин? — пробормотал я.

— А вы что же, его знаете? — бросил на меня быстрый взгляд Павел Трофимович.

Я состроил неопределённую гримасу: дескать, может, знаю, а может, нет.

— Борис Сергеевич, оказывается, бывал у нас в Южноморске, — сказала Лилу.

— Ах, да, вы говорили! Жаль, что тогда не повстречались. А с Колобакиным было так: мы принимали у себя в университете этрускологов из Венеции, а они в ответ пригласили к себе нашу делегацию. Колобакин познакомился там с местными русскими из туристического бизнеса и решил остаться в Венеции, поработать гидом. А потом, когда он освоил язык, ему ещё предложили пойти в тамошний университет лаборантом. Ну, теперь, естественно, его подключили к организационным делам по конгрессу.

— Ещё тот организатор, — скривила губы Глазова.

— Не скажите, Оленька, Европа — не Южноморск, там умеют заставить работать.

— Так то Европа, а то Италия.

— И в Италии заставят, особенно в Северной! Это они только на юге все из себя Марчелло Мастроянни строят. Колобакин лаборантом получает в разы больше, чем у нас доцентом. Так что, небось, дорожит работой.

— И травку не курит? — съязвила Лилу.

— Ну, травку у них там все курят. Простите, вы не выпустите меня пройти к удобствам?

Я поднялся и вышел в проход, за мной — Лилу. Габаритный Павел Трофимович с трудом протиснул живот между сиденьями и спинками передних кресел.

Когда мы с Лилу остались одни, у меня мелькнула мысль: а ведь она знает о скрытой от других стороне жизни в Южноморске! Во всяком случае, знала, когда мы с ней встретились на первом витке “ленты Мёбиуса”. Не провести ли мне эксперимент, чтобы уточнить это? Я некоторое время смотрел на неё, а потом сказал:

— А ведь я всё знаю.

— Что же вы знаете? — прищурилась она. Решила, очевидно, что я намекаю на её специфические отношения с ректором.

— Не то, что вы думаете. Я знаю о невидимом болоте посреди города.

В глазах Лилу мелькнуло смятение — именно смятение, а не недоумение. Попал!

— И про то, что никто в Южноморске не помнит никакого Колобакина, а он утверждает, что всегда жил в городе, — безжалостно продолжал я.

— Ка... кое болото?! Кто вы такой?

— Тот, кто вас знает и видел, хотя вы меня не знаете и не видели. Эта особенность вам ни о чём не говорит?

— Где вы меня видели?

— У ворот кладбища, например. В мини-маркете, где выходы на разные улицы. Вы употребляете лиловую помаду и лиловый лак для ногтей. Но главное не это, а то, что я говорю вашими словами, не правда ли?

— Бред какой-то. — Она отвернулась. Руки, между тем, у неё подрагивали.

— Напомнить ещё? “В каждом дворе кого-нибудь да засосало”.

— Это был сон? — спросила вдруг Лилу, не глядя на меня.

— Если сон, то и сейчас он кому-то снится. Только кому?

— Кто там, в вашем сне, исчез?

— Из тех, кого вы знаете, господин Хачериди. А Павла Трофимовича хватил инсульт.

Она подняла брови:

— Вот как? Он умер?

— Пока я был в Южноморске, нет. Скажите, а существует ли причина, по которой вы могли привезти меня на кладбище и бросить там? Мне всё не даёт покоя этот случай.

— Вы увидели там что-то странное? Или... хуже?

— Да. Но наутро это оказалось обманом зрения.

— Это не обман зрения, — покачала головой она, — это город Южноморск. Утром там всё иначе, чем вечером.

— А вы, отправляя человека на кладбище, знаете, что он может увидеть?

— Нет, конечно. Но, если вы хотя бы одной ногой ступили в болото, то что-нибудь да увидите.

— Понятно, — пробормотал я, хотя, на самом деле, было не очень понятно.

Мы замолчали. Каждый думал о своём. Стригунов пропал в туалете.

— Зачем вы только появились? — с досадой вздохнула Ольга. — Всё настроение перед Венецией испортили. Я ведь никогда там не была, воображала, как приеду, увижу всё — каналы, гондолы, дворцы... Забуду про Южноморск с его невидимым болотом. А теперь...

— Сильно-то не обольщайтесь насчёт Венеции. Подозреваю, конгресс этот не к добру. В той реальности, откуда я появился, тоже была международная конференция — у вас, в Южноморске. Так все делегаты, кроме меня, бесследно исчезли.

— Да? А при чём здесь Венеция?

— Венеция, может, и ни при чём. А вот конгресс, делегаты — это совпадает...

— Вы думаете?..

Сзади послышались тяжёлые шаги облегчившегося ректора.

— Договорим в более подходящем месте, — шепнул я.

Мы снова пропустили Стригунова к заветному окошку.

— Сколько будет участников из России? — спросил я у него.

— Десять. В основном, из Москвы и Питера. Только мы с Ольгой Витальевной из Южноморска.

— А всего сколько?

— Пятьдесят.

Я крикнул, не сдержавшись. Павел Трофимович с удивлением посмотрел на меня.

— Много, вы считаете? Так половина ж местных, как водится. Ну, ещё словенцев немало, они же в венетологии “впереди планеты всей”.

— Да не то чтобы много... Несколько лет назад никто ещё не знал о венетологии, а сегодня на конгресс съезжаются полсотни делегатов!

— На первой конференции в Любляне и Птуе в две тысячи первом году было около двадцати участников. С тех пор много воды утекло, так что пятьдесят — нормально. Это ещё без украинцев, которых не стали звать, потому что они предъявили ультиматум, чтобы не было русских.

Да, нормально — где двадцать, там и пятьдесят, но только снова я в этой роковой полусотне... Я вспомнил невольно “Кузин лабиринт”. Был у меня кот Кузя, великий ловец мышей. Он их доставал, казалось, из воздуха, но не ел и не душил. Он любил острые психологические эксперименты. Поймает на даче мышшь и запустит её под смятый половик. Та начинает метаться в этом лабиринте, задыхаясь, а кот лежит и лениво наблюдает. И вот, когда мышшка, с отчаянно колотящимся сердцем, выбиралась, наконец, из темноты пыльного лабиринта на свободу и давала деру к ближайшему плинтусу, Кузя останавливал её одним точным ударом лапы по кончику хвоста. И снова загонял под половик. Не так ли и “Аквариум” играется со мной?

— А посмотрите, — Стригунов указал на монитор под потолком, где на карте ломаной линией отмечалось движение лайнера, — мы как раз рядом с этим Птуем и летим!

“Какое счастье! Вот уж “птуева пропасть”! — выругался про себя я. — Знаем мы ваши дурацкие совпадения! Не хватало ещё здесь грохнуться, чтобы концы ленты Мёбиуса сошлись, а нас бы вылавливали из реки бродью”. Я не стал глядеть в окошко на Птуй, чтобы не будить лихо.

Но, когда через некоторое время в динамиках раздалось: “тинь!” и женский голос объявил заход на посадку и попросил пристегнуть ремни, я перегнулся через Лилу и посмотрел в иллюминатор. Видимость была отличной. Мы пролетали какой-то портовый город с далеко выдающимися в море пирсами — Триест, судя по монитору. За ним расстились воды Венецианской лагуны. Тень самолёта стремительно скользила по ним, — и было странно видеть её с такой высоты. Лайнер был здесь, под облаками, а тень — там, далеко внизу. Поневоле начнёшь понимать Кирова. Я прикрыл глаза. Сядем, не сядем? В прошлый раз осечка случилась на взлёте — а сейчас, что же, ждать неприятностей при посадке? Но пока всё шло гладко — без болтанки и воздушных ям. Мы снижались плавно, но неуклонно, как в компьютерной игре. За выпуклой линзой моря вырос зеленовато-жёлтый итальянский берег с далёкими белыми предгорьями Доломитовых Альп в гирляндах облаков. Под нами лежали какие-то индустриальные гиганты. Земля стремительно приближалась, вращаясь, — самолёт делал разворот перед посадкой.

— Венеция! — воскликнул ректор.

Вытянув шею, я с трудом увидел между голов Лилу и Стригунова знаменитый город посреди воды. Он напоминал не пастернаковскую *размокшую каменную баранку*, а, скорее, каких-то жрущих друг друга головастика или карданный вал. Вдали, над лесом оранжевых крыш, куполов и колоколен, возвышалась четырёхугольная островерхая башня — колокольня Сан-Марко, очевидно, а с ближнего конца клеймом впечатался в остров штрих-код железнодорожных путей, соединённых с большой землёй длинной пуповиной дамбы. Туда, на материк, мы и держали курс, и вскоре обозначились лежащие параллельно морю взлётно-посадочные полосы. Одна приблизилась, увеличилась вширь, ещё несколько томительных секунд, когда мы летели, прицеливаясь к ней, и, наконец, слегка качнувшись с крыла на крыло, как птица, сели. Аплодисменты. Я аплодировал, наверное, громче всех. У меня были на то причины.

(Окончание следует)

ВЛАДИМИР СКИФ

ДО ХРУПКОЙ ДЫМНОЙ БЕЛИЗНЫ...

* * *

Памятью высвечу душу свою,
Нежную русскую песню спою.
Станут березоньки мне подпевать,
В горле у сосен — слова застревать.

Дальняя родина... Дом. Переезд.
Станция. Линия. Бабушкин крест.
Милые сердцу родные края...
Здесь упокоилась бабка моя.

Здесь поднимаются к солнцу хлеба,
Здесь моя родина, пристань, судьба.
Здесь я — работник, послушник и царь.
Светит ромашка, как белый фонарь.

Утро молочное в поле зовёт.
Как дирижабль, корова плывёт.
Где-то вдали затихает пастух,
Ломится огненный в окна петух.

СКИФ Владимир Петрович родился в 1945 году в пос. Куйтун Иркутской области. Автор 25 книг стихов и прозы. Секретарь Правления Союза писателей России. Советник губернатора Иркутской области по культуре. Лауреат Международных премий им. П. П. Ершова (2009), "Имперская культура" им. Э. Ф. Володина (2014), "Югра" — за перевод "Слова о полку Игореве" (2015), им. Николая Клюева (2014). Живёт в Иркутске.

Вешками жизни сияют столбы,
Голуби ходят по верху избы.
Мать в полушалке, как день, золотом
Входит с подойником в утренний дом.

И, улыбаясь, как было века,
Мне наливает стакан молока.
Молвит: — Парного испей-ка, сынок!
Вьётся у ног её кошка-вьюнок...

...Боже, неужто мы жили в раю?
Долго я не был в родимом краю...
Так и умру, вспоминая о том:
Мама с подойником, голуби, дом...

ЗИМА

Иркутск морозом раскалило
До хрупкой дымной белизны.
Слепые окна смотрят стыло,
Их забелило до весны.

На ветках крупно, осовело
Висит настуженный куржак.
И, кажется, заиндевила
Моя озябшая душа.

Но город ритма не убавил,
В оцепенелости не сник,
Лицо с подъездами-губами
Упрятал в снежный воротник.

Иду по утреннему парку,
Где тишина и пустота.
Шары белеющего пара
Я выдыхаю изо рта.

Деревья, спрятанные небом,
Стоят, промёрзшие насквозь.
Заледенелая — под снегом —
Земная вздрагивает ось.

Я ось потрогал. Долго-долго
Она звенела... я крутил...
И ось земную, будто ёлку,
Я прямо в доме нарядил!

ПЕЧЬ

Пылает печь и согревает душу.
Она согласно призвана беречь.
Простого ритуала не нарушу,
Когда в тиши растапливаю печь.

Горят дрова, потрескивая мерно...
Гори, печаль! И горечь, отгори!
Судьба и время дышат равномерно,
И тает льдинка у меня внутри.

Зима уже как будто недалече:
Вот-вот на землю явится Покров.
Стоит мороз,
но мы довольны с печью:
Я дивно нынче заготовил дров!

Душа моя постанывает сладко.
Как благостно,
как сладостно прилечь
У самой печки на топчане гладком
И слушать разговорчивую печь.

Спит кухня, убаюканная речью.
Я всё сготовил, всё успел сварить...
Лежу и разговариваю с печью,
Нам с нею есть о чём поговорить.

ПРОЩЁНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Откуда это освещенье
На тихой станции лесной?
Не освещенье — ощущение
Какой-то выси неземной.

Откуда это воплощенье
Предчувствий — на краю земли?
Где на взаимное прощенье,
А не прощанье мы пришли.

Откуда явное сближенье
Миров на станции лесной?
И неземное береженье
Земного мира надо мной?

Прощенье глаз и губ прощенье
И даже выговор иной...
Ни капли горького отмщенья,
А замещение виной.

Откуда эти превращенья
На тихой станции лесной?
Жил мир Прощёным Воскресеньем
И вразумлялся тишиной.

---

*Поздравляем нашего давнего друга
и постоянного автора журнала
с юбилеем!*

МАКСИМ ЕРШОВ

ТЫ ХОТЕЛА ЛЮБИТЬ МЕНЯ,
РОДИНА...

* * *

Так ищет милостыни ветер
в усталом рубище дождя.
Они пришли. Чем мы ответим,
со сцены медленно сходя?

Какая искра занозила —
не погаси, не уничтожь?
Откуда в них такая сила?
Откуда в них такая ложь?

Они проходят, как цунами,
уже вторую сотню лет.
И всё, что было именами,
отпело в скрипе их штиблет.

Они костями похрустели,
они в молельне и в постели...
Но мы не слышим этот хряск
среди предательства и дрызг!

ЕРШОВ Максим родился в 1977 году в Сызрани. Окончил политехнический техникум, техник-механик автотранспорта. Учился в Литературном институте им. Горького, в семинаре Станислава Куняева. Постоянный автор "Нашего современника", автор книги стихов "Флагшток". Член Союза писателей России.

Да, я почти уже в кутузке.
Но вот последнее “прости”:
есть только солидарность русских,
и лишь она могла б спасти.

Она должна быть личным делом,
должна быть псом сторожевым...
А впрочем, нет — душой и телом
для всех, кто числится живым.

* * *

ты хотела любить меня родина
но так вышло пока не смогла
может быть понемногу угробила
может быть потихоньку спасла

в час когда ты нас маленьких бросила
мы дрожали огнём на ветру
девяностые бедная родина
оказались подобны костру

мы простили мы люди простецкие
только ты не умеешь прощать
поломались игрушки детские
и взошла на бумагах печать

фиолетовым солнцем но вроде бы
и на волчью похожа луну
поколение брошенных родиной
с тихим воем уходит ко дну

ты о том никому не рассказывай
буду тоже молчать как мужик
стала ты госпожой нефтегазовой
вышла замуж за дядей чужих

и теперь ты конечно прощай но я
уцелел значит ты и спасла
может быть моя песня случайная
стоит крошек с большого стола

ты насыпь их в кормушечку детскую
прилечу я а ты посмотри
из окошка как нежно я трескаю
аржаные твои сухари

* * *

Она видна, моя наивность.
Смеясь, вы поняли, что я
ещё несу на сердце юность
в прогнившие-острые края.

Такой, казалось бы, прожжённый
(о чём и шрамы на лице),
а глянь прищуренно: блаженный
стоит один на улице.

А я как будто без озвучки
кино последнее снимал.
Взывал, как будто бы “жевачки”,
что вами брошены, жевал...

Касатки, счётчики, скакалки!
Удавий прищур, вашу мать.
Не зависть — ржавые осколки
теперь с лопаток вынимать.

Но вы меня не победили,
хотя мишень была проста.
По вам кричали капители,
служа опорами моста.

И, с огорчением Перуна,
любовь сожгла последний мост.
Ну, вот и всё. Прощай, о юность:
утопленник в венке из звёзд...

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

“К ПРЕДАТЕЛЬСТВУ ТАИНСТВЕННАЯ СТРАСТЬ...”

Глава пятая

“Я ЛЮБЛЮ ЭТУ КРОВНУЮ УЧАСТЬ...”

Постепенно пресловутый национальный вопрос разделил наше поколение на два непримиримых стана. До сих пор с негодованием и недоумением вспоминаю, как в течение 1980-х годов со страниц “Московского комсомольца”, “Огонька”, “Комсомолки”, “Нового времени”, “Книжного обозрения”, “Московских новостей”, а в начале 1990-х и едва возникшей “Еврейской газеты” Голенпольского по нашему адресу неслись обвинения, что мы – “почвенники”, “деревенщики”, “сталинисты”, “охотнорядцы”, “русофилы”, “антисемиты”, “расисты”. Что мы только и жаждем уличить бедных советских евреев в том, что они пьют кровь христианских младенцев, что мы готовы измерять циркулем их гениальные головы и высчитывать у каждого подозрительного соотечественника процент “еврейской крови”. Эти болезненные заявления выходили из-под перьев ныне почти забытых борзописцев Марка Дейча, Семёна Резника, Александра Аронова, какой-то Лосото и некой Татьяны Ивановой... Всех не вспомнишь. Не отставали от них и “шестидесятники”, дожившие до наших времён, – Алла Гербер, Сергей Чупринин, Бенедикт Сарнов, Андрей Нуйкин и др. Однако забавнее всего то, что именно либералы-“шестидесятники”, а не “охотнорядцы” и “черносотенцы” были озабочены тем, какая кровь и в каком процентном соотношении течёт в их жилах, а какой крови в их организмах нету ни капельки. “У кого что болит, тот о том и говорит”, – гласит русская пословица. Занимались этими исследованиями “дети Арбата” с особой тщательностью.

“У меня есть русская, украинская, польская, татарская и шведская кровь”, – докладывал Евгений Евтушенко (“Новая газета”. 18.07.2013). Он же со знанием дела сообщал, что среди его предков были полуукраинцы, полуплатыши, полубелорусы, полунемцы... Впоследствии поэт уточнил, что его дед по отцу Рудольф Гангнус был чистым стопроцентным немцем. Это же надо быть таким закомплексованным интернационалистом, чтобы разыскать в своём организме все эти “кровя”! Познакомившись с подобными “изысканиями”, поэт Николай Старшинов не удержался и сочинил на Е. Е. язвительную, но справедливую эпиграмму:

Продолжение. Начало в № 11, 12 за 2019 год и №1 за 2020 год.

*Полухохол, полуполяк,
Полулатыш, полутатарин,
Полурусак, полупрусак,
Полупростак, полумастак,
Да что ж ты, мать твою растак,
России так неблагодарен!*

“Еврейской крови нет в крови моей”, – кричал на весь мир Евгений Евтушенко, доказывая, что он не по “кровным”, а по “духовным” причинам с юных лет в течение всей жизни отчаянно борется с антисемитами всех времён и народов. Глядя на него, и другие “шестидесятники” стали выискивать в своих родословных хоть какие-нибудь признаки “благородных кровей”.

Вознесенский отыскал в своём роду грузинского прадеда. У Ахмадулиной с примесями крови всё обстояло идеально, чем Е. Е. искренне восторгался: “В её жилах скакала необъезженная татарская кровь и величаво всплёскивала итальянская, как медленная вода венецианских каналов, качающая на себе золотые решётчатые окна постепенно погружающихся, словно Атлантида, аристократических палаццо...” Умри, Денис, лучше не напишешь!

Полукровка Булат Окуджава с горечью сообщал читателям, что является всего лишь “соплеменником” Сталина. А Роберт Рождественский, умолчав, что его фамилия по родному отцу Петкевич (поляк, сотрудник НКВД и участник Отечественной войны), заявил в стихах своим друзьям Булату, Евгению и Андрею: “По национальности я советский”. Роберт не подумал о том, что если когда-нибудь советская власть рухнет, то он останется без национальности. Вот почему опасно играть в стихах такими сакральными понятиями, как “кровь”, “родословная”, “национальность”... Эту истину хорошо понимал один из наставников “шестидесятничества” Борис Абрамович Слуцкий:

*Что ж вам делать в этом море гнева,
Как вам быть в жестоком перекрёстке?
Взвешенные меж земли и неба (так у автора. – Ст. К.)
Смешанные крови, полукровки...*

Слуцкий предчувствовал, что полукровок ждёт жизнь, полная опасностей и трагедий, а полукровками были многие наши известные “шестидесятники” – Василий Аксёнов, Юрий Трифонов, Сергей Довлатов, Римма Казакова, Георгий Владимов, Владимир Высоцкий, Михаил Дёмин, Лев Иванов-Аннинский и т. д. И всем им Слуцкий пророчил тяжёлую жизнь.

В конце концов, удручённо наблюдая, как покидают Россию мои вчерашние друзья и недруги, и “полукровки”, и чистокровный электорат, находящийся в дальнем или близком родстве с отъехавшими в Вену, в Иерусалим, в Нью-Йорк, и понимая, что я не способен **“переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, какой нам Бог её дал”** (А. Пушкин), я излил все эти чувства в стихотворении:

*Непонятно, как можно покинуть
эту землю и эту страну,
душу вывернуть, память отринуть
и любовь позабыть, и войну.*

*Нет, не то чтобы я образцовый
гражданин, коммунист, патриот —
просто призрачный сад на Садовой,
бор сосновый да сумрак лиловый,
тёмный берег да шрам пустяковый —
это всё лишь со мною уйдёт.*

*Всё, что было отмечено сердцем,
ни за что не подвластно уму.
Кто-то скажет: — А Курбский? А Герцен? —
Вам понятно, а я не пойму.*

*Я люблю эту кровную участь,
от которой сжимается грудь.
Даже здесь бессловесностью мучусь,
а не то, чтобы там где-нибудь.*

*Синий холод осеннего неба
столько раз растворялся в крови,
не оставил в ней места для гнева,
лишь для горечи и для любви.*

С лёгкой руки Евгения Александровича, который громче всех кричал о наливии в его венах и артериях всевозможных кровей, даже самый осторожный и умный “шестидесятник” Александр Петрович Межиров не удержался от соблазна разгадать тайны кровосмешения. Он, вероятно, знал, что кровь, по верованию древних семитских племён, является вместилищем души, и погрузился в хаос религиозных и гражданских распрей, которыми жила Россия в 80–90-е годы прошлого века, со страхом вопрошая сам себя:

*Какая в этом кровь повинна,
Какой из них предъявят счёт?
Из двух любая половина
Тебе покоя не даёт.*

А прямодушный Борис Абрамович Слуцкий сокрушался:

*Не торговавший ни разу,
Не воровавший ни разу,
Ношу в себе, как заразу,
Проклятую эту расу...*

В конце концов, даже Белла Ахмадулина, подражая своим старшим товарищам, не только отыскала в своём хрупком организме присутствие итальянской крови, доставшейся ей от двоюродного дедушки, итальянского революционера-коммуниста Стопани, ленинского друга, прах которого покоится в Кремлёвской стене, но и написала об этом целую поэму, почему-то ныне забытую исследователями и ценителями её творчества.

А сколько было всяческих комплексов, которые волновали душу самого, может быть, знаменитого и талантливого “шестидесятника”, любимца русского простонародья! Из книги журналиста Б. Кудрявова “Тайны жизни и смерти Высоцкого” (М., Алгоритм, 2017. С. 49–50):

“Чувствовал ли, понимал ли сам Высоцкий своё родство, принадлежность к еврейской нации? Несомненно. Приведу дословный разговор Высоцкого с писателем Давидом Маркишем, опубликованный в книге М. Цибульского “Время Владимира Высоцкого”: “И ещё такая история. Володя знал, что я проявляю интерес к израильским делам. И он меня резко спросил: “Что там происходит в Израиле?” Я ему на это резко сказал: “Володя, какое твоё дело?” И тут он мне говорит: “Как какое? Я еврей”. Я глаза на лоб выкатил... Я был уверен, что он чисто русский человек. Володя говорит: “Есть Высотские – через “тс” – это поляки, а Высоцкие с буквой “ц” – евреи”. Это было для меня полным откровением”.

И ещё из той же книги: “Есть интервью барда Александра Городницкого, который в 1965 году оказался с Высоцким на одном концерте в Политехническом институте. Обращают на себя внимание такие слова: “Смотрю: простоватый парень с блатной стрижкой, глядит на меня исподлобья... И вдруг мрачно спрашивает: “Вы что, еврей, что ли?” Я возмущился: ничего себе начало знакомства! И тут он начинает улыбаться и сообщает: “Очень приятно, я тоже имею непосредственное отношение к этой нации”.

Что же касается “шестидесятников патриотического разлива”, то из моих друзей не чувствовал себя носителем “особой” расы ни один из них, и никто никогда не выяснял, какая кровь течёт в его жилах. Мы все считали себя само собой русскими – по убеждениям, по судьбе, по некоему инстинкту родины, по состоянию души, в конце концов. О такой драгоценной, свыше даро-

ванной русскому народу беспечности двести лет тому назад с предельной откровенностью сказал западник и полукровка Александр Герцен:

“Мы выше зоологической щепетильности и совершенно безразличны к вопросу о расовой чистоте, что не мешает нам быть вполне славянами.

Мы очень довольны, что в наших жилах есть и финская, и монгольская кровь, что ставит нас в родственные и братские отношения с теми расами-париями, о которых гуманная демократия Европы не может говорить иначе, как тоном оскорбительного презрения”.

Герцен знал нашу великую литературу XIX века и видел, что болезненный вопрос “о крови” не занимал ни Жуковского, ни Карамзина, ни Лермонтова, ни Гоголя, ни Некрасова, ни Фета, ни Достоевского, в жилах которых, как мы сейчас знаем, текли ручейки турецкой, шотландской, польской, немецкой, татарской, украинской и даже еврейской (у Фета?) крови.

Я вспомнил слова Герцена насчёт нашего “равнодушия” в вопросах о “расовой чистоте”, когда перебирал фотографии своих друзей-писателей, вглядывался в них и вспоминал, что у Передреева женой была чеченка, у Юрия Кузнецова – казашка, у Георгия Свиридова – эстонка, у Кожинава... Впрочем, о нём в нашем кругу ходила добродушная шутка, сочинённая Петром Палиевским, что, мол, первая жена Вадима была еврейкой, вторая полукровкой, сейчас любовница у него русская, но её сына зовут Марик. И никто из нас, русских людей, безразличных, по словам Герцена, к “расовой чистоте”, не обижался на шутки такого рода. И я со спокойной душой дарил Валентину Распутину свою книгу “Шляхта и мы”, зная, что её прочитает и его жена Светлана, предки которой были поляками, сосланными в Сибирь после очередного восстания Польши против императорской России.

Вот так мы жили, создавали семьи, женились, не придавая значения составу крови, пульсирующей и в нас самих, и в наших жёнах. То ли дело наши соперники! Они не позволяли себе легкомысленных решений, когда речь шла о столь важном деле, как продолжение рода. Е. Евтушенко, Р. Рождественский, А. Вознесенский, В. Аксёнов, Б. Окуджава, Ф. Искандер – у них у всех жёны были, как на подбор, из одного гнезда. Именно таких чистопородных дочерей Евы имел в виду Владимир Бушин, когда вспоминал о поэте Андрее Дементьеве, который подписал подлое письмо “42-х”, по его словам, “якобы второпях”. “Ему, – писал Бушин в газете “Завтра” (№ 36, 2018), – было некогда, он тогда торопился в “Литературную газету” со стихами: “еврейских жён не спутаешь с другими, // престиж еврейских жён неколебим”. Так что престиж жён Евтушенко, Вознесенского, Рождественского, Аксёнова, Окуджавы, Искандера и других был в те легендарные времена “неколебим” и безупречен.

* * *

Увидев, как советские идеологи награждают государственными премиями, роскошными квартирами и дачами, престижными зарубежными поездками, фантастическими тиражами, а значит, и баснословными гонорарами за стихи и поэмы о Ленине близких им по духу “шестидесятников” – Евтушенко, Рождественского, Вознесенского, – поэты из национальных республик, конечно же подумали: а чем мы хуже?

И вскоре киевский поэт Виталий Коротич настроил поэму “Ленин, том 54”, минский поэт Рыгор Барадулин, съездив в Шушенское, написал цикл стихотворений о том, как Ленин с Крупской жили в сибирской ссылке, а русскоязычный поэт из Алма-Аты Олжас Сулейменов “сотворил” (“творяне” – так называл своих друзей–“шестидесятников” А. Вознесенский) поэму о Ленине и назвал её “От января до апреля”. Эта поэма, на мой взгляд, была достойна куда большего внимания, чем “Казанский университет”, “сотворённый” Евгением Александровичем к ленинскому столетнему юбилею (пять тысяч строк!). Евтушенко в этой поэме, как и в других стихах о Ленине, доказывал, что Владимир Ленин – это не какой-нибудь “Бланк”, что он кровный “русак”, такой же истинный сын России, как и сам Евтушенко, что поэт, подобно Ленину, “любил Россию”:

*...всею кровью, хребтом —
её реки в разливе
и когда подо льдом,
дух её пятистенок,
дух её кедрача,
её Пушкина, Стеньку
и её Ильича...*

Правда, когда произошла “перестройка” и Мавзолей во время парадов и торжеств стали стыдливо покрывать трёхцветным полотнищем, Евгению Александровичу пришлось переделать последнюю строфу: вместо “кедрача” поставить слово “сосняков”, а вместо “Ильича” — слово “стариков”, но разве в этом дело?! Дело в любви к родине и в том, что, несмотря на всяческие конъюнктурные поправки к ленинскому образу, он у поэта всё равно оставался русским, не то что у Олжаса Сулейменова, дерзнувшего изобразить в своей поэме совсем другого Ленина:

*Его таким нарисовал Андреев —
его один бы бог не сотворил.
Арийцы принимали за еврея
его, когда с трибуны говорил.
Он знал, он видел, оставляя нас,
что мир курчавится, картавит и смуглеет,
мир был совсем иным в последний час,
в последний час короткой жизни Ленина.
.....
Он, гладкое поглаживая темя,
смеётся хитро, щуря глаз калмыцкий.
Разрез косой ему прибавил зренья,
Он видел человечество евреев.*

Поэма была написана в 1964 году, а издана в 1975-м в самом престижном издательстве СССР “Художественная литература” и фактически являлась своеобразной диверсией, заложенной под стены социалистического реализма. Но власть закрыла глаза на эту дерзость, заткнула уши и сделала вид, что ничего не произошло. Только через пятнадцать лет, после нашей дискуссии “Классика и мы” инструкторы ЦК КПСС из отдела пропаганды Беляев и Севрук, прорабатывая меня за выступление на дискуссии, с досадой поморщились, когда я процитировал им строчки о Ленине, выдавшем “человечество евреев”, и, перебивая друг друга, стали выговаривать мне, что “поэма говённая” и не надо придавать ей никакого значения.

От убеждения в том, что мир вскоре будет населён только “избранным народом”, до русофобии — один шаг, и потому Олжас Сулейменов после поэмы о Ленине вскоре издал книгу “Аз и Я”, в которой попытался доказать, что автором “Слова о полку Игореве...” был не русский человек, а половчанин. Мало было ему изобразить Ленина чуть ли не вождём мирового еврейства! Прочитав эту псевдоисторическую дребедень, я ответил Сулейменову коротким стихотворением:

*Разглядывая каждую строку,
учёный-тюрок вывел без сомнений
такую мысль, что “Слово о полку...”
пропел в пространство половецкий гений.*

*Под шум берёз, под шелест ковыля
судьба племён так прихотливо вьётся...
Но вспомнишь вдруг: “О, русская земля! —
Ты за холмом!” — и сердце оборвётся...*

А наш идеолог Юрий Селезнёв в большой статье, опубликованной в журнале “Молодая гвардия”, не оставил от книги Сулейменова и его теории главенства “избранного народа” в мировой истории камня на камне.

Если верить стихам Евтушенко, то он всю свою сознательную жизнь был окружён “антисемитами”, “лабазниками”, “охотнорядцами” и особенно “черносотенцами”. “*Это меня сжигала черносотенная банда!*” – вопил он, вспоминая, как Проханов с друзьями предали огню его чучело в отместку за то, что Евтушенко со своей компанией захватили Союз писателей СССР, находившийся в Доме Ростовых. “**Я молодым шакалам брошен, // как черносотенцам еврей**”, – горевал он на рубеже тысячелетий, осознав, что интерес к нему и его поэзии в капиталистической России исчезает. А сколько раз слово “черносотенец” возникает в его комментариях к стихам поэтов, которые он публиковал в своей антологии “Строфы века”... Но, как говаривали творцы исторического материализма, “количество переходит в качество”. И это произошло. Выдающийся русский мыслитель Алексей Фёдорович Лосев в 1930 году был сослан на стройку Беломорканала после того, как 28 июня 1930 года на утреннем заседании XVI съезда ВКП(б) Лазарь Моисеевич Каганович вынес ему следующий приговор: “*Последняя книга этого реакционера и черносотенца под названием “Диалектика мифа” является самой откровенной пропагандой наглейшего нашего классового врага*”.

Критик с еврейской фамилией Киришон, выступавший на том же съезде, присоединился к Лазарю Моисеевичу, осудив “*черносотенно-монархические высказывания Лосева*”. Следователь ОГПУ М. Герасимова, которая вела дело Лосева, признала его книгу “Диалектика мифа” “*церковной контрреволюцией*”. А докладная записка заведующего отделом науки ЦК ВКП(б) Ю. Жданова, положенная на стол Г. Маленкова, гласила:

“*Выступая на съезде, тов. Л. М. Каганович характеризовал профессора Лосева как философа-мракобеса, реакционера и черносотенца*”.

И, в конечном счёте, Евгений Евтушенко, плохо знавший историю своего Отечества и всюду искавший очаги “черносотенства”, и кричавший об их силе вольно или невольно, но останется в нашей памяти рядом с Кагановичем, Киришоном и Ждановым, а не с выдающимся сыном России Алексеем Фёдоровичем Лосевым. Обвинив черносотенцев в том, что они готовят ни больше, ни меньше, как мировой заговор (“*сотня чёрная всемирна*”, “**погром антисемитский**”, “**атомный погром**” и т. д.), поэт обрёл сходство с американским министром обороны Форестоллом, который в разгар маккартизма (американского антисемитизма) выпрыгнул с шестого этажа своего офиса с криком: “Русские идут!” Но мало того. Евгений Александрович так и не сделал выбор – к кому примкнуть: либо к Лазарю Моисеевичу Кагановичу, который с меньшим негодованием, нежели Евтушенко, относился к черносотенцу Лосеву, либо очутиться в одной компании с основателями “Союза русского народа” – православными евреями Грингмутом и Гурляндом.

В 2018 году наши историки с особым интересом вспоминали страшное лето рокового 1918 года, когда несколько событий властно повлияли на ход отечественной истории: убийство императора и романовской семьи в Алапаевске и Екатеринбурге, эсеровский мятеж, покушения на Володарского и Урицкого, покушение на Владимира Ильича Ленина. А венцом, объединившим все эти события, стало рождение “Декрета Совета Народных Комиссаров о пресечении в корне антисемитского движения”. Обсуждение всех этих исторических событий происходило на фоне нескольких провокаций. Одну из них разыграл известный литератор Дмитрий Быков. В конце декабря 2018 года, выступая в питерской аудитории своих поклонников, он заявил, что Гитлер мог бы вызвать сочувствие русского населения на оккупированных территориях при условии, если бы не ставил себе целью массовое истребление советских евреев. Одним словом, животный антисемитизм напугал даже русское коренное население. Опытному провокатору Быкову показалось мало этой подлой глупости, и он пообещал читателям написать книгу о генерале Власове для серии “ЖЗЛ”. В ответ на это я могу добавить лишь одно: если бы зоологический антисемит Гитлер в союзе с антисоветчиком Власовым победили, то наш “златоуст” мог бы спастись лишь потому, что укрылся бы от них не под своей

роскошной родовой фамилией Зильбертруд, а под заурядной простецкой русской фамилией Быков. А Быковых в России – пруд пруди, попробуй-ка разузнай, кто из них Зильбертруд... А тут ещё Станислав Белковский (тоже “шестидесятник”) подлил бензинчику в русско-еврейский костёр. Выступая незадолго до провокации Быкова на радиостанции “Эхо Москвы”, он, рассуждая о причинах “красного террора”, вспомнил о покушении на Ленина 30 августа 1918 года на заводе Михельсона, вспомнил об убийстве Урицкого поэтом Леонидом Канегиссером, другом Есенина, с которым Есенин, по словам Белковского, возможно, состоял в сексуальной связи, вспомнил, что после этих событий Лениным был подписан указ о “красном терроре”, текст которого составил Яков Свердлов... Вот так, к сведению Дмитрия Быкова, создаётся “подлинная” история нашей гражданской войны: расстрельной командой под руководством Якова Юровского и Шай Голощёкина уничтожена вся семья императора Николая II. Еврей Канегиссер убивает еврея Урицкого. Еврейка Фанни Каплан стреляет в еврея по матери Владимира Ильича Ленина. Еврей Яков Свердлов сочиняет “Декрет об антисемитизме”, и всё это в целом, используя “Эхо Москвы”, человек неопределённой национальности Белковский называет “русской провокацией”. Поистине, вспомнишь слова полукровки Иосифа Геббельса о том, что ложь, чтобы ей поверили, должна быть чудовищной... Вот так-то, дорогой товарищ Быков, он же Зильбертруд.

А что касается документов столетней давности на эту тему, то они пусть говорят сами за себя, без особых комментариев, и пусть Быков с Белковским и Зильбертрудом вспомнят, чьими руками и в какой кровавый узел завязывался русско-еврейский вопрос всего лишь сто лет тому назад. А. В. Луначарский лучше, нежели Белковский с Быковым, знал суть дела поскольку в брошюре “**Об антисемитизме**” (Госиздат, М.–Л., 1929) писал: **“Когда этот декрет был написан Я. М. Свердловым и принесён Ленину, Ленин его прочёл и красными чернилами и своей собственной рукой на этом документе приписал: “Совнарком предписывает всем Совдепам принять решительные меры к пресечению в корне антисемитского движения. Погромщиков и ведущих погромную агитацию предписывается ставить вне закона”**”.

А сам официальный текст декрета, опубликованный в газете “Известия ВЦИК” от 27 июля 1918 года, гласил с торжественностью ветхозаветных скрижалей:

“ДЕКРЕТ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ О ПРЕСЕЧЕНИИ В КОРНЕ АНТИСЕМИТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

По поступающим в Совет Народных Комиссаров сведениям, контрреволюционеры во многих городах, особенно в прифронтовой полосе, ведут погромную агитацию, последствием которой были местами эксцессы против трудового еврейского населения. Буржуазная контрреволюция берёт в свои руки то оружие, которое выпало из рук царя.

Самодержавное правительство каждый раз, когда ему нужно было отвести от себя гнев народный, направляло его на евреев, указывая тёмным массам, будто все их беды от евреев. При этом еврейские богачи всегда находили себе защиту, а страдала и гибла от травли и насилий еврейская беднота.

Теперь контрреволюционеры возобновили травлю против евреев, пользуясь голодом, усталостью, а также неразвитостью наиболее отсталых масс и остатками вражды к евреям, которая была привита народу самодержавием.

В Российской Советской Федеративной Республике, где провозглашён принцип самоопределения трудовых масс всех народов, нет места национальному угнетению. Еврейский буржуа нам враг не как еврей, а как буржуа. Еврейский рабочий нам брат. Всякая травля какой бы то ни было нации недопустима, преступна и позорна.

Совет Народных Комиссаров объявляет антисемитское движение и погромы евреев гибелью для дела рабочей и крестьянской революции и призывает трудовой народ Социалистической России всеми средствами бороться с этим злом.

Национальная вражда ослабляет наши революционные ряды, разъединяет единый, без различия национальностей, трудовой фронт и на руку лишь нашим врагам.

Совнарком предписывает всем Совдепам принять решительные меры к пресечению в корне антисемитского движения. Погромщиков и ведущих погромную агитацию предписывается ставить вне закона.

*Председатель Совета Народных Комиссаров Ульянов (Ленин)
Управляющий делами Совнаркома Вл. Бонч-Бруевич
Секретарь Совета Н. Горбунов”.*

Читаешь и поражаешься тому, как мог Ленин — опытный юрист и расчетливый профессиональный политик — одобрить и подписать написанный провокатором Свердловым кровавый “Декрет...”, который должен был неизбежно раздуть пламя гражданской войны по всей России.

Иосиф Сталин, которого все сталиноведы от Троцкого до Борщаговского считали “биологическим антисемитом”, как разумный государственный никогда таковым не был и долгое время, пока ему позволяли исторические обстоятельства, придерживался ленинской политики в еврейском вопросе, о чём свидетельствует следующий документ:

“ОБ АНТИСЕМИТИЗМЕ

*Ответ на запрос Еврейского телеграфного агентства
из Америки*

Отвечаю на ваш запрос.

Национальный и расовый шовинизм есть пережиток человеконенавистнических нравов, свойственных периоду каннибализма. Антисемитизм как крайняя форма расового шовинизма является наиболее опасным пережитком каннибализма.

Антисемитизм выгоден эксплуататорам как громоотвод, выводящий капитализм из-под удара трудящихся. Антисемитизм опасен для трудящихся как ложная тропинка, сбивающая их с правильного пути и приводящая их в джунгли. Поэтому коммунисты как последовательные интернационалисты не могут не быть непримиримыми и заклятыми врагами антисемитизма.

В СССР строжайше преследуется законом антисемитизм как явление, глубоко враждебное Советскому строю. Активные антисемиты караются по законам СССР смертной казнью.

12 января 1931 г.

И. Сталин”.

Вроде бы все сказано “по-ленински” и “по-свердловски. Однако обратим внимание на то, что Сталин заявил: **“В СССР строжайше преследуется законом антисемитизм”, “активные антисемиты караются по законам СССР смертной казнью”,** а Ленин приписал к тексту декрета, написанного Свердловым, своей рукой: **“ставить вне закона”,** — то есть **“ставить к стенке без суда и следствия”**. Сталин, в отличие от Ленина, в начале 1930-х годов начал гасить “беззаконие революции”...

Как бы то ни было, но убийство Урицкого и покушение на Ленина вызвало невиданную волну жестокости со стороны новой власти, особенно в отношении бывших чиновников, офицеров, дворянского и церковного сословия. Николай Бухарин откликнулся статьёй с многозначительным названием: **“Ленин-Каплан, Урицкий-Канегиссер”**. Расследовать дело Урицкого в Питер приехал сам Дзержинский.

Нарком внутренних дел Петровский разослал телеграммы по всем Советам Республики со словами: **“Ни малейшего колебания при применении массового террора”**. ВЦИК под председательством Свердлова вынес постановление: **“Предоставить районам право самостоятельно расстреливать всех контрреволюционеров. Устроить в районах концентрационные лагеря. Принять меры, чтобы трупы не попали в нежелательные руки”**.

“Красный террор” охватил всю страну. На Валдае знаменитый русский публицист Михаил Меньшиков был расстрелян чекистами на глазах у жены и детей. Известный всему православному народу священник Иоанн Восторгов лишь за то, что отслужил на месте погребения отрока Гавриила Белостоцкого (“умученного от жидов”, как гласило церковное предание), был расстрелян как злостный антисемит и черносотенец.

А в столице Республики в ответ на убийство евреем Канегиссером шефа петербургского ЧК Урицкого 6 сентября 1918 года в “Красной газете” появился список заложников, состоящий из фамилий великих князей, бывших купцов и фабрикантов, бывших офицеров и полицейских, владельцев типографий, правых эсеров и прочей “монархически-буржуазной сволочи”, арестованной и ждущей расстрела. Списки были подписаны чекистами Г. Бокием и А. Иоселевичем. Через несколько дней 929 человек из этого списка были пулены в расход. Революционная улица поддержала “красный террор”. Из “Воспоминаний” А. Мариенгофа: **“На улицах ровными каменными рядами шли латыши. Казалось, шинели их сшиты не из серого солдатского сукна, а из стали. Впереди несли стяг, на котором было написано: “Мы требуем массового террора”.** Хорошо бы сегодня вспомнить об этом латышским легионерам, марширующим по улицам Риги и вспоминающим о том, как они служили делу фюрера.

Эхо стальной поступи этих латышских легионов, которыми командовали всемогущие в те времена военачальники и чекисты Ян Петерс, Ивар Смилга, Мартин Лацис, Иосиф Варейкис, Иероним Уборевич, Роберт Эйхе, долетело и до эпохи “шестидесятничества”, о чём вспоминал в наше время один из модных “шестидесятников” Виктор Соснора:

“О Роберте Эйхе скажу чуть больше. В шестидесятые-семидесятые годы – годы моей комсомольской юности – этот пламенный большевик-ленинец, к тому моменту уже реабилитированный, вызывал у меня сильное сочувствие, как и все жертвы сталинского террора. “Комиссары в пыльных шлемах” склонялись молча надо мной, и я читал им наизусть стихотворение Роберта Рождественского о том, в честь кого он получил столь экзотическое для наших широт имя:

*А у меня на родине
в начале тридцатых
в круговерти дней
партийные родители
называли Робертами
спелёнутых,
розовых
орущих парней...
Припомнитесь, тридцатые!
Вернись, тугое эхо!
Над миром неустроенным громыхни опять.
Я скажу о Роберте,
о Роберте Эйхе!
В честь его
стоило детей называть!”*

(журнал “Знамя”. – № 10. – 2018)

Но ни Виктор Соснора, ни Роберт Рождественский, возросшие в семьях высокопоставленных командиров и чекистов 1930-х годов, видимо, не знали или постарались забыть о том, что летом 1936 года, когда Сталин с небольшой группой своих единомышленников попытался сделать выборы в Верховный Совет СССР более демократическими, с включением в избирательные бюллетени кандидатов от разных общественных организаций, то к нему пришла целая когорта “пламенных революционеров” – руководителей областных парторганизаций, – испугавшихся, что после кровавой коллективизации население не выберет их, и потребовавших от Сталина права на “лимиты”, по которым они отправили бы на расстрелы и в ссылки множество выявленных в их владениях контрреволюционеров.

“Самыми кровавыми, – пишет в своей книге “Иной Сталин” историк Юрий Жуков, – оказались двое: Р. Эйхе, заявивший о желании только расстрелять 10 800 жителей Западно-Сибирского края, не говоря о ещё неопределённом числе тех, кого он намеревался отправить в ссылку; и Н. С. Хрущёв, который сумел подозрительно быстро разыскать в Московской области, а затем и настаивать на приговоре к расстрелу либо высылке 41 305 “бывших кулаков и уголовников”. Вот каков был организатор

XX съезда КПСС! Вот каковы были любимцы “шестидесятников”, “антисталинисты и гуманисты” Хрущёв и Эйхе!

Понятно, почему ни Роберт Рождественский в поэме “Двести десять шагов”, ни “творянин” поэмы “Лонжюмо” и стихотворения “Секвойя Ленина”, ни Евгений Евтушенко, в жилах которого, по его собственному признанию, текла, среди прочих кровей, и латышская кровь, не описали событий лета и осени 1918 года, впрочем, как и Олжас Сулейменов в своей “Лениниане”, как и Булат Окуджава в цикле стихотворений, посвящённых Ленину. Все они были опытные советские лицедеи и понимали, что не надо будить лихо, пока оно тихо.

* * *

Но вода, как говорится, камень точит, особенно вода истории. В 60-е годы прошлого века, когда дети “комиссаров в пыльных шлемах” пытались в своём творчестве продолжить революционные традиции отцов, особенно в кино и в книгах из серии “Пламенные революционеры”, когда последние зарницы багрицко-светловской романтики вспыхнули было на литературном небе, замечательный русский поэт Алексей Прасолов поставил последнюю точку в этом историческом споре. Будучи русским деревенским подростком, он однажды с ужасом наблюдал, как на воронежской станции Россошь разгружался эшелон, пришедший с фронта с нашими ранеными бойцами, которых надо было поместить в тыловые госпитали:

*Спешат санитары с разгрузкой.
По белому красным — кресты.
Носилки — пугающе узки,
А простыни — смертно чисты.*

*Кладут и кладут их рядами,
Сквозных от бескровья людей.
Прими этот облик страданья
Мальчишеской жизнью твоей.*

*Забудь про Светлова с Багрицким,
Постигнув значение креста,
Романтику боя и риска
В себе задуши навсегда!..*

*...Те дни, как заветы, в нас живы.
И строгой не тронут души
Ни правды крикливой надрывы,
Ни пыл барабанящей лжи.*

А надрывы “крикливой правды” и “пыл барабанящей лжи” в то время выплёскивались из стихов, звучащих в Лужниках, в стенах Политехнического, на площади Маяковского, на Тверской у подножия памятника Пушкину из уст знаменитых “шестидесятников” и множества их эпигонов.

Более того, когда я на дискуссии “Классика и мы” (декабрь 1977 года) и в своих статьях убедительно доказал, что творчество Светлова и Багрицкого пропитано культом “красного революционного террора”, Евтушенко буквально сорвался с катушек и обвинил меня в “шовинистическом оплёвывании таких дорогих для нас поэтов, как Светлов и Багрицкий” (“Литературная газета”. — № 2. — 1988).

* * *

Когда знакомишься с событиями столетней давности — с “красным террором”, с делом Урицкого — Канегиссера, когда пытаешься понять, почему ортодоксальная еврейка Фанни Каплан стреляла в вождя всемирной революции

Ленина, чья мать носила фамилию Бланк, то ловишь себя на том, что все противоречия сто лет тому назад бушевавшей эпохи только и ждут того, чтобы языками пламени вырваться на поверхность нынешней жизни. И что делать, чтобы этого не произошло? Как увязать концы с концами последним узлом? Самое главное здесь в том, чтобы удержать в поле зрения все события, все слова и мысли той эпохи, ничего не забывая, ничего не подчищая и ничего не упрощая. Особенно в словах и делах таких великих творцов истории, как Ленин, чем, в сущности, — упрощением — занимались наши “шестидесятники”, создавая после XX съезда КПСС второе издание ленинского культа.

Да, “Декрет о борьбе с антисемитизмом” был страшен для граждан всех ещё недавно привилегированных сословий. Он был настолько страшен, этот террор, что немецкий ефрейтор, будущий Адольф Гитлер, сидя в баварской тюрьме и сочиняя книгу “Майн кампф”, использовал его как средство разжигания антисемитизма в своей родной Германии, в “цивилизованной Европе”: **“Самым страшным примером в этом отношении, — писал Гитлер, — является Россия, где евреи в своей фанатической дикости погубили 30 миллионов человек, и всё это для того, чтобы обеспечить себе диктатуру над великим народом за небольшой кучкой литераторов и биржевых бандитов”**. Конечно, “30 миллионов” будущий фюрер взял с потолка, но что касается “гекатомбы” жертв террора, о котором вспоминают Надежда и Осип Мандельштамы, то они, конечно, были — и в Крыму, и в Кронштадте, и во время Антоновщины, и на Дону, и на Украине. Всего не упомнишь. И потому, если говорить сегодняшним языком, “Декрет...” был от первой до последней буквы явлением политической и гражданской русофобии в её крайней степени. Но почему Ленин его не только подписал, но и вывел за всякие рамки закона? Ведь Владимир Ульянов был крещёным в Православие, выучился на незаурядного юриста, был абсолютно равнодушен к иудаизму, считал себя атеистом и боролся за ассимиляцию российского еврейства...

Меня всегда удивляли наши патриоты, придававшие фатальное значение четвертушке еврейской крови, пульсировавшей в ленинских венах и артериях. На мой взгляд, Ленин относился к еврейскому засилью в революции куда более раздражённо и скептически, нежели Сталин. Более того, он позволял себе такие высказывания о еврействе, на которые сам Сталин никогда не решился. Помнится, что в одном из сочинений 1912 года Ленин неожиданно заявил: **“В нашем черносотенстве есть одна чрезвычайно оригинальная и чрезвычайно важная черта, на которую обращено недостаточно внимания. Это тёмный мужицкий демократизм, самый грубый, но и самый глубокий... Нет-нет, да и прорвётся голос подлинной мужицкой жизни, мужицкий демократизм через всю черносотенную затхлость и натасканность”** (собр. соч., изд. V. Т. 24. С. 18). Слава Богу, что Евтушенко, театрально и крикливо ненавидевший черносотенцев, не был знаком с этими мыслями Ильича, потому как руки бы у поэта опустились и поэма о Ленине осталась бы незаконченной.

А незадолго до революции живший в Швейцарии Ленин встретился с двумя людьми, приехавшими из России, о чём написал в письме:

“Один — еврей из Бессарабии, выдавший виды, социал-демократ или почти социал-демократ, брат-бундовец и т. д. понатёрся, но лично неинтересен... Другой — воронежский крестьянин из старообрядческой семьи. Чернозёмная сила. Чрезвычайно интересно было посмотреть и послушать”.

Недаром Есенин в “Анне Снегиной” на вопрос своих земляков: “Скажи, кто такое Ленин?” — отвечает: “Он — вы”; а Николай Клюев в 1919 году пишет знаменитые строки: “Есть в Ленине керженский дух, // диктаторский окрик в декретах. // Как будто истоки разрух // он ищет в поморских ответах”.

Да, Ленин признавал, что без местечкового еврейства революция в столицах и крупных городах потерпела бы поражение:

“Эти еврейские элементы были мобилизованы против саботажа. Таким образом, они имели возможность спасти революцию в этот критический период. Мы имели возможность захватить административный аппарат только потому, что имели под руками этот запас разумной, образованной рабочей силы” (цит. по воспоминаниям Диманштейна из бюллетеня “Института по изучению СССР”. — № 4/30. — 1959. — Мюнхен).

При таком национальном составе “административного аппарата” СССР, пришедшего на смену аппарату имперскому, нечего удивляться жестокости, с которой была разгромлена Русская Православная Церковь. И то, что Ленин в своём знаменитом письме 1921 года беспощадно заклеил “православное черносотенство”, объясняется, видимо, тем, что после победы революции он находился, в отличие от ситуации 1912-го, когда он относился к черносотенству терпимо, в полнейшей зависимости от местечкового окружения, воспитанного в талмудической ненависти к христианству и Православию.

По некоторым данным, количество “разумной образованной рабочей силы”, в те годы хлынувшей в Центральную Россию из-за “черты оседлости” и занявшей почти все большие и малые административные должности, в том числе и в ЧК, составляло более миллиона человек. За эту “поддержку революции” (то есть за спасение большевистской власти) Ленину пришлось заплатить большую цену, в том числе и подписать чудовищный “Декрет о борьбе с антисемитизмом”, который загнал антисемитские чувства и настроения в тёмные глубины общественного сознания.

Возможно, что, понимая это, Ленин в своих стратегических планах рассчитывал после достигнутой стабильности всё-таки уменьшить еврейское влияние в высших эшелонах власти с помощью государственной воли.

В конце 1922-го — начале 1923 года он обратился с письмом к XIII съезду партии (“Завещание” Ленина), в котором попытался совершить своего рода переворот в Центральном Комитете ВКП(б):

“Я советовал бы очень предпринять на этом съезде ряд перемен в нашем политическом строе <...>. В первую голову я ставлю увеличение числа членов ЦК до нескольких десятков или даже до сотни” (в ЦК тогда было 27 человек. — Ст. К.).

По предложению Ленина, в новый ЦК должны были войти люди, **“стоящие ниже того слоя, который выдвинулся у нас за пять лет в число советских служащих; и принадлежащие ближе к числу рядовых рабочих и крестьян. <...> Я предлагаю съезду выбрать 75–100 рабочих и крестьян... выбранные должны будут пользоваться всеми правами членов ЦК”** (Т. 45. С. 343, 348, 384).

Так что местечковому большинству в государственном аппарате было чего бояться. Поэтому партийные верхи отвергли ленинское предложение, а Троцкий написал в ЦК письмо о том, что такое **“расширение”** ЦК лишит его **“необходимой оформленности и устойчивости”** и **“нанесёт чрезвычайный ущерб точности и правильности работ ЦК”**. Вся еврейская часть ЦК поддержала Троцкого, и сущность ленинского письма была сведена к ленинским характеристикам кандидатов на роль генсека, в то время как идея расширения ЦК была куда более важной. Неудивительно, что среди “старых партийцев” распространились слухи, что Ленин после инсульта не в себе, потому и предлагает утопические и вредные для партии реформы. Ленин был действительно болен и, несмотря на свой авторитет, не мог уже провести в жизнь решение, которое сделало бы ЦК более “народным” и более “русским”. Но попытка русифицировать ЦК не удалась. Так же, как и при Сталине, в 1951-м.

А письмо это настолько было революционным (или контрреволюционным, с точки зрения “иудушки Троцкого”) и опасным для партийных верхов не только 1923 года, но и будущих времён, что его полностью опубликовали лишь в 1956 году.

В сущности, Ленин предлагал то, что осуществил методами террора Сталин во второй половине 1930-х годов. Ленин, в отличие от Сталина, обладал мастерством открытой политической борьбы, никогда не скрывал своих планов и убеждений, и это обстоятельство могло настроить против него ближайшее еврейское окружение. Некоторые нынешние историки выдвигают гипотезу о том, что летом 1918 года в центре такого заговора мог стоять Свердлов. А история с Каплан таинственна настолько, что даже имя её подлинное в разных источниках публикуется по-разному. Об этой местечковой “Шарлотте Корде” неизвестно почти ничего, кроме того, что сразу после неудачного дипломатического покушения таинственная фурия была доставлена на допрос к председателю ВЦИКа (президенту) Янкелю Свердлову и через три дня следствия, от которого не осталось никаких документов, была расстреляна. И сожжена в железной бочке. Даже автор поэмы “Лонжюмо”, “верный ленинец”

А. Вознесенский ничего не мог написать о таинственной террористке, кроме одной строчки о том, что **“в Ленина бил отравленный пистолет”**. Но как бы то ни было, а “красный террор” был развязан. Число жертв этой провокации неизвестно. Одни источники говорят о тысячах, другие — о десятках тысяч.

“Мы сошлись с Осипом Мандельштамом первого мая 1919 года, — пишет в своих воспоминаниях Надежда Мандельштам, — он рассказал мне, что на убийство Урицкого ответили “гекатомбой трупов””.

Вот о чём надо бы вспомнить нынешним наследникам “шестидесятников” Дмитрию Быкову и Станиславу Белковскому. А беспрецедентная жестокость “Декрета об антисемитизме” была столь вызывающей и даже бросающей тень на власть, что о нём многие историки революции предпочитали не вспоминать. **Он не включался (как и пресловутое письмо Ленина 1921 года “Об изъятии церковных ценностей”) ни в одно собрание сочинений Ленина.** А в одном из номеров “Огонька” за 1990 год известный “шестидесятник” Марк Дейч издевался над газетой “Русское воскресенье”, справедливо утверждавшей, что одним из первых декретов Советской власти был декрет об уголовном наказании (вплоть до смертной казни) за антисемитизм, с возмущением заверещал: **“Декрет опять же выдуман. Правда, в уголовном кодексе 1926 года существовала статья 59, пункт семь, который гласил: пропаганда или агитация, направленная к возбуждению национальной или религиозной вражды, влечёт за собой лишение свободы на срок до двух лет”**.

Вот такая либеральная 59-я. Нет в ней ничего об антисемитизме, ничего о смертной казни без суда и следствия. Вот, мол, какие добренькие, по словам Дейча, были его соплеменники образца 1918 года. И никаких “гекатомб трупов” в Питере, о которых вспомнил Осип Мандельштам, не было, и никаких требований со стороны латышских стрелков, и никакого “Декрета...”, якобы опубликованного 27 июля 1918 года в “Известиях ВЦИК”, не существовало. И вообще все разговоры о “красном терроре” — это “русская провокация”.

ЕЛЕНА ЛАРИНА, ВЛАДИМИР ОВЧИНСКИЙ

ТРАМП С ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ

В гонке ИИ Америка стремится стать первой

Президент России Владимир Путин 19 декабря 2019 года на ежегодной большой пресс-конференции в очередной раз подчеркнул важность продолжения работы в сфере изучения искусственного интеллекта (ИИ) и его возможностей. Напомним, что в октябре 2019 года президентом РФ была принята **Национальная стратегия развития ИИ на период до 2030 года**.

По существу, в мире началась беспрецедентная борьба за лидерство в развитии ИИ. Ознакомление с последними (2019 года) стратегическими документами США по этому вопросу свидетельствует о том, что Соединённые Штаты рассматривают эту борьбу как вариант военных действий. Такая ситуация вокруг ИИ безусловно скажется на всём комплексе международных отношений. Она требует комплексного анализа и разработки мер по защите национальных интересов России.

Президент США Дональд Трамп в феврале 2019 года подписал **указ “Американская ИИ-инициатива”**. Указ Трампа требует наращивать объёмы и повышать эффективность ассигнований на ИИ для создания “возможностей, обеспечивающих нашу экономическую и национальную безопасность”. **Национальный стратегический план в области развития ИИ**, подготовленный в 2016 году и обновлённый в 2019-м, наметил разумный перечень целей.

Правительство США во исполнение указа Трампа выпустило **Стратегическое руководство**. В нём подчёркивается важнейшее значение ИИ для национальной безопасности. Члены Конгресса подали более 30 законопроектов, касающихся ИИ, из которых более трети приобрели силы законов. В соответствии с решениями Конгресса создана специальная межпартийная группа по развитию ИИ. Сотни перспективных проектов, связанных с ИИ, реализуются Министерством обороны. Создан **новый орган правительства США – Объединённый Центр ИИ в статусе федеральной службы**. Проект Maven является объединением усилий американских технологических компаний, стартапов, университетов по эффективному обнаружению, классификации и отслеживанию объектов на видеопотоках. Разведывательное сообщество выделило в качестве приоритетного направления финансирование IARPA исследований в области ИИ. АНБ и Министерство энергетики приняли решения о предоставлении мощностей их объединённой сети суперкомпьютеров для доступа

исследователей и разработчиков ИИ к высокопроизводительным вычислительным ресурсам.

21 декабря 2019 года Трамп подписал Закон об американском оборонном бюджете на 2020 год, где разработке искусственного интеллекта, наряду с гиперзвуковым оружием, технологиями направленной энергии и созданием Космических войск США, уделено первостепенное внимание.

Законом США о национальной обороне на 2019 финансовый год в марте того же года в Конгрессе утверждена **Комиссия по искусственному интеллекту для национальной безопасности**. На неё возложено "рассмотрение методов и средств, необходимых для развития ИИ, машинного обучения и связанных с ними технологий, для всестороннего и успешного решения задач национальной безопасности, обороны и информационного превосходства Соединённых Штатов". Председателем Комиссии стал бывший глава Google, член Бильдербергского клуба, миллиардер **Эрик Шмидт** (одновременно Шмидт состоит в **Американском технологическом совете**, утверждённом Трампом в июне 2017 года, и с 2016 года возглавляет **Совет по инновациям при Министерстве обороны США**).

В Комиссию входят технологические предприниматели, руководители университетов, высокопоставленные военные, лидеры разведывательного сообщества, представители основных политических сил Америки. Конгресс дал Комиссии широкий мандат на изучение ИИ через призму национальной конкурентоспособности, выявления технологических преимуществ, определения господствующих тенденций, а также установления реальной картины развития ИИ другими национальными государствами, корпорациями и международными структурами. Комиссия также уполномочена подготовить конкретные предложения по увеличению инвестиций в фундаментальные и передовые исследования, кадры, образование и т. п. Также миссия Комиссии включает прогнозирование будущей эволюции ИИ, тех рисков и возможностей, которые она несёт. На данном этапе основное внимание Комиссии сосредоточено на:

- угрозах национальной безопасности со стороны ИИ иностранных, прежде всего, враждебных и конкурирующих с Америкой государств, а также рисков влечения ИИ террористическими организациями;
- наиболее полном использовании возможностей ИИ для укрепления обороноспособности США, увеличения осведомлённости и качества работы разведки, повышения уровня охраны правопорядка и соблюдения законов;
- взаимосвязи между ИИ, экономической конкурентоспособностью и технологическими достижениями как важнейшими компонентами национальной безопасности;
- этических соображениях и ограничениях, которые необходимо учитывать при развитии ИИ в интересах национальной безопасности.

В ноябре 2019 года Комиссия подготовила промежуточный доклад, который удовлетворяет специальным просьбам Конгресса об информировании относительно **реальной состояния дел с ИИ в Соединённых Штатах и месте Соединённых Штатов в глобальной гонке развития ИИ**. В докладе принята попытка спрогнозировать основные возможности, риски и угрозы развития ИИ в контексте национальной безопасности.

В докладе определены **пять основных направлений усилий, необходимых для сохранения преимуществ США**. К ним относятся:

- продолжение активных инвестиций в исследования и разработки в сфере ИИ;
- рекрутирование молодых американцев в отрасль ИИ, а также привлечение наиболее талантливых математиков, программистов, нейрофизиологов, когнитологов со всего мира в программы ИИ в Соединённых Штатах;
- недопущение законодательных мер, способных сдерживать инновационный потенциал американских компаний – лидеров в сфере ИИ;
- создание системы глобального мониторинга и инвентаризации наиболее многообещающих эффективных решений, фреймворков в области ИИ с обеспечением патентной и юридической собственности субъектов права США на эти достижения;
- продолжение осуществления на государственном, бизнесовом и университетском уровнях сотрудничества в области ИИ между Соединёнными Штатами и странами-союзниками.

Главная задача

В докладе делается акцент на том, что мы живём в мире, когда одновременно происходят революция ИИ, возрождение конкуренции между великими державами, а также между державами и корпорациями и международным сообществом – с одной стороны, и террористическими организациями – с другой. Эти три фактора угрожают роли Соединённых Штатов в качестве мирового лидера инноваций, бросают вызов американскому военному превосходству и ставят под сомнение их национальное интеллектуальное лидерство.

Важнейшее обстоятельство, которое Комиссия учитывает в своей работе, – это принципиальное отличие нашего времени от 40-х годов прошлого века. Атомная гонка и Манхэттенский проект осуществлялись в режиме строжайшей секретности и конфиденциальности. Между тем, **ИИ развивается в открытом мире, где значительная часть не только программных, но и аппаратных решений базируется на разработках с открытым исходным кодом.**

Кроме того, **конкуренция между странами и компаниями происходит в электромагнитной среде. В ней нет границ, а соответственно, ни одна страна мира не может вырезать себя из глобальной сети без трагического ущерба для собственной безопасности.**

В XXI веке реализация ключевых проектов в области национальной безопасности предполагает не полную секретность, а, напротив, полную открытость.

Как известно, **Стратегия национальной безопасности США**, действующая в настоящее время, предполагает противоборство **на пяти полях боя** – в воздухе, на земле, на воде, в космическом пространстве и электромагнитной среде и в семи сферах противоборства, включая технологическую.

Конкуренция за первенство в ИИ – это наиболее яркое проявление глобального технологического конфликта, который охватил планету и по своим последствиям, возможно, превосходит традиционные политические, экономические и военные противоборства.

В докладе содержится положение, которое идентично высказываниям президента России Владимира Путина: **тот, кто выиграет в технологической гонке, в конечном счёте, станет победителем и в других. Проигравшие в технологической гонке в лучшем случае перестанут быть великими державами, а в худшем – утратят национальный суверенитет и даже могут превратиться в несостоятельные государства.**

Что Комиссия Конгресса понимает под ИИ

ИИ – это способность компьютерной системы решать те или иные проблемы, которые в противном случае потребовали бы участия человека. Технологии ИИ развивались на протяжении многих десятилетий. Например, распознавание образов, машинное обучение, компьютерное зрение, понимание естественного языка и распознавание речи – это технологии, берущие своё начало в 50-х годах прошлого века.

Нынешний бум ИИ по состоянию на конец 2019 года связан не с прорывами в области программирования и использования принципиально новых, не существовавших ранее вычислительных методов, а со скачкообразным наращиванием мощностей, быстродействия и экономичности аппаратной части, а также с принципиально новой телекоммуникационной связанностью мира, возможностями получения, архивирования и обработки больших данных.

В настоящее время и на ближайшую перспективу реалистичным будет наращивание и повышение эффективности так называемого **специализированного или слабого ИИ**. В рамках **слабого ИИ** компьютеры могут достичь превосходства над человеком в части решения вычислительных, алгоритмических, в конечном счёте, комбинаторных задач, выполняемых строго по правилам, в рамках которых осуществляется поиск и обработка огромных массивов данных на предмет выявления закономерностей, поиска аномалий и осуществления оптимизации конкретных показателей.

Совершенствование аппаратных устройств, в том числе использующих графические процессоры, позволило на практике всё шире использовать ма-

шинное обучение как способ решения поставленных перед компьютером задач. Многие исследователи ИИ вплоть до начала XXI века вдохновлялись перспективой создания компьютера, способного выполнять те же задачи, что и люди. Для такого рода компьютеров используется термин **“сильный ИИ” или “искусственно-генный интеллект (AGI)”**.

До настоящего времени не только медиа и университеты, но и многие компании пытаются создать прообразы AGI. Позиция Комиссии состоит в том, чтобы вместо расходования ресурсов, времени и способностей на несбыточную, по крайней мере, в среднесрочной перспективе, задачу гораздо более эффективно сосредоточиться на узких местах **слабого** или **специализированного ИИ**.

Уже сегодня **слабый ИИ**, или вычисления на основе больших данных в рамках алгоритмически заданных правил, позволяют успешно решать широкий спектр задач в области национальной безопасности, особенно **в сфере разведывательного прогнозирования и управления автономными робототехническими системами**.

По мнению Комиссии, ИИ не является лишь программно-аппаратным устройством, а представляет собой скорее реализацию обширного технологического пакета. Один из основоположников ИИ **Эндрю Мур** описывает ИИ как “массовую взаимоувязанную коллекцию технологических блоков, математико-формальных методов, телекоммуникационной связи, в совокупности называемых стеклом ИИ”.

Комиссия в качестве главного фактора развития ИИ и обеспечения американского лидерства видит таланты математиков, разработчиков, программистов. В конечном счёте, **главным в ИИ являются люди**. Соответственно, первоочередная задача для обеспечения американского лидерства – создать для людей, занятых разработкой, обслуживанием, эксплуатацией ИИ, наиболее благоприятные материальные и иные условия, комфортную среду для проживания, свободного обмена мнениями, работы в тех условиях, к которым они привыкли, и, конечно же, получение ими достойного вознаграждения и общественного признания. **Именно от привлечения талантов и обеспечения им наилучших условий работы и существования зависит победа США в гонке ИИ**.

Материализация ИИ

Исследователи вспоминают, что за последние 70 лет, как минимум, дважды – в начале 60-х и в конце 90-х годов – обществу казалось, что **сильный ИИ** уже рядом и скоро станет полноправным партнёром человека. Провал ожиданий дважды привёл к так называемым “зимам” ИИ, когда из отрасли уходили инвестиции, таланты и т. п.

Сегодняшняя ситуация отличается коренным образом. Более того, **сегодняшний прогресс ИИ – это, в основном, не плод новых открытий и достижений, а освоение методов, алгоритмов и теорий, разработанных 30–50 лет назад**. Сегодня они приносят дивиденды из-за прорывов в вычислительных мощностях, дешевизне телекоммуникаций, облачных вычислений, появления больших данных и наступления интернета во всех сферах жизни.

Именно развитие ИИ будет определять будущее власти. ИИ призван играть решающую роль в достижении экономических конкурентных преимуществ, укреплении обороноспособности и лучшем, чем когда-либо, регулировании общественного поведения населения. **Тот, кто первым обеспечит своему ИИ ощутимое превосходство, получит мантию мирового лидерства**. Эта мантия всё больше и больше зависит не от наличия или отсутствия у страны ресурсов, не от традиционной военной мощи и даже не от накопленных золотовалютных запасов, а от силы инновационной экономики, уровня развития ИИ, освоения новых, никогда ранее не использованных технологий в самых различных областях.

ИИ – это технология двойного назначения, используемая для военных и гражданских целей (можно выделить и третье назначение – криминальное. – **Е. Л., В. О.**). Однако эта простая дихотомия скрывает главное. **ИИ, по сути, является программно-аппаратной реализацией функции управления**. В быстром сложном мире именно управление определяет не только прогресс, но и, что ещё более важно, устойчивость обществ, возможность гибко и даже превентивно реагировать на внешние и внутренние вызовы.

Комиссия полагает, что **в ближайшем будущем исход борьбы за лидерство в мире будет определяться не столько в традиционных военно-политических конфликтах, сколько в ходе технологического противоборства** и, что является принципиально новым, будет зависеть от устойчивости государств и обществ к новым вызовам, в том числе к тем, которые называются **“чёрными лебедями”**.

ИИ и обороноспособность

ИИ, считает Комиссия, коренным образом изменит способы и инструменты защиты Америки. ИИ не только позволит более эффективно бороться с киберугрозами, но и за счёт обеспечения большей информационной осведомлённости и качества управления резко повысит эффективность всех видов вооружённых сил Соединённых Штатов. Возможность обработки больших объёмов данных позволит точнее оценивать риски и адекватнее в режиме реального времени реагировать на угрозы. Уже сегодня системы ИИ за счёт эффективных способов выявления аномалий позволяют превентивно отражать террористические и криминальные угрозы, а также **выявлять слабые сигналы наступающих опасностей**.

ИИ изменит методы работы разведывательных сообществ. ИИ позволит при прогнозировании, поиске аномалий и анализе связей в рамках одной задачи использовать терабайты разнородной информации. Анализ с поддержкой ИИ обеспечит более быструю и точную ситуационную осведомлённость и на этой основе повысит качество решений.

ИИ будет использоваться на разведывательное сообщество США ещё одним, достаточно необычным образом. Собственниками значительных объёмов ценной информации является частный бизнес. Поскольку разведка во всё возрастающей степени будет связана с анализом больших данных и ИИ, **следует ожидать не только передачи части государственной разведки бизнесу, но и формирования на постоянной основе государственно-частных разведывательных партнёрств**.

На будущих полях боя военные будут использовать машины с поддержкой ИИ, а также программно-аппаратные и телекоммуникационные средства на базе ИИ, обеспечивающие **координацию проведения сложных многодоменных операций**.

Наконец, ИИ коренным образом изменит понимание того, что мы называем войной. Традиционная война — это насилие и разрушение. Однако **гораздо эффективнее не разрушать, а подчинять**. Соответственно, применение ИИ позволит преобразовывать стихийную человеческую деятельность в такой набор операций и действий, который благодаря алгоритмизации становится более выгодным и менее энергозатратным. Такие примеры в нынешнем мире уже есть. Это — Uber, Amazone, Airbnb и т. п. Соответственно, **тот, кто сможет предложить более эффективные алгоритмы и одновременно подавить вражеские вычисления, станет лидером**. Некоторые считают, что этот аспект внедрения ИИ откроет принципиально новую эру — **эру алгоритмических войн**.

Алгоритмические войны — это не просто битва искусственных интеллектов. Это не разрушение сайтов и критических инфраструктур, как в кибервойнах, а **сражение алгоритмов против алгоритмов, управляющих деятельностью и поведением людей на основе их инстинктов, предпочтений и т. п.** Вероятно, в ближайшем будущем алгоритмические войны в гораздо большей степени определяют сущность конфликтов, нежели традиционные факторы, такие как численность войск, уровень вооружений, диапазон использования оружия. Вычислительные сражения будут определяться превосходством в данных, вычислительных мощностях, общей устойчивости систем, умением использовать человеческие инстинкты, стереотипы и привычки. Достижение такого будущего потребует разработки принципиально новых оперативных концепций, конструкций и способов развития конфликтов.

Комиссия также признаёт, что **смертоносные автономные вооружённые системы (LAWS) представляют собой важный аспект использования ИИ**. Комиссия стремится понять различные точки зрения на LAWS, а также оценить риски использования этих систем другими государствами и террористическими сетями.

Главные угрозы

ИИ усиливает и ускоряет существующие угрозы, а также создаёт новые. Они могут возникнуть из двух аспектов: из того, что противник может сделать с ИИ, а также из непредвиденных последствий собственного использования ИИ.

Комиссия выделяет несколько **основных направлений угроз**.

1) Эрозия военного преимущества США. По мнению Комиссии, стратегические конкуренты, и прежде всего Китай и Россия, стремятся максимально широко использовать ИИ, а также LAWS с ИИ в ходе своих военных операций, в рамках гибридных войн и прокси-конфликтов для подрыва военного превосходства США и лишения эффективности традиционной американской стратегии сдерживания.

2) Угроза стратегической стабильности. Глобальная стабильность и ядерное сдерживание могут быть подорваны, если системы с поддержкой ИИ позволят отслеживать и наносить удары по ранее неуязвимым целям. Дестабилизация ядерного равновесия в условиях ИИ может подтолкнуть отдельные государства к принятию более агрессивных стратегий, а главное, практических действий, что чревато быстрой и, возможно, неуправляемой эскалацией локальных конфликтов.

3) Неконтролируемое распространение ИИ. По мере того как платформы, приложения и фреймворки ИИ становятся все более доступными, растёт вероятность безрассудного и неэтичного использования ИИ государствами-изгоями, агрессивными государствами и негосударственными, в том числе террористическими субъектами. Как показывают консультации Комиссии с технологическими компаниями и университетами, уже сегодня агрессоры и преступники вполне могут создать ИИ, базируясь на выложенных в сеть свободных решениях и программах с открытым исходным кодом. Крайне угрожающим, по мнению Комиссии, является принятие решения технологическими гигантами об открытии платформ и фреймворков ИИ как ответ на их критику со стороны общественности и подозрения в злоупотреблении возможностями управления поведением. В результате этих, по большей мере, необоснованных подозрений, враждебные государства, террористы и преступники-одиночки уже сегодня могут создать не только простые, но и среднего уровня платформы, использующие ИИ. Это уже завтра станет огромной угрозой международной стабильности, целостности финансовой системы и безопасности личной жизни американцев.

4) Дезинформация и угрозы демократической системе. ИИ усиливает и без того серьёзные угрозы злонамеренного управления поведением через проведение кампаний дезинформаций, а также риски осуществления киберопераций, включая действия “под чужим флагом”. ИИ уже сегодня позволяет создавать deep fakes, неотличимые от подлинных фото- и аудиоконтента, видеороликов и т. п. Впервые в истории люди оказываются в информационной среде, в отношении которой они не могут быть убеждены, что это реальность, а не создание манипуляторов. Всё это может не только поставить под угрозу подведение итогов выборов, но, что гораздо страшнее, создать атмосферу тотального недоверия, дезинформации и агрессивности американцев, усугубить нарастающее разделение общества по обе стороны Атлантического океана.

5) Эрозия личной жизни и гражданских свобод. Новые инструменты ИИ предоставляют государствам несравнимо большие, чем раньше, возможности мониторинга, отслеживания и манипуляций поведением как собственных граждан, так и граждан других государств. Уже в настоящее время практически на каждого жителя в развитых государствах и значительной части развивающихся имеются цифровые профили, включающие не только профессиональные, идентификационные данные, но и сведения об их поведении онлайн и офлайн, а также чувствительные персональные данные, связанные с убеждениями, религиозной принадлежностью, состоянием здоровья, психики и т. п. Внедрение ИИ в комбинации с системами видеонаблюдения и интернетом вещей превращают весь цифровой мир в средство копирования любых следов личности и создают предпосылки для полной информационной осведомлённости собственников платформ и брокеров данных о поведении как отдельных граждан, так и любых их совокупностей. В этой связи особую тревогу Комиссии вызывает использование Китаем ИИ для создания систем

тотального мониторинга поведения, включая видеонаблюдение. У Комиссии имеются задокументированные данные о том, что китайские системы размещены и работают минимум в 74 странах, включая многие либеральные демократии.

6) Всё более опасные кибератаки. ИИ мультиплицирует риски и угрозы кибератак. Уже сегодня есть свидетельства наличия шпионских, боевых киберплатформ, ранее привычно называемых вирусами, управляемых ИИ. ИИ находит слабые секторы в антивирусной обороне и системах информационной безопасности и рассчитывает способ их преодоления. Кроме того, сами по себе суперкомпьютеры и облачные серверы, связанные с ИИ, становятся приоритетной целью для кибератак. По мере того, как весь мир переходит к интернету всего, где всё – от автомобилей до критических инфраструктур – управляется ИИ, именно кибервооружение становится одновременно наиболее разрушительным, экономичным и вероятно доступным видом оружия массового поражения. Комиссия считает, что мир со стратегическим кибероружием не обладает встроенными механизмами предупреждения конфликтов, которые существовали в прошлом, когда обе стороны – США и СССР – знали о так называемом гарантированном ответном ядерном ударе.

7) Новые методы, приносящие новые уязвимости. ИИ станет желанным инструментом для злоумышленников и преступников всех видов и направлений. Они будут не столько разрушать системы ИИ, сколько брать их под управление, либо, в крайнем случае, получать доступ к этим системам, чтобы в нужный момент использовать в своих целях.

8) Опасность непредвиденных чрезвычайных ситуаций. Новые технологии создают дополнительные риски для безопасности и надёжности. Относительно бедные и технически неразвитые страны вполне могут пользоваться ИИ по модели SAAS, то есть “сервис как услуга”. Это может привести к крупномасштабным катастрофам и инцидентам в развивающихся государствах. Что касается Соединённых Штатов, то здесь возникает другая опасность. Поскольку в интернете всё связано со всем, то, несомненно, будут связаны друг с другом и ИИ. Уже сегодня специалисты не вполне понимают ход вычислений, который приводит к тем или иным выводам. Завтра же массовое внедрение ИИ может создать сверхсложную среду, где люди будут неспособны принимать оптимальные решения и раз за разом ошибаться.

Период неопределённости

Возрастающую технологическую неопределённость порождает комбинация возможностей, рисков и угроз в изменчивой, турбулентной политической, экономической и технологической среде. В обществе существует высокая степень обеспокоенности по поводу последствий использования ИИ, особенно в значительной степени в засекреченной сфере национальной безопасности. В процессе работы Комиссия не раз встречалась с мнениями руководителей бизнеса и правительственных организаций, ведущих исследователей относительно рисков негативного воздействия ИИ на общество, экономику и правопорядок. Комиссия указывает следующие риски.

А. Многие эксперты в области обороны призывают Соединённые Штаты как можно быстрее поставить на вооружение LAWS с управлением ИИ. По их мнению, это позволит Соединённым Штатам оставаться конкурентоспособными в конфликтах с государствами, уже эксплуатирующими LAWS с поддержкой ИИ, а также спасти жизни американцев и сократить жертвы среди гражданского населения. В то же время представители гражданского общества и многие разработчики призывают Соединённые Штаты отказаться от LAWS с поддержкой ИИ, полагая, что в противном случае Америка развяжет гонку киберфизических вооружений, управляемых ИИ, которая может привести к катастрофическим последствиям. Некоторые технические работники, обеспокоенные тем, что их усилия в части развития ИИ могут быть использованы в военных целях, призвали своих работодателей ограничить сотрудничество с Министерством обороны, а желательно прекратить его вообще. В то же время военные, а также руководители технологических компаний указывают, что важнейшим преимуществом Китая перед Соединёнными Штатами является участие абсолютно всех команд и коллективов разработчиков ИИ в реализации общенациональной программы военного использования ИИ. По их мнению, **отказ тех или иных**

американских специалистов и групп от сотрудничества с Министерством обороны в области ИИ является прямым пособничеством противнику.

Б. Технологические фирмы создают комитеты по этике для разработки руководящих принципов работы в области ИИ и интернета вещей, а также предлагают на законодательном уровне запретить правительству США иметь дело со странами, которые используют ИИ для угнетения своих граждан. Значительная часть американских военных, руководителей технологических компаний выступают за более активное, вплоть до **принятия законодательных актов, противодействие Соединённых Штатов китайскому “цифровому авторитаризму”**, который давно уже вышел за пределы Китая и становится, по их мнению, угрозой для всего человечества.

В. Компании и университеты подчёркивают, что изоляционизм и замыкание исключительно на внутренних проблемах США создаёт стратегическую угрозу, прежде всего, для самих Соединённых Штатов. Технологический бизнес однозначно высказывается за широкое международное сотрудничество, за более **активное привлечение талантов и высококвалифицированных специалистов в Соединённые Штаты**. Сотрудники национальной безопасности и правоохранительных органов подчёркивают, что новый американский изоляционизм успешно используется Китаем, максимально широко привлекающим компьютерные таланты со всего мира и стремительно развивающим международное сотрудничество в области ИИ.

Альтернативное видение будущего

Прогноз Комиссии носит не столько аналитический, сколько нормативный характер. Комиссия описывает будущее таким, каким хотелось бы его видеть, которое, наверняка, таким не будет.

Комиссия представляет себе мир, в котором ИИ используется для продолжения и обогащения жизни, для развития способностей и расширения возможностей для максимального числа американцев. Комиссия надеется, что благодаря целенаправленной работе удастся блокировать наибольшие опасности и снизить риски негативного воздействия ИИ на Америку. Комиссия полагает, что одна из главных миссий ИИ – это освободить людей от тяжёлых, однообразных, негативно влияющих на здоровье человека работ. В отличие от сегодняшних опасений, технологии ИИ помогут сделать мир более прозрачным и предсказуемым. Это будет мир, где системы ИИ используются в соответствии с основными ценностями, которыми дорожат американцы. Он будет защищать, а не ослаблять права американцев, закреплённые в конституционных документах.

В то же время не меньше шансов на реализацию имеет и **чёрная сторона будущего**. Вполне вероятно, что **“цифровой авторитаризм” перестанет быть прерогативой Китая и союзных ему стран и станет ответом на усиливающиеся экономические, политические, социальные кризисные явления во всём мире**. “Цифровой авторитаризм” вполне может отбросить человечество даже не в Средневековье, а гораздо дальше, во времена рабовладельчества или кастового строя. Главная опасность ИИ состоит в том, что он мультиплицирует риски тоталитаризма и диктатуры, которые существовали и существуют на протяжении всей человеческой истории. Особое опасение вызывает тот факт, что наряду с системным “цифровым авторитаризмом” в Китае **отдельные элементы этого строя начинают проявляться и в либеральных демократиях по всему миру**.

ИИ способен дестабилизировать глобальный мир, покоящийся на взаимном страхе перед применением ядерного оружия. В отличие от ядерного оружия, кибервооружения, управляемые ИИ, позволяют уничтожить объекты критической инфраструктуры, экономический потенциал, городские инфраструктуры и население в строго дозированных, заранее установленных масштабах. Соответственно, **снимается главное преимущество ядерного оружия как гаранта мира – обязательность взаимного уничтожения**. Комбинация развитого ИИ и кибервооружений позволяет агрессорам надеяться на **первый победный обезоруживающий удар**, после которого противник не только не сможет восстановить политическое и экономическое управление, но и не будет способен нанести ответный киберудар.

Согласование основных принципов

Комиссия надеется начать в США **широкую национальную дискуссию в части использования ИИ для национальной безопасности**. В рамках дискуссии ставится задача сформировать общенациональный консенсус вокруг **базовых принципов взаимодействия между ИИ и национальной безопасностью**.

I. Глобальное и безусловное лидерство в технологиях ИИ является приоритетом номер один национальной безопасности. Учитывая центральную роль ИИ в будущей экономике, общественной жизни и национальной безопасности, правительство США должно разработать и неуклонно проводить в жизнь на двухпартийной **основе инвестиционную стратегию, направленную на увеличение технологического преимущества Америки перед остальным миром в области ИИ**.

Глобальное лидерство, считает Комиссия, предоставляет оборонным учреждениям и органам правопорядка США доступ к лучшим технологиям и ставит Соединённые Штаты в наилучшее положение в этой области. Глобальное лидерство создаёт возможность для активной политики Соединённых Штатов по развёртыванию системы международных норм, стандартов и договоров, касающихся ИИ. Во время как американские компании будут продолжать играть ключевую роль в исследованиях, разработках и эксплуатации ИИ, правительство должно нести основную ответственность за финансирование фундаментальных и рискованных исследований в области ИИ.

II. Принятие ИИ как центральной платформы обороны и безопасности является безотлагательным национальным императивом. Главными направлениями первоочередного применения ИИ в сфере национальной безопасности является национальное разведывательное сообщество, использование ИИ для повышения оборонной и наступательной мощи кибервооружений, сил специального назначения, а также высокотехнологичных войск и подразделений.

На базе их Комиссия ставит задачу **осуществить глубокую модернизацию инфраструктуры обеспечения полной информационной осведомлённости и интеллектуального превосходства американских вооружённых сил на поле боя**. Военнослужащие должны иметь доступ к самым передовым технологиям ИИ для защиты американского народа, американского образа жизни и союзников.

III. Руководители частного сектора, должностные лица, отвечающие за обеспечение благосостояния и безопасность американского народа, должны более активно, чем в последние годы, наращивать и повышать эффективность инвестиций в фундаментальные и прикладные исследования по теме ИИ.

Особая роль в значительном увеличении этих инвестиций принадлежит федеральному правительству, включая вооружённые силы и национальное разведывательное сообщество. Они должны брать на себя наиболее спорные рискованные инвестиции и в случае успеха передавать их в частный сектор при условии максимального вклада частного сектора в укрепление американского лидерства в сфере использования ИИ для национальной обороны. **Промышленность должна помогать правительству обеспечить американское лидерство**, а правительство – не только предоставлять инвестиции, но и формулировать политику ответственного использования ИИ в целях национальной безопасности.

IV. Таланты остаются главным и важнейшим фактором обеспечения лидерства в области ИИ. Комиссия ставит задачу в ближайшие несколько лет осуществить глубокую реформу американской средней школы как основу образовательной системы на базе STEM. Необходимо прямо сказать нации, что в ближайшем будущем высококвалифицированная миграция имеет важнейшее значение для обеспечения кадрами высоких технологий вообще и ИИ, в частности.

Одно из важнейших преимуществ Америки – это высшее образование и технологический бизнес. Они являются магнитами, притягивающими лучшие таланты в области ИИ со всего мира. Высочайший уровень образования, неограниченное финансирование стартапов, свобода и безопасность, которые может предоставить Америка, позволяют стране **приобретать лучшие кадры, прежде всего, из Китая и России**. Дословно в докладе ставится

задача “поощрять этот процесс и иметь в виду, что любой специалист – программист, разработчик в области ИИ – приехавший в Америку из Китая, России и других стран “цифрового авторитаризма” – это не только большой плюс в копилку американского лидерства, но и минус для потенциала стран, откуда они уехали. Необходимо на двухпартийной основе как можно скорее принять дополнительные законодательные решения, облегчающие миграцию в США подобным кадрам и облегчающие их обустройство в Америке”.

V. Открытая инновационная среда ИИ основывается на принципах свободного исследования, свободного предпринимательства и свободного обмена идеями. В докладе ставится задача и далее **использовать ограничения экспорта технологий в “злонамеренные агрессивные страны”**. При этом такого рода запреты должны быть связаны не только с фактом прямой агрессии, но и с принятием теми или иными странами курса на цифровой авторитаризм, подавление прав и свобод собственных граждан. Комиссия считает, что **традиционный экспортный контроль уже недостаточен для поддержания конкурентоспособности США в области ИИ**. Вместо традиционного контроля, основанного на формировании списков запрещённых компонентов, правительству стоит рассмотреть вопрос **о распространении на экспорт программной, аппаратной, инфраструктурной и производственной компонент ИИ тех же принципов, которые действуют в сфере контроля над экспортом вооружений**. Контроль над экспортом вооружений сосредотачивается не на составлении списков товаров, запрещённых к экспорту, а на перечне стран, куда экспорт вооружений запрещён либо непосредственно, либо через государства и компании-посредники.

VI. Американский ИИ должен отражать американские ценности, в том числе безусловное верховенство закона, свободы и равноправия граждан. Для федеральных правоохранительных органов, проводящих расследования с использованием ИИ, это означает, что они должны чётко соответствовать конституциональным принципам и надлежащим правовым процедурам, во всех случаях учитывать неприкосновенность личной жизни и отсутствие дискриминации. Для американской дипломатии это означает, что она должна всеми возможными способами противодействовать применению ИИ для установления и укрепления “цифрового авторитаризма”, подавления свободы личности или нарушения прав граждан. Использование ИИ для цифрового авторитаризма не может быть внутренним делом какой-либо страны. Американские идеалы свободы, демократии и равенства, заявляет Комиссия, требуют бороться не только за американские ценности в Америке, но и **поддерживать борьбу народов против “цифровых авторитарных режимов”**.

Паника в окружении Трампа из-за развития ИИ в Китае

За лозунгами об “отстаивании американских идеалов свободы” фактически прячется паника в окружении Трампа из-за взлёта исследований ИИ в Китае. Комиссия в своём докладе прямо пишет, что **угрожающим выглядит 30-кратное увеличение Китаем финансирования НИОКР в области ИИ за период с 1991 по 2015 год**. Есть все основания полагать, что **Китай к 2030 году обойдёт Соединённые Штаты по размерам расходов на НИОКР, производство и обслуживание ИИ**. Сокращается лидерство Америки и по такому ключевому показателю, как научные публикации. Специалисты в области анализа научно-технических разработок в 2019 году пришли к выводу, что **Китай уже в 2020 году превзойдёт Соединённые Штаты по количеству авторов наиболее цитируемых публикаций в области ИИ в рамках 10% наиболее цитированных документов, а к 2025 году авторов в рамках 1% наиболее цитируемых исследований**.

Китай начинает резко сокращать отставание от Соединённых Штатов в области коммерческой эксплуатации ИИ. Китайские технологические фирмы готовы стать лидерами в области прикладного использования ИИ, особенно в отраслях электронной коммерции, образования и здравоохранения. Развитие таких китайских фирм, как Baidu, Alibaba, Tencent, iFlytek, и Sensetime, не только создаёт угрозу коммерческим позициям американских технологических гигантов, но и проблемы для национальной безопасности США. Эти и другие компании гораздо большую долю средств по сравнению с американскими гигантами расходуют на поддержку лабораторий, работающих

в сферах глубокого обучения, нейроподобных компьютеров, прямого интерфейса “мозг-компьютер”, а также в сфере дополненной реальности.

Китай фактически создал единый военно-гражданский комплекс ИИ. Концепция “военно-гражданского слияния” провозглашена КПК как главной принцип развития науки, технологий и производства. **Китай отказался от какого-либо разграничения между гражданскими и военными разработками и исходит из принципа, что любая технология ИИ имеет и военное, и гражданское применение.**

Китай старается максимально использовать американский опыт особого порядка финансирования прорывных исследований на основе DARPA и IARPA. В частности, именно таким образом китайцы развивают так называемый роевой ИИ, нейроподобные компьютеры, вероятностные компьютеры и стаи автономных роботизированных систем вооружения с центральным ИИ.

Китай пытается конкурировать на мировом рынке талантов с Соединёнными Штатами. Китай прилагает активные усилия по привлечению глобальных талантов ИИ. При этом особый упор он делает на перехват талантов из России, Украины, Пакистана, некоторых латиноамериканских стран.

Комиссия делает вывод, что без изменения отмеченных выше тенденций **Соединённые Штаты могут допустить ликвидацию отставания Китая в области исследования, разработок и применения ИИ.** Это может иметь не только печальные экономические и политические последствия, но и поставить под угрозу национальную безопасность США и глобальную стабильность (риторика военного времени. – Е. Л., В. О.).

Как американцы собираются ответить на китайский вызов

В докладе Комиссии подчёркивается, что противоборство с Китаем в сфере ИИ представляет для Соединённых Штатов самую сложную, чреватую рисками угрозу со времён соперничества с СССР периода “холодной войны”.

Учитывая нынешнюю торговую напряжённость между США и Китаем, а также обостряющуюся военно-политическую глобальную конкуренцию, многие задаются вопросом, не должны ли Соединённые Штаты оперативно осуществить комплекс мер, направленных против китайской экспансии.

Китай уже долгие годы выигрывает от открытого характера академической и коммерческой экосистем США и, как считает Комиссия, беззастенчиво крадёт интеллектуальную собственность в области ИИ на миллиарды долларов. Американские университеты за последние 15 лет подготовили многих ведущих китайских исследователей ИИ. Многие американские университеты и технологические компании зависят от китайских инвестиций и от взаимодействия с китайскими федеральными органами власти. Начиная с 2005 года десятки китайских компаний, в том числе все крупнейшие, создали исследовательские лаборатории и бизнес-филиалы в Соединённых Штатах. Американские венчурные капиталисты финансируют ИИ-стартапы в Китае, в то время как китайские суверенные фонды инвестируют и скупают лучшие американские стартапы в области ИИ.

Комиссия располагает многочисленными сведениями о конкретных примерах краж интеллектуальной собственности и осуществлении шпионских программ китайцами против американского научно-технологического сектора. Директор ФБР Кристофер Рей недавно заявил, что Бюро имеет “данные о китайской шпионской активности, расследованием которых занимаются все 56 полевых региональных отделений Бюро. Эти расследования охватывают почти все отрасли или сектора”, в первую очередь, ИИ, биотехнологии и интерфейсы “мозг-компьютер”. По данным Министерства юстиции, “с 2011 по 2018 год более 90% дел, открытых по фактам шпионажа на территории США, связаны с Китаем. Также на Китай приходится 2/3 случаев нарушения коммерческой тайны”.

Комиссия полагает, что Соединённые Штаты столкнулись со сложной проблемой. С одной стороны, китайским шпионским операциям, а также воровству интеллектуальной собственности надо дать жёсткий отпор. В то же время в ходе предварительных слушаний представители американской промышленности и научных кругов предупреждали, что **глубокие человеческие контакты и взаимодействие в части программно-аппаратных средств, цепочек**

поставок и т. п. не могут быть разорваны без значительных экономических издержек и непредвиденных последствий для экономики США. С этой точки зрения американские университеты, лаборатории и компании могут потерять доступ к важным рынкам и любопытным исследованиям. В долгосрочной перспективе Соединённые Штаты при разрыве взаимодействия с Китаем могут быть лишены понимания китайских достижений в области ИИ. Кроме того, по мнению бизнеса, уход американских компаний из Китая и разрыв сотрудничества позволит эту нишу заполнить компаниями других стран.

Соответственно решение не может быть однозначным, а выбор не сводится к дилемме: тесное сотрудничество или полный разрыв. Комиссия будет стремиться определить перечень конкретных действий, которые наметят разумный путь вперёд при сохранении элементов сотрудничества в условиях лучшей защиты американских интересов.

От Е. Л. и В. О. – информация для размышления: известный американский экономист Нуриэль Рубини в своей статье “Трамп снова сделает Китай великим” (*Project Syndicate* от 23.12.2019) пишет: “США опасаются, что председатель КНР Си Цзиньпин, отказавшись от совета своего предшественника Дэн Сяопина “скрывать свою силу и ждать своего времени”, перешёл к стратегии агрессивного экспансионизма”. В то же время Рубини полагает, что “китайцы, вероятно, предпочитают, чтобы Трамп был переизбран в 2020 году. Он может быть помехой в краткосрочной перспективе, но, получив достаточно времени в должности, он разрушит стратегические союзы, которые формируют основу американской мягкой и жёсткой силы. Как настоящий “Маньчжурский кандидат”, Трамп снова сделает Китай великим”.

Американские преимущества

Соединённые Штаты по состоянию на начало 2020 года сохраняют целый ряд преимуществ. **Американские университеты остаются ведущими центрами исследований и разработок в области ИИ.** В Соединённых Штатах на государственный и частный сектора продолжают работать около 80% докторов наук по дисциплинам, связанным с ИИ, включая и китайских специалистов. На Соединённые Штаты приходится 3/4 из 100 лучших ИИ стартапов в мире за 2019 год. В Соединённых Штатах функционирует в два раза больше стартапов в области ИИ, чем в Китае. Если эту оценку расширить и объединить активы в области ИИ, США, Великобритании, Израиля, Канады, Австралии, Японии и активных европейских стран НАТО, то превосходство американского блока над Китаем и его партнёрами выразится соотношением порядка 1 к 7.

Правительственные органы США начинают осознавать критическую важность ИИ для национальной безопасности. Однако большинство правительственных должностных лиц, кого опрашивала Комиссия, полагают, что их работа разворачивается ещё достаточно медленно, а эффективным решениям препятствуют бюрократические процедуры, порождённые правительственными стандартами документооборота и отчётности. Комиссия считает, что правительство США пока находится на стадии принятия решений и выпуска документов и не приступило к практической работе по ускоренному развитию ИИ.

В определённой степени недостаточная эффективность работы правительства США в области ИИ связана с тем, что ИИ не соответствует традиционной парадигме технологического развития, движимой федеральными долларами с последующей доработкой за счёт ассигнований бизнеса. С ИИ происходит обратное. Министерство обороны в основном адаптирует для национальной безопасности уже имеющиеся решения и технологии, разработанные технологическими гигантами и стартапами.

В результате сложилось противоречие между двумя блоками технологий ИИ. С одной стороны, Министерство обороны и разведывательное сообщество адаптируют для целей национальной безопасности коммерческие решения, базирующиеся на теоретическом заделе 70–90-х годов прошлого века. С другой стороны, университеты, исследовательские лаборатории и стартапы нарабатывают альтернативные и прорывные технологии ИИ. Однако им не хватает финансирования. В настоящее время решающую роль играет федеральная поддержка не прикладных разработок, как это имеет место в традиционном типе взаимоотношениями между правительством и частным сектором,

а инвестирование в высоко рисковые, находящиеся на ранней стадии разработки в области ИИ, которыми занимаются университеты, стартапы и крупные технологические фирмы.

После окончания “холодной войны” реальный инновационный потенциал государственных ассигнований из года в год снижается. В настоящее время он сосредоточен на доведении до технологической стадии уже опробованных исследований и разработок. В результате инвестирование происходит в режиме догоняющего финансирования, когда правительство пытается интегрировать ИИ в существующие инфраструктуру и технологии, которым иногда уже несколько десятилетий.

Инвестирование в исследования и разработки ИИ

Основа глобальной конкурентоспособности Америки в области ИИ связана с достижением технологических прорывов в федеральных, научных и коммерческих разработках. Технологические НИОКР в Соединённых Штатах уже давно движимы **“трёхсторонним альянсом” между государственными учреждениями, университетами и частными компаниями** (в том числе не только технологическими гигантами, но и стартапами). Созданный в период “холодной войны”, этот альянс привёл страну к глобальному технологическому лидерству и экономическому процветанию, позволил создать и воплотить в жизнь технологические пакеты интернета, стелс и глобальной системы позиционирования (GPS).

Эти разработки были, как минимум, на поколение впереди того, чем располагали конкуренты США. Многие из нововведений, прежде всего, связанные с интернетом и производством микропроцессоров, в конечном счёте обеспечили абсолютное лидерство американского технологического сектора, беспрецедентный рост его капитализации в начале XXI века. Завершение “холодной войны” и война с терроризмом заметно изменили соотношение сил в треугольнике. **Государство в основном ушло из сферы прорывных и непарадигмальных (экстраординарных, лежащих вне традиционных научных парадигм) технологических инноваций. Федеральное финансирование НИОКР сокращается из года в год на протяжении десятилетий.** В то же время коммерческий сектор, взяв на себя львиную часть ассигнований на исследования и разработки, основное внимание уделяет не фундаментальным исследованиям, подрывным инновациям (меняющим нашу жизнь до неузнаваемости) и непарадигмальным разработкам, а доведению до технологического уровня исследований и разработок, созданных в предыдущие годы, а иногда и десятилетия.

Хотя правительство сохраняет ключевую роль в поддержке фундаментальных научных исследований, а также исследований, прямо относящихся к национальной безопасности, государственные инвестиции в условиях бюджетного дефицита направляются во всё менее рискованные, а соответственно, всё более приближенные к эксплуатационной фазе решения и разработки.

За последние годы урезание ассигнований на НИОКР, в том числе в сфере ИИ, и акцент на удовлетворение текущих потребностей в ущерб перспективе создали ощутимую угрозу для будущего подрывных инноваций в области ИИ. В итоге **лидерство Америки может оказаться под угрозой гораздо раньше, чем это представляется политикам, государственным служащим и военным в настоящее время.**

Потеря национального лидерства в области разработки ИИ будет означать, что американские военные и разведывательные органы должны будут приобретать аппаратные решения за пределами США, возможно, даже в Китае. Это будет означать подлинную трагедию, которую необходимо предотвратить любой ценой.

В докладе Комиссии содержится абсолютно циничный, но объективный вывод о том, что **“перед США есть наглядный пример России, Франции, которые когда-то были лидерами в IT-технологиях, располагали возможностями производства полного национального стека компьютерных решений, а в настоящее время целиком зависят от США, Китая и иных стран”.**

ИИ в противовес мнению государственных служащих – это не столько программная часть, сколько аппаратные устройства и телекоммуникационные системы. Только способность страны полностью произвести

все три компонента на своей территории гарантирует её суверенитет в эпоху ИИ.

Соглашение о внутреннем консенсусе

Комиссия делает вывод, что по состоянию **на сегодняшний день федеральное финансирование ИИ в США является недостаточным и не позволяет не только упрочить американское лидерство, но и сохранить его в перспективе до 2025 года.**

За последние пять лет федеральное финансирование научных исследований в области компьютерных наук, в рамках которого инвестируется ИИ, увеличилось в Америке всего на 12,8%, притом что в Китае ассигнования на ИИ увеличились более чем в два раза.

Правительство США имеет опыт, как вложить ресурсы в дерзкие технологические проекты и обеспечить их исторические успехи. Лучшие примеры этого – программа “Аполлон” и проект “Геном человека”. За последние 10 лет китайское правительство тщательно изучило успешные амбициозные советские программы и опыт государственных мегапроектов США и разработало на этой основе собственные, подкреплённые ресурсами технологические мегапроекты, в том числе по ИИ. **На фоне Китая продолжение политики финансирования фундаментальных исследований в области ИИ по остаточному принципу правительством США приведёт к подлинному краху. Уже в настоящее время Соединённые Штаты по показателю общих расходов на НИОКР в процентах от ВВП занимают лишь десятое место в мире, тогда как в 1985 году – первое.**

Увеличение федеральных инвестиций в НИОКР может стимулировать развитие:

- базирующихся на иных, нежели нейронные сети, ИИ, вдохновлённых нейронаукой;

- создание отказоустойчивых ИИ, опережающим образом реагирующих на попытку взлома, перехвата управления или разрушения;

- развитие облачной инфраструктуры, помеченных обучающих данных и других инноваций для исследователей ИИ;

- создание оборудования нового поколения, использующего в том числе нейроморфные чипы, квантовые вычисления, процессоры для вероятностных компьютеров, графовые семантические вычисления на основании сверхмощных видеокарт и т. п. ;

- а также разработку и опробование новых решений для управляемых ИИ коллективов самообучающихся автономных роботизированных устройств различного назначения.

Ограниченная доступность федерального финансирования способствует **перетоку мозгов из академических кругов в бизнес.** Эта тенденция подрывает наши способности заниматься подрывными инновациями и обучать следующее поколение. Правительство должно преодолеть эту тенденцию в ближайшее время.

В координации работ по ИИ должна резко возрасти роль **Национального Научного Фонда (NSF).** В настоящее время Фонд управляет 85% всех федеральных ассигнований на научные исследования в области ИИ со стороны правительства. Комиссия считает необходимым в течение ближайших двух лет, как минимум, удвоить текущий бюджет NSF на развитие ИИ и близкие научные направления, которые на 2020 финансовый год составляют чуть менее 1 млрд долларов.

Комиссия рассматривает ряд моделей, которые могли бы активизировать финансирование НИОКР в области ИИ. Например, предлагает учредить в рамках NSF Национальный институт ИИ, по своему функционалу и инвестиционным возможностям напоминающий Национальный институт рака.

Комиссия также предлагает направить дополнительные федеральные ассигнования, в том числе не из научных статей бюджета, на **создание инфраструктуры новых высокотехнологичных кластеров, подобных Силиконовой Долине.** За основу может быть принят опыт Канады, которая в течение двух лет развернула мощные кластеры ИИ на базе университетов Эдмонта, Торонто и Монреаля.

Ещё одна многообещающая инициатива включает в себя **предоставление целевых инвестиций не в темы или изделия, а непосредственно в руководителей лабораторий, специализирующихся на ИИ, предоставив им самим право выбирать конкретные направления исследований.** Правительство США должно расставить приоритеты в области федеральных усилий по развитию ИИ и в срочном порядке осуществить инвестиции в этой области, нацеленные на национальную безопасность.

Комиссия полагает, что принятые президентские и правительственные документы, а также решения Конгресса уже создали исчерпывающую базу для скорейшего развёртывания практической работы в области ИИ. Именно на практике, а не на принятии новых постановлений должны быть сосредоточены усилия национальных органов в 2020–2022 годы.

В условиях бюджетных ограничений настало время перераспределить научный бюджет Министерства обороны и разведывательного сообщества в пользу ИИ за счёт ограничения расходов на традиционные виды вооружений, которые не предусматривают качественного совершенствования, а продляют свой срок жизни лишь за счёт модернизации.

Применение ИИ в сфере национальной безопасности

Комиссия пришла к выводу, что по состоянию на 2019 год Министерство обороны и в несколько меньшей степени разведывательное сообщество далеки от реализации уже имеющихся выгод в применении ИИ. Главная причина этого – не ограничения финансирования, а различного рода **бюрократические барьеры и несоответствие новым реалиям старых нормативных документов.** Технологические прорывы в лабораториях и на производстве гасятся в сфере документооборота даже тогда, когда он является электронным.

По мнению Комиссии, в настоящее время **в сфере правительственных усилий по ИИ царит хаос и бюрократический беспорядок.** Удалось выявить, что в настоящее время в рамках правительства в условиях недостатка ресурсов приняты и осуществляются более 600 программ развития ИИ. Очевидно, что такое **мелкотелье приводит к тому, что ни одна из программ не рассчитана на достижение действительно прорывных результатов и на технологические прорывы.** Деньги в рамках программ в основном расходуются не на исследования и разработки, а на подготовку различного рода документации, или, что ещё более удивительно, на проведение аудита того, чего нет в природе.

Комиссия пришла к выводу, что **традиционные подходы к американской системе демократии, свобода и открытость зачастую мешают развивать важные направления использования ИИ.** Например, Министерство обороны в рамках программы Maven широко привлекает к разработке общенациональной системы видеораспознавания и видеомониторинга университеты и крупнейшие технологические компании. В течение 2019 года ряд ключевых для программы технологических гигантов и стартапов отказались участвовать в программе, мотивируя это протестами общественности, гражданских активистов и части собственных работников относительно допустимости видеонаблюдения в Америке. В результате, по состоянию **на сегодняшний день, Америка даже не приступила к опробованию систем видеомониторинга, которые в рамках “цифрового авторитаризма” не только покрывают все города Китая, но и стали предметом китайского экспорта!**

Лидерство в разработке и использовании ИИ требует иных подходов

Нынешняя система финансирования разработки и приобретения технологий разработана в Министерстве обороны 40 лет назад принципиально для иных типов и видов вооружения. В результате прорывные решения входят в противоречия с управленческими процедурами. Например, разработка приложений в области ИИ может занять месяц. Но для получения разрешений на получение информации, необходимой для разработки, требуется иногда более шести месяцев, а на принятие решения о начале финансирования – до года. **Этот процесс, разработанный для ограничения военных расходов в мирное время, совершенно не подходит для ситуации с ИИ** (вновь Комиссия переходит на риторику военного времени. – Е. Л., В. О.).

По сути, **американским разработчикам и пользователям ИИ приходится вести две схватки: одну – с Китаем, вторую – с собственными федеральными учреждениями.** Кроме того, Министерство обороны привыкло работать с технологическими гигантами. Между тем, в сфере ИИ значительная часть подрывных инноваций создаётся небольшими компаниями, стартапами, а иногда даже неформальными коллективами разработчиков. У Министерства обороны нет ни опыта, ни желания, ни организационных процедур, чтобы работать с такими командами и компаниями. Более того, выделение такого рода субъектам финансовых ассигнований рассматривается аудиторами как косвенный указатель на возможную коррупцию. В этих условиях Министерство обороны отрезает себя от значительной части наиболее эффективных разработчиков.

Нельзя сказать, что Министерство обороны ничего не пытается изменить. Так, в 2019 году созданы государственно-частные партнёрства по развитию ИИ с MIT и университетом Карнеги-Меллона.

Существует противоречие между стремлением заказчика получить надёжные и безопасные решения и потребностью разработчика проверить платформы в реальных условиях. В существующей системе контрактации для Министерства обороны предусмотрена сдача полностью готовых, протестированных изделий. Однако в случае ИИ это невозможно. ИИ по своей природе требует дообучения на практических повседневных реальных данных. Поэтому необходимо изменить в соответствии с современными требованиями порядок контрактации.

Даже самые передовые алгоритмы ИИ потерпят неудачу, если будут реализовываться на компьютерах с недостаточной вычислительной мощностью. Хотя **Америке принадлежит 2/3 из 50 наиболее мощных суперкомпьютеров**, проблема вычислительной мощности для ИИ остаётся острой. Суперкомпьютеры на сегодняшний день – это в подавляющем большинстве научные машины. Массовому производству сверхмощных компьютеров, ориентированных в том числе на облачные вычислительные платформы, а именно такие компьютеры нужны ИИ, пока уделяется меньше внимания, чем они того заслуживают.

Нельзя не отметить, что правительство США не использует должным образом коммерческий ИИ для улучшения своей повседневной работы и экономии средств налогоплательщиков. **Несмотря на многочисленные решения, министерства и ведомства правительства так и не перешли к электронному документообороту, так и не оцифровали, в отличие от университетов и бизнеса, своих архивов, так и не перешли на предоставление сведений в машиночитаемой форме.**

Обучение и рекрутинг талантов в области ИИ

Комиссия делает вывод, что **оборонные и разведывательные ведомства США нуждаются в кадровой революции. Значительная часть их работников не только не способна заниматься разработкой ИИ на стадии определения технических заданий, но и не подготовлена к его эксплуатации. Особенно это характерно для гражданских министерств и учреждений правительства.**

До сих пор кадровая работа на федеральном уровне характеризуется беспорядочным набором и отсутствием продуманной системы управления талантами в сочетании с отсутствием вычислительных мощностей и качества больших данных правительственного характера. Комиссия полагает, что конкурировать с бизнесом и университетами за таланты правительству будет чрезвычайно сложно. Поэтому необходимо шире использовать практику государственно-частных партнёрств. В рамках этих партнёрств функции разработки должны оставаться за бизнесом и университетами, а эксплуатации – за правительственными учреждениями. Соответственно, главная цель правительства в кадровой работе состоит в том, чтобы в сотрудничестве с университетами начать сплошную переподготовку административных кадров к использованию ИИ. Вероятно, **в ближайшие два-три года специалист, не прошедший переподготовку по применению ИИ и не сдавший квалификационный экзамен, не должен иметь возможность занимать сколь угодно значимую должность в правительстве.**

Согласно рекомендациям Комиссии, органам и структурам национальной безопасности необходимо пересмотреть требования к кадрам в связи с революцией ИИ. Они должны быть способны качественно и эффективно выполнять шесть функций:

- планирование и разработку организационных документов;
- приобретение и обслуживание программно-аппаратных средств ИИ;
- осуществление анализа больших, умных, разнородных данных;
- формулирование требований к разработчикам по совершенствованию программно-аппаратных решений с позиции заказчиков;
- общение с разработчиками, пользователями, сервисными специалистами в области ИИ по вопросам эксплуатации этих систем;
- принятие решений о том, когда и для чего нужно использовать инструменты ИИ.

В каждом министерстве и ведомстве должно быть сформировано ядро пользователей и сервисных сотрудников, берущих на себя функции наиболее эффективного применения ИИ в практике работы ведомства и оказания помощи специалистам ведомства в практическом применении ИИ. **Без формирования таких лидирующих ядер оборонные и разведывательные ведомства в условиях полной безграмотности персонала в части практического использования ИИ не смогут эффективно применять самые передовые решения.**

Ядро ИИ должно обладать двумя дополнительными компетенциями. Во-первых, они должны понимать этические аспекты применения ИИ. Во-вторых, им нужен доступ к ключевым подразделениям в сфере национальной безопасности, ответственным за разработку и использование ИИ. Эти команды должны быть посредниками между разработчиками и пользователями. Правительство США имеет на сегодняшний день все возможности для более широкого найма талантов в области ИИ и повышения эффективности их работы. Однако многие министерства и ведомства не используют имеющиеся возможности из-за страха руководителей иметь в подчинении на порядок более компетентных в области ИИ людей, чем они сами.

К недостаткам можно отнести и тот факт, что пока Комитет начальников штабов и различные рода вооружённых сил направляют на курсы ускоренной переподготовки по ИИ в ведущие американские университеты меньшее число офицеров, чем это предусмотрено квотами. Комиссия выяснила причину сложившегося положения. **Наиболее талантливые, интеллигентные офицеры одновременно являются и наиболее незаменимыми с точки зрения решения текущих задач.** Соответственно вышестоящее командование не отпускает их на учёбу, поскольку заинтересовано в их постоянном присутствии в действующих вооружённых силах для выполнения текущих задач.

Существует жёсткий рынок талантов как в Соединённых Штатах, так и в мире в целом. Спрос на таланты на порядки превышает предложение. Поскольку заработная плата в частном секторе зачастую в несколько раз превышает ту, которую может предложить правительство, большинство талантов выбирает гражданский сектор.

Вряд ли удастся быстро изменить ситуацию, связанную с оплатой труда. Однако правительство может и должно привлечь новое поколение талантов дополнительными возможностями в области социальных пакетов, получения магистерского образования и учёных степеней, гарантированного трудоустройства после завершения срока службы в лучшие компании и университеты.

Сегодня существуют две ключевые проблемы в области кадрового обеспечения прогресса ИИ. Первая проблема состоит в том, что, как это ни парадоксально, **многие американские университеты не могут удовлетворить спрос на интерес студентов к ИИ и информатике в целом.** Проблема в том, что так же, как у преподавателей и у разработчиков, спрос на них превышает предложение.

Анализ преподавания компьютерных наук, осуществлённый в 2018 году, показал, что за два года **количество вакансий в американских университетах на преподавателя по компьютерным наукам выросло на ошеломляющий 71%.** В 2018 году Ассоциация вычислительных исследований обнаружила, что **количество студентов, желающих получить диплом в области компьютерных наук, выросло за 20 лет в 10 раз.**

Комиссия предлагает американскому правительству всерьёз задуматься о **возможности предоставления на льготных условиях не только рабочих**

мест, но и американского гражданства преподавателям из стран, лидирующих в области компьютерных вычислений, математики, программирования и т. п. Комиссия предлагает разрешить университетам проводить дистанционные собеседования, а при необходимости – курсы повышения квалификации для преподавателей, особенно из России и других стран постсоветского пространства, Индии. По завершении таких курсов преподаватели должны сдавать экзамен на знание английского языка, а также проходить собеседования, в том числе в странах своего постоянного проживания с представителями университетов. **Подписание предварительного соглашения должно открывать для преподавателей границы Соединённых Штатов как в части трудоустройства, так и в области эмиграции.**

Комиссия в ближайшее время дополнительно изучит проблемы бакалавриата и магистратуры по ИИ и подготовит предложения правительства об облегчении визового режима и предоставлении гражданства не только для талантов в области ИИ, но и для преподавателей.

Комиссия считает необходимой федеральную помощь как университетам, так и иным образовательным структурам в части развёртывания онлайн-форм обучения ИИ, в том числе на национальных языках для тех стран и регионов, где высок уровень школьной математической подготовки. Не стоит опасаться, что Америка будет готовить кадры для конкурентов. Как показывает анализ Комиссией действующих онлайн-курсов Стэнфордского, Чикагского университетов и MIT, из 100 лучших выпускников курсов 70% российских участников получили предложения от американских университетов и компаний и переехали в США, для Индии соответствующий показатель превысил 90%.

Во всём мире предложение талантов ИИ является недостаточным для удовлетворения растущего спроса. Комиссия полагает, что **гонка за талантами является самым главным направлением в битве за первенство в области ИИ.** Руководители министерств и ведомств, а также политики должны понимать, что ИИ – это не более чем метафора. ИИ – это машина, которая реализует программы. Все программы в настоящее время и в обозримом будущем будут писаться людьми. Соответственно качество человеческого капитала является определяющим и главным фактором в прогрессе ИИ.

Вывод Комиссии: **Америка должна сделать всё, чтобы не только обеспечить наилучшие условия для появления американских талантов, но и привлечь к себе максимальное число талантов со всего мира.** Это тем более важно, что ИИ является высокоомобильной областью. По итогам 2019 года установлено, что около 1/3 исследователей, имеющих докторскую степень в области ИИ, работают на работодателя, базирующегося в другой стране, нежели та, где была получена докторская степень. Для исследователей, входящих в 10% наиболее цитируемых, этот показатель возрос до 60%, а для 1% – до 85%. Пока в Соединённых Штатах из докторов в области ИИ, входящих в 1% наиболее цитируемых в мире исследователей, работают 82%. Однако ещё пять лет назад их было 94%.

Защита американских технологических преимуществ

На протяжении десятилетий Соединённые Штаты поддерживают открытую экономику и отстаивают академическую свободу, при этом защищая преимущества в части технологий, ориентированных на оборону и безопасность. Однако некоторые особенности нынешнего геополитического и технологического ландшафта создают угрозу для американского технологического лидерства. Среди такого рода неблагоприятных тенденций выявляются следующие:

– специфика технологий ИИ затрудняет секретность и защиту этих технологий. Исходно исследования в области ИИ носили в значительной степени децентрализованный характер, были ориентированы на бизнес и поэтому **имели диффузный и доступный характер;**

– значительная часть решений в области ИИ построена **на открытом исходном коде.** Более того, часть перспективных направлений в ИИ изначально развивается сообществами, ориентированными на открытый исходный код;

– Соединённые Штаты и Китай имеют тесные связи в области ИИ, включая кадровый обмен, финансирование и научные исследования;

– **в то время как Китай использует открытость американского общества, китайское руководство засекречивает максимум информации, относящейся к исследованиям в области ИИ, и активно занимается дезинформационными мероприятиями;**

– американские исследовательские университеты привлекают лучшие умы со всего мира. **Среди этих умов есть и агенты зарубежных спецслужб**, которые нацелены на получение секретных данных.

Комиссия полагает, что указанные проблемы не имеют простых решений. Требования безопасности реально сталкиваются с идеалами свободы. Комиссия попробовала найти **способы возможных решений**.

Прежде всего, правительство США должно продолжать активно использовать **экспортный контроль** для защиты конкурентных преимуществ США в оборудовании, в частности, в производстве полупроводникового оборудования, в процессорах для суперкомпьютеров и нетрадиционных вычислительных устройств, а также по другим направлениям.

Контроль за сохранением преимуществ США в аппаратной области может гарантировать, что американские компании сохранят доминирующее положение на мировом рынке. Это обеспечит правительство США в случае кризисной ситуации возможностями увеличения собственного производства и блокировки IT-потенциала противников.

Самым главным в конкуренции является **сохранение монопольного или доминирующего положения в части производства аппаратных вычислительных и телекоммуникационных устройств**. Как известно, любая аппаратная составляющая ИИ имеет и программный компонент, обеспечивающий возможность удалённого управления этим устройством. Соответственно в ситуации острого конфликта Соединённые Штаты могут просто отключить элементы критической инфраструктуры противника вне зависимости от того, где они расположены.

Американскому правительству целесообразно более строго подходить к разрешению иностранных инвестиций в критическую область производства аппаратных компонентов, чипов и т. п. для компьютеров и телекоммуникаций.

В последнее десятилетие наблюдается **взрыв китайских инвестиций в американскую микропроцессорную отрасль, связанную с ИИ. В 2010 году китайцы совершили лишь одну сделку на сумму 1,5 млн долларов, а в 2017-м – 27 сделок на сумму 514,5 млн долларов**.

Недавно в США принят Закон о снижении рисков от иностранных инвестиций (CFIUS). Комиссия считает, что в Министерстве финансов и Государственном департаменте должны полностью использовать возможности, предоставляемые этим законом, для избирательной блокировки нежелательных китайских инвестиций.

Самая главная задача для Соединённых Штатов в части сохранения информационного суверенитета – это **упрочение лидерства в области производства аппаратного обеспечения ИИ**. В настоящее время развёртывается финансирование двух принятых в 2018 году программ в этой области, а именно **“Инновационной программы развития микроэлектроники для национальной безопасности” и инициативы DARPA по “возрождению национальной электроники”**.

В гонку вступил и Китай. В 2019 году он учредил Национальный интегрированный инвестиционный фонд, поставив задачу добиться в течение 10 лет 100% самообеспечения компонентами для полного производства в Китае аппаратного обеспечения ИИ и телекоммуникаций. Этот Фонд израсходует на указанную цель за 10 лет 100 млрд долларов. Пожалуй, главная проблема США в соревновании с Китаем в части производства аппаратного обеспечения состоит в том, что Китай может без усилий централизовать ресурсы государства, бизнеса и китайской общины за рубежом, тогда как в Соединённых Штатах бизнес и правительство развивают ИИ, исходя из собственных интересов и целей. Эти интересы не всегда совпадают друг с другом. В результате ряд не только стартапов, но и технологических гигантов отказываются от контрактов с Министерством обороны и американским разведывательным сообществом ради сохранения зарубежных, прежде всего азиатских, рынков.

Комиссия полагает маловероятным использование китайского опыта в централизации усилий и инвестиций в Соединённых Штатах. Вместо этого Америке следует наращивать своё интеллектуальное лидерство, развивая

принципиально новые направления аппаратного обеспечения в условиях полной конфиденциальности и секретности. Речь идёт, прежде всего, **о квантовых вычислениях, вероятностных компьютерах, кремниевой фотонике, нейроподобных процессорах и других нетрадиционных вычислительных системах, необходимых для ИИ.**

В докладе Комиссии перед правоохранительными органами и научными руководителями поставлена задача найти точки соприкосновения между открытой исследовательской системой и эффективным **противодействием деятельности иностранных разведок в американских кампусах.** В условиях американской открытости и традиционных академических свобод противоборствующие государства максимально используют порождаемые этим возможности.

Комиссия подтверждает принципиальную важность сохранения открытости Соединённых Штатов и академических свобод. При этом она полагает целесообразным **повысить уровень и масштабы превентивного мониторинга поведения лиц, непосредственно связанных с исследовательскими работками в области ИИ.** Частично это может быть решено в бизнесе за счёт более тщательного отношения к коммерческой тайне. Что касается университетов, то здесь можно было бы уточнить их уставы с тем, чтобы **открыть возможности для наблюдения за сомнительными студентами и преподавателями, подозреваемыми в работе на иностранные державы.** Наиболее пристальное внимание Комиссия рекомендует уделять лицам, ориентированным на прямую или косвенную помощь военному и разведывательному потенциалу Китая. Комиссия высказывается против превентивного зачисления иностранных талантов в лица, заслуживающие пристального наблюдения. В силу межгосударственных отношений, а также особенностей менталитета китайцам гораздо проще склоняться к сотрудничеству американцев, чем жителей и студентов из России, Украины, Индии и т. п. **Никто не должен удивляться тому, что за студентами и исследователями из Китая, а также союзных Китаю стран должно быть усилено наблюдение.** В Китае проводится плотный мониторинг иностранцев, откуда бы они ни приехали, – это норма действительности. Этому никто не удивляется. Против этого никто не протестует. Поэтому Китай как серьёзный конкурент вполне заслуживает уважительного отношения и симметричного ответа (рекомендации идентичны документам США времён маккартизма! Можно представить себе уровень возмущения и протестов отечественных и американских правозащитников при появлении такого рода рекомендаций в официальных, открытых документах у нас в стране! – **Е. Л., В. О.**).

Полупроводники – решающий участок противоборства

Как отмечалось выше, главным полем битвы между участниками гонки ИИ является аппаратное оборудование, позволяющее создавать всё более производительные компьютеры для последовательных, а в перспективе и параллельных вычислений. По состоянию на 2018 год на долю компаний со штаб-квартирами в США приходится почти половина всего мирового производства полупроводников. Также на американские компании совместно с дружественными фирмами из Тайваня, Южной Кореи и Японии приходится более 80% производства процессоров, видеокарт и т. п., используемых в аппаратной части ИИ.

Как уже отмечалось, информационный суверенитет и лидерство страны предполагает автаркию производства аппаратной части. Однако этого недостаточно. В конечном счёте, превосходство определяется по завершающей цикл технологии. Применительно к ИИ, это **линии и производства для изготовления оборудования по выпуску полупроводников, процессоров и видеокарт.** В настоящее время 90% производства такого рода оборудования находится в Соединённых Штатах, Японии и Нидерландах. Китай не имеет собственных производств по выпуску оборудования для изготовления чипов, видеокарт и полупроводниковых компонентов ИИ. Комиссия считает важным сохранить эту ситуацию на перспективу.

Именно в этой области Комиссия рекомендует в максимальной степени использовать ограничивающие доступ иностранных государств к тем или иным технологиям законы, нормативные акты и т. п. Дословно: **“допуск китайцев и их союзников к подобного рода оборудованию не может быть**

оправдан никакими коммерческими и исследовательскими аргументами”.

Правительству Соединённых Штатов рекомендовано довести до компаний в США и странах-союзниках жёсткий и однозначный запрет не только на продажу подобного рода производственной техники, но и на проведение совместно с китайцами и их союзниками исследований в этой области. Помимо прочего, этот запрет может иметь и ещё один полезный аспект. Страны – союзники Китая, – ориентированные на создание собственной аппаратной базы, вполне могут отойти от Поднебесной и перейти в ранг сторонников США, понимая, что без этого им не удастся создать собственную аппаратную базу для ИИ.

Ассоциированные технологии

Ускорение технологической революции, основанной на данных и новых вычислительных методах, в решающей степени зависит от уровня вычислительного и телекоммуникационного оборудования. Определённая сложность состоит в том, что нынешняя технологическая революция базируется на пакете взаимоувязанных, но различных технологий, включая ИИ, сбор больших данных, интернет вещей, геномную инженерию и синтетическую биологию, робототехнику и киборгизацию. Поскольку все технологии взаимодействуют и усиливают друг друга, **не представляется возможным, как это случилось в прошлом, перенаправить средства с одних научных направлений на другие.**

В настоящее время Комиссия выделила ряд технологических направлений, имеющих важное значение для ИИ. Прежде всего, это относится **к сотовым сетям пятого поколения – 5G.** Резко увеличивая скорость, объём и надёжность, сети 5G в ближайшие три-пять лет станут мировым стандартом в области телекоммуникаций и базисом интернета всего.

Определённые опасения Комиссии вызывает тот факт, что, **в отличие от полупроводниковой и микропроцессорной промышленности, в сфере 5G в настоящее время первенствует Китай, а его технологические гиганты поставляют оборудование 5G не только китайским союзникам, но и в страны НАТО и даже некоторые города Соединённых Штатов.**

Комиссия провела детальные консультации с ведущими университетами и пришла к выводу, что **производитель оборудования для 5G может обеспечить встроенные возможности копирования информации, передаваемой по этим сетям, и её передачу производителю оборудования.** Тем самым **Китай, отставая в программно-аппаратной части, имеет шанс стать гегемоном в телекоммуникациях.** Это, в свою очередь, создаёт угрозу национальной безопасности всех стран, использующих подобное оборудование.

По мнению Комиссии, Правительство Соединённых Штатов должно в данном случае, не считаясь с затратами, срочно создать государственно-частное партнёрство по доработке национальных стандартов 5G и обеспечения производства телекоммуникационного оборудования, необходимого для 5G, исключительно американскими компаниями, а также компаниями стран – ближайших союзников США.

Прогресс в области ИИ идёт рука об руку с **совершенствованием вычислительной техники.** В настоящее время из 25 мощнейших суперкомпьютеров 21 работает в Соединённых Штатах. С учётом вводимых в эксплуатацию в I квартале 2020 года новых американских суперкомпьютеров Топ-5 вычислительных систем с супервозможностями будут работать в Америке. Не вполне ясны по состоянию на сегодняшний день перспективы квантовых компьютеров. В то же время Комиссия утверждает, что **Америка, по сути, стала монополистом в области разработки, создания и эксплуатации вероятностных компьютеров, сочетающих достоинства обычных и квантовых компьютеров и позволяющих вести вычисления за пределами двоичного кода.**

Также по состоянию **на начало 2020 года американские исследователи, бесспорно, лидируют в таких областях, как интерфейс мозг-компьютер и использование дополненной реальности** для обеспечения полной информационной осведомлённости. Особый вопрос – это **соединение возможностей ИИ со стремительным развитием биотехнологий.** Возможно, это наиболее сложная и важная тема применительно к вопросам национальной безопасности на ближайшие пять лет. Однако Комиссия полагает

необходимым созданием отдельной консультативно-исследовательской структуры при Конгрессе США по вопросам биотехнологий, синтетической биологии и евгенической генетики.

* * *

Представляется, что многие выводы, содержащиеся в докладе Комиссии, имеют принципиальное значение для развития ИИ у нас в стране. На наш взгляд, среди них важнейшим является сбережение кадрового потенциала разработчиков и пользователей ИИ, недопущение их массового оттока в США, как то планируют осуществить наши партнёры за океаном. Фактически, как можно было убедиться выше, **объявлена настоящая охота за исследователями ИИ из России с предоставлением им упрощенного режима получения американского гражданства**. А охотиться есть за кем. В альманахе “Искусственный интеллект”, подготовленном Центром искусственного интеллекта МФТИ в июне 2019 года, приводятся следующие данные о наличии исследователей ИИ в ведущих российских научных и учебных заведениях: РАН – 1194 человек, МГУ – 733, Университет ИТМО СПб – 716, СПб ГУ – 544, МФТИ – 377, НИУ ВШЭ – 297, Томский ГУ – 215, Сколтех – 105, Университет Иннополис – 84, а также десятки исследователей по другим вузам и университетам.

Обеспечить этим исследователям надлежащие условия для реализации их проектов у нас в стране – приоритетная задача государственной политики в сфере развития ИИ.

ИСРАЭЛЬ ШАМИР

“ИМПЕРАТОР СЕВЕРА” И БИТВА ЗА ОСВЕНЦИМ

Россия, Израиль и Польша сегодня

В пятницу, 17 января 2020 года тысячи залпов сотрясли воздух российской столицы; небо над Москвой было украшено великолепными фейерверками. Это было повторением памятного салюта, отданного 75 лет назад, 17 января 1945 года 24 залпами 324 тяжёлых орудий при освобождении Варшавы Красной Армией.

Это событие могло бы стать прекрасным поводом для восстановления дружеских чувств между двумя славянскими народами. Поляки могли бы вспомнить 200 000 русских солдат и офицеров, павших в боях под Варшавой, и сказать: “Они умерли, чтобы мы могли жить”. Поляки могли бы поблагодарить Россию за щедрые земли и большие города, которые были вырваны из побеждённой Германии и подарены Польше: Данциг стал Гданьском, Штеттин стал Щецином, Бреслау стал Вроцлавом, а Позен стал Познанью. Они могли бы поблагодарить Россию даже за то, что она передала Украине населённые украинцами земли, находившиеся под польским владычеством между войнами, — владычеством, которое закончилось при немцах большой резнёй местных поляков украинскими националистами.

Но благодарность не является сильной чертой польского характера: правительство в Варшаве проигнорировало это событие. Вместо этого поляки не только уничтожают мемориалы и могилы советских воинов. Они решили установить на своей территории американскую радиолокационную систему ПРО, которая сделала внезапный ядерный удар США по России куда более реальным. Они пытаются сорвать строительство российского газопровода в Германию; приглашают бронетехнику США занять позиции на восточных границах Польши, устраивают обструкции делегации РФ в Европарламенте и т. д. Непрерывная и бесконечная демонстрация Польшей своей враждебности к России, в конце концов, заставила Москву использовать принцип “око за око, зуб за зуб”.

Эта возможность появилась в результате еврейского наступления на Польшу. Евреи атаковали этот антикоммунистический восточный оплот Запада сразу с двух сторон: мощное американское еврейство и могущественное еврейское государство. Американские евреи начали атаку с того, что протолкнули через Конгресс США билль S447 (ставший законом 115–171), по которому Польша должна выплатить американским еврейским организациям 300 миллиардов долларов.

Кроме того, всё имущество, которое когда-либо принадлежало лицу еврейского происхождения в Польше, должно отойти тем же организациям. Треть Варшавы, половина Кракова, значительная часть жилой недвижимости по всей Польше до войны принадлежала евреям – и теперь она обязана вернуться “обратно” к американским евреям. Этот закон создал уникальную ситуацию: то, что когда-либо принадлежало еврею, навсегда остаётся в еврейских руках, и против этих “еврейских рук” не могут быть поданы судебные иски. То есть если еврейский гражданин Польши умер, оставив долги, то эти долги аннулируются. Но если он умер без завещания, то дом переходит к еврейским американским организациям. Они могут выселить местных поляков или заставить их платить арендную плату за то, что те считали своей собственностью.

S447 – это блестящая идея. Она возрождает средневековое польское еврейство как “государство в государстве”. В довоенной Польше это было не так; евреи там были польскими гражданами, и если они умирали, не оставив наследников, их имущество переходило Польской Республике – точно так же, как имущество любого иного гражданина, независимо от его вероисповедания. Теперь американские евреи под флагом Холокоста решились на самый большой захват собственности XXI века, вернувшись к идеям века XVI-го, и стремятся взять в свои руки всё имущество, которое до войны принадлежало польским гражданам Моисеева закона.

Эта своеобразная идея невозможна ни в США, ни в Англии. Если американский (или британский) еврей умрёт, не назначив наследников, его имущество будет передано государству. Но для Польши фактически выдвинут ультиматум о полной реституции. Если это сработает с поляками, то может сработать и в другом месте; евреи будут не обычными гражданами своих стран, а, скорее, членами наднационального еврейства. Долги останутся их частными делами, а вот активы будут принадлежать еврейству в целом. Блестяще, не правда ли?

Поляки выступили против американского билля S447. Есть демонстрации, есть призывы прогнать американского посла, которая добавила оскорбление к обиде, поздравив польских евреев с Ханукой, но забыв послать рождественские поздравления полякам-католикам, то есть подавляющему большинству нации, не говоря уже о поляках-протестантах и православных.

Израиль же закон S447 не просто поддержал, а потребовал от Польши раскаяния в том, что она тоже вела себя нехорошо по отношению к евреям, а также признания частичной ответственности за Холокост и выплаты репараций. Израиль получил от Германии за геноцид евреев сотни миллиардов долларов, но эти миллиарды уже израсходованы. Польша же ничего Израилю не платила. Коммунисты, правившие послевоенной Польшей, не считали, что сионистам нужно платить; они считали Польшу жертвой нацизма, а не выгодоприобретателем. “Но коммунистов больше нет, так что, пожалуйста, заплатите”, – сказали евреи.

Израиль и американские евреи продолжают “давить” на Польшу. Они называют Освенцим “польским концлагерем”, что очень оскорбляет поляков. Говорят, что многие поляки помогли нацистам реализовать “окончательное решение еврейского вопроса”. Поляки издали закон, запрещающий так говорить; евреи стали скандировать это на улицах.

В связи с 75-й годовщиной освобождения Освенцима (кстати, Красной Армией) этот скандал выходит на первый план. Он отмечается параллельно в двух местах: в Иерусалиме и в Освенциме. В Иерусалиме собрались все “первые лица” современного мира: президент Франции, вице-президент США, канцлер Германии, президент России Путин. Польского президента Анджее Дуду в Иерусалим тоже пригласили, но не как спикера, а в качестве гостя. Он предпочёл отказаться и посетил мемориал в Освенциме на месте бывшего концлагеря.

Президент Путин, несомненно, был в курсе этого конфликта и решил показать полякам, что их враждебность к России не останется без ответа. В конце декабря на саммите глав государств СНГ и на заседании в Минобороны РФ Путин представил некоторые документы периода Второй мировой войны, свидетельствующие об антиеврейской политике довоенного польского руководст-

ва. Например, Йозеф Липский, польский посол в нацистской Германии до 1939 года, говорил немцам, что поляки установят в Варшаве памятник рейхсканцлеру Адольфу Гитлеру, если тот поможет Польше избавиться от евреев. “Какая антисемитская свинья!” – возмущённо воскликнул Путин.

Поляки предприняли попытку оправдаться, заявив, что польский посол якобы намеревался спасти евреев, отправив их в безопасную Африку, например, на Мадагаскар, к безвредным лемурам, но эта попытка успеха не имела. У Путина в архивах доказательств больше. Так, он представил доклад, датированный концом 1944-го – началом 1945 года, когда пролондонские силы Армии Крайовой (АК) предприняли попытку выбить немцев из Варшавы до прихода Красной армии. В докладе говорилось, что бойцы АК систематически убивали евреев, переживших разгром восстания Варшавского гетто в 1943 году.

Русские всегда были терпимы к евреям. Погромов в России не было – только в Польше, на Украине и в Молдавии, в независимых ныне государствах, некогда входивших в состав Российской империи, а до того – Речи Посполитой. Русские спасли миллионы евреев, в том числе миллионы польских евреев, которым было разрешено переехать в Советский Союз. Ни одна другая страна, по большому счёту, не принимала так много еврейских беженцев, как Россия. Многие евреи отплатили за это чёрной неблагодарностью, помогая Западу вести войну против России. Маша Гессен и Леонид Гозман – типичные прозападные антироссийские евреи, которые никогда не появились бы на свет, если бы не русское мужество, спасшее их предков.

И сегодня Россия хороша для евреев. Они являются неотъемлемой частью современной российской элиты; еврейские центры – это лучшие объекты недвижимости в Москве и других городах. Отношения с Израилем также довольно хорошие, несмотря на сдержанную конфронтацию в Сирии. Во время посещения Освенцимского форума в Иерусалиме Путин открыл новый мемориал советским евреям, погибшим во время блокады его родного Ленинграда, ныне – Санкт-Петербурга. Личная дружба Путина и Нетаньяху во многом позволила избежать тотальной войны за Сирию.

Израильские либералы, враги Трампа и Нетаньяху, весьма недовольны таким развитием событий. Они предпочли бы находиться в союзе с Варшавой, пренебрегая фактами польского участия в геноциде евреев. Но они ещё не правят Израилем.

У поляков же всё перепуталось. Они думали, что евреи, связанные с США, поддержат их против России, но у евреев есть свои собственные расчёты и интересы. Если поляки думали, что русские никогда не обнаружат их слабых мест, то это было ошибкой. Россия долго хранила в своих закрытых архивах документы того периода, но тогда Варшава была союзницей Москвы. Теперь это не имеет смысла, и русские предъявляют эти документы как доказательства польских антиеврейских настроений.

Они исправили нарратив Второй мировой войны. В то время как поляки любят начинать историю с “пакта Молотова–Риббентропа”, выставляя СССР союзником нацистской Германии, вместе с ней разделившим в результате агрессии невинную и чистую Польшу, в реальности договор между Польшей и Третьим рейхом опередил германо-советский пакт о ненападении на пять лет. Польша намеревалась напасть на Россию в качестве союзника и младшего партнёра Гитлера. Именно поэтому поляки не защищали свою западную границу, бросив все силы на укрепление восточной границы, с СССР. Именно из-за этого стратегического просчёта польского руководства тех лет немцы смогли полностью разгромить польскую армию в течение неполных трёх недель.

Россией также представлены документы, свидетельствующие о том, что полмиллиона поляков служили в гитлеровском вермахте. Это доказывает, что польское руководство сотрудничало с немецкими нацистами не в последнюю очередь из-за своих антиеврейских настроений. Гитлер лично присутствовал на поминальной службе памяти Юзефа Пилсудского в Берлине в 1935 году.

Действительно, поляки пытались сыграть в хитрую игру, науськав Запад против Германии, а Германию – против СССР, что закончилось для них руинами и гибелью государства, восстановленного и преобразованного после войны. Но вместо того, чтобы усвоить уроки истории и понять, к чему ведут подобные интриги для страны среднего размера, они “наступили на те же грабли” после окончания “холодной войны”, пытаясь стать передовым фронтом западного

наступления на Россию и благодаря этому реализовать давнюю концепцию великой польской державы “Междуморья”. Освенцимский форум в Иерусалиме вновь доказывает, что такая политика может привести к новой катастрофе польской государственности.

Тем не менее, Сейм Польши 9 января без процедуры голосования принял специальную резолюцию, в которой осудил как “провокационные” и “ложные” документально подтверждённые заявления президента России Владимира Путина о роли Польши в начале Второй мировой войны. “*Два тоталитарных режима – нацистская Германия и коммунистический СССР – развязали эту войну*”, – подчёркивается в данном документе. А Польша полностью невиновна. Эта мантра долгое время действовала безотказно; при этом нужно было обвинять Россию и Советский Союз.

Но теперь ситуация немного изменилась: евреи хотят получить деньги от Польши.

Для России всё это – перемена к лучшему. Евреи – ценный союзник. С Путиным на форуме в мемориале Холокоста Яд ва-Шем в Иерусалиме, и с не приехавшим польским президентом Дудой голос всё ещё антироссийской Польши не прозвучал.

Недавно я получил письмо от польского националиста, доктора Игнация Новопольского. Он пишет: “*Мы, поляки, должны вернуться под защиту Варшавского договора, иначе евреи и немцы обчистят нас... Они начали обвинять Польшу в провоцировании Второй мировой войны и еврейского Холокоста... С 1989 года западные корпорации были заняты разработкой стратегии эффективного ограбления богатств посткоммунистических обществ... Запад принёс огромные страдания бесчисленным людям во всём мире... имперские СМИ смогли убедить людей в посткоммунистических странах добровольно присоединиться к недавно созданному атеистическому раю ЕС. Сегодня, после более чем трёх десятилетий функционирования в Западной сфере влияния, молодые поляки принимают свою второсортность в ЕС как норму, как закон тяготения... Антироссийские настроения в Польше и других странах Центральной Европы – всего лишь демонстрация неблагоприятных тенденций в этих обществах. Чтобы выжить, народы должны преодолеть взаимную вражду, которая в настоящее время позволяет их врагам успешно использовать древнюю стратегию *divide et impera*. Ответ заключается в создании некоего рода “Еврославии” в сотрудничестве или даже конфедерации с Россией*”, – *т<о> е<сть> возвращении к Варшавскому договору*”.

Услышать такие слова из уст закоренелого польского националиста – признак очень глубоких перемен в его душе. Если и когда такие люди займут в Варшаве Дворец Наместника, Польша заключит мир с Россией и будет процветать. Американские солдаты, танки и радары вернутся в Вирджинию. Российские военные мемориалы будут восстановлены и свежевывкрашены. Русские легко прощают старые обиды; многие всё ещё помнят “Четырёх танкистов и собаку”, Анну Герман и Барбару Брыльску. Только Россия способна поддержать Польшу против претензий третьих сторон, как она это делала на протяжении многих десятилетий. Но пока пусть Освенцимский форум станет полезным уроком для Польши: не проявляйте враждебности на Востоке по приказу Запада.

А визитом Путина в Иерусалим можно гордиться. Это была трудная задача, но она полностью выполнена. Русский президент, способный справиться с любым вызовом, даже самым внезапным, и не забыть, что он хотел сказать и сделать, производил огромное впечатление. “*Мы им восхищаемся*”, – сказала пресс-атташе израильского президента. А ловушек ему было уготовано немало.

Он пропустил мимо ушей и никак не отреагировал на речь Ривлина, израильского президента, который сказал, что, мол, анти-израилизм – это и есть нынешний антисемитизм, за который надо сажать. И на слова премьер-министра Нетаньяху, который призвал любить и поклоняться еврейскому государству. Но отреагировал не на словах, а на деле, да ещё как: прямо с форума отправил в Вифлеем, где русские проводят реконструкцию улицы Звезды, на встречу с палестинским руководством и с палестинским Патриархом. То есть он не поддался на “разводки” израильтян, желавших полностью маргинализировать коренных жителей Святой Земли.

Не забыл он, зачем приехал, и на самом форуме, где блистательно отсутствовали польский, литовский и украинский президенты. В речи, обращённой к королям, президентам и премьерам, “император Севера” самым жёстким образом “наехал” на поляков, бандеровцев и латышских националистов, которые были причастны к убийству евреев в годы Второй мировой войны. Он напомнил об огромной жертве, которую принёс советский народ, — именно так он и сказал. Теперь враги “совков” могут утереться. Он призвал лидеров стран — постоянных членов Совета Безопасности — встретиться в этом году и обсудить архитектуру мира. На 9 Мая в Москву прямо не приглашал, но такое приглашение слышалось за его текстом.

Не забыл он и о родном Ленинграде — открыл памятник жертвам блокады. Евреи назвали его “памятник евреям, погибшим в блокаду”. Это, конечно, безобразие — евреи в Ленинграде жили и умирали вместе с прочими советскими людьми, и такое обособление возмущает. Но что поделаешь, от израильских евреев ничего другого ждать сегодня не приходится.

В Израиле серьёзно подготовились к визиту Путина. Там осознали (по крайней мере, на словах), что в течение многих лет они плевали на все русские просьбы, и теперь пообещали исправиться. Путин, мол, всё время шёл нам навстречу, а мы игнорировали его скромные пожелания.

Там подготовлен целый список: требуется вернуть бывшую русскую собственность в Иерусалиме, которую израильтяне много лет держат, как в плену; открыть дорогу к Горненскому монастырю; не проводить трамвайную линию через территорию монастыря; прекратить останавливать русских туристов в аэропорту, то есть вести себя по-людски.

Но поскольку идея вести себя по-людски совершенно бесплатно чужда израильтянам (они это называют “фраернуться”), всё это было представлено как “плата за возвращение нашей девочки” — имеется в виду израильская узница гашиша. Даже тут они попытались перехитрить Путина, дав щедрые обещания, от которых ещё можно отказаться. Но не перехитрили. На все вопросы русский президент ответил по-еврейски: “Ие беседер”. То есть “всё будет хорошо”. А они уже рассчитывали, что он тут же объявит о прощении, амнистии и немедленном возвращении домой. Ничего подобного: пусть сначала выполнят свои обещания. Конечно, не в обмен на наркошу — больно много чести. Она — это просто конфета в придачу. А русские церкви и дома отдать надо в любом случае.

В целом получился очень хороший и очень тяжёлый визит: масса встреч, весь день на ногах. Раб на галерах — и тот отдыхает почаще. Но все выступления у Путина были отличные, без лишнего пафоса, по делу. Можно быть довольными!

АЛЕКСАНДР БОБРОВ

НАШЕ ОСКОРБЛЯЕМОЕ ОБЩЕЕ...

То, что рождает человека, и то, что поглощает его после смерти, есть единственная опора и смысл его существования. Было время, когда этого человека не было; и будет время, когда его не станет. Он промелькнул в жизни, и часто даже слишком незаметно. В чём же смысл его жизни и смерти? Только в том общем, в чём был он каким-то переходным пунктом. Если бессмысленно и это общее, бессмысленна и вся жизнь человека. И если осмысленно оно, это общее, осмысленна и жизнь человека. Но общее не может не быть для нас осмысленно. Оно — наша Родина.

Алексей Лосев

Самая большая — и общая, и личная — трагедия современности заключается в том, что из нашего существования напрочь убран, а то и опошлен высший смысл жизни — то общее, о чём и сказал последний крупный философ, тайный монах, арестованный в ночь на Страстную пятницу весной 1930 года, А. Ф. Лосев, которого приговорили к 10 годам лагерей (его супругу — к 5 годам), обвинив в антисоветской деятельности и в участии в церковно-монархической организации. А он вот к такому главному, осмысленному выводу пришёл, не тая обиду на Родину. Сегодня вполне благополучные люди, получившие от неё всё и урвавшие больше заслуженного, ненавидят или унижают это общее.

Минувший год по традиции завершился пространной пресс-конференцией президента России Владимира Путина. Он тоже коснулся этой заглавной темы, оттолкнувшись от вопроса о возможных изменениях в Конституции: “По поводу Конституции и идеологии в ней. Я уже говорил, что советская была крайне идеологизирована. Там была только одна идеология — идеология компартии. Понятно, к чему это привело. В том числе это один из спусковых крючков, один из триггеров развала единого государства. Потому что не стало партии, она начала трещать изнутри, и за ней посыпалась вся страна. Но идеология, на мой взгляд, в современном демократическом обществе возможна только одна — патриотизм в самом широком, хорошем смысле этого слова”. Насчёт главного триггера (одно из значений слова — спусковой крючок арбалета, а в более широком смысле — первопричина возникновения события вообще), по-моему, ни у кого сомнений не осталось — предательство и алчность верхушки партии и тогдашней элиты, которая была всё-таки приличней нынешней. Но если по сути, то патриотизм — это глубинное чувство, которое можно и нужно культивировать и воспитывать в любой стране (“воспитание чувств”), а идеология — система идей, нравственных и социальных

постулатов — основа, на которой держится нация и государство. Так что понятия эти далеко не тождественны, но даже, если принять эту философскую мешанину, следует признать, что по патриотизму, пусть и “в самом широком и хорошем смысле”, наносятся сокрушительные удары, причём, что вообще немислимо, с государственной и бюджетной поддержкой. Эти заметки — как раз об оскорбляемом общем.

КУЛЬТУРНЫЙ КОД И ГОВОРИЛЬНЯ

Мудрец Максим Горький так сказал про интервью: “Да не о том думай, что спросили, а о том — для чего? Догадаешься — для чего, тогда и поймёшь, как надо ответить”. Ну, он, конечно, говорил о беседе высшего класса, а не о пустой говорильне и пропагандистской акции. Накануне встречи президента с армией журналистов самодовольный Кирилл Клейменов начал программу “Время” напыщенно: “В рабочий полдень... Завтра состоится большая пресс-конференция президента Владимира Путина. Как будут бороться за его внимание более 2000 журналистов? Вопросов будет много. Уверен: ответы не разочаруют!” Откуда такая вдруг уверенность? Ведь ответы зависят и от вопросов тоже! Например, первый же вопрос должен быть не про экологию, а про то, почему Концепция развития России до 2020 года, принятая по ничёмной рекомендации ВШЭ в 2008 году, не просто с треском провалилась, но последние годы этого периода оказались худшими за последние 20 лет? Публицист Анатолий Салуцкий вдруг возопил: “Кадровый состав исполнителей концепции практически не менялся. Это значит, необходимо по-государственному осмыслить происшедшее и сделать выводы на завтрашний день. Кто должен возглавить эту честную работу? На мой взгляд, президент, причём, с серьёзным потенциалом самокритики. И лучше всего было бы собрать некое Собрание по принципу Конституционного, чтобы сообща попытаться разобраться в объективных и субъективных причинах колоссальной неудачи, даже срыва”. Но такого вопроса вообще не прозвучало...

Саму пресс-конференцию президента Владимира Путина как загруженный преподаватель в “рабочий полдень” я прослушать не смог, а вечером лавина комментариев уже почти смела её объективное восприятие. Сразу заметил то вопиющее явление, на которое с горечью обратил внимание Карен Шахназаров в программе Владимира Соловьёва: “Журналисты — тоже срез общества. Поразило, что вовсе не прозвучало вопросов о культуре, воспитании, идейном направлении нашего движения: куда идём? По моему убеждению, мы теряем молодёжь — у неё другие коды, другая культура”. Депутаты в студии на него сразу обрушились, Владимир Жириновский забил криками о запрете аборт, а бывший борец Александр Карелин заглушил славцами в честь “Единой России”. А ведь это — показатель. Человеческий капитал — главный ресурс любого общества будущего!

За всеми восторгами и рекордными цифрами никто из околоремлёвских политологов так и не объяснил, для чего нужны столь масштабные пресс-конференции Путина. Зачем он публично пытается решить сразу массу вопросов, которые должны рассматривать правительство, губернаторы, законодательные собрания? Он хочет послушать журналистов? Но они вопрошают из эгоистических или корпоративных интересов своих СМИ. Ведь ясно, что “Ведомости”, например, непременно спросят о свободе слова (или интернета). Если он хочет дать какие-то указания СМИ, наметить главные проблемы, то можно это сделать более концентрированно. Он и попробовал так, опубликовав в 2012 году несколько программных статей. Что написано пером — не вырубишь топором, а пресс-конференция — самая необязательная форма отчёта. Как правильно писал, например, Путин в статье о национальной политике в 2012 году: “Русский народ является государствообразующим — по факту существования России. Великая миссия русских — объединять, скреплять цивилизацию. Языком, культурой, “всемирной отзывчивостью”, по определению Фёдора Достоевского, скреплять русских армян, русских азербайджанцев, русских немцев, русских татар... Такая цивилизационная идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, носителем которой выступают не только этнические русские, но и все носители такой идентичности независимо от национальности. Это тот культурный код, который подвергся в последние годы серьёзным испытаниям, который пытались и пытаются

взломать. И тем не менее он, безусловно, сохранился. Вместе с тем его надо питать, укреплять и беречь...”

Как беречь и питать? Прежде всего, разумной и целенаправленной культурно-информационной и молодёжной политикой. И автор статьи теоретически прав: “Соответствующие требования должна задавать и государственная политика в области культуры. Имеются в виду такие инструменты, как телевидение, кино, интернет, массовая культура в целом, которые формируют общественное сознание, задают поведенческие образцы и нормы”. А где, кстати, обещанный Закон о культуре? И что — начать перечислять, какие образцы задают низкопробные телепрограммы, что ставится на сцене режиссёрами Серебрянниковым и Богомоловым? Вот уже и на сцене МХАТа имени Горького без Татьяны Дорониной появилась героиня в красном купальнике, которая долго соблазняет героя фривольными позами. Самое вопиющее: с экранов телевизоров, из радиозэфира изгнана высокая поэзия и народная песня, особенно русская. Я смотрю ТВ в разных странах: ни в Венгрии, ни в Австрии, где я был недавно, такое просто невозможно представить, даже попсу поют с народным колоритом, а где-нибудь в Баварии замучают фольклором. Это просто первые всплывшие примеры.

Говорю студентам, что вечером иду в ЦДРИ выступать на вечере 120-летия Алексея Суркова: “Вы, наверное, и не знаете такого? — Ну, почему — он народные песни писал”, — отвечает одна бойкая третьекурсница. “Нет. Это Суриков: “Что стоишь, качаясь, тонкая рябина...” А я иду к Суркову: “Бьётся в тесной печурке огонь”. Ведь президент объявил Год памяти и славы после провалившегося Года театра. Неужели нельзя снять новые клипы великих военных песен с популярными и молодыми исполнителями? Ставить их в межпрограммные отрезки вместо бесконечных анонсов очередного сериального мыла, вроде “Теста на беременность”. Ведь об этом в приличных семьях вслух при детях не говорят, а сегодня — через каждые 15 минут ранним вечером талдычат. Какой там культурный код, какой там патриотизм как единственная идеология...”

И вот яркий пример забвения песенного кода. Вышел на кухню, где у жены был включён “Первый” канал, “Кто хочет стать миллионером?” Странно постриженный Дмитрий Дибров с торчащими ушами задал очередной вопрос: “Что просит ямщик передать жене в песне? А: Деньги? В: Письмо? С: Кольцо? D: Наказ?” Какие-то медийные персоны русской равнины стали ломать голову: “Ну, письмо где там на морозе писать?... Кольцо — для рифмы не подходит... (?). Деньги, наверное...”

Смотрел, слушал, глазам не верил: выпускники Санкт-Петербургского университета... Не знающие знаменитой песни, попросили помощи у зала: 48% зрителей нажали С — кольцо (маловато, раньше бы, когда народные песни звучали в эфире — 90%), но бородатый всё настаивал на деньгах. Потом взяли право на ошибку и назвали всё-таки кольцо. Страшно удивились, что это правильно...

Посмотрел даже, кто такие: Виктор Набутов — российский теле- и радиоведущий, спортивный комментатор, продюсер. Внук советского футболиста и спортивного комментатора, сын тележурналиста. Александр Цыпкин — эксперт по стратегическим коммуникациям, в 2015 году дебютировал в литературе, издав сборник лирическо-хулиганских рассказов “Женщины непреклонного возраста”, собранных из постов на Facebook, который стал одной из самых продаваемых сатирических книг в России. Сильно! Ну вот — типичные плоды и отчасти делатели нынешней культурно-информационной политики. Что попросил бы им передать русский ямщик и сам поэт Иван Суриков? Не деньги, конечно...

КАРЕНИН С ДРЕЛЬЮ В ГОД ТЕАТРА

Нельзя плевать в алтаре, а потом молиться там же, на заплыванном полу.

Константин Станиславский

Эти слова Константина Сергеевича, как и некоторые другие его высказывания, отталкиваются от заветов почитаемого им М. С. Щепкина, великого русского актёра с Полтавщины. Михаил Семёнович любил повторять: “Театр

для актёра – храм: священнодействуй или убирайся вон”. Эти слова и сегодня украшают вход в Щепкинское училище. Но беда в том, что студенты после выпуска, а то и раньше попадают в иную культурную реальность.

Наступивший год указом президента России объявлен Годом памяти и славы. Тревожно: в объявленный Год литературы усиленно закрывались библиотеки и книжные магазины, уменьшилась государственная поддержка книгоиздания – только тусовочные сборища да премии для своих финансово поддерживались. Ну, а завершившийся Год театра вообще принёс столько скандалов, странных назначений и отвратных премьер, что председатель Союза театральных деятелей Александр Калягин должен был бы остатки волос вырвать, но у него и у самого потрясения – жена ушла после сексуальных скандалов и приставаний в собственном театре... Итак, ещё в апреле 2018 года В. В. Путин подписал Указ “О проведении в Российской Федерации Года театра”. Конечно, театральные проблемы в столь важной сфере надо решать и без указа президента, но, как сравнил главный инициатор этого предложения – председатель Союза театральных деятелей, народный артист Российской Федерации Александр Калягин: “...Одно дело, когда ты лечишься на дому, другое дело – в стационаре”. Лишь бы сам стационар не превращался в коллективную “Палату № 6”... В Москве примерно 100 государственных и муниципальных театров, из которых 88 подчинены городскому правительству и 12 – федеральному. По данным Главного информационно-вычислительного центра Минкульта, Москва на содержание столичных театров выделила накануне объявления Года театра около 9,4 млрд руб. Что касается федеральных театров, то министерство в качестве госзадания выделило на них около 15 млрд руб. Причём эти средства составляли всего около 65% общего бюджета федеральных театров, остальное – их доходы от основной и предпринимательской деятельности, а также спонсорская помощь. Думаю, что теперь эта сумма только увеличилась, так что деньги, на зависть другим творческим сообществам, есть. Как сказал поэт, “твори, выдумывай, пробуй!...” Но твори такое...

В разговоре с журналистами, рассуждая о проведении в России Года театра, Александр Калягин благодушно рассказал о своей идее ввести в школьную программу какой-либо театральный предмет. Он был уверен, что введение такого предмета поможет детям более глубоко изучить отечественную культуру и русский язык, на котором писали наши великие классики, понять мысли авторов произведений: “А знаете ли вы, что офицеров, учащих в Академии Генерального штаба до революции просто обязывали посещать театр, особенно постановки Станиславского? Почему, спросите вы? Да потому что Станиславский очень бережно относился к русскому языку. Его спектакли помогали будущим генштабистам освоить все нюансы нашего великолепного языка. Это очень помогало им в их нелёгкой службе”. Не дай бог нынешним генштабистов водить в московские театры – в ВС и без того творится незнамо что: начальнику войск связи генерал-полковнику Халилу Арсланову, одновременно являющемуся заместителем начальника Генерального штаба, предъявили обвинение в причастности к хищению 2,2 млрд руб. – двенадцатая часть государственных субсидий на ВСЕ театры необъятной России. Вот масштабы личного воровства! А если бы он ходил на нынешние спектакли?

Например, Юрий Грымов, вопреки мечтаниям Калягина, доказал, что можно испохабить и обесмыслить даже великолепный текст. Бывший пиарщик поставил спектакль “На дне” в московском театре “Модерн”, худруком которого он является уже третий год. Он переносит действие пьесы в роскошный особняк, городит на сцене соответствующие интерьеры, одевает героев в модные костюмы и при этом не изменяет ни одного слова пьесы, только сокращает её до полутора часов. Но и этого хватает, чтобы обесмыслить драму: спектакль рассыпается на части, теряет смысл и оставляет тягостное впечатление. Правда, некоторые “продвинутые” критики говорят что-то о клиповости мышления режиссёра (как известно, одно время Грымов снимал рекламные ролики и музыкальные клипы), но обычная публика, особенно та, что понятия не имеет о горьковской пьесе, откровенно мучается. И никакие режиссёрские приёмчики не могут её взбодрить. Да, современные костюмы и неподходящая музыка в постановках классики – это уже банальность. Грымов же пошёл дальше, и вот уже носитель одной из главных идей пьесы – “добренький” старичок Лука – превращается в... массажиста-стилиста, фитнес-

тренера и психотерапевта в одном флаконе. Этот смазливый юноша с характерными ужимками, в белой майке и в джинсах с поясом в стразах кощунственно доносит до ошарашенной публики слова, которые Горький предназначал совершенно для другого типажа. Маразм! Великие слова извращаются и обесцениваются. Так, может, не стоило картинно клясться в любви к классике и говорить, что текст Горького “для меня – святое”, а сделать так, чтобы хоть кто-то в зале – школьники или военные – поняли, о чём эта пьеса. Хотя даже те образованные зрители, кто знал, о чём пьеса, не поняли, о чём спектакль. О комплексах самого Грымова?

В октябре состоялся Всемирный Русский Народный Собор по теме “Народосбережение – настоящее и будущее России”. Чудесное предложение сделал всем гражданам России лидер фракции “Единая Россия” Сергей Неверов. Он предложил переезжать в деревню, поближе к земле, мол, тогда и рождаемость повысится: “Нужно поддержать появившуюся в хорошем смысле моду уезжать в сельскую местность, заводить фермерское хозяйство, работать на земле”. Маленький вопрос: ну, мы все переедем в деревню, а кто, к примеру, в Москве и Питере будет жить в многочисленных высотках окно в окно, в этих унылых спальных микрорайонах без парков и соцобъектов, в Новой Москве, губительный указ о которой подписал начальник Неверова Дмитрий Медведев? Не в этом главное спасение, а в здоровой экономике и в умной социокультурной политике! Какое “сбережение” в экономике потовыжимания, погоны за прибылью любой ценой и рабского труда?! Знак был просто Собору: накануне в 4 утра прорвало дамбу в Красноярском крае и затопило 72 человека разных национальностей, работавших на хозяев за кусок хлеба: золотишко полулегально мыли, – и 17 человек не уберегли. А что творится в культуре, нагляднее всего показал Год театра с его скандальными и пошлыми премьерями.

Самый отвратительный спектакль, на мой взгляд, – “Серёжа” в МХТ сына умной театральной критикессы Дмитрия Крымова. С ним носятся, как с писаной торбой, он даёт вялые интервью по ТВ, сидит в жюри, и вот – взялся за лучший роман мировой литературы, как считают многие, за “Анну Каренину”. Постановка, от которой плюются даже билетёры, демонстрирует не только пренебрежение к нашему национальному достоянию, каким является Лев Толстой, но и цинизм, унижение всего женского рода вообще, а ведь семья и тайна рождения начинается с любви! Ну, а как тут всё начинается? Поезд из Москвы в Петербург. В купе с Анной (актриса Мария Смольникова) графиня Вронская, возбуждённо и залиvisto смеясь, рассказывает про глисты у маленького сына и как она лечила их много лет назад. Достойная тема для представившегося знакомства... При резком торможении вагонов сверкающими фейерверками из чемоданов выстреливают интимные предметы женского туалета. Лифчики??? Пошло и совсем не смешно... На перроне, как и следует ожидать, пожалуй, самый знаменитый в русской классической литературе ловелас – флигель-адъютант Русской императорской армии Алексей Вронский (Виктор Хориняк). И это тот самый классический офицер, вышколенный и безупречный во всём своём великосветском блеске граф, которого блистательно сыграл в фильме Василий Лановой? Как этому безликому маменькиному сынку, похожему на самого Крымова, удалось покорить сердце очаровательной замужней женщины? Однако знакомство состоялось, куда денешься... И вот она в Москве, Анна – пленительная толстовская героиня:

– Я – Анна Каренина. Я от Толстого, Льва Николаевича, как понимаете. Это он создал меня, я перед вами такая, как есть, и вот уж полтора столетия живу собственной жизнью, свободной и не зависимой от его несравненного пера. Кто он теперь для меня... Вы знаете, у меня есть муж. У меня замечательный муж! Ну, просто замечательный! Ну, такой замечательный! Ну, невозможно – какой замечательный! Он никогда не отдыхает. У нас в доме идеальный порядок. Сейчас я расскажу вам про него одну исключительную особенность, не поверите, но я-то знаю. У него все трусы – подписанные. Да-да, подписанные! Ну, вы же знаете – в месяце четыре недели. Так вот на них и написано: первая неделя, вторая неделя, третья неделя, четвёртая неделя. И носит он их строго по надписи. Я сама вышивала! Вот. Вот такой он у меня.

Да не у неё – у Крымова, который дорвался до больших театров и творит с классикой, что хочет, но это уродование святынь безумно нравится нынешней театральной критике, вызывает у неё восторг, схожий с тем сладострастием,

которое испытывает ребёнок, ломая игрушку или видя её изуродованной на свалке. Вот критикесса пишет с вывертами о “Серёже”: “С языка слетает желание обозначить жанр спектакля как “эклетика”, но это было бы слишком просто и примитивно, скорее “русский фьюжн”. Здесь много эпатирующего стилистического миксования, резких остановок, тормозящих и расфокусирующих зрительское внимание. Вот Анна везёт в подарок сыну Серёже квадрокоптер, а в следующей сцене уже есть отсыл к образу Марии Стюарт и гильотине. Каренин с дрелью в руке весьма похож и на дуэлянта с пистолетом, и на вашего хозяйственного мужа, а высокий трагизм его объяснения с женой резко разбавляет итальянская романтическая песня, выжимая из зрителя пошлое мелодраматическое сопереживание, как в индийском кино”. А была бы классическая постановка в духе самого Толстого – о чём писать? Тома написаны. . .

За классику решили взяться и в театре на Малой Бронной, который возглавил свежиспечённый новобрачный Константин Богомолов. Он на недавнем открытии сезона обещал новое прочтение и классики, и русской историографии. Так, 20 ноября на Малой сцене в Театре на Малой Бронной режиссёр Кирилл Вытоптов, который решил потоптаться на жемчужине древней литературы, представил “Слово о полку Игореве...” Он успел сообщить журналистам, что “Слово...” предстанет не в хрестоматийном виде, а будет соединено с темой охранников – большой российской альтернативной армии. В качестве драматурга приглашена для адаптации Саша Денисова, которая не так давно окончила филологический факультет Киевского университета имени Шевченко – рассадник русофобии. Надо что-нибудь добавлять? Над спектаклем работали художник по костюмам Нана Абдрашитова – жена Кирилла и дочь знаменитого кинорежиссёра Вадима Абдрашитова. Все свои, замыслы и потуги критике не подлежат. Обещана ещё свистопляска, связанная с Александром Молочниковым и его “Тарасом Бульбой”. Режиссёр сначала сказал, что у него будет не совсем хрестоматийное прочтение текста Гоголя, а потом вдруг начал на ходу фантазировать: “Хотя почему же не прочитать его хрестоматийно? Так, чтобы была пыль! Мы забываем о том, что папа убил двух своих сыновей и не пожалел об этом. Меня это зацепило, как и пара страниц антисемитского текста у Гоголя. Я решил с этим разобраться. Там с такой сладостью описан еврейский погром!” Ну, понятно, что Богомолов поддержал: “Только новой энергией этот текст можно взять”, – поверхностно заметив, что в нём есть “исследование украинской реальности”. Какой такой украинской? Гоголь писал повесть о казацкой вольности и русской силе, которую не может ничто на свете пере-силить, но богомолы с молочниковыми постараются. . .

Наконец, для “сбережения народа” бунинские “Тёмные аллеи” поставил Владислав Наставшев. Выслушав рассказы коллег о радикальном препарировании классики, он решил всех переплюнуть и обнародовал свой замысел, который оказался самым радикальным и не “народосберегающим”: “Я поставлю спектакль про воспоминания. “Тёмные аллеи” написаны в начале 1940-х годов и пронизаны апокалиптическими настроениями. Они – о стране, которой уже не было. Что-то похожее происходит и сейчас. Секс и чувственность теряют актуальность. Люди всё меньше им отдаются. О сексуальных отношениях скоро будут вспоминать только по праздникам, отдавая дань традициям, причём пожилые люди. Молодёжь забудет, что это такое. Люди забудут, что такое природа, животные, и мы будем вспоминать, что такое прикосновение руки и шум дождя”. Даже новобрачный опешил от подобной трактовки: “Какая здесь крутая молодая команда!”

Увы, и не только здесь! От театра имени Маяковского, которым руководит, как и Вахтанговским, литовский режиссёр Миндаугас Карбаускис, до прославленного театра “Современник”, который по традиции открывает сезон в день рождения его основателя Олега Ефремова 1 октября, ни одной современной постановки русского автора. В декабре, в канун Нового года, сам Миндаугас поставил со студентами спектакль “Йокнапатофа” по роману Уильяма Фолкнера “Когда я умирала” – новую версию своей старой постановки. Ну, и “Современник” открыл сезон спектаклем Галины Волчек “Три товарища”: премьера “Трёх товарищей” также прошла 1 октября, но ровно 20 лет назад. Впервые после долгого перерыва сбор труппы проходил в отремонтированном здании основной сцены театра на Чистых прудах, а что обновилось в репертуарной политике?

Первой премьерой, намеченной на конец января, станет спектакль основной сцены – Евгений Арье поставит “Папу” французского драматурга Флориана Зеллера. Вторую премьеру сыграют почти одновременно с первой – в феврале 2020 года на другой сцене – спектакль “Крум” по Ханоху Левину выпустит Андрей Маник. Наконец, третья заявленная премьеры пройдёт во второй половине марта на основной сцене – спектакль “Иностранка” по прозе Довлатова выпустит Айдар Заббаров. Всё! Представляете: если бы в Москве остался один театр Олега Ефремова, мы бы всё равно знали, чем живёт страна, что волнует меня и моего современника, а если оставить только театр превознесённой Галины Волчек? Ау, “какое, милые, у нас тысячелетие на дворе”? Ведь и превозносимый Довлатов – целиком из прошлого: “Он пил, как лошадь, и нарывался на истории... Он портил перо х...ней в газетах”, – злобно написал о нём Михаил Веллер, но в зависти своей он был скорее прав. Ныне как раз испорченные перья и соответствующие режиссёры ценятся у нас – даже в Год театра.

Вот такие итоги на духовно-языковой ниве. Хоть бы скорей выпал снег и высветлил мрачный пейзаж, скрыл безобразные детали, афиши, обрывки газет...

ТАНГО ОБНИМАНГО С РЭПЕРАМИ

Рэпу в России несказанно повезло: из всех разновидностей, жанров и течений поэзии Кремль почему-то решил защитить именно рэп. В администрации президента были ужасно недовольны гонениями на рэперов и даже вознамерились прекратить запреты на их концерты. В Кремле назвали отмены концертов “идиотизмом” и “перегибами на местах”, которые допускают региональные силовые ведомства. Было предложено провести на молодёжном форуме “Таврида” целую смену рэперов, а генеральный директор медиа-холдинга “Россия сегодня” Дмитрий Киселёв провёл фестиваль рэперов в Коктебеле. Сам Дмитрий Киселёв перед началом первого рэп-фестиваля в Крыму рассказал о его принципах. По его словам, маргинальные проявления у некоторых рэп-исполнителей есть, но надо посмотреть, насколько здоровая сердцевина у российского рэпа в целом. И Киселёв, и Павел Кравц (арт-директор Rap Koktebel) назвали главные основы этого фестиваля: отказ от наркотиков, никакой политики, но мат в некоторых выступлениях будет. Фестиваль изначально анонсируется с маркировкой “18+”, если же на него приведут детей, то это будет уже ответственностью родителей. Что же касается возможной реакции Роскомнадзора, то сцена в Коктебеле в зону его ответственности не входит, так что “немного мата” будет. Так, наверное, и театр Ленком в “зону ответственности” не входит? – там тоже матерятся. Чего там Государственная дума придумала с запретом... Киселёв напомнил о своей точке зрения, которую уже озвучивал в эфире. По его мнению, мат – это “драгоценная лингвистическая ценность”, если его использовать в нужном контексте и к месту. Кравц, со своей стороны, рассказал, что во время подготовки к фестивалю им предоставили полную свободу, и никто не диктовал исполнителям, что можно делать, а что нет.

Более того: уже есть договоренность с одним из известных российских издательств об издании книги, в которую войдут тексты рэперов. А я вспоминаю, как работницы типографии “Молодая гвардия” всего 30 лет назад отказывались печатать сборник частушек Николая Старшинова, где поэт и собиратель рисковал ЧАСТЬ тиража частушек с картинками опубликовать без отточий. Добрейший и чистейший человек пошёл к женщинам в цех, провёл встречу, рассказал о русской частушке, где солёное словцо – не грязное ругательство, не оскорбление, а словотворчество, художественный оборот, зачастую самая выразительная деталь. Фронтоник убеждал: “Вот какую частушку мы пели на фронте:

*Сидит Гитлер на берёзе,
А берёза — гнётся.
Посмотри, товарищ Сталин,
Как он на... вернётся.*

Да, и так хорошо, хлётко, но первозданный-то глагол – выразительней! Верно?”

Уговорил...

А ныне мат так и льётся со сцены и даже в эфире. Вот теперь с подачи главного пропагандиста — и в прославленной колыбели поэзии, в Коктебеле будет звучать отвязный и матерный рэп. А его другого не может быть по определению, что бы там апологеты и защитники ни городили...

Доктор филологических наук Т. В. Шмелёва в одном из своих интервью характеризует русский рэп следующим образом: “Из подражательных экзотических занятий одиночек-энтузиастов, в силу творческой природы этой культуры, русский рэп приобрёл свои оригинальные отличия. Он стал новой формой проявления молодёжного максимализма и самоутверждения, протеста против несправедливостей жизни, поиска внутренней опоры в условиях распада советской идеологии и быстро меняющейся окружающей действительности. По сути, русский рэп — это резонанс с социальными потрясениями в обществе”. А её ученик развивает эту идею: “...По-моему, русский рэп — это, прежде всего, не одежда, не музыка и не танцы, а поэзия”.

Ну, может быть, поэзия... Вот знаменитое “Танго обниманго” арт-директора Кравца:

*Надо бы нам всем тусить
Выкидывай свой спящий стиль
У нас тут жарко — купальники, плавки
Парковка, колонки, качаются попки
И let's get fun-ки
Потрогай бициху, мы как в танке
Ближе к солнцу многоэтажка
Просто верь мне, малыш, original движ...
А мы с тобой танцуем танго обниманго
Танго обниманго, танго обниманго...*

Пляжная поэзия так и брызжет... Дмитрий Киселёв обещает обязательно устроить баттл — соревнование рэперов. Ну, тут такое начнётся! Поскольку общаюсь с юными студентами, вник в это явление, и оно меня просто убило: это даже не частушечное состязание “с картинками”, о котором я писал в книжке “Частушки из мужской коллекции”, и уж, конечно, не наши былые состязания молодых поэтов, когда даже на ТВ проходило “Стихоборье” с голосованием зрителей. Тут — баттлы за бабки, с победителями и “королями гнусных разборок”. А ведь это отрывка негритянских гетто со скандалами и оскорблениями. Какова сверхзадача? Задавить противника руганью, опустить его ниже плинтуса, вывести из себя, облить словесными помоями, включая обязательные матюки. Все эти топы с победителями читать противно. Такое вот:

*Я знаю, почему ты злой, как собака,
Потому что был зачат раком...*

Это вообще самое приличное из топа-5. А есть баттл двух девушек с утверждением, что на баттлах девушки встают в один ряд с мужиками, как бы доказывая — они так же могут сквернословить. Оскорбления сыплются хоть и образные, но грубо-беспомощные с точки зрения поэзии, а общее впечатление — угнетающее:

*Тебе понравилась оргия,
Несмотря на свой порванный орган...
Я тебе выбью зубы, коллега
Вот тебе крем “Корега”.*

И это — самое приличное... Так что громкое будущее фестивалю обеспечено.

Как рассказал представитель рэпера Гуфа Эдгар Кеосаян, сначала они не знали, что фестиваль организует Дмитрий Киселёв. “Для нас это обычная работа, не заморачивались. О том, что это государственное мероприятие, узнали потом. Но не вижу в этом проблемы. Везде все поют, в том числе в Москве и Санкт-Петербурге. Все мероприятия государственные, почему

получился такой резонанс? Другие выступают на таких мероприятиях, и никто не возмущается. Деньги государственные? Да, государственные, но везде всё казённое”, – негодовал Кеосаян. Недавно его подопечного – рэпера Алексея Долматова, известного как Гуф, – поместили в казённый дом на шесть суток за употребление наркотиков в красноярском клубе, сообщили ТАСС в Мировом суде Октябрьского района города. Его коллега – музыкант Вадим Мотылёв (Slim) – получил пять суток ареста, сообщил сам концертный директор Гуфа Эдгар Кеосаян. Типичные – успешные и циничные – участники фестиваля... Как не поощрить на государственном уровне с прославлением по ТВ, откуда давно изгнана истинная поэзия!

МАРКИРОВКА И БАБЛО

Мы иностранные агенты, // грядущих гуннов ассистенты. Отныне не собачий член ты, // а враг коварной ФСБ! // В такие сладкие моменты // мы даже нравимся себе...

Дмитрий Быков

Ассистенты грядущих гуннов в трауре: президент Владимир Путин в декабре ушедшего года подписал закон о расширении списка СМИ, которые могут быть признаны иностранными агентами. Промаркируют и заставят платить!

Простые люди в России уже привыкли к “новогодним подаркам” властей в виде повышения тарифов и реальных цен с мишурой. Но с нового года в России повысится и цена публичного слова: появится юридическая возможность вносить физических лиц в перечень иностранных СМИ, выполняющих функции иностранного агента. Теперь по закону они обязаны выполнять все ограничения и обязанности, установленные для НКО – иностранных агентов, а также им грозит аналогичная ответственность за нарушение законодательства. Новый закон предусматривает, что иностранным СМИ, выполняющим функции иностранного агента, могут быть признаны и частные лица, если они распространяют сообщения или материалы (в том числе в интернете), предназначенные для неограниченного круга лиц, и получают финансирование из-за рубежа.

Пока ещё не ясно, сколько граждан РФ попадут в список иноагентов – выявлять таких граждан будет министерство юстиции по согласованию с МИДом, – и какие административные штрафы грозят нарушителям – соответствующие поправки в КоАП готовятся. А уже реальные и потенциальные иноагенты завалили на весь мир: зажимают свободу слова, опускают новый железный занавес. Разберёмся, в чём главная суть и невыносимая трудность для “вольных творцов” и “борцов с режимом”, получающих гранты, премии, подачи из-за рубежа? Элементарно: в случае, если гражданина признают иностранным агентом, ему придётся создать юридическое лицо, а организация уже будет уплачивать налоги в бюджет государства. О, как это можно вольным сынам эфира и печатных площадей – нести юридическую ответственность, да ещё и платить налоги с сумм из зарубежной кормушки!

Потенциальные иноагенты грозно писали президенту: “Обязанность регистрировать юридическое лицо – абсурдна. Первая же статья Гражданского кодекса говорит о недопустимости вмешательства в частные дела, о добровольности приобретения и осуществления гражданских прав. Президент не должен подписывать этот закон”. И подписи участников Конгресса Интеллигенции? В первых рядах Андрей Макаревич, музыкант; Дмитрий Быков, писатель; Людмила Улицкая, писатель; Николай Сванидзе, журналист; Ирина Прохорова, издатель; Леонид Гозман, политик... По-моему, и характеризовать не надо этих “частных лиц”. Достаточно спросить: какой гонорар и каким образом получал Макаревич за концерты на Украине? А вот любопытный пример – Быков. На заседании Совета по русскому языку президент Владимир Путин, рекомендуя продумать предложения по сохранению погибающих журналов, предостерег Сергея Шаргунова: “Но то, что вы сейчас сказали, натолкнётся и на другие тезисы – о том, что в советское время, скажем, произведения каких-то генсеков закупали в огромных количествах и распространяли в библиотеки. Кто их читал? Всё это выродилось в свою полную противоположность”. Мои студенты уже и не помнят, на кого президент намекал, но зашёл в Дом книги на Арбате – вся стена заставлена томами Быкова разных издательств,

на фоне которой потерялась пожилая продавщица! Пошёл от Дома книги в ЦДЛ, а там из тёмных витрин на меня снова обрушился Дима: он и лично вещает, и мюзикл “Золушку” склепал, и артиста Стоянова представляет. Только Сола Монова смогла прорваться и осчастливить своим “Рождественским концертом”, – конечно, более христианской поэтессы, чем дива из сетей, – не сыскать. Я понимаю: ЦДЛ надо зарабатывать, продавать зал тому, кто может собрать публику и оплатить аренду. Но нельзя же становиться клубом имени Быкова! Неужели нет ни одного русского поэта, барда, актёра, певца, кто мог бы собрать Большой зал в предпраздничные дни? Может, сводный вечер устроить, – какие устные журналы были! Почему-то выступают по ТВ и в лучших залах чаще всего те, кто обратился к В. Путину: не называйте нас иноагентами! Они его тираном величают, клеймят Россию на каждом углу, но защиты от президента требуют, а то гонорары, эфир и лучшие залы потеряют...

Тот же Быков внушает, что заработки его как журналиста и писателя – чисты, но, по данным сайта Forbes (<https://www.forbes.ru/sobytiya/lyudi/84882-grazhdanin-poet-istoriya-sluchainogo-biznesa-na-3-mln>), основатель “Евросети” Евгений Чичваркин организовал для проекта “Гражданин поэт” два выступления в Лондоне, и гонорар составил £50 000. С нового года Быкову с Михаилом Ефремовым пришлось бы зарегистрировать юридическое лицо и заплатить огромные налоги. Вот ужас-то и верх несправедливости! Кстати, в самой Великобритании действует старейшая в мире система обеспечения контроля и прозрачности НПО: в соответствии с Актом о благотворительных трастах 1853 года, всю деятельность благотворительных организаций контролирует Комиссия по благотворительности, отвечающая за состояние благотворительного сектора перед правительством и парламентом. В комиссии должны регистрироваться все благотворительные организации, собирающие более пяти тысяч фунтов стерлингов в год. Им присваивается регистрационный номер, по которому можно проверить статус организации, получить сведения о её доходах и при необходимости подать жалобу. Сколько бы фондов и псевдоблаготворителей в России по подобному закону обрели бы прозрачность!

В вожделенном для подписантов Израиле кнесет ещё в 2011 году принял “Закон о прозрачности финансирования НПО”. Для всех неправительственных организаций введён единый порядок отчётности о пожертвованиях и штрафные санкции за его невыполнение. Согласно закону, незаявленное финансирование “пропагандистской” деятельности НПО правительствами зарубежных стран расцениваются государством Израиль как нарушение норм и практик взаимодействия между суверенными демократическими нациями. Все НПО обязаны ежеквартально отчитываться о суммах, полученных из-за рубежа. Собранная информация публикуется в открытом реестре. В брошюрах, листовках, рекламных роликах и печатной продукции, во время публичных выступлений получателей зарубежных грантов в рамках проектов с иностранным финансированием члены организации обязаны информировать об этом аудиторию. Ясно, действенно, в соответствии с реальностью. А ведь мы тоже живём в условиях непрекращающейся войны, хотя бы информационной. Но Быков не унывает, стебается, публикует отклики. Хотя лучший отклик появился на него самого в соцсетях, его оставил А. И. Алёхин:

“Они хотят нас превратить в агентов. Нас, честных абстинентов-импотентов, потомственных, наследственных студентов. Они хотят нас опустить на дно. Нас, внутренних и тайных эмигрантов, хотят лишить необходимых грантов, нас, абонентов и интеллигентов, хотят лишить каких-то жалких центов и долларов, и евро заодно”.

В УНИСОН С НАВОТНЫМИ

Съёмочные группы федеральных телеканалов рванули в конце года в Прагу прощаться с памятником выдающемуся маршалу Ивану Коневу, клеймить поклонников генерала Власова и стыдить невменяемого типа – упитанного главу района Ржепорье Навотного, который не сходит с российских экранов, трясёт животом и плавками.

Недалеко от обречённого памятника стоит растерянный пражанин в очках и говорит: “Фашизм наступает... Вы включите телевизор: там оправдывают Гитлера и твердят, что это Сталин начал войну”. А зачем нам включать недоступное чешское ТВ? Достаточно включить “Эхо Москвы” и услышать из уст его

главного редактора Алексея Венедиктова буквально то же самое! В Прагу был командирован учёный секретарь Российского исторического общества Михаил Мягков, с которым никто из тамошних русофобов и общаться не захотел. Он что, собирался занудно их перевоспитывать? Для этого незачем лететь на берег Влтавы, гораздо ближе, на берегах Невы, звучали славицы в адрес Власова, без комментариев мужей из РВИО. Самый продолжительный репортаж 15 декабря прошёл по 5-му каналу, но по иронии судьбы именно в Питере писатель Дмитрий Быков на “Дилетантских чтениях” произнёс следующее: “Первая книга, которая выйдет в серии ЖЗЛ в результате новой перестройки, будет биография генерала Власова. Это так. И я сделаю всё возможное, чтобы написать эту книгу...” Что нам памятник в далёкой Праге, когда лектор и автор книг, которыми завалены все книжные магазины, собирается выстрелить в знаменитой серии “Молодой гвардии”?

Заметьте: никто по горячим следам не вступил с ним в яростную полемику, Ольга Скобеева не заклеила в “60 минутах”. Странно... Мы всё обличаем “жидобандер” на Украине, а тут Быков такие теории загибает про “освобождённую Россию”, что в Бабьем Яру земля шевелится. От кого освобождённую-то, от коммунистов, как в “незалежной”? Вчитайтесь: “К сожалению, российская гражданская война сороковых годов включала в себя практически массовое истребление евреев. И те, кто собирался жить в свободной России, освобождённой гитлеровцами, вынужден был согласиться с тем, что на подконтрольной гитлеровцам территории полностью истребляли евреев. Такой ценой покупать российское счастье, я думаю, никто не был готов. И это ещё одна роковая кривизна российской истории. Понимаете, я абсолютно уверен, что Гитлер бы добился той или иной, но всё-таки популярности в России, если бы истребление евреев (и, как частный случай, цыган) не было бы его главной задачей. К сожалению или к счастью, инфильтрация евреев в русскую культурную жизнь в тот момент была уже достаточно значительной, и такой ценой покупать независимость российский социум не был готов... Если бы Гитлер в тот момент был чуть более модернизирован, чуть более интернационалистичен... Но гитлеровский зоологический, совершенно примитивный, чудовищный антисемитизм, конечно, возбуждал недоверие и вражду среди русской интеллигенции. А тот, кто не дружит с интеллигенцией, в России не победит никогда. Это важный закон, и это так”. Это как бы и предупреждение нынешней власти: дружите с “инфильтрационной частью” интеллигенции, и единственное объяснение патриотического порыва по защите общей Родины всех тех, кто не хотел “освобождения” ценой победы Гитлера в “гражданской войне 40-х”. Модная на Западе теория.

Ну, а сам не блестящий образованностью Новотны признался, что идею монуента ему подсказал соратник по Гражданской демократической партии, основатель Института исследований тоталитарных режимов Павел Жачек. “Неоднозначные власовцы вызывают эмоции, прежде всего, у коммунистов и путинской пятой колонны в Чехии, поскольку опровергают их пропагандистский тезис об освобождении Праги Красной армией”, – злорадно пишет чешское издание Forim 24. Малость протухший тезис о том, что Прагу в мае 1945 года спасли не советские солдаты, а коллаборационисты из РОА, стал популярен в Чехии сразу после падения в 1989 году социалистического режима. Впрочем, и самих чехов-жачеков вряд ли можно считать изобретателями этой концепции. Здесь первый, как и во многом антисоветском, Александр Солженицын, который в “Архипелаге ГУЛаг” писал: “Уже при общем развале, уже без согласования с Oberkommando, Власов к концу апреля собрал свои две с половиной дивизии под Прагу. Тут узналось, что эсэсовский генерал Штейнер готовится уничтожить чешскую столицу, в целом виде не отдать её. И Власов скомандовал своим дивизиям перейти на сторону восставших чехов. И всю обиду, горечь, злость, какую накопили на немцев подневольные русские груди за эти жестокие и бестолковые три года, выпустили теперь в нападении на немцев: с неожиданной стороны вышибли их из Праги. (Все ли чехи разобрались потом, [какие] русские спасли им город? У нас история искажена, и говорят, что Прагу спасли советские войска, хотя они бы не могли успеть)”. Искажает историю сам Солженицын!

Есть масса свидетельств участников событий, историков, в том числе – с немецкой стороны. Картина давно прояснена: к началу мая 1945 года под-

разделения РОА, включая 1-ю пехотную дивизию Буняченко, который сдался немцам в 1942 году под Орджоникидзе, оказались на территории Чехословакии. Несмотря на то, что Гитлер был уже мёртв, а Берлин переживал последние часы обороны, на территории “Протектората Богемия и Моравия” продолжали вести бои подразделения группы армий “Центр” под командованием фельдмаршала Шернера и часть подразделений группы армий “Австрия” генерала Лотара Рендулича. Общая численность этой группировки составляла около 900 тысяч солдат и офицеров. Жители Праги, немало натерпевшиеся за годы гитлеровской оккупации, ждать больше не могли и не хотели. Когда до города дошли новости о падении Берлина, восстание началось практически стихийно. В ночь на 5 мая 1945 года премьер-министр Рихард Бинерт по радио заявил о ликвидации протектората и начале всеобщего восстания против оккупантов. На улицах города закипели ожесточённые бои. Новости о восстании заставили советское командование спешно корректировать свои планы, и 6 мая, на сутки раньше намеченного срока, главная ударная группировка 1-го Украинского фронта под командованием маршала Ивана Конева начала наступление. Оно шло в круглосуточном режиме.

В запоздало вспыхнувшем пражском восстании “борцы со сталинским режимом” из дивизии Буняченко увидели шанс: у них вдруг появилась реальная возможность продемонстрировать западным союзникам свою якобы антифашистскую сущность. Современные адвокаты власовцев как в Чехии, так и в других странах (в том числе в России) пытаются представить их участие в майских боях в Праге как “искренний порыв настоящих русских патриотов, пришедших на выручку братьям-славянам”. Однако они преследовали шкурный интерес, даже если кто-то и выместил месть за былое унижение от гитлеровцев. Власовцам с утра 7 мая даже удалось занять несколько слабо укреплённых районов города, может, и Ржепорье: немцы, из-за неразберихи со связью не знавшие о предательстве вчерашних союзников, поначалу не оказали серьёзного сопротивления атакующим людям в форме вермахта. Однако вскоре ситуация прояснилась, и гитлеровцы взялись за двойных предателей всерьёз: начались упорные уличные бои. Здесь “герои РОА” впервые дрались по-настоящему: в случае успеха они могли предъявить западным союзникам “освобождённую” ими Прагу и рассчитывать на комфортный американский плен. О договоренностях между СССР и США по поводу судьбы чешской столицы они просто не знали. Однако к ночи и им стало ясно, что в Прагу скоро войдут советские, а не американские войска.

Всё то время, что 1-я дивизия РОА, де-факто оставив фронт, гуляла по немецким тылам, генерал Власов пытался урегулировать конфликт с немецким командованием и на фоне начавшегося Пражского восстания вдрызг разругался с Буняченко. Генерал-предатель, которому сегодня собираются ставить памятник, был категорическим ПРОТИВНИКОМ вмешательства в пражские события, призывал увести дивизию подальше от зоны активных боёв, чтобы сдать её американскому командованию. Буняченко же был готов помочь повстанцам, рассчитывая, что это поможет затем договориться с американцами, а кроме того, как вспоминали сами бывшие власовцы, в дивизии были сильны антинемецкие настроения, и многие солдаты горели желанием нанести удар по немцам. Буняченко вынужден был учитывать этот фактор, дабы полностью не утратить контроль над дивизией, а Власов, трусливо просчитав весь расклад, попросту удалился и никакого участия в пражских событиях не принимал. Вот тебе и “скомандовал своим дивизиям”, как привычно лгал Солженицын.

Власовцы, несмотря на мольбы жителей, дружно покинули Прагу и добились своей цели — вышли к позициям американцев. Но те не разделили радости от встречи с предателями — “борцами за свободу России от большевизма”. Разговор был коротким: “Вы кто такие? Русские? Вот пусть русские с вами и разбираются”. Они потом и разобрались... В самой Праге продолжались бои, но уже без участия РОА, и утром 9 мая в город вошли танковые части 1-го Украинского фронта маршала Конева. Немцы продолжали сопротивляться в чешской столице и её окрестностях ещё несколько дней. Потери советских войск в Пражской операции составили 11 тысяч солдат и офицеров убитыми и более 30 тысяч ранеными, мы потеряли несколько сот единиц боевой техники; власовцы же потеряли в быстротекущей заварушке менее тысячи человек, один танк и два орудия. Так что военно-историческая подоплё-

ка ясна и давно известна, но идеологическая битва за дымовой завесой домыслов и лжи продолжается. В ней есть и свои предатели, и свои перебежчики, но, увы, никто из западных покровителей не скажет сегодня: “Вы русские (или русскоязычные)? Вот пусть русские с вами и разбираются”. А если бы и сказали, никто решительно разбираться с русофобами на родине не собирается, вот они и поют в унисон с рвотными наводными. Хочу посоветовать чехам: если они до конца не потеряли память и совесть, остались славянами, которых Гитлер хотел уничтожить, пусть поставят памятник Русскому солдату. Не нравится советский маршал – так не совершайте дикую ошибку: генерал-предатель Власов вашу Прагу и не собирался освобождать! Пусть образ солдата-освободителя символизирует и тех, кто, вступив на путь предательства, всё-таки выплеснул свой гнев, ведя огонь по немцам и помогая восставшим пражанам. В этом, если глянуть с Вышгорода, есть высшая справедливость. Но меня-то больше волнует взгляд с Кремлёвского холма: будем ли мы беречь и защищать как главную святыню то общее, что у нас есть, – Родину?

ПО БОЖЖЁННОМУ СЛЕДУ

Дождливым утром 11 июля 1942 года на Мустоловских высотах под Ленинградом самолёт СБ-2, подбитый финской зенитной батареей, не дотянул 300 метров до своих и пошёл в крутое пики. Горящая машина накрыла передовые позиции врага... Все три кольца от неиспользованных парашютов поисковики нашли в останках бомбардировщика. Огненный таран совершил героический экипаж в составе Семёна Алёшина, Владимира Гончарука и Николая Боброва – моего старшего брата, которому исполнился тогда 21 год. Через много лет в обожжённом лесу командир поискового отряда “Безымянный” Герман Сакс натолкнулся на детали самолёта, ребята откопали на большой глубине подбитый мотор, нашли в складках алюминия останки асов. Долго пришлось доказывать, что это именно тот самолёт и те останки, поскольку документы были утрачены. Обо всех перипетиях и поисках через финские архивы я рассказывал в журнале.

В 2018 году на Казанскую, 4 ноября, было проведено торжественное захоронение героев у памятника близ платформы Лемболово. Летом минувшего года был установлен памятный знак прямо на месте гибели экипажа. По просьбе поисковиков рабочие Выборгского механического завода в личное время изготовили памятный знак, администрация Агалаковского сельского поселения проложила дорогу к мемориальному месту и подготовила торжественную церемонию. Мы с главой администрации Владимиром Сидоренко открыли обелиск под звуки воинского салюта, по свежепроложенной дороге приехала полевая кухня, и молодые участники военно-патриотического движения вместе с ветеранами и гостями, среди которых был мой сын Дмитрий и внучки Оля и Марина, попробовали солдатской каши. Когда-то обожжённая поляна в Мустоловском лесу стала ещё одним памятным местом на Карельском перешейке, во Всеволожском районе.

Но имя брата было запечатлено ещё и в Приозёрском районе, где проходили самые массовые переименования в 1948-м и в 1949 годах. Спешным постановлением Президиума ВС РСФСР переименовывали 600 населённых пунктов и финских объектов. Я помню с детства официальное письмо родителям (увы, утраченное!), что в честь их сына Николая Боброва названо селение в Приозёрском районе. Начал уже давно искать это селение, но безуспешно. Сначала архив Приозёрского района указал на деревню Бобровку (бывшую Парпуа) Громовского поселения, так же написано и в книге Д. И. Шитова “Карельский перешеек. Земля неизведанная. Восточный сектор”.

После многих поисков и поездок я уже договорился с главой МО Алексеем Кутузовым, что мы установим мемориальную доску на большом валуне, оставшемся от последнего финского дома. Но музей “Корела” по запросу недоверчивого главы выдвинул другую версию. Вот что написала и. о. директора Инга Дубовцева: “Долгое время не могла найти то самое место, где располагалось Боброво. К сожалению, на современных и даже советских картах населённый пункт с таким названием трудно найти. Однако на старой карте Ленинградской области 1941 года удалось обнаружить названия трёх населённых пунктов, непосредственно упомянутых в Указе о переименовании и объединённых под названием Боброво – Рантала, Корпе, Каукола. Это недалеко

от ж/д станции Оярви (на картах она обозначена) и географически – окраина Севастьяновского сельского поселения Приозёрского района. Увы, судя по современному спутниковым снимкам, то самое место, где располагалось Боброво, сейчас заброшено. На берегу озера едва заметно только одинокое небольшое строение. Мне кажется, туда можно добраться по дороге из посёлка Севастьяново... С вашей стороны увековечить память брата, совершившего подвиг, – это неоценимый вклад в сохранение памяти военной истории нашей страны и Карельского перешейка, в частности, и я отношусь к этому исключительно положительно. Именно поэтому вам пока лучше не торопиться с этим и всё-таки выяснить, как дела с переименованиями обстояли на самом деле. Меня этот вопрос заинтересовал, и помимо того, что было найдено в наших музейных документах, я решила подключить Ленинградский областной архив в г. Выборге и сделала туда запрос, т. к. у них наверняка есть информация, которая прольёт свет на историю названий Бобровки и Боброво”.

Оба архива отписались, посоветовали обратиться в Государственный архив, там я получил оригинал 1949 года, но поспешное переименование не содержало конкретного обоснования: в честь Н. А. Боброва. Всё опять застыло. Взглянула мне помочь приозёрская писательница Галина Васильевна Хабибулина, которая написала одну из биографических книг от лица блокадной девочки. В сентябре приехал в Приозёрск на литературный фестиваль “Журавль над Корелой”, проехал в Севастьяновское поселение, выступал в администрации, посетил лютеранскую церковь св. Иоанна. Пастор Виктор Ружицкий после обращения к финским старожилам сообщил: “Мною с помощью председателя общества Каукола установлены места, известные под названием Рантала и Корпи! Сейчас как таковых там поселений нет. Самое близкое – в 3-4 км находится большой дачный массив Боровое, рядом с железнодорожным перегонном Приозёрск-Кузнечное, эти места сейчас, вероятнее всего, относятся к Кузнеченскому МО Приозёрского района!” У школы в Кузнеченском стоит памятник лётчику-герою Севастьянову, населённых пунктов осталось мало. Как вернуть имя Николая Боброва на карту?

Неутомимая дочка блокадного Ленинграда взялась мне помогать, но, увы – написала: “Александр Александрович! Весь материал ваш о брате отпечатала и познакомила главу администрации Приозёрского района Владимира Владимировича Бабака. Его ответ таков: он уже занимался вопросом продвижения имени Героя Советского Союза Н. А. Боброва в Приозёрский район, но документа, подтверждающего то, что именно его именем назван был посёлок, нет. Посёлок, мол, был так назван давно по той причине, что рядом озеро Бобровка из-за наличия в нём семейств бобров, они и сейчас там плодятся. Так что официального документа нет. Николай Бобров – достояние Всеволожского района, поэтому и присвоение имени Героя школе в Кузнечном невозможно, тем более, что у школы памятник Герою Советского Союза Севастьянову”.

Инга Владимировна, которая уже не директор музея, написала: “Вот это поворот... Я в шоке... Вообще-то озеро Бобровское, а не Бобровка. И озеро, и населённый пункт Боброво названы в честь Н. А. Боброва!!! Нет документов? А что, им подписанной музеем справки недостаточно???” Выходит, наверное, недостаточно... Поблагодарил женщин-патриоток за хлопоты. Да, во Всеволожском районе немало сделано по увековечению памяти Героического экипажа (в том числе и моими усилиями), но я ведь помню с детства письмо родителям официальное о Приозёрском районе. Не думаю, что в те строгие года кто-то шутил, используя обилие бобров в озере. Но всё-таки не оставляю надежды в Году памяти и славы вернуть имя брата на карту Приладожья. Пока бесплодно, но он хоть на небесах видит, что младший брат старается. Кстати, в Кузнечном есть православная Георгиевская церковь, приеду – начну с настоятелем советоваться: нельзя ли, так сказать, зримо помянуть воина на путях к храму или вблизи. Ведь это – духовный центр, средоточие остатков общей Памяти и Веры.

АЛЕКСАНДР СЕВАСТЬЯНОВ

ЧЕРЧИЛЛЬ И ЕВРЕИ

ПРОЛОГ

Его собственная политическая карьера, казалось, текла среди водоворотов еврейской истории.

Мартин Гилберт

Личность влияет на ход истории. Иногда в очень сильной, а порой и в определяющей степени. Это факт, который косвенно признали даже марксисты, на словах эту роль отвергавшие, но на практике при этом установив культ личностей Маркса, Ленина, Сталина и других, классом ниже, именно за их роль в истории.

А что влияет на поведение личности? Что формирует её мотивы? Увы, это частенько бывают мифы и/или собственные заблуждения. Скажем, у Гитлера – одни, у Черчилля – другие. И только Сталин до конца имел трезвый ум, оставаясь во всём чистым прагматиком и не поддаваясь даже мифологии марксизма, толкуя её на свой лад по мере необходимости.

Чтобы глубоко проникнуть во внутренний мир Черчилля, постичь набор его мифологем, мотивы его политической деятельности, приходится начать с рассмотрения темы “Черчилль и евреи”. Одноимённая книга Мартина Гилберта оказывает в этом деле поистине неоценимую помощь. Но не только она. В последнее десятилетие опубликованы и другие исследования, посвящённые углублённому анализу отношений Черчилля, евреев, Израиля и т. п. Я имею в виду, в первую очередь, монографию гарвардского питомца Майкла Маковского “Черчилль и Земля Обетованная: сионизм и политика”¹ и биографию Черчилля, написанную профессором Иерусалимского университета Норманом Роузом².

Откровенность всех этих новейших исследований не всем пришлось по вкусу. Видимо, в некоторых кругах созрело понимание того, что пропагандируемая ими неприкрытая и действенная юдофилия Черчилля, приведшая его ещё в юности в лагерь сионистов, корректирует его биографию в нежелательную сторону в глазах массового читателя разных стран. И вот уже отмечаются активные попытки дезавуировать эту точку зрения. В частности, в журнале “Лехаим” за ноябрь 2009 года появилась статья трёх авторов сразу (Станислав Кожеуров, Иван Фадеев, Алек Д. Эпштейн) под названием “Уинстон Черчилль и сионизм: история метаний”. Пафос статьи задан фразой: “Хотя Черчилль порой то ли всерьёз, то ли в шутку называл себя “сионистом”, его реальная политика на протяжении более чем тридцати лет доказывает, что его

проеврейские и просионистские высказывания зачастую оставались не более чем риторикой”³. Основной аргумент — Черчилль-де сделал недостаточно для предотвращения Холокоста или хотя бы уменьшения его масштабов. Ниже я подробнее остановлюсь на этой сомнительной идее.

Ну, а пока я хотел бы ознакомить читателя с историческими фактами, почерпнутыми в литературе и архивах, красноречиво убеждающими нас в том, что Черчилль отнюдь не ограничивался риторикой (хотя устное и письменное слово всегда было его главным оружием политика, в полном соответствии с британской традицией). Нет, он был настоящим борцом за дело сионизма, за права и интересы евреев, убеждённым, настойчивым, упорным, не знающим усталости и каких-либо нравственных ограничений, использующим любые средства в борьбе. Именно таким предстаёт он осведомлённому читателю, нравится это кому-то или нет.

Я отдаю предпочтение книге Гилберта как источнику, поскольку она есть плод колоссального и добросовестного труда, вобравший в себя огромный фактический материал, почерпнутый автором за сорок лет не только в очень многих журнальных и газетных статьях и заметках, книгах и монографиях, но и в государственных и негосударственных архивах, а также в личных собраниях писем и документов видных исторических деятелей эпохи⁴. Однако выяснилось, что на один и тот же факт можно смотреть с очень разных точек зрения, и тогда его оценка способна измениться на прямо противоположную. В итоге книга оказалась наделена огромной разоблачительной силой, на корню уничтожающей симпатию к Черчиллю у любого, кто не является евреем и не потерял способность самостоятельно мыслить. Как в инфракрасном излучении, она позволяет заглянуть за слой краски и лака, нанесённый благодарными современниками и потомками, чтобы увидеть подлинный инфернальный облик этого политического деятеля. Гилберт проделал для этого всю необходимую работу, надо лишь посмотреть на его труд под несколько иным углом и немного переставить акценты⁵.

Миф Черчилля о евреях

Итак, у Черчилля, безусловно, был свой миф, которым он слишком во многом руководствовался в своих мыслях и поступках, — и как частное лицо, и как государственный деятель. Это миф о евреях. Конечно, Черчилль, очень прагматичный и рациональный во всём, всегда зависел от еврейской поддержки — еврейских денег или от денег, добываемых для него евреями. Конечно, он понимал, как никто другой, также политическую силу евреев и делал на них осознанную ставку. Но была у Черчилля и большая подлинная любовь к евреям — иррациональное чувство, двигавшее им. Оно зиждилось на вышеупомянутом мифе.

Это иррациональное увлечение возникло ещё в детстве и проявилось необычно и сильно. “С самых ранних лет он увлекался историей еврейского народа. В годы учёбы в Харроу он тщательно изучал Ветхий завет. Эта книга стала источником его образования и дала питательную пищу его воображению. Одно из его первых школьных сочинений называлось “Палестина во времена Иоанна Крестителя”. Описывая фарисеев, он просил своего читателя, — в данном случае им был его преподаватель, — не быть слишком строгим по отношению к этой “жестокой” еврейской секте. “У них было множество недостатков, — писал он и тут же добавлял: — А у кого их мало?” (13). Странноватая позиция для юного христианина, весьма отдающая предательством, не так ли? Ведь, как известно, именно фарисеи настояли на распятии Иисуса Христа. Ну, распяли и распяли, зачем же строго их судить за это, в самом деле...

Запомним этот эпизод черчиллевской измены своим ради чужих, он будет не раз повторяться в другое время, в других обстоятельствах и по другим поводам, но останется прежним по сути.

Религия и мораль находятся, как понимает читатель, в нерасторжимой связке, они зачастую не могут существовать друг без друга, поскольку религия есть высшая санкция морали. Отстраивая и затем отстраивая свой миф о евреях, Черчилль, находясь в 1921 году в Иерусалиме, смело утверждал: “Мы в долгу перед евреями за возрождение системы этики в рамках христианского вероучения. Эта система, даже если её полностью отделить от сверхъестественного, была самым драгоценным сокровищем человечества,

равноценным плодам всех других учений, соединённых вместе. На основе этой системы и этой веры на развалинах Римской империи была построена вся существующая цивилизация” (375). О том, что Христос решительно отвергал, опровергал еврейскую этику, представленную тогда и потом именно фарисеями, а евреи в целом как раз-таки жёстко и необратимо отвергли этику Христа, Черчилль, разумеется, промолчал. Евреи для него уже прочно стояли вне критики.

Между тем, в этой речи, ставшей весьма популярной, Черчилль лишь повторил одну из идей своей не самой известной статьи “Сионизм против большевизма: Борьба за душу еврейского народа”, опубликованной в “Санди геральд” ещё 8 февраля 1920 года. В ней он опирался на тезис знаменитого еврея Бенджамена Дизраэли⁶, который стал не только премьер-министром Англии, но и лидером партии консерваторов: “Господь Бог так относится к другим нациям, как эти нации относятся к евреям”. В сущности, этот тезис — не что иное, как изложение верховного принципа Торы о еврейской исключительности, еврейском превосходстве, еврейской богоизбранности. Как видим, Черчилль как политик уже в молодые годы вполне уверенно апробирует этот принцип. Ему он следовал всю жизнь.

Увлечение Священной историей (иными словами, историей древних евреев) затянулось у Черчилля надолго, оно упорно не покидало его. Уже 55-летним, в 1931 году он вдруг пишет эссе о главном пророке ветхозаветных евреев — Моисее; эссе публикуется в “Санди кроникл” 8 ноября 1931 года. Там автор выражает полную уверенность в том, что Моисей был не просто “легендарной фигурой”, придуманной ради пользы дела. Он заверяет: “Мы верим, что научные взгляды и концепции окажутся в полной гармонии с буквальным толкованием Библии и надёжно свяжут имя Моисея с одним из грандиознейших скачков, отмечаемых в человеческой истории”. Мало того: “Это бродячее племя... ухватило и провозгласило идею, на которую оказались неспособны весь гений Греции и вся мощь Рима... Моисей был величайшим из пророков, говорившим лично с Богом Израиля” (123). Мог ли Черчилль при таком подходе сомневаться в богоизбранности евреев? Скорее, он свято верил в неё.

Подобные мысли сопровождали Черчилля всю жизнь, он придавал им чрезвычайно большое значение, хотя и был полным дилетантом в библеистике, а вёл себя зачастую и вовсе, как безбожник. Спустя ещё тридцать лет, уже 85-летним, он подарил как ценный раритет и дорогой его сердцу сувенир один печатный экземпляр своего эссе премьер-министру Израиля Бен-Гуриону.

Черчилль вообще много говорил и писал о евреях. Настолько, что даже не всё, им написанное, попало в печать. Так, лектор Кембриджского университета Ричард Той неожиданно отыскал неопубликованную статью бывшего британского премьера о причинах гонений на евреев. Статья “Как евреи могут бороться с гонениями” была написана в 1937 году, в ней Черчилль говорит о том, что не только “злоба гонителей” является причиной плохого обращения с евреями на протяжении веков. Главным в отношении нееврея к еврею Черчилль называет то, что он “другой”: “Он выглядит по-другому. Он думает по-другому. У него другие традиции и корни. Он отказывается быть принятым”, — писал будущий глава правительства, подчёркивая инаковость настоящего еврея и еврейское стремление к самоизоляции. Это был достаточно глубокий взгляд, ведь евреи недаром говорят сами о себе словами Торы: “Вот народ, который живёт отдельно и среди народов не числится”. И не случайно во всех странах рассеяния, где только ни возникла еврейская диаспора, она немедленно создавала свои закрытые для неевреев зоны — гетто, где и проживала замкнуто по своим законам и установлениям, подчиняясь кагалу и тайному национальному суду Бет-дин, действующему параллельно и независимо от суда страны проживания⁷. Такие наблюдения Черчилля говорят о том, что он не напрасно интересовался с детских лет еврейским народом и хорошо разглядел его специфику. “Евреи представляют собой счастливую общину, — писал он ещё перед Первой мировой войной, близко познакомившись с жизнью евреев Манчестера, — потому что среди них царит корпоративный дух их нации и вера” (376). Под обаянием этих впечатлений от национальной солидарности, спайки евреев между собой он находился всю жизнь.

Чем, кроме этого обаяния, можно объяснить, например, такие его рассуждения, вполне типичные для еврейской национальной мысли, но отвергаемые, как правило, нееврейским учёным сообществом: “Есть народы,

насчитывающие сотни миллионов человек, но оказавшиеся при этом неспособными произвести из своей среды хотя бы одного лауреата Нобелевской премии и сейчас благоденствующие за счёт гениальных открытий евреев” (355). Поистине, не каждый еврей отважится на такое заявление, каким, не отводя глаз, мог козырнуть британский премьер!

Или вот: в ответ на упрёк профессора Реджинальда Каплена, что палестинские арабы поставлены перед властями Великобритании в неравноправное положение по сравнению с евреями, а потому “чувствуют к себе холодность со стороны британских властей”, Черчилль резко ответил: “Это зависит от того, какая цивилизация вам ближе” (153). Ему-то явно были ближе евреи, и он не только “не скрывал своих предпочтений”, но хотел навязать их и парламенту, и правительству, и всей Англии, и всем англичанам. И все они, в конечном счёте, расплатились за это так жестоко, как только возможно.

Весьма характерным можно считать признание Черчилля 12 марта 1941 года, которое он сделал ведущему сионистскому лидеру Хаиму Вейцману, которого он сравнивал с библейскими пророками, в то время как у евреев-современников Вейцман пользовался прозвищем “царя иудейского”. Черчилль на той встрече сказал, что им нет нужды долго разговаривать, потому что их мысли “на 99 процентов идентичны”. И что, когда бы они ни встретились, у него “переворачивается сердце”. Он заверил также, что “никогда не подведёт” Вейцмана (229). Это обещание он держал с самого момента их знакомства и до конца. Ибо обманывал многих и часто, но никогда — евреев.

Когда Великобритания официально признает, наконец, Израиль, Вейцман, избранный первым президентом нового государства, направит именно Черчиллю благодарственную телеграмму. И Черчилль, ответив: “Я с удовольствием вспоминаю всё наше долгое сотрудничество”, — припишет затем от руки: “Свет разгорается...” (342).

Гилберт, делая вывод о взаимоувязанности всей биографии Черчилля с еврейской темой, подчёркивает: “У него были коллеги-евреи и помощники-евреи. Он восхищался крупными историческими фигурами еврейского происхождения. Он сам совершенно ясно сказал во время обсуждения английским обществом проблемы еврейского терроризма в Палестине: “Еврейский народ весьма хорошо знает, что я его друг” (378). Уточню: еврейский терроризм, о котором идёт речь, был обращён против англичан, и такое признание поистине дорогого стоило. Оно было сделано другу-еврею в доверительной беседе, в то время как публично Черчилль вынужден был осуждать акты террора против британцев (12). На чьей же стороне в действительности был влиятельный политик, которого все по сей день считают защитником интересов Великобритании? Более подробный разговор об этом впереди, он не оставит у читателя и тени сомнений⁸.

Кто был для Черчилля своим, а кто чужим? Парадоксально, но свою собственную идентичность политик определял порой довольно неожиданно и своеобразно. Однажды он заявил фельдмаршалу сэру Уильяму Слиму, главе генерального штаба: “Фельдмаршал, посылая вас в Египет, я хочу сделать совершенно ясным одно обстоятельство: сам я сионист, и я хочу, чтобы вы исходили в своих действиях из этого” (354–355). Хорошая инструкция представителю военной мощи Британии от британского премьер-министра, не правда ли?

Подобные признания делались им не раз и не случайно. Весной 1946 года Черчилль находился в Соединённых Штатах. 18 марта он был почётным гостем на обеде, данном Бернардом Барухом в Нью-Йорке⁹. Один из присутствующих, видный экономист Элиша Фридман, на следующий день написал Черчиллю: “Вы глубоко тронули меня, сказав, что вы сионист” (308). Возвращаясь из Соединённых Штатов на борту лайнера “Куин Мэри” и знакомясь со списком пассажиров, Черчилль узнал, что на борту находится Барнетт Джернер, с которым он двадцать лет назад работал в комитете в поддержку сионизма в палате общин. Он пригласил Дженера на чашку кофе в свою каюту, и первыми его словами при встрече были: “Я сионист” (349)...

Наконец, в ходе официального визита в США во время своего второго премьерства летом 1954 года, отвечая на вопросы корреспондента на пресс-конференции, Черчилль вновь заявил: “Я сионист”.

Вот так манера представляться! Никто Черчилля за язык не тянул, таково было его свободное самоопределение. Надо, разумеется, иметь в виду, что

сионизм — это не только движение за переселение евреев всего мира из стран рассеяния в Палестину, как иногда приходится слышать от его апологетов. Это ещё и светская разновидность доктрины еврейского превосходства, имеющая религиозную основу, но секуляризованная в XX веке. Именно из-за этой особенности Генеральная Ассамблея ООН в своей знаменитой Резолюции № 3379 от 10 ноября 1975 года приравняла сионизм к расизму и расовой дискриминации¹⁰. Но это было уже после смерти Черчилля, так что он ещё не слишком рисковал своей репутацией, делая такие заявления насчёт самого себя. Однако и пройти мимо них честному историку невозможно.

Такого же рода свидетельств о том, сколь привилегированное место занимали евреи в уме и душе Черчилля, очень много, и об этом были отлично осведомлены его современники, как враги, так и друзья. К примеру, Гилберт вспоминает, как 1 сентября 1969 года он “провёл целый день в беседе с сэром Эдвардом Льюисом Спирсом — генералом, многолетним другом Черчилля и его соратником по военной службе, по занятиям историей и по работе в парламенте”. Убедившись, что Гилберт намерен создать полный и достоверный портрет Черчилля, Спирс доверительным тоном произнёс: “Даже у Уинстона был один недостаток — он был слишком привязан к евреям” (11).

“Привязанность” — это не холодный политический расчёт, который может легко быть изменён в изменившихся обстоятельствах. Тут уж, как говорится, сердцу не прикажешь. В этом нас убеждает весь жизненный путь сэра Уинстона.

Семейная традиция — чисто английский фетиш

Интересно выглядит Уинстон Черчилль со своими представлениями о еврействе не только сам по себе, но и в рамках семейного портрета.

Симпатии Черчилля к евреям были так велики, так откровенны и так необъяснимы, что в наше время в Израиле была даже сделана попытка приписать ему еврейское происхождение по его матери, леди Рэндольф Черчилль, урождённой Дженни Джером. Стремление найти объяснение его чрезвычайной юдофилии через поиск еврейских корней более чем естественно. Эту попытку предпринял в 1993 году Моше Кох, якобы выяснивший, что отец Дженни, американский финансист и бизнесмен Леонард, изначально носил фамилию Якобсон, которую сменил затем на Джерома. Но на самом деле линия Джеромов может быть прослежена вполне чётко с 1717 года, когда эмигрант Тимоти Джером высадился на берег Нового Света¹¹, так что версия о еврейской крови в жилах Черчилля не может считаться подтверждённой.

Зато отец Уинстона Черчилля, лорд Рэндольф Черчилль — уж это совершенно точно — “был известен своей тесной дружбой с евреями. Завсегдатаи британских клубов сплетничали о том, что у него было много друзей-евреев, а члены семьи упрекали его за то, что он приглашал евреев к себе домой” (13). Другья и знакомые из числа англичан даже подтрунивали над ним за это, иногда с грубоватой прямотой. Но сын преклонялся перед памятью отца и даже опубликовал в 1906 году его двухтомную биографию, а также назвал в его честь своего сына. “Когда-нибудь я стану государственным деятелем, таким же, как мой отец”, — делился он юношеской мечтой со своим врачом. Поэтому неудивительно, что пример, поданный досточтимым родителем, среди прочего, в отношении евреев, был Уинстоном воспринят и усвоен. Таким образом, его зависимость от евреев началась ещё до вступления во взрослую жизнь и даже без его воли.

Между тем, “евреи, с которыми его отец был знаком и которых он приглашал к себе в дом, были выдающимися людьми, сумевшими многого добиться в жизни. Одним из них был “Нэтти” Ротшильд — первый барон Ротшильд, глава лондонской ветви банкирской семьи Ротшильдов, ставший в 1885 году первым евреем — членом палаты лордов. Другим был родившийся в немецком Кельне сэр Эрнест Кассель — банкир, близкий друг принца Уэльского, будущего короля Эдуарда VII” (14). “Другой хорошо знакомой Черчиллю ветвью семейства Ротшильдов была семья Леопольда Ротшильда, в чьём доме в Ганнерсбери неподалёку от Лондона он обедал в 1895 году в бытность свою младшим офицером британской армии, с сыном которого, Лайонелом, ставшим впоследствии членом парламента от партии консерваторов, он дружил... Родители Черчилля дружили также с родившимся в Австрии

бароном Морисом де Гиршем, ведущим еврейским филантропом; они были частыми гостями в его доме в Лондоне” (15). Поистине, не имей сто рублей, а имей сто таких друзей, как у папы Черчилля.

Рэндольф Черчилль умер от сифилиса, оставив после себя долги, когда Уинстону было всего 21 год. (Жить в долг было для Рэндольфа привычкой – недаром при его вступлении в брак будущий тесть, богач, был вынужден внести за зятя 2000 фунтов и в дальнейшем настоял на раздельном пользовании супругов капиталами.) Мать Черчилля, красotka, известная в свете своими внебрачными романтическими отношениями с весьма высокопоставленными любовниками, – помимо Берти, принца Уэльского, в их число входили чешский аристократ Карл Кински, король Сербии Милан IV Обренович, сэр Уильям Гордон-Камминг, граф де Брейтель и др., – не могла, однако, содержать семью на должном уровне. Юный Уинстон оказался в нелёгком положении. К счастью для него, отец оставил в наследство ему не только финансовые затруднения, но и своих еврейских друзей. О том, как это помогло Уинстону выжить, расскажу ниже.

“После смерти лорда Рэндольфа Черчилля в 1895 году еврейские друзья его отца продолжали дружить с его сыном. Лорд Ротшильд, сэр Эрнест Кассель и барон де Гирш часто приглашали его к себе” (16). Черчилль очень дорожил этими отношениями и не только сам берётся чего-либо, могущего бросить на них тень, но и всю семью (как старшее, так и младшее поколение), если так можно выразиться, перевёл на юдофильские рельсы.

В частности, вот примечательный эпизод. В 1906 году кузен Уинстона, девятый герцог Мальборо, возмущен рецензией в газете “Дейли телеграф”, разнёсшей в пух и прах двухтомное сочинение Черчилля о своём отце. Весьма влиятельную газету редактировал еврей, Генри Леви-Лоусон, и оскорблённый читатель направил ему гневное письмо, а копию – Уинстону, написав при этом: “Я не позволю евреям утверждать, что члены моей семьи бесчестны, не ответив им крепче, чем они ожидают”. Он добавил, пытаясь вразумить кузена: “С евреями нельзя обращаться столь же доброжелательно, как это принято между христианами”. Но Черчилль не последовал его примеру. Он не внял голосу родни и даже не откликнулся, явно не желая осложнить свои отношения с еврейским сообществом Англии и сделав потому вид, будто ничего не произошло, проглотив оскорбление памяти отца и своего собственного труда (28).

А вот не менее показательный случай: в 1907 году в своём письме Черчилль поучает родную мать, предостерегая её против включения в свои мемуары антисемитского, как ему казалось, пассажа об одном из ведущих британских политиков лорде Гошене: “Я не думаю, что история про Гошену заслуживает опубликования. Она оскорбит не только семью Гошена, но и евреев вообще” (18–19).

Всю жизнь Черчилль неустанно стремился не просто пестовать, но и преумножать свои еврейские связи, и вся семья помогала ему в этом. К примеру, особые отношения его матери с новым королём Эдуардом VII, сложившиеся ещё в бытность того принцем Уэльским, обогатили Черчилля знакомством с несметно богатым выходцем из Багдада, евреем-сефардом Реуэном Сассуном. Его племянник Филипп Сассун (в матери которого, кстати, текла кровь Ротшильдов), ставший впоследствии министром общественных работ, а там и министром авиации Великобритании, сделался довольно близким другом Черчилля и нередко принимал его в своём поместье Порт Лимн на побережье Ла-Манша.

Не только свою мать, но и жену, и сына, и дочь Черчилль старался держать в орбите дружеских, близких отношений с евреями. Характерен такой, например, эпизод из его биографии. Оказавшись после войны временно не у дел, Уинстон засел за книгу “История англоязычных народов”, в которой особое внимание уделил знаменитому британскому политику еврейского происхождения Бенджамину Дизраэли, графу Биконсфилду. Работая над посвящённой ему главой, он в течение нескольких месяцев жил на принадлежавшей его еврейскому другу и сотруднику Эмери Ривзу вилле “Да Пауза” на юге Франции, где по вечерам играл в свою любимую карточную игру безик с баронессой Жанной де Ротшильд, супругой венского богача Ротшильда. В работе над книгой ему помогал специально приехавший во Францию молодой еврей Морис Шок, преподаватель Университетского колледжа в Оксфорде. А в те же дни супруга экс-премьера Клементина Черчилль находилась на высокогорном швейцарском курорте Санкт-Мориц, где водила дружеское знакомство с нью-йоркским евреем Льюисом Эйнштейном (364).

Черчилль даже свою родную дочь показательно назвал Сарой, что, конечно же, не могло не вызвать одобрительной улыбки у его еврейских друзей. (Именно ей, кстати, сэра Уинстон доверит со временем зачитать его послание во время торжественного заседания в Карнеги-холле 29 апреля 1952 года по случаю четвёртой годовщины независимости Израиля.) Но тут любящий отец попал в ловушку, сотворённую собственными руками, потому что семейная юдофилия Черчиллей обернулась для него неприятным сюрпризом, когда любимая дочь достигла двадцатидвухлетнего возраста.

В чём суть этого дела? А суть в том, что дочь Черчилля Сара в 1936 году сбежала из дома с очаровавшим её Виктором Оливером фон Самеком – тридцативосьмилетним евреем, дважды разведённым актёром и пианистом, выступавшим на радио с комическими номерами и более широко известным под своим сценическим псевдонимом Вик Оливер. Черчиллю пришлось смириться с этим фактом. Со временем Сара вышла-таки замуж за Оливера (это был первый из трёх её браков), а Черчилль приобрёл зятя-еврея. А ещё два года спустя Черчилль обратился к постоянному помощнику министра внутренних дел с просьбой предоставить зятю британское гражданство. “Хотя, – пришлось признаться ему в своём ходатайстве, – первоначально я был против его брака с моей дочерью” (174–175). Но деваться политику-сионисту было некуда: ведь это всё были плоды его воспитания, следствие семейной атмосферы.

История эта станет понятнее российскому читателю в своём психологическом содержании, если вспомнить, что дочь замечательного российского актёра и режиссёра Никиты Михалкова вышла замуж за грузина, несмотря на огорчение отца. Но кто же виноват в этом? Ведь Михалков так долго и так широко сам уверял всех в том, что русским может считаться любой, кто любит Россию... В решающий момент ему нечего было возразить против выбора дочери. Ещё ближе по аналогии к черчиллевской ситуации пример академика Дмитрия Лихачёва, чья дочь также вышла замуж за еврея, после чего академику пришлось по поводу и без него делать громкие анти-антисемитские заявления, хотя никто его к тому не вынуждал...

Что ж, семейные узы – дело нешуточное. Теперь Черчилль оказался через свою легкомысленную дочь (она многое делала вопреки отцовской воле, включая выбор профессии актрисы и танцовщицы, а также склонность к алкоголю) привязан к евреям так крепко, как никогда.

Впоследствии он и сына принёс на тот же алтарь. Ещё до войны Рэндольф вошёл в число почётных членов президиума еврейской молодёжной организации “Маккаби”. А уже во время войны, в 1944 году, заброшенный с парашютом в Югославию к маршалу Тито, Рэндольф Черчилль действовал там как связной Еврейского агентства (Сохнут, в 1920 году возглавленный Хаимом Вейцманом). Год спустя в Лондоне Рэндольф Черчилль отчитывался Вейцману о том, как “пытался спасти 115 евреев в Югославии” (260–261). Несомненно, и в этом рискованном выборе рода деятельности сказались еврейские связи и симпатии, традиционные для семейства Черчиллей.

О том, насколько эти симпатии были безотчётны и глубоки, говорит поразительный факт: в годы Второй мировой войны не кто-нибудь, а Виктор Ротшильд, незадолго перед тем ставший третьим бароном Ротшильдом, лично занимался проверкой получаемых Черчиллем подарков в виде еды и сигар на предмет обнаружения в них яда (14). Не соплеменнику-англичанину, а именно еврею-инородцу доверил Черчилль свою жизнь! Может ли найтись свидетельство более многозначительное и выразительное?

Что ж удивляться, если сын Уинстона Черчилля Рэндольф, отлично осведомлённый обо всех этих обстоятельствах, написал в примечании к первому тому официальной биографии отца: “Уинстон Черчилль не ограничивал свою потребность в общении с новыми интересными личностями посещениями одних лишь домов евреев. В этот период он иногда встречался и с гоями” (16). Как указывал ещё М. Попов в “Полном словаре иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке” (1907), гой – это “общее еврейское название для всех не евреев; гой звучит с оттенком презрения”. Если это и юмор, то, признаться, довольно специфический. Английский?

Не только сыну, но даже и внуку экс-премьера (тоже Уинстону и тоже военному корреспонденту и политику) передалась юдофилия как родовое свойство семейства Черчиллей. Совместно со своим отцом Рэндольфом (сыном сэра Уинстона) он написал и издал в Иерусалиме в 1975 году книгу

“Шестидневная война”, проникнутую пиететом перед Израилем, который они именуют “одной из наиболее достойных восхищения стран”. Таким образом, перед нами, как минимум, четыре поколения одной семьи, в основе менталитета которой лежит осознание еврейского превосходства.

Разумеется, потомственные любовь, восхищение, почитание, привязанность и другие подобные чувства по отношению в евреям ни в коем случае не являются чем-то предосудительным для кого бы то ни было. Даже для государственного деятеля. Во всяком случае, если эти чувства искренни, бескорыстны и не вступают в противоречие с долгом перед родиной. Сердцу ведь, как уже сказано, не прикажешь.

Я склонен думать, что в случае с Черчиллем всё именно так и было, по большому счёту. Но вместе с тем, вряд ли кто-то станет оспаривать, что Черчилль менее всего был идеалистом, политиком не от мира сего. А равно вряд ли кто-нибудь рискнёт утверждать, что он не учитывал вполне земные и конкретные обстоятельства, делающие еврейство значительной финансово-экономической и политической силой.

Попробуем посмотреть на дело с этой точки зрения: не выяснятся ли некие важные подробности, проливающие свет на жизненный выбор и жизненный путь “величайшего британца”, как именуют Черчилля его соотечественники?

Но для начала попробуем разобраться и понять, что представляло собой еврейское сообщество в Англии времён Первой и Второй мировых войн, когда решались судьбы Европы, а с нею и всего мира. Каким был общественный и политический вес британского еврейства – хотя бы в самых общих чертах?

Очерк английского еврейства

В 1320 году после ряда ожесточённых погромов евреи были изгнаны из Англии, как из многих национальных государств средневековой и возрожденческой Европы, начиная с Древней Руси (1113) и до Испании (1492). О причинах этого здесь не сужу. В течение трёх с половиной столетий этот запрет не нарушался, евреев в Англии не было. Но в эпоху Кромвеля, остро нуждавшегося в средствах, амстердамский еврей Мейнаше Бен-Израэль обратился к диктатору с предложением снова разрешить евреям свободный въезд из-за границы, и тот в 1655 году успел разрешить группе евреев не только въехать в Альбион, но и приобрести земельные участки для кладбища и синагоги. Переселение евреев в Англию шло вначале из Португалии и Испании, где их заставляли принимать христианство (т. н. марраны), а с XVIII века – также из Италии и Франции. К 1850 году евреев в Англии насчитывалось уже около 45 тысяч человек, это была богатая и влиятельная группа. В 1847 году барон Лайонел Ротшильд был избран в парламент Англии от лондонского Сити, а сэр Соломон в 1855 году был избран лорд-мэром Лондона. В 1866 году, впервые за всю историю Англии, еврею барону Ротшильду было пожаловано звание лорда. А уже Бенджамин Дизраэли дважды, в 1868-м и 1874 годах, становится премьер-министром, а в 1876-м – графом Биконсфилдом и членом палаты лордов. И т. п.

Резкие изменения в истории еврейской общины начались, когда в Англию из переполненной евреями российской черты оседлости хлынул поток еврейских эмигрантов: с 1881-го по 1906 годы въехало более 370 тысяч евреев. Образовались немалые еврейские анклав (в частности, гетто в Манчестере), где, как это всегда и везде бывало, жизнь текла по еврейским правилам. Опираясь на мощно возросшую диаспору, еврейские финансисты, предприниматели и связанные с ними политики стали массово занимать высокие места в истеблишменте Великобритании.

К 1920-м годам, когда Уинстон Черчилль получил довольно широкую известность как политик, внушительное еврейское лобби уже имело солидную историю и опиралось на ряд крупных фигур. С тех пор как Дизраэли стал занимать высшие должности в английском государстве и, пользуясь этим, провёл в 1858 году билль о допущении евреев в парламент, общественная жизнь Великобритании существенно и необратимо изменилась, наполнившись еврейским присутствием.

К примеру, даже одна из основных английских партий – либеральная – долгое время возглавлялась евреем Гербертом Сэмюэлем. Племянник президента Союза еврейских общин Англии Стюарта Сэмюэля, он был избран

депутатом в английский парламент в 1902 году и считался одним из лучших теоретиков либерализма. В 1905 году Сэмюэль занял пост вице-министра внутренних дел, с 1918 года по 1920 год был председателем Королевской статистической комиссии. А в 1920 году он был назначен верховным комиссаром Палестины и занимал этот пост до 1925 года.

Легендой британских евреев был сэр Руфус Айзек. Аптекарь-ученик, сбежавший из дому, чтобы стать судовым юнгой, впоследствии сделался популярным адвокатом. В 1904 году этот видный поборник либерализма впервые вошёл в палату общин. Но затем стал лордом верховным судьёй и как барон Ридинг-оф-Эрлей вступил в палату лордов, превратившись потом, последовательно, в английского маркиза и ближайшего друга и конфиденанта короля Георга. Наконец, в 1919 году он занял самый высший пост после английского короля, став вице-королём Индии. Будучи самым младшим из двадцати семи маркизов Британской империи, он, однако, имел ни с кем не сравнимое влияние на политику британской империи.

Еврей Альфред Монд, он же лорд Мельчетт, был прозван в Англии “фельдмаршалом британской промышленности”, “химическим королём Англии”. Заправляя десятками компаний и ворочая десятками миллионов фунтов стерлингов, он был членом британского парламента с 1905-го по 1928 год, побывал также министром здравоохранения и был возведён в достоинство пэра. Но для нас он интересен тем, что был ярким приверженцем сионистского движения, председателем Сионистской Федерации в Англии и председателем Совета “Еврейского агентства”, во главе которого стоял Хаим Вейцман.

Еврей Лео Эмери побывал за свою жизнь военным министром, министром колоний в правительстве Болдуина (являясь горячим сторонником создания “духовного еврейского центра” в Палестине, обернувшегося со временем созданием государства Израиль). В 1927 году журнал “Тайм” отнёс его к наиболее влиятельным членам кабинета. При Черчилле, с которым он вместе учился в Харроу-скул, он в 1940 году был назначен министром Индии, сосредоточив в своих руках большую власть.

К числу влиятельных евреев черчиллевской эпохи относится Лесли Исаак Хор-Белиша, барон Девенпортский. Учился в Оксфорде, в 1923 году был избран членом палаты общин от Девенпорта, а уже в 1931-м стал председателем Национальной либеральной партии и вошёл в правительство в качестве финансового секретаря казначейства. В 1934–1937 годах он был министром транспорта, в 1937-м занял пост военного министра. Был в числе членов кабинета, настоявших 2 сентября 1939 на немедленном объявлении войны Германии. В мае 1945 года Черчилль предложил Хору портфель министра национального страхования.

Список можно продолжить. Но гораздо более обширным может оказаться перечень крупных политиков и бизнесменов чисто английского происхождения, связанных с евреями родственными связями или опирающихся на евреев как ближайших помощников. Так, крёстным отцом одного из сыновей военного министра Джозефа Купера стал Отто Кан, совладелец банковского дома “Кун, Леб и К^о”, финансировавший большевистскую революцию в России. Наследник лорда-председателя совета министров виконта Галифакса женился на внучке Ротшильдов. Отец премьер-министра Невилла Чемберлена своей карьерой был обязан еврейской поддержке, почему и разделял идею сионистов о переселении евреев в Палестину. Сводный старший брат Невилла Чемберлена Остин какое-то время пользовался репутацией главы мирового еврейства. Родной брат министра торговли сэра Уолтера Ренсимена женился на еврейке Леман, а товарищ морского министра Стэнли женился на одной из Ротшильдов; родная сестра министра торговли Оливера Стэнли вышла замуж за одного из Ротшильдов, а министр пенсий Гервальд Рамбошам женился на еврейке де Штейн, причём его секретарём состоял сэр Эдер Хор, отчим военного министра еврея Хора-Бейлиша. Личным секретарём премьера (в 1923–1924, 1924–1929, 1935–1937) Стэнли Болдуина был еврей Фрей; личной секретаршей лидера лейбористов и премьер-министра (в 1924 и 1929–1931) Макдональда — еврейка Розенберг. Постоянным секретарём лорда-канцлера виконта Хейлсхема был еврей сэр Клод Шустер, а его родной брат, сэр Малкольм Хог, был женат на дочери еврейского магната Гомертса.

И так далее. Министры, лорды, пэры Британии еврейского происхождения стали обыденной реальностью к моменту вхождения Черчилля в высшие

слои английской политической сферы и бизнеса. Так что Черчилль, оглядываясь вокруг себя, видел вполне однозначную картину еврейского могущества и влияния и мог делать соответствующие выводы хоть каждый день. Он их и делал, соревнуясь со многими другими сообразительными политиками своего отечества.

Удивительно ли, что некоторые журналисты окрестили Англию в XX столетии “мечом Израиля”, а глава Британской Имперской фашистской лиги Арнольд Лиз (1878–1956) как-то назвал Лондон “Новым Иерусалимом”. “Мы призываем Его Величество короля Георга VI, — писал Лиз накануне войны, — к тому, чтобы он раз и навсегда положил предел дьявольским триумфам еврейского дракона для того, чтобы Британия смогла бы снова жить своей собственной самобытной жизнью и в своей международной ориентации смогла бы следовать своему собственному голосу, а не еврейским указаниям, толкающим сейчас Лондон на разрыв и осложнение с гитлеровской Германией”.

Но кто из серьёзных политиков в Англии стал бы прислушиваться к словам политического маргинала? Неудивительно, что Арнольд Лиз вообще обрёл и дурную славу, и нелёгкую судьбу в своём возлюбленном отечестве¹², в отличие от нашего героя. Плетью обуха он не перешиб.

Сила сильных мира сего

Черчилль, догадавшийся обратиться за поддержкой к евреям, не один был такой умный не только в Англии, но и во всём мире. Я приведу в пример лишь нескольких политиков, но этого будет вполне достаточно, чтобы многое понять, поскольку речь пойдёт и о близкой нам материи: российской истории на роковом переломе начала XX века. Три ключевые фигуры политической жизни того времени — Александр Керенский, Павел Милуков, Владимир Ульянов (Ленин) — соперничали, а то и воевали друг с другом, представляя интересы разных классов и сословий, олицетворяя основные движущие силы революции. Но при этом каждый из троих отлично понимал роль и силу еврейского фактора и пытался задействовать его в свою пользу, конкурируя с соперниками.

Не всегда видимая простым глазом, еврейская составляющая всех русских революций была, на деле, мейнстримом российской политической жизни и задолго до Февраля, и, особенно сильно и эффективно, в Феврале 1917 года. С середины первого десятилетия XX века вела свою деятельность организация, которая существовала под разными именами, но в двух ипостасях — тайной и явной, хотя состояла из одних и тех же лиц. Её вдохновителем и руководителем был Александр Браудо (масон высокой степени посвящения, как предполагает Еврейская энциклопедия), создавший “Еврейскую демократическую группу”, “Союз для достижения полноправия еврейского народа в России”, а после выборов в 4-ю Государственную Думу в 1912 году — “Политическое бюро для оказания помощи депутатам-евреям”. В это Политбюро вошли представители всех еврейских политических партий, кроме крайних левых. Кроме того, под руководством Браудо действовала сеть информационных агентств.

Тайная власть и влияние названных организаций были немалыми. Нельзя не напомнить читателям в этой связи, что верховный правитель России Александр Керенский изначально был ставленником евреев. Именно от них осенью 1910 года адвокату Керенскому, уже дальновидно проявившему себя поборником еврейских прав, поступило предложение (через Л. М. Брамсона, члена упомянутого Политбюро) баллотироваться в Государственную Думу по списку Трудовой группы. Так стартовала звёздная карьера политика, на всём протяжении которой симбиоз Керенского и организованного еврейства всячески укреплялся. Всем своим политическим весом, к примеру, молодой депутат ринулся на еврейскую чашу весов в известном деле Бейлиса. Забыв при этом закон и приличия до такой степени, что был осуждён на восемь месяцев тюрьмы, от чего его избавила депутатская неприкосновенность, лишить которой его власти попытались, но безуспешно. Рьяному защитнику еврейства отныне открылись такие тайные ресурсы, о которых он и мечтать не мог. Для пробы в июне 1913 года Керенского, никогда не бывшего предпринимателем, избирают председателем IV Всероссийского съезда работников торговли и промышленности. Известный русский националист

депутат Н. Е. Марков-второй прокомментировал это так: “Депутат Керенский, насколько мне известно, да и вам тоже, адвокат, – во всяком случае, не приказчик; может быть, приказчик еврейского кагала, но это в переносном смысле”. В первом кабинете министров Временного правительства Керенскому был предоставлен важнейший пост министра юстиции. Понятно, что, когда летом 1917 года дело дошло до переизбрания главы правительства, в ход были пущены те же рычаги (плюс масонские связи, что давно уже не секрет).

Не один Керенский, сознавая тайную власть и могущество евреев, стремился заручиться их поддержкой, искал с ними союза. Это было свойственно революционерам, левым партиям вообще.

Очень показательно, например, что глава конституционно-демократической партии Павел Милюков ещё в 1915 году разразился докладом “Еврейский вопрос в России”. Вообще этот вопрос всегда был в центре внимания партии конституционных демократов – кадетов. Исследователь Николаю Коняеву удалось уже в наши дни разыскать в архиве Санкт-Петербургской ФСК и опубликовать поразительное по откровенности и точности формулировки письмо, где Милюков признавался: “Вы знаете, что цель наша ограничивалась достижением республики или же монархии с императором, имеющим лишь номинальную власть; преобладающего в стране влияния интеллигенции и равных прав евреев”. Как выяснилось, это письмо ходило по рукам и полоскалось прессой уже тогда, и Милюкову в эмиграции пришлось от него публично отречься в редактируемой им газете “Последние новости”, оправдываясь и доказывая, что письмо – фальшивка. Но ведь убийственная убедительность этой фальшивки зиждилась именно на её полном совпадении с теорией и практикой партии кадетов...

Объяснение такой акцентированной юдофилии Милюкова можно найти в его собственноручных мемуарах, где он пишет, что ещё в 1901 году сблизился с Браудо, который, по его словам, играл “большую роль в тайных сношениях только что образовавшихся тогда социалистических партий” и “лично вёл свои конспиративные дела, известные только посвящённым”. Браудо ещё тогда дальновидно помогал ссыльному Милюкову налаживать “сношения с Петербургом”¹³. Неудивительно, что впоследствии благодарный Милюков и его партия рьяно отстаивали именно еврейские права. Ближайшими опорными сотрудниками главы влиятельной партии кадетов были евреи Винавер, Бак, Гессен, Ганфман и другие, для которых еврейское равноправие было главным пунктом программы. От некоторых из них (например, от Гессена и Бака) кадеты зависели материально.

Недаром также и Ленин, обгоняя политконкурента Милюкова, ещё 28 марта 1914 года подготовил и опубликовал для внесения большевистской фракцией в Думу законопроект под названием “Проект закона об отмене всех ограничений прав евреев и всех вообще ограничений, связанных с происхождением или принадлежностью к какой бы то ни было национальности”. Сам будучи еврейского происхождения, Ленин всегда был плотно окружён евреями, предпочитал опираться на них. Известно его высказывание в беседе с Горьким: “Среди русских мало умных. Если найдёшь какого-нибудь годного человека, то непременно или еврей, или с примесью еврейской крови”¹⁴.

Это своеобразное соперничество за влиятельного союзника выставляет наших политиков-революционеров как опытных прагматиков. Не говоря уже о том, что руководство всех левых партий (а в какой-то мере и партии кадетов) было в весьма высокой степени представлено евреями. Ну, а после революции массовая женитьба большевиков и вообще людей при власти на евреях как залог успешной карьеры, а равно женитьба влиятельных евреев на русских женщинах “из бывших” давно стали притчей во языцех.

Аналогично обстояло дело и в других европейских странах, где даже произошли революции, совершённые с опорой на местное еврейство как на ударную движущую силу: в Германии, Венгрии. Но и не только там.

К примеру, во Франции был вынужден прибегнуть к поддержке евреев, которую он дальновидно заслуживал годами, такой видный политик, как Жорж Клемансо по прозвищу “Тигр”, которому довелось быть премьером в годы Первой мировой войны и разрабатывать условия мира для Германии и “Версальской системы” в целом. Он был уже матерым политическим деятелем, когда

его еврейские связи вдруг оказали ему дурную услугу в 1893 году, всплыв в разгар панамского скандала и громких разоблачений, главный герой которых – еврей Корнелий Герц – находился с Клемансо, как писали газеты, “в подозрительных сношениях”. В результате Клемансо лишился репутации, а с нею и депутатского мандата, и его карьера, как многим казалось, подошла к концу. Однако вскоре он нашёл остроумный выход. Превратив свою газету “Аврора” (“Заря”) в трибуну дрейфусаров и защищая Дрейфуса, как впоследствии Керенский – Бейлиса, опубликовав знаменитое письмо Эмиля Золя “Я обвиняю!”, Клемансо сумел аккумулировать такие средства и иные возможности, что уже в 1898 году “с почётом вернулся в политическую жизнь, откуда его вытолкнула причастность к панамскому скандалу”¹⁵. И с тех пор Клемансо более не покидал французский политический Олимп вплоть до 1920 года, когда потерпел неудачу на президентских выборах.

Этот пример, конечно же, не прошёл мимо внимания не только Керенского в будущем, но и Черчилля в настоящем. Обращу внимание читателя: Черчилль, посетивший Париж именно в 1898 году, в разгар дела Дрейфуса, был свидетелем всех общественных страстей по данному поводу и, конечно же, ловкого демарша Клемансо. Он прочёл письмо, опубликованное в “Авроре”, и писал по этому поводу матери: “Браво, Золя! Я счастлив быть свидетелем полного провала этого чудовищного заговора” (16). Несомненно, был им отмечен и новый взлёт Клемансо¹⁶, и внутренняя связь указанных событий.

Кошелёк и жизнь

Итак, Черчилль весьма рано осознал возможности, предоставляемые современному политику причастностью к еврейскому лобби, и сполна этими возможностями воспользовался, поставив от них в зависимость уровень своей жизни и карьерного успеха. Чтобы не быть голословным, приведу факты из книги Гилберта.

Прежде всего – деньги. Тут у нашего героя было, на что оглянуться, чей опыт перенять. Дело в том, что работа Черчилля над книгой по истории семьи привела его на места сражений его прямого предка, известного полководца герцога Мальборо (он же “Мальбрук” в русском фольклоре)¹⁷. И вот что всплыло в ход исследования.

“Главным интендантом армии Мальборо во время войны за испанское наследство (1701–1714) являлся еврей Соломон де Медина, который первым из исповедовавших иудаизм евреев Англии получил рыцарское звание. Медина снабжал Мальборо не только продовольствием, но и деньгами, и важной военной информацией. Позднее Медина обвинил герцога в том, что тот получал от него 6 тысяч фунтов в год в обмен на контракты по снабжению, дав официальные показания об этом в Комиссии по счетам. Объясняясь перед комиссией, Мальборо ссылаясь на то, что подобная практика ранее всегда разрешалась генералам и главнокомандующим, поскольку расценивалась “как дополнительная привилегия”, полагавшаяся им по должности” (125–126).

Сообразительный потомок учёл опыт предка: ничто ведь не ново под луной. Смешивать интересы Британии со своими собственными и извлекать из этого выгоду с помощью евреев стало фирменным почерком Черчилля-политика.

Порой его собственные признания на этот счёт просто поразительны. Так, он прямо писал, что Великобритания “никогда не искала никакой выгоды в Палестине. Мы более четверти века выполняли эту неблагодарную, болезненную, дорогостоящую, тяжёлую, неудобную миссию, и выполняли её весьма успешно” (318). Но так же прямо он умолчал о том, что эта миссия ему лично приносила громадные дивиденды – за счёт своей страны, не имевшей в том выгоды и впрямь. Подробности будут ниже.

Всё началось ещё в юности, когда Уинстон осиротел, потеряв отца. Как уже упоминалось выше, близкие дому Черчиллей богатые и влиятельные евреи не оставили 21-летнего юношу на произвол судьбы. Сразу же “друг его отца” сэр Эрнест Кассель предложил Черчиллю свои услуги в качестве финансового советника. Черчилль, заработавший написанием книг и статей свой первый капитал, согласился с предложением Касселя, сказав ему: “Кормите моих овец”. Этим банкир и занялся. Разумно и удачно вложив заработки Черчилля в доходные бумаги, он со временем заметно приумножил его сбережения. При этом Кассель ничего не взял за свои услуги.

Когда Черчилль в 1899 году готовился к поездке в Южную Африку в качестве военного корреспондента, ему потребовалась финансовая поддержка для закупки необходимого снаряжения. Лорд Ротшильд выделил ему тогда 150 фунтов стерлингов, а Кассель — 100 фунтов. Общая сумма, поступившая Черчиллю в качестве поддержки от этих двух банкиров, равнялась годовому доходу семьи среднего класса тех лет. В 1902 году, на второй год пребывания Черчилля в парламенте, Кассель обеспечил ему участие в выпущенном японским правительством займе на сумму в 10 000 фунтов (в нынешних деньгах — 500 000 фунтов). Черчилль написал своему брату Джеку об этой финансовой операции: “Я надеюсь получить от этого небольшую прибыль”. В 1905 году Кассель оплатил меблировку библиотеки в холостяцкой квартире Черчилля в лондонском районе Мейфэр. Финансовая поддержка со стороны Касселя была постоянной. Доходы от акций железной дороги “Атчисон, Топека и Санта-Фе”, купленных им для Черчилля в 1907 году, позволили политику оплачивать услуги машинистки. Когда Черчилль в 1908 году женился на Клементине, Кассель подарил им на свадьбу 500 фунтов стерлингов, то есть около 25 000 фунтов в пересчёте на нынешние деньги” (17).

В 1906 году на летних каникулах Уинстон Черчилль отправился путешествовать по Европе. “При этом он посетил Эрнеста Касселя на его вилле в Швейцарских Альпах, Лайонеля Ротшильда, вместе с которым путешествовал по Италии, и барона де Фореста в замке Эйхштатт в Моравии. Все трое были евреями” (28). Дальновидный 32-летний политик уже в том далёком году готовил себе плацдарм, действуя по тому же алгоритму, что в разное время и Керенский, Миллюков, Ленин, Клемансо...

Мы вряд ли узнаем когда-либо подробности тех встреч и бесед Черчилля на виллах его еврейских покровителей. Знаем лишь, что последовало далее. Вернувшись после каникул в Лондон, Черчилль первым делом женился. А вторым — отправился в центр еврейской диаспоры Англии, в Манчестер, где выступил с речью на митинге в поддержку Еврейского больничного фонда. Такие были приоритеты начинающего английского политика.

В дальнейшем “в своём избирательном округе он делал периодические взносы в пользу еврейской столовой, еврейского молодёжного клуба, еврейского теннисного и крикетного клуба. Газета “Таймс” описывала посещение им еврейской больницы, религиозной школы талмуд-тора и клуба еврейских рабочих, где он сказал, что “не может представить себе лучшего способа объединить еврейскую общину, чем создание подобных клубов”. Черчилль добавил, что, посетив больницу и школу талмуд-тора, он был “очень тронут той работой, которую проводит там еврейская община”. Он считал, что “люди могут объединиться лишь на базе какого-то основополагающего общего принципа. В этой части Манчестера евреи сохраняют дух своего народа и свою веру”. Он посоветовал им сохранять и поддерживать этот дух, сказав: “Это замечательная вещь, которая объединяет вас, дарит вам вдохновение и является источником вашей силы” (29).

Было бы, разумеется, нисколько не странно, если бы с подобными целями и речами он обращался к английским обывателям, шёл бы в английские больницы и школы, английские клубы и рабочие кружки, религиозные общества. Если бы об англичанах думал и заботился, помогал им деньгами. Однако не к англичанам, а именно к евреям оказались обращены заботы молодого Черчилля в начале карьеры. Впрочем, вот вопрос: на чьи деньги он помогал евреям, ведь своих-то у него ещё не было? Не для того ли он и посещал летом богатых евреев, чтобы иметь возможность потом евреям же благотворительствовать, но только бедным?

Так или иначе, его опорной базой на годы стал еврейский Манчестер, его главным электоратом — еврейская диаспора. Таким был его истинный старт как политика.

Но карьерный рост Черчилля в зависимости от еврейских связей мы рассмотрим позже. А пока уместно было бы вспомнить факты извлечения Черчиллем доходов из его высоких должностей, из положения в государственной иерархии. То есть о том, что вытекало из соединения личных интересов с государственным и что у нас обычно называют коррупцией. Берясь за эту тему, надо отчётливо понимать, что взаимосвязь между решениями и их последствиями в таких делах не всегда прямая и непосредственная (“утром деньги — вечером стулья”) и что умные коррупционеры, как правило, не оставляют

следов, извлекая доход порой весьма замысловатыми и многоходовыми комбинациями. Но положение, как говорится, обязывает и свидетельствует зачашую само за себя.

К примеру, ещё в годы Первой мировой войны для производства взрывчатого вещества Великобритании в огромном количестве (тридцать тысяч тонн) потребовался ацетон, вообще отсутствовавший на рынке. Государство готово было платить за него сполна, не торгуясь, только бы было предложение. Кому же первый лорд адмиралтейства Уинстон Черчилль поручил его изготовление, с кем заключил контракт? Этим счастливец оказался руководитель Еврейского агентства, главный идеолог и лоббист сионизма в мировом масштабе Хаим Вейцман. Впоследствии он вспоминал: “Я получил карт-бланш от Черчилля и от порохового отдела адмиралтейства и взялся за работу, потребовавшую от меня всей моей энергии в течение последующих двух лет, работу, которая привела к последствиям, которых я не мог даже представить себе”. Гилберт комментирует: “Одним из таких последствий явилось сотрудничество Х. Вейцмана с преемником Черчилля на посту первого лорда адмиралтейства Артуром Бальфуром. Вейцману удалось убедить Бальфура поддержать идею создания еврейского национального очага в Палестине, которую можно было бы осуществить после поражения Турции в Первой мировой войне” (40-41).

Оставим пока в стороне политическую составляющую сделки, хотя запомним взаимную связь трёх имён. Но пусть читатель оценит: Вейцман фактически получил из рук Черчилля монополию на производство ацетона в масштабах всей империи. Можно себе представить, какую сказочную прибыль приносят подобные контракты!

Закулисный союз, сложившийся в результате между Черчиллем, Вейцманом и Бальфуром, ещё не раз выражался в финансовых и деловых соглашениях. Например, “в бытность Черчилля министром финансов Х. Вейцман обратился к британскому кабинету с просьбой предоставить правительственные гарантии займу, предназначенному для целей экономического развития Палестины. . . Заём, объяснял Вейцман, “требовался лишь для единственной цели — создания благоприятных возможностей для создания еврейских поселений в Палестине, как предполагалось условиями британского мандата”.

Лорд Бальфур, являвшийся автором Декларации Бальфура и лордом-президентом Тайного правительственного совета Его Величества, в качестве старшего члена кабинета поддержал проект предоставления займа. Перед обсуждением этого вопроса в кабинете министров он устроил встречу Черчилля и Вейцмана в своём лондонском доме” (115-116).

Важное свидетельство предварительного сговора единомышленников! Дух огромных денег всё время веял вокруг этого небольшого слаженного сообщества из трёх человек.

Как министр финансов, хорошо осведомлённый о первостепенных потребностях страны, Черчилль, конечно, должен был бы воспротивиться уходу денег “на сторону”. Тем не менее он, как и участвовавший в сговоре Бальфур, поддержал на заседании кабинета идею займа. Патриотичный кабинет отверг этот план, Бальфур и Черчилль остались в меньшинстве, заём не состоялся. Что обещал им Вейцман и чего они лишились, помимо репутационных издержек, отважно выступив вразрез позиции собственного кабинета, мы, конечно, не узнаем. Но о том, что Черчилль вступил в должность министра финансов Великобритании, уже подготовленный к совместному с евреями ведению личного бизнеса, нам достоверно известно.

Дело в том, что, когда в 1922 году правительство Ллойд-Джорджа потерпело поражение, Черчилль на пару лет лишился и реальной власти, и парламентского кресла. Его попытка вернуться в палату общин, где он заседал уже почти два десятка лет, оказалась безуспешной. На этот раз его репутация юдофила сработала не за, а против него: избираться пришлось в округе Западный Лестер, а не в Манчестере или Данди, и где бы Черчилль ни пытался выступать, “он постоянно сталкивался с обвинениями в том, что во время войны он оказывал покровительство богатым евреям-бизнесменам, позволяя им получать незаконные доходы. Это обвинение. . . получило весьма широкое распространение” (112). Как видно, эксклюзивный подряд на ацетон, выданный Вейцману, был далеко не единственным благодеянием такого рода. Конечно, как у нас говорят, не пойман — не вор, за руку Черчилля никому схватить не удавалось, но ведь и дыма без огня не бывает. . .

Итак, Черчилль временно утратил былые возможности лоббиста. Но те, кому он так рьяно споспешествовал в минувшие годы, не дали ему пропасть.

“Видный представитель еврейской общины в Великобритании сэр Роберт Вэйли Коэн попросил его стать посредником на переговорах с британским правительством о слиянии двух его частных нефтяных компаний с Англо-Персидской нефтяной компанией, в которой держателем большинства акций являлось британское правительство. . .

Черчилль согласился представлять компании Коэна на переговорах с британским правительством. За своё посредничество он получил 5 000 фунтов — сумму, эквивалентную годовой зарплате члена кабинета министров. Черчилль признавался своей жене, что, когда он попытался узнать у своего бывшего личного секретаря в адмиралтействе сэра Джеймса Мастертона-Смита, допустимо ли ему выступать на таких переговорах в качестве посредника, то Мастертон-Смит “посоветовал ему быть крайне осторожным в этом вопросе по веским политическим причинам”. Однако Черчилль, который недавно приобрёл поместье Чартвелл в графстве Кент (откуда деньги? — **А. С.**), остро нуждался в деньгах для осуществления дорогостоящей перестройки своего нового дома. Поэтому он обратился по этому вопросу непосредственно к премьер-министру Стэнли Болдуину, попросив его не возражать против объединения компаний. При этом Черчилль не желал предавать огласке своё обращение к премьеру. Он писал Клементине: “Я проник в резиденцию премьеря на Даунинг-стрит, войдя через основной вход Министерства финансов, чтобы избежать комментариев. Это очень позабавило Болдуина”.

Однако всё прошло гладко. “Мой разговор с премьером был весьма благоприятным, — сказал Черчилль Клементине. — Он полностью поддержал проект соглашения об объединении компаний, исходя из представленных условий. Он говорил об этом так, что можно было вообще подумать, что я разговариваю не с ним, а с самим Коэном. Я уверен, что всё получится”. В своих воспоминаниях Черчилль написал, что на этой встрече Болдуин сказал ему, что “нынешнее положение и перспективы дальнейшего существования Англо-Персидской компании внушают ему беспокойство, поэтому он отнюдь не возражает против уменьшения доли правительства в компании. К тому же он в принципе выступает против участия британского правительства в нефтяном бизнесе, исходя из общеполитических и экономических соображений. В этой связи ему представляется целесообразной продажа принадлежащих правительству акций компании частным инвесторам, и он полагает, что сумма в двадцать миллионов была бы хорошей ценой, которую можно было бы выручить за эти акции” (116).

Как приятно, должно быть, обсуждать на таком уровне подобные круглые цифры! Интересно, какова была цена этого вопроса, решённого келейно? Что Черчилль пообещал Болдуину с подачи Коэна? И что в действительности рассчитывал получить (получил?) сам, помимо пяти тысяч фунтов, несообразно малых на фоне таких цифр?

Впрочем, в это время перед Черчиллем забрезжили новые, более важные возможности, и он уведомил Коэна, что вынужден-де отказаться от своей деятельности по слиянию компаний, потому что собирается “вернуться к общественной жизни”. Вскоре Черчилль вернулся-таки в парламент от округа Эппинг, после чего Болдуин немедленно назначил его — кем бы вы думали? — министром финансов. Таким стал во всей этой ситуации его личный итог, его главный приз со всеми вытекающими из высокого назначения последствиями. А, кстати, 5 000 ведь он уже получил, и дело сделал, договорённости достиг. Это ли не коррупция? На новом посту Черчилль продолжал мирволить евреям, как о том нам красноречиво рассказала история с займом для сиониста Вейцмана.

Поскольку Черчилль преданно оказывал большие и малые услуги евреям на протяжении всей своей жизни, служа не за страх, а за совесть, то и дивиденды за это ему приходили всю жизнь¹⁸. Уже 78-летним, “осенью 1952 года, через шестьдесят лет после своей первой встречи с первым лордом Ротшильдом, Черчилль познакомился с другим членом семьи Ротшильдов — майором Эдмундом де Ротшильдом. Это произошло после того, как Джозеф Смолвуд, премьер-министр Ньюфаундленда, предложил Черчиллю реализовать план использования энергии Великих водопадов высотой 245 футов для создания там источника энергии не только для Восточной Канады, но и для

всего восточного побережья Северной Америки. Черчилль, который за тридцать лет до этого поддержал своим политическим авторитетом сионистский проект электрификации в Палестине, в поисках источников финансирования этого грандиозного проекта обратился в банк Ротшильдов в лондонском Сити “Н. М. Ротшильд и сыновья” – в банк, который он впервые посетил более полувека назад. Один из партнёров банка, Эдмунд де Ротшильд, воевавший во время войны во Франции, в Северной Африке и Италии, взялся организовать финансирование проекта, учредив для этого специальную холдинговую компанию “Бринко”.

Три года спустя, уйдя в отставку с поста премьер-министра, Черчилль приобрёл пакет акций “Бринко”. Именно Эдмунд де Ротшильд – “мистер Эдди”, как его называли в банке, – постоянно информировал его о продвижении работ над проектом. После смерти Черчилля Джозеф Смолвуд и Эдмунд де Ротшильд, вместе явившиеся на похороны, чтобы почтить память Черчилля, стоя у его гроба в Вестминстерском аббатстве, решили переименовать Великие водопады в водопады Черчилля. “Они носят это имя и сегодня, – писал позднее Эдмунд де Ротшильд, – вырабатывая все свои 5 255 миллионов киловатт!” (348).

Что ж, Черчилль сделал поистине хорошее вложение. Но, конечно, не только тогда, когда под конец жизни купил пакет акций “Бринко”, а, напротив, в начале жизни, когда сделал главную ставку на евреев. И это касается не только его политической и финансовой биографии, но и личной, и творческой.

Однажды, за пару лет до Второй мировой войны, Черчилль написал статью на важную для него тему: должны ли евреи, где бы они ни жили, искать возможности самим бороться с преследованием немецких евреев властями Германии, или они должны предоставить это дело правительствам стран, в которых они живут. (Политик идейно укреплял позицию по защите евреев от Гитлера.) Статья имела резонанс.

С этого момента он был включён в весьма эффективный литературно-коммерческий проект, приносивший ему немалые дивиденды до конца дней, а его семье и после того. Ибо с Черчиллем начал активно сотрудничать предприимчивый и оборотистый литературный агент, венгерский еврей Имре Ревеш, впоследствии известный под именем Эмери Ривз. Ривз, чья семья была расстреляна вместе с более чем 1 200 другими евреями в оккупированной венграми части Югославии. Он сотрудничал с Черчиллем и почитал это за честь. Но и об обоюдной выгоде при этом отнюдь не забывал.

“В начале 1930-х годов Ривз создал в Берлине специальное литературное агентство для распространения в прессе статей ведущих европейских демократических политиков. С приходом Гитлера к власти Ривз был вынужден перевести своё агентство в Париж. Там он снова начал расширять число публикуемых им антинацистски настроенных авторов. 25 февраля 1937 года Черчилль и Ривз впервые встретились в Лондоне, и Черчилль согласился предоставить Ривзу исключительные права на публикацию своих статей, “представляющих международный интерес”, за пределами Британской империи и Северной Америки.

Ривз брал на себя организацию переводов и, где возможно, одновременную публикацию статей во всех европейских странах. Ривз должен был платить Черчиллю 60 процентов выручки за каждую проданную статью с гарантированным минимумом в 25 фунтов. Обычно он помещал статьи Черчилля каждые две недели в двадцати пяти европейских странах, в том числе в газетах, выходящих в семнадцати европейских столицах: Париже, Копенгагене, Стокгольме, Брюсселе, Люксембурге, Осло, Хельсинки, Риге, Таллине, Праге, Вене, Варшаве, Каунасе, Афинах, Белграде, Бухаресте и Будапеште. Статьи Черчилля регулярно публиковались также в выходивших на идиш газетах в Варшаве, Вильносе и Каунасе, давая возможность трём крупнейшим еврейским общинам Восточной Европы выслушивать предостережения Черчилля. Ривз также помещал его статьи в двух выходящих в Палестине газетах – тель-авивской газете на иврите “Гаарец” и иерусалимской англоязычной “Палестайн пост” (177-178).

Я подсчитал, и у меня получилось, как минимум, 1 250 фунтов в месяц – очень большие деньги по тем временам. Ривз знал своё дело.

По окончании Второй мировой войны после поражения на выборах Черчилль официально возглавил оппозицию, но лишь изредка посещал заседания палаты. Теперь он, в основном, занимался литературной деятельностью,

заклучив ряд крупных контрактов с периодическими изданиями — такими, как журнал Life, газеты The Daily Telegraph и The New York Times, — и рядом ведущих издательств. Работа над военными мемуарами частенько шла на юге Франции в имении Эмери Ривза, и Ривз вёл переговоры о продаже прав на их издание в Соединённых Штатах. При этом ловкий агент “не только обеспечил Черчиллю поступление значительного аванса от американских издателей, но и сумел продать мемуары тринадцати европейским издательствам и израильскому издательству в Тель-Авиве, выпустившему эту книгу в переводе на иврит. Шесть томов, озаглавленных “Вторая мировая война”, были сосредоточены на проблемах британской политики, борьбе вооружённых сил Великобритании и рассказывали о том, как Черчилль руководил войной” (332). Это уже были совсем другие деньги...

Результат поражает воображение. Сам Черчилль однажды, в ответ на предложение одного из издателей передать ему право издания книги, которую пишет, заявил: “Я не пишу книгу, я делаю состояние”. Амбициозное издание стало для него настоящим предприятием, в котором он использовал множество людей: военно-морских, военных и военно-воздушных экспертов, учёных, историков, литераторов, делавших огромную работу: отбор материала, проверку фактов, подготовку справок. Кроме них, на Черчилля в две смены по восемь часов работала группа подготовленных секретарей. А сверх того, пользуясь возможностью войти в историю, Черчиллю охотно помогали своими воспоминаниями по частным поводам бывшие военные, политические деятели и бизнесмены, причастные к военным событиям.

Тем временем Ривз провёл беспрецедентную пиар-кампанию. В результате Черчилль получил на руки уникальное произведение, спрос на которое превысил самые смелые расчёты и надежды. Все крупнейшие англоязычные (и не только) журналы конкурировали за право первыми опубликовать главы этого труда по мере их написания. Как пишут, один только журнал “Лайф” (США) заплатил за такое право около 2 миллионов долларов. Однако ведь и многие другие журналы публиковали черчиллевскую историю войны, а в ряде стран этот массивный шеститомник выходил отдельными изданиями в течение долгих лет. Ну, и кроме всего этого, Черчилль получил Нобелевскую премию, прежде всего, за эту свою историю. Неудивительно, что газета “Санди таймс” итожила в 1965 году: “Очень немногие авторы в двадцатом столетии получили больше денег от своих книг, чем Черчилль”.

Перед нами, конечно, показательный факт: судьбу своего главного литературного дитя Черчилль смело вручил еврею (как в годы войны вручил еврейю охрану своей жизни). Знал, что может вполне довериться ему и рассчитывать на лучшие условия, на максимальный профит. Это был точный расчёт матерого дельца от политики. Ведь Ривз, как и некогда Виктор Ротшильд, был не случайной фигурой, его отношение к Черчиллю было искренне наилучшим.

Факт прямой зависимости материального благосостояния Уинстона Черчилля от многих евреев с разными, в том числе очень большими финансовыми возможностями неоспорим. Этого одного было бы достаточно, чтобы ответить на вопрос об истинных мотивах его политической деятельности. Но в не меньшей степени от евреев зависела, помимо кошелька, и карьера английского политика.

В Вестминстер через Манчестер

Ещё во время военной службы в Индии в 1897 году Черчилль мечтал найти газету, которая согласилась бы печатать его военные корреспонденции. “Лорд Ротшильд мог бы устроить это для меня, — писал он матери, — потому что он знаком со всеми”. По возвращении из Индии весной 1899 года, желая начать политическую карьеру, он вновь рассчитывал на помощь Ротшильда. Во время приёма в лондонском доме лорда Ротшильда он с радостью заметил, что другой гость банкира, министр финансов А. Дж. Бальфур “очень вежлив со мной — и мне кажется, что он согласен с тем, что я говорю, ведь он внимательно слушал всё, что я говорил” (16).

Отметим про себя этот факт, ведь ясно, что сложившаяся в тот год триада “Ротшильд–Черчилль–Бальфур” со временем, как мы помним, легко преобразуется в триаду “Черчилль–Бальфур–Вейцман”. Спайка Черчилля с Бальфуром, так же, как и он, зависимым от евреев, состоялась ещё задолго до

событий, начавших определять судьбы мира после Первой мировой войны. Это имело важные последствия.

Светские знакомства Черчилля вообще со временем будут конвертированы в политические связи, об эффективности которых позволяет судить пунктир его назначений: с декабря 1905 года он занимает пост заместителя министра по делам колоний, в апреле 1908 года – министра торговли и промышленности, в феврале 1910 года – министра внутренних дел, с октября 1911 года он первый лорд адмиралтейства, в июле 1917 года – министр вооружений, а в январе 1919 года – военный министр и министр авиации.

Бытует мнение, что Черчилль вошёл в политику благодаря своим личным достоинствам: военному мужеству и таланту публициста. И действительно, впервые он попал в парламент от округа Олдхем, населённого текстильными рабочими, проголосовавшими за него как за молодого героя Верхнего Нила и просторов Судана, за автора книги “Речная война”. Тогда Черчилль занял позицию в стане консерваторов, партии тори.

Конечно, отрицать личные достоинства этого трудоспособного, волевого и талантливого человека не приходится. Но всего этого, как мы знаем из множества примеров, недостаточно для карьерного взлёта. Он должен был на кого-то опираться, кто-то должен был подставить ему плечо, снабдить средствами, которых у обедневшего потомка герцогов Мальборо не было, дать публичную высокую трибуну, обеспечить “паблик рилейшнз”. Без мощной поддержки Черчилль в дальнейшем не занимал бы высокие министерские посты и не был дважды премьер-министром Великобритании. . .

Как ему удалось выйти на эту орбиту? Сам ли он совершил это или кто-то помог ему подняться? Такое не делается в одиночку: политика – это командная игра. И работяги из Олдхема не многие могли в этом плане, они не обеспечивали перспективу карьерного роста.

Выход нашёлся. Черчилль недолго пробыл консерватором, уже к 1904 году он, взвесив шансы, перешёл в лагерь либеральной партии. “Тогда его консервативные избиратели из Олдхема объявили, что больше не будут его поддерживать. Нуждаясь в приобретении нового, либерально настроенного электората, он принял предложение баллотироваться от округа Северо-Западного Манчестера, где треть избирателей составляли евреи” (20). И это оказался верный шаг – он вновь стал депутатом.

Как показало будущее, Черчилль в принципе не владел подходом к сердцам простого английского большинства, не зная и зная не желая его нужд и чаяний, не обращая к его заветным интересам. (Характерное признание сделала Клементина, супруга Черчилля, заявившая лорду Чарльзу Морану в апреле 1945 года, что “Уинстон всегда смотрел на мир как бы в шорах. . . Он ничего не знает о жизни простых людей. Он никогда не ездил в автобусе и только один раз был в метро”.) Он предпочёл игру на другом поле и нашёл оригинальный и беспрюигрышный вариант в смысле электоральной базы. Он поставил на евреев. Для начала даже не всемирных или хотя бы великобританских, или хотя бы лондонских, а всего лишь на манчестерских. Но ему этого хватило на первый раз. А уж в дальнейшем подключились и силы иного масштаба.

Как мы уже рассказывали, в Манчестере Черчилль посещал подряд различные еврейские организации и благотворительствовал, что называется, направо и налево. И это не осталось незамеченным. От Черчилля стали ждать более серьёзных дел. Так на деле началась история его возвышения – и одновременно его история как самого главного защитника еврейских интересов в Англии, а может быть, и во всём мире.

* * *

“Вскоре Черчилля пригласили в Манчестер для выступления по поводу вопроса общенационального значения – проекта закона об иностранцах, внесённого в парламент правительством консерваторов. Этот закон имел целью сократить приток еврейских иммигрантов из царской России, бежавших от преследований и нищеты. Одним из главных сторонников Черчилля в манчестерском отделении либеральной партии был Натан Ласки, президент Старой еврейской конгрегации Манчестера и руководитель еврейской больницы

Манчестера. Он всячески поддерживал кандидатуру Черчилля в качестве нового парламентария от Манчестера, считая это абсолютно необходимым и неотложным для того, чтобы предотвратить прохождение в парламенте закона об иностранцах, ущемлявшего интересы, прежде всего, иммигрантов-евреев.

В мае 1904 года Натан Ласки представил Черчиллю материалы и документы по поводу закона об иностранцах. Эти материалы включали и официальную иммиграционную статистику. На основе этих материалов Черчилль подготовил детальный критический обзор предлагавшегося правительством законопроекта. Он отправил его и самому Ласки, и опубликовал в виде открытого письма в газетах...

Натан Ласки писал Черчиллю из Манчестера: “Благодарю вас за блестящее письмо, полученное сегодня утром. Вы заслужили благодарность еврейской общины не только Манчестера, но и всей страны”. 31 мая 1904 года, в день, когда письмо Черчилля с критикой антисемитизма было опубликовано, он формально вышел из рядов консервативной партии и присоединился к либеральной оппозиции (20–23).

Точнее сказать, отступил на заранее подготовленные позиции. Выбор на всю жизнь был сделан, жребий брошен (не в отношении партийности, конечно, которую Черчилль легко менял не раз, исходя из конъюнктуры). Случайного в этом выборе не было, думается, ничего. Не зря газета “Сан” подчёркивала, что Черчилль противодействовал законопроекту по прямому указанию лорда Ротшильда. Это обвинение основывалось на заметке в еврейской “Джуиш кроникл”, где рассказывалось о митинге в Манчестере, на котором “мистер Натан Ласки сказал, что он беседовал с мистером Уинстоном Черчиллем, встречавшимся с лордом Ротшильдом по поводу законопроекта об иностранцах. В результате этой встречи мистер Черчилль возглавил противодействие законопроекту в Большом комитете парламента” (23). Майор Вильям Эванс-Гордон, один из тех членов Большого комитета, которые противились еврейской иммиграции, заявил, что Черчилль “верно следовал инструкциям, полученным от той группы людей, по поручению которых он действовал” (23–24).

После такой публичной рекомендации рассчитывать на победу где-либо, кроме Манчестера, уже не приходилось. Но не в характере Черчилля было отступать. Разумеется, он объявил все эти нападки клеветой и удвоил усилия по критике законопроекта, который, как он уверял, препятствует прибытию в Великобританию “честных, но бедных людей”. В результате, “чтобы не попасть в неловкую ситуацию, правительство было вынуждено вообще снять законопроект с обсуждения. Поддержав евреев, Черчилль победил” (24).

Черчилль победил, зато Англия проиграла. В начале XX века проблема с “цветными” иммигрантами ещё не стояла так остро, как в конце столетия. А вот с иммигрантами-евреями — уже стояла. Черчилль определился в этом вопросе сразу и навсегда и был последователен. Задыхаясь сегодня от наплыва инородцев-иммигрантов со всего мира, англичане должны знать, кого за это благодарить¹⁹.

Ну, а в те дни благодарить Черчилля должны были, вне всякого сомнения, евреи, особенно приехавшие из России, беспрепятственный въезд которых в Великобританию он так энергично поддержал. Кстати, на митинге в Манчестере по поводу еврейских погромов в России, где Черчилль стал главным оратором, “среди присутствовавших был химик и активный сионист доктор Хаим Вейцман, родившийся на территории царской России и лишь за год до этого переехавший в Великобританию из Женевы”. Так начались отношения, прервать которые смогла только смерть.

Поведение Черчилля в парламенте, где он умудрился восстановить против себя не только консерваторов, от коих переметнулся к либералам, но и своих новых соратников, противодействуя их согласованным инициативам, не осталось незамеченным английским обществом. И это общество ясно дало ему понять, какого оно мнения о его политическом поведении. Получив в апреле 1908 года пост президента Торговой палаты, Черчилль был обязан — таковы правила — пройти через переизбрание в парламент. И вот в том самом Манчестерском округе, где он недавно с триумфом победил, его неожиданно “прокатили” избиратели, и Черчилль потерял депутатское кресло.

В чём дело? Что случилось? Неужели евреи, чьи интересы он так рьяно защищал, отвернулись и предали своего благодетеля? Нет, ни в коем случае.

Один из лидеров манчестерской еврейской общины Джозеф Дальберг написал Черчиллю после поражения: “Утешением для меня служит то, что я сделал всё, что мог, для вашего успеха, и в том, что касается ваших еврейских избирателей, вы не должны были быть разочарованы. Если бы другие группы избирателей так же сплотились вокруг вас, вы бы выиграли с большим перевесом. Согласно нашим подсчётам, на вашей стороне было не менее 95 процентов еврейских избирателей” (34). Нет, дело-то как раз в том, что своей проеврейской позицией Черчилль настолько отличился и прославился, что совершенно осточертел остальным двум третям избирателей и резко оттолкнул всех неевреев, которые не захотели дольше терпеть еврейского агента, политика-юдофила, и дружно восстали в небывалом единении, чтобы не дать ему победить.

Теперь ему пришлось искать для новой попытки выборов отдалённейший избирательный округ, где его либо совсем не знали, либо знали понаслышке с хорошей стороны лишь как героя войны и бойкого военного журналиста. Такой округ (Данди) нашёлся почти в другой, можно сказать, стране – в Шотландии...

“Тигры сионизма”, Черчилль и еврейское лобби

Итак, Черчилль снова в парламенте – и снова на страже еврейских интересов. И вскоре ему пришлось защищать их всей силой государства, ибо он был в 1910 году, несмотря на молодость и неопытность, назначен министром внутренних дел (закулисная история этого ни с чем не соотносимого назначения мне не известна, увы), сосредоточив в своих руках огромную власть. А как раз уже в 1911 году, в августе, в Англии разразился еврейский погром, первый в её новейшей истории. И “разруливать” ситуацию довелось сэру Уинстону. Но об этом эпизоде биографии Черчилля я расскажу в своё время. А пока – новые этапы карьеры нашего героя.

Вкратце назову некоторые его высокие должности, разительно не соответствовавшие ни опыту, ни способностям. В 1905–1911 годах он последовательно являлся заместителем министра колоний, министром торговли, министром внутренних дел (кстати, в этом качестве Черчилль предоставил Хаиму Вейцману британское гражданство), наконец, военно-морским министром (1911–1915). Но тут его ждал скандальный провал с так называемой Дарданелльской операцией, после которого его карьера оказалась на два года прервана.

В 1917 году Ллойд Джордж вернул Черчилля из политического небытия, предложив ввести его в состав коалиционного правительства, и в 1918–1922 годах сэру Уинстону возглавлял военное и авиационное министерства. В этот период жизни ему приходилось тесно сотрудничать со многими еврейскими дельцами и политиками (что зачастую одно и то же). “Одним из тех, с кем Черчилль работал вместе в своём новом министерстве, был сэра Альберт Стерн, генеральный директор Управления по производству танков и убеждённый сионист. Другим ведущим сотрудником Министерства вооружений был эксперт в области взрывчатых веществ полковник Фредерик Натан, еврей по национальности. Под его началом работал Хаим Вейцман” (43). Но самое главное, в качестве члена кабинета министров Черчилль в 1921–1922 годах отвечал за разработку статуса еврейского национального очага в Палестине. Сегодня, по прошествии почти ста лет, основное содержание его деятельности той поры историк может усмотреть именно в этом.

Как и в первый раз, когда избиратель “прокатил” Черчилля на выборах из-за его подчёркнутого филосемитизма, в 1923 году англичане снова не захотели видеть в парламенте открытого лоббиста еврейских интересов. Его попытка баллотироваться в парламент от округа Западный Лестер провалилась. Одним из ярких противников Черчилля был поэт лорд Альфред Дуглас, который читал по всей Англии публичные лекции, рассказывая о связях Черчилля с еврейскими, как сказали бы теперь, олигархами. Особенным успехом пользовался рассказ о том, как “в результате тайного плана, разработанного богатыми британскими евреями во главе с сэром Эрнестом Касселем, сразу после Ютландской битвы в 1916 году британское адмиралтейство, возглавлявшееся тогда Артуром Бальфуrom, издало официальное коммюнике, в котором говорилось, что сражение было тяжёлой неудачей для Великобритании. Удручающий тон коммюнике оказал непосредственное влияние на курс

британских акций на Нью-Йоркской бирже, который резко упал. Воспользовавшись этим, еврейские заговорщики тут же скупили эти акции по бросовой цене. Затем Черчилль, действовавший в сговоре с евреями, в том числе и с Бальфуrom, издал другое коммюнике. В нём говорилось, что сражение оказалось гораздо более успешным для Великобритании, чем считалось ранее. Акции сразу же поднялись до нового высокого уровня. Заговорщики немедленно продали их, получив в результате огромную прибыль. Согласно Дугласу, еврейские финансисты выплатили за это Черчиллю 40 000 фунтов”, что эквивалентно более чем миллиону фунтов в 2006 году.

Будучи допрошен по данному поводу в суде, Черчилль на вопрос, имело ли “второе коммюнике адмиралтейства” какое-то “отношение к манипуляциям акциями на какой-либо бирже в мире”, не моргнув глазом отвечал: “Эта мысль никогда не приходила мне в голову”. Затем его спросили: “Получили ли вы от этого какой-либо доход?” На это он, естественно, ответил: “Нет” (112-113). А что ещё он мог сказать?!

Ну, на “нет” и суда нет. Доказать своё обвинение Дугласу не удалось, ведь его противники были не так глупы, чтоб оставлять следы... Однако он опубликовал текст своей обвинительной речи в виде брошюры, не меньше 30 000 экземпляров которой разошлись по Лондону. Взбешённый Черчилль подал на него в суд, куда явился сам и привёл своего старого надёжного товарища и партнёра лорда Бальфура в качестве свидетеля. Участие такого тяжеловеса (Бальфур в общей сложности провёл пятьдесят лет на английском политическом Олимпе, а накануне суда занимал пост лорда-председателя Совета) решило дело: Дуглас был признан виновным. Это была показательная расправа. Однако своё место в парламенте от округа Данди, где ему некогда доверились шотландские избиратели, Черчилль всё же потерял, а затем потерпел поражение и в Лестере. Англичанам был не нужен известный еврейский лоббист в высшем представительном органе страны. Оставшись не у дел, Черчилль занялся живописью и литературным творчеством.

В 1924 году, поправив репутацию за счёт литературной известности, он всё же вернулся в парламент от маленького округа Эппинг (графство Эссекс), знаменитого своим маслом и колбасами. Возвратившись при этом, как ни в чём не бывало, в партию консерваторов, он был назначен в правительстве Стэнли Болдуина канцлером казначейства, где и пребывал с 1924-го по 1929 год, доведя страну до массовой безработицы и экономического спада. После чего ему долгое время уже никаких должностей не доверяли, и с 1931 года по роковой сентябрь 1939 года Черчилль был всего лишь рядовым членом парламента, основную деятельность посвятив устным и письменным выступлениям, работе над статьями и книгами.

Однако на деле затишье было мнимым. Именно на протяжении 1930-х годов, когда мир шаг за шагом продвигался к новым глобальным потрясениям, Черчилль отнюдь не сидел сложа руки, а напряжённо и целенаправленно готовился к важнейшей миссии в своей жизни. Естественно, всё это было связано с евреями, с их положением в Европе и на Ближнем Востоке. Приведу лишь один эпизод, но очень выразительный, который рисует те установки, что двигали Черчиллем и направляли его энергию и общественный темперамент.

8 июня 1937 года сэром Арчибальдом Синклером (политик, лидер либералов, крупнейший землевладелец, тесно сотрудничавший с Гербертом Самуэлем и Уинстоном Черчиллем) была организована встреча Хаима Вейцмана с рядом парламентариев, евреев и неевреев, поддерживавших сионизм, такими как Лео Эмери, лидер лейбористской партии Клемент Эттли (в 1945 году он сменит Черчилля на посту премьера), полковник Джозайа Веджвуд и капитан Виктор Казалет. На встрече присутствовали также Черчилль и Джеймс де Ротшильд. Обращаясь к Вейцману, Черчилль дал удивительный обет, указывая на присутствующих: “Если вы попросите нас сражаться за вас, мы будем драться, как тигры” (156).

Вот удивительное дело: откуда в Англии взялись эти “тигры”?! Что за патология в стране, казалось бы, победившего английского национализма, стране-наследнице королевы Виктории, Киплинга и расового идеолога Хьюстона Чемберлена, на сочинениях которого вырос Гитлер?

Названные гости Синклера были представителями парламентской оппозиции. Со временем к ним присоединятся вожди рабочей партии Гринвуд

и Моррисон (в будущем вице-премьер при Эттли), а также оппозиционер-консерватор Дафф Купер, пламенный поборник сионизма, сторонник создания еврейского государства, и другие лица. Вот такими “тиграми” Черчилль угощал Вейцмана, гарантируя ему поддержку! Не в одиночку боролся он за еврейские права и интересы, но действовал в комплоте с влиятельными лицами и под внимательным приглядом Ротшильда. И этот комплот, незримый для электората Британии, существовал при полном взаимопонимании обеих главных партий Англии, как правящей, так и оппозиционной.

Впрочем, он не ослаблял и личных усилий. К примеру, накануне обсуждения в палате общин “Белой книги”, изданной правительством в мае 1939 года с целью ограничить приезд евреев в Палестину, где разгорался еврейско-арабский конфликт, Черчилль пригласил Хаима Вейцмана на ланч в свою лондонскую квартиру. “В своих мемуарах Вейцман вспоминал, как Черчилль “вынул из кармана пачку маленьких карточек и прочитал нам свою речь; затем он спросил меня, могу ли я предложить какие-нибудь поправки” (200). В своей речи Черчилль, конечно же, протестовал против “Белой книги”, именуя её издание “постыдным актом”. И консультация с Вейцманом как высшей инстанцией была неслучайной. Сам факт обращения Черчилля к главному еврей-сионисту за одобрением, за апробацией очень о многом говорит. Главный еврей должен был получить новое свидетельство того, что Черчилль делает для евреев всё, что в его силах. Черчилль лишний раз присягнул евреям на верность.

Характерной была ответная реакция: “Ваша великолепная речь способна разрушить эту политику правительства, — телеграфировал Черчиллю доктор Вейцман в день выступления Черчилля в парламенте. — У меня нет слов, чтобы выразить вам свою благодарность”. Натан Ласки писал Черчиллю из Манчестера: “Позвольте поздравить вас с великой речью государственного значения, произнесённой вчера по вопросу о Палестине. Я думаю, не будет преувеличением сказать, что вас благословят за это миллионы евреев во всём мире”. Эта речь произвела на сионистских лидеров такое впечатление, что впоследствии Британская ассоциация за создание национального еврейского очага в Палестине напечатала её отдельной брошюрой.

Удивительно ли в таком контексте, что евреи преисполнились волей вернуть своего самого надёжного защитника к вершинам власти! Первый раз они ввели Черчилля во власть, как мы помним, ещё до Первой мировой войны. И сейчас они снова сделали это, и с успехом, умело, при этом очень ловко манипулируя общественным мнением, готовя его к новому взлёту карьеры своего героя. Вот как повествует об этом Гилберт в своей книге:

“В то время как Чемберлен и его ближайшее окружение не хотели впускать Черчилля в свой круг, всё большая и большая часть британской публики призывала дать ему место в правительстве. Это требование было выражено в феврале и марте 1939 года в журнале “Пикчер пост”, в двух номерах подряд призывавшем к возвращению Черчилля в правительство. Статьи были иллюстрированы фотографиями Черчилля в Чартвелле, его доме, ставшем местом его своеобразного изгнания, где он был запечатлён работающим, кладущим кирпичи, читающим — в ожидании, пока его, наконец, позовут (то-то умилились английские обыватели! — А. С.).

Появление этих статей было во многим заслугой обладавшего даром предвидения издателя “Пикчер пост” Стефана Лорана, венгерского еврея, который в 1919 году в возрасте восемнадцати лет бежал из пропитанной антисемитской атмосферой страны. . .

Лоран с фотографом журнала провёл в Чартвелле целый день, беседа с Черчиллем и собирая необходимый ему материал, чтобы как можно лучше подготовить призыв к возвращению Черчилля в правительство, который он собирался разместить на страницах “Пикчер пост”. Два номера “Пикчер пост”, последовавших за визитом Лорана в Чартвелл, обозначили поворотный пункт в общественном восприятии Черчилля как человека, знания и опыт которого не используются. Первая статья, написанная Генри Уикхемом Стидом, бывшим главным редактором “Таймс” и членом Антинацистской лиги, была опубликована 25 февраля 1939 года и озаглавлена так: “Величайший момент в его жизни ещё придёт?” (196-197).

И что бы вы думали? Этот момент действительно пришёл! 10 мая 1940 года Черчилль становится главой национального правительства и одновременно

министром обороны, лидером палаты общин, а с конца года – и лидером консервативной партии, сосредоточив в своих руках все главные рычаги управления Великобританией. Такой власти не имел никто и никогда в Англии после королевы Елизаветы Тюдор, даже Дизраэли. “Тигры Вейцмана” взяли верх в стране²⁰.

До самой смерти

Война закончилась, когда Черчиллю было уже за семьдесят. Триумфальное завершение многолетней кровавой страды привело его к неожиданному результату: вместо выражения всенародной признательности путём переизбрания народ Англии отказал в поддержке консерваторам (а значит, и лично Черчиллю) уже в июле победного 1945 года! Впервые в истории парламентское большинство, да ещё с большим перевесом, составили лейбористы. Избиратели припомнили довоенный политический и экономический курс консерваторов и не захотели к нему возвращаться. Черчиллю не осталось места в высшем эшелоне власти, ему пришлось даже покинуть Потсдамскую конференцию победителей, что было, конечно, крайне унижительно. Отблагодарили соплеменники, ничего не скажешь...

Отныне на довольно долгое время сэра Уинстона утратил возможность влиять на политику Англии иначе, чем посредством статей и выступлений. Самолюбивый и честолюбивый до тщеславия²¹, он тяжело переживал вынужденную отставку. Это был удар в самое сердце, ведь он считал себя вождём и спасителем английского народа, если не всего мира, а избиратели – и что самое ужасное, солдаты в основной своей массе – отвергли его самого и его партию. По свидетельству Вирджинии Коулс, присутствовавшей 26 июля на традиционном послевыборном обеде, Черчилль был совершенно убит случившимся. Он был не в состоянии произнести ни слова, а его дочери сидели все в слезах. На следующий день, 27 июля, Черчилль созвал прощальное заседание кабинета. Как пишет его министр иностранных дел Энтони Иден: “Это было довольно мрачное зрелище... Он был в расстроенных чувствах, бедняга... Говорил, что сегодня он вовсе не примирился со случившимся. Напротив, боль стала ещё сильнее, как боль от раны, которая становится невыносимой после первого шока”. В состоянии фрустрации сэра Уинстона даже отказался от почётнейшего ордена Подвязки, предложенного королём Георгом (он получит его спустя годы уже от королевы Елизаветы).

В своих мемуарах Черчилль горько ссылается на Плутарха: “Неблагодарность по отношению к своим великим людям есть характерная черта сильных народов”. Он относил эти слова, конечно же, к англичанам. Однако, как выяснилось, упрёк этот заслужили и евреи, для которых внезапно лишённый всех правительственных постов политик потерял свою ценность и привлекательность, что было для них особенно досадно, ибо именно в первые послевоенные годы решалась судьба будущего Израиля, а своего главного и надёжного заступника евреи в тот момент утратили.

Власть Черчилля уже висела на волоске, когда 24 мая 1945 года он получил письмо от Хаима Вейцмана, в которое было вложено требование Еврейского агентства об отмене любых ограничений на въезд евреев в Палестину, которые были установлены британским правительством в 1939 году. Вейцман писал: “Пришло время... открыть евреям дорогу в Палестину и провозгласить там создание еврейского государства. Мой священный долг просить вас осуществить это, и осуществить немедленно” (299).

Но Черчилль, зная, что у него уже нет шансов провести подобное решение через временное правительство, созданное лишь на предвыборный срок, ответил: “Я боюсь, что не будет возможности продуктивно рассмотреть этот вопрос до начала специальной мирной конференции с участием союзников-победителей”. Это не было решительным отказом, это была лишь мягкая попытка немного урезонить просителей, привести их надежды в соответствие с возможностями момента, призыв проявить понимание и терпение.

Но евреи смотрели на ответ Черчилля по-другому, они не хотели знать никаких резонансов, не собирались терпеть и требовали своего. На заседании Политического сионистского комитета в Лондоне 13 июня Х. Вейцман осудил письмо Черчилля как “противоречащее реальному пониманию всей этой проблемы”... Он подытожил: “Если бы Черчилль хотел уладить дело, он мог бы это сделать”.

Для Давида Бен-Гуриона письмо Черчилля показалось “сильнейшим ударом, полученным евреями” (300-301).

Дружба сразу кончилась, все бесчисленные благодеяния, сотворённые Черчиллем для евреев, и самое их спасение тут же оказались забыты. Гилберт: “Не получив от Черчилля никакого ответа вплоть до 27 июня, Х. Вейцман выразил своё глубокое разочарование по этому поводу на следующем заседании Политического сионистского комитета... Он сказал своим ближайшим друзьям в Лондоне, что Черчилль и Рузвельт “унизили его, может быть, и непреднамеренно, но проявив невнимательность. Они дали обещания, которые не выполнили и не собирались выполнять. Ведь они имели дело всего лишь с маленьким народом; этот народ не мог бороться с Черчиллем или Трумэнном, но он мог сохранить чистой свою совесть, сказав: “Вы сделали то, что сделали, но вам не следует ожидать, что я это проглочу” (302-304).

Как видим, ни тени признательности, ни следа прежней дружбы, одни максималистские претензии и глухие угрозы вместо спасибо...

Были ли те угрозы лишь пустыми словами? Как знать: евреи обычно сводят свои счёты, ни с кем не сообразуясь и ни у кого не спрашивая, будь то хоть царь, хоть премьер-министр. Русские это хорошо знают по опыту; а вот Черчилль не знал. Возможно, он никогда и не узнал также, что 16 декабря 1944 года “Элияху Голомб, глава нелегальных сил “Хаганы”, публично осудившей убийство лорда Мойна и сотрудничавшей с британскими властями, чтобы прекратить терроризм, тайно встретился с Натаном Фридман-Еллиным, членом правящего триумvirата “Штерна”²². Два члена “Штерна” были тогда под судом за убийство Мойна, и триумvirат хотел провести какой-нибудь впечатляющий террористический акт, который послужил бы предупреждением и мстью. Одной из обсуждавшихся возможностей было убийство самого Черчилля” (282).

Да, скорее всего, Черчилль не узнал ни о чёрной неблагодарности евреев (и лично Вейцмана) в 1945 году, ни даже о попытках его взорвать, поскольку продолжал работать в их интересах во всю силу своих возможностей, были они большими или малыми. На его счастье, евреи всё же отказались от покушения на его светлую личность. А какой был бы финал для вельможного юдофила! Какой поучительный случай!

Однако холодок с еврейской стороны повеял, и через пару недель Черчилль бросился оправдываться: в письме от 29 июня он советовал Вейцману добиваться передачи мандата на управление Палестиной “от Великобритании к Соединённым Штатам... с их огромным богатством и мощью и со значительной еврейской прослойкой населения”. Сам же он складывал руки: “У меня очень мало сторонников в консервативной партии, и даже лейбористы, кажется, потеряли интерес к идее создания еврейского государства в Палестине” (302-303).

Это была капитуляция проигравшегося – ошибочное и преждевременное проявление слабости. Что ему стоило всё обещать, как всегда! Но он решил поиграть в откровенность – и потерял лицо. Предчувствия не обманывали Черчилля: он-таки проиграл выборы. В разгар Потсдамской конференции, когда победители делили мир, англичане выкинули “главного победителя” – Уинстона Черчилля – из политики. Подозреваю, что одна из основных причин состояла в том, что разочарованные евреи не поддержали его так, как могли бы и как они уже не раз делали в прошлом. Свои же собственные, личные возможности Черчилль самонадеянно переоценил.

Евреи добились своего и без Черчилля: в 1948 году на карте мира появилось независимое государство Израиль. Отношения Черчилля с еврейским сообществом отныне стабилизировались: он всячески старался напомнить евреям о своей роли в прошлом, они охотно признавали её и отвечали устной и письменной благодарностью.

На встрече 29 марта 1949 года с американскими еврейскими лидерами, собравшимися для обсуждения будущего Израиля, Черчилль заклинал: “Помните, что я стоял за свободный и независимый Израиль в течение всех тех тёмных лет, когда многие из моих самых выдающихся соотечественников придерживались других взглядов. Не допускайте даже мысли о том, что у меня есть хотя бы малейшее намерение предать вас в этот час вашей славы” (343).

Какая странная, на первый взгляд, идея: кто бы мог в нём усомниться? Но, видимо, Черчилль, искушённый политик, знаток человеческих слабостей, боялся, что про его услуги забудут по миновании надобности, выкинут его, как отработанный шлак. Жажда чести и награды была ему свойственна. Поэтому

он продолжал в том же духе: не позволяя оборваться ниточкам связи и признательности, продолжал их натягивать.

В апреле 1951 года Х. Вейцман пригласил Черчилля на открытие рощи имени Вейцмана в Иерусалимских горах. Черчилль не смог прибыть на эту церемонию, но написал израильскому послу в Лондоне: “Будучи сионистом ещё со времён Декларации Бальфура, я очень польщен приглашением столь великого государственного деятеля, как доктор Х. Вейцман” (344).

17 января 1952 года, во время своего официального визита в Вашингтон, Черчилль выступил перед американским конгрессом. “Начиная с момента принятия Декларации Бальфура, — сказал он, — я желал, чтобы евреи получили национальный очаг в Палестине, и я работал над этим” (345).

Снова и снова Черчилль напоминал евреям о своих заслугах, своих правах на благодарность, напоминал победителям, кто помог им победить. Чтобы, не дай бог, не забыли, не списали со счетов. Он хотел всемерно продлить зависимость, столь важную и полезную для него.

И не без успеха. Хотя, как ни странно, не всегда благодарное признание евреями благотворной для них роли Черчилля было таким уж безусловным. “Вопрос о том, в какой мере Черчилль был другом евреев и Израиля, весьма широко обсуждался как внутри Израиля, так и среди мирового еврейства. Были среди евреев и такие, кто считал, — как и ряд сионистских лидеров в 1945 году, — что ему не следует доверять. Но родившийся в Южной Африке сотрудник израильского Министерства иностранных дел, житель Иерусалима Майкл Комей написал в сентябре 1950 года израильскому послу в Лондоне, что Черчилль “продолжает оставаться влиятельным другом нашей страны и нашего народа как в официальном, так и в личном качестве” (344).

26 октября 1951 года Черчилль во второй раз стал премьер-министром. Чем и как способствовало еврейское лобби его возвращению на Даунинг-стрит, об этом в книге Гилберта не говорится. До 77-го дня рождения ему оставался всего месяц. Здоровье уже никуда не годилось: его лечили от сердечной недостаточности, экземы и развивающейся глухоты. В феврале 1952 года и июне 1953-го он пережил инсульты, ему даже на несколько месяцев парализовало левую сторону. Полноценно выполнять свои обязанности он уже не мог, однако категорически отказывался подать в отставку или хотя бы перейти в палату лордов, оставаясь номинально в должности премьера. Ожидать от него какой-то существенной поддержки евреи уже не могли.

Тем не менее, Хаим Вейцман одним из первых поздравил его с возвращением к власти (345). И вообще евреи его не забывали. Я уже рассказывал об электростанции его имени и полученном им пакете её акций. Но были и другие знаки внимания, не столь, может быть, материально значительные, но трогательные.

Так, Джеймс де Ротшильд, видевший как-то его выступление по телевидению, написал ему: “Мой дорогой Уинстон — или, быть может, в этом случае я должен был выбрать обращение “Мой дорогой премьер-министр”? Я только что прослушал и просмотрел ваше выступление по телевизору и чувствую, что должен написать вам, чтобы сказать, как я был очарован вашим видом и тем, что вы сказали... Преданный вам Джимми” (347).

Первый глава Израиля Давид Бен-Гурион признавался Черчиллю: “Как и многие другие люди во всех концах света, я смотрю на вас как на величайшего англичанина за всю историю вашей страны и величайшего государственного деятеля нашего времени, человека, чья храбрость, мудрость и предвидение спасли его страну и весь свободный мир от нацистского рабства” (369).

Став во второй раз премьер-министром, Черчилль подружился с родившимся в Югославии еврейским скульптором Оскаром Нимоном. Королева Елизавета Вторая поручила тому извлекать бюст Черчилля для Виндзорского замка, и он выполнил поручение весьма монументально.

В 1955 году Черчилль вновь покинул премьерский кабинет, на этот раз навсегда. Ему оставалось ещё жить долгих десять лет, но влиять на события он уже не мог.

Когда 30 ноября 1957 года Черчиллю исполнилось восемьдесят три года, “среди рождественских подарков, полученных им в тот год, был ящик израильских апельсин от вдовы Х. Вейцмана Веры и виргинская ветчина от Барнарда Баруха” (368).

Финальный аккорд... Пустячок, а приятно.

Такова, вкратце, история взаимных симпатий Уинстона Черчилля и евреев. Кстати, именно Черчиллю приписывается популярная фраза о том, что англичане-де не являются антисемитами потому, что не считают себя глупее евреев. Так ли оно на самом деле или Черчилль сказанул это ради красного словца, я не берусь судить. Но за такую безрассудную самонадеянность англичане расплатились всей своей судьбой.

Впрочем, не следует забегать вперёд. Из красных нитей, проходящих через судьбу Черчилля, выберем для начала самую толстую.

Палестина, Израиль, евреи, арабы

Самая большая по протяжённости глава из книги жизни Черчилля могла бы быть названа так: “Палестина, Израиль, евреи, арабы”. По сути, она началась в дни первого вхождения Черчилля в правительственные сферы и завершилась, когда мир признал еврейское государство Израиль, созданное на территории Палестины, некогда подмандатной Великобритании.

Одни приписывают честь создания Израиля Хаиму Вейцману, другие – Иосифу Сталину, третьи – даже Адольфу Гитлеру. И в каждом из этих утверждений есть доля истины, поскольку Вейцман всеми признан как локомотив сионизма, Гитлер мечтал о таком месте, куда можно было бы переселить всех европейских евреев, а Сталин надеялся, что вместе с советскими евреями в Израиль переедет и утвердится там социализм. Но главную-то роль тут сыграл Уинстон Черчилль. Об этом и поговорим.

В молодые годы Черчилль, служивший офицером Британской армии в Судане, увлекался арабским Востоком и исламом. Какое-то время он даже бравировал этим, полусуитя. К примеру, в своём письме к леди Литтон в 1907 году он написал, что хотел бы получить в Османской империи титул паши. Он дружил с востоковедом Уилфридом Блантом и, как и он, мог наряжаться в арабские одежды, отправляясь на вечеринку. Его увлечения бросались в глаза родным; в том же 1907 году Гвендолин Берти, жена брата Черчилля, писала ему с тревогой: “Пожалуйста, не принимай ислам; я заметила твою склонность ко всему восточному. Если ты соприкоснёшься с исламом, твоё обращение может произойти даже быстрее, чем ты думаешь. Борись с этим”. Историк Уоррен Доктер из Кембриджского университета, обнаруживший это письмо во время работы над книгой “Уинстон Черчилль и исламский мир: ориентализм, империя и дипломатия на Ближнем Востоке”, комментирует: “На самом деле Черчилль никогда всерьёз не задумывался о том, чтобы принять ислам. К этому времени он уже был практически атеистом. Но он был весьма впечатлён исламской культурой”²³.

Эти новейшие открытия, однако, мало согласуются с тем, что сам Черчилль писал в книге “Речная война” (1899) по свежим впечатлениям, вернувшись из Судана, где он воевал против исламского халифа. К примеру: “Как ужасны проклятия, которыми магометане осыпают порой своих же единоверцев! Кроме фанатичного неистовства, опасного в человеке, как водобоязнь у собак, в них присутствует и ужасная фаталистическая апатия. Эффект этого очевиден во многих странах. Непредсказуемое поведение, неважная система сельского хозяйства, пассивные методы ведения торговли, отсутствие должного уважения к собственности существуют везде, где живут или правят последователи Пророка. Огрубление чувств лишает их жизнь изящества и утонченности, а также достоинства”.

Или вот ещё выразительная цитата: “Тот факт, что, согласно магометанскому закону, каждая женщина должна принадлежать какому-нибудь мужчине в виде его абсолютной собственности в качестве дочери, жены или наложницы, откладывает окончательное избавление человечества от рабства до тех пор, пока исламская вера не перестанет обладать столь великой властью над людьми. Как индивидуумы мусульмане могут проявлять замечательные качества, но влияние религии парализует социальное развитие тех, кто привержен ей. В мире не существует более мощной силы, замедляющей развитие. Далёкое от заката и упадка магометанство – воинственная и прозелитическая вера. Она уже широко распространилась по Центральной Азии, везде привлекала в свои ряды бесстрашных бойцов, и если бы христианство не охранялось

сильным оружием науки, науки, против которой оно когда-то напрасно боролось, то цивилизация современной Европы могла бы погибнуть, как погибла цивилизация Древнего Рима” (73-74).

Пожалуй, всё же именно в подобных речениях — истинный ключ к позиции Черчилля. Конечно, мы вправе спросить, в чём же тогда привлекательность ислама для почти двух миллиардов жителей Земли? Ответ вряд ли устроил бы Черчилля: да именно в этом — в тотальном консерватизме, в моральном отвращении к прогрессу а-ля Запад.

Думается, что, вернувшись с театра военных действий в Лондон и связав свою политическую биографию с евреями, Черчилль если и питал какие-то добрые чувства к исламской культуре, то скоро и радикально поменял вектор своих симпатий. В дальнейшем он воспринимал свой союз с евреями против арабов как союз с цивилизацией против дикости. Вряд ли в этом была объективность, но для него это было так, и он не раз это подтверждал.

Жизнь рано заставила Черчилля сделать выбор. В 1905 году он был назначен на должность замминистра по делам колоний. По словам Гилберта, “для Черчилля вопрос о содействии еврейским национальным чаяниям встал в полный рост уже буквально через несколько дней после его вхождения в правительство”, поскольку евреи, не теряя драгоценного времени, немедленно обратились к нему с просьбой поддержать их идею о выделении Британией одной из колоний для еврейской эмиграции. Тогда Палестина ещё не была под контролем Англии, но всё дело в том, что “в сионистском движении к тому времени одержали верх те силы, которые хотели образовать еврейский национальный очаг в Палестине и нигде больше” (26-27). И Черчилль вскоре также проникся этой задачей. 30 января 1908 года, обращаясь с посланием к ежегодной конференции Английской сионистской федерации, замминистра по делам колоний писал уже вполне однозначно: “Я с полной симпатией отношусь к традиционным историческим ожиданиям евреев. Их возвращение в то место, которое исторически служило центром их государственности, символом национального и политического единства, стало бы великим событием в истории всего мира” (33).

В дальнейшем тесное знакомство с главным сионистом Хаимом Вейцманом привело к превращению самого Черчилля в завзятого сиониста, о чём мы уже писали. (Напомню читателям про двойной смысл термина “сионизм” и подчеркну, что здесь он используется в значении идеи заезда евреев в Палестину, на “историческую родину”.)

Итоги Первой мировой войны стали для Черчилля поистине судьбоносными, определив на три десятилетия одно из магистральных направлений его жизни и деятельности. Дело в том, что в число побеждённых в этой войне входила турецкая Османская империя. Как верно пишет Гилберт, “перспектива поражения Турции разожгла территориальные аппетиты Великобритании. Сэр Герберт Самуэль, один из двух евреев в составе британского кабинета министров, предложил распространить на Палестину власть британской короны с тем, чтобы в будущем она могла стать населённой преимущественно евреями самоуправляющейся территорией” (42). Сильнейшим лоббистом этой стержневой сионистской идеи Черчилль стал на всю жизнь.

К тому моменту, когда решалась судьба Палестины, на территории которой мечтали обосновать свою государственность евреи, Черчилль уже занимал должность министра обороны. Будущее ближневосточных провинций побеждённой Османской империи входило в сферу его забот. Ему пришлось временно испытать чувство раздвоенности. С одной стороны, он понимал и опасался, что “предполагавшаяся передача мандатов на управление Палестиной и Месопотамией (Ираком) Великобритании приведёт к тому, что его страна окажется втянутой в длительные конфликты на Востоке, которые дорого обойдутся ей” (52). Он даже писал 25 октября 1919 года в специальном меморандуме для британского кабинета о том, что, если бы Великобритания отказалась участвовать в разделе наследия Османской империи, она избежала бы не только колоссальных расходов и трудностей, но и ответственности за судьбу Палестины и евреев (53).

С другой стороны, еврейские связи уже прочно опутывали нашего героя. Вскоре филосемитизм превозмог патриотизм, интересы евреев оказались предпочтительней интересов британцев, и Черчилль “стал явным и определённым сторонником” выполнения так называемой Декларации Бальфура (54).

Об этом интересном документе надо рассказать подробно, поскольку именно он стал основой всей той политики, которую повели Черчилль и иже с ним в отношении Палестины, арабов и евреев.

Документ, ставший из личного эпохальным

2 ноября 1917 года Альфред Бальфур, бывший премьер-министр и первый лорд адмиралтейства, а ныне министр иностранных дел в правительстве Ллойд-Джорджа, послал лично господину второму барону Уолтеру Ротшильду письмо на бланке Министерства иностранных дел, прославившееся как Декларация Бальфура. В истории сионизма ей придаётся колоссальное, определяющее значение.

В тот момент, когда Бальфур писал это письмо, британская армия уже вторглась в Палестину, её войска успешно захватывали территории, до взятия Иерусалима оставался лишь месяц с небольшим, но север страны ещё оставался под турками до сентября 1918 года, после чего аннексия уже стала полной. 25 апреля 1920 года на конференции в Сан-Ремо Верховный совет стран Антанты передал Англии мандат на Палестину. 24 июля 1922 года его условия были одобрены Советом Лиги наций, и 29 сентября 1923 года мандат официально вступил в силу. Однако Бальфур писал так, как если бы полное владычество Британии в Палестине уже было заранее решено.

Текст письма гласил в своей основной части: “Правительство Его Величества с одобрением рассматривает вопрос о создании в Палестине национального очага для еврейского народа и приложит все усилия для содействия достижению этой цели; причём ясно подразумевается, что не должны производиться никакие действия, которые могут нарушить гражданские и религиозные права существующих нееврейских общин в Палестине или же права и политический статус, которым пользуются евреи в любой другой стране”.

Письмо, отметим, было написано по предложению добрых знакомцев Бальфура – сионистских лидеров Хаима Вейцмана и Нахума Соколова²⁴ – и адресовалось главе еврейской банкирской семьи, отнюдь не являвшемуся официальным и полномочным представителем еврейского народа. Перед нами – не правительственный манифест, санкционированный кабинетом министров, парламентом или премьер-министром, широковещательный и публичный. Нет! По сути, это всего лишь частное письмо, хоть и написанное на бланке министерства иностранных дел. Пустячный, в общем-то, документ, совершенно ничтожный в юридическом смысле.

И ещё одна важная деталь: в непосредственной подготовке так называемой Декларации Бальфура принимал участие лондонский еврей Гарри Сахер, адвокат, член Манчестерского кружка сионистов во главе с Вейцманом²⁵. Какую именно часть текста он готовил, неизвестно. Возможно, что и весь текст целиком.

Однако в дальнейшем сионисты и сам Уинстон Черчилль всегда трактовали это частное письмо как священную клятву Великобритании в верности еврейскому народу и настаивали на исполнении её буквы и духа, при этом всегда упирая лишь на создание “еврейского национального очага” в Палестине и напрочь забывая про “гражданские и религиозные права” нееврейских общин. По воле сионистов письмо обозвали Декларацией, превратили этот клочок бумаги в какой-то род присяги, в краеугольный камень при закладке Израиля.

Подчеркну ещё раз: пресловутая “Декларация Бальфура” – не что иное, как всего лишь навсего письмо министра иностранных дел второму барону Ротшильду, частному лицу. Если кто и должен был нести ответственность за этот полуофициальный документ, то разве что лично сам Бальфур. Это однозначно. Однако в общественном мнении ему было придано совершенно исключительное значение клятвенного заверения Английского государства, которое нельзя просто так отбросить. Уцепившись мёртвой хваткой за этот ничего не значащий, в сущности, документ, Черчилль в дальнейшем, как мы увидим, умело пользовался им то как дубиной против своих оппонентов, то как отмычкой, волшебным “сезамом”, открывающим двери даже там, где их, на первый взгляд, не было. Листок бумаги стал стягом и жупелом. Удивительный образец беззастенчивой манипуляции, махинации! Беспрецедентный случай! Политическое нахальство и трюкачество экстра-класса!

Вот несколько примеров.

В главе, характерно названной “Работа на основании Декларации Бальфура”, Гилберт рассказывает, как “во время встречи в Лондоне 22 июня <1921 года> с четырьмя премьер-министрами британских доминионов — Канады, Ньюфаундленда, Австралии и Новой Зеландии — Черчилль выяснил, что все они разделяют опасения арабов о формировании со временем в Палестине еврейского большинства”. И тогда Черчиллю пришлось принимать экстренные меры по “выправлению мозгов” собравшихся. Собственно, в этот момент и оформилась предельно чётко его личная доктрина, личная позиция, личная стратегия в палестинском вопросе, которая в силу его официального положения стала позицией всей страны. В чём она состояла?

Черчилль “разъяснил им позицию Великобритании по отношению к сионизму. “Идеал, который исповедуют сионисты, — сказал им Черчилль, — это очень высокий идеал, и, признаюсь, он вызывает мою искреннюю личную симпатию”. Но Декларация Бальфура, добавил он, есть нечто большее, чем идеал. Она представляет собой принятое в годы войны обязательство оказывать помощь евреям по всему миру. “Великобритания должна быть очень пунктуальной, — объяснил он, — в выполнении своих обязательств” (91).

Так Черчилль ещё в 1921 году навязал всей Британской империи (даже и с доминионами) свои взгляды, свой подход, превратив завоёванную, оплаченную английской кровью Палестину в тяжёлую, неудобную ношу и трудную проблему. А те и проглотили, приняли это как должное.

Получилось, что англичане сделали это завоевание не для себя, а для евреев. Черчилль и его старшие товарищи и единомышленники Ллойд-Джордж и Бальфур считали нужным не только поддерживать сионистов, но и сверять частным образом с ними свои позиции, чтобы полностью соответствовать их планам. Так, 22 июля они втроём “встретились с Вейцманом в доме Бальфура в Лондоне, чтобы успокоить Вейцмана и разъяснить ему, что британская политика не изменилась. На этой встрече Вейцман заявил, что Декларация Бальфура фактически сведена на нет и что сам британский верховный комиссар Г. Самуэль подрывает её принципы. Вейцман указал, что в официальном выступлении 3 июня Самуэль заявил: “Условия жизни в Палестине таковы, что не допускают массовой иммиграции евреев”. Такое утверждение, сказал Вейцман, являлось фактическим “отрицанием Декларации Бальфура”. Черчилль спросил, почему он так считает, и Вейцман объяснил, что Декларация Бальфура санкционирует возникновение в Палестине еврейского большинства, тогда как речь Самуэля “не позволит никогда образоваться такому большинству”. Согласно протокольной записи об этой встрече, “...Ллойд-Джордж и Бальфур согласились с тем, что Декларация Бальфура всегда подразумевала постепенное возникновение в Палестине еврейского государства” (93).

Дело в том, что Герберт Самуэль, хоть и приходился роднёй Ротшильдам и с пониманием относился к сионистам, но был по убеждению государственным человеком и твёрдо стоял на страже интересов Британской империи. Он прямо и жёстко писал Вейцману об этом так: “Необходимо ясно видеть основные факты во всём этом деле. По моему мнению, эти факты заключаются в том, что очень большое число арабов, включая многих представителей образованных слоёв, пришли к выводу, что сионистская политика заключается в создании численного перевеса евреев в Палестине за счёт массовой еврейской иммиграции, что впоследствии приведёт к тому, что из-за этого они потеряют не только политическое преобладание в Палестине, но и свои земли и свои святы места”. Самуэль ясно предвидел, что арабы не примут без боя судьбу, которая, по их мнению, им уготована, будут сопротивляться всеми силами. При этом, подчеркнул он, “сионистская политика не имеет столь прочных основ в Великобритании, чтобы позволить себе продолжать и далее расшатывать их” (94).

Итак, в этих встречах и дебатах выявилась и основная линия водораздела, и главная тема повестки дня: быть или не быть в Палестине численному преобладанию евреев, которое позволит со временем основать там еврейское государство. Именно вокруг этого пункта и развернулась главная интрига, главная борьба сторон.

Не правда ли, парадоксальная ситуация, когда еврей по национальности Самуэль, исходя из профессиональных и великобританских патриотических побуждений, осмеливается действовать поперёк установок сионистов, а трое

высокопоставленных природных англичан, сверяя свои слова и поступки с верховным сионистом, обсуждают, как этому противостоять. И ведь успешно противостоят! Напомню, что в те дни Ллойд-Джордж был ещё премьер-министром, а Бальфур – лордом-председателем Совета, их позиции были очень сильны. Однако особую роль в этом сыграл, конечно, наш герой, отличавшийся непреклонностью нрава.

Далее события развивались в 1921 году так. 22 августа Черчилль принял арабскую делегацию, “её члены бескомпромиссно потребовали от него немедленно отменить действие Декларации Бальфура и прекратить дальнейшую еврейскую иммиграцию в Палестину. Черчилль отказался сделать и то, и другое, представив делегации своё понимание природы сионизма” (94).

В этот день между Великобританией и арабским миром пробежала трещина, что впоследствии весьма дорого обошлось империи. Вместо того чтобы покровительствовать миллионам арабов, оказавшихся в её власти согласно мандату Антанты, Англия открыто и цинично предала интересы своих подопечных и заложила основу для бесконечного кровавого противостояния на Ближнем Востоке. А это противостояние, в свою очередь, во второй половине XX века стало краеугольным камнем глобального конфликта, когда сионизированный Запад вошёл в состояние необъявленной войны с исламским Востоком, что особенно наглядно проявляется в наши дни.

Ответом на предательство арабов Британией в лице Черчилля явились в Палестине “акты насилия против евреев. В течение ноября арабы Яффы и близлежащих арабских деревень нападали на евреев прямо на улицах и разрушали еврейскую собственность. В ответ британская администрация наложила коллективный штраф на яффских арабов и на те арабские деревни, из которых совершались нападения”.

Черчилль весьма остроумно возложил ответственность за это на Самуэля, написав своим представителям в Палестине: “Сэр Герберт Самуэль должен жёстко следить за неукоснительным применением в Яффе штрафных санкций”. Тот, вынуждаемый действовать против собственных убеждений, пытался протестовать, но Черчилль был непреклонен: “В Яффе и в близлежащих деревнях должны усвоить, что лица, виновные в нападениях на евреев, будут немедленно нести ответственность. Мы не можем позволить каким-либо соображениям целесообразности (!) влиять на осуществление правосудия”. Апелляция к высшим нормам морали в ситуации собственного аморального поведения всегда была сильнейшим козырем Черчилля, и он им виртуозно пользовался.

Черчилль объявил далее, что если Самуэль не справится с задачей, то он готов прислать в помощь военный корабль, чтобы поддержать авторитет власти верховного комиссара в Палестине. А когда Самуэль пожаловался, что “арабов спровоцировали на бунт действия проникшей в Израиль в составе иммигрантов группы коммунистов”, то Черчилль немедленно указал Самуэлю, что “ответственность за очистку еврейских колоний от коммунистических элементов лежит на самом верховном комиссаре” (95-96). Поистине, в искусстве выкручивания рук ему не было равных!

Черчилль добавил, что недоволен попытками арабов прибегнуть к насилию по всей Палестине “в надежде напугать нас и заставить нас отказаться от нашей политики в отношении сионизма”. Его позиция была определённой, ясной и чёткой. И “запугать” его, заставить отступить действительно не могло никто и ничто. Даже очевидные интересы собственной страны.

Чего добился Черчилль своим железным упорством в неуклонном проведении в жизнь сионистской программы?

Быстро и напористо действуя в заданном направлении, сотрудники аппарата Черчилля уже к началу февраля 1922 года подготовили такой проект конституции для Палестины, согласно которому “арабам было бы невозможно использовать своё численное большинство для того, чтобы препятствовать продолжающейся еврейской иммиграции и капиталовложениям”. Делегация палестинских арабов пыталась законными способами воспрепятствовать вопиющей несправедливости. 15 февраля сэр Уильям Джойнсон-Хикс, член парламента от консерваторов, официально попросил Ллойд-Джорджа, имея в виду Декларацию Бальфура, объяснить, почему правительство обещало еврейскому народу создание национального очага “в стране, которая уже является национальным домом для арабов”. Не получив внятного ответа, “3 марта

арабская делегация провела митинг своих сторонников перед отелем “Гайд-парк” в Лондоне с требованием, чтобы Великобритания отказалась от своей “сионистской политики”. Главный оратор на этом митинге Шибли аль-Джамаль, являвшийся секретарём арабской делегации, говорил о том, что “придётся убивать евреев, если арабы не достигнут своей цели” (97).

По сути, евреи, действуя через Черчилля, руками англичан развязали войну за Палестину. Войну объявили арабы – но вызвал-то её Черчилль, размахивая Декларацией Бальфура, как знаменем. В этой войне, однако, Палестина стала для Англии не наградой, а несносной и дорогой обузой, которую рано или поздно она была вынуждена выпустить из рук...

Кому и зачем был нужен еврейский анклав в Палестине

Были ли у Черчилля иные мотивы, кроме тех отношений и обязательств, которые сложились между ним и евреями, в том числе сионистами, с Хаимом Вейцманом, в первую очередь? Как знать.

Еврейская диаспора, большая и активная социально и экономически, давно стала головной болью для многих стран и народов XX века: для России, Польши, Германии, Франции, Испании, Венгрии, Америки, Англии... В России эта проблема решилась парадоксально: евреи, опираясь на широкое антиимперское движение разнообразных инородцев (поляков, финнов, армян, грузин, среднеазиатов, прибалтов, горские народы и др.) и возглавив рабоче-крестьянскую революцию и гражданскую войну, свергли законное правительство и сами стали властью. На какое-то время похожая схема сработала в Германии, вызвав к жизни революцию, капитуляцию и Веймарскую республику. Подобная попытка была и в Венгрии, а позже и в Испании. В других странах повторить российский сценарий не получилось, в Испании взяли верх фашисты, да и Венгрия с Германией (точнее, венгры с немцами) быстро опомнились и отыграли назад. Но страх перед Коминтерном, без сомнения, тревожил души ответственных национальных политиков многих стран и народов. Вытянуть из всех стран евреев, не являющихся патриотами этих стран, “международных евреев” (Черчилль использовал именно этот термин), в некую отдельную область на земном шаре – и пусть себе там устраивают своё государство, хоть коммунистическое, хоть какое, только бы не у нас: так в то время рассуждали и мечтали очень многие. В том числе, как мы знаем, поляки и немцы, надеявшиеся “сплавить” своих евреев, к примеру, на Мадагаскар.

Возможно, среди тех, кто так думал, был и наш герой, искренне ненавидевший коммунизм и боявшийся его. Ведь не случайно, выступая 2 января 1920 года в Сандерленде с обзором международной ситуации, Черчилль назвал большевизм “еврейским движением” (55). Как обезопасить Англию от него?

И вот в газете “Иллюстрийтед санди геральд” от 8 февраля 1920 года Черчилль публикует весьма объёмную и подробную статью по еврейскому вопросу, где, в частности, есть раздел “Дом для евреев”. Британскому правительству, пишет автор, в результате приобретения им права на управление Палестиной, “представилась возможность обеспечить для евреев всего мира пристанище и создать центр их национальной жизни. Государственная мудрость и чувство истории мистера Бальфура помогли использовать эту возможность. Была принята декларация, однозначно определившая политику Великобритании в этой сфере. Пламенная энергия доктора Вейцмана, руководящего практическим осуществлением сионистского проекта, поддерживаемого многими известными британскими евреями, направлена на то, чтобы этот выдающийся проект оказался успешным”.

“Конечно, – писал Черчилль, – Палестина слишком мала и способна принять лишь часть еврейского народа. К тому же большинство евреев, проживающих в других странах, и не стремится туда. Но если, как это может случиться ещё в период нашей жизни, на берегах Иордана под покровительством британской короны будет создано еврейское государство, способное принять три или четыре миллиона евреев, то в мировой истории произойдёт событие, благодетельное со всех точек зрения, событие, которое будет полностью гармонировать с истинными интересами Британской империи” (60-61).

Интерпретировать этот текст можно и в том смысле, что в будущем еврейском государстве, куда будут свезены “взрывоопасные” евреи из переполненной ими Европы, Черчилль провидел мировой оплот против большевизма,

своего рода альтернативу коммунистической России. Да, собственно, Черчилль примерно так сам и писал, только более обтекаемо: “Пассивное сопротивление” большевизму было недостаточным, указывал Черчилль. “Нужны практические альтернативы ему как в моральной, так и в социальной сфере. Быстрое создание национального еврейского центра в Палестине могло бы стать не только убежищем для людей, угнетаемых и подавляемых ныне в несчастных странах Центральной Европы, но и послужить символом еврейского единства и храмом еврейской славы” (61).

Ну, уж какой “храм еврейской славы” получился из Израиля, я тут судить не стану, но нельзя не признать, что порядка пяти миллионов евреев в конечном счёте удалось оттянуть со всего мира на этот маленький клочок земли.

Итак, признаем, что в поведении Ллойд-Джорджа, Артура Бальфура, Уинстона Черчилля и других британских “тигров сионизма” может просматриваться и логика освобождения родной страны от нежелательного еврейского компактного и влиятельного меньшинства путём “сплавления” его в Палестину. Чего, впрочем, достичь не удалось.

Однако всё, что мы знаем о сэре Уинстоне Черчилле и о чём уже было и ещё будет сказано на этих страницах, говорит о том, что этот мотив не был ни единственным, ни главным в его поведении. Его личные отношения с еврейскими сообществом в целом и еврейскими лидерами, в частности, развивались год от года таким образом, что опутывали его неразрывной сетью больших и малых обязательств, связей и симпатий. Связи связывали. Узелок затягивался всё туже, коготок увязал всё глубже, птичке суждено-таки было пропасть.

Как Черчилль начал строить Израиль

Итак, в апреле 1920 года Верховный совет Антанты передал Англии мандат на Палестину, а в январе 1921 года Ллойд-Джордж назначил Черчилля министром по делам колоний, возложив на него особую ответственность за два британских мандата – Палестину и Месопотамию. В министерстве был даже специально создан Ближневосточный департамент, во главе которого стал Джон Шакбер, ветеран департамента по вопросам Индии. Стать своим консультантом Черчилль попросил разведчика и дипломата полковника Т. Е. Лоуренса (знаменитого “Лоуренса Аравийского”)²⁶, которому довелось добиваться примирения с арабами, отказывавшимися признать мандат Англии над Палестиной и Францией над Сирией.

Пользуясь личными отношениями, Лоуренс сумел заключить соглашение со старшим сыном “короля арабской нации” Хусейна эмиром Фейсалом, согласно которому арабы смирились с тем, что в Палестине уже были основаны еврейские поселения. Черчилля вполне устраивал план, “согласно которому Фейсал принимал трон короля Ирака, а его брат Абдалла – трон короля Трансиордании в обмен на то, что Западная Палестина, от Средиземного моря до реки Иордан, становилась местом учреждения еврейского национального очага под британским контролем... Если земля к востоку от реки Иордан становилась арабским государством, а земля к западу от Иордана и до Средиземного моря – территорией, отведённой для еврейского национального очага, то Великобритания одновременно выполняла оба обещания, данные ею как евреям, так и их арабским соседям” (66-67). Так арабские владыки, в обмен на признание и утверждение их полномочия в условленных регионах, предали свой народ. Отчего произошли весьма далеко идущие последствия.

Впрочем, как говорится, гладко было на бумаге...

22 марта 1921 года новоявленный министр по делам колоний Уинстон Черчилль в сопровождении Самуэля и Лоуренса отправился в Палестину, где в то время проживало примерно 83 000 евреев и 600 000 арабов. Вскоре это соотношение должно было, по замыслам сионистов и английских “тигров сионизма”, радикально измениться. И Черчиллю было важно, во-первых, проинспектировать, прозондировать ситуацию, оценить осуществимость поставленной задачи. А во-вторых, подготовить почву, насколько это было в его силах, для её осуществления.

Гилберт формулирует так: “Главная цель посещения Иерусалима для Черчилля заключалась в том, чтобы объяснить эмиру Абдалле смысл решений Каирской конференции²⁷ и сообщить ему о желании британского правительства

поддержать его как правителя подмандатной территории к востоку от реки Иордан (отсюда её название – Трансиордания) при условии, что Абдалла согласится на создание еврейского национального очага внутри Западной Палестины и сделает всё, что в его силах, для предотвращения антисемитской агитации среди своего народа к востоку от Иордана”. К этому моменту “Лоуренс уже получил заверения Фейсала, брата Абдаллы, в том, что “будут приняты все меры, чтобы поощрить и стимулировать иммиграцию евреев в Палестину в широких масштабах и возможно быстрее, чтобы создать там поселения с интенсивной обработкой земли” (72).

Со временем сделка с этими ближневосточными владыками, британскими марионетками, предавшими свой народ, продавшими первородство за чечевичную похлёбку и заслужившими дружную ненависть всего арабского мира, стала предметом особой гордости Черчилля, хвастливо, но вполне безосновательно утверждавшего: “Я был одним из лучших друзей, когда-либо бывших у арабов, и это я поставил в Иордании и Ираке арабских правителей, которые правят там до сих пор” (227). Почему бы это арабы не оценили столь дружескую услугу?

Надо сказать, что Черчилль не побрезговал обманом в отношениях с новоявленными властителями арабских стран. В беседе с эмиром Абдаллой 28 марта, в ответ на его опасения: “Имеет ли в виду Его Величество создать еврейское Царство к западу от Иордана и изгнать оттуда всё нееврейское население?” – “Черчилль постарался успокоить Абдаллу, говоря, что, по его мнению, “у живущих в Палестине арабов много беспочвенных опасений. Им кажется, что сотни и тысячи евреев за короткое время запрудят страну и будут господствовать над нынешним населением. Это не только не предвидится, но и совершенно невозможно... Еврейская иммиграция будет очень медленным процессом, и права нынешнего нееврейского населения при этом будут строго соблюдаться” (75-76).

Конечно, это была заведомая наглая ложь. Поскольку по итогам этой встречи Черчилль тогда же сообщил в Лондон, “что Трансиордания становится арабским королевством под властью Абдаллы, в то время как Западная Палестина, от Средиземного моря до Иордана, будет управляться Великобританией, которая выполнит своё обещание о предоставлении этих земель для расселения евреев-колонистов” (76). Планы сионистов получили старт для форсированного развития²⁸.

Черчилля не смущали возможные тяжёлые последствия содеянного, хотя во время этой поездки он получил ясное представление о том, что без них не обойтись. Так, в Газе, по воспоминаниям очевидца, “Черчилля приветствовала огромная толпа криками по-арабски: “Привет министру!” Но затем их предводитель вдруг яростно вскричал, поддержанный толпой: “Долой евреев!” – и: “Перережем им глотки!” ... Мы ехали по городу, сопровождаемые почти фанатичной толпой, всё более возбуждавшейся от этих криков. Никто не пытался их успокоить, но в конце концов, всё обошлось без инцидентов... Прежде чем Черчилль снова сел на поезд в Газе, ему подали петицию, подписанную ведущими мусульманами города. В ней излагались их надежды на создание в Палестине арабского государства и выражался протест против еврейской иммиграции... 25 марта в Хайфе прошла арабская демонстрация (NB!: христианско-мусульманская. – **А. С.**) с протестом против еврейской иммиграции... В связи с тем, что во время демонстрации наблюдались акты насилия, полиция была вынуждена открыть огонь. Были убиты 13-летний мальчик-христианин и арабка-мусульманка. Вслед за этими действиями полиции в Хайфе начались антиеврейские волнения, в ходе которых десять евреев и пять полицейских были ранены ножами и камнями” (72-74).

Через неделю британской полиции пришлось вновь применить оружие против арабов, собравшихся толпой, чтобы выразить протест против Декларации Бальфура. В этот день 29 марта король Абдалла посетил мечеть Омара, где пытался поговорить с возмущёнными арабами (на этом месте спустя тридцать лет его застрелит мститель-палестинец). Но его прервали крики “Палестина для арабов!” и “Долой сионистов!” Ситуация сразу накалилась, и трудно сказать, чем бы закончилось дело, но вновь вмешалась полиция...

Таков был кровавый пролог к осуществлению пресловутой Декларации Бальфура и планов сионистов. Как видим, с самого начала британцы начали убивать арабов из-за евреев. Потом арабы начнут из-за евреев убивать самих

британцев. Наконец, убивать британцев станут уже евреи сами за себя. Ответственность за всё это лежит на участниках сионистского сговора и, в первую очередь, на Черчилле.

Черчиллю, возможно, удалось обвести вокруг пальца честолюбивого Абдаллу, но не арабов, обладавших на удивление ясным и точным пониманием сути дела. 30 марта члены Исполнительного комитета Хайфского конгресса арабов Палестины пришли на встречу с Черчиллем, чтобы вручить ему петицию на тридцати пяти страницах, главная идея которой состояла в том, что «вся Палестина принадлежит арабам и что Декларация Бальфура является огромной несправедливостью» (78–79).

Арабы в этом документе просили Черчилля «во имя справедливости и права» согласиться с пятью требованиями палестинских арабов. «Первое: образование национального очага для евреев отменяется. Второе: создаётся национальное правительство Палестины, ответственное перед парламентом, избранным населением, проживавшим в Палестине перед Первой мировой войной. Третье: еврейская иммиграция прекращается до образования этого правительства. Четвёртое: введённые в действие перед войной законы остаются в силе и не заменяются новыми, пока не начнёт действовать национальное правительство Палестины. Пятое: Палестина не должна быть отделена от братских арабских стран». Этими странами были Сирия, находившаяся тогда под управлением Франции, и Египет, которым управляла британская администрация».

Арабы, надо отметить, сумели заглянуть в будущее, в том числе далёкое, чтобы предупредить Британию: «Если Англия не примет сторону арабов, то это сделают другие державы... От Индии и Месопотамии до Хиджаза и Палестины сейчас доносится призыв к Англии. Если она не прислушается, то, может быть, Россия воспримет этот призыв, а может быть, даже Германия». Голос России, предупреждали палестинские арабы, не слышен среди народов, но «придёт время, когда она себя утвердит».

Именно так всё и будет. Возможно, Черчилль, сам будучи весьма дальновидным политиком, понимал правоту арабов, но отвечал им «немедленно и в резких выражениях: “Вы просите меня, прежде всего, отменить Декларацию Бальфура и запретить иммиграцию евреев в Палестину. Не в моей власти сделать это. Но даже если бы я и мог сделать это, то это не соответствовало бы моим желаниям. Британское правительство устами А. Бальфура дало слово, что оно благожелательно отнесётся к созданию национального очага для евреев в Палестине, что неизбежно включает в себя и иммиграцию евреев сюда. Эта декларация мистера Бальфура и британского правительства была ратифицирована союзными державами-победительницами, когда военные действия ещё продолжались и поражение или победа ещё не были предreshены. Её реализация стала возможной в результате успешного окончания войны, и её следует рассматривать как один из итогов победы в Первой мировой войне».

Британское правительство твёрдо намерено, отчеканил Черчилль, дать сионистам «справедливый шанс» в Палестине (78–81).

Это был откровенный, неприкрытый диктат – диктат победителей.

Vae victis! Горе побеждённым! Черчилль всегда исповедовал этот принцип, и мы не раз ещё с этим столкнёмся. Он лишал арабов всякой надежды, не оставляя им другого выхода, кроме вооружённой борьбы за своё будущее.

При этом министр по делам колоний пытался подсластить пилюлю, словно имея дело с наивными дурачками, а не с древним народом, мудрым и хорошо изучившим своего недруга: «Мы думаем, что это будет хорошо для всего мира, хорошо для евреев и хорошо для Британской империи. Но мы также считаем, что это будет хорошо и для живущих в Палестине арабов. Мы полагаем, что при этом они не должны никоим образом пострадать или быть вытесненными из страны, где они живут сейчас, и быть лишены своей доли во всём, что делается для прогресса и процветания Палестины. И тут я должен привлечь ваше внимание ко второй части Декларации Бальфура, которая торжественно и недвусмысленно обещает всем без исключения жителям Палестины полную защиту их гражданских и политических прав» (81).

Обманывал, потому что сам обманывался? Или всё же лукавил? У меня лично нет никаких сомнений: лукавил, конечно...

Между тем, Черчилль использовал свой визит на Ближний Восток не только для того, чтобы обмануть если не всех арабов, то хотя бы их правителей.

Но ещё и для того, чтобы принести оммаж — вассальную клятву на верность сеньору — уже не лондонским сионистам (это было сделано давно), а непосредственно евреям Палестины.

Сразу вслед за арабской делегацией, ушедшей от Черчилля несолоно хлебавши, он принял еврейскую делегацию, которую заверил в своём благоволении. После чего посетил место строительства будущего Еврейского университета, где открыто признался: “Моё сердце полно симпатии к сионизму. Эта симпатия существует уже много лет, ещё с тех пор, как я оказался связан с евреями Манчестера, которых представлял в парламенте. Я верю, что образование еврейского национального очага в Палестине станет благословением для всего мира, благословением для еврейского народа, рассеянного по миру, и благословением для Великобритании. Я твёрдо верю и в то, что оно будет благословением для всех обитателей этой земли, независимо от расы и религии” (77).

Комментарии излишни. Лицом к евреям, спиной к арабам: такую позицию заняла Британия в лице Черчилля на Ближнем Востоке раз и навсегда. Треугольник, как известно, самая жёсткая конструкция; в данном случае все его компоненты “евреи — Черчилль — арабы” окончательно заполучили свои места именно в 1922 году.

За восемь дней, проведённых в Палестине весной 1922 года, Черчилль, 48-летний достаточно искушённый государственный муж, вполне постиг весь расклад сил на подмандатной Англии территории, где он вознамерился создать еврейское государство. Он понимал без иллюзий, что война в том или ином виде здесь неизбежна. И как это было ему всегда свойственно, решительно сделал свой выбор. В пользу войны, разумеется.

Вернувшись в Лондон, Черчилль продолжил работу в намеченном направлении. “На заседании правительства 31 мая при обсуждении долгосрочных перспектив развития подмандатной территории Палестины и требований арабских представителей о немедленном учреждении палестинского парламента и правительства Черчилль объяснил, что он решил отложить формирование представительных учреждений в Палестине “ввиду того, что любой избранный орган несомненно запретил бы дальнейшую иммиграцию евреев. . . Я не вправе сделать ничего, — объявил он, — что приведёт к ситуации, в которой мы не сможем выполнить наши ранее данные обязательства в отношении сионистов. Я обязан сохранить в руках британского правительства весь объём власти, необходимой для реализации этих обязательств” (90).

Черчилль не ограничился устными выступлениями и разъяснениями, но счёл нужным в том же 1922 году выпустить собственную так называемую “Белую книгу”²⁹ по палестинской проблеме. В ней, как он сам позднее подчёркивал, исходя из текста Декларации Бальфура, “признавались британские обязательства не только по отношению к обитателям Палестины, как арабам, так и евреям, но и по отношению к сионистскому движению во всём мире, которому первоначально и было дано обещание содействовать созданию еврейского национального очага в Палестине”. Черчилль подчёркивал, что британские обязательства были “даны евреям, вне зависимости от того, где они находятся, с целью гарантировать им право обрести еврейский национальный очаг в Палестине”. При этом он добавлял, что “никаких подобных обязательств не было дано в отношении арабов, живших вне пределов Палестины”.

Откровеннее не скажешь! Краеугольный камень политики Великобритании в Палестине оказался заложен прочно, на два с половиной десятилетия вперёд, вплоть до создания государства Израиль. “Белая книга” Черчилля была одобрена Лигой наций, евреям был дан “зелёный свет” для беспрепятственного въезда в Палестину.

Вскоре, после неудачных для либералов всеобщих выборов 1922 года, правительство Ллойд-Джорджа потерпело полное поражение: было сформировано правительство из одних консерваторов, Черчилль вылетел из игры. Он потерял притом и своё парламентское кресло от округа Данди. Но английский избиратель опоздал — Черчилль совершил своё предназначение: еврейский национальный очаг в Палестине был создан.

Первым следствием избранной Черчиллем линии стало постепенное прибытие 400 000 еврейских иммигрантов в Палестину в период между 1922 и 1939 годами (91), чему не смогло помешать никакое сопротивление арабов, не сумевших ни создать своего могущественного лобби, подобного еврейскому,

ни хотя бы развязать индивидуальный террор, как это сделали евреи в пред-революционной России.

Но другим неперемнным следствием этой же позиции стало оставление в Палестине значительного британского воинского контингента как гаранта безопасности евреев, хотя это обходилось Англии в немалую копеечку. Казалось бы, чего проще: увести из Палестины английские войска, и пусть там арабы с евреями сами разбираются! Это избавило бы империю не только от непосредственных материальных и человеческих (!) жертв, но и от значительных морально-политических издержек. Однако это противоречило бы избранному вектору политики, согласованному с сионистами. Поэтому Англия будет нести этот свой крест, возложенный на её плечи Черчиллем, до самой бесславной сдачи своего мандата и ухода из Палестины, которым закончилось дело в мае 1948 года...

Боец за дело сионизма

Прежде чем продолжить рассказ, мне хотелось бы обратить внимание на тот факт, что отношение в высшем эшелоне британской политики к затеям Бальфура и Черчилля вовсе не было положительным в том далёком 1922 году. Поэтому то, что в конечном итоге удалось Черчиллю сделать в Палестине, выполняя планы сионистов, нельзя назвать иначе, как его личным титаническим сверхусилием, личным невероятным успехом. Он буквально свернул гору. Вот некоторые подробности.

“Вся британская политика на подмандатной территории Палестины подвергалась ожесточённым атакам. 23 июня член палаты лордов, либерал лорд Ислингтон внёс проект резолюции, согласно которой обязательства Великобритании в отношении подмандатной территории Палестины объявлялись “неприемлемыми”, поскольку сам этот мандат “противоречил чувствам и желаниям громадного большинства народа Палестины”... Лорд Ислингтон провозглашал далее, что “сионизм противоречит всему направлению человеческой психологии нынешнего века”... Состоявшееся голосование продемонстрировало преобладание взглядов лордов-антисионистов; шестьдесят из них проголосовали против Декларации Бальфура и только двадцать один – за неё”.

Такое дружное выступление верхней палаты парламента ставило под удар все усилия сионистов и их главного лоббиста. Результаты их трудов оказались подвешены на волоске. Спас их дело, конечно же, Черчилль, притом практически в одиночку.

“Черчиллю пришлось бороться с резолюцией палаты лордов в палате общин для того, чтобы обеспечить поддержку сионистскому предприятию в Палестине.

... Обсуждение британской политики на подмандатной территории Палестины... в палате общин происходило 4 июля 1922 года...

Произнесённая Черчиллем в парламенте 4 июля речь стала декларацией в защиту британских обязательств по отношению к евреям. Упомянув о Декларации Бальфура, он указал, что парламент никогда не выступал в принципе против той политики, на которой была основана сама декларация... Черчилль отметил, что в ноябре 1917 года “почти каждый государственный деятель в нашей стране поддержал Декларацию Бальфура”.

... Защищая политику Великобритании в Палестине по отношению к евреям, Черчилль сказал: “После того, что мы сказали и сделали, мы не имеем права подвергнуть евреев в Палестине опасности дурного обращения со стороны арабов, которые сейчас настроены против них”. Страхи арабов, что их сгонят с их земли, “попросту иллюзорны”.

... Черчилль заявил также, что если парламентарии считают, что “содержащиеся в Декларации Бальфура обязательства по отношению к сионистам” следует претворить в жизнь, то им необходимо своим голосованием в палате общин аннулировать предыдущее решение палаты лордов, которое фактически перечеркнуло эту декларацию... По мнению Черчилля, при голосовании следовало, прежде всего, исходить из того, что Великобритания обязана превыше всего хранить верность обязательствам, данным “перед лицом всех наций мира”.

... Призыв Черчилля возымел успех. Только тридцать пять голосов были отданы против политики британского правительства в Палестине, в то время

как двести девяносто два – за неё. Его речь стала личным триумфом политика. ... Но после этого голосования предстояло проделать очень большую работу, причём проделать её быстро: Черчилль должен был представить основные принципы британской политики на подмандатной территории Палестины на одобрение Лиги Наций, под чьей юрисдикцией находился палестинский мандат.

Эти принципы были отражены в рамках ежегодной “Белой книги”, ставшей известной как “Белая книга Черчилля”. Эта “Белая книга” сформулировала основные идеи, которые лежали в основе политики британских властей в Палестине.

“Белая книга Черчилля” была представлена в Лигу Наций в Женеве и одобрена Лигой 22 июля. Сионисты осознали, что Черчилль разработал для них такой план, который позволял им продвигаться, пусть и постепенно, к созданию собственного государства в Палестине.

... 26 июля, через несколько дней после одобрения британского мандата в Лиге Наций, Хаим Вейцман направил Черчиллю поздравительное письмо. “Мы передаём вам и всем, кто связан с вами в Министерстве по делам колоний, – писал Вейцман, – нашу самую искреннюю благодарность. Сионисты во всём мире глубоко ценят постоянную симпатию, которую вы всегда проявляли по отношению к их законным чаяниям, и ту огромную роль, которую вы сыграли в обеспечении возможности воссоздания национального очага еврейского народа в Палестине на основе мирного сотрудничества со всеми, кто живёт на этой земле” (102–111).

Итак, настойчиво преследуя заветную цель, не кто иной, как именно Черчилль сумел сделать ситуацию необратимой, используя для этого все мыслимые средства. Даже сегодня, зная всю дальнейшую историю Палестины, Израиля и вообще арабо-еврейских отношений вкуче со всем комплексом международных последствий оных, нелегко определить, что в позиции, в аргументах Черчилля было продиктовано искренними иллюзиями и тем, что я определил как мифологию еврейства, а что являлось откровенным умышленным обманом и ловким лицемерием. Легко предстать, как непросто было разобратся во всём этом современникам, депутатам палаты общин, в частности. Что ж, это позволяет и нам, вслед за Вейцманом, воздать должное талантам Черчилля как оратора, политического манипулятора и, главное, бойца. Что было, то было, не отнять.

* * *

Прогрессирующее возрастание численности и удельного веса евреев в Палестине, в полном соответствии с планом сионистов, стало главным залогом создания на этой земле еврейской государственности. К 1937 году, когда развернулась новая страница израильской эпопеи, еврейская община уже выросла с 80 до 380 тысяч человек и продолжала расти, особенно за счёт польских и германских евреев, стимулированных к переселению политикой нацистов. Это вынуждало британское правительство определиться по отношению к новой реальности, поскольку до того речи о создании в Палестине еврейского государства напрямую никогда не шло. Даже в пресловутой Декларации Бальфура.

И вот “12 марта 1937 года Черчилль был вызван для дачи показаний в королевскую комиссию по Палестине. Эта комиссия была известна как комиссия Пиля, поскольку возглавлял её лорд Пиль, бывший министр по делам Индии. Целью слушаний в комиссии было определить характер британских обязательств по отношению к евреям и арабам и выработать предложения о будущем подмандатных палестинских территорий... Черчиллю было задано более ста вопросов. Его ответы дали точное представление о его взглядах на то, каким должен был быть еврейский национальный очаг в Палестине, как он исторически развивался и каким Черчилль видел его будущее” (141–142).

Как и в далёком уже 1922 году, Черчиллю спустя пятнадцать лет снова пришлось преодолевать, ломать враждебное отношение к сионизму со стороны британского истеблишмента, своих собратьев по классу и по крови, чтобы пробить, успешно пролоббировать в парламенте те представления о должном, которые им были согласованы с сионистами. Как и тогда, он был неукротимо

напорист и неистошимо изобретателен в аргументах, среди которых на первом месте, как всегда, стояла двадцатилетней давности безответственная и злополучная Декларация Бальфура. Его выводы и рекомендации были неизменны: “совершенно очевидно, что наши обязательства перед евреями заключаются в том, чтобы позволить прибыть в Палестину максимально возможному количеству еврейских иммигрантов”; “мы должны выполнить взятые на себя обязательства и насколько возможно содействовать созданию национального еврейского очага в Палестине”; “я считаю, что такое положение дел, когда они стали бы там большинством населения, соответствовало бы духу Декларации Бальфура”.

Наконец, он без обиняков высказал и главное, заветное: “Очевидно, что в своё время мы связали себя обязательством, из которого следует, что когда-нибудь, в отдалённом будущем, здесь возникнет большое еврейское государство с численностью населения в миллионы человек, которое намного превзойдёт нынешнее население этой страны” (142–144).

“Большое еврейское государство с численностью населения в миллионы человек” – это были сильные слова, сказанные исчерпывающе откровенно. Правда, Черчилль утверждал: “Это не случится в течение ближайшего столетия” (147). Но ведь он был хороший диалектик, прекрасно понимавший, что количество (евреев в Палестине) неизбежно перейдёт в качество – и тогда процесс возникновения еврейского государства станет необратим. Он просто, не отвечая за свои слова, заведомо вводил в заблуждение, успокаивал коллег: говорил то, что те хотели услышать.

Как выполнение этого завета о еврейском государстве отразится на арабах, на англичанах? Его ответы на подобные вопросы просто поражают – то ли глуповатой наивностью, то ли запредельным лицемерием.

Например, на вопрос, не будет ли распространение еврейского очага на всю Палестину всё же представлять собой несправедливость по отношению к арабам, Черчилль ответил отрицательно: “В чём заключается грубая несправедливость, если люди приходят и создают в пустыне пальмовые и апельсиновые рощи? В чём несправедливость, если создаётся всё больше рабочих мест и богатства для каждого? В этом нет несправедливости. Несправедливо, если живущие в этой стране оставляют её пустыней в течение целых тысячелетий” (145).

Но напряжение в ходе заседания, больше напоминавшего перекрёстный допрос, было чрезвычайно велико, и порой Черчилль показательно проговаривался, становился искренним поневоле. Вот выразительные примеры.

Депутат Рэмболд спросил его, считает ли он, что еврейская иммиграция в Палестину должна продолжаться, даже если “эта политика приведёт к периодическим всплескам волнений и будет стоить нам жизни наших солдат?” Черчилль заявил на это совершенно бестрепетно: “Все вопросы, связанные с учреждением самоуправления в Палестине, должны вытекать из Декларации Бальфура, центральной идеей которой является идея создания национального очага для евреев. Соответственно мы должны быть готовы ко всем последствиям, которые вызовет осуществление этого плана. Создание еврейского национального очага в Палестине – вот наше главное и основополагающее обязательство. Именно этим и должны определяться все действия Великобритании” (146).

В переводе на человеческий язык, это значило: да, Черчиллю было не жалко жизни английских солдат ради интересов евреев, которые он, играя в высокую принципиальность, пытался прикрыть пустой бумажкой – Декларацией Бальфура, личным, по сути, письмом одного ангажированного чиновника, составленным под диктовку виднейших сионистов.

Другой депутат, профессор Каплэнд, резко возражал против концепции Черчилля о необходимости продолжения еврейской иммиграции, называя её “ползучим вторжением и завоеванием Палестины, продолжающимся более полувека”. “Это неслыханная в истории вещь”, – сказал Каплэнд. И был совершенно прав!

Черчилль резко возразил ему. “Это не ползучее завоевание, – сказал он. – В 1918 году арабы потерпели поражение и оказались под нашей властью. Они были разбиты в открытом бою. Никакого ползучего завоевания не было. Они были побеждены нами. Никто не смел возражать нам в ту пору. И тогда мы решили в процессе политического переустройства этих территорий принять на себя определённые обязательства и в отношении евреев” (148).

Снова прозвучал знакомый мотив: горе побеждённым! Что ж, тоже откровенно, хоть и жёстко. Но есть и второй смысл в этих словах: получается, что англичане сражались и умирали в боях с арабами ради еврейских интересов? По Черчиллю выходило, что да, что так и надо.

Предвзятость, высокомерие по отношению к арабам так и выпирали из ответов Черчилля. Об объективном подходе и речи быть не могло!

Когда Рэмболд заметил, что арабы создали “значительную цивилизацию в Испании”, Черчилль парировал: “Я рад, что их оттуда вышвырнули” (149). Когда Капленд заметил, что Еврейское агентство имеет своё представительство в Лондоне, в то время как у арабов нет такого представительства и они чувствуют к себе холодность со стороны британских властей, Черчилль резко бросил в ответ: “Это зависит от того, какая цивилизация вам ближе” (153). Ему-то, ясное дело, были ближе евреи, и он хотел навязать свой подход и парламенту, и правительству, и всей Англии, и англичанам. И все они в конечном счёте за это расплатились так жестоко, как только возможно.

И наконец, Черчилль выразился откровеннее, чем когда бы то ни было, высказав свою собственную “декларацию” — декларацию жестокого, беспощадного колонизатора, человека без совести и жалости, последовательного этноэгоцентрика и расиста в худшем смысле этого слова. Когда глава комиссии Пиль заявил, что Великобритания “будет испытывать угрызения совести, зная, что она год за годом притесняла арабов, которые всего лишь хотели оставаться в своей собственной стране”, Черчилль ответил настоящей отповедью. Он сказал: “Я не считаю, что собака на сене имеет исключительные права на это сено, даже если она лежит перед ним очень длительное время. Я не признаю такого права. Я не признаю, например, что какая-то великая несправедливость была совершена по отношению к американским индейцам или к аборигенам в Австралии. Я не признаю, что этим людям был причинён ущерб в результате того, что более сильная раса, более высокоразвитая раса или, во всяком случае, более умудрённая раса, если можно так выразиться, пришла и заняла их место” (154-155).

Здесь, в этих словах, весь моральный облик Черчилля, его ценности, его глубинные мотивы и руководство к действию — как на ладони. В них чётко и совершенно неприкрыто выражено кредо оккупанта, претендента на мировое господство, почище, чем у Гитлера, — они были ягодами одного поля. Мы, русские, всегда должны помнить об этих его словах, ибо в любую минуту они могли бы быть обращены и в наш адрес. Мы ведь, с нашими ископаемыми богатствами, тоже, с подобных позиций, — собака на сене!.. А заявленная в них логика с лёгкостью была бы применена к нам не Гитлером, а самим Черчиллем, сложись всё немного по-иному.

Помни, не забывай об этом, Иван! И будь всегда бдителен, имея дело с англичанами, людьми Запада вообще.

Но вся прелесть в том, что эти слова и эта логика были использованы в обоснование и в защиту особых прав не англичан в Палестине, а евреев по отношению к арабам. Кто поистине был уже к тому времени для Черчилля “своим”?

Как Черчилль вооружил евреев на вечный бой

Усиливающаяся лавинообразно иммиграция евреев в Палестину неизбежно вела к обострению арабо-еврейских отношений. Это породило, в свою очередь, две проблемы: 1) на повестку дня встал вопрос о разделе Палестины на две независимые друг от друга части: поменьше — для евреев и побольше — для арабов; 2) евреи поставили вопрос о необходимости вооружиться “для самообороны”. Конечно же, евреи не могли обойтись без Черчилля для оптимального с их точки зрения решения проблемы.

Но тут их взгляды неожиданно разошлись. Ибо Черчилль, если можно так выразиться, оказался бóльшим сионистом, чем сами сионисты. Дело в том, что идею немедленного раздела Палестины поддержал Хаим Вейцман, “предпочитавший образование маленького государства прямо сейчас перспективе создания большого государства в относительно отдалённом будущем” (156). Вейцман, так сказать, предпочёл поить синицу в руки, нежели журавля в небе. О чём он и заявил на известной встрече с Черчиллем и “тиграми сионизма” в 1937 году. Черчилль же категорически протестовал против такой

минимизации требований и требовал от евреев ждать своего часа, целенаправленно проводя ту же политику массовой иммиграции, и “держаться, держаться”. Он считал, что созданное там еврейское государство должно включать в свой состав всю Палестину, от Средиземного моря до реки Иордан. Время подтвердит его правоту.

В этом споре на стороне Черчилля оказался и поддержал его своими соображениями весьма специфический исторический персонаж – ещё один лидер сионистов Владимир-Зеев (Вольф Евнович) Жаботинский, встречу с которым Черчиллю за две недели до дебатов по разделу Палестины организовал Джеймс де Ротшильд в своём поместье. “Если Вейцман был общепризнанным, всем известным и дипломатичным лидером главенствующего направления в сионизме, то Жаботинский являлся харизматичным главой воинственно настроенного нетерпеливого крыла “ревизионистов” и его молодёжного подразделения – Бейтара” (160). Гилберт, правда, забыл разъяснить, что такое Бейтар. Это еврейские террористы, кровавые боевики, негласная сионистская армия. И сам Жаботинский, организатор первого еврейского “отряда самообороны” в России (таких же боевиков, попросту), затем создатель сражавшегося с турками Сионского корпуса, а ныне глава крайне радикального Всемирного союза сионистов-ревизионистов, жил с руками по локоть в крови. Весной 1920 года англичане даже приговорили его к 15 годам каторги за организацию боевых вылазок евреев против арабов, но после амнистировали. В отличие от дипломатичного легитимиста Вейцмана, Жаботинский исповедовал силовое давление как на арабов, так и на британские власти в Палестине. Свои взгляды он изложил в культовых статьях “О железной стене” и “Этика железной стены” (1924). Будучи к тому же убеждённым противником коммунизма и социализма, Жаботинский вполне закономерно заслужил у своих оппонентов прозвище “фашист”. В 1930 году британские власти были вынуждены запретить Жаботинскому въезд в Палестину, после чего “он направился в Восточную Европу, заражая еврейские массы лозунгом образования еврейского государства по обе стороны Иордана и призывая к массовой эмиграции. Он надеялся направить в Палестину таким путём до полутора миллионов иммигрантов” (160).

Обогатившись, как пишет Гилберт, новыми аргументами от Жаботинского, Черчилль своей речью в палате общин 21 июля 1937 года сумел убедить парламент не принимать “продиктованного отчаянием” решения о разделе Палестины. Результат вполне удовлетворил оратора, ведь он, по сути, создал первоначальные границы Израиля в максимальном варианте. Желая умиротворить сионистов, Черчилль спустя неделю в разговоре с бароном Мелчеттом, который одновременно дружил и с ним, и с Вейцманом, настаивал на том, что раздел Палестины был бы ошибкой и что он друг сионизма и “сделал бы всё возможное, чтобы помочь им; но он не собирается быть бóльшим сионистом, чем сами сионисты” (167-168). Парадокс: Черчилль лучше понимал и последовательнее отстаивал интересы евреев, чем даже сам Хаим Вейцман!

Отказ от раздела Палестины жёстко ставил сионистов перед необходимостью наращивать там удельный вес евреев, добиваться изменения положения меньшинства, расширения контроля над всей территорией. А это можно было сделать, только увеличивая поток иммигрантов. Погромы “Хрустальной ночи” с 9 на 10 ноября 1938 года и новый подъём антисемитизма в Германии сильно поспособствовали решению этой задачи. Все сионисты использовали этот козырь для пополнения еврейского населения Палестины. И ради этого готовы были даже сотрудничать с Гитлером.

Перед Черчиллем же встала новая важнейшая задача: добиться британских санкций на расширение иммиграционной квоты. “В ходе дебатов в палате общин 24 ноября Черчилль произнёс убедительную речь... Цитируя ежегодные отчёты с данными о переписи населения, предоставляемые в Лигу Наций, Черчилль отметил, что за прошедшие пятнадцать лет, в период между 1923-м и 1938 годом, прирост арабского населения составил 300 тысяч человек, а еврейского – 315 тысяч человек. “Поэтому мне кажется, что... правильным решением было бы установление правила, согласно которому еврейская иммиграция в Палестину не должна быть меньше роста арабского населения” (192).

Хитрый трюк! Это означало бы быстрый рост удельного веса евреев, поскольку их прирост в процентном отношении был бы гораздо выше. Те же

300 тысяч для арабов – это относительно небольшая, а для евреев – огромная цифра. На словах получалось, что Черчилль предлагает ограничить уровень иммиграции (и так это поначалу и восприняли обидевшиеся на него сионисты)³⁰. А что на деле? На деле под видом квотирования он предлагал вдвое увеличить поток евреев-мигрантов по сравнению с фактическим: “Такая политика, по расчётам Черчилля, должна была привести к тому, что численность ежегодной еврейской иммиграции должна была быть ограничена цифрой от 30 000 до 35 000 человек. Это было значительное число, в три раза превышавшее действительные размеры еврейской иммиграции за 1937 год, которая составила лишь чуть больше 10 000 человек, и в два раза больше иммиграции за 1938 год, составившей 15 000 человек” (194).

А поскольку некоторые парламентарии выразили беспокойство, что арабы не согласятся и на урезанную иммиграционную квоту, то Черчилль в своей циничной манере, не колеблясь, прибег к шантажу и давлению: “Если арабы откажутся прийти к какому-либо соглашению, то иммиграция тогда вообще не будет ограничена никаким определённым пределом. . . Если согласия с их стороны не последует, то мы будем для обеспечения своей безопасности полагаться на другие факторы. Однако тогда у нас не будет установлена верхняя планка численного уровня иммиграции”³¹ (194).

* * *

Спрашивается, на какие “другие факторы” собирался полагаться Черчилль? Только ли на британские вооружённые силы? Нет. Как уже говорилось выше, проблема создания собственных еврейских вооружённых сил давно стояла на повестке дня у сионистов, ввиду разрастания арабо-еврейского противостояния, вызванного иммиграционной еврейской лавиной.

Однако задача вооружить евреев для борьбы с арабами должна была иметь благовидное обоснование. Оно нашлось через год, сразу после начала Второй мировой войны, в беседе новоиспечённого первого лорда адмиралтейства Уинстона Черчилля с Хаимом Вейцманом, приглашённым на обед непосредственно в адмиралтейскую резиденцию. На встрече Черчилль предложил, чтобы Вейцман “подготовил список необходимых условий” в связи с возможным участием палестинских евреев в военных усилиях Великобритании. В ответ Вейцман указал, что 75 тысяч молодых еврейских мужчин и женщин в Палестине уже “зарегистрировались для национальной военной службы, чтобы сражаться в составе британских вооружённых сил там, где это может понадобиться”. Черчилль спросил, вооружены ли они, и, получив отрицательный ответ, сказал, что “он должен вооружить их”. Если евреи будут вооружены, сказал Черчилль, то можно будет вывести британские войска из Палестины (206-207).

Вот так и договорились. Вторая мировая война отлично сгодилась как предлог для вооружения палестинских евреев. О том, как и против кого потом будет использовано это оружие, речь, конечно же, не шла. Но умные собеседники прекрасно понимали, что ни отнять оружие по миновании надобности, ни указывать евреям, против кого его повернуть, никогда уже не получится, коль скоро 75 тысяч человек сольются в первоначальную еврейскую армию. Тем более, если британская войска окажутся выведены из Палестины для переброски на фронт. Блестящие умы!

“Черчилль добавил, что верит, что если евреи будут вооружены, то “арабы придут к соглашению с ними”. Это были ободряющие слова, сказанные с искренними намерениями. . .” (207). Ларчик открывался просто: куда бы арабы делись перед лицом вооружённых евреев!

Но кабинет не терял головы, и первая попытка Черчилля вооружить евреев Палестины сорвалась. Однако он уже чётко обозначил свои намерения, а отступать не привык. И тут случилось то, что должно было случиться: 10 мая 1940 года Черчилля назначили премьер-министром. Характерную реакцию это сообщение вызвало на Ближнем Востоке. По воспоминаниям некоего Бена Гейла, находившегося в тот момент в Тель-Авиве, на лекции преподаватель вдруг прервался, чтобы зачитать вслух поступившую записку: “Чемберлен отступил. Теперь Черчилль стал премьер-министром”. В ответ на это “в большом зале все встали и горячо приветствовали сообщение. С Черчиллем у руля

появлялась надежда и у евреев Палестины” (216). Конечно, они хорошо знали, *who is who*.

Вооружению палестинских евреев противился министр по делам колоний лорд Ллойд, который боялся “наихудшей возможной реакции арабского мира”. Но Черчилль возражал ему как премьер и как министр обороны: “Наша главная и практически единственная цель в Палестине в настоящее время заключается в том, чтобы высвободить одиннадцать батальонов отличных регулярных войск, находящихся там. С этой целью евреи должны быть как можно скорее вооружены и соответствующим образом организованы для того, чтобы образовать силы самозащиты Палестины... Мы не вправе оставить их безоружными, когда наши войска уйдут, а они должны уйти как можно скорее”.

Его позицию неожиданно поддержал лорд Лотиан, британский посол в США, приславший телеграмму, сообщавшую, что американские евреи хотят, чтобы палестинские евреи были организованы в вооружённые отряды под командованием британцев. “Если Палестина подвергнется нападению, и евреи не смогут защитить свою страну, это вызовет прискорбную реакцию американского еврейства” (217).

На первое время был найден компромисс: 20 тысяч евреев-добровольцев влились в британскую армию, но эти пятнадцать батальонов были отправлены в Египет против немцев и итальянцев. (Воображаю, как обрадовались арабы Египта таким защитникам! Нет, чтобы их отправить на европейский фронт...)

В 1941 году Вейцман вновь стал настаивать на создании “отдельной еврейской армии, со своими знаками отличия и собственным знаменем”, обещающая сформировать целую дивизию в составе 12 тысяч человек. Это не были пустые слова. К тому времени у палестинских евреев уже была своя вооружённая до зубов боевая организация “Хагана”, действовавшая с 1920 года нелегально, подпольно, но эффективно³². В 1938 году она превратилась в военное крыло Еврейского агентства, руководимого Вейцманом, так что тот знал, что обещал Черчиллю. В мае 1941 года “Хаганой” были созданы две “ударные роты”, год спустя их число было доведено до шести. Весной 1941 года бойцы “Хаганы” под британским командованием осуществили ряд диверсионных рейдов в Сирию. А когда в 1944 году в рамках британской армии была, наконец, создана Еврейская бригада, многие участники “Хаганы” влились в неё. Были у евреев наряду с “Хаганой” и иные вооружённые формирования, действовавшие, не спросясь у англичан³³.

Однако кабинет твёрдо противился созданию регулярной еврейской армии, и Черчилль в марте 1941 года сообщил Вейману, что решение этого вопроса вынужденно откладывается, но при этом заверил его в том, что “никогда не подведёт” старого друга (229).

Его феноменальная настойчивость вновь одержала верх. По мере того, как немцы и итальянцы продвигались по землям Египта всё ближе к Суэцкому каналу, Британия, наконец, одобрила план самозащиты еврейской общины и позволила ей соорудить укрепления на стратегических высотах. Кроме того, 6 августа, после успешного наступления немцев, в Палестине “был объявлен призыв добровольцев, арабов и евреев, в результате чего был создан Палестинский полк. Добровольцев оказалось достаточно для формирования трёх еврейских и одного арабского³⁴ батальона с британскими знаками различия и знамёнами” (238-239). Это был шаг с далёкими последствиями. Лиха беда начало...

Когда в 1948 году свежееиспечённое государство Израиль формально озабочилось созданием своей армии, для этого уже было всё давно готово. Проверка Израиля на прочность была осуществлена арабами немедленно по уходу англичан, сразу же, в мае 1948 года. Она показала: труды и заботы сионистов и Черчилля по милитаризации еврейской общины были не напрасны. Израиль выстоял.

Хотел ли того Черчилль, понимал ли он это или нет, но его политика в Палестине неизбежно привела со временем к бесконечной кровавой расправе евреев и арабов, у которой нет и не может быть мирного исхода никогда.

В этой расправе пострадали и сами англичане по русской поговорке “во чужом пиру похмелье”. Подробнее об этом я скажу в своём месте, здесь же только процитирую историка Вадима Кожинова: “Определённая часть находившихся в 1940-х годах в Палестине сионистских боевых структур воевала не

только с арабами, но и — как сообщает в своей изданной в 1981 году в Мюнхене книге “Второй Израиль для территориалистов?” своеобразный еврейский идеолог Б. Ефимов — “продолжала вооружённую борьбу против английских властей, то есть они фактически участвовали в войне на стороне Гитлера, а некоторые из них даже вели с нацистами переговоры о создании еврейско-нацистского союза против Великобритании (интересно отметить, что крупнейшую из организаций, продолжавших войну против англичан, возглавлял будущий премьер-министр Израиля Бегин)”³⁵. Задачу противостояния британским властям в целях выполнения программы сионизма выполняла и пресловутая “Хагана”.

У порога нового еврейского государства

15 февраля 1944 года премьер-министр Британии сэр Уинстон Черчилль в очередной раз обедал тет-а-тет с Хаимом Вейцманом. Разговор, естественно, шёл о судьбе еврейской общины. Коллеги-сионисты, с волнением ждавшие итогов, спросили потом Вейцмана, поддержал ли Черчилль их надежду на создание еврейского государства в Палестине. “Да, его позиция обычно всегда обнадеживающая, — открыл им Вейцман. — У нас нет причин для беспокойства, потому что у нас есть очень хороший ответ” (256).

А в ноябре того же года эта же пара политиков, сидя в имени Черчилля, уже обсуждала границы будущего Израиля по окончании войны. Это была, по словам Вейцмана, “длительная и очень дружественная встреча”. Черчилль пояснил, что он, как и сам верховный сионист, стоит за включение пустыни Негев в состав еврейского государства: “Если бы евреи могли получить всю Палестину, — добавил Черчилль, — это было бы хорошо”. Вейцман же сообщил Черчиллю, что они имеют в виду принимать около 100 тысяч евреев в год в течение примерно пятнадцати лет. Черчилль спросил, означает ли это что-то вроде полутора миллионов, на что Вейцман ответил, что “это действительно так — для начала” (277).

Только теперь Вейцман вполне раскрыл свои карты, но Черчилль вновь его всецело поддержал. Такое развитие событий виделось им обоим в качестве победного итога Второй мировой (Черчилль настаивал из дипломатических соображений: “ничто не должно решаться до конца войны”, — но по сути они обо всём уже условились). Что кто ни говори после этого, а мы понимаем, что Израиль был состряпан Вейцманом и Черчиллем, в первую очередь. Хотя, конечно, не только ими, но ими — в первую очередь.

Ближе к окончанию войны, как пишет Гилберт, “Черчилль продолжал искать решение, которое позволило бы создать сионистское государство, благодаря которому 517 000 евреев, живших тогда в Палестине, то есть меньше трети всего населения, должны были получить собственное государство, которое не зависело бы от милости враждебного арабского большинства и могло бы самостоятельно управляться хотя бы в рамках той части территории страны, которую надеялись получить представители еврейской общины” (286).

Эта тема волновала, конечно, не только евреев и Черчилля. В начале 1945 года Саудовская Аравия, Египет и Ирак вдруг забеспокоились насчёт намерений Великобритании и США в отношении будущего Палестины. Но это беспокойство явно запоздало: число евреев выросло там к концу войны в 6,5 раза! Количество, по закону диалектики, перешло в качество. Создание независимого еврейского государства становилось закономерным и неизбежным следствием этого наплыва еврейских иммигрантов.

Против такого следствия пытался возразить король Аравии Ибн-Сауд, специально добившийся с этой целью встречи с Рузвельтом. Дело в том, что к концу войны стало ясно, что, несмотря ни на какие мандаты, Великобритания более не способна решать ни судьбы мира, ни даже судьбу крохотного клочка земли на Ближнем Востоке. Роль хозяйина перешла на обозримую перспективу к Америке, и в руках Рузвельта были отныне те весы, на чашах которых колебалось будущее двух ветвей семитской расы. Это понимал и Черчилль, пытавшийся влиять на американского президента, и все другие участники ближневосточной драмы.

Рузвельту самому далеко не всё было ясно относительно этой драмы, и он вовсе не был сторонником сионизма, в отличие от Черчилля, зато был горячим поклонником арабской нефти, которую намеревался без проблем добывать для Штатов. Поэтому ему хотелось выслушать все стороны, и он начал

обсуждение с того, что попросил у короля совета относительно дальнейшей судьбы “еврейских беженцев, изгнанных из своих домов в Европе”. Король ответил: “Евреи должны возвратиться в те страны, откуда они были изгнаны, и жить там”. И тогда “Рузвельт заверил Ибн-Сауда, что он “не сделает ничего, чтобы помочь евреям в борьбе против арабов, и не сделает ни одного шага, враждебного арабскому народу”, и что его администрация не изменит свою политику в Палестине “без полной предварительной консультации с евреями и арабами”. Рузвельт предложил, чтобы король оказал поддержку дипломатическим миссиям арабских стран в Великобритании и Соединённых Штатах в выдвижении аргументов против планов сионистов, потому что, как сказал президент, “многие люди в Англии и Америке оказываются дезинформированными”.

Иными словами, мудрый, искушённый политик, Рузвельт предложил арабскому королю развернуть антиссионистскую пропаганду в мировом масштабе. Без этого, он понимал, ничего изменить уже не удастся. Но король не оценил совет Рузвельта...

А тем временем Черчилль не дремал и в то же время в том же месте также ждал аудиенции у Рузвельта. В отличие от араба, англичанин сразу сообразил, что Рузвельту “жить осталось недолго”. Свою задачу Черчилль понял верно: надо тянуть время. И немедленно направился через пустыню в “Отель дю Лак” на встречу с Ибн-Саудом, которого попросту обвёл вокруг пальца, заверив, что Великобритания не допустит вооружённого нападения евреев на арабов: “Мы контролируем моря и легко можем лишить их снабжения. В то же время евреи должны иметь место, где жить, — другими словами, иметь возможность жить в Палестине. Он никогда не выступал за то, чтобы Палестина была превращена в еврейское государство, он лишь за создание еврейского национального очага в Палестине”. Он-де надеется, что может рассчитывать на содействие короля, чтобы обеспечить “твёрдый и постоянный порядок при совместном проживании евреев и арабов в Палестине” (291).

На время ему удалось затуманить сознание короля. Но через шесть недель Черчилль получил от Ибн-Сауда письмо, в котором тот настаивал, что образование еврейского государства в Палестине “станет смертельным ударом для арабов и постоянной угрозой миру. Еврейские амбиции не ограничиваются одной Палестиной. Их приготовления показывают, что они намерены предпринять враждебные действия против соседних арабских государств”. Евреи готовятся “установить своеобразную форму нацизма или фашизма на виду у демократических стран и посреди арабских стран”. Как в воду смотрел король! Но изменить ничего уже не мог...

Последнее усилие

Мировая война неизбежно шла к концу, а евреи — к созданию государства Израиль. Но в этом процессе на самом финише Черчилля ожидал личный крах, повлёкший за собой перемену в его роли на Ближнем Востоке.

Черчиллю не дали самому довести дело евреев в Палестине до победного конца и пожать все надлежащие лавры, т. к. консерваторы и он сам потерпели фиаско на выборах летом 1945 года. Все вопросы взаимоотношений Великобритании и Палестины оказались в ведении нового премьер-министра, представителя британских лейбористов Клементы Эттли. Однако за всю жизнь сэра Уинстон сумел сделать для создания Израйля столько, что предопределил необратимость последствий и итоговый результат. Ему оставалось лишь в пух и прах критиковать лейбористов, втихоря потирая руки и перемигиваясь со своими еврейскими друзьями. Черчилль не знал ни о неблагодарности евреев в 1945 году, ни даже о попытках его взорвать (!) и продолжал работать и интриговать в их пользу изо всех сил.

Главная идея Черчилля в отношении Палестины состояла по окончании войны в том, чтобы устранить Англию от участия в решении этого вопроса и тем самым окончательно развязать руки сионистам. 6 июля 1945 года он написал министру по делам колоний Оливеру Стэнли и начальникам штабов британских вооружённых сил, послав копию этого письма министру иностранных дел Антони Идену: “Я не считаю, что мы должны брать на себя ответственность за управление этим трудным регионом, пока американцы спокойно сидят и критикуют нас. Нам надо задаться вопросом, не следует ли нам попросить их взять всё это на себя? Я считаю, что чем теснее они окажутся

связанными с проблемами средиземноморского региона, тем мы станем сильнее. Во всяком случае, то обстоятельство, что мы никак не демонстрируем желание сохранять британский мандат в Палестине, очень нам помогает. Лично я не вижу даже малейшего преимущества для Великобритании от этого болезненного и неблагодарного занятия. Настала очередь кого-то ещё” (305-306).

Если Соединённые Штаты не желают “прийти и разделить с нами бремя содействия делу сионизма, – разъяснял Черчилль палате общин 1 августа 1946 года, – тогда Великобритания должна немедленно заявить, что мы возвратим британский мандат Организации Объединённых Наций”. В ответ на эту речь Хаим Вейцман писал Черчиллю на следующий день: “Я хочу надеяться, что судьба вручит вам решение нашей проблемы, которая к настоящему времени уже могла бы быть решена, а мы могли бы быть избавлены от многих несчастий” (320). Хитрецы всё просчитали. Ведь евреи уже были готовы взять дальнейшую свою судьбу в свои руки. Как публично признал Черчилль, “евреи-сионисты всего мира и палестинские евреи... больше не нуждаются в нашей помощи для защиты своего национального очага против враждебно настроенных местных арабов” (313). И они могли отбросить Великобританию, как ракету-носитель, выведшую их на заданную орбиту и ставшую теперь лишь обузой.

Цинизм Черчилля был поистине безграничен. Теперь, когда его титаническими трудами Палестина превратилась в пороховую бочку, готовую вот-вот рвануть большой этнической войной, из которой должно было родиться новое государство евреев, он принялся убеждать свою страну в том, что Великобритания лучше уйти из региона. 31 января 1947 года он внушал парламенту: “Цена поддержания порядка в этом регионе составляет от 30 до 40 миллионов фунтов в год – денег, в настоящее время просто утекающих прочь”. А сто тысяч солдат, расквартированных в Палестине, “составляют очень значительную часть нашей армии. Сколько ещё времени они должны находиться там? И для чего находиться?” И впрямь: ведь теперь евреи могли и сами себя защитить. И бывший премьер резюмировал: “Я никогда не видел, чтобы была получена меньшая отдача за приложенные усилия, чем это происходит в Палестине” (224). Можно подумать, что в бытность его у руля империи это было не так!

Черчилль и на этот раз победил, уже будучи простым депутатом парламента, лишённым власти, но не права голоса, которым так мастерски пользовался. “В результате дебатов 31 января 1947 года лейбористское правительство Великобритании приняло решение вернуть палестинский мандат в Организацию Объединённых Наций. Это решение кабинета было опубликовано две недели спустя” (325).

Действие британского мандата на управление Палестиной закончилось 14 мая 1948 года. В тот же день Давид Бен-Гурион провозгласил создание независимого государства Израиль. Как Советский Союз, так и Соединённые Штаты сразу признали Израиль. Нелепо и нелогично, но Великобритания отказалась сделать это – с опозданием разыграли имперские амбиции, когда страна поняла, что её обдурили. Точнее, что её нагло дурили все минувшие годы. По сути, непризнание Великобританией Израила было равносильно признанию в собственной глупости, в постыдных просчётах. Попытка махать кулаками после драки...

Черчилль не был бы Черчиллем, если бы не положил на это историческое полотно свой последний мазок. 22 января 1949 года он “страстно выступил” в парламенте по поводу непризнания Израила. Настолько страстно, что “в конце дебатов, после того, как все парламентарии выслушали речь Черчилля, было оглашено специальное заявление лейбористского правительства о том, что Великобритания собирается признать государство Израиль” (342). А через девять дней после его выступления Израиль получил-таки от Англии подарок: официальное признание.

Черчилль додавал всё же своих соотечественников. Вот тогда и настал его полный и подлинный триумф в долгой палестинской истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Makovsky M. Churchill's Promised Land: Zionism and Statecraft. – New Haven: Yale University Press, 2007.

² Роуз Н. Черчилль. Бурная жизнь / Пер. с англ. Е. Ф. Левиной. – М.: АСТ, 2008.

- ³ <http://callofzion.ru/pages.php?id=1085>. Источник: ЛЕХАИМ – ежемесячный литературно-публицистический журнал. ЛЕХАИМ НОЯБРЬ 2009 ХЕШВАН 5770 – 11 (211).
- ⁴ Отмечу собрания архивов Правления организации британских евреев, Всемирного сионистского движения, Министерства обороны Израиля, Государственного департамента США, Д. Бен-Гуриона, Х. Вейцмана, Н. Чемберлена, Д. Эйзенхауэра, Д. Ллойд-Джорджа, Г. Трумэна и мн. др.
- ⁵ Все ссылки на страницы этой книги даны в скобках в конце цитат.
- ⁶ Дизраэли достоин высокой чести быть захороненным в главном соборе Англии, в Вестминстерском аббатстве, где его мраморный памятник в полный рост (но, разумеется, в размере, намного превышающем оригинал) стоит среди церковной утвари и скульптур. Собор, битком набитый бюстами, памятниками, пышными надгробиями, памятными плитами и досками, вообще представляет собой захребтную ярмарку тщеславия, но монумент Дизраэли выделяется особо своей напыщенностью.
- ⁷ Как показал в своих работах Иаков Кац (“Евреи в средневековой Европе (Замкнутость и толерантность)”. – Иерусалим, 1992; “Кризис традиции на пороге Нового времени”. – Иерусалим, 1991), стены всех гетто всегда строились с двух сторон.
- ⁸ Здесь замечу только, что среди убитых еврейскими террористами был даже министр-резидент Великобритании в Каире и личный друг Черчилля лорд Мойн. Однако, подчёркивает Гилберт, “как ни раздражён и огорчён был Черчилль убийством Мойна, это убийство не поколебало его глубинной симпатии к сионистам” (284).
- ⁹ Б. Барух – влиятельный американский финансист и политик еврейского происхождения. Во время Первой мировой войны стал главой Военно-промышленного комитета и сыграл ключевую роль в переориентировании американской промышленности на военные нужды. Затем был личным экономическим советником президента Т. В. Вильсона, после чего оставался неизменным спутником президентов Гардинга, Гувера, Рузвельта и Трумэна. Занимался преимущественно вооружениями, атомной бомбой в том числе.
- ¹⁰ В 1991 году после крушения СССР и восточного блока, которые всегда поддерживали на Ближнем Востоке арабов, а не евреев, Резолюция № 3379 была отменена по инициативе Израиля и США, но это конъюнктурное обстоятельство не отменяет факта её принятия. Что было, то было.
- ¹¹ Черчилль порой ронял замечания о своём “экзотическом происхождении”, но это был лишь отголосок легенды о некоем ирокезе, якобы оказавшемся в числе его предков по материнской линии.
- ¹² В 1929 году, разочаровавшись в Британском союзе фашистов Освальда Мосли, Арнольд Лиз основал Имперскую фашистскую лигу. В 1936 году ему были предъявлены обвинения по факту публикации двух статей в июльском номере газеты “Фашист”. Лиз был признан виновным в антисемитизме и приговорён к 6 месяцам тюремного заключения. В начале Второй мировой войны его интернировали на основании Инструкции 18-В. В 1947 году он снова полгода находился в тюремном заключении.
- ¹³ Милюков П. Н. Воспоминания. – М.: Вагриус, 2001. – С. 173.
- ¹⁴ М. Горький. Владимир Ленин (Л., 1924. – С. 20). Из последующих изданий этот пассаж был удалён.
- ¹⁵ Василий Молодяков. Рождение “Действия” из “дела Дрейфуса”. – Вопросы национализма, № 23, 2015. – С. 55.
- ¹⁶ Он вообще следил за этим деятелем и даже присвоил в будущем для своей знаменитой Фултонской речи не менее знаменитую метафору Клемансо насчёт “железного занавеса”, которым следовало отгородиться от Советской России. С тех пор, как пишет Палм Датт, “во всём мире считают, что этот термин был изобретён гением сэра Уинстона Черчилля”.
- ¹⁷ Кстати – об этом приходится упомянуть – в работе над книгой ему помогал опять-таки еврей, профессор истории Льюис Намьер, которого одно время Черчилль даже прочил в соавторы.
- ¹⁸ Известность Черчилля не только в английских, но и в международных еврейских кругах уже к началу Первой мировой войны была весьма велика и обеспечивала ему симпатии евреев. В частности, об этом говорит такой эпизод. “В его дивизии переводчиком с французского языка работал тридцатилетний лейтенант-еврей Эмиль Герцог, впоследствии ставший известным как писатель Андре Мо-

руа... Позже Моруа писал: “Я не смею надеяться, что он заметил какого-то безвестного француза, который лишь смотрел на него с немым восхищением” (42-43). Должен пояснить: для нас это непривычно и нелогично, но во Франции французом традиционно называют любого гражданина этой страны, отчего порой возникают нелепые недоразумения.

¹⁹ Парадокс в том, что вскоре проект закона об иностранцах, также ограничительного характера, был внесён уже правительством либералов. И был принят, несмотря на всё противодействие, которое пытался оказать Черчилль этому, по его словам, “глупому законодательному акту”, и на “горькое разочарование” еврейской общины. Черчилль оказался в еврейском вопросе либеральнее либералов, своих однопартийцев, пойдя, таким образом, сразу против двух главных партий своей страны. То есть, против самой Англии, по сути дела. В первый, но далеко не последний раз.

²⁰ Характерная деталь: “В представительстве Еврейского агентства в Лондоне профессор истории Льюис Намьер, с которым Черчилль восемь лет назад консультировался по поводу биографии герцога Мальборо, собирал разнообразные отклики евреев, воодушевлённых новым возвышением Черчилля” (216). Ещё бы! Это был час их торжества, их победы.

²¹ Тот факт, что весомая часть трудов Черчилля посвящена прославлению предков (герцога Мальборо – 6 томов, собственного отца – 2 тома), о многом говорит психологу.

²² “Штерн” (“Звезда”) – подпольная террористическая еврейская организация в Палестине, занимавшаяся политическим убийством британских администраторов на британской подмандатной территории.

²³ Оригинал новости RT на русском: <https://russian.rt.com/article/66812>.

²⁴ Хаим Вейцман возглавлял Всемирную сионистскую организацию в 1921–1931 годах, а журналист и переводчик Нахум Соколов – в 1931–1935 годах.

²⁵ Гарри Сахер (1881–1971) – британский адвокат и сионист. Родился в Лондоне, сын портного, учился в Лондонском и Оксфордском университетах и в Европе. В 1905–1909-м и 1915–1919-м годах – член издательского правления газеты “Манчестер Гардиан”, где занимался политической аналитикой. В 1920 году осел в Палестине, где занимался юриспруденцией и экономикой. Неоднократно избирался в Сионистский исполнительный комитет. В 1930 г. вернулся в Лондон, где издавал англо-еврейские сионистские журналы вроде The Jewish Review, автор ряда книг об Израиле и сионизме. – http://www.jewishvirtuallibrary.org/jsource/judaica/ejud_0002_0017_0_17232.html

²⁶ Лоуренс Аравийский однажды сказал в интервью британской еврейской газете: “Совсем не являясь евреем, сам я рассматриваю евреев как естественных носителей западных ценностей, столь необходимых странам Среднего Востока” (71). Увы, он всё понимал наоборот: это Запад давно и прочно стал носителем еврейских ценностей... Да и по поводу того, что нужно людям Востока, мне кажется, он заблуждался.

²⁷ Каирская конференция, сразу после которой Черчилль приехал в Палестину, утвердила контуры британской политики на Ближнем Востоке.

²⁸ Характерный момент: “Джеймс Ротшильд, один из ведущих представителей еврейской общины Великобритании и член британского парламента, сразу осознал, что, отдав Абдалле восточную часть подмандатной Палестины и отстранив его от контроля над Западной Палестиной, Черчилль тем самым обеспечил возможность выживания еврейских поселений в Палестине. Тридцать четыре года спустя Ротшильд написал Черчиллю письмо, поблагодарив его за то, что в 1921 году в Иерусалиме он “заложил основы еврейского государства, отделив королевство Абдаллы от остальной Палестины. Без этой меры, продиктованной вашим пророческим предвидением, не было бы сегодняшнего Израиля” (78).

²⁹ “Белая книга” – традиционный термин англоговорящих стран, обозначающий официальное сообщение в письменном виде, разъясняющее государственную политику в том или ином отношении, сопровождающееся, как правило, официальной документацией.

³⁰ По признанию Черчилля, “Великобритания просто не могла позволить себе открыто заявить во всеуслышание, что на территорию Палестины будут прибывать пришельцы, которые станут вытеснять отсюда тех, кто жил здесь столетиями” (341). Это было им сказано в январе 1949 года. Но понимал-то он это всегда, и знал, что делал, тоже всегда, хотя только теперь в этом косвенно признался!

³¹ Позиция Черчилля по этому вопросу всегда оставалась твёрдой и неизменной. Например, 27 апреля 1942 года в меморандуме военному кабинету У. Черчилль

в очередной раз подчеркнул: “Я не смогу ни при каких обстоятельствах согласиться с абсолютным прекращением иммиграции в Палестину по требованию арабского большинства” (237).

³² Британские власти наложили на деятельность “Хаганы” запрет, однако это не помешало ей организовать эффективную защиту еврейских поселений. С образованием еврейского государства “Хагана” стала основой Армии обороны Израиля.

³³ Черчилль как-то заметил по поводу одной из таких структур: “Конечно, арабы им не противники. Люди из “Иргуна” — просто гангстеры” (331). Имелся в виду “Иргун Цваи Леуми”, еврейская подпольная террористическая организация, совершавшая теракты как против арабов, так и против англичан, которых члены организации уже считали “нелегальными оккупантами” еврейской территории.

³⁴ Замечу, что будь политика Черчилля на Ближнем Востоке иной, арабских батальонов на службе Британии могло бы быть не менее тридцати. Поражает лицемерие, с которым Черчилль заявил как-то Вейцману об арабах: они-де “сделали для нас очень мало во время войны и во многих случаях только создавали нам проблемы. Он припомнит это, когда придёт день расчёта”. В том же духе писал он и Комитету начальников штабов, жалуясь на арабов (255). А чего же ждал сей кондотьер сионизма?! На что смел бы надеяться?!

³⁵ Подробно о работе В. В. Кожина, посвящённой Хаиму Вейману, речь в другой моей статье.

СЕРГЕЙ СОЗИН

ПРИВИВКА СТАЛИНГРАДОМ...

Открывая утром глаза, всё чаще говорю себе: “Слава Богу! Всё, вроде бы, мирно...” Мирно... Но надолго ли?.. Печальный и героический исторический опыт России, наложенный на реалии нынешнего дня, рисует весьма пессимистические перспективы. Как говорится: хочешь узнать своё будущее, загляни в прошлое...

Страна отмечает очередную годовщину победы нашего народа в Сталинградской битве (17.07.1942–02.02.1943), ставшей крупнейшим сражением Великой Отечественной. Как только немцы не называли этот не покорённый город... “Гигантская братская могила!”, “Город кошмаров и ужасов...”, “Сталинград – это ад!...”, “Город, из которого нет возврата!”... И это не было преувеличением. В отдельные дни, по подсчётам немцев, потери в личном составе составляли до тысячи человек... Лондонское радио в 1942 году сообщало: “За 28 дней была завоёвана Польша, а в Сталинграде немцы взяли несколько домов. За 38 дней была завоёвана Франция, а в Сталинграде за 38 дней немцы продвинулись с одной стороны улицы на другую...”

Один из выживших в той баталии захватчиков, находясь в весьма преклонном возрасте, вспоминал: “Даже сегодня, десятилетия спустя, когда я слышу слова “Волга” и “Сталинград” – у меня мороз по коже... И я плачу...”

Я намеренно не пишу о наших боевых потерях, чтобы не “заболтать” тему на радость нашим и иноземным злопыхателям. Но не могу не напомнить варварскую бомбардировку Сталинграда 23 августа 1942 года. Тогда в считанные часы мирный город практически был стёрт с лица Земли. Об этой одной из крупнейших в истории бомбардировок мирных городов западные идеологи и историки предпочитают не вспоминать. И никаких слёз с безвинно уничтоженных всего за несколько часов 42 тысячах мирных жителей вы не увидите. В отличие от налётов на Лондон, Конверти или Дрезден...

Но сегодня приходится констатировать, что действие “прививки Сталинградом” на потенциального противника кончились. Как у тевтонов, так и у их постоянных союзников. Скажете: “Почему?” Да потому, что танки наших недругов стоят на нашей границе, в эстонской Нарве, что в трёхчасовом броске от Санкт-Петербурга. Перед началом вторжения, в июне 1941 года это расстояние составляло более 800 километров... Тогда 4-й танковой группе противника, наступавшей на Ленинград, за 18 дней с боями пришлось всё-таки преодолеть 600 километров, форсировать Западную Двину и Великую, добравшись только лишь до Пскова, что в 280 километрах от города на Неве.

То есть сегодня, обосновавшись в Прибалтике отнюдь не с мирными намерениями, они кардинально сократили расстояние до нашей Северной столицы. Хотя на переговорах в конце 1980-х годов тогдашний глава НАТО Манфред

Вёрнер обещал, что ни один НАТОвский танк не переправится через Одер... Как не вспомнить здесь шекспировское: “Слова... Слова... Слова...”

В Эстонии появился новый аэродром НАТО, расположенный в 100 километрах от российской границы... Подлётное время к Санкт-Петербургу – 10 минут.

Кстати, о союзниках немцев расскажу подробнее... Кто же они, сражавшиеся под фашистскими штандартами?..

Вспомним, по возможности, всех.

1. Албания: батальон “Люботен” и полк “Косово”, 21-я горная дивизия СС “Скандербег” (1-я албанская).

2. Бельгия: 27-я добровольческая гренадерская дивизия СС “Лангемарк” (1-я фламандская), 28-я добровольческая танково-гренадерская дивизия СС “Валлония” (1-я валлонская), Фламандский легион СС.

3. Болгария: Болгарская противотанковая бригада войск СС (1-я болгарская).

4. Венгрия: 2-я венгерская армия в составе 13 дивизий, 3 венгерские бригады: пограничная, егерская и горная; 18-я добровольная моторизованная дивизия СС “Хорст Вессель”, 17-й корпус СС, 25-я гренадерская дивизия СС “Хуньяди” (1-я венгерская), 26-я гренадерская дивизия СС (2-я венгерская), 8-я кавалерийская дивизия СС “Мария Терезия”, 33-я кавалерийская дивизия СС (3-я венгерская), 37-я добровольческая кавалерийская дивизия СС “Лютцов”.

5. Дания: Свободный корпус СС “Данмарк” (1-й датский), добровольческий корпус СС “Шальбург”, Добровольные подразделения для охраны аэродромов.

6. Италия: Итальянский экспедиционный корпус, позднее переименованный в 8-ю итальянскую армию в составе 3-х дивизий; 29-я гренадерская дивизия СС “Италия” (1-я итальянская).

7. Испания: Испанская (“Голубая”) дивизия, 101-я и 102-я добровольческие испанские роты Немецкого иностранного легиона. До последнего дня в окружённом Берлине сражались около 7 тысяч испанцев.

8. Латвия: Латышский добровольческий легион СС, 6-й корпус СС, 15-я гренадерская дивизия СС (1-я латышская), 19-я гренадерская дивизия СС (2-я латышская).

9. Нидерланды: 11-я добровольческая танково-гренадерская дивизия СС “Нордланд”, 23-я добровольческая моторизованная дивизия СС “Недерланд” (1-я голландская), 34-я добровольческая гренадерская дивизия “Ландстром Недерланд” (2-я голландская), Фламандский легион СС.

10. Норвегия: Норвежский легион СС, Норвежский батальон лыжных егерей СС, Норвежский легион СС.

11. Польша: в августе 1944 года на базе 202-го и 204-го полков NSZ (Народовые силы збройне) была сформирована “Свентокшисская бригада” (Brygada Świętokrzyska – “бригада Святого Креста”), которая вошла в состав войск СС. Её возглавлял полковник польской кавалерии Антоний Шацкий (Antoni Szacki); 107-й польский батальон шуцманшафт, 202-й польский батальон шуцманшафт Синяя полиция (также известная как “голубая полиция” (польск. Granatowa policja, укр. Гранатова поліція) – название коллаборационистских подразделений польской полиции на оккупированных немцами территориях Польши.

По неполным данным, только советскими войсками было взято в плен 60272 военнослужащих вермахта – поляков по национальности.

12. Румыния: 2-я румынская армия: 7 румынских дивизий и 7 бригад; 103-й танково-истребительный полк СС (1-й румынский); гренадерский полк войск СС (2-й румынский).

13. Сербия: Сербский добровольческий корпус войск СС.

14. Словацкая Республика: 2 пехотные дивизии.

15. Словения: Национальная армия генерала Льва Рупника.

16. Финляндия: 14 финских дивизий и 8 бригад. Финский добровольческий батальон войск СС.

17. Франция: Валлонский легион (впоследствии 638-й французский полк), 28-я добровольческая танково-гренадерская дивизия СС “Валлония” (1-я валлонская), 33-я гренадерская дивизия СС “Шарлемань” (1-я французская), легион “Безен Перрот” (набирался из бретонских националистов).

18. Хорватия: хорватский легион, позднее переименованный в 369-й хорватский усиленный пехотный полк. Кстати, весь “лёг костыми” в самом Сталинграде. Хорватский военно-воздушный легион в составе эскадрильи истребителей и эскадрильи бомбардировщиков, Хорватский военно-морской легион, 9-й горный корпус СС, 13-я горная дивизия СС “Ханджар” (1-я хорватская), 23-я горная дивизия СС “Кама” (2-я хорватская).

19. Чехословакия: 31-я добровольческая гренадерская дивизия СС “Богемия и Моравия”, 37-й добровольческая кавалерийская дивизия СС “Лютцов”, добровольческая рота СС “Святой Вацлав”.

20. Эстония: 1-й эстонский добровольческий гренадерский полк СС, 20-я гренадерская дивизия СС (1-я эстонская).

Отдельно сформированные объединённые соединения:

– Скандинавская 5-я танковая дивизия СС “Викинг”, полк СС “Вестланд” (Нидерланды, Дания, Бельгия, Норвегия);

– Балканская 7-я добровольческая горная дивизия СС “Принц Ойген” (Венгрия, Румыния, Сербия);

– 24-я горнострелковая (пещерная) дивизия СС “Карстэгер” (Чехословакия, Сербия, Италия);

– 32-я добровольческая гренадерская дивизия СС “30 января”, укомплектованная различными фольксдойче и рейхсдойче;

– 36-я гренадерская дивизия СС “Дирлевангер” набиралась из уголовников различных европейских стран;

– 14-я гренадерская дивизия СС “Галиция” (1-я украинская);

– Арабский легион “Свободная Арабия” – военное подразделение вермахта, состоявшее из арабских солдат. Воевало на Балканах и в Северной Африке. Британский добровольческий корпус (нем. Britisches Freikorps) воевал в составе Ваффен СС, состоял из британских военнопленных. Первоначально формирование имело название “Легион Святого Георгия”;

– Индийский добровольческий легион СС “Свободная Индия” (также известен под названиями Легион “Тигр”, Легион “Фрайлес Индиен”, Легион “Азад Хинд”, Indische Freiwilligen-Legion Regiment 950 или I. R. 950).

Почти вся континентальная Европа к 1941 году так или иначе вошла в империю Гитлера, вступив в войну с СССР и послав на Восточный фронт свои войска. Советский Союз, по самым приблизительным подсчётам, воевал с воинскими формированиями 32 национальностей и народов мира. . .

Так, группировка немцев и их сателлитов к моменту приближения к Сталинграду была усилена **6-м румынским армейским корпусом**, состоящим из 3-х дивизий. Фланги обеспечивали **8-я итальянская** и **2-я венгерская армия**.

Нападение на СССР преподносилось немцами как большой освободительный “Крестовый поход против коммунизма” с участием всех европейских народов. Была широко распространена концепция создания Новой Европы. Естественно, Германия в этом сообществе должна была играть доминирующую роль. . . Вам это ничего из реальный сегодняшнего дня не напоминает? . .

Запоминаем вышеназванные страны профашистской страты и переходим к списку государств, которые из века в век с маниакальным усердием сбиваются в союзы, блоки, коалиции в едином порыве очередного “похода на Восток”, то есть на нашу Родину, как бы она на тот момент ни называлась. . .

Русским пришлось воевать без конца: с 1055-го по 1462-й год историки насчитывают 245 нашествий на Русь и внешних столкновений. Из 537-ми лет, прошедших со времени Куликовской битвы до окончания Первой мировой войны, Россия провела в боях 334 года. В этот период ей пришлось 134 года биться против различных антирусских союзов и коалиций, причём одну войну она вела с девятью врагами сразу, две – с пятью, двадцать пять раз пришлось воевать против трёх и тридцать семь – против двух противников.

Если придерживаться определённой хронологической последовательности, то представляется следующая картина. . .

XIII столетие. На разорённую монголами страну шли с оружием **датчане, венгры, воензированные монашеские католические ордена, шведы и немцы**. Столкновением с крестоносцами явилась битва со шведами на Неве 1240 года. “Ледовое побоище” 1242 года стало одним из значимых сражений Средневековья, приостановившим конфликт Руси с Ливонским орденом на 26 лет. Этакая своеобразная “прививка побоищем”. . . Раковское сражение 1268 года, в ходе которого против **Ливонского ландмейстерства**

и **Датской Эстляндии** выступило объединённое войско семи северорусских княжеств, нанеся сокрушительное поражение немцам и датчанам. Русские войска гнали противника семь вёрст... “бысть страшное побоище, яко не видели ни отци, ни деди”.

XIV столетие. Бесконечная цепь битв и сражений, крупнейшим из которых явилась Куликовская битва 1380 года. Итоги её всем известны.

Русь XV века. Нашествия... Нашествия... Нашествия... Из наиболее известных: хана Едигея (1408), хана Иазовши (1451) и, наконец, так называемое Стояние на Угре, когда в осенней кампании 1480 года в результате ряда успешных сражений было нанесено сокрушительное поражение армии хана **Ахмата**, и Русь добилась полной независимости от Золотой Орды. Интересная деталь – секретный договор между Большой Ордой и Литвой предусматривал готовность **польско-литовского короля Казимира** выделить несколько тысяч конников для похода на Москву. И только не задавшийся поход хана удержал поляков от совместного выступления. Хотя недвусмысленная угроза с Запада вынуждала русичей держать на этом опасном направлении часть войск, так необходимых в борьбе с очередным нашествием.

XVI век. Война с Княжеством Литовским, Ливонская война.

XVII век. Военное вмешательство **Польши, Литвы и Швеции**. Захватчики взяли Москву и, будучи позднее выбитыми из неё, немало нашкодили в наших северных землях. Чего стоит только многомесячная осада Кирилловского монастыря в 1612 году!

XIX век. К 1812 году Наполеон собрал в поход против России армию, где собственно французы составляли лишь половину. Остальные – **16 разных национальностей**. Наиболее многочисленными были **немцы и поляки**. Позднее к ним присоединились формирования из **бывшего Великого княжества Литовского**.

В походе “Великой армии” приняли участие войска **Австрии** со своими и “**венгерскими**” полками. Там же мы обнаружим многочисленные части, которые сформировали **немецкие королевства, княжества и герцогства Рейнского союза**. Не остались в стороне от этой авантюры **Голландия, Испания, Итальянское и Неаполитанское королевства, Пруссия, Польша (Великое герцогство Варшавское)**.

Крымская война 1853–1856 года... “Восточная война” или “Нулевая мировая”. Боевые действия против России одновременно велись на Кавказе, в Дунайских княжествах, на Балтийском, Чёрном, Белом и Баренцевом морях, а также на Камчатке. Наибольшего напряжения сражения достигли в Крыму. Главным итогом войны было то, что Россия в целом устояла под ударами объединившихся против неё крупнейших держав мира.

Только в Крыму к весне 1855 года Франция сосредоточила около трети войск метрополии, а также колониальные контингенты: лёгкую кавалерию из **Алжира, 3 полка марокканских зуавов** и Иностраннный легион. Англия, кроме регулярных частей, подтянула свой Иностраннный легион, сформированный выходцами из многочисленных колоний и наёмниками из германских государств и **Швейцарии**.

Был там и свой “Сталинград”... 25 октября 1854 года в сражении под Балаклавой элита английской армии – лёгкая кавалерия, состоявшая из отпрысков самых знаменитых родов туманного Альбиона, – за 20 минут атаки потеряла более половины своего личного состава. Англия в одночасье недосчиталась более 300 будущих пэров из числа герцогов, маркизов, графов, виконтов и баронов. Это ужасное известие повергло в шок английское высшее общество. О павших конниках в Британии, конечно же, сложили песни и легенды.

Век XX. Оставим “за кадром” широко освещённую в многочисленных источниках Первую мировую войну и обратим наши взоры на **иностранную военную интервенцию 1918–1921 годов**. Французы обосновались на юге. Англичане оккупировали Север и орудовали в Закавказье. США: 5 тысяч американцев сражались на северо-западе; 9 тысяч солдат были отправлены в Сибирь, и с ними – 3 тысячи инженеров для починки Транссибирской магистрали, позволявшей контролировать всю Сибирь.

К февралю 1919 года в интервенции участвовало уже 202,4 тысячи человек: 44,6 тысячи британских военнослужащих, 13,6 тысячи – французских, 13,7 тысячи – американских, 80 тысяч – японских (к 1920 году их число воз-

росло до 150 тысяч), 42 тысячи — чехословацких, 3 тысячи — итальянских, 3 тысячи — греческих, 2,5 тысячи — сербских. Бок о бок с ними воевали польские, румынские, китайские и другие иностранные части и подразделения. На Балтийском, Чёрном, Белом морях и на рейдах наших Дальневосточных портов в составе иностранных эскадр временами насчитывалось до 117 кораблей.

День сегодняшний. Снова, теперь уже 28 стран — участниц блока НАТО — бряцают своим оружием у наших границ.

Так, только в одну так называемую “литовскую миссию” американо-западного блока входят солдаты **Германии, Бельгии, Нидерландов и Норвегии. В Румынии и Польше** уже развёрнуты системы так называемой противоракетной обороны, которые в любой момент могут превратиться в средство нанесения превентивного удара крылатыми ракетами. **Болгария и Румыния**, как всегда, любезно предоставили потенциальным захватчикам свои порты для базирования ударных морских группировок.

1100 британских и французских солдат в сопровождении танков и артиллерии начали размещение в Эстонии. Началась операция, у которой, по утверждению натовского командования, *нет даты окончания...*

Возникает закономерный вопрос: “И чего это им всем неймётся?! Почему Европа из столетия в столетие с неуклонным стремлением уничтожить Россию сбивается в очередную агрессивную стаю?”

Доктрин, теорий и планов, объясняющих этот фатально повторяющийся процесс, придумано нашими “визави” немало. Десятки... Вспомним только некоторые из них.

Немцы, наши “смертельные друзья”, оправдывали одну свою агрессию за другой избытками производственных мощностей, людских ресурсов и недостатком территорий. Традиционная стратегическая германская идея *Drang nach Osten* (“Натиск на Восток”) для немцев всегда выглядела весьма естественно... Как само собой разумеющееся. Из бесчисленных “шедевров немецких интеллектуалов” вспомним лишь следующие.

“**План Гофмана 1918 года** предполагал реорганизацию Восточной Европы в интересах Центральных держав. Создавалась независимая Украина — своего рода экономический заповедник для Германии и рычаг для давления на Москву. Эти ожидания были отражены в Брест-Литовском договоре с советской Россией. В итоге же надежды Германии на эксплуатацию украинских богатств не оправдались. Проиграв войну на Западе, Германия была вынуждена отказаться от своих восточных завоеваний.

Генерал Гофман, проводивший переговоры в Брест-Литовске, позднее предлагал повести в Россию — в поход против большевиков — общеевропейскую армию.

Из документов того времени можно сделать вывод о том, какие цели преследовала Германия в очередном броске на Восток. Из заявленных главная звучит простенько, незамысловато: “*чтобы собственному народу жилось как можно лучше*”, для чего нужно

— расширить немецкую сферу влияния на востоке до Крыма и Кавказа. С учётом значительных запасов железной руды, эти районы, естественно, являются необходимыми для Германии;

— отбросить Россию к границам времён Петра Великого;

— местное население должно **покинуть** аннексированные районы и уступить место немецким поселенцам;

— подчинённое население должно было не только контролироваться, но и быть переобученным в духе немецкой “идеологии господ”: немецкий язык становился обязательным с первого класса в школе, тогда как количество институтов должно было быть резко ограничено, поскольку местная интеллигенция больше не была нужна. Ну, и т. д., и т. п.

“**План “Барбаросса” 1940 года.** За семь лет до прихода к власти Гитлер в своей программной книге “*Mein Kampf*” вновь высказал глубоко укоренённые в германском сознании мысли о расширении жизненного пространства и уже предельно откровенно назвал цель будущего вторжения: “Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду, в первую очередь, только Россию...” И разработанный план агрессии против СССР — гитлеровский “План Барбаросса” — явился, по сути своей, продолжением плана Гофмана.

“План Ост”. Германия. 1941 год. Согласно плану “Ост”, после начала вторжения в СССР предполагалось в течение нескольких лет истребить (у Гоффмана это называлось *покинуть аннексированные районы...*) значительную часть населения Советского Союза, в первую очередь русских, украинцев и белорусов, а также всех евреев — всего не менее 30 млн человек... Нацисты в своём информационном обеспечении подготовки к очередной агрессии, в отличие от современных западных стратегов, не стали особо заморачиваться эвфемизмами и впасть в политкорректность. Бесноватый фюрер сразу объявил русских и других славян моральными и физическими уродами, недочеловеками, по которым плачут газовые камеры, печи крематориев и могилы в виде бесчисленных рвов, яров и карьеров.

Массовый героизм нашего народа поставил в мае 1945 года крест на всех этих человеконенавистнических прожектах. Гитлер вообще не оправдал возложенных на него надежд “западной закулисы”, покончив самоубийством... Берлин как-то недопустимо быстро, с точки зрения англосаксов, пал. Еле-эле успели развернуть второй фронт...

Сегодня же в геополитическом тренде американские практики и теории. Их много. Обратимся к доминирующим. Тем, что служат руководством к действию наших “спарринг-партнёров”...

Теория “Хартленда”. Автор — Джон Маккиндер, английский географ и геополитик. В 1904 году издан его главный труд “*Географическая ось истории*”, в котором Маккиндер вводит понятие Хартленда (англ. Heartland — “сердцевинная земля”). Так Маккиндер назвал центральную часть Евразии, вокруг которой расположены внутренняя дуга (Европа–Аравия–Индокитай) и периферийная дуга (Америка–Африка–Океания). Основной посыл этой теории: “Кто контролирует Восточную Европу, тот командует Хартлендом; кто контролирует Хартленд, тот командует Мировым островом (то есть Евразией и Африкой); кто контролирует Мировой остров, тот командует миром”. В 1943 году Маккиндер вводит новую геополитическую ось — США, обосновывает идею геополитических блоков и предсказывает становление двуполярного мира, вращающегося вокруг двух противостоящих друг другу осей: Соединённых Штатов и Советского Союза (Хартленда). Поэтому **Маккиндера принято считать основоположником теории атлантизма.**

“Хартленд-Римленд”. Конец 30-х — начало 40-х годов XX века. США. Автор — американский теоретик геополитики Николос Слайкмен. В отличие от Маккиндера, выделявшего Хартленд в качестве ключевой зоны, Слайкмен к таковой в Евразии относил и Римленд. Это гигантская дуга, включающая приморские евразийские государства, окружающие СССР. Была предложена стратегия наступления “атлантистов” на Континент (понимай: Россию) посредством создания форпостов (читай: военных баз) по периметру Хартленда (читай: России). Ключевое значение в этой теории имеет Евразия. Контроль над гигантской дугой, окаймляющей территорию Евразии, должен был нейтрализовать влияние Хартленда. Слайкмен перефразировал известный тезис Маккиндера: “Кто контролирует Римленд, тот контролирует Евразию, а кто контролирует Евразию, тот контролирует судьбы всего мира”. Этот же деятель развил идею “анаконды” — контроля и удушения России, особо подчёркивая роль силы в установлении политического порядка. В соответствии с его выкладками осуществлялась вся послевоенная политика США в отношении сдерживания “крепости” (России). Вдоль Римленда образована цепь из военных блоков: НАТО — в Европе, СЕНТО — в Западной Азии, СЕАТО — в Восточной Азии, — на территории которых были развёрнуты десятки американских военных баз.

“Политика сдерживания”. США. 1947 год. Американский дипломат Джордж Кеннан (1904–2005) сформулировал теоретические основы “политики сдерживания” СССР. Согласно Кеннану, в основе “политики сдерживания” должен лежать ментальный фактор. Её смысл состоит в том, чтобы противодействовать “русским при помощи всегда имеющейся в наличии противостоящей силы в любой точке мира”.

С 1994 года реализуется программа “Партнёрство ради мира”, занимающая важнейшее место в процессе расширения НАТО. За время существования программы к ней присоединились 34 государства, 12 из которых (Албания, Болгария, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Румыния, Словакия, Чехия, Словения, Хорватия, Эстония) стали членами блока. То есть “не мытьём, так

катаньем” они упорно идут к своей цели – организации эшелонированной военно-экономической блокады нашей страны для истощения её оборонных ресурсов с тем, чтобы если не ликвидировать, то ограничить её суверенитет.

Доктрина “Американской гегемонии нового типа”. США. 1998 год. Это современная версия мирового господства США. Автор Збигнев Бжезинский, отъявленный русофоб, ушедший в мае прошлого года в мир иной... В своей работе “Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы” он представил современную версию атлантизма – концепцию “американской гегемонии нового типа”. Бжезинский выявляет как явные, так и тайные цели и механизмы американской гегемонии, представляя геополитическое пространство в виде шахматной доски, где поведение “фигур” определяется их потенциалом. Главный императив глобальной политики в XXI веке не сводится к дилемме “атлантизм–континентализм” – достижению власти на суше или власти на море. По мнению Бжезинского, “геополитика продвинулась от регионального мышления к глобальному, при этом превосходство над всем Евразийским пространством служит центральной основой для глобального главенства”. Согласно Бжезинскому, современная американская гегемония знаменует собой новый тип мирового господства, ранее не встречавшийся в истории. Одним из решающих факторов гегемонии США он считает контроль за центральной (осевой) частью мира – Евразией.

Бжезинский разработал скоординированную американскую геостратегию в отношении Евразии. Особое значение в этом отношении имеет Украина. *Америка никогда не намеревалась делить власть на земном шаре с Россией... Новая Россия была просто слишком слабой, слишком отсталой социально, чтобы быть реальным партнёром Америки в мире. Решительно отбросив таким образом любые предположения о возможном “стратегическом партнёрстве” между Россией и США,* он акцентирует внимание на стратегических задачах Америки. Задача американской геостратегии заключается в том, чтобы ни одно государство или группа государств не обладало потенциалом, необходимым для того, чтобы изгнать Соединённые Штаты из Евразии или в значительной степени снизить их решающую роль в качестве мирового арбитра. Наиболее опасным сценарием он считает создание антиамериканской коалиции с участием Китая, России и Ирана. Чтобы не допустить осуществления столь неблагоприятного сценария, он рекомендует использовать старую тактику “разделяй и властвуй”. Она включает метод сепаратных переговоров с каждым из континентальных государств, разжигание между ними взаимных обид и обещание при условии сотрудничества с США каких-то мифических дивидендов в виде “двухстороннего стратегического партнёрства”.

Принятая в 2006 году “Упреждающая стратегия” предполагает ослабление или демонтаж государств, отрицающих американскую исключительность. Мир должен смириться с тем, что США морально превосходят всё сущее и следуют по особенному историческому пути, вне законов или норм, регулирующих существование других стран.

“Восточное партнёрство”. 2008 год. Инициатива, выдвинутая **Польшей** и поддержанная **Швецией**, направленная якобы, как было официально заявлено, на сближение шести восточных соседей с Европейским Союзом.

Реальная же цель “Восточного партнёрства” заключается в вытеснении России в “северо-восточный угол Евразии”. “Восточное партнёрство” задумывалось не столько для освоения новых рынков, сколько для того, чтобы оторвать постсоветские государства – Армению, Азербайджан, Белоруссию, Грузию, Молдавию и Украину – от России. Кровавые итоги этой разрушительной работы мы сегодня пожинаем на постсоветском пространстве...

Не могу не упомянуть исследование швейцарского общественно-политического деятеля, депутата и журналиста Ги Метанна, который первопричиной ненависти Запада к России видит **выбор России в пользу Православия**. В недавно вышедшей книге “Запад–Россия: тысячелетняя война. История русофобии от Карла Великого до украинского кризиса. Почему мы так любим ненавидеть Россию?” он пишет: “Русофобия зародилась ещё до того, как Россия вышла на арену истории... Чтобы понять пропасть предрассудков, которая отделяет современный Запад от России, нужно вернуться к Великому церковному расколу (1054 год) и даже на два века раньше, когда Карл Великий был помазан как император Запада (800 год)... Раскол двух половин христианской Церкви перекроил историю континента и до сих пор способствует искажённому

представлениям друг о друге, хотя его религиозная подоплёка за прошедшие двенадцать веков утратила свою значимость и актуальность. (Тут автор, по моему мнению, несколько поспешил... Многие акции устрашения фашистские захватчики приурочивали к нашим государственным и религиозным праздникам. Американцы начали бомбить Югославию именно в канун Православной Пасхи...)

Если бы князь Владимир решил в 988 году в Херсонесе Таврическом принять римский католицизм, а не Православие, это изменило бы всю европейскую историю, потому что никто ни на Западе, ни на Востоке не посмел бы усомниться в принадлежности России к Европе. Князя одновременно обхаживал и Рим, которому только что удалось обратить в свою веру поляков и венгров, и Византия. Но первый в истории правитель уверенно выбрал Православие...”

Итак, подведём краткие итоги. На словах нам было обещано, что никакой экспансии НАТО в Восточную Европу, а уж тем более на постсоветское пространство не будет. Однако за последнюю четверть века мы убедились, что Запад медленно, но последовательно осуществлял продвижение на Восток. При этом страны, которые находятся вблизи границ России, вступив в ту или иную форму сотрудничества с Североатлантическим альянсом, становятся плацдармами для развёртывания военной инфраструктуры (баз, аэродромов, пунктов складирования техники и т. д.). На Россию оказывается постоянно нарастающее дипломатическое, экономическое, информационное и военное давление.

Активизируются пояс нестабильности вдоль всех границ и изоляция Российской Федерации. Мы видим в действии реализацию вышеназванной стратегии англосаксов по удушению России – “Петли Анаконды”... В 20-е годы прошлого века точно с такой же целью они выстраивали вдоль наших границ так называемый “санитарный кордон”...

То есть идут года, проходят столетия, но меняются лишь формы и методы, технологии борьбы с Россией. А цель остаётся неизменно – уничтожить русскую цивилизацию (“окончательное решение русского вопроса”), сокрушить Русь путём расчленения, уничтожения её духовного начала и дележа её обломков. Как метко выразился бывший глава СВР (Службы внешней разведки) Леонид Шербашин: “Запад хочет от России только одного – чтобы её не было”.

Ещё в 1948 году философ-эмигрант Иван Ильин предостерегал: “Им нужна слабая Россия, изнемогающая в смутах, в революциях, в гражданских войнах и в расчленении... Россия с убывающим народонаселением... Россия безвольная... Когда после падения большевиков мировая пропаганда бросит во всероссийский хаос лозунг “Народы бывшей России – расчленийтесь!”, они не успокоятся до тех пор, пока им не удастся овладеть русским народом через малозаметную инфильтрацию его души и воли...” Я бы выделил здесь ключевую фразу: **“Они не успокоятся!”**

Но вернёмся к началу статьи... К Сталинграду... Как мы видим, исторической памяти нашим “партнёрам” хватает приблизительно лет на 25–30. То есть... до очередного Сталинграда.

В какой же стадии это движение к очередному Сталинграду находится сегодня? Военную составляющую процесса я осветил выше... Обратим внимание на морально-психологическую. Никто и не скрывает, что против нас ведётся мощная информационная война.

Претворяются в жизнь наставления и рекомендации Гитлера: “Как в окопной войне артподготовка проводилась перед финальной атакой... так в будущем перед тем, как задействовать армию, мы будем вести психологическое ослабление врага посредством пропаганды. Враждебный народ должен быть деморализован и готов к капитуляции, его следует психологически вынудить к пассивности, и только потом можно думать о военных действиях”.

И в работе американца Роберта Грина “33 стратегии войны” (США. 2011) находим стратегию, отработываемую сегодня на нас. Цитирую: “...Планируя атаку, обрабатывайте своих врагов, промывайте мозги, спровоцируйте конфликт в их рядах.

Важно помнить: к разумным доводам никто не прислушивается. Все и так с нами согласны, поэтому ничто не меняется; вы ломитесь в открытую дверь.

Нужно сначала освободить от тех уз, которые связывают их с прошлым и заставляют противиться навязываемым вами изменениям. Вы должны понимать, что эти узы, как правило, не физические, а психологические

и эмоциональные. **Обращаясь к чувствам людей, вы можете добиться, чтобы прошлое предстало перед ними в другом свете, чтобы они увидели его как что-то деспотичное, надоевшее, аморальное, некрасивое. Теперь у вас есть пространство для манёвра, появляется возможность внушать свежие, новые идеи, изменить восприятие людей, взывая к только что народившемуся чувству любви к себе. Сейте семена нового, ставьте новые цели, укрепляйте новые связи.**

Если вы хотите убедить людей следовать за вами, сначала отделите их от их же прошлого. Примеряясь к своей цели, поинтересуйтесь, что держит их в прошлом, каков источник их сопротивления новому... Сломайте его – и вы сумеете разделить людей изнутри, открыть их для сомнений и перемен. Разделяйте и властвуйте – заставьте людей колебаться и сомневаться, чтобы вы смогли завладеть их мыслями”.

Так вот этому самому “отделению людей от своего прошлого”, несмотря на титанические усилия наших недругов, не даёт свершиться народная память о победе в Сталинградской битве и разгроме фашистов в Великой Отечественной войне.

К перечисленным выше “прожектам” и руководствам к действию наших недругов можно прибавить ещё ряд других, предрекающих нам череду кровавых войн за передел природных ресурсов и доступ к ним. Впереди у нас битвы за глоток чистой воды, за право дышать своим воздухом, одним словом, за право жить на родной земле...

Это и теория “Золотого миллиарда” с запутанной “родословной”, уходящая своими истоками в мальтузианство, с претензиями WASP (White Anglo-Saxon Protestant) – представителей европеоидной расы протестантов англосакского происхождения на привилегированное положение в мире... Не нужны этому “Золотому миллиарду” ни мы с вами, ни наша история, ни наша культура. Им нужны наши природные богатства и наши жизненные пространства.

Сняв розовые очки с выгравированными на линзах призывами к общечеловеческим ценностям, правам человека, демократическим идеалам, толерантности и политкорректности, любезно напыливаемые на нас западными “благодетелями”, вы с удивлением увидите развёртывание сил передового базирования стран НАТО и тяжёлого вооружения на наших западных границах. А если ещё и стряхнёте с ушей пропагандистскую лапшу из политической трескотни о западных ценностях, то услышите звуки боя и залпов тяжёлой артиллерии, бьющей по жилым кварталам Луганска, что буквально в восьмистах километрах от Москвы и всего в 50 километрах от нашей государственной границы.

Скажете: “Что нам делать?!..” Да быть такими же сильными и сплочёнными, как те, кто отстоял Сталинград. Нынешние демократизаторы мира понимают только силу. И никакого уныния. Этого только и добиваются наши противники. А также никаких мифологических ожиданий всемирного братства и дружбы народов. Наша ничем не оправданная вселенская любовь к большому и малым, сырым и богатым странам, как неоднократно показала история, делает страну уязвимой и всякий раз выходит нам боком. Русофобия, столетиями вбиваемая в головы, сделала своё чёрное дело. Так, недавний опрос американцев телеканалом CNN и исследовательской службой ORC показал, что более половины из них (57%) считают нас своими врагами... По результатам опроса PEW Research Center (июль 2014-го) в Европе и США более 70% опрошенных высказались отрицательно по отношению к России.

То есть, называя вещи своими именами, мы должны признаться, что общественное мнение на Западе активно и, как видим, успешно готовится к очередной войне с нами. Делается всё для их мобилизации, мотивации вторжения и нашей деморализации, демотивации сопротивления... Они даже правом себя новым наделили – правом гуманитарной интервенции... .

Мы в большой опасности! Вход в глухую оборону – смерти подобен! Каждая наша уступка рассматривается ими как прелюдия к нашей безоговорочной капитуляции. Только мощный жёсткий прессинг на всех “фронтах” – дипломатическом, информационном, экономическом и военном – гарантирует нам выживание.

И пусть действие “прививки Сталинградом” на наших “заклятых друзей”, судя по всему, закончилось, в исторической памяти народа набатом звучит голос Александра Васильевича Суворова: “Мы русские, а значит – мы победим!”

СЕРГЕЙ КУНЯЕВ

ВАДИМ КОЖИНОВ

ГЛАВА 9

ВСТРЕЧА С БАХТИНЫМ

Во второй половине 1950-х годов в сознании отечественного читателя вновь вышел на первый план один из вечных спутников русского человека – Фёдор Михайлович Достоевский.

В 1958 году был завершён выпуск 10-томного собрания сочинений писателя (первого в СССР с 1930 года!) тиражом 300 тысяч экземпляров. В 1956 году вышел специальный том “Достоевский в русской критике”, составленный и откомментированный Абрамом Александровичем Белкиным. В том же году книга Владимира Ермилова “Достоевский” о “великом реалисте и гуманисте” (того самого Ермилова, который воевал в 1949-м “против реакционных идей в творчестве Достоевского”). Через год – книга Виктора Шкловского “За и против. Заметки о Достоевском” (симптоматичное название для автора, который 23 года тому назад на I-м съезде советских писателей призывал судить Достоевского от имени лучших представителей человечества)... Ещё через три года появилась книга Валерия Кирпотина, неумоимого бойца литературного фронта в 1930-х и не менее неумоимого “раскапывателя” интереснейших загадок в жизни и творчестве классика в 1940-х, в период работы в Институте мировой литературы, – “Ф. М. Достоевский, творческий путь”.

И, конечно, невозможно не вспомнить кинофильм Ивана Пырьева “Идиот”. Через много лет замечательный (к сожалению, слишком рано ушедший из жизни) критик и литературовед Евгений Лебедев, оценивая восприятие фильма зрителем конца 1950-х, нашёл точные и проникновенные слова и о режиссёре, и о его создании:

“Это был режиссёр свирепой одарённости и трагической творческой судьбы... И вот в 1957 году И. Пырьев решительно порвал с миром, им же созданным. Я не хочу сказать, что все его последующее творчество стало сплошным покаянием в содеянном (хотя почему бы и нет – ведь фильм “Отчий дом” вполне можно воспринять, как попытку замолить “кубанские” грехи). Речь сейчас не об этом, а о том, что он понял про себя и про всю нашу жизнь нечто настолько важное, что для него стала очевидной невозможность существовать в прежней системе нравственно-художественных ценностей.

Это “нечто” я определил так: в условиях, когда политическая узда оказывается ослабленной, когда снимаются внешние запреты, неизмеримо возрастает роль моральной ответственности каждого отдельного человека. Ведь если это внешнее послабление воспринять только как повод к вседозволенности, тогда, выходит, культ сильной личности был оправдан. Своей душевной

расхристанностью мы не только подтверждаем необходимость культа в прошлом, но и готовим появление новых великих инквизиторов. Обращение И. Пырьева к Достоевскому было глубоко закономерным. В сердце этого человека только ещё искомая правда боролась не на жизнь, а на смерть с уже достигнутой ложью. Так и не победив окончательно”.

Эта борьба отразилась в каждом кадре фильма – Пырьев сделал упор на “диалог взглядов”, когда в жёсткое и напряжённое единоборство вступают даже не слова, а лица (и каждое из них бралось крупным планом). Невозможно и сегодня, пересматривая фильм, не заметить: все персонажи находятся на грани безумия. Ни один не переступает эту грань, но ощущается она буквально кожей. Фактически, каждый из актёров сыграл в этом фильме одну из своих лучших ролей, если не самую лучшую. В первую очередь, это касается Никиты Подгорного (Ганя Иволгин) и Леонида Пархоменко (Парфён Рогожин). Последний актёр был совершенно забыт, но и поныне, когда смотришь на его Парфёна, дрожь бежит по телу. У Подгорного удачи, подобной образу Ганечки, в кинематографе больше не было.

Конечно, много и блистательно играли Юрий Яковлев и Юлия Борисова. Но исполнение ими ролей Настасьи Филипповны и князя Мышкина – отдельная тема. Страсть и надрыв Борисовой и абсолютная человеческая любовь ко всему существу, исходящая из очей Яковлева, которые минутами сами собой светятся неподдельной мукой при виде того, что творят окружающие его люди...

Даже в единственной снятой серии (фильм предполагался двухчастным) при всей бережности, проявленной к тексту Достоевского, невозможно было избежать фундаментальных потерь. Пришлось отказаться от ключевого монолога князя, где он говорит о том, как человек переживает смертный приговор и приговление к казни. Но и то, что сохранил сценарий и что было воплощено на экране, потрясло тогдашнего зрителя и потрясает многих по сей день.

В это же время театральным зрителем совершал буквально паломничество в Большой драматический театр в Ленинграде, где шёл только-только поставленный Георгием Товстоноговым спектакль по тому же роману Достоевского. Роль Мышкина играл Иннокентий Смоктуновский – и это было потрясение уже несколько иного рода. Как позднее признавался сам артист, “нужную” тональность он нашёл после встречи с человеком, проведшим 17 лет в лагерях и страдающим эпилепсией. Эта “переимчивость” образа сказала и на игре Смоктуновского, и на реакции зала. “Такого ещё не было!” Такого, действительно, не было. Ольга Берггольц, посетившая один из спектаклей, недвусмысленно определила главный посыл артиста: “Он играет не Мышкина, а болезнь”.

Так или иначе, Достоевский, периодически (не полностью) издававшийся в предыдущие годы, являвший собой “материал” для психологических или вульгарно-социологических упражнений историков литературы, вновь (спустя полвека) вошёл “в моду”. Его стали запоем читать, цитировать, ссылаться на него в разговорах на сугубо современные темы.

* * *

Именно в это время и попала в руки Кожинова книга издания 1929 года с неприязнительным названием “Проблемы творчества Достоевского”.

Имя автора – Михаила Бахтина – так или иначе присутствовало в литературе о русском классике. Преимущественно упоминалась рецензия Анатолия Луначарского (как бесспорного литературного авторитета!) на бахтинскую книгу. Сам по себе бахтинский труд фигурировал в общем списке литературы на филологическом факультете МГУ в семинаре по Достоевскому Геннадия Николаевича Пospelова – как предмет критики с марксистской точки зрения. Книга номинально не выходила за пределы общей “литературы по Достоевскому” и всерьёз в неё за последние десятилетия мало кто вчитывался.

Более того, те немногие, кто эту книгу читал, считали, что имеют дело с автором уже давно покойным.

Именно так отнёсся тогда к Бахтину и Кожинов.

“Проблемы творчества Достоевского” его, мягко говоря, поразили. Нет, не поразили. Перевернули. Это было совершенно иное прочтение и Достоевского, и романа как жанра.

Это читалось так, словно открывались неведомые миры: галактика внутри галактики и далее – путь в бесконечность.

“При обозрении обширной литературы о Достоевском создаётся впечатление, что дело идёт не об одном авторе-художнике, писавшем романы и повести, а о целом ряде философских выступлений нескольких авторов-мыслителей – Раскольникова, Мышкина, Ставрогина, Ивана Карамазова, Великого Инквизитора и др. Для литературно-критической мысли творчество Достоевского распалось на ряд самостоятельных и противоречащих друг другу философем, представленных его героями. Среди них далеко не на первом месте фигурируют и философские воззрения самого автора. Голос самого Достоевского для одних сливается с голосами тех или иных из его героев, для других является своеобразным синтезом всех этих идеологических голосов, для третьих, наконец, он просто заглушается ими. С героями полемизируют, у героев учатся, их воззрения пытаются доразвить до законченной системы. Герой идеологически авторитетен и самостоятелен, он воспринимается как автор собственной полновесной идеологемы, а не как объект завершающего художественного видения Достоевского. Для сознания критиков прямая полновесная интенциональность слов героя размыкает монологическую плоскость романа и вызывает на непосредственный ответ, как если бы герой был не объектом авторского слова, а полноценным и полноправным носителем собственного слова.

Множественность самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний, подлинная полифония полноценных голосов, действительно, является основной особенностью романов Достоевского. Не множество судеб и жизней в едином объективном мире в свете единого авторского сознания развёртывается в его произведениях, но именно множественность равноправных сознаний с их мирами сочетаются здесь, сохраняя свою неслиянность, в единство некоторого события. Главные герои Достоевского, действительно, в самом творческом замысле художника не только объекты авторского слова, но и субъекты собственного непосредственно значащего слова. Слово героя поэту вовсе не исчерпывается здесь обычными характеристическими и сюжетно-прагматическими функциями, но и не служит выражением собственной идеологической позиции автора (как у Байрона, например). Сознание героя дано как другое, чужое сознание, но в то же время оно не опредмечивается, не закрывается, не становится простым объектом авторского сознания. . .

Достоевский – творец полифонического романа. Он создал существенно новый романский жанр. Поэтому-то его творчество не укладывается ни в какие рамки, не подчиняется ни одной из тех историко-литературных схем, какие мы привыкли прилагать к явлениям европейского романа. В его произведениях появляется герой, голос которого построен так, как строится голос самого автора в романе обычного типа, а не голос его героя. Слово героя о себе самом и о мире так же полновесно, как обычное авторское слово; оно не подчинено объектному образу героя как одна из его характеристик, но и не служит рупором авторского голоса. Ему принадлежит исключительная самостоятельность в структуре произведения, оно звучит как бы рядом с авторским словом и особым образом сочетается с ним и с полноценными же голосами других героев.

Отсюда следует, что обычные сюжетно-прагматические связи предметного или психологического порядка в мире Достоевского недостаточны: ведь эти связи предполагают объектность, опредмеченность героев в авторском замысле, они связывают и сочетают образы людей в единстве монологически воспринятого и понятого мира, а не множественность равноправных сознаний с их мирами. Обычная сюжетная прагматика в романах Достоевского играет второстепенную роль и несёт особые, а не обычные функции. Последние же скрепы, создающие единство его романного мира, иного рода; основное событие, раскрываемое его романом, не поддаётся сюжетно-прагматическому истолкованию”.

Это лишь начало книги, ключ к Достоевскому, указание на то, как нужно его читать.

Нельзя сказать, что Кожинов внутренне не был подготовлен к встрече с Бахтиным. Многие, приведшее его к человеку, которого он позднее назовёт своим учителем, сформировалось в нём в период тесного общения с Ильенковым. И всё же именно Бахтин станет для него тем главным человеком,

который во многом определит дальнейший жизненный и творческий путь Вадима Валериановича.

Как потом рассказывал Кожинов, он сначала увидел в “Проблемах творчества Достоевского” “глубокую, самобытную, неожиданную вещь”. Стал расспрашивать о нём литературоведов старшего поколения, которые отвечали ему: Он был репрессирован, у него несчастная судьба, он давно умер...” И Кожинов полагал, что его нет на свете, до тех пор, пока не заговорил с Леонидом Тимофеевым, который в 1930-е годы организовал два доклада Бахтина в ИМЛИ, а кроме этого, пытался пробить в печать (увы, безуспешно) его монографию “Франсуа Рабле в истории реализма” (Тимофеев указал Кожинову на эту работу, хранившуюся в архиве Института, и Вадим бросился её читать (читал запоем). “Покойный Бахтин”, – произнёс Кожинов. На что Тимофеев ответил изумлённым тоном: “Как?! Почему “покойный”? Он жив, правда, я не знаю его адреса, он, говорят, переехал, но он живёт в Саранске, преподаёт в Мордовском университете”.

Узнать адрес не составило труда.

“Поражённый, я тогда же написал Бахтину письмо”, – продолжал свой рассказ Кожинов. А надо сказать, что ему с молодости был абсолютно чужд комплекс “скупого рыцаря” – единоличное наслаждение добытыми духовными сокровищами. Он стремился тут же вовлечь в круг новых открытых идей как можно больше народу, начиная с ближайших друзей. “Когда в начале 60-х, – вспоминает Дмитрий Урнов, – Вадим меня погнал, буквально погнал в библиотеку за книгой Бахтина о Достоевском, то по формуляру было видно, что спросом книга ещё не пользовалась, и сам Вадим, я знаю, без году как достал книгу из других источников – и воспламенился”.

Конечно, это было не “начало 60-х” – это был конец 50-х. А что касается “другого источника”, то Урнов уверен: источником явилась библиотека Владимира Владимировича Ермилова.

Дело в том, что к этому времени рухнул первый кожиновский брак: он расстался с Людмилой Рускол, ибо без памяти влюбился в свою коллегу по Институту мировой литературы Елену Владимировну Ермилову, дочь одного из самых одиозных советских критиков. Сама она была замужем за известным скрипачом Бусей Гольдштейном, который в середине 1930-х, в пятнадцатилетнем возрасте уже обрёл всеевропейскую известность. Кстати сказать, семья Буси была ортодоксально иудаистская: в доме по субботам даже не зажигали свет. Об атмосфере в том доме Елена Владимировна (полукровка и православная христианка) вспоминала с нескрываемым отвращением.

События развивались быстро. Кожинов и Ермилова ушли из прежних семей и образовали свою, просуществовавшую более 40 лет, причём их совместное житие началось ещё тогда, когда Вадим Валерианович состоял официально в первом браке. Сначала всё складывалось далеко не просто – да просто в подобных случаях и не бывает! – о чём через несколько лет Кожинов писал Бахтину, когда их переписка была уже в разгаре: “. . . 12 лет назад я женился, будучи студентом второго курса. 8 лет мы довольно счастливо прожили с женой, испытали вместе всякие передрыги (она из еврейской семьи, которой туго пришлось в начале 50-х годов). У нас была уже семилетняя дочь и налаженная семейная жизнь. Правда, с 1956 года я ощущал некоторый духовный разлад – не столько интеллектуальный, сколько эмоциональный, но это, конечно, не так уж страшно. Но 4 года назад я неожиданно влюбился – так, как этого со мной никогда не бывало, хотя у меня были и первая, и вторая любовь в юности, и я по-настоящему любил жену. Влюбился я в чужую жену (я, правда, никогда её таковой – чужой – не чувствовал), – жену известного скрипача Бориса Гольдштейна. И встретил столь же сильную ответную любовь. У ней не было детей, и она через два месяца порвала с мужем. Я же два года отчаянно сопротивлялся своей любви, мучился, падал и поднимался и всё такое прочее. Наконец, я не выдержал и – это было ровно два года назад – ушёл от жены. Для меня это было так трудно, что я прямо-таки помутился в рассудке и две недели пробыл в б<ольни>це им. Кашенко (знаменитая Канатчикова дача)...” Здесь, конечно, речь идёт не о каком-то “помутнении рассудка”, а о классическом нервном срыве, после которого необходимо было время на восстановление.

Молодой литературовед поселился в квартире тестя в Лаврушинском переулке, откуда и послал первое письмо Бахтину.

Петра Палиевского, Сергея Бочарова, Георгия Гачева, Виталия Сквозникова уговаривать не пришлось. Они сами налетели на бахтинскую книжку, а потом и на машинопись “Рабле” – читали запоем, передавая друг другу, обсуждали восторженно... И, естественно, дали “добро” Вадиму на написание письма от их общего имени.

“12. XI. 60

Глубокоуважаемый и дорогой нам Михаил Михайлович!

Простите, что незнакомые люди осмеливаются Вас беспокоить. Впрочем, мы воспринимаем автора “Проблем творчества Достоевского” как давно знакомого и близкого человека. Ваша прекрасная книга не только представляет собою наиболее истинное и ценное исследование о Достоевском, но, помимо того (или точнее, именно потому), имеет для нас первостепенное теоретическое значение.

Я обращаюсь к Вам от имени связанной совместной и дружной группы молодых литературоведов, которые родились в год появления Вашей книги или одним-двумя годами позднее. Практически мы пока ещё ничего не сделали. Но мы стремимся продолжать в своей работе дело Вашего поколения русской науки о литературе. Мы ясно осознаём, какое поистине всемирное культурное значение имеет научная мысль этого поколения. И естественно, что в обширном новейшем обзоре V. Seduro. “Dostoevski in Literary Criticism 1846–1856” (описка Кожина. Нужно “1956” – С. К.)... Ваша книга подробно излагается и оценивается как основополагающий труд о творчестве Достоевского.

Но, пожалуй, наибольшая ценность Вашей работы заключена для нас в её методологии, дающей единственно верный путь к пониманию искусства слова, – методологии, которая не вкладывает в произведение априорно сочинённые абстракции какого-либо рода “идей”, но стремится раскрыть всё многогранное художественное содержание, глубоко исследуя объективную и конкретную реальность формы произведения. Этому мы учимся у Вас.

Не менее интересен для нас и другой Ваш труд, недавно нами “открытый”, – “Франсуа Рабле в истории реализма”. Сейчас мы с наслаждением изучаем эту фундаментальную работу.

Наша собственная “продукция” ограничивается десятком небольших статей; в настоящее время мы заканчиваем первый том нашего совместного детища – “Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении” (в Институте мировой литературы им. Горького). И если нам удастся высказать нечто полезное и существенное, мы будем во многом обязаны этим и Вам...”

В этой части письма обращаю на себя внимание три фразы, следующие одна за другой: “Практически мы ещё ничего не сделали. Но мы стремимся продолжать в своей работе дело Вашего поколения русской науки о литературе. Мы ясно осознаём, какое поистине всемирное культурное значение имеет научная мысль этого поколения”... Вроде бы уже кое-что сделали... Но Бахтин открывал горизонты, к которым идти и идти. И понятно, что ещё не сделано ничего. А восторженные слова о поколении... Многие современники, лично им знакомые, были из этого поколения. Поколение Бахтина – это Моисей Альтман, Николай Анциферов, Валентин Асмус, Дмитрий Благой, Сергей Бонди, Виктор Виноградов, Григорий Винокур, Виктор Жирмунский, Алексей Лосев, Василий Комарович, Вера Нечаева, Юлиан Оксман, Виктор Перцов, Адриан Пиотровский, Геннадий Поспелов, Владимир Пропп, Александр Скафтымов, Юрий Тынянов, Ольга Фрейденберг, Алексей Чичерин, Франц Шиллер, Виктор Шкловский... Не то, что не похожие друг на друга – во многом диаметрально друг другу противоположные. Но молодые пишут о поколении, подразумевая конкретно Бахтина. Он единственный представляет в их глазах в с ё поколение конца XIX века! И именно к нему относятся их слова о “всемирном культурном значении научной мысли”. А ещё раз вспомним, что писал письмо лично Кожин – именно в его глазах мысли Бахтина о Достоевском обрели в с е м и р н о е значение. Тогда, когда он ещё в о о б щ е н и к о м у не был известен.

Далее последовала серия анкетных вопросов (необходимость их Кожин объяснил тем, что ему “поручено написать статью для 1-го тома “Краткой литературной энциклопедии”). Как вспоминал Гачев, “Вадим Кожин среди нас впервые упомянул имя Бахтина. Помню: тогда принесли к нам в сектор теории словник новой Литературной энциклопедии. И, обозревая именной

указатель: “А почему нет Бахтина?” – задал вопрос Кожинов”. По сути, сам автор письма и вызвал написать статью для соответствующего тома.

Он и на этом не остановился. “. . . Не имеете ли Вы желания предложить какую-либо статью для журнала “Вопросы литературы”, с которым мы тесно связаны? Это, в частности, могла бы быть Ваша работа о сатире (для невышедшего тома “Литературной энциклопедии” 1929–1939 г<одов>), которую мы пока тщетно здесь разыскиваем. Если Вы согласны что-нибудь сделать для журнала, можно было бы прислать Вам официальное предложение от редакции. . .”

О, та “Литературная энциклопедия” была зачитана ими до дыр, включая, естественно, и статьи их нынешних коллег по Институту. Но бахтинскую “Сатиру” они так и не нашли (она будет найдена и опубликована лишь в 1990-е). . . Кожинов уже сейчас стремился сделать Бахтина активным участником современной литературной жизни.

Ответ патриарха не заставил себя ждать.

“Дорогие друзья! . .

Конечно, нечего и говорить о том, как обрадовало меня Ваше прекрасное письмо. Оно укрепило мои надежды на молодое поколение наших литературоведов, то есть на Ваше поколение, и подтвердило сделанное мною ранее наблюдения.

Со всеми Вами, написавшими мне письмо, я давно знаком по опубликованным Вами работам; они привлекли меня своим стилем мысли, который резко выделяется на общем фоне нашего литературоведения. Особенно высоко я ценю статью В. В. Кожинова “Художественное творчество как мышление в образах”, опубликованную год тому назад. Сейчас я с новым интересом и любовью перечитываю Ваши работы в “Вопросах литературы”. Мне хотелось бы поделиться с Вами некоторыми мыслями по темам, Вас интересующим, хотелось бы рассказать и о своих работах последних лет. У меня самое горячее желание поближе познакомиться с Вами. . .

Теперь о предполагаемой статье для “Лит. Энциклопедии”. Помещение такой статьи обо мне выглядело бы неоправданным и даже странным, так как опубликованные мои работы не дают для этого достаточных оснований, а то, что по тем или другим причинам находится под спудом, вообще не подлежит обсуждению.

Что же касается до статьи для “Вопросов литературы”, то я подумаю об этом, постараюсь подыскать у себя подходящий материал и напишу Вам. . .”

Диалог завязался в зеркальном отражении. Кожинов пишет о всемирном культурном значении мысли поколения Бахтина. Бахтин – о стиле мысли “молодого поколения”, который “резко выделяется на общем фоне нашего литературоведения”. На извинительное утверждение молодых, что они “ещё ничего не сделали”, отвечает: сделали! Уже сделали. И выделяет именно кожиновскую статью. А о своих работах – дескать, “не дают достаточных оснований” для энциклопедической статьи. И в то же время – согласен “подыскать подходящий материал”, очевидно, среди тех, которые “находятся под спудом и вообще не подлежат обсуждению”. Уже одна эта фраза должна была безумно заинтриговать молодёжь, которая не могла не прочесть по-своему: есть нечто такое, что необходимо явить современному читателю, то, что ранее было явить невозможно.

В ответ Бахтину снова отправляется коллективное послание, написанное опять-таки лично Кожиновым:

“Дорогой Михаил Михайлович!

Были счастливы получить Ваш ответ: он немедленно дошёл до всех пятерых в виде телефонограммы. Каждое Ваше слово нас очень радует – и даже сам почерк, который мы знаем по поправкам к машинописи “Франсуа Рабле в истории реализма”.

Но в одном мы никак не можем согласиться с Вами. Ваше имя должно быть в “Литературной энциклопедии”. Вы говорите о “неоправданности” этого. По-видимому, есть два рода “оправданий”, два критерия, которые действительно при составлении энциклопедий: шумная деятельность определённого лица и, с другой стороны, создание бесспорных и непреходящих ценностей. И со второй точки зрения в нашем литературоведении найдётся менее десятка людей, имеющих более или менее равные права с Вами (если учитывать только одну Вашу книгу о Достоевском). Статьи о них уже набраны или набираются. Кстати, например, С. М. Бонди принадлежит одна тоненькая книжечка,

а у О. М. Брика, совершившего принципиально важное открытие “звуковых повторов”, вообще нет книг”.

Симптоматична здесь “постановка” Бонди и Брика на один значимый уровень, что показывает “всеохватность” кожиновского материала, который он тогда использовал в своей работе. В то же время не лишена рационального зерна догадка, что Брик здесь соответствует “шумной деятельности определённого лица”, тогда как любимый университетский учитель Кожинова Бонди – созданию “бесспорных и непреходящих ценностей”... Но это – попутно. Существеннее другое: Вадим гораздо выше оценивает в этом письме труды своих друзей, чем собственный.

“... Хочется только заметить, что статья “Художественное творчество как мышление в образах”, подобно всякому полемическому “манифесту”, не очень богата смыслом. Гораздо содержательнее статьи С. Г. Бочарова о Толстом и Горьком и статья В. Д. Сквозникова о Блоке и Маяковском – они помещены в сборнике под бравурным названием “Социалистический реализм и классическое наследие (проблема характера)”... Это, как кажется, серьёзные вещи...”

Статья о Бахтине появилась в 1-м томе Краткой литературной энциклопедии в 1962 году. Появилась анонимно (по неизвестным и доселе не понятным причинам). Авторство Кожинова долгое время оставалось не выявленным.

* * *

Несколько дальнейших лет жизни Кожинова были преимущественно посвящены “извлечению Бахтина из небытия”, а именно пробиванию и изданию его книг – “Проблемы творчества Достоевского” и “Франсуа Рабле в истории реализма”.

В одной из своих последних работ (увы, опубликованной уже посмертно) Кожинов счёл необходимым специально подчеркнуть: “Истинные смысл и цель бахтинского творчества стали так или иначе сознаваться лишь сравнительно недавно, однако “предощущение” исключительной глубины и универсальности его “философии-филологии” легло в основу складывавшегося с начала 1960-х годов своего рода “культа” Бахтина... Заново складывавшийся с 1960 года “культ” поначалу объединял очень немногих людей тогдашнего молодого поколения, но их круг непрерывно расширялся, и именно в русле и “на волне” этого “культа” было осуществлено в 1963 году издание “Проблем поэтики Достоевского” и в 1965-м – “Творчества Франсуа Рабле...”

Поначалу этот “культ” складывался именно вокруг бахтинских сочинений, в которых молодые люди увидели не просто филологические открытия – они увидели другой мир, другие человеческие измерения. Дмитрий Урнов, совсем молодой сотрудник ИМЛИ и также выпускник филологического факультета МГУ, вспоминал, как Кожинов буквально силой толкал его в архив Института: “Иди и читай!” Урнов шёл, читал и потом признавался, что с первых страниц диссертации, посвящённой Рабле, у него “закружилась голова”...

Было от чего закружиться. Много позже, в одной из своих последних статей, подводящей определённый итог личному “бахтиноведению”, Кожинов сформулировал то, что он и его друзья увидели уже в начале 1960-х: “... В творчестве Бахтина нет никакой границы между философией и филологией, ибо бытие постигается здесь в качестве непосредственно “говорящего”, либо, по крайней мере, “чреватого словом”... Книга о Достоевском претендует вроде бы только на изучение и осмысление проблемы “герой и художественный мир романа”, но не проблемы бытия человеческой личности в реальном современном мире (именно таково, в конечном счёте, содержание книги), а книга о Рабле – на постижение образа народа в контексте художественного воссоздания карнавальных ситуаций, но не самого феномена “народ” в масштабах “Большого времени”, то есть Истории в целом (что, несомненно, содержится в книге)”.

Именно о “феномене” народа (на основе карнавала) читал Кожинов в бахтинском исследовании:

“Все карнавальные формы последовательно внецерковны и внерелигиозны. Они принадлежат к совершенно иной сфере бытия...” Карнавал существ-

уует “на границе искусства и самой жизни... В карнавале – живут. Он – все-народен... .

Он носит “вселенский характер. Это особое состояние всего мира... реальная (но временная) форма самой жизни... .

Реальная форма жизни является здесь одновременно и её врождённой идеальной формой... В карнавале сама жизнь играет, а игра на время становится самой жизнью”. Ибо “карнавал – праздничная жизнь народа”. А “празднества связаны с кризисными, переломными моментами в жизни природы и человека”.

Словно о живой современности. Кажется, что на перелом истории в 1953–1956 годах ответил карнавал 1957 года (Всемирный фестиваль молодежи и студентов) на улицах Москвы, когда Кожин, принимавший участие в общем веселии, даже привёл в отцовский дом чернокожего студента с Ямайки, – “к ужасу моих родителей”, как вспоминал Алексей Пузицкий... Очень уж прочитанное ложится на нынешний день, но эта поверхностная “накладка” без остатка растворяется в дальнейшем.

“Карнавальная пародия очень далека от чисто отрицательной и формальной пародии нового времени: отрицая, карнавальная пародия одновременно возрождает и обновляет. Голое отрицание вообще совершенно чуждо народной культуре”, потому что “смех универсален и направлен на всё и на всех (в том числе и на самих участников карнавала)... смех амбивалентен: он и отрицает, и утверждает, и хоронит, и возрождает. Народ – тоже не завершён, тоже, умирая, рождается и обновляется...”

Совершенно иное мироотношение раскрывалось перед молодыми людьми – в бесконечности Большого Времени. И в этом контексте обнаруживала всю свою межумочность и узость сатира более поздних эпох.

“Чистый сатирик, знающий только отрицательный смех, ставит себя вне осмысливаемого явления. Фамильярный контакт в современном быту очень далёк от вольного фамильярного контакта на народной карнавальном площади. Ему не хватает главного: всенародности, праздничности, утопического осмысления, мирозерцательной глубины... Явления эти мерились не своей мерою, а чуждой им моралью нового времени. Их модернизировали и потому давали им неверное истолкование и оценку...”

Носителем материально-телесного начала... является... не обособленная биологическая особь и не буржуазный эгоистический индивид, а народ, причём народ в своём развитии, вечно растущий и развивающийся. Все проявления... отнесены не к этому эгоистическому “экономическому” человеку – к народному, коллективному родовому телу...” И этот мир, открытый Бахтиным не только в Рабле, но и во всех высших проявлениях литературы Возрождения, противостоит “буржуазной концепции готового и распылённого бытия”. Образы этого мира “уродливы, чудовищны и безобразны с точки зрения... эстетики готового, растворённого бытия”. Это же относится и к “сниженному” лексическому пласту в романе Рабле: “От амбивалентного возрождающего смысла в современных ругательствах почти ничего не осталось, кроме голого отрицания, чистого цинизма и оскорбления”.

Бахтин подчёркивал: “... Мы вовсе не утверждаем преимущества одного канона над другим, а устанавливаем только существенные различия между ними”. Этот подход к различным явлениям как литературы, так и истории станет определяющим для Кожина. Он прочитывает Бахтина в унисон с бахтинским прочтыванием Рабле – и следующая мысль в его восприятии уже соотносима не с литературным материалом, а с образом самого автора уникального исследования: в романе Рабле “страх уничтожен в самом зародыше и всё обернулось весельем. Это самое бесстрашное произведение мировой литературы... Существующий мир оказывается вдруг чужим – именно потому, что раскрывается возможность подлинно родного мира золотого века, карнавальная правда. Человек возвращается к себе самому... Утопический момент разыгрывается и переживается всем человеком, цельным человеком – и мыслью, и чувством, и телом”.

Труд Бахтина читается, как самое бесстрашное произведение в истории литературы. Во всяком случае – в XX столетии.

“В гротеске смерть входит в целое жизни как её необходимый момент, как условие её постоянного обновления и омоложения... Мир, где противопос-

тавлены жизнь и смерть, и мир, где сопоставлены рождение и могила, — это два совершенно разных мира”.

Мир, где “сопоставлены рождение и могила”, — это мир, в котором нет смерти как небытия.

“Один раз в истории, — подчёркивает Бахтин, — на 50-60 лет смех в его весёлой форме прорвался в большую литературу и высокую идеологию — “Декамерон”, Рабле, Сервантес, Шекспир”. Далее наступает эпоха совершенно превратного понимания этого явления. “Современники понимали как явления единого большого стиля то, что люди XVII и XVIII веков стали воспринимать как странную индивидуальную идиосинкразию Рабле или какой-то шифр, криптограмму, заключающую в себе систему намёков на определённые события и на определённых лиц”.

И видно было тем более, что пишет исследователь о XX веке — веке разъятого бытия, веке расчеловеченного, дисгармоничного человека. Более того, он словно заглядывает за пределы своей эпохи и отмеренного себе века, ибо уже через полтора-два десятка лет в его книге станут искать именно “шифр” и “криптограмму”... Впрочем, к этому мы ещё вернёмся.

25 декабря 1960 года Кожинов пишет новое письмо — опять от имени всей “пятёрки”. Он снова подчёркивает, что в “Вопросах литературы” ждуть статью Бахтина “на какую-либо тему теоретического характера” (надо полагать — он со своей неумёной молодой энергией буквально допёк на эту тему своих сослуживцев в ИМЛИ, среди которых — наиболее заслуженных — были и члены редколлегии означенного журнала). Далее сообщает о ещё одном своём начинании — с привлечением новых “союзников”: “Мы — и не только мы, но также Л. Е. Пинский, Д. Е. Михальчи и Е. М. Евнина — считаем, что Ваш труд о Рабле должен быть как можно скорее издан”. И далее касается чрезвычайно интересного и скользкого вопроса, который станет предметом ожесточённой печатной полемики спустя несколько десятилетий.

“Ещё один чисто личный вопрос. Я (то есть Кожинов) пишу теоретическую работу о художественной речи (для нашей “Теории литературы”). В связи с этим мне очень интересно было бы узнать Ваше мнение о двух работах, посвящённых одинаковым проблемам. Это давно ценимые мной книги: В. Волошинов. “Марксизм и философия языка” и П. Медведев. “Формальный метод в литературоведении” (последняя книга заставила меня даже восхвалить другие, значительно менее интересные работы Медведева — “В лаборатории писателя” и статьи о Блоке — в моей статье, помещённой в журнале “Знамя” № 11 за 1960 г.). Замечу, что В. В. Виноградов (общезвестный академик) в статье, помещённой в “Вопросах литературы” № 5 за 1960 <год>, указал на совпадение теории художественной речи в этих двух книгах и в Вашей книге о Достоевском. И, по-моему, это небезосновательно. Михаил Михайлович, знаете ли Вы эти книги и как Вы относитесь к ним? Мне было бы интересно хотя бы очень короткое Ваше суждение об этом. Кстати, книга “Формальный метод в литературоведении” высоко оценена в статье хорошего человека В. Турбина (“Вопросы литературы” № 10 за 1959 — там же напечатана программная статья моего коллеги Петра Палиевского — в № 11). Простите, что беспокою Вас этими мелочами...”

Далее следовал текст, адресованный в “Дирекцию Института мировой литературы” за подписями Евниной (авторши довоенной книги о Франсуа Рабле), Бочарова, Гачева и Кожинова с просьбой “оказать поддержку и содействие в деле редактирования и издания труда М. М. Бахтина”.

Что касается Владимира Турбина, то именно Кожинов в это время натолкнул его на мысль, что автор “Формального метода...” и “Проблем творчества Достоевского” — одно и то же лицо. Сообщал ему это Кожинов, вероятно, с наслаждением от собственного открытия и с явным желанием этим открытием поразить (в нём до последних лет сохранялся этот чисто юношеский позыв — удивить, шокировать, опрокинуть, заставить вдуматься в открытое им...).

“В. Н. Волошинов и П. Н. Медведев, — отвечал Кожинову Бахтин, — мои покойные друзья; в период создания этих книг мы работали в самом тесном творческом контакте. Более того, в основу этих книг и моей работы о Достоевском положена общая концепция языка и речевого произведения... Должен заметить, что наличие общей концепции и контакта в работе не снижает самостоятельности и оригинальности каждой из этих книг. Что касается до других

работ П. М. и В. В., то они лежат в иной плоскости и не отражают общей концепции, и в создании их я никакого участия не принимал”.

Кожин, читая это, лишь утверждался в своей первоначальной догадке, что подлинным автором названных книг является именно Михаил Бахтин.

Он послал Михаилу Михайловичу свою книжку “Виды искусства”. “Это книжка сугубо популярная со всеми вытекающими отсюда последствиями, — писал Кожин. — Если соберётесь когда-нибудь её полистать — не судите слишком строго. Сейчас я закончил более или менее серьёзный опус, основанный на защищённой в 58 году диссертации — “Происхождение романа в европейской литературе”. Это теоретико-историческое рассуждение (почти на 20 листах) о возникновении романа в собственном, современном смысле... Ужасно хотелось бы услышать Ваши замечания, — но, увы, я хорошо понимаю, что у Вас не найдётся времени читать этот фолиант — да ещё в машинописи...”

Кожин, видимо, ещё сомневался — посылать ли Бахтину своё “Происхождение романа...” Но Бахтин внимательно читал всё, что присылал ему его молодой читатель. Он прислал ему письмо с высокой оценкой прочитанного. И Кожин решил.

“Спасибо за Ваши добрые слова о моей книжке. Я-то, по правде сказать, ужасно ей недоволен. По мере перехода из машинописи в вёрстку и, наконец, в книжку работа катастрофически падала в моих глазах. Может быть, это закон? Вообще-то я писал её как подготовительную работу к более серьёзному рассуждению о литературе как искусстве слова. У нас ведь литература в 99% случаев изучается как некая ипостась научно-философско-публицистических очерков. Мне хочется более или менее неопровержимо показать, что главное и непреходящее в литературе — всё же именно искусство, в принципе однородное всюду — и танце, и в живописи, и в магии киноэкрана. Но это позже, когда я сам буду посерьёзнее.

Хотя мне всё же очень неловко *душить Вас трагедией* (то бишь моим пухлым сочинением), посылаю Вам мой “Роман...” — радуясь и одновременно трепеща...

Буду с волнением ждать Вашего, хотя бы очень лаконичного отзыва. У меня есть ещё возможность переделать слабые места (если, конечно, работа не является сплошным слабым местом). Я совсем не понимаю сейчас — хорошая она или дурная. Мне мерещится то так, то этак...”

Не прошло и месяца, как пришёл ответ Бахтина:

“Дорогой Вадим Валерианович!

...Прежде всего мне хочется поблагодарить Вас... за то высокое наслаждение, которое мне доставило чтение Вашей книги, такой свежей, покорительно талантливой и одновременно такой научно зрелой. Из известных мне работ о романе Ваша книга представляется мне лучшей.

Поражает её научная и художественная цельность. Книга сделана из одного куска. Всё в ней пронизано глубокой и оригинальной мыслью... По своей цельности и внутренней завершенности эта книга скорее эпична, чем романна. Поэтому Вашу книгу нельзя трогать. Оберегайте её всеми силами от вторжения чужих мыслей и соображений (редакторских, рецензентских и пр.) Не трогайте её и сами... Известная неудовлетворённость и желание улучшить и дополнить пригодятся Вам для последующих работ, а эту необходимо провести нетруной “сквозь всякие инстанции” и рогатки.

В Вашей книге (как и в других известных мне Ваших работах) есть редкое сочетание строгой научности мышления с настоящим пониманием искусства и художественным вкусом...

Вы сохранили при определении романа — в качестве основного — понятие “частной жизни”, но Вы раскрыли в нём несравненно более глубокое, богатое и дифференцированное содержание, чем все Ваши предшественники. Но главное то, что Вам удалось перевести это понятие из плана содержания в план формы и вывести из него с огромной убедительностью основные формально-содержательные особенности романного жанра, не обедняя и не упрощая их... Многие Ваши мысли, например, мысль о воссоздании (а не изображении) саморазвивающейся жизни (“угадывание замысла Бога”) поражают своей глубиной и плодотворностью...”

Бахтин “вчитывает” в кожинский текст своё, заветное (“угадывание замысла Бога”), видя в нём перспективу, где его мысль (бесцензурная)

встречается с кожиновской (подцензурной) — как он это понимает — и, конечно, наученный собственный горьким опытом, закладывает молодого литературоведа оградить свой текст от всяких посягательств... Он видит в Кожинове достойного собеседника и продолжает с ним свой диалог, отмечая то, что он хотел бы видеть в этой перспективе.

“У меня есть, конечно, и некоторые несогласия с отдельными моментами Вашей книги, но они не задевают её существа и в известной мере выходят за её пределы...”

1. Вы начинаете историю романа только с того момента, когда роман становится самим собою и почти полностью раскрывает своё жанровое своеобразие (со второй половины 16 века)... Но именно в свете Вашей концепции, оглядываясь назад, нельзя, как мне кажется, не найти элементов, задатков, зародышей (временами довольно развитых) будущего романа и на античной, и на средневековой почве... Например, на античной почве мы находим целую группу жанров, которую сами греки называли областью “серьёзно-смешного”. Само название звучит очень романно. В эту область древние относили ряд средних жанров: жанр сократического диалога, обширную литературу софистов, мемуарную литературу, “мениппову сатиру” и др. ... Здесь вырабатывалась особая (новая) зона построения художественного образа, зона контакта с незавершенной современностью (осознанный отказ от эпической и трагической дистанции) и новые типы профанного и фамильярного слова, по-особому относящегося к предмету. Здесь начинает формироваться и особый тип почти романного диалога, принципиально отличного от трагического и комического (такой диалог можно кончить, но не завершить, как не завершимы и люди, его ведущие). Здесь возникает и почти романный образ человека (не эпический, не трагический и не комический) — образ Сократа, Диогена, Мениппа. Эпическая память и предание начинают уступать место личному опыту (даже своеобразному эксперименту) и вымыслу... Мне кажется, что с точки зрения Вашей концепции романа можно найти романские элементы и тенденции во многих явлениях средневековой литературы... Определённое жизненное содержание, новое бытие человека не могли бы отлиться в форму нового литературного жанра без предварительной подготовки в самой литературе таких элементов, на которые новое бытие человека могло бы опереться для своего литературного выражения...

2. Второе моё замечание касается языка и, в сущности, почти повторяет первое. В основе романного языка лежит совершенно новое ощущение слова как художественного материала, новая позиция этого слова по отношению к предмету изображения, к самому автору и к читателю. Роман изображает не просто человека и его жизнь, но существенно говорящего человека и разноречиво говорящую жизнь. Слово здесь не только средство изображения, но одновременно и предмет изображения. Изображающее и изображённое слово вступают в очень сложные взаимоотношения друг с другом (невозможные в такой форме в дороманном эпосе)...

По сути, это был переворот не только в теории жанра, но и вообще в осмыслении человеческого бытия... Письмо произвело на Кожинова не меньшее влияние, чем тексты бахтинских книг. Он ещё не знал, что Бахтин составил список куда более серьёзных претензий к “Происхождению романа...” под черновым заголовком “Роман”. В частности, одно из “замечаний”, прямо обращённых к Кожинову, было буквально следующее: “Вы даёте замечательную характеристику одной из линий романного жанра (объединяющей несколько разновидностей), но не романному жанру как таковому”... Но это и не обязательно было читать тогда. В бахтинском письме раскрывались такие перспективы исследования взаимоотношений художественного слова с жизнью (с отталкиванием от кожиновского труда), о каких молодой исследователь мог только мечтать.

Окончательную редакцию книги “Происхождение романа” Вадим Валерианович завершил за три месяца, особо не заботясь о её дальнейшей судьбе (все дальнейшие процедуры издания книги в “Советском писателе” проходили без его участия). И последовавшие за изданием вполне положительные рецензии он оставил, практически, без внимания. Более того, его сверхзадача на ближайшие годы была обозначена: во что бы то ни стало пробить переиздание “Проблем творчества Достоевского” и издать “Творчество Франсуа Рабле”.

(Продолжение следует)

ЕВГЕНИЯ СПАСКАЯ

“Я БУДУ ТЕБЯ ЖДАТЬ...”

15 января 2020 года исполнилось 95 лет со дня рождения прекрасного русского писателя, лауреата Государственной премии и многих литературных премий, награждённого 26-ю орденами и медалями, ветерана войны, Героя Социалистического Труда, члена Академии Российской словесности, Почётного гражданина г. Курска Евгения Ивановича Носова. Его друг, писатель Виктор Астафьев, назвал его первым рассказчиком России. А другой прозаик, Виктор Политов, сказал, что повесть “Усвятские шлемоносцы” (она вместе с широко известным рассказом “Красное вино победы” вошла в многотомник “Шедевры русской литературы XX века”) — это наши святцы, её надо издать в переплёте с золотыми застёжками... Язык Мастера называют златотканым, парчой высокой пробы. Своим учителем в литературе его считают многие писатели России.

Произведения Е. И. Носова печатались миллионными тиражами, по ним ставились кинофильмы и спектакли, делались инсценировки на радио. Они изучаются в школе, по ним пишут дипломные работы студенты, по ним защищают диссертации.

В 1970–1980-е годы его переводили во многих странах на языки народов мира — немецкий, английский, японский, венгерский и др. Легче назвать страну, где не было таких переводов. Его творчество интересно любому народу, потому что касается тем, предельно близких любому человеку, — это добро и зло, война и мир, труд на земле, любовь к природе и родному краю, душа человека, его чувства и мысли, мир детства, трогательный мир “братьев наших меньших” — зверей и птиц. Его страницы наполнены светом, добротой, они учат радоваться жизни и преодолевать трудные её моменты.

Широко известны рассказы и повести писателя: “Шумит луговая овсяница...”, “За долами, за лесами...”, “Храм Афродиты”, “Потрава”, “Домой, за матерью” и др. В 1980–1990-е годы им создано много новых произведений, которые ещё не очень широко известны читателю и не переводились за рубежом. Это “Аз-буки...”, “Кто такие?..”, “Красное, жёлтое, зелёное...”, “Греческий хлеб” — о детстве; “Тёмная вода”, “Карманный фонарик”, “Алюминиевое солнце” — о жизни деревни; “Памятная медаль”, “Хутор Белоглин”, “Синее перо Ватолина”, “Фагот” — о войне и др. Очень бы хотелось, чтобы не только российские читатели, но и жители зарубежных стран узнали и полюбили эти произведения.

Начинаю свои записи в очень трудное для себя время, когда жизнь вдруг стала терять смысл, когда душа захолодела, когда сердце вдруг стало всего

бояться и вздрагивать даже не от какого-либо события, а лишь от его предощущения. Теперешнее состояние и навело меня на уход от сомнений — писать или не писать воспоминания о самых счастливых моих годах. Может быть, кто-нибудь, прочитав мои страницы, поймёт, насколько трудно быть счастливым и насколько это... просто и легко. И сам сумеет прийти к счастью.

Минуло 17 лет со времени ухода Евгения Ивановича Носова... Боль от потери не ушла, она постоянно обжигает душу невозможностью его возвращения. Самой уже за 70, а всё не могу понять — вот же та скамья, на которой мы рассматривали фотографии по фильму “Родник”, вот ещё уцелевшие домики на курских улицах, которые мы так любили фотографировать, берёзы у его дома на Красноармейской, где он бегал мальчишкой... А его самого нет. Улыбается с фотографий, говорит с экрана со студентами, но экран гаснет — и пустота. Конечно, спасают его страницы. Читаешь — и будто снова с ним говоришь, слушаешь его удивительно тёплый, добрый голос, в котором чувствуется неуходящая сердечность, желание понять, почувствовать собеседника. “Так и не поговорили...” — его фраза, которую я уже где-то приводила. Она звучала почти всегда, когда к вечеру завершалось наше очередное путешествие по лугам, лесам и речкам, ставшим нам родным домом.

Я приведу здесь свои горестные записи, которые в каком-то беспамятстве делала на работе, сидя в музее у подоконника, когда прибегала от закрытой двери в реанимации областной больницы. Мне кажется, после них любой человек поверит в искренность чувств, которые мне, по-видимому, были даны свыше и которые сделали меня счастливейшим человеком на 20 лет рядом с ним и, несмотря на горечь утраты, вот уже на 17 лет после его ухода. Хотя это и не уход вовсе, а, наверное, переселение его души в мою, настолько они были одинаковыми. “Наши души, увы, не привыкли к разлукам...” — писала Цветаева. Так и у нас. А потому я продолжаю жить его миром, его радостями, его творчеством. Дороже у меня ничего нет, и мне неизменно хочется дарить его мир другим... Отсюда — книги, передачи, беседы, вся работа, которой просто не может не быть, и её не может быть много, в чём меня нередко упрекают. Просто его мир так богат и так много может ещё дать людям, большим и маленьким, что этот мир, как костерок, надо поддерживать, чтобы тепло от него не давало душам людским зазябнуть.

Эти строчки были написаны в страшные часы отчаяния и безысходности. Позже, в годовщину ухода Евгения Ивановича, хотелось ими поделиться, чтобы ещё сильнее почувствовали те, кому он был дорог, всю тяжесть этого ухода. Но его сын, Женя, отговорил меня: “Это личное...” Я тогда согласилась. Скажу сразу, что Жене я очень благодарна за понимание, сочувствие, поддержку — сдержанную, строгую. Он очень помог мне выстоять и многое сделать для памяти прекрасного Писателя и Человека. И ещё — его Татьяне, которая в минуты прощания посадила меня рядом с собой у гроба... И я могла ещё побыть рядом с самым дорогим человеком.

“Я буду тебя ждать...”

Это были последние слова, которые я услышала от Евгения Ивановича, когда уходила из больничной палаты в тот тоже ставший последним день. Тогда, казалось бы, ничто не предвещало несчастья. Накануне ему стало худо, но он, как и всегда, перемогался, старался выстоять сам, победить боль и никак не соглашался ехать в больницу. Мы всё же уговорили его, это была пятница, он всячески старался убедить доктора “скорой помощи” подождать до понедельника. Но по дороге к дому, ещё в машине, я просила врача ни в коем случае не соглашаться с ним. И начались сборы. Его старенький аэрофлотский чемоданчик побывал с ним во всех больничных передрыгах и каждый раз возвращался домой вместе с хозяином, несомый его большой, сильной рукой. Он две недели дожидался своего друга в ординаторской, но так и не смог дождаться, и за ним пришли другие. Но это — через мучительные две недели.

В чемоданчик сложили всё, как обычно: транзисторный приёмник, кипятильник, книжку о насекомых, которую Евгений Иванович листал дома — он ведь всегда был дружен с миром, населённым большими и маленькими живыми существами: вспомните его “Алюминиевое солнце”, “Белого гуся”, “Жанниха”. Положили мы и запас подсоленных сухариков и галетного печенья — это всегда выручало при обострении болезни. Евгений Иванович держался

молодцом – шутил с врачами, помогал находить нужные вещи, а боль, конечно же, жгла изнутри. Лифт с пятого этажа довёз только до третьего, дальше пришлось идти по ступенькам. И он достаточно твёрдо, не охая и не держась за стену, спустился вниз. Так же стойко перенёс и длинную тряскую дорогу до областной больницы. По дороге пошутил: “И всё-таки, Заяц, я не прошу тебе твоего коварства...” (Ещё до “скорой” я позвонила главврачу А. М. Чухраёву, сообщила, что мы скоро приедем). Но это не было обидно, ведь тогда я так надеялась на то, что помогаю облегчить его страдания.

Встретили нас сразу несколько докторов. Они подбадривали Евгения Ивановича, а он – их, сразу же сделали УЗИ, обрадовались, что поджелудочная в порядке, а потом на лифте поднялись в палату. И почти сразу к нам пришла Галина Николаевна Бондарева, которая и в прежние годы лечила Евгения Ивановича. Миниатюрная, энергичная, всегда улыбчивая, спокойная, уютная и одновременно строгая, знающая, надёжная. Евгений Иванович очень обрадовался ей, обнял, назвал малышкой. Она долго осматривала его, записывала историю болезни, он обо всём рассказывал. Как и всегда, очень образно, красочно, как она сказала – художественно... Что-то вспоминалось из молодых лет, из казахстанской жизни. Потом был рентген, капельница – почти три часа – иглу присоединили к веночке на тыльной стороне ладони, ему было неловко лежать так, но если бы мы знали тогда, что его ждёт впереди почти две недели такого лежания и неподвижности, то есть почти 300 страшных часов!

После капельницы он облегчённо вздохнул, решили, что “обживаться” в палате будем завтра, и в 6 вечера я, почти спокойная, ушла, оставив его подремать. А на следующий день... открыла дверь палаты, и наступил шок: кровать пуста, на полу – тапочки, на стуле – сложенная одежда. На автомате помчалась в ординаторскую, и Галина Николаевна рассказала мне об этой страшной ночи. Первое, конечно, что вырвалось у меня: “Он жив?!..” – “Жив...” – но глаза печально-серьёзные, надежды в них не было. Около часа ночи Евгений Иванович позвал сестру и сам сказал: “У меня прободение язвы...” Было совсем худо, стали готовить операционную, из дома приехал Геннадий Алексеевич Бондарев. Язва была очень большая, её ушили, резекцию делать не стали. И до последнего дня Евгений Иванович находился в реанимации. До 10 июня боролись беда и надежда, верилось, что он – человек сильный, мужественный, терпеливый. Выдюжит, выстоит. Удивительное совпадение – на работе мне попался журнал с крупным, броским заголовком о каком-то другом человеке с такой же фамилией: “Носов выстоял, Носов выстоит!” И сердце встрепенулось радостно. И вдруг – известие о второй операции. Была она после 16 часов 10-го, узнала я об этом поздно вечером, а где-то часов в 17 меня ужалила оса, как будто знак о его боли во время этой операции.

Всё сразу обрушилось, последние тонкие льдинки ушли из-под ног. И всё же врачи говорили: не всё так плохо, может быть, выкарабкаемся.

Пытаюсь представить эти 10 дней до второй операции, когда человек был уже в сознании, и хотя лекарства, капельницы, дыхательные аппараты – всё это перемежало сознание с моментами небытия, он ощущал себя, реагировал на голоса, глазами отвечал на вопросы. Господи, о чём же были его мысли, что вспоминалось, что ощущалось? Не было рядом никого из близких. Ни на минуту не разрешили прийти и побыть рядом, боясь ухудшения. Я приносила лекарства, в оцепенении стояла у дверей, почти рядом с ним. И полное бессилие – не поможешь, не поддержишь. А меня тогда поддерживала доктор Татьяна Львовна Малютина. Она и раньше консультировала Евгения Ивановича, когда он лежал на лечении, забегала просто в гости, приносила цветы, фрукты, хорошие книги. Мы троём часто и много говорили о Бунине, всеми троими любимом. Даже мечтали о совместной поездке в Елец – незадолго до этого безвременья, 25 мая, мы встретили её в парке. Обрадовались друг другу, сфотографировались вместе. И она сказала примерно такие слова: “Евгений Иванович, помните, Вы – наше всё! Мы Вас очень любим!” Посетовала, что он не хочет лечь в больницу, подлечиться. И вот... Конечно, все доктора, и Татьяна Львовна тоже, очень многое сделали для того, чтобы спасти Евгения Ивановича. Но мужская оценка его положения была жёстче. Татьяна Львовна старалась как-то подбодрить меня, утешить, и это прибавляло силы и надежды. Но вот и она не справилась, последний её звонок 12 июня:

“Евгения Дмитриевна, в 17 часов 10 минут Евгений Иванович умер...” И с двух концов телефонного провода наши с ней рыдания.

Сразу разрешили проститься. Как донесли ноги до больницы и как бежала туда — не помню. Как горестная завеса перед душой и перед глазами...

У входа в больницу опять не пропустили, пришлось идти, как сквозь строй, через вестибюль с посетителями и путаться в длинных коридорах. Проплакала у двери, пока не позвали Татьяну Львовну. Прогрохотала рядом обитая железом каталка.

Измученное болью лицо, такое родное, такое близкое. Серебряные волосы... Руки его были ещё тёплые... Сколько умели они, сколько натрудились за все его годы, сколько прекрасных страниц было ими написано! И всё, и ничего не изменишь. Горше минут, кроме смерти мамы, у меня не было в жизни.

С Татьяной Львовной проводили Евгения Ивановича до страшного серого здания морга. Как вернулась домой, куда ушли эти бессознательные часы — не помню. Звонил телефон, кому-то отвечала, с кем-то вместе плакала, ночь без сна и без мыслей — сердце вынута, душа опустела... Куда себя деть? Спас в те минуты хороший человек, учительница из 58-й школы, Марина Николаевна Перелыгина, с которой мы подружились, проводили вместе уроки по творчеству Евгения Ивановича, делились каждый своим. Позвонила она: “Я сейчас приеду”. Сидели на скамейке у дома, плакали, говорили о нём, было тихо, потом поднялся сильный ветер, деревья зашумели, словно в природе родился протест против этой смерти. А потом — дождь. Природа плакала по своему большому другу...

Утром в морге я простилась с Евгением Ивановичем. Положила в нагрудный кармашек маленькую веточку полыни. Мы часто вдыхали вместе её горький, а для нас такой родной запах, и говорили при этом: “Бобренёво...” Наше общее волшебное слово... Там находится монастырь, возле которого (под Колодной) прошли мои детские годы. В 1983 году мы вместе ездили туда, и надо было видеть, как бережно отнёсся к этой поездке Евгений Иванович, какими добрыми и одновременно горестными глазами он смотрел и на мой дом — старенький, обветшавший — когда-то там была школа, где учительствовал мой дед, и на развалины монастыря, поросшие травой (теперь, правда, монастырь восстановлен и действует). Тогда мы много снимали родные мне места, одну из фотографий Евгений Иванович сделал так, что я и не видела: стою в слезах у забора, смотрю на родные окошки. А потом мой дорогой Мастер нарисовал картинку по фотографии: весь наш монастырь, дорога к нему, и стою на ней я, тогда счастливейшая из всех, кто когда-то любил.

Возле теперешнего моего дома — целые рощи полыни, и я каждое утро душой обжигаюсь об неё... А на девятый день со дня этой самой страшной смерти я вышла из дома — и плеснул в самое сердце яркой, свежей голубишной цикорий, который мы тоже столько снимали, и потом Евгений Иванович осторожными прикосновениями к фотобумаге чуть оживлял краской эти нежные цветочки, делал их ярче, добавлял голубизны. И снова горечь. Мелькнут в телевизоре берёзы или сосны, похожие на наши, или нависшие над речной водой ракиты — и сердце падает куда-то в небытие. Такой холод внутри, такая пустота, что, кажется, нет и тебя на этом свете... А лучше бы и не было. Выдержит ли сердце эту горькую разлуку? Так одиноко, так тяжело стало ходить по этой опустевшей земле... “Я буду тебя ждать...”

И вот минуло 17 лет... Без Мастера и — с ним рядом, с ним в душе и памяти. Возвращаюсь в те счастливейшие годы.

После второго моего визита к Евгению Ивановичу за экспонатами для музея я оказалась на встрече с ним в Доме политпросвета. Тогда вышел кинофильм “Родник” по “Усвятским шлемоносцам”, был его просмотр, а в начале за кадром звучали строчки из “Овсяницы”. Писатель выступал, отвечал на вопросы, как всегда, интересно, неспешно. Спускаюсь в раздевалку — он рядом с Г. В. Наумовой, секретарём горкома. Она предлагает ему машину, хотя до его дома всего два квартала. Он отнекивается, а увидев меня, говорит: “А вот Женечка меня проводит”. Я обомлела... Галина Васильевна: “Правда, проводите? — Ну, конечно!”

Мы вышли и... пошли в противоположную от его дома сторону. Иду рядом, ни жива, ни мертва. Вопросы его — о работе, о музее, спрашивает, что больше нравится там. Говорил о рушниках, о народных костюмах, что

это интересное дело, хорошая тема. А потом – оба говорили обо всём сразу. Захотелось где-то посидеть, было холодно, поздняя осень. Но – не сложилось, я проводила его до троллейбуса. Протянул на прощанье руку и ладошку мою, как воробушка, накрыл второй рукой. Вот такая бережность, теплота хранилась потом все наши 20 лет. Но он уехал. А я осталась в своей прежней обыденной жизни и почувствовала горькое одиночество. Домой не хотелось. Пришла тоска. Поняла, что жизнь может быть совсем другой, когда тебе интересно, когда душа радуется добрым, умным словам, когда к тебе обращено настоящее тепло родной души.

Очень хотелось ещё повидать его. Мечтала о случайной встрече на улице. И вот из Москвы прислали фотографии по фильму “Родник”. Появился повод. Позвонила. Он согласился: “Давайте совместим полезное с приятным – встретимся в скверике на скамейке”. Скамейка эта цела, теперь прохожу рядом с ней, как возле церкви. Собиралась тщательно: красивое платье, высокие каблуки. Тогда прошла с ним рядом через весь парк на Боевке. Он сидел в сквере, опираясь на лёгкий костылик, ждал. Стали перебирать снимки. “Это я, это режиссёр, это кадр из фильма...” То есть каких-то дополнительных сведений я не получила, да, честно говоря, не за этим пришла... И вдруг слышу его вопрос: “А теперь говорите, зачем пришли?” Не могу сказать, что испугалась, наверное, ждала этого. А он не мог не почувствовать моей внутренней взволнованности и такого неподдельного интереса к себе. И всё же спросила: “Неужели так заметно?... – Ещё бы”. И я стала путано объяснять, как мне хочется, чтобы жизнь наполнилась новым смыслом, чтобы я могла чувствовать свою необходимость ему, чтобы была возможность поговорить с ним хотя бы изредка, потому что не встречала раньше человека, с которым было бы так интересно.

... Первый раз вместе в Москве... Я приехала на день позже, он встречал меня на вокзале. Холодно, осень, но он нараспашку, мохнатый шарф, радостные глаза. Приехала в счастье. Как здорово, когда тебе рады, когда тебя ждут. Завтрак в кафе, расспросы, будто не виделись не один день всего, а целую вечность. Потом – вместе – по моим командировочным делам. Шли по бульвару Гоголя, затем он ждал меня у памятника. Были на каком-то случайном концерте, играл виолончелист, а смычок у него почему-то был замотан синей изолентой. Это было и забавно, и трогательно. А перед концертом встретились в метро: идёт навстречу, улыбается, в руках – мохнатый, пушистый ёжик. Как ещё раньше в Курске: зима, холодно, садимся в автобус – едем к Михал Степанычу Шорохову, а он достаёт из-за пазухи яркого медвежонка. Он умел чувствовать другого человека, и эту мою слабость к игрушкам (а потом конкретно к ёжикам) принял и всегда радовался моей радости. К сожалению, мало теплоты он получал в прежние годы.

Сколько было тёплых, радостных встреч со Степанычем, этим чудесным художником! Есть у меня фото, где они сняты вдвоём, сидят на лежащих брёвнах, одеты оба очень просто, отдыхают, улыбаются. Им было хорошо вместе, умели друг друга слушать, вместе молчать, уважение взаимное было потрясающим! А уж разговоры о книгах, о живописи – слушаешь – не слушаешься. Был у меня день рождения, собрались доброй компанией в его мастерской, я испекла слоёный пирог с рыбой, всем понравилось, гордилась... Михал Степаныч решил подарить что-то из своих работ, стали дружно выбирать. Очень понравился большой камень-скала в море, а Володе Детковуглянул пейзаж, где среди зелени – ярко-красный куст. Мнения разделились, и художник... подарил оба.

Я уже писала, как рисовался портрет писателя на реке. Михал Степаныч рисовал, а мастер стоял терпеливо и не думал о каком-то увековечивании, а просто помогал своему другу, раз это был его труд, его работа. Мне было очень хорошо с ними, переполняла благодарность за доверие к себе, за то, что я рядом.

Михал Степаныч нарисовал и мой портрет. Как раз в те минуты, когда на душе было и радостно, и трудно, и когда он показал мне первый вариант – я все свои горести и проблемы увидела в этом изображении... “Что, не нравится?” Я в смятении кивнула, и он тут же стёр нарисованное. А потом появилось на холсте вполне благополучное лицо, похожее, но уже без моего внутреннего разлада. Но я хорошо помню и удивляюсь тому, как сумел художник уловить моё смятенное состояние.

А потом – горестные минуты похорон нашего дорогого Степаныча. Стояла во дворе его дома, ждала, пошёл проститься со своим другом Евгений Иванович – голова опущена, руки за спиной, сумка через плечо. Погашенный, с горькими складками у губ. Потом, бывая на могиле его мамы, Полины Алексеевны, всегда заходили поклониться Степанычу.

* * *

Очень хотелось что-то подарить ему. Шли мимо парфюмерного магазина, забрели погреться. В воздухе носились французские ароматы. Какой-то рыбок к кассе: “Мне, пожалуйста, одеколон “Эжен”. Тогда это было дорого, он рядом, улыбается кассирше: “Не берите у неё деньги, она сумасшедшая...” Но запах этот стал для нас родным. И сейчас – вдруг почувствую где-то – голова кружится.

* * *

Когда пришёл журнал “Наш современник” с юбилейными материалами, и он принёс его с собой – так хотелось прочитать их сразу! А ведь кругом снег, холодно. Мечтали, чтобы наши деревья в лесу приютили нас и спрятали. Но тем не менее холодно с ним не было никогда. Тёплый взгляд, голос, доброта и внимание – плюс всегда с нами термос с горячим кофе и бутерброды – вкуснее, лучше я ничего не пробовала. Как-то ездили в Заплаву на электричке. Перед поездкой дома мне было плохо, едва не дошло до “скорой помощи”, но пересилила себя и потом была вознаграждена прекрасными зимними впечатлениями: заснеженные домики в деревне, чистые белые сугробы, фотоаппарат у него в руках, а потом – кофе и вкуснейшие бутерброды с икрой минтая.

Мы всегда брали с собой два фотоаппарата, и на оба делали снимки – столько в моих альбомах прекрасных курских пейзажей!

Или поход за Тускарь, когда с восторгом смотрели на высющийся на холме город, чувствовали себя настоящими путешественниками. А на снегу я по детски выкладывала узоры из апельсиновых корочек... Было ярко и весело. Мою детскую восторженность он принимал с радостью. После подаренного ёжика-талисмана появились другие Лёлеки-Болеки, как он их называл: уточка из грецкого ореха, у которой была очень трогательная головка, сделанная из сливовой косточки; серьёзная, основательная мышь в кружевной накидке; забавный весёлый Винни-Пух и – почти как в названии книжки о нём – все-все-все... Он вспомнил свои детские поделки, которые делал в трудные довоенные годы, и его мастеровитые руки привычно вырезали забавные фигурки из дерева, склеивали, оживляли их – каждый Лёлек был со своим характером, но обязательно добрый.

Теперь большая часть этих фигурок – в витрине Литературного музея, а некоторые ездят со мной в “командировку”. В том числе в школы, где я рассказываю ребятам о нашем дорогом Мастере. И это нисколько не умаляет серьёзности его великолепного творчества, а позволяет раскрыть тонкую и нежную душу писателя, которую он и воплощал на страницах своих прекрасных произведений. А его игрушки-поделки с восторгом воспринимают и взрослые. Как-то пришло приглашение выступить на конференции “Уездная провинция в творчестве русских писателей”, рассказать о творчестве Мастера. Я посмотрела на свой маленький театр из Лёлеков: дедушка Федя, баба Феня, их внучата, барашек – чем не провинция, русская деревушка в миниатюре?! Взяла их с собой. И надо было видеть, как восторженно рассматривали и почти... играли с ними взрослые, умудрённые всяческим научным и литературным опытом участники конференции!

* * *

Когда-то в письме к нему я писала: “Перебираю светлые бусины наших свиданий...” Тогда это было в ожидании новых встреч, а теперь – в память о прежних.

“Здравствуй, родненький!..” – эти его слова и сейчас звучат во мне, когда проезжаю мимо нашей тропинки. Он подал мне свою большую ласковую руку, и начался путь в счастье.

К 36 годам я уже знала, что человека нужно любить для него, а не для себя, и тогда ответное чувство будет неизбежным. К такому человеку я шла всю жизнь. Встречались люди, всё более интересные для души. И вот эта встреча по музейной работе стала как бы итоговой в моей жизни. Беседа наша, длившаяся вместо пяти выделенных минут два с половиной часа, как лучом высветила другую жизнь, не похожую на мою прежнюю. Каждое его слово падало в душу, как зёрнышко радости и тепла, а их было много, и всходы не заставили себя ждать. Родилась надежда, что всё в жизни ещё сбудется. Как удивительные гриновские паруса... И, конечно, очень верна легенда о двух половинках, которые предназначены друг для друга.

Первые встречи я помню по минутам, будто светится экран в душе, на котором вижу его лучащиеся добром глаза, серебряные волосы, походку, которую ни с кем не спутаешь. И как же пело всё в душе при его появлении! Рядом с ним был... мой Дом – будь это наша тропинка или любимая Боевка с нашими скамейками, на которых читались рукописи новых рассказов, или старые улочки, где мы угадывали настроения домов: один грустный, покосившийся, другой чему-то тихо радуется – да у него же покрашены ставни! – третий почему-то недоволен... Тогда и появился мой первый козырь: “Видите, как хорошо вместе!..” А уже на следующий день его слова: “Я еле дождался вечера...” И говорили, говорили – о любимых художниках, о любимых песнях, о детстве. Казалось, что до этого никто другой с нами не говорил так, просто не мог почувствовать этого.

А ещё раньше, при первом моём приходе к нему из музея, когда мне был задан вопрос, откуда мы приехали в Курск, и после ответа, что из подмосковной Коломны, где Бобренёвский монастырь, он сказал, потянувшись за атласом на одной из книжных полок: “Посмотрим, посмотрим, где тут наше Бобренёво...” Это “наше” просто перевернуло мне душу. Теперь я ещё лучше понимаю, как этот человек умел, а главное, хотел проявлять такой интерес к другому. А когда в 1983 году мы вместе ездили туда – в Коломну, в Бобренёво, в книжном магазине он сразу увидел и подарил мне небольшой эстамп, где среди церквей был... мой дом. Это тоже надо было понять, почувствовать.

“Не бывает на свете стран слаще крыльца родного дома...” – пишет он в одном из рассказов. Это ощущение было нашим общим. Стоя в слезах у своих окошек, вспоминая невозвратимое, родное, я не заметила, как он сфотографировал меня – несчастную, зарёванную... А на другой карточке – я с пирожком и стаканом кваса в руке – глаза смеющиеся, рот жующий, и уже не стеснялась этого, как в первые дни: казалось, невозможно рядом с таким человеком быть приземлённым. Он всё делал красиво, с достоинством, серьёзно и мудро. Так писал – иной раз по 20 экземпляров одной и той же страны; так рисовал: каждая веточка, каждая былиночка выписаны отдельно; так разматывал леску, если запутывалась, – всю, до последнего узелка. После поездки в Коломну, где было одно трепетное дыхание на двоих, остались грустные, но такие родные фотокарточки – и мой дом из раннего детства, и почти разрушенный монастырь. Но из них родилась картинка, как он сам их называл – стою я, уже более чем взрослая, на фоне своего Бобренёва, но не разрушенного, а очень весёлого, похорошевшего, что потом и случилось: ездила туда уже одна. Монастырь восстановлен, всё ухожено, а в моём доме... живут монахи.

* * *

Другое наше путешествие – в Спасское-Лутовиново, к Тургеневу, – тоже было чудесным. Ранним утром на легковой машине, как-то быстро и весело собрались, с нами ездили Пётр Георгиевич Сальников и Паша Никитин, журналист. Доробой каких только разговоров общих не было! И о книжках, и о предстоящей встрече с нашим классиком, и о его героях, и просто о жизни. Настрой у всех праздничный, светлый. Так всё было и в Спасском: не просто экскурсия и рассказ о писателе, а ещё и обошли мы все дальние уголки усадьбы. А потом общий завтрак на тургеневской траве, окрестности

усадыбы — с лугами, берёзами, незабудками. И обратная дорога домой. И всё бы хорошо, но здесь впервые закрался страх за его здоровье: вдруг, уже под Курском, ему стало очень плохо — боль, слабость. Но как-то обошлось. Человек мужественный, сильный, мудрый, он умел справляться с болью, умел терпеть, не докучать никому, достойно переносить все трудности, которые сопровождали его всю жизнь, с самой войны. И от этого к нему все относились ещё лучше, заряжаясь энергией и стойкостью. А мне было очень-очень горько оттого, что ему трудно, и, насколько могла, я все эти годы старалась помочь, облегчить хоть чем-то его боль.

Летом 1982-го я уезжала в Карелию и попросила подарить мне какой-нибудь талисман с собой. Мне был подарен маленький самодельный ёжик из шишки, с него и началась многим известная коллекция. Дороже подарка у меня, наверное, не было. Крохотный, тёплый, уютный — он помещался в ладошке и почти не покидал её.

А потом я улетала на семинар в Казань, очень не хотелось расставаться, в самолёте перечитывала “Во субботу, день ненастный...” И он опять был рядом... Было много людей, выступлений, экскурсий, всё было интересно, но, видимо, через глаза, через дымку моих мыслей о нём чувствовалось моё состояние, и один человек — директор музея из Ставрополя — сказал: “У вас переди большая любовь...” И она продлилась до самой... его берёзки... Но до этого были долгие, но такие короткие 20 лет.

Радость встречи после поездки, его расспросы, мои рассказы. О Волге, музеях и памятниках, творческих людях. Нам обоим очень нравилось вспоминать детство. Когда мы ездили на его родину, в Толмачёво, он подвёл меня к могиле своего отца и тихо сказал: “Вот, Иван Георгиевич, я к тебе Жечу привёл...” Для меня это был потрясающий акт величайшего доверия... А на глазах у Мастера были слёзы...

А потом мы кормили маленького жеребёнка, бродили у реки по лугу. Как горестно, что теперь там хозяйничают чужие “новые” люди, и этого уже не изменишь. Но живёт на картинке нарисованная им родная хата, которую он частенько рассматривал в бинокль со своего балкона: “Ну, дедова же хата!...” — говорил он Мише Еськову, как он пишет об этом в воспоминаниях. А на страницах рассказа “Жаних” маленький трогательный собачонок Жучок продолжает своё путешествие по деревне, так похожей на Толмачёво. В эти места мы наведывались не раз — и во время половодья, и в летнюю пору, и под осень, когда ездили в недалёкую от него Клюкву по грибы. Каждый грибной наш поход был праздником. Обязательно находились любопытные моменты, что-то забавное, словно игра в ассоциации, которые возникали порой совершенно синхронно у обоих, и этим хотелось поделиться. Рядом с ним я всё видела через какую-то волшебную призму. В лес входили, как в родной дом. Как-то у Старшинова прочитала стихотворение о том, что деревья ему кажутся одушевлёнными, он очеловечивал их. Так и мы: жалели сломанную берёзку, любовались нашим Добрыней — так окрестили дуб на клюквинской поляне — за его могучесть, неохватный ствол, раскидистую крону.

А грибы для нас тоже были дружочками (это одно из самых любимых его слов). Родовались каждому, почти здоровались с ними, было весело, как в детской игре.

Однажды, возвращаясь из леса, стали считать, сколько видов грибов встретилось, — оказалось, 25! Среди них даже оленьи рожки: почти прозрачные, ветвистые, очень любопытные грибочки. И всех он, как и растения, знал по имени: “Как зовут, как фамилия?” И если, что было крайне редко, не угадывал, сразу же дома обращался к справочнику. Как-то мне была подарена большая книга о грибах, но там некоторых видов не оказалось, и они с Женей вклеили несколько страничек с нарисованными им экземплярами и с подробным их описанием.

Хранится у меня и сделанный им конверт — вырезанный, склеенный, — как настоящий, с цветной картинкой: сижу я под ёлкой с грибом в руке... Таких конвертов было несколько, в одном из них я послала письмо тётушке — она никак не могла понять, как я туда попала. Есть и открытка, где я срезаю гриб, а рядом со мной — симпатичный компьютерный ёжик.

Потрясающее совпадение: читаю по работе 3-ю часть трилогии Ю. Германа “Я отвечаю за всё”. Там есть строчки о Вагаршаке и Любе: “Вдвоём им было легко и весело, с каждым днём, с каждым часом она всё больше, всё

глубже и серьезнее любила этого человека, который ни с того ни с сего начинал вдруг рассказывать ей истории о повадках дельфинов, или о муравьеде, или о летучей мыши. Глаза его при этом вспыхивали, всё ему было интересно, всё казалось до конца ещё не понятным, он умел радостно удивляться...»

Такое радостное удивление перед всем завещал нам Мастер. Это спасает от будней, от боли и горечи, от любых обид. Узнавание, познание всего сущего было для него таким же главным в жизни делом, как и творчество. А может быть, и важнее, потому что второго без первого просто не могло быть. Любой вопрос был ему подвластен, причём отвечал всегда серьёзно, обстоятельно, но обязательно так, чтобы его поняли. И бесконечно интересно умел рассказывать – слушаешься!

Было очень дорого для меня то, что он старался приобщить меня ко всему, что составляло его труд, его творчество. Часто рассказывает что-то: «Там у меня... – Это так было на самом деле? – Нет, это начало нового рассказа».

Конечно же, всё бралось из жизни: из наблюдений, впечатлений, воспоминаний. Но, как и другим писателям, ему необходим был и художественный вымысел. Прежде чем появился последний рассказ «Фагот», он много раз вспоминал печальную историю мальчика Вани, особенно когда бывали в том районе, где это произошло, – в сквере у Центрального рынка и Георгиевской аптеки. На самом деле Ваня погиб, а в рассказе писатель оставляет нам надежду.

Я бывала на многих литературных семинарах курян, на всех его творческих встречах, старалась всё записать, часть этих записей вошла в книгу «Мастер с нами». Всегда было очень интересно слушать его ответы на вопросы: глубокие, серьёзные, благожелательные. О себе он говорил всегда сдержанно, сжато. Встречи длились иногда по несколько часов. Особенно запомнилась та, что была в тогдашнем сельхозинституте. Лица слушателей были очень добрыми, даже счастливыми от такого общения, это было приятно и дорого обоим. Радостно было видеть чувство удовлетворения на его лице, в глазах. Осознание своей необходимости, того, что тебя любят, принимают.

В Москве мы вместе бывали в редакциях журналов, особенно тёплыми были встречи в журнале «Москва» с ответственным секретарём Шурой Васильевой, которая трепетно относилась к его творчеству и к нему самому. Были в «Литературной газете», разговаривали с Ирмой Мамаладзе, с Валентиной Помазневой, которая потом тяжело заболела и очень рано умерла. Евгений Иванович очень горевал тогда, послал большую телеграмму с соболезнованием. Каждый раз было видно, как хорошо, с уважением, относятся люди к нему. Любят, гордятся, понимают. Это были дружески-деловые отношения, о которых раньше приходилось только читать в хороших книжках.

Интересны были встречи с В. Г. Распутиным. Отношения двух писателей были более чем тёплыми и дружескими, хотя Евгений Иванович был старше на 10 лет. Распутин высоко ценил талант старшего друга, мы не раз приводили в книгах его слова. А как замечательно он говорил о Мастере в интервью, которое записали в Москве, в Союзе писателей на Комсомольском в 1984 году! Мне тогда было очень интересно и волнительно быть среди этих людей, слушать их добрые слова. А ещё раньше мы были в гостях у Валентина Григорьевича, человека удивительно скромного и деликатного. Наверное, и это сближало их: оба чужды помпезности, громких фраз, тщеславия. Такая же супруга у нашего хозяина – тихая, скромная, очень хлебосольная. Обстановка в квартире – самая обычная, недорогая, всё только самое необходимое и, конечно же, море книг. Друзья много говорили о жизни, о литературе. Так хотелось бы воспроизвести их беседы, но для этого надо было делать запись на диктофон, а их тогда ещё не было. Записывать что-либо на бумагу при живых собеседниках – только во вред самой беседе. Потому Евгений Иванович не очень-то жаловал интервью, ведь живое, устное слово очень сильно отличается от письменного. Как ни скажи – сердечно, грамотно – всё равно на бумаге это неизбежно исказится, а язык Мастера настолько художественный, настолько тщательно он над ним работал, что его называют златотканым.

Сколько же сомнений у меня было и есть по поводу этих записей!.. Но сейчас, спустя полгода, перечитала и рада, что они есть. Получится книжка, или не решусь на неё... Эти слова где-то останутся, и прочитавшие их вспомнят обоих, почувствуют серьёзность и счастье любить.

ВИКТОР БАРАКОВ

КАК ПОССОРИЛИСЬ ФЁДОР АЛЕКСАНДРОВИЧ С ВИКТОРОМ ВАСИЛЬЕВИЧЕМ

(Фёдор Абрамов и Виктор Гура)

Писатель Фёдор Александрович Абрамов (1920–1983) и литературовед Виктор Васильевич Гура (1925–1991) в середине 1950-х годов были известными шолоховедами и поначалу знали друг друга заочно. В 1953 году между ними завязалась переписка. Продолжалась она до 1958 года. В 1955-м Ф. Абрамов и В. Гура решили совместно написать семинарий по творчеству М. А. Шолохова. Работа длилась три года и, судя по письмам, оказалась довольно хлопотной из-за расстояния между авторами: Гура преподавал в Вологде, в местном пединституте, а Фёдор Абрамов жил в Ленинграде и работал доцентом кафедры советской литературы в ЛГУ. Впрочем, Абрамов приезжал в Вологду. Ирина Гура, супруга Виктора Гуры, вспоминала: “Фёдор Александрович в связи с работой над этой книгой жил у нас почти месяц. Тогда ещё его знаменитые романы были только в проекте. Он был известным литературоведом, преподавал в Ленинградском университете. Работали оба запоем, не замечая времени” (Ирина Гура. “Я помню его разным... // Виктор Гура – учёный и писатель”. Вологда: ВИРО, 1997. С. 49). Виктор Гура, в свою очередь, тоже бывал в северной столице, и вскоре они стали дружить семьями. Абрамов называл Гуру в письмах: “Дорогой друг!” – они вместе отдыхали, особенно любили ездить в Трускавец.

В 1958 году семинарий вышел из печати (Абрамов Ф. А., Гура В. В. “Михаил Шолохов”. Семинарий. М., 1958), и тут же возник жесточайший конфликт между соавторами: “. . . книга получилась хорошая, но через некоторое время между двумя её создателями “пробежала кошка”, которая, к сожалению, прервала эту дружбу” (Ирина Гура. “Я помню его разным...” С. 50). Из-за чего же они поссорились, в чём была причина столкновения? Она могла быть связана с научными или идеологическими разногласиями (и они были, но не стали основной причиной разрыва), но оказалась куда более прозаичной, а если смотреть из нынешнего времени, то даже анекдотичной. По устному свидетельству вдовы Виктора Гуры, Ирины Викторовны, шолоховеда рассорились из-за порядка фамилий на обложке совместной книги. Большая часть материала была написана Виктором Гурой, и Абрамов это подтверждал: “Моя доля в книжке очень скромна” (из письма Ф. Абрамова Гуре от 14 февраля 1958 года; Государственный архив Вологодской области (ГАВО), фонд

№р-5081), и, соответственно, вологодский исследователь рассчитывал на то, что его фамилия будет стоять первой. Однако в семинарии “первым номером” оказался не Виктор Гура, а Фёдор Абрамов. (Потом, в 1962 году, во втором издании книги, фамилии поменялись местами. — В. Б.) Гура даже подозревал Абрамова в корысти: “Никаких корыстных целей у меня не было и нет. И, право, я не заслуживаю многих упрёков, которые Вы адресуете мне” (из письма Ф. Абрамова Гуре от 2 января 1958 года; ГАВО, фонд № р-5081). Обида оказалась настолько серьёзной, что вчерашние друзья прекратили общаться. Лишь в 1973-м Абрамов потребовал (и не в первый раз) от Гуры возвратить свои письма: “Виктор Васильевич, ещё раз прошу Вас вернуть мне мои письма. Зачем они Вам? Ведь ни Вы, ни Ваши потомки всё равно никогда не смогут использовать их, а что касается наших отношений, то они — и так не идеальные — будут безнадежно испорчены. Ф. Абрамов” (письмо Фёдора Абрамова Гуре от 14 марта 1973 года; ГАВО, фонд № р-5081). В 1979 году Абрамов в очередной раз напомнил Гуре об относительно недавнем обещании вернуть письма автору: “Виктор Васильевич! Уже больше двух лет я терпеливо жду обещанных писем и не понимаю, что же Вас удерживает от благородного поступка? Поверьте, если бы я в запале (состоянии довольно привычном для меня) не уничтожил Ваших писем, я бы их вернул Вам по первому требованию. А как же иначе? Как можно распоряжаться какими-либо бумагами вопреки воле их автора? Это в наш просвещённый век исключено, и я не сомневаюсь, что Вы не захотите со мной ссориться. Остаюсь в надежде на получение своих писем в ближайшее время. Фёдор Абрамов” (письмо Ф. Абрамова Гуре от 21 января 1979 года; ГАВО, фонд № р-5081). Виктор Гура ответил: “Теперь Вы пишете, что в наш просвещённый век, дескать, нельзя вопреки воле автора распоряжаться какими-либо бумагами. Согласен с Вами. Но на каком же тогда основании именно так Вы распорядились моими письмами? И почему Вы считаете себя вправе кого-либо ставить в неравные условия или что-то диктовать?” (из письма Ф. Абрамову от 31 марта 1979 года). В июне 1979 года Фёдор Абрамов отправил в Вологду последнее письмо: “Виктор Васильевич, я ничего Вам не диктую, я только смиренно прошу. Ну, а если Вы считаете столь бесценными мои письма, что не можете с ними расстаться, что ж, пусть они останутся у Вас. Я только хочу сказать на прощанье: они никогда не увидят света — ни при нашей с Вами жизни, ни после. Об этом уж я позабочусь. И последнее: с великой бы радостью вернул Вам все Ваши статьи и рецензии, в своё время присланные мне, но их у меня нет. Я их ликвидировал вместе с письмами, когда чистил свои бумажные и книжные хледы, о чём сейчас искренне сожалею. От всей души желаю Вам больше не болеть и навсегда позабыть дороги в больницу. Ф. Абрамов” (письмо Ф. Абрамова Гуре от 14 июня 1979 года; ГАВО, фонд № р-5081).

Письма Виктора Гуры соавтору Фёдору Абрамову хранятся в Государственном архиве Вологодской области (ГАВО), фонд р-5081, опись № 319. Они не исследовались, и теперь мы имеем возможность их опубликовать.

ПИСЬМА ВИКТОРА ГУРЫ ФЁДОРУ АБРАМОВУ

26.1.54 г.

Дорогой Фёдор Александрович!

Сердечное спасибо за товарищеское письмо, которое, как я думаю, явилось началом хорошего творческого содружества и обмена горячо интересующими нас вопросами.

Откровенно говоря, я ещё не знал, куда определить статью о новой редакции “Тихого Дона”. Ваша инициатива опубликовать эту работу после её завершения в “Новом мире” приятно обрадовала меня. Я хотел бы, конечно, написать интересную статью (1). Намереваюсь показать, как Шолохов раньше, до этого издания работал над печатными текстами романа, учитывая критические замечания Горького, как он теперь основательно поработал над языком, как политически остро оценивает корниловщину, какие существенные изменения вносит в описание революционного движения на Дону и в характеристику

его участников Подтёлкова, Кривошлыкова (на основании известных мне и использованных Шолоховым материалов) и т. д. Не знаю, насколько эта моя работа будет “проблемной”, но, во всяком случае, интересного материала по правке “Тихого Дона” значительно больше, чем по направлениям, сделанным Шолоховым в “Поднятой целине” и осмысленным И. Г. Лежневым (2). Разумеется, я сделал бы предложение по этой статье А. Г. Дементьеву, но не знаю его имени и отчества. Очень бы просил Вас сообщить мне, если это не затруднит, куда написать ему (3).

Я уже писал Вам, что совместные усилия в создании семинария по Шолохову дали бы значительно лучшие результаты, поэтому чрезвычайно рад тому, что Вы согласны на эту работу. Повторяю, что мною кое-что уже сделано, поможет и собранная библиография. Полагаю, что проводить какую-либо предварительную работу по сбору материала нам, видимо, не придётся. Пожалуй, лучше, как мне кажется, начать с составления, согласования и утверждения тем и библиографии к ним, а затем писать статью с обзором критической литературы о Шолохове.

Меня устраивает и то, что Вы сможете заняться этой работой в сентябре месяце, т. к. и мне до этого времени надо закончить книжку о Шолохове для “Учпедгиза” (4).

Что касается необходимости первоначальной публикации семинария в издательстве ЛГУ без гонорара, то это обстоятельство, хотя и не совсем приятное своими условиями, не должно, во всяком случае, определять наших намерений и затруднять нашу работу (5).

Относительно моего переезда — всё пока весьма неопределённо. Мне бы хотелось основательно поселиться в каком-либо южном городе, попасть в среду активно работающих литературоведов, переехать туда, где могут обеспечить необходимые для работы квартирные условия. У меня была возможность поступить на работу в Москве, но из-за отсутствия квартиры я вынужден был отказаться от этой возможности. По этим же причинам меня не может удовлетворить и Ленинград, если бы там оказалась работа для меня (6).

С Шолоховым установить рабочие связи очень трудно и вряд ли возможно. За все годы работы над его творчеством я получил лишь два коротких письма от него, ничего не дали и те короткие встречи, которые были за это время (7). С Шолоховым я знаком с 1942 г., хорошо знаю и Светлану. Кстати, она всё ещё живёт в Л-де? Учится ли она в ЛГУ?

Желаю Вам всего доброго. Пишите о новостях, об успехах. Рад буду от всей души разделить их с Вами.

С уважением Виктор Гура.

P.S.: Лишь сегодня получил Вашу статью о типическом. Прочёл её сейчас и нахожу, что в ней — ряд дельных мыслей и свежих критических замечаний. В своё время я делал подобный доклад на философском семинаре, читаю лекцию в городе “XIX съезд КПСС и задачи советской литературы”, но всё это до сих пор не опубликовано и вряд ли заслуживает этого после появления Вашей и других работ.

* * *

27 янв. 58 г.

Дорогой Фёдор Александрович!

Большое Вам спасибо за Ваше большое участие в подготовке семинария к печати. Уезжая, я, откровенно говоря, не предполагал, что на Вас падёт такая работа. Я рассчитывал на стилистические поправки, всегда неизбежные и полезные, и думал, что с Вами, как и со мной, их согласуют — и всё! Что же касается второго экземпляра рукописи, отсутствие которого доставило столько хлопот, то ведь действительно **ни одно** издательство не требует его, да и в нашем договоре написано: “Труд автор обязуется сдать “Учпедгизу” в готовом для печати виде переписанного на пишущей машинке или удобочитаемого рукописью (даже так!) экземпляра” (а не экземпляров!). Конечно, наша рукопись была вовсе не идеальной, но адресовать все упреки только мне было бы тоже не совсем справедливо. Я ведь готов был отдать второй

экземпляр (он был со мной), но в нём не было Вашей части, её надо было вычитать, нумеровать рукопись и т. д.

Судьбу семинария я принимаю близко к сердцу, т. к. отдал ему много сил, поэтому особенно тяжело переживаю всякие неполадки и не устраивающие меня сокращения и исправления, хотя, кажется, должен бы был привыкнуть. Ни одна ещё книга не вышла у меня в том виде, в котором была задумана. Издатели, как Вы знаете, выбросили из книги о Шолохове целые главы (“Шолохов в годы войны”, “Шолохов после войны” и др.), а потом сами же говорили мне, что поступили неправильно (8). Боюсь, что может и сейчас произойти та же история, и очень страдаю, что не могу из-за отдалённости сам активно отстаивать свои позиции, а Вы сдаёте их. Огорчён и тем, что у нас, как выясняется, нет принципиальной договорённости и общности взглядов. Ведь не кто иной, как Вы, советовали мне раньше, чтобы настаивали на включении в семинарий иностранных изданий произведений Шолохова, а теперь даже полноту в описании русских изданий готовы назвать “бухгалтерией”. Я не цепляюсь за иностранные издания и готов пойти на их изъятие, но что касается перечня изданий книг, статей, переводов Ш-ва на рус. язык, то я **настаиваю** на всей полноте, которая есть в семинарии. И это ведь не настаивала Служба — “Как решила К. Д. Муратова, так и будет!” Есть ведь автор, и от него, прежде всего, должно зависеть решение этих вопросов, его сначала надо спрашивать, а получается так, что меня ставят перед уже свершившимся фактом: так должно быть!.. [Письмо не окончено. — **В. Б.**].

* * *

7.2.58 г.

Дорогой Фёдор Александрович!

Ваше письмо получил. Вы, разумеется, вправе отстаивать свои позиции, я же имею свои взгляды и своё отношение к тому, что мною сделано в “Семинарии”. По всей вероятности, в моих, как и в Ваших суждениях, есть много субъективного, и каждый из нас, в конце концов, имеет право на это субъективное. Согласен с Вами, что теперь трудно дискутировать, книга ведь, кажется, в наборе...

...Одно меня угнетает в этом деле. Это то, что я лишён возможности отстаивать свои позиции в издательстве, высказывать свои взгляды, как это делаете Вы. Из “Учпедгиза” я не имею никаких известий и не знаю, где сейчас находится рукопись... Каникулы проходят, а я всё ещё ничего не сделал, и за новую работу не взялся. Наши “Учёные записки” свёрстаны и скоро выйдут в свет. Редактировал справочник “Писатели-вологжане”, готовим новый альманах, “Избранное” Гиляровского (9).

Что новенького у Вас? Как идёт работа над книгой? Сердечный привет Людмиле Влад. и всем знакомым.

Всего доброго! Виктор Гура.

* * *

17.2.58 г.

Дорогой Фёдор Александрович!

Вчера ночью получил телеграмму от гл. редактора с просьбой приехать или позвонить до вторника. Сегодня разговаривал с М. Н., а к полудню пришло и Ваше письмо.

Теперь у меня более или менее ясная картина: унификацией и стандартизацией усердно занимается самодурша, именуемая главным редактором. Я давно знал, что под крылом АПН расцветает... [неразборчиво. — **В. Б.**], отстаиваемое с идиотским упорством и выдаваемое за науку, но такое... Поганой метлой гнать надо из издательства эту властную бабу, иначе она ещё много вреда принесёт делу! Я лично приложу все силы, чтобы выжить её отсюда, сегодня же о её самодурстве напишу в Моск. отд. “Учпедгиза”. Какое

она имела право заявлять Вам, что снимет книгу с плана, если Вы будете настаивать на нашем названии семинара?

М. Н., по всей вероятности, боится потерять своё место, поэтому, не вдумываясь даже, полностью исполняет любое указание гл. редакторши. Я это понял тогда, когда его по телефону спросил: “Почему Вы не ссылаетесь на архив... “Из писем Жарова и Гуры?” Где находится это письмо? Женщина эта (М. Н.) хорошая, сердечная, добросовестная и трудолюбивая, но доказать что-либо этой Соболевой и она не в состоянии.

Ну, бог с ними! Я со многим уже примирился. Об иностр. изданиях — не жалею, а вот русские **очень** нужны были — это я точно знаю! По себе знаю! Название семинария мне, как и Вам, не по душе, хотелось бы отстоять наше, но что поделать, если в данном случае всё зависит от барана, упёршегося в ворота.

Вы пишете о наших претензиях, которые я предъявлял Вам... Ничего подобного с моей стороны не было, а было лишь желание выяснить истинную картину дела и прямой, откровенный ответ на Ваше столь же откровенное письмо. Я искренне высказал свои суждения, делился своими огорчениями, которые Вы почему-то приняли как чуть ли не оскорбительные претензии к Вам. Возможно, я был и не прав, отстаивая то, что не следовало отстаивать, но я считал необходимым непосредственно высказать всё это Вам. Вместе с тем, как Вы помните, я уже имел возможность поблагодарить Вас за участие в судьбе семинария, за те усилия, которые были приложены Вами и которые отрывали Вас от работы. Очень прошу Вас возникшие в ходе переписки споры воспринимать как чисто деловые споры и завершить их этим письмом. Думаю, что, если бы я был в это время в Л-де, они бы не возникли и вообще — “личный контакт” куда лучше переписки, в которой многое можно трактовать по-разному.

Завтра, как сказала мне М. Н., семинарий идёт в набор, если, конечно, гл. редакторша не придумает новой “свистопляски” на его страницах. Очень бы хотелось, чтобы книга была приличной, но я, откровенно говоря, боюсь, что кое-где правки и сокращения привели к ухудшению рукописи. С интересом и тревогой буду читать вёрстку.

Если будете в изд-ве, попросите М. Н. переслать мне 2-й экз. “Хроники” (я забыл сегодня сказать ей об этом). И ещё одна просьба: нужно проставить страницы, заполненные рассказами “Чужая кровь” (по сб. “Лазоревая степь”. М.: Нов. Москва, 1926), “О Донпродкоме и злоключениях заместителя Донпродкомиссара товарища Птицына” (по сб.: Лазоревая степь. М.: Москов. тов-во писателей, 1931) и страницы выступления Фейхтвангера о Ш. (“Книга и пролетарская революция”, 1937, № 2). В Вологде этих изданий нет, и я лишён возможности сделать что-либо сам, а М. Н. меня одолевает запросами. Очень прошу.

Почему Вы ничего не пишете о своих делах? Что новенького у Вас, на кафедре, в Л-де? Сердечный привет Людмиле Влад... от Иры и от меня.

От души желаю всего доброго!

Ваш В. Гура.

* * *

31.3.79 г.

Фёдор Александрович!

Вашу записку я получил, находясь в больнице. Тут и вспомнил о том, что В. Белов в поезде на пути из Москвы после съезда уговаривал меня вернуть Вам письма, ссылаясь на Ваши слова о том, что я нарушил какие-то авторские права, и твердил что-то совсем нелепое. Это и насторожило меня в отношении Вашей просьбы.

Теперь Вы пишете, что в наш просвещённый век, дескать, нельзя вопреки воле автора распоряжаться какими-либо бумагами. Согласен с Вами. Но на каком же тогда основании именно так Вы распорядились моими письмами? И почему Вы считаете себя вправе кого-либо ставить в неравные условия или что-то диктовать?

Ещё никто и никогда не требовал у меня возвращения писем своих, как не требовал этого я у своих бывших или настоящих корреспондентов. И всё-таки, как только появятся у меня силы и возможности, я постараюсь заняться своим архивом и отыскать Ваши письма, и вернуть Вам то, что найду.

В. Гура.

P.S.: В свою очередь, прошу вернуть мои статьи и рецензии о книгах И. Лежнёва, Ю. Лукина, Л. Якименко, которые я посылал Вам в своё время для Вашего обзора (10).

В. Г.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- 1 Статья В. Гуры в “Новом мире” не была опубликована.
- 2 Исайя (Исай) Григорьевич Лежнёв (имя при рождении – Исаак Альтшулер (1891–1955) – советский публицист и литературный критик, бессменный редактор журнала “Новая Россия”.
- 3 Александр Григорьевич Дементьев (1904–1986) – русский советский литературовед, критик и педагог, журналист, военный корреспондент. В 1953–1955-м и с конца 1959-го года – заместитель главного редактора журнала “Новый мир”.
- 4 Учебное издательство “Учпедгиз” (“Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР”) создано в 1930 году постановлением ЦИК и СНК СССР на базе литературно-издательского отдела Наркомпроса. Впоследствии – издательство “Просвещение”.
- 5 Публикация семинария в издательстве ЛГУ не состоялась.
- 6 Вскоре Виктор Гура получил квартиру в Вологде, и все последующие годы работал в областном центре.
- 7 Подробно об этих и других встречах Виктора Гуры с Михаилом Шолоховым рассказано в статье В. Гуры “Издали и вблизи (о Шолохове)” в сборнике “Виктор Гура – учёный и писатель” (Вологда: ВИРО, 1997. С. 221–262), который вышел через шесть лет после смерти литературоведа. В этой же статье впервые опубликованы несколько писем М. Шолохова, отправленных в разные годы в Вологду.
- 8 Речь идёт о книге Виктора Гуры “Жизнь и творчество М. А. Шолохова: Пособие для учителей, М.: Учпедгиз, 1955. 208 с.
- 9 Учёные записки Вологодского государственного педагогического института, т. XXII вышли в 1958 году; к справочнику: “Писатели-воложане (1917–1957)”. – Вологда, 1958 В. Гура написал предисловие; альманах “Литературная Вологда”, вып. 4” издан в 1958-м; вместо “Избранного” Вл. Гиляровского появилась книга: Гиляровский Вл. Мои скитания. – Вологда, 1958.
- 10 Лежнёв И. Г. (1891–1955), Лукин Ю. Б. (1907–1998), Якименко Л. Г. (1921–1978) – специалисты-шолоховеды.

Публикация Виктора БАРАКОВА

ЕЛЕНА ПАПКОВА

“...ЖИЗНЬ В БУДУЩЕМ ОПЛАЧИВАЕТСЯ ДОРОГО”

(О романе Всеволода Иванова “Эдесская святыня”)

*Горька судьба поэтов всех времён;
Тяжелее всех судьба казнит Россию...*

Вильгельм Кюхельбекер.
Участь русских поэтов, 1845

Среди хорошо известных произведений писателя Всеволода Иванова о гражданской войне (“Партизаны”, 1921; “Бронепоезд 14-69”, 1922, 1927; “Дитё”, 1922 и др.), о тайнах души человека и жизни пореволюционной деревни (книга “Тайное тайных”, 1926), о странствиях факира “Сиволода” в поисках загадочной Индии (“Похождения факира”, 1935; “Мы идём в Индию”, 1955) есть роман, опубликованный только после смерти писателя, в 1965 году и сравнительно мало известный исследователям. Это “Эдесская святыня”. Написанный в 1946 году и не публиковавшийся при жизни Иванова, он неожиданно оказался востребован современной читательской аудиторией. “Стилизованный под сказку арабского Востока, роман рассказывает о средневековом Багдаде. Но не только, – комментирует читатель. – Я был просто поражён, как много сумел вместить автор в небольшую, в общем-то, по объёму повесть, написанную, повторяю, скуповатым, но очень ёмким, порой взрывчато ярким языком. За одно это произведение он заслуживает звания классика отечественной литературы” (отзыв от 3 сентября 2016 года)¹.

В год 125-летия со дня рождения Всеволода Иванова – как известно, юбилей писателя немало способствует новому прочтению и осмыслению его творчества – нелишним будет вновь обратиться к роману “Эдесская святыня”. По воспоминаниям вдовы писателя Т. В. Ивановой, роман писался “два месяца напряжённо, неотрывно” и был окончен спустя месяц после “постановления о Зощенко и Ахматовой. <...> Всеволод очень болезненно переживал это известие, успокоиться не мог, страдая за Зощенко”². Постановление о журналах “Звезда” и “Ленинград” было принято 14 августа 1946 года, 15 и 16 августа секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Жданов выступал с докладами в Ленинграде, объединённая стенограмма их была опубликована в “Правде” 21 августа. А 11 сентября 1946 года Иванов закончил роман “Эдесская святыня”: “Так жил и умер поэт. // Он жил и умер в блистательном Багдаде во времена халифа ал-Муттаки-Биллахи, да будет прославлено имя его! Он умер, но он и жил”. Песням поэта, однако, уготована долгая жизнь. Воинственные – воскресают во время “великой войны с византийцами”. А песню о возлюбленной, в которой

“упоминается судьба, кривая, как нож”, люди помнят ещё тысячу лет, хотя имя поэта “давно забыто”³.

М. М. Зощенко был “серапионовым братом” Иванова, дружеские связи, сложившиеся в 1921 году в Петрограде, поддерживались и впоследствии. С А. А. Ахматовой Иванов также был знаком ещё по Петрограду начала 1920-х годов. Логично предположить, что трагический финал “Эдесской святыни” был навеян современной ситуацией в литературе и политике. Как и основная сюжетная коллизия: поэт и власть. Но “не только”, как справедливо отметил читатель. Не случайно Т. В. Иванова увидела в романе “много психологического-автобиографического”⁴.

В основу сюжета всех трёх редакций романа “Эдесская святыня”, действие которого происходит в 944 году, положен реальный факт из истории византийско-арабских отношений: “Эдесский Убрус (Нерукотворный Спас, Мандилий) – изображение Иисуса Христа на полотнце (убрусе, мандилии), согласно легенде, сложившейся не ранее VI века, посланное Спасителем правителю г. Эдесса Абрагу V Ухаме (4 год до Р. Х. – 7 год от Р. Х. и 13–50 годы), известному в апокрифах как Авгарь Чёрный. <...> Образ хранился в Эдессе до середины X века, когда он был торжественно перенесён в Константинополь... <...> Эдессцы расстались со святыней в 944 году под угрозой уничтожения города во время его осады византийцами в правление императора Романа I Лакапина (920–944)...”⁵. Об этом Иванов, очевидно, знал из исторических книг, им изученных. Структурообразующей сюжетной линией романа “Эдесская святыня” и становится перенесение Убруса из Эдессы в Константинополь, караван, посланный в Эдессу по приказу арабского халифа, отправляется из Багдада. Начальником каравана становится Махмуд иль-Каман – оружейник и поэт, в судьбе которого с самого начала тесно переплетены поэзия и политика – “государственные соображения” (с. 226). Духовный путь героя-поэта метафорически передан в романе образом дороги из Багдада в Константинополь.

Неторопливо, с восточным орнаментализмом ведёт Иванов рассказ о сыне багдадского оружейника мальчике Махмуде, проявлявшем “изумительную ловкость и разумение” (с. 191) в отделке ножей, о его учителях – кади Ахмеде и законнике Джелладине, его первых опытах в поэзии: “Поэт жил в блистательном Багдаде во времена халифа ал-Муттаки-Биллахи – да будет прославлено имя его! – и стихи были о силе Багдада и о силе халифа, законного имама пророка, меча правоверных” (с. 193). Смерть отца от руки византийцев рождает в душе Махмуда желание мести, и поэзия, по его мнению, играет не последнюю роль в сложных отношениях между государствами: “Заботящийся о вере и мести за веру, я хочу быть лучшим поэтом! Не затем, чтобы низко льстить халифу и быть плетевидным, подобно плющу, а во славу пророка” (с. 194). В его жизнь приходит любовь к пленной русской княжне Даждье, он сочиняет стихи о любви, однако “любовь, как поётся в песнях, – цветок. <...> Но всё же, сколь ни мил цветок, – это флора небольшой местности. Его цвет, его букет цветов – меч, обнажённый в защиту халифа!” (с. 203). Даждья умна, разбирается в политике; она рассказывает Махмуду о стране Русь, князе Игоре и о сложной политической игре, которую ведут Багдад, Русь и Византия. Именно она учит Махмуда “придворному поведению” (с. 216) на государственном совещании у багдадского визиря, посвящённом Эдесской святыне. “Придворное поведение” и речь Махмуда, наполненная хитростью, не свойственной его сердцу, но вызванной “государственными соображениями” (с. 226), нравится визирю – поэт награждают и делают начальником конвоя, отправляющегося в Константинополь. Уезжая и прощаясь с возлюбленной, поэт сочиняет песню “Я приду к тебе!”, которую начинает петь “весь Багдад” (с. 227). Трагическое завершение судьбы поэта напрямую связано с теми же “государственными соображениями”: вовлечённый в сложные политические интриги между Багдадом, Византией и Русью, поэт, обласканный правителем, на очередном государственном совещании допускает ошибку, которая стоит ему жизни. Во время приёма послов в Багдаде Махмуд в своих стихах “воспел Багдад, но ему и в голову не пришло, что пора припугнуть византийцев. Ему казалось, что он научился придворному обращению в Константинополе, и он забыл, что сердце поэта – самый правильный сборник церемониала” (с. 279). Путь героя, полный заблуждений, ошибок и прозрений, завершается в романе трагически.

Однако на этом творческая история романа “Эдесская святыня” не заканчивается. В середине 1950-х годов Иванов вновь возвращается к нему и не оставляет работы вплоть до конца жизни. 1956 годом датируется машинопись второй редакции с условным заглавием “Коварная Эдесса” (хранится в семейном архиве). В кабинете Иванова в Москве после его смерти в 1963 году остались карандашные наброски к роману, относящиеся к третьей редакции (хранятся в НИОР РГБ, 134 лл.). Очевидно, об этой редакции идёт речь в дневниковой записи Иванова от 19 февраля 1962 года: “А в голове опять “Эдесская святыня”, ах, если бы я мог с ней развязаться! Теперь её почему-то шарахнуло в сторону Православия и прославл<ения> византизма”⁶.

Параллельно с мыслями о переделке “Эдесской святыни” Иванов задумывает роман “Поэт”; сюжет будущего романа, как он представлен в дневниковой записи от 16 января 1956 года, таков: “...размышления о Поэте. Всё больше убеждаюсь, что сюжет готов, но семейный, а нужно не только семейный, государств<енный>”⁷, — перекликается с романом “Эдесская святыня”. На связь двух замыслов писателя указывает и то, что среди карандашных набросков к “Эдесской святыне” есть записка к роману “Поэт”: на обрывке листа заглавие “Поэт” перечёркнуто, вместо него вписано “Эдесская святыня”, далее следует текст: “...Поэт написал и напечатал в 1925 году одну книгу стихов, ушёл на производство в 1-ю пятилетку, увлёкся этим — и долго не мог оторваться, чтобы написать новую книгу”⁸.

В это же время, в середине 1950-х годов Иванов всерьёз обращается к мемуарному жанру: создаётся “История моих книг” (впервые: “Наш современник”. 1957. № 3; 1958. № 1), задуман цикл очерков “Портреты моих друзей”. По первоначальному недатированному плану, в цикл должны были войти очерки о поэтах и писателях, с которыми Иванов был дружен в Сибири, — о К. Худякове и А. Сорокине, и впоследствии в Петрограде и Москве — о Б. Пильняке, А. Афиногенове, С. Есенине, К. Федине, Б. Пастернаке, А. Ахматовой. Написаны были очерки о Худякове и Сорокине (впервые опубликованы посмертно: “Звезда Прииртышья” (Павлодар). 1964. 4, 5, 7 и 8 января. Там же. 25, 28, 29, 31 января и 4 февраля). Очерк о Есенине остался незавершённым (впервые посмертно: Иванов В. С. Переписка с А. М. Горьким. Из дневников и записных книжек. М., 1969).

Во всех этих текстах интересующая Иванова тема “поэт и политика” если и появляется, то в крайне смягчённом, порой вовсе далёком от реальных обстоятельств виде. Рассказывая о своей жизни в 1919 году в колчаковском Омске, о сотрудничестве во фронтовой газете “Вперёд”, главным редактором которой был полковник В. Г. Янчевецкий (впоследствии известный как писатель В. Ян), политических настроениях того времени, Иванов многое недоговаривает или утаивает⁹. То же самое можно увидеть и в портретах близких ему сибирских поэтов того времени. Например, в очерке “Кондратий Худяков” Иванов рассказывает ещё об одном близком ему поэте — Юрии (настоящее имя Пётр) Сопове, который, “будучи мобилизован во времена колчаковщины, как человек со средним образованием попал в юнкера, а затем, уже офицером, — в охрану Колчака”:

“... когда я перед бегством из Омска, имея на руках фальшивый паспорт, предложил ему устроить такой же, он печально улыбнулся и сказал:

— Может быть, нам и не нужно бежать, а это наваждение само убежит от нас?

Наваждение убежало. Но оно унесло с собой и превосходный, очень оригинальный поэтический талант Сопова. Хотя он печатался в кадетской газете, не помню, как её называли, но он не выступал с политическими стихами или, во всяком случае, с малым их количеством”¹⁰.

Среди поэтического наследия Юрия Сопова действительно не так много политических стихов, но дошедшие до нас и, безусловно, известные Иванову, не позволяют утверждать, как писал в очерке автор, что “мировоззрение молодого человека, печатавшегося в “Известиях” (имеются в виду “Известия Омского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов”. — Е. П.), не изменилось”. Приведём, например, строки из стихотворения “Призыв”, написанного в связи с созданием в Сибири в 1919 году в составе Русской (колчаковской) армии добровольческих Дружин Святого Креста, призванных бороться с антихристами-большевиками:

*Топчут светлые конники
Поволжских равнин траву...
Вас, в бессмертье влюблённые,
Зову в золотую Москву.
Время гнева исполнилось
В девятьсот девятнадцатый год.
Вижу на небе молнии.
Зову в Крестовый поход¹¹.*

Отметим, что и в охране А. В. Колчака, к которому восторженно относились многие представители тогдашней омской интеллигенции, Сопов, судя по всему, оказался добровольно¹².

О самом Худякове, крестьянском поэте-самоучке, к которому в 1913 году Иванов относился “как к учителю, который должен <...> научить тайнам поэзии”¹³, автор очерка пишет:

“В конце 1919 года, после разгрома колчаковщины, Худяков был на некоторое время, недели на две-три, кажется, арестован органами курганского ЧК. Во время колчаковщины он печатал свои стихи в кооперативных журналах и газетах. Стихи эти были лирические, конечно, арест был простым недоразумением...”¹⁴

И эта характеристика далека от истины. К. К. Худяков был членом партии социал-революционеров (эсеров), секретарём курганской партийной газеты “Земля и труд”, в которой после падения первой советской власти в Сибири и пришествия к власти Временного Сибирского правительства печатались отнюдь не лирические стихи поэта:

*...Революция в буйном теченье
Всё уносит: труды и закрепы...
И уходят в пучину забвенья —
Совнаркомы... Цекомы... Совдепы...¹⁵*

Очерк-портрет о Есенине, с которым Иванов подружился в Москве осенью 1923 года и вместе с которым планировал работу в журнале “Вольнодумец” и альманахе “Поляне”, писатель и вовсе не закончил. Судя по сохранившемуся в архиве плану, будущий текст не включал в себя политических проблем:

Есенин — поэт должен жить необыкновенно.

- а) Кабак, цилиндр.
- б) Очередь в Гослитиздате.
- в) <2 нрзб>. “Едем в Рождественское”
- г) Как он работал?
- д) “Дуэль”.
- е) На извозч. в бобровой шапке¹⁶.

Хотя очевидно, что таковые имелись, и свидетельство тому, например, известное письмо писателей-попутчиков в отдел печати ЦК РКП(б) от 9 мая 1924 года, подписанное И. Бабелем, М. Волошиным, С. Есениным, М. Зощенко, Вс. Ивановым, С. Клычковым, О. Мандельштамом, Б. Пильняком, М. Пришвиным и другими писателями: “...мы протестуем против огульных нападков на нас, — утверждали писатели, считая недопустимым “тон таких журналов, как “На посту”, и их критику, выдаваемые притом ими за мнение РКП в целом. <...> Мы считаем нужным заявить, что такое отношение к литературе недостойно ни литературы, ни революции и деморализует писательские и читательские массы”¹⁷. От письма 1924 года и связанных с ним идеологических противоречий в очерке осталось только упоминание РАПП в соответствующем контексте: “РАППовцы считали себя вправе распоряжаться не только мыслями Есенина, но и чувствами его — он смеялся над ними, и ему была приятна мысль вести их за собой магией стиха”¹⁸.

К середине 1926 года, когда Иванов берётся за переделку романа “Эдесская святыня”, никого из упомянутых поэтов уже нет в живых. Сопов погиб в 1919 году при взрыве в резиденции Колчака. Худяков умер в 1920-м от тифа.

От тифа зимой того же страшного года, памятного сибирякам отступлением и гибелью огромной колчаковской армии, умер ещё один близкий Иванову человек и поэт, убеждённый сторонник “белой идеи” Георгий Маслов, строфы из стихов которого попадут в начале 1960-х годов в сценарий к так и не снятому на киностудии “Мосфильм” фильму “Бронепоезд 14-69”¹⁹. Есенина не стало в 1925 году. Думается, размышления о судьбах своих современников, да и о своей собственной судьбе, и побуждают Иванова многое изменить в произведении о поэте и государстве. К тому же роман на историческую тему открывает писателю гораздо больше возможностей высказать открыто свои мысли о проблемах современности.

Уже начиная с первой страницы новой редакции “Эдесской святыни” видно, что Иванов стремится усилить и подчеркнуть вопросы внешней и внутренней политики. Сравним.

1-я редакция:

“Отец поэта выделял превосходные кривые ножи, какие ковал и дед отца, и прадед. Оттого земля дома ремесленников иль-Каман от непрерывного поступления угля и сажи стала несравненно чёрного цвета. Однако и на эту прокопченную землю зарились богачи, раскинувшие вокруг мастерской оружейника свои сады, увеселительные беседки и влажные фонтаны” (с. 191).

2-я редакция:

“Он был оружейником и жил в Багдаде во времена, когда Византийская империя казалась могущественнейшей и непобедимой; когда Киев был столицей княжества, славного не столько обширностью своих владений, сколько воинственностью и храбростью воинов; когда Москвы совсем не было и на московских холмах бродили медведи, а у подножья холма возле реки, перед песчаной отмелью, стояла небольшая деревня в пять-шесть дворов”²⁰ (л. 1).

Помимо трёх государств – Багдада, Руси и Византии, сложные отношения между которыми определяют судьбу героя, – в главе “Рыбаки уносят сети” появляется ещё одно – Болгария, куда направляется с предложением “уговорить болгар пойти вместе с князем Игорем на Константинополь” (л. 57) новый персонаж романа – норманский витязь Сваловльд. Расширяется и усложняется и спектр религиозных проблем романа, уже в первой редакции которого жизнь ставит Махмуда перед сложными вопросами разных вероисповеданий. “Если ты мусульманин, зачем тебе христианская святыня? – спрашивает Махмуда Даждья, и кроме слов: “Что ты понимаешь в Коране? Ты языческой веры...” (с. 210) – Махмуду нечего возразить ей. Во второй редакции речь идёт о Болгарии, где, по словам Сваловльда, утверждается новая религия – богомилство: “Богомилы требовали, – а иногда и добивались, – простой, скромной жизни не только для народа, чего нетрудно добиться, но и для клира. Они часто постились, воздерживались от громких криков и смеха, называли друг друга братьями, а некоторые из них требовали общности земли и даже имущества” (л. 58). К этой вере, как и к античной вере в “идолов”, как и к христианству пустыльников – “святых старцев”, вышедших встречать караван в долине Евфрата (л. 82), – как и к политическим интригам, в которые он невольно оказывается вовлечён, поэту Махмуду предстоит определить своё отношение.

И отношение это сложное. Поэта одолевают сомнения в, казалось бы, неизблемых истинах. Перед героем встаёт слишком много вопросов, на которые он не знает ответов:

“– Я умираю. Словно усыплённый, я вижу лишь Даждью, а за ней – улыбающийся убрus. Жгучее беспокойство терзает меня. Неужели витязь Сваловльд увезёт Даждью? Я хочу в Багдад, кади, хочу в Багдад! Где гонцы халифа? Почему мы ничего не знаем о Багдаде? И почему нас не выпускают из Константинополя?” (л. 124).

В сознании и мучительных снах героя тесно переплетаются его частная жизнь, любимая жена и сын, и та политическая роль, которую он должен выполнять:

“Махмуду снился сон. Он видел Даждью на коне Джелладина. Маленький Ахмед, толстогубый, круглоголовый, черноглазый, бежал рядом с седлом,

не отставая. А позади Дажды, на фоне гор из песчаника, видна была процессия с убрусом. Горы под лунной, скользящей среди туч, — синим-сини. Дует ветер, и пламя огромных восковых свечей отклоняется, и видны расходящиеся пятна света — луны и свечей одновременно, падающие то на камень, то на голову отца Павла, то на длинные посохи, на которые опираются монахи. Золотые кисти балдахина кажутся слитками золота, и ветер их двигает осторожно, точно пробуя их тяжесть” (л. 134).

Герой-поэт в романе “Коварная Эдесса” мыслит и чувствует иначе, чем Махмуд иль-Каман в романе “Эдесская святыня”. Если в первой редакции романа он был убеждённым “правоверным”, твёрдо знающим, что на его родине, в Багдаде, жизнь устроена разумно и правильно, то во второй его терзают сомнения и тоска, причины которых не всегда ясны читателю.

Различаются и судьбы героев двух редакций романа Иванова. В отличие от первой, где Махмуд возвращается в Багдад, совершает ошибки и погибает, во второй герой остаётся в Константинополе и наблюдает, как когда-то Вс. Иванов в Сибири, череду правительств Византии, сменяющих друг друга; при этом ни одно из них не вызывает у народа доверия. В реальном Омске в период 1917–1920 годов это были Временное правительство, Советская власть, Временное Сибирское правительство, Директория, Российское правительство А. В. Колчака и вновь Советская власть. Тогда, в 1918 году друг Иванова поэт Ю. Сопов задавал роковые вопросы:

*Какому Богу молиться?
По какому пути идти?..
То, что в России творится,
Где ещё можно найти?
Факел знания потушен.
В цепи заковано слово.
Храм свободы разрушен.
Распята правда снова.
Всё святое забыто.
Стала мифом свобода.
Топчут в пыли копыта
Волю всего народа.
Ужаса чёрная птица
В жилах кровь леденит...
Какому Богу молиться,
По какому пути идти?..²¹*

Во второй редакции “Эдесской святыни”, в финале заключительной главы “Убрус возвеличивает верующих”, поэт Махмуд становится свидетелем того, что император Роман низложен, новые кесари, его сыновья, также арестованы, воцаряется император Константин. Политические перемены ни у кого из героев не вызывают надежд на лучшее, а лишь увеличивают количество безответных вопросов. На последней странице романа учитель Махмуда кади Ахмед открывает книгу нового императора и восклицает:

“Я-то думал почерпнуть в ней военные тайны, которые и передал бы, под видом мною собранных, Джелладину. Ничего там нет. О, хитрость! О, лукавство! О, Византия! Он сообщает в своей книге сведения об империи, относящиеся ко временам императора Юстиниана, другими словами, за четырёхсот лет до наших дней. Если так хитрит человек науки, то как же хитрят здесь люди политики? Кто тут истинно верующий и в кого они верят?

— В золото, — ответил Махмуд.

— Ты прав. В Багдаде у нас по-другому.

— В Багдаде? — задумчиво спросил Махмуд. И он повторил: — В Багдаде?” (с. 136).

Роман Иванова в этой редакции завершается очередным вопросом, на который ни поэт Махмуд, ни автор не дают ответа.

Нетрудно увидеть в историческом романе Иванова переключки с современностью. Государства, о которых идёт речь, — древние Багдад, Византия,

Болгария и Русь, – несомненно, имеют связи с реальными государствами середины XX века. Встречаются и отсылки к разным периодам позднейшей истории Европы, в том числе и к периоду Второй мировой войны. Так, рассказывая о витязе Свавольде, “норманне, викинге или, как их называла Русь, варяге” и о его познаниях в искусстве, Иванов замечает:

“Правда, влекомый страстями, он иногда сбивался с пути поклонения искусству и уничтожал подлинные сокровища, но что поделаешь? Он ведь жил в отстальные времена и был воином. Так, например, на острове Мэн в Ирландии он ни с того ни с сего сжёг несколько десятков общественных зданий, украшенных высокоценными статуями и редкой резьбой. Он стёр с лица земли города Нортумберии и Мерсии с их храмами, живописью и чудесными бронзовыми украшениями, равно как такие же прекрасные города на Сене, Луаре, Рейне... <...> Да что вспоминать!..” (л. 96).

Переключки с современностью имеют и разные “веры” – упомянутые в романе религии. Как в 1920-е годы, когда слова “старая” и “новая вера” в произведениях С. Есенина, Н. Клюева, С. Клычкова и Вс. Иванова (повесть “Бегствующий остров”, 1926) имели символический смысл и связаны были не столько с расколом XVII века, сколько с наблюдаемым ими в пореволюционной России “расколом” традиционной жизни народа, так и десятилетия спустя, в 1950-е годы, рассказывая о религиях разных стран, Иванов имеет в виду не столько их, сколько идеологические расхождения между различными реальными государствами. Дневник писателя периода Великой Отечественной войны и послевоенного времени показывает, что он много думал об этом. И это размышления человека, много повидавшего и в эвакуации в Ташкенте в 1942 году, и на Орловско-Курской дуге в 1943 году, и при взятии Берлина в 1945 году. Приведём несколько записей:

“Сообщение о боях под Волховом. Мы-то ничего не знали о них. И теперь пойми, кто врёт и кто говорит правду. Вообще информация, если она в какой-то степени характеризует строй, то не дай бог, – ужасно полное неверие в волю нашу и крик во весь голос о нашей непоколебимой воле (1 июля 1942)”²².

“... наши идеи состарились. Не из-за боязни перед Америкой мы говорим о России, <...> о Родине даже, о славянах, почти умалчивая о социализме и коммунизме. Что же нужно, чтобы идеи ожили? Омоложение! Оно возможно при том условии, если будут найдены новые формы, новые слова, при которых эти состарившиеся идеи заиграют. Почти можно быть уверенным, что в результате войны где-то в одной из стран, а может быть, и в двух вспыхнет советская республика. И также можно быть уверенным, что она заговорит иными словами, чем мы сейчас, чем мы раньше (8 сентября 1942)”²³.

“Когда немцы нас бьют, они кричат, что бьют русских, потому что бить советских не так лестно. Когда немцев бьют наши, они кричат, что их бьют советские, так как это и страшно, и необычайно. – Мы, кажется, поступаем вроде них. Когда нас бьют, мы кричим, что гибнет Россия и что мы, русские, не дадим ей погибнуть. Когда мы бьём, то кричим, что побеждают Советы, и хотя мы не проповедуем советской власти во всём мире, но всё же... от этих намёков у наших союзников мороз идёт по коже и морды цепенеют, так что их приходится уговаривать, что мы, де, не желаем никому советской власти, кроме самих себя (8 февраля 1943)”²⁴.

“И вот Человек всем сердцем признаёт новый Закон! Естественно, что Закон растёт, делается всё неумолимей, мощней... <...> В итоге – нечто фаталистическое, приговор – краткий, точный, исполнение – положительное и быстрое. Закон отступает только перед сумасшедшими и сильно больными... <...> Итак, Закон и никакой распутицы, все дороги известны и указаны... А как быть с Человечком, который хочет хотя бы небольшой, но лежащей за дорожкой Закона свободы? И вот, чем строже Закон, чем он неумолимей и точней, тем больше человек начинает мечтать о свободишке, даже не отдавая отчёта, что она из себя представляет. И толпами уходит к больным, сумасшедшим, болезненным, тощим (28 декабря 1946)”²⁵.

Можно предположить, что ответ на свои сомнения и вопросы писатель пытается найти для себя и в каком-то смысле для поэтов своего поколения в третьей редакции “Эдесской святыни”, где связь политики, веры и судьбы поэта ещё более подчёркнута: “Халиф заигрывает с россами, которые ему не столь важны, как болгары, дружащие с россами”²⁶; “Русские хотят использовать Сваловльда в качестве человека, ведущего переговоры с Византией. То, что он возвратится из Багдада, испугает византийцев”²⁷. И т. п.

И ответ этот нерадостный.

Наброски к этой редакции датируются началом 1960-х годов. В третьей редакции в судьбе поэта меньше акцентируются совершённые им ошибки (“придворное поведение”), на первый план выходит его бессилие среди политических интриг и религиозных споров. Он слишком многое понимает, но ничего не может сделать, и оттого страдает и тоскует:

“Махмуд грустил. Он видел, что убрус не только ему не давал забвения, но ни на йоту не уменьшил страдания всего огромного города, и, по-видимому, всей империи”²⁸.

В ярких описаниях несправедливо устроенного общества Византии можно найти отсылки ко многим политическим реалиям середины XX в.:

“В то время как вокруг царили преступления, пытки, лжесвидетельства, нищета, глашатаи на площадях, равно как и подосланные рассказчики в кофейнях, утверждали, что над Византией – безоблачное небо, вокруг, как и в ней, плещет благоденствие, и было бы ещё лучше, кабы не набеги варваров и пиратов, из-за которых Византии приходится строить много кораблей, готовить дорогостоящий всевоспламеняющий “огонь”, и что в Византии всего этого нет, а всё это есть лишь у сарацин и больше ни у кого. <...> Поборы стали так велики, что даже император Роман издал закон в защиту крестьян, которых чиновники, завладевшие крупными участками земли, грабили беспощадно. <...> крестьяне разбежались, поля оставались незасеянными, голодная армия начала роптать.

Слово человека было задушено. Повторяли только то, что говорил сам кесарь. К счастью, кесарь был болтлив, говорил о чём попало, и у него было достаточно мыслей, чтобы люди без особого напряжения говорили бы друг с другом. Кесарь слегка заикался, и Махмуд вдруг увидел с крайним удивлением, что весь Константинополь заикается. Он не желал ссориться со всем городом и тоже стал говорить с лёгким заиканием, и, странное дело, это доставляло ему даже некоторое удовольствие”²⁹.

К сожалению, родина поэта – в романе это Багдад – в плане политики мало отличается от Византии и других стран:

“По мере того как Махмуд лучше стал понимать греческий язык <...>, он узнавал там <в Константинополе. – Е. П.> странные мнения Базара об арабах. Утверждали, что арабы и с большим удовольствием съедают пленных, <...> что покорённые народы ограблены и изувечены, должны постоянно работать на арабов; что за малейший протест сажают в клоповники; что храмы превращают в конюшни, а училища – в непристойные дома; что на родном языке разрешается лишь высказывать славу халифу, а с любимой, если она не понимает арабского, изволь объясняться знаками. Так думали об арабах не только невежественные люди Базара, но и образованные византийцы. Во всём этом, если вдуматься, была некоторая доля правды. Но беда была в другом: <...> всё, что говорилось в Константинополе об арабах, в Багдаде утверждали о византийцах и на базаре, и среди людей образованных. Голова у Махмуда шла кругом”³⁰.

Собственно, все представленные в романе государства мало различаются между собой:

“Отношение к вещам в Багдаде, Византии, Риме. Все три страны, вернее, их правительства, стремятся к тому, чтобы создавались орудия войны, наилучшие: оружие, корабли, невольники. Они выпытывают друг у друга – кто, как и чем это делает?”³¹.

Ключевым для авторского понимания назначения и судьбы поэта является диалог Махмуда с отцом Павлом об Эдесском убресе:

- Ты говоришь, он даёт забвение прошлого?
– Да.
– Почему же он мне <не> дал забвения, а, может быть, усилил отрицание?
– Не знаю.
– Я пробовал описать сладость этого забвения в песне, получилось едва ли десять строк, и то посредственных. Другие мои песни значительно лучше.
– Ты поэт?
– Да.
Отец Павел улыбнулся.
– Теперь я понимаю, почему тебя не посетило забвение. Зачем оно поэту?
– Я страдаю.
– Ты и должен страдать. Это твой удел, твоя жизнь.
– Но ты же утверждаешь, святой отец, что он жалеет людей.
– Людей – да, поэтов – нет.
– Разве поэты не люди?
– Нет.
– Выше?
– Не выше, не ниже. Они – страдание. Чудовищное, непрерывное страдание, болезнь мира. Они – вещи. Они видят позади, вокруг себя, в будущем. Они приняли на себя все страдания людей, и оттого другие хоть минут<у> могут быть счастливы; они же несчастны всегда, даже тогда, когда утверждают, что счастливы.
– Бог знает, что ты говоришь! Кажется, ты хочешь передать поэту страдание. Уговорить меня принять его во имя того, чтоб неск<олько> люд<ей> жили.
– Да, жизнь в будущем оплачивается дорого³².

Окончиться третья редакция романа Иванова, судя по наброскам, тоже должна была печально, хотя не обязательно так же трагически, как и первая. Лишь на одном из листов черновика Иванов записывает такой вариант судьбы поэта: “халиф казнит его”³³. Но очевидно, что при любом варианте финала романа сама эдесская святыня, которая становится лишь средством в политических играх, которую крадут, подменяют, отвергают, в чем принимает участие и сам Махмуд, подчиняясь обстоятельствам, никого не спасает от страданий в оставленном Богом мире.

Судьба главного прототипа поэта, писателя Всеволода Иванова, не сложилась безоблачно. Нет, “халиф” не казнил его. Но недоверие начала 1920-х годов к “мужиковствующему попутчику” (определение Л. Троцкого) после книги “чёрных, висельных рассказов” (определение критика И. Гроссмана-Рощина) “Тайное тайных”, где автор обращался к реальным проблемам и изменениям русской жизни и русской души в кризисную, переломную эпоху, переросло к 1930 году в прямые обвинения: “Образ асоциального, поработённого примитивными инстинктами человека стремительно заполняет всё творчество Иванова, упрощаясь и обезличиваясь до пределов голой схемы. <...> Творчество позднейшего Иванова чуждо социалистической революции”³⁴. Несмотря на активное, казалось бы, участие Иванова в горьковских общественно-литературных проектах 1930-х годов (“История гражданской войны”, “История фабрик и заводов”, “Люди пятилетки”), на деятельность в Союзе писателей СССР, “своим” он так и не становится. 22 мая 1939 года Иванов подводит своего рода итог собственной деятельности 1930-х годов, в основе которой лежали “государственные соображения”: “В “Корчме” Фадеев передал мне слова хозяина: “Иванов себе на уме”. Для того чтобы создлось такое впечатление, мало чтения книг моих, а много “сообщений”. <...> Весьма странное зрелище быть чужим на собственном пиру. <...> ...я зарегистрирован, хожу, могу говорить речи, меня приветствуют <...>, издают, – и тем не менее чужой! Ужасно невыгодно и для них, – и для меня”³⁵. Начиная с книги “Тайное тайных” растёт количество произведений писателя, которые при его жизни не печатаются. Среди них романы (“Кремль”, “У”, “Вулкан”),

пьесы (“Алфавит”, “Синий в полоску”, “Канцлер”, “Левша”), повести, рассказы (“Фантастический цикл” и др.). При жизни Иванова не публиковались и роман “Эдесская святыня”. Переиздавались только идеологически отредактированные “партизанские повести”, “Встречи с М. Горьким” и роман “Пархоменко”. Новые произведения Иванов писал “в стол”, даже не пытаясь предложить их к публикации. “А всё-таки ужасающая ненормальность, — записывает Иванов в дневнике 18 января 1956 года. — Я — писатель, более или менее нужный, с именем. Ни один журнал — кроме газет — не позвонит, а чтобы издательство — лет десять не звонило. Что, им важнее всего не издавать меня?”³⁶ Дневник писателя 1950 — начала 1960-х годов уже почти не содержит, как в военное время, неразрешимых вопросов о происходящем в стране. По большей части это краткие записи о событиях дня или развернутые — о путешествиях на родину, в Сибирь, которые Иванов, уже тяжело больной, совершал в последние несколько лет своей жизни. О том, что сомнения и вопросы никуда не ушли, свидетельствует, пожалуй, только запись от 20 сентября 1962 года, сделанная в поезде в Красноярске: “Многие констатируют с удивлением, что наша молодёжь охвачена апатией, равнодушием к общественным вопросам. Но молодёжь ли только? Это же самое говорил мой спутник, он утверждал даже, что появились своеобразные “аристократы, князьки”. И опять узенькие брючки! — Дались им. <...> А по-моему, вопрос глубже; апатией затронуты огромные слои населения — это и позволяет всплывать наружу всяческим авантюристам и жуликам, даже и у нас в литературе. Снаружи вроде и шум, вроде и аплодисменты, а на самом деле — апатия, равнодушие”³⁷.

Возвращаясь к роману “Эдесская святыня”, вспомним ещё раз заключительные слова его автора, сказанные о поэте:

“Не будем судить ни его, ни друзей, ни подруги, ни визиря, ни халифа. С тех времён прошла тысяча лет, и имена их давно забыты. Забыты и песни Махмуда иль-Каман, и только иногда молодой араб, укрываясь от жгучего ветра пустыни за холмом, в своём рваном коричневом шатре споёт песню о возлюбленной, которой он ещё не знает, и в песне этой упомянет о судьбе, кривой, как нож, рукоятка которого украшена орнаментом из семи роз, а лезвие — тремя лепестками. Араб поёт, но кем и когда написана песня, он не знает. Да и нужно ли ему знать?” (с. 294).

125 лет прошло со дня рождения писателя Всеволода Иванова. Когда-то, в 1920-е годы читатели на родине и за её пределами восхищались рассказами, “яркими, как сибирские цветы”, и их героями — “лохматыми, травоподобными, земляными людьми”³⁸. Судя по отзывам в интернете, сейчас читаются совершенно другие его произведения.

Песни поэта не забыты.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Электронный ресурс: fantlab.ru. edition 185013. Дата обращения 9 января 2020.
- ² Иванова Т. В. Мои современники, какими я их знала. М., 1987. С. 174 — 175.
- ³ Иванов В.с. Эдесская святыня. Романы, повесть, рассказы, публицистика. Алма-Ата, 1986. С. 294. Далее все цитаты из романа даются по этому изданию с указанием страниц в скобках.
- ⁴ Иванова Т. В. Мои современники, какими я их знала. С. 175.
- ⁵ Византийский словарь / сост., ред. К. А. Филатова. СПб, 2011. С. 505.
- ⁶ Иванов В.с. Дневники. М., 2001. С. 413.
- ⁷ Там же. С. 39.
- ⁸ НИОР РГБ. Ф. 613. К. 10. Ед. хр. 1. Л. 121.
- ⁹ Подробнее см.: Всеволод Иванов. “Бронепоезд 14-69”: Контексты эпохи. М., 2018.
- ¹⁰ Иванов В.с. Кондратий Худяков // Иванов В.с. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 8. М. 1978. С. 278-279.
- ¹¹ Единая Россия. 1919. № 4. Цит. по: Всеволод Иванов. “Бронепоезд 14-69”: Контексты эпохи. С. 638.

- ¹² Подробнее о Ю. Сопове см.: Штырбул А. А. Дожить до сентября. Судьба поэта Юрия Сопова: историко-литературное исследование. Омск, 2015.
- ¹³ Иванов В.с. Кондратий Худяков. С. 274.
- ¹⁴ Там же. С. 281.
- ¹⁵ Земля и труд. Курган, 1918. 1 июня. С. 3. Цит. по: Всеволод Иванов. “Бронепоезд 14-69”: Контексты эпохи. С. 630.
- ¹⁶ Цит. по рукописи из семейного архива.
- ¹⁷ Цит. по: К вопросу о политике РКП(б) в художественной литературе. М., 1924. С. 106-107.
- ¹⁸ Иванов В.с. Сергей Есенин // Иванов В.с. Собрание сочинений. Т. 8. С. 299.
- ¹⁹ Подробнее см.: Всеволод Иванов. “Бронепоезд 14-69”: Контексты эпохи. С. 30-39.
- ²⁰ Вторая редакция романа “Эдесская святыня” цитируется по машинописи из семейного архива с указанием листов в скобках.
- ²¹ Сибирская речь. Омск, 1919. 14 янв. Цит. по: Всеволод Иванов. “Бронепоезд 14-69”: Контексты эпохи. С. 636.
- ²² Иванов В.с. Дневники. М., 2001. С. 100.
- ²³ Там же. С. 132.
- ²⁴ Там же. С. 258.
- ²⁵ Там же. 362-363.
- ²⁶ НИОР РГБ. Ф. 673. К. 10. Ед. хр. 1. Л. 40.
- ²⁷ Там же. Л. 102.
- ²⁸ Там же. Л. 11.
- ²⁹ Там же. Л. 126.
- ³⁰ Там же. Л. 126.
- ³¹ Там же. Л. 109.
- ³² Там же. Л. 13.
- ³³ Там же. Л. 113.
- ³⁴ Литературная энциклопедия. Т. 4. М., 1930. С. 402-403.
- ³⁵ Иванов В.с. Дневники. С. 43-44.
- ³⁶ Там же. С. 393.
- ³⁷ Там же. С. 456-457.
- ³⁸ Львов-Рогачевский В. Новый Горький. Всеволод Иванов // Современник. 1922. № 1. С. 159.

ПЁТР ТКАЧЕНКО

НА РУИНАХ ВЕЛИКИХ ИДЕЙ...

*Над мировой чепухой,
Над всем, чему нельзя помочь...*

Александр Блок.

Вот, оказывается, почему русская литература теперь столь настойчиво, бесцеремонно и беспощадно вытесняется из общественного сознания и изгоняется из образования. В своих вершинных творениях глубоко христианская и православная, она постигает то, что большинству людей пока неочевидно и неведомо. И в этом смысле она – пророческая, так как объясняет то, что происходит в действительности, помогает человеку выбраться из-под глыб всевозможных духовных, мировоззренческих, идеологических и пропагандистских напластований. Она помогает человеку уберечься в этом жестоком и беспощадном мире и, прежде всего, спасти свою душу среди немилосердных сил зла.

А потому обществу потребления она не только не нужна, но и противопоказана, враждебна, ибо подрывает его хлипкие устои, обнажая его убожество и ничтожество. Она не нужна упрощённым позитивистским, материалистическим воззрениям, отрицающим духовную природу человека, для которых жизнь человеческая всего лишь “способ существования белковых тел, существенным моментом которого является обмен с внешней средой” (Ф. Энгельс). При непрременном условии, конечно, что за литературу мы не выдаём всё писанное, подчас торопливо и бездумно, подверженное всевозможным внешним влияниям, рабски повторяющее понятия распространённые и устоявшиеся, но нередко ложные. Но лишь то, что, “не мысля гордый век забавить” (А. С. Пушкин), называет вещи этого мира их истинными именами, помня, что *в начале было Слово*.

Когда 15 апреля 2019 года в Париже горел собор Парижской Богоматери, это было воспринято как зловещее знамение, как знак и символ, как пророчество о нашем дне. Как закат и гибель европейской цивилизации, умаляющей человека, а то и дерзающей обойтись без него. Цивилизации, столь долгое время остававшейся для многих образцом и эталоном. Но поскольку с этим так трудно было смириться и так не хотелось в это верить, то лукавый разум тут же поспешил представить это несчастье не как дело рук человеческих, вне зависимости от того, умышленный ли это поджог или непроизвольное возгорание, а как некое стихийное, природное явление и как конец света. Но не как неизбежный результат отступления, отпадения человека от своей духовной природы, не как возмездие ему.

Да, в общественном сознании давно сложилась своеобразная традиция: духовные и социальные потрясения представлять как катаклизмы природные, находящиеся вне человека, с ним никак не связанные. Велик соблазн — следствие принять за причину, тем более, когда эти катаклизмы — “Скифы” — наглядны, и “Скифы” ужасны. Но наиболее чуткие души и проницательные умы в этот соблазн не впадали, даже когда поминали эти катаклизмы. Как в поэме А. Блока “Скифы” землетрясения соотнесены с общественными потрясениями: “И дикой сказкой был для вас провал // И Лиссабона, и Мессины!” И в его же поэме “Возмездие”:

*Безжалостный конец Мессины
(Стихийных сил не превозмочь),
И неустанный рёв машины,
Кующей гибель день и ночь.*

Гибель человеку грозит вовсе не от природных катаклизмов (хотя, конечно, когда они случаются, многие в них погибают), а от деятельности самого человека. Ведь “стихия” в мире поэта является той незримой закономерностью и неизбежностью, по которым свершается жизнь человеческая и народная. И весь вопрос состоит в том, в какой мере “в согласии со стихией” живёт человек...

При лицезрении пожара собора Парижской Богородицы пришло поразительное понимание того, что он давно был предвиден и предсказан — и не только Виктором Гюго. И пожар, и крах той цивилизации, которую символизировал и олицетворял этот собор. Скажем, в стихотворении Николая Гумилёва “Франция”:

*О, Франция, ты призрак сна,
Ты только образ, вечно милый,
Ты только слабая жена
Народов грубости и силы.*

*Твоя разряженная рать,
Твои мечи, твои знамёна —
Они не в силах отражать
Тебе враждебные племёна.*

*...И твой весёлый, звонкий рог,
Победный рог завоеваний,
Теперь он беден и убог,
Он только яд твоих мечтаний.*

*И ты стоишь обнажена,
На золотом роскошном троне,
Но красота твоя, жена,
Тебе спасительнее брони.*

*Где пел Гюго, где жил Вольтер,
Страдал Бодлер, богов товарищ,
Там не посмеет изувер
Плясать на зареве пожарищ.*

*И если близок час войны
И ты осуждена к паденью,
То вечно будут наши сны
С твоей блуждающею тенью.*

*...Твоя война — для нас война.
Покинь же сумрачные станы,
Чтоб песней, звонкой, как струна,
Целить запёкшиеся раны.*

*Что значит в битве алость губ?
Ты только сказка, отойди же.
Лишь через наш холодный труп
Пройдут враги, чтоб быть в Париже.*

Это стихотворение выражает не только расхожее представление периода Первой мировой войны, участником которой был Николай Гумилёв, но и то, опять-таки расхожее, представление о Франции и Париже, которое владело умами и душами многих его современников, жило как безусловно положительная величина в образованной части общества. Был такой величиной, даже, можно сказать идеалом, Париж и для Н. Гумилёва. Это подтверждается и фактами его биографии. Только получив аттестат зрелости в гимназии, он в двадцатилетнем возрасте оказывается в Париже. И тянула его туда не страсть к наукам и образованию, а, как видно по всему, страсть к путешествиям, к экзотике. Свадебное путешествие с Анной Горенко (Ахматовой) он совершает, конечно же, в Париж... И позже, уже в июле 1917 года он оказывается в Париже, в составе Экспедиционного корпуса – вплоть до того времени, когда этот корпус перестал существовать.

Париж для Гумилёва был символом свободы, цивилизации, прогресса, наконец, литературного и житейского “успеха”. Его современник, поэт И. Анненский так и писал о его книжке “Романтические цветы”: “Лучшим комментарием к книжке служило слово *Париж* на её этикетке. Русская книжка, написанная в Париже, навеянная Парижем”. Что-то вроде знака качества, несомненной и безусловной положительной оценки. Неуёмная же страсть Н. Гумилёва к экзотике и путешествиям, следование эстетическим программам привело к тому, что Александр Блок назвал нежеланием “иметь тени представления о русской жизни и жизни мира вообще”...

Но коль Франция и Париж – не реальные, а их символы и образы – являются для нас главной духовной ценностью, эту “Францию”, этот “призрак сна” надо защитить любой ценой, несмотря на то, что она уже “бедная” и “убогая”, лишь “яд мечтаний”, “осуждена к паденью”. Потому что наши сны – её сны, (“с твоей блуждающею тенью”), с тем, что уже не существует. Это уже не существующее надо защитить даже ценой собственной гибели: “Лишь через наш холодный труп // Пройдут враги, чтоб быть в Париже”. Признание обречённости “Франции” и того, что её, прежней, уже нет, и в то же время защита её любой ценой, даже ценой собственной гибели – это, конечно, свидетельство того, насколько крепко в человеке живут те или иные убеждения, что они так легко, как одежда, не сбрасываются.

Надо полагать, это и есть главная духовная и цивилизационная задача, стоявшая перед нами, выраженная в стихотворении Николая Гумилёва “Франции”. И “защитили” этот “призрак сна” ценой революционного крушения собственной страны, ценой гибели миллионов людей. Из такой системы ценностей другого исхода и быть не могло, так как в ней не находилось места собственной стране и своему народу.

Как ни крути, но получается так, что Николай Гумилёв оказался выразителем того политического курса, который вверх Россию в войну и привёл к революционному крушению страны. Было ли такое “патриотически” ангажированное представление в литературной среде единоклубным? Нет, конечно. Припомним стихи Якова Полонского, посвящённые Аполлону Майкову:

*Поверь, не нужно быть в Париже,
Чтоб к истине быть сердцем ближе,
И для того, чтоб созидать,
Не нужно в Риме кочевать.*

Но более пронизательные умы не в том, чтобы лечь костью за Францию, видели цивилизационную задачу и наше предназначение, так как не это было основным смыслом и содержанием тогда происходившего в мире. Не послушное и рабское следование “призраку сна” и слияние с ним, а совсем противоположное, давнее и неизменное, пушкинское: “Иль нам с Европой спорить ново?..”

В мире и с Россией происходило совсем не то, что отразилось в апологетике Николая Гумилёва, а прямо противоположное, воплощённое в “Скифах” Александра Блока:

*Вы сотни лет глядели на восток,
Копя и плавя наши перлы,
И вы, глумясь, считали только срок,
Когда наставить пушек жерла!*

*Вот — срок настал. Крылами бьёт беда,
И каждый день обиды множит,
И день придёт — не будет и следа
От ваших Пестумов, быть может!*

Поразительно, как полярно и противоположно понимали современники происходящее в мире... Современник Н. Гумилёва А. Блок в то же самое время писал о том, что Франция — самая немusыкальная страна в мире — заполонила своими звуками весь мир. Под “музыкой” так же, как и под “стихией”, поэт понимал ту духовную крепость и цельность, с которыми только и может свершаться жизнь человеческая и народная. Но теперь-то, век спустя, после всех катастроф и трагедий XX века, ввиду новой нешуточной конфронтации в мире мы можем вполне определённо сказать, кто из поэтов выразил отвлечённый “призрак сна”, а кто — реально происходившее в жизни.

Но откуда у Н. Гумилёва эта отвлечённость и эта блажь? Она вовсе не нова в российском обществе, в среде людей образованных, как сказали бы сегодня, в элите. Он лишь покорно, рабски её повторяет: “Нет никакого сомнения, что Париж — в настоящее время главный очаг социального движения в мире, что его салоны — привилегированные центры изуцной мысли нашего века; несомненно также, что в наши дни идеи и умы именно в Париже ищут и получают свои венцы, патенты и ореол” (П. Я. Чаадаев в письме к Сиркуру, 1845). А зародилась она с неверия в свой народ и в собственную страну, когда вдруг уверовали в то, что “бедная Россия заблудилась на земле” (П. Я. Чаадаев). И не просто уверовали в это, а попытались навязать общественному сознанию эту ядовитую догму как нечто “передовое” и “прогрессивное”. Из неверия в народ проистекает и сомнение в его вере. А отсюда — предпочтение для России католицизма вместо Православия. И вместо веры и Бога — “тайна времени”, “вселенский разум”, “вселенский дух, парящий над миром”, которые П. Я. Чаадаев пытался внушить А. С. Пушкину. Ну, а коль предпочтительнее “католицизм нового времени”, то “истина времени” представляет собой “нечто подобное той политической религии, которую в настоящее время проповедует Сен-Симон в Париже” (П. Я. Чаадаев). Словом, все пути вели в Париж. Там и нигде более может пребывать истина. Мироустройство просвещённым россиянам представлялось без России, ведь “бедная Россия заблудилась на земле”... Такой вот интеллектуальный блуд, который с некоторым кокетством П. Я. Чаадаев выразил в письме А. Х. Бенкендорфу: “Я пишу к государю по-французски. Полагаясь на милостивое ваше ко мне расположение, прошу вас сказать государю, что, писавши к царю русскому не по-русски, сам тому стыдился. Но я желал выразить государю чувство, полное убеждения, и не сумел бы его выразить на языке, на котором прежде не писал. Это новое тому доказательство, что в письме своём говорю его величеству о несовершенстве нашего образования. Я сам живой и жалкий пример этого несовершенства”.

Ну, какой же может быть патриотизм, если, согласно таким “просвещённым” убеждениям, он — низкое чувство и бедствие. Обращение к патриотизму недопустимо, ибо “это направление умов представляется мне истинным бедствием”. И ясно почему. Потому что мир, по убеждению мыслителя, шёл к единству, братству и “единомыслию людей”: “Все народы братались, и все местные и географические отличия стираются”. Действительно ли мир после Отечественной войны 1812 года, во времена П. Я. Чаадаева и во время Первой мировой войны, во времена Н. С. Гумилёва шёл именно туда, об этом ничего положительного сказать решительно невозможно.

Но теперь мы вправе задать вопросом: что же это за убеждения, которые не позволяли различить истинный смысл и значение происходящего? Их природа проступает довольно ясно. Это пренебрежительное отношение ко всему своему, родному и предпочтение ему чужого и случайного, не выходящего ни из духовной природы человека, ни из особенной жизни своего народа, ни из его истории.

И, уж коль мы говорим о пророчестве русской литературы, то должны задаться вопросом: что это за убеждения и воззрения, которые не только не в состоянии ничего предвидеть, но “пророчествуют” о прямо противоположном: “Спора нет, бури и бедствия ещё грозят нам; но уже не из слёз народов возникнут те блага, которые им суждено получить; отныне будут лишь случайные войны, несколько бессмысленных и смешных войн, чтобы отбить окончательно у людей охоту к разрушениям и убийствам”. (П. Я. Чаадаев. Письмо А. С. Пушкину. 7 июля 1831).

В. Соловьёв в статье “Первый шаг к положительной эстетике”, опубликованной в первом номере “Вестника Европы” за 1894 год, высказал и “обосновал” абсолютно сходную мысль: “При таких огромных вооружениях и при таком чрезвычайном обострении национального соперничества и вражды – такая небывалая нерешительность начать войну! Всякий невольно чувствует и понимает, что при нынешней всесторонней *связности* между различными частями человечества невозможно будет локализовать вооружённое столкновение и что небывалая громадность сил по численности войск и смертоносности вооружений представит войну во всем её ещё никогда прежде не виданном ужасе и сделает нравственно и материально невозможным её повторение. Значит, одно из двух: или, несмотря на весь милитаризм, война всё-таки не начнётся, или же, если начнётся, то будет *последнею*... Милитаризм съест войну. Вооруженные политические усобицы между нациями прекратятся, как прекратились постоянные усобицы их между отдельными внутри страны областями и городами”.

Представление, тоже считавшееся “передовым” и “прогрессивным”. Но пройдёт каких-то десять лет, и начнётся русско-японская война. А ещё через десять лет разразится Первая мировая война. Две страшных мировых войны сотрясут человечество в железном революционном XX веке. Да и прекратились ли усобицы внутри стран? Новый XXI век отмечен не только бесконечными локальными военными конфликтами, но и некой общей расстроенностью, сделавшей мир зыбким.

В таком случае, что же это за тип сознания, приводящий мир в такое нестабильное состояние, не прозревающий истинной сути происходящего, не способный к предвидению в принципе, поработанный своими мифами, не способный распознать реальный ход событий? Видимо, этот тип сознания, так называемый “прогрессистский”, содержит в себе некий изъян, не позволяющий ему делать этого. И такой “изъян” в философии В. Соловьёва обнаруживается. Это отречение от самосознания народа в угоду какому-либо отвлечённому идеям, которое проистекало, как совершенно очевидно, из странного убеждения в том, что национальность в человеке есть “сила, дифференцирующая и разделяющая”, а значит, якобы препятствующая, мешающая нашему продвижению по пути прогресса. А потому национальность должна быть каким-то образом изъята: “Нравственный долг требует от народа, прежде всего, чтобы он отрёкся от этого национального эгоизма, преодолел свою природную ограниченность, вышел из своего обособления”. То есть, совершенствование человека предлагалось не через самопознание, а минуя его. Предлагался не мир единый в своём многообразии, а просто единый, как казарма или тюрьма. Предлагалось новое, “просвещённое”, но всё то же вавилонское строительство.

Таким образом, единичность человека и самобытность народа приносилась в жертву всемирности, причём невозможной. Не равновесие и неравнозначность самобытности и всемирности, а господство последней как якобы более драгоценной. В этом состоял соблазн всякого рода “глобализаций”, теперь уже проверенный трагическим опытом... Но такое убеждение приводило, по сути, к неразличению мира. В основе же его было отрицание духовной природы человека. А отсюда неизбежно проистекало и отрицание народа, его самобытности и его бытия...

Но поразительно, как это примитивное представление, не приводящее к предвидению, устойчиво, повторяется в неизменности, даже на уровне текстуальных совпадений, несмотря на произведённые им разрушения! Нынешний председатель Счётной палаты Российской Федерации Алексей Кудрин предлагал России отказаться от “национального эгоизма” (текстуальное совпадение с В. Соловьёвым), национального суверенитета. Задавать тон, мол, должны “ведущие”, в смысле “цивилизованные” страны, а пользоваться им

будут другие государства, которые присоединяются к более развитым партнёрам... Если это представление, писанное почти сто тридцать лет назад, траченное молью, проверенное трагическим опытом, вновь как в ни в чём не бывало повторяется, что это, как не интеллектуальное ничтожество?..

Известный экономист Валентин Катасонов справедливо прокомментировал это суждение Алексея Кудрина: “Это вопрос уже уголовно-правовой, есть соответствующие статьи УК РФ, которые подобного рода заявления квалифицируют как госизмену... Я думаю, что это уже скорее вопрос к прокуратуре”.

Важно отметить, что вновь предлагаемое “обустройство России” абсолютно повторяет прежние разрушительные догматы. И это даёт надежду на его обречённость.

Но были ли тогда и в последующем иные представления, не столь упрощённые и наивные? Были, всегда бывают, как правило, беспощадно забываемые такой вот “прогрессивистской” схоластикой. В связи с этим вспоминается поистине уникальный “документ” — докладная записка министра внутренних дел России Петра Николаевича Дурново, поданная им в феврале 1914 года Николаю II, в которой он убеждал царя любой ценой предотвратить войну, предсказывая крушение государства: “Россия будет ввергнута в беспросветную анархию”. П. Н. Дурново был приговорён левыми террористами к смерти... А всё произошло по писанному.

Непонимание своего народа, несправедливое принижение своей страны, убеждение в том, что “мы действительно сбились с своего естественного пути”, к предвидению и пророчествам не приводят. Точнее об этом не скажешь, чем словами А. С. Пушкина в его знаменитом письме к П. Я. Чаадаеву от 19 октября 1836 года: “Нет сомнения, что Схизма отделила нас от остальной Европы и что мы не принимали участия ни в одном из великих событий, которые её потрясали, но у нас было своё особое предназначение. Это Россия, это её необъятные пространства поглотили монгольское нашествие. Татары не посмели перейти наши западные границы и оставить нас в тылу. Они отошли к своим пустыням, и христианская цивилизация была спасена. Для достижения этой цели мы должны были вести совершенно особое существование, которое, оставив нас христианами, сделало нас, однако, совершенно чуждыми христианскому миру, так что нашим мученичеством энергичное развитие католической Европы было избавлено от всяких помех... Но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог её дал”.

Надо отдать должное П. Я. Чаадаеву: его суждения иногда были и справедливы. Как в том же письме Сиркуру 1845 года: “Да, вторжение западных идей — идей, отвергаемых всем нашим историческим прошлым, всеми нашими национальными инстинктами, — вот что парализовало наши силы, извратило все наши прекрасные наклонности, исказило все наши добродетели, наконец, низвело нас почти на ваш уровень. Итак, мы должны вернуться назад, должны воскресить то прошлое, которое вы так злобно похитили у нас...” Особенностью мыслителя было то, что об одних и тех же явлениях он высказывал порой прямо противоположные суждения. А потому из них можно выстроить, и выстраивают, какую угодно концепцию, внешне правдоподобную.

Когда я с ужасом смотрел на пылающий собор Парижской Богоматери, мне вспоминалось не только стихотворение Николая Гумилёва, но и стихотворение нашего современника, выдающегося поэта Юрия Кузнецова (1941–2003). Стихотворение, написанное почти сорок лет назад, в 1980 году:

*Для того, кто по-прежнему молод,
Я во сне напоил лошадей.
Мы поскачем во Францию — город
На руины великих идей.*

*Мы дорогу найдём по светилам,
Хоть светила сияют не нам.
Пропылим по забытым могилам,
Прогремим по священным камням.*

*Нам чужая душа — не потёмки
И не блеск Елисейских Полей.
Нам едино, что скажут потомки
Золотых потускневших людей.*

*Только русская память легка мне
И полна, как водой решетом...
Но чужие священные камни,
Кроме нас, не оплачет никто.*

Почему “кроме нас не оплачет никто”? Потому что:

*Мы любим всё — и жар холодных чисел,
И дар божественных видений.
Нам внято всё — и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений.*

“Изувер”, как и ожидалось, не посмел “плясать на зареве пожарищ”. Видимо, всё-таки уразумел, понял, что горит не только собор, не только “старый мир”, но горит и он сам, вышколенный и пропитанный этим цивилизованным “миром”: “Результат получился странный и неожиданный, но, в сущности, совершенно правильный. Западники начали с поклонения перед Европой и кончили тем, что стали отрицать формы европейской жизни, ибо стали отрицать вообще всякие сложившиеся формы, всякую историю... Они так понаторели в отрицании форм русской жизни, довели свои приёмы в этом деле до такой остроты и тонкости, что потом и западная жизнь не могла устоять перед этим изощрённым оружием” (Н. Н. Страхов). Писано это, как понятно, задолго до “конца истории” нашего времени.

Собор, разумеется, восстановят. Ведь с невероятной быстротой собраны для этого средства. Только не восстановить “руины великих идей”. Впрочем, в этом нет необходимости. Почему в стихотворении Юрия Кузнецова *Франция — город, а не страна*, как вроде бы должно быть? Потому что это тот город, который стал строить Каин, отпав от Бога. Да ещё и обвинивший Бога в том, что Он гонит его от себя: “Вот Ты изгоняешь меня днесь от лица земли” (Бытие, 4:14). Но Бог не изгоняет Каина. Более того, Он спасает его, положив на него знамение, печать. Каин — “не только имя собственное, но обозначение некоторой духовно-исторической общности”, существующей всегда (Е. А. Авдеенко. “Тема “Каин” в современном мире”, М., Класис, 2014).

Что же нам следовать тем, кто “не усомнился вычеркнуть жизнь русского народа из истории всемирного развития”, тем более, что “европейское просвещение приносит на нашей почве скудные и уродливые плоды” (Н. Н. Страхов)? Насаждаемое кнутом и мечом, а потом бездумным и безотчётным обезьянничеством, оно, во многих мере, определило нашу государственную судьбу и наш нравственный облик, несмотря на приносимые им на нашу землю войны. А теперь принесло и руины. Ведь в какой мере благотворным было для нас это “просвещение”, мы не знаем, так как перед нами нет итогов непросвещения. А коль идеалы и “сны” у нас были общими, общей оказалась и разруха. Прежде всего, в умах и душах.

Нам же теперь предстоит осознать, что их руины — это не только предмет сострадания, а то, что это наши общие руины. А потому теперь нам быть и печалиться на руинах не чьей-то, а своей собственной жизни.

АЛЛА НОВИКОВА-СТРОГАНОВА

“МИР, ГДЕ РУСЬЮ ПАХНЕТ...”

К 125-й годовщине памяти Н. С. Лескова

Небывалый талант Николая Семёновича Лескова (1831–1895) – одного из крупнейших русских классиков, – созданный им яркий, оригинальный, самобытный художественный мир ни при жизни писателя, ни долгое время после его смерти не могли оценить по достоинству. “Достоевскому равный, он – прозёванный гений”, – стихотворная строчка Игоря Северянина о Лескове до недавнего времени звучала горькой истиной. Его пытались представить то бытописателем, то рассказчиком анекдотов, то словесным “фокусником”, в лучшем случае – непревзойдённым “волшебником слова” – и только.

Своеобразие Лескова связано, прежде всего, с его духовно-нравственными воззрениями, во многом определившими идейно-тематическое содержание творчества, его уникальную художественно-образную систему, а также независимую позицию в различных общественных вопросах. Писатель был убеждён в том, что книги должны “не только занять внимание читателя, но дать какое-нибудь доброе направление его мыслям”.

Это “доброе направление” Лесков связывал с христианством, отмечая: “Я имел в виду <...> важность Евангелия, в котором, по моему убеждению, сокрыт глубочайший смысл жизни”¹. О “важности Евангелия”, в котором “есть всё, – даже то, чего нет”², замечательный художник слова размышлял, говорил и писал постоянно – до последних дней своих. Он подготовил **“Изборник отеческих мнений о важности Священного Писания. Собрал и издал Н. Лесков”** (1881). В последний период творчества Лесков создал уникальное произведение – **“Зеркало жизни истинного ученика Христова”** (1890), предпослав ему многозначительный эпиграф из Нового Завета: “Кто не берёт креста своего и не следует за Мною, тот не достоин Меня” (Мф. 10: 38). Важнейшая задача жизни истинного ученика Христова – в соответствии с христианским учением о “самособирании” человека – помочь читателю “собрать себя” “в мыслях, словах и делах”³, сообразуясь со словами Христа: “Я дал вам пример, чтобы и вы делали то же, что и Я делал” (Ин. 13:15). Таким образом, “зеркалом жизни” для каждого христианина, считает Лесков, должен быть Сам Иисус Христос: “Старайся вообще, чтобы во всех твоих делах, словах и мыслях, во всех твоих желаниях и намерениях развивалось непременно чистое и согласное настроение к высшей цели жизни, то есть к преобразованию себя по образу или по примеру Иисуса Христа, и будешь тогда *Его ученик*”⁴.

Уже на склоне лет, в 1891 году маститый автор признавался в том, что именно “хорошо прочитанное Евангелие” указало ему истинный путь и собственное человеческое призвание.

“Истина, добро и красота” – в этой триединой формуле Лесков выразил идеал, к которому необходимо стремиться.

Как былинного богатыря русского героического эпоса, Лескова, по его словам, “тяготила тяга знания родной земли”, которая получила завершённое художественное выражение в создании объёмно-стереоскопической, порой мозаично-пёстрой картины жизни России. Писатель “насквозь русский”⁵, знавший русского человека “в самую его глубь”⁶, воплотил в своих героях – с их речью, мироощущением, душевными порывами – все существенные особенности национального характера. В прозе Лескова, “как ни у одного другого писателя нашей земли”, открывается “целый мир невиданной красоты, неповторимых образов, сверкающей фантазии, расписной, причудливый мир, где Русью пахнет – и сладко, и горько, и нежно, и дымно”⁷.

Лесков вступил на литературное поприще в 1860-е годы, будучи уже зрелым, сформировавшимся человеком с большим жизненным опытом и огромным запасом житейских наблюдений.

Образования в Орловской губернской мужской гимназии, которая в то время “велась из рук вон дурно”, он не завершил. Впоследствии в “**Заметке о зданиях**” (1860) писатель вспоминал: “в о<рловск>ой гимназии, где я учился, классные комнаты были до того тесны, что учителя затруднялись найти ученику, отвечающему урок, такое место, до которого бы не доходил подсказывающий шёпот товарищей, духота всегда была страшная, и мы сидели решительно один на другом”.

Мертвенная схоластика в преподавании, бездушие и даже жестокость по отношению к воспитанникам не могли не отталкивать юного гимназиста. В “**Автобиографической заметке**” (1882–1885) Лесков писал: “Кто нас учил и как нас учили – об этом смешно и вспомнить. В числе наших учителей был один, Вас<илий> Ал<ександрович> Функендорф, который часто приходил в пьяном бешенстве и то засыпал, склоня голову на стол, то вскакивал с линейкой в руках и бегал по классу, колотя нас кого попало и по какому попало месту. Одному ученику, кажется, Яковлеву, он ребром линейки отсёк ухо, как рабу некоему Малху, и это никого не удивляло и не возмущало”.

В то же время в гимназии у Лескова был любимый духовный наставник – талантливый преподаватель Закона Божия отец Евфимий Андреевич Остромысленский (1804–1887). О нём писатель отзывался с особенной теплотой: “Первые уроки религии мне были даны превосходным христианином. Это был орловский священник Остромысленский – хороший друг моего отца и друг всех нас, детей, которых он умел научить любить правду и милосердие”. Неудивительно, что изучение Священного Писания стало для Лескова любимым предметом – единственным, в котором он проявил “отличные успехи”⁸.

Личность Е. А. Остромысленского и его “добрые уроки” писатель впоследствии не раз с благодарностью вспоминал и литературно сберёг в образах православных священников: например, в святочных рассказах “**Привидение в Инженерном замке**” (1882), “**Зверь**” (1883), “**Пугало**” (1885), “**Грабёж**” (1887), в хронике “**Чающие движения воды**” (1867), в “были из недавних воспоминаний” “**Владычный суд**” (1877)...

Так, спустя три десятилетия после выхода из гимназии Лесков посылает литературный поклон своему “превосходному законоучителю”: “Научился я религии у лучшего и в своё время известнейшего из законоучителей о. Евфимия Андреевича Остромысленского <...> я был таким, каким я был, обучаясь православно мыслить от моего родного отца и от моего превосходного законоучителя – который до сих пор, слава Богу, жив и здоров. (Да примет он издали отсюда мною посылаемый ему низкий поклон)”.

“Свои университеты” будущий писатель постигал “самоучкой” (XI, 18). По выходе из гимназии в возрасте пятнадцати лет он поступил на казённую службу, трудился в мелкой должности писца и уже здесь почерпнул немало живого и интересного материала для творчества. Орловские впечатления легли в основу множества лесковских произведений, и не случайно писатель подчёркивал: “В литературе меня считают орловцем”.

Неистощимым источником литературных материалов стала также работа Лескова в коммерческой фирме “Шкотт и Вилькенс”. Впоследствии в “**Заметке о себе самом**” (1890) писатель вспоминал, что “изъездил Россию в самых

разнообразных направлениях, и это дало ему большое обилие впечатлений и запас бытовых сведений”.

В начале творческого пути Лесков выступил как публицист. Он сотрудничал в различных периодических изданиях Москвы и Петербурга, и уже первые публикации “новейшего орловца” привлекли внимание читателей актуальной проблематикой, живой достоверностью и объёмностью знаний, честной авторской позицией, искренней интонацией.

Его первым печатным произведением явилась заметка **“О продаже в Киеве Евангелия”** (1860). Автор высказал озабоченность по поводу того, что Новый Завет, тогда только появившийся на русском языке, доступен не каждому из-за высокой стоимости издания. С тех пор о “важности Евангелия” Лесков размышлял, говорил и писал постоянно – до последних дней своих.

В своей дебютной публикации Лесков верно полагал, что ситуация коммерческих спекуляций с Евангелием препятствует широкому распространению слова Божия в понятной и всякому доступной форме. Стремясь, по его словам, “пролить в массы свет разума”, Лесков – публицист-просветитель – поднимал множество тем: “О рабочем классе”, “Несколько слов об ищущих коммерческих мест в России”, “Полицейские врачи в России”, “Вопрос об искоренении пьянства в рабочем классе”, “Торговая кабала”, “Очерки винокурной промышленности”, “Русские женщины и эмансипация”, “Как относятся взгляды некоторых просветителей к народному просвещению”, “Русские люди, состоящие “не у дел”, “О переселённых крестьянах”, “О литераторах белой кости” и др.

В своих заметках, статьях, очерках, многие из которых и сегодня воспринимаются как остро актуальные, автор не просто высказывал собственное мнение по животрепещущим социально-экономическим, политическим, культурным вопросам, но и обращался к самой сути жизни России, ни на минуту не забывая об ответственной позиции “глашатая истины”, призванного к активной борьбе со злом, произволом, деспотизмом, невежеством, косностью и другими пороками.

30 мая 1862 года в газете “Северная пчела” появилась ставшая злополучной для Лескова его статья о петербургских пожарах **“Настоящие бедствия столицы”**. Автор публикации справедливо призывал бездействующую власть опровергнуть слухи о поджигателях или – если толки небеспочвенны – найти и наказать злодеев. Однако в раскалённой политической атмосфере тех лет эти призывы были истолкованы превратно. Лесков оказался в положении “между двух огней”. “Пожарная статья” вызвала суровые нападки и “справа”, и “слева”: со стороны правящего лагеря своё неодобрение выразил Александр II, радикальная критика фактически объявила Лескову бойкот. Писатель, по его словам, был “распят заживо”, стал мишенью для насмешек и издевательств.

С тех пор он прокладывал себе “третий” путь – “против течений”, искал “противоположную всем дорогу”. “Не подчиняясь ни партийным, ни каким другим давлениям”, Лесков отказывался “с притворным благоговением нести мишурные шнуры чьего бы то ни было направленного штандарта”. “Свое уединённое положение” писатель подчёркивал в показательной самохарактеристике: “Дело просто: я не нигилист и не аутократ, не абсолютист и не ищущий славы моя, но славы пославшего мя Отца”.

Весной 1862 года в периодической печати были опубликованы рассказы **“Погасшее дело”, “Разбойник”, “В тарантасе”**.

Знаменательно, что первым героем лесковской беллетристики стал сельский священник – отец Илиодор. В подзаголовке дебютного своего художественного произведения **“Погасшее дело”** (впоследствии **“Засуха”**) (1862) автор указал: *“Из записок моего деда”*. Дед Николая Лескова умер ещё до рождения внука, но будущий писатель знал о нём от родных: “всегда упоминалось о бедности и честности деда моего, священника Димитрия Лескова”. В характере героя “Засухи” многое предвещает центральную фигуру романа-хроники **“Соборяне”** (1872) – Савелия Туберозова, на прототип которого прямо указал писатель в **“Автобиографической заметке”**: “Из рассказов тётки я почерпнул первые идеи для написанного мною романа “Соборяне”, где в лице протоиерея Савелия Туберозова старался изобразить моего деда”. Важно заметить, что дневник Савелия – “Демикотоновая книга” – открывается датой 4 февраля 1831 года – это день рождения Лескова (по старому

стилю). Так писатель биографически “включает” себя самого в заветный текст дневника своего героя – бесстрашного проповедника слова Божия, – являет свою родственную и духовную сопричастность “мятежному протопопу”.

Отец Илиодор в “Засухе” – столь же привлекательный и мощный художественный образ. Это настоящий батюшка для крестьян, живущий их нуждами; бескорыстный, готовый без всякой мзды отпевать молебны о дожде, дабы предотвратить неурожай и голод; доброжелательный, участливый, отечески заботливый. Но он может быть и настойчивым, и гневным, когда отговаривает крестьян от их варварского языческого обряда – сделать свечу из умершего от пьянства пономаря с целью прекратить засуху.

Рассказ позднее был объединён автором с рассказом из народной жизни “Язвительный” (1863) под общим заголовком “За что у нас хаживали в каюторгу”. “Засуха” – также прелюдия к поздней “рапсодии” Лескова “Юдоль” (1892), в которой писатель ровно тридцать лет спустя показал то же дикое невежество “малосмысленной” крестьянской массы – при сходных обстоятельствах (место действия – Орловская губерния, время – голод 1840-х годов и 1891 года).

О пастырском служении – “учить, вразумлять, отклонять от всякого <...> вздора и суеверий” – размышляет герой дебютного рассказа Лескова. Эти раздумья продолжаютя в его первой большой повести “Овцебык” (1862). Главный герой носит знаменательную фамилию – Богословский – “носитель слова Божьего”. Сын сельского дьячка, выросший в горькой нужде, выучившись в семинарии, отказался от поприща священника, однако не сделался атеистом и нигилистом. Искренне желая просветить народ, Василий Богословский в конце жизни сожалеет, что не стал священнослужителем, к авторитетному слову которого люди привыкли прислушиваться: “Васька, глупец! Зачем ты не поп? Зачем ты обрезал крылья у слова своего? Не в ризе учитель – народу шут, себе поношение, идее – пагубник”.

“Овцебык”-Богословский – “странный зверь в пределах нашей чернозёмной полосы” – списан с натуры. Прототипом эксцентричного героя послужил Павел Иванович Якушкин – известный фольклорист и этнограф, образ которого вошёл в поэму Н. А. Некрасова “Кому на Руси жить хорошо” под именем “Павлуша Веретенников”. Впоследствии Лесков посвятил своему земляку очерк “Товарищеские воспоминания о П. И. Якушкине” (1884).

Наивная попытка героев и повести, и очерка вести пропаганду в народе осталась нереализованной. Сама “идея”, с которой они идут в народ, неясна: “В готовности <...> его жертвовать за избранную идею никому и в голову не приходило сомневаться, но идею эту нелегко было отыскать под черепом нашего Овцебыка”. Богословского не раз именуют “шутом”, “чудаком”, даже “отставным комедиантом”. Якушкин для мужиков – “кто-то ряженный”. У героев нет уверенности в правильности избранного пути: “О, когда б я знал, что с этим можно сделать!.. Я на ощупь иду”.

“Новые люди” – революционные демократы в романе Н. Г. Чернышевского “Что делать?” (1863) – по замыслу автора, знали, куда идти. Писательская интуиция Лескова, не разделявшего позицию революционных “нетерпеливцев”, подсказывала ему, что это трагический путь. Судьбы его героев обрываются тупиком, многозначительно поименованным в повести “Овцебык” словом-символом “некуда”. Убедившись, что жизнью правят “мужи кармана”, подобные коммерсанту Александру Свиридову, Василий Богословский приходит к безнадёжному выводу: “...некуда идти. Везде всё одно. Через Александров Ивановичей не перескочишь”. Герой кончает жизнь самоубийством.

Выход из тупика и подстерегающей человека трагедии был намечен в лирическом отступлении автора, одном из самых поэтичных фрагментов художественного мира Лескова, – в описании впечатлений от его детских поездок по монастырям, собственных первых опытов православного благочестия, чистой, не замутнённой разъедающим скепсисом веры, общения с монастырским людом, который знает, что разгадки смысла жизни не существует вне Бога.

Исследование вопроса о социальных преобразованиях русской действительности, проблем освободительного движения писатель продолжил в “полемическом” романе “Некуда” (1864). Здесь трагическое слово-образ, ранее прозвучавшее в “Овцебыке”, демонстративно вынесено в заглавие.

Вслед за Тургеневым с его романом “Отцы и дети” (1862) Лесков исследует общественно-исторические противоречия переломной эпохи, проблему

нигилизма, столкновение “отцов” и “детей”, консервативной и радикальной среды, “старой” России и “новых людей”, горящих стремлением переустроить общий уклад жизни. Задача автора — “отделить настоящих нигилистов от шальных шавок, окричавших себя нигилистами”.

Ранее — в статье **“Николай Гаврилович Чернышевский в его романе “Что делать?”** (1863) — Лесков сочувственно отзывался о “настоящих нигилистах”, которые “терпеливо идут к своей предположенной цели, заботясь, прежде всего, о водворении в общине самой широкой честности”. В то же время писатель беспощадно заклеил “грубую, ошалелую и грязную в душе толпу пустых и ничтожных людишек, искаживших здоровый тип Базарова и опрофановавших идеи нигилизма”.

“Чистые нигилисты” представлены в “Некуда” в образах Вильгельма Райнера (его прототипом явился Артур Бенни, которому Лесков посвятил очерк **“Загадочный человек”** — 1870), Лизы Бахаревой, Юстина Помады. Это великодушные, самоотверженные, героические натуры, готовые жертвовать собственной жизнью ради идеала “неугасимой жажды света и правды”. Райнер погиб как мученик. Лиза отправилась в путь, чтобы в день казни своего возлюбленного быть рядом с ним. Пережив сильнейшее нравственное потрясение, на обратном пути она простудилась и умерла от воспаления лёгких.

Самозванные нигилисты с их вульгарной профанацией чистых идеалов, призывами “залить кровью Россию” способны только “засорить путь”. С такими попутчиками героям — романтикам высокой нравственной идеи “возможно большего блага для возможно большего числа людей” — идти некуда. Полное фиаско терпит пошлый позёр и прохвост Белоярцев, организовавший Дом Согласия как псевдообразчик социалистического общежития. В реальности такую же неудачу потерпела Знаменская коммуна В. Слепцова, узнавшего себя в образе Белоярцева.

Памфлетность романа, сходство действующих лиц с реальными прототипами вызвали гневную отповедь радикальной критики. Особенно резко высказался идейный вождь русских нигилистов Д. И. Писарев (также земляк писателя — орловец). В статье “Прогулка по садам российской словесности” (1865) он вынес Лескову обвинительный приговор, которому суждено было пристать к имени писателя надолго: “Двадцать лет кряду... гнусное оклеветание нёс я, и оно мне испортило немного — только одну жизнь...”. Двери демократических печатных изданий для Лескова были закрыты: “Ведь просто приткнуться некуда тому, кто написал “Некуда”. Некоторое время Лесков сотрудничал в консервативном журнале “Русский вестник”, редактор которого М. Н. Катков впоследствии заявил о нём: “Этот человек не наш!” Писатель не без оснований поименовал Каткова “убийцей родной литературы”.

Лесковское творчество проникнуто подлинным, некнижным знанием народной жизни. В цикле статей **“Русское общество в Париже”** (1863) автор с гордостью заявлял: “Я не изучал народ по разговорам с петербургскими извозчиками, а я вырос в народе на гостомельском выгоне <...>, так мне непристойно ни поднимать народ на ходули, ни класть его себе под ноги. Я с народом был свой человек”. Детство будущего писателя прошло у речушки Гостомли на Панином хуторе Кромского уезда Орловской губернии. Не случайно его первые беллетристические произведения о народной жизни, овеванные фольклорно-песенной стихией, отличаются точностью топонимики и этнографии и носят подзаголовок “Из гостомельских воспоминаний”: рассказ **“Ум своё, а чёрт своё”** (1863), “крестьянский роман” **“Житие одной бабы”** (1863) — о красоте, талантливости, человеческом достоинстве и трагической судьбе женщин из простонародья. Словом “житие” автор подчеркнул высоту и святость страдальческой жизни своей героини — гостомельской крестьянки-песельницы Насти Прокудиной.

Острый интерес Лескова к незаурядным, непостижимым женским характерам сказался также в повести **“Леди Макбет Мценского уезда”** (1865) и очерке **“Воительница”** (1866).

В российской глубинке — в уездном городке Мценск Орловской губернии — писатель отыскал характер шекспировского масштаба. Натура “леди Макбет” — купеческой жены Катерины Измайловой, пылко влюблённой в приказчика Сергея и совершившей во имя этой страсти череду кровавых злодеяний и грех самоубийства, — вызывает изумление и ужас: “Ни в какую типологию характеров не уложишь лесковскую четырёхкратную убийцу ради любви”⁹. Объяснения

с просветительских позиций — губительным влиянием косной среды, страстей, вышедших из-под контроля разума, — будут явно недостаточными.

Подобно Достоевскому, в чьём журнале “Эпоха” впервые была опубликована повесть, Лесков погружается в изучение бездн добра и зла, которые ведут непрерывную битву в душе человеческой. Борьба ангелов с демонами особенно очевидна в сцене убийства ребёнка-наследника. Незадолго до гибели Федя предлагает “тётеньке” почитать житие его Ангела — святого Феодора Стратилата: “Вот угождал Богу-то”. “Катерина Львовна подперлась рукою и стала смотреть на шевелящего губами Федю, и вдруг словно демоны с цепи сорвались”. Демоническое начало одерживает верх в душе расчётливой и бестрепетной преступницы, одурманенной своей страстью, лишённой религиозного чувства: “уж ни Бога, ни совести, ни глаз людских не боится”.

С точки зрения христианских представлений, зло неуклонно ведёт своих носителей к самоуничтожению. Подобно тому, как в евангельской притче бесы, вошедшие в свиней, бросились в бездну, так Катерина Львовна гибнет в водной пучине, увлекая за собой соперницу и заставляя окаменеть от страха зрителей этой жуткой драмы.

Драматическое в переплетении с комическим представил Лесков в **“Воительнице”**. Героиня очерка Домна Платоновна — также в прошлом мценская купчиха, обосновавшаяся в столице. Эта бойкая “деловая женщина” посвящает себя “отяготительным трудам” и ведёт, по её словам, “самую прекратительную жизнь”. Она участвует в массе мелких торговых и посреднических сделок: сватает женихов и невест, отыскивает деньги под заклад, ищет работу гувернанткам и лакеям, разносит тайные любовные записочки в будуары светских дам. В то же время эти вечные хлопоты — потребность активной, энергичной натуры: “Завистя уж я очень на дело, простая и добросердечная, причастна этому хищному, циничному миру, выступая в низкой роли сводни в истории с попавшей в беду молодой дворянкой Леканидой, чьи душевные терзания Домне Платоновне непонятны.

В конце жизни ей послано своего рода “возмездие” — безоглядная любовь к непутёвому парню Валерке вдвое моложе неё, которому она отдала всё, что имела.

В **“Воительнице”** впервые в творчестве Лескова в полной мере проявилось его неподражаемое мастерство **сказа**, в котором писатель не имел себе равных. Повествовательная форма свободного говорения, устного рассказывания героя — его голосом, в его собственной манере и с характерными интонациями — представляет собой многогранную языковую призму. “Постановка голоса у писателя, — пояснял Лесков, — заключается в умении овладеть голосом и языком своего героя <...> мои священники говорят по-духовному, нигилисты — по-нигилистически, мужики — по-мужицки, выскочки из них и скорморохи — с выкрутасами и т. д.”¹⁰. В то же время умение “говорить” устами своих героев становится важнейшим художественным способом постижения самой сути характера, сознания, психологии человека, а также глубинных основ национальной жизни.

В середине 1860-х годов Лесков создал два романа на темы из петербургской жизни — **“Обойдённые”** (1865) и **“Островитяне”** (1866).

Извечный конфликт добра и зла, воплощённый в современном мире буржуазно-юридических установлений, представлен в единственном лесковском драматическом произведении **“Расточитель”** (1867). Вслед за А. Н. Островским, чьи пьесы Лесков высоко ценил, он выступает обличителем “тёмного царства”. 60-летний купец Фирс Князев — “вор, убийца, развратитель”. Его антипод — добрый и мягкий Иван Молчанов — предстаёт в роли мученика, жертвы деспотического произвола. Пользуясь своим положением “первого человека в городе” и продажностью суда, старый купец добивается, чтобы Молчанов признали “злостным расточителем” и устранили “от права распоряжения своим имуществом”, которое передаётся в опеку Князеву. Молодой человек, обращаясь к своим истязателям, обличает беззаконие: **“Вы расточители!.. Вы**

расточили и свою совесть, и у людей расточили всякую веру в правду, и вот за это расточительство вас все свои и все чужие люди честные – потомство, Бог, история – осудят. . .”

В лесковский юбилейный год хорошо было бы увидеть его незаслуженно забытую пьесу в репертуарах театров.

Критическое отношение Лескова к росту капиталистических тенденций, влекущих за собой падение идеалов, “меркантилизм совести”, распад человеческих – в том числе родственных – связей, когда все друг с другом “на ножах”, с особой художественной силой выразилось в его творчестве начала 1870-х годов. Роман **“На ножах”** (1871) в нынешнем году также отмечен “круглой датой” – 140 лет со дня создания. Однако при перечитывании его не оставляет ощущение, что читаешь о происходящем в России сегодня.

У романа тоже сложная судьба. Долгое время он не переиздавался, фактически был под запретом. Воспринимаемый одними как “антинигилистический”, другими – как “антибуржуазный”, в своей религиозно-философской основе он воплощает, прежде всего, христианскую концепцию человека и мира.

Невнимание к духовной природе человека, отказ от Бога, отрыв от почвы приводят к тому, что бывшие “нигилисты” окончательно перевоплотились в буржуазных дельцов, ловких авантюристов, мошенников, живущих по звериным законам борьбы за существование. Таковы в лесковском романе соучастники преступлений Глафира Бодростина и Павел Горданов, “подлый жид” и ростовщик Тишка Кишенский, его любовница Алинка Фигурина, обокравшая собственного отца, безнатурный “межеумок” Иосаф Висленёв, его сестра Лариса, одержимая гордыней и себялюбием.

Архитектоника **“На ножах”** сродни архитектонике романа Достоевского **“Бесы”**, созданного в том же 1871 году, с его хаотичным “бесовским” кружением переродившихся людей, утративших духовно-нравственную опору. Как кошмар, нарастают в лесковском романе преступные происки, шантаж, вымогательство, внезапные исчезновения, маскировки и мистификации, супружеские измены, дуэль, двоемужество, самоубийство, убийства.

“Бесовскому” самоистреблению тёмных сил противопоставит светлое созидательное начало духовно-нравственного мира христианской жизни. Её идеалы исповедуют праведница Александра Синтянина, человек чести и долга – “испанский дворянин” Андрей Подозёров, священник отец Евангел, “истинный нигилист” майор Форов и его многозаботливая жена Катерина Астафьева, “умная дурочка” Паинька, “великомученица” Флора. По мысли Лескова, самоотверженная любовь, деятельное добро, милосердие должны стать не только ориентиром, но и нормой человеческих отношений, социально-нравственным регулятором общественной жизни. Следование этим спасительным заповедям поможет уберечься от нравственной порчи, удержаться на краю бездны.

Роман **“На ножах”** создавался почти в одно время с хроникой **“Соборяне”** (1872) (варианты – **“Чающие движения воды”**, **“Божедомы”**). М. Горький отмечал, что после романа **“На ножах”** творчество Лескова “становится яркой живописью или, вернее, иконописью, – он начинает создавать для России иконостас её святых и праведников”¹¹. Согласно народной легенде, “без трёх праведных несть граду стояния”. Духовно-нравственной опорой жизни Старгорода (место действия **“Соборян”**) являются три священнослужителя – “мятежный проропок” Савелий Туберозов, кроткий и смиренный священник Захария Бенефатов и “казак в рясе” дьякон Ахилла Десницын (как бы новый Ахиллес – воин Христов). Они воплощают идеальные образы православного духовенства.

Протоиерей Савелий обладает обострённым нравственным чувством, гражданским самосознанием, могучей деятельной натурой: “не философ я, а гражданин <...> скорблю и страдаю без деятельности”. Непрестанно ощущая в себе горение проповеднического дара – живой речи, направляемой от души к душе, Туберозов отвергает официально-мертвенное и услужливо-опасливое требование церковных властей, “дабы в проповедях прямого отношения к жизни делать опасался, особливо же насчёт чиновников”. Савелий, по его словам, “из-под неволи не проповедник”. Он стремится “насаждать в души семена добра”, воспитывает прихожан не в букве, а в духе христианских идеалов, указывая на живые примеры самоотверженной любви к ближнему (полунищий Константин Пизонский призрел брошенного младенца, стал “питателем си-

рых»). Болея душой за судьбу Родины, Савелий Туберозов убеждён, что нельзя жить “без идеала, без веры, без почтения к деяниям предков великих... это сгубит Россию”.

Для Церкви, задавленной государственностью, прошло “время слов”, нужны подвиги. Бесстрашный проповедник собирает в храме всех власть имущих и обличает их “бесстрастное равнодушие к добру и злу”, “кривосудство”, “великую утрату заботы о благе Родины”, “небрежение о молитве”, “сведённой на единую формальность”. Отец Савелий порицает “наёмничью молитву” и “торговлю совестью”. На смену умиротворённому любованию “старой сказкой” патриархальной жизни приходят внутренний накал и драматическая напряжённость.

Проникнутая освободительной правдой проповедь Туберозова была воспринята чиновно-бюрократическим аппаратом как “революция” и “бунт”. С этого момента жизнь опального протопопа переходит в “житие”. К концу хроники умирают все три героя “старгородской поповки”. Несмотря на их революции, страдания, муки под тяжестью возложенного на себя креста, “Соборяне” оставляют благоговейное впечатление. По словам критика, “на глазах читателя совершается художественное таинство, граничащее с таинством религиозным”¹².

Добываясь “эпического равновесия” в обрисовке соотносённости прошлого и настоящей русской жизни, Лесков всё чаще обращался к жанру хроники: “**Старые годы в селе Плодомасове**” (1869), “**Захудалый род**” (1874). Свободная форма не требовала, как в романе, “закругления фабулы и сосредоточения всего около главного центра. В жизни так не бывает”. Напротив, “жизнь человека идёт, как развивающаяся со скалки хартия, и я её так просто и буду развивать лентою в предлагаемых мною записках”, – так размышлял писатель о теории жанра в хронике “**Детские годы. Из воспоминаний Меркула Праотцева**” (1874).

В хронике “**Смех и горе**” (1871), первую публикацию которой сопровождало посвящение: “*Всем находящимся не на своих местах и не при своём деле*”, – Лесков представил свою концепцию русской жизни с её мозаичной пестротой, калейдоскопической сменой непредсказуемых ситуаций, анекдотических “сюрпризов и внезапностей”, которые поджидают человека на каждом шагу: “что ни шаг, то сюрприз, и притом самый скверный”.

В жизни России нет никакой стабильности, постоянства, кроме “притеснений”. Герой-рассказчик, дворянин Орест Маркович Ватажков обескуражен общезвестным лицемерием, цинизмом, ложью, насилием над личностью. Вездесущий “голубой купидон” Постельников воплощает господствующий порядок полицейского государства с его системой предательства и провокаций. Болезненная правда заключается в том, что в жизни всё хрупко, алогично, абсурдно, так что становится “за человека страшно”. Герой, выпоротый “невзначай”, по ошибке, погибает у “здания новой судебной палаты”.

Социально-политический, национально-исторический, религиозно-нравственный, философский аспекты “встроены” в систему разнополярных координат “смеха и горя”. Сатира хроники подобна гоголевской – “сквозь видный миру смех и незримые, неведомые ему слёзы”. Лесков в “открытом письме” П. К. Щербальскому подчёркнул: “...смех мой – не смех злорадства, а смех скорби”. Писатель показал трагикомическое несоответствие реальности идеалу. Благородной натуре сложно вырваться из водоворота социологических парадоксов и метаморфоз. Человек не в состоянии управлять своей судьбой, его стремления бессильны перед запутанным клубком разнонаправленных желаний и целей других людей.

Это одно из этапных произведений Лескова. Позднее он признавался: “Я стал думать ответственно, когда написал “Смех и горе”, и с тех пор остался в этом настроении – критическом и, по силам моим, незлобивом и снисходительном”.

Стихия трагикомического – “драмокомедия” как выражение “трагических усмешек судьбы” – нашла воплощение в шедевре Лескова “**Очарованный странник**” (1873). Писатель проследил историю жизни Ивана Северьяновича Флягина – настоящего русского богатыря по физической силе и духовной мощи. “Одиссея” жизненного пути с его разнообразными “очарованиями” разворачивается перед “чернозёмным Телемаком” (таков был один из вариантов заглавия) подобно вечному странствованию человека по дорогам жиз-

ни — “от одной стражбы к другой”. Внешне напоминающий былинного Илью Муромца, “очарованный странник” столь же эпичен: герой олицетворяет национальный опыт и сам дух нации, эволюцию характера русского человека, его духовное восхождение. В финале он становится монахом. Но это ещё не конец его пути-дороги. Он жаждет эпического подвига. Последнее “очарование” “богатыря-черноризца” — “помереть за народ”.

“Сага” Ивана Северьяновича — затейливая сказовая речь во всей её многокрасочности — звучит на борту судна, плывущего по Ладоге. За год до создания “Очарованного странника” Лесков написал цикл “путевых заметок” **“Монашеские острова на Ладожском озере”** (1872) — итог своего путешествия по русскому Северу — средоточию православных монастырей. В воображении автор пытался восстановить истории жизни своих спутников-монахов. Почему они бежали от мирской суеты? Какие беды оставили позади? Чьи грехи искупали? Что привело их к тому, чтобы отказаться от мира и сосредоточиться на мыслях о Боге? Ответы на эти вопросы даны в повести “Очарованный странник”, герой которой исповедал свою жизнь “со всею откровенностью своей простой души”.

Глубинные религиозно-нравственные устои народной жизни, эмоциональную и эстетическую отзывчивость русского человека воплотил Лесков в общепризнанном шедевре **“Запечатлённый Ангел”** (1873), который “нравился и царю, и пономарю”. Это уникальное литературное творение, в котором главным “действующим лицом” становится икона. В тот же год Лесков написал статью **“О русской иконописи”**, в которой указал на огромное значение иконы в жизни народа, ратовал за возрождение русского иконописного искусства. Сам писатель в “Запечатлённом Ангеле” выступил как искусный “изограф”-иконописец, передавая в слове “неописуемую” предивную красоту русских икон, “тип лица небожительный”.

Своё творение автор снабдил подзаголовком “рождественский рассказ”. Однако по объёму это скорее повесть, в развёрнутом сюжете которой соблюдены все правила и каноны святочного жанра. Писательское мастерство столь велико, что жанровые условности не ограничивают, а наоборот — стимулируют фантазию и изобретательность художника. Именно такой творческий подход Лесков сохранил и тогда, когда святочный рассказ стал постоянным жанром его писательского репертуара 1880-х — начала 1890-х годов. Автор гордился тем, что именно после его “Запечатлённого Ангела” святочные рассказы “опять вошли в моду”, то есть стала возрождаться и развиваться традиция целого уникального пласта русской культуры.

Кроме того, первый опыт рождественского рассказа воздействовал не только на литературный процесс (пасхальный шедевр А. П. Чехова “Святою ночью” (1886) — этюд в лесковской манере), но и на дальнейшие творческие искания самого Лескова. Именно “святочная модель” — та жанровая канва, которая зарождалась в “Запечатлённом Ангеле”, — была спроецирована затем на многие лесковские произведения из циклов **“Святочные рассказы”** (1886) и **“Рассказы к стати”** (1886).

Непременное в святочном повествовании “чудо” в “Запечатлённом Ангеле” — ключевое слово и образ. Весь комплекс “чудес”, “дивес”, “преудивительных штук” на глазах “дивозрителей” неуклонно подводит к главному чуду — осуществлению желания “воедино одушевиться со всею Русью”. Прорыв старообрядческой замкнутости в большой мир, отказ от религиозного догматизма, соединение людей разных национальностей, конфессий, общественного положения — все эти важнейшие итоги общечеловеческой солидарности базируются на сокровенной вере Лескова в то, что все — “уды единого тела Христова! Он всех соберёт!” Писатель выводит традиционную в святочном рассказе идею сплочения из тесных рамок семейно-бытового круга на уровень вневременной, межнациональный, общечеловеческий. Это тем более важно, что Лесков с болью наблюдал распад человеческих связей: “с предковскими преданиями связь рассыпана, дабы всё казалось обновлённое, как будто и весь род русский только вчера насадка под крапивой вывела”.

Однако даже в атмосфере “суетного и суетливого времени” писатель одушевлён верой в духовность человека. Иконописный лик Ангела остался неповреждённым под чиновничьей сургучной печатью. Праведный старец Папва иносказательно предсказывает грядущее “распечатление” Ангела: “Он в душе человеческой живёт, суемудрием запечатлён, но любовь сокрушит печать”.

Не дать порваться связи времён и поколений, восстановить “тип высокого вдохновения”, “чистоту разума”, который пока “суете повинуется”, поддержать “свое природное художество” – таковы главные цели автора.

Воплощением религиозно-нравственных представлений русского народа об идеальном человеке – заданным в Евангелии христианским идеалом совершенства (“поступающий по правде идёт к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге соделаны” (Ин. 3: 21) – является тип праведника. Тема праведничества – магистральная в творчестве Лескова. Идея цикла **“Праведники”** (1879–1889) кристаллизовалась с самого начала творческого пути художника. Почти в каждом его произведении, начиная с ранних, оживают типы людей “высокой пробы” всех сословий и званий, которые представляют собой “отрадные явления русской жизни”¹³. В этом отношении Лесков – уникальная фигура в истории русской словесности. Писатель, “как очарованный, сподобился всю жизнь стоять перед чудом человеческого подвига и подвижничества, и до конца понял и схватил эту героическую стихию”¹⁴. Праведники, написанные по внутреннему заданию “оправдать Русь”, – своеобразные, колоритные, иногда причудливые, – воспроизводят светлые явления русской жизни.

В предисловии к рассказу **“Однодум”** (1879) с целью опровержения крайне пессимистического заявления А. Ф. Писемского, объявившего, что он видит во всех своих соотечественниках одни только “мерзости”, Лесков возвестил: “Мне это было и ужасно, и несносно, и пошёл я искать праведных, пошёл с обетом не успокоиться, доколе не найду хотя то небольшое число трёх праведных, без которых “несть граду стояния”. “У нас не переводились, да и не переведутся праведные, – утверждал писатель в рассказе **“Кадетский монастырь”** (1880). – Их только не замечают, а если стать приглядываться – они есть”.

Лесковские праведники воплощают идеал активного, деятельного добра. Самоотверженная любовь к ближнему в соединении с настойчивым практическим деланием – основной признак и качество праведности. “Это своего рода маяки”¹⁵, – утверждал писатель в очерке **“Вычегодская Диана (Попадья-охотница)”** (1883), развивая концепцию “героев и праведников”.

Лесков не устаёт восхищаться характерами, хранящими в себе особенные, оригинальные и высоконравственные черты, “живой дух веры”. Персонажи, принадлежащие к праведническому типу, как характеры живые, полнокровные наделены индивидуальной неповторимостью: каждый из героев воплощает собственное духовно-субстанциональное начало, отражённое в различных явлениях социально-этического порядка. Таковы, например, неподкупность “неберущего квартального” Рыжова (**“Однодум”**), бессребрничество Николая Фермора, стремление к святости Брянчанинова и Чихачёва (**“Инженеры-бессребреники”**), совесть, благородство, участливость Перского, Боброва, Зеленского и отца-архимандрита (**“Кадетский монастырь”**), духовный свет “русских богоносцев”-священнослужителей (**“Некрещённый поп”**, **“Владычный суд”**, **“На краю света”**), патриотизм и талантливость Левши (**“Сказ о тульском косом левше и о стальной блохе”**, где Лесков достигает таких вершин мастерства узорчатой сказовой речи, в которой “русский дух” и “Русью пахнет”, что перевод этого художественного шедевра на иностранные языки становится неразрешимой проблемой¹⁶). Готовы на подвиг самоотвержения во имя высокого человеколюбия герои рассказов **“Павлин”**, **“Пигмей”**, **“Русский демократ в Польше”**, **“Несмертельный Голован”**, **“Тупейный художник”**, **“Человек на часах”**, **“Пугало”**, **“Дурочок”**, **“Томление духа”**, **“Фигура”** и других.

Лесков поднимает вопрос о праведническом подвижничестве на религиозно-философский уровень, связывая основополагающие принципы религии с насущными задачами социальной жизни. Его “маленькие люди с просторными сердцами” – не канонические святые, но их “тёплыми личностями” согревается жизнь. Праведность возвышается “над чертой простой нравственности”, и потому сродни святости¹⁷, – размышлял писатель в **“Русских антиках”** (1879). В статье **“Два слова о редстокистах”** (1876) он говорил “об оправдании живою, действительною верою, то есть верою и делами”: “Нужны подвиги, подвиги благочестия, правды и добра, без которых не может жить в людях дух Христов, а без него суетны и тщетны, без слова, и поклонения”¹⁸.

Проникая в существо лесковского художественного феномена праведничества, Б. К. Зайцев – христианнейший писатель XX века – подчеркнул, что это “рука, протянутая человеком к человеку во имя Бога”¹⁹.

Параллельно с рассказами о праведниках Лескова создавал цикл “проложных” повестей (1886–1891) – “византийских легенд”, “сказаний”, “апокрифов”, основанных на житийных сюжетах древнепечатного “Пролога”. Произведения из раннехристианской жизни Египта, Сирии, Палестины **“Лучший богомолец”**, **“Прекрасная Аза”**, **“Легенда о совестном Даниле”**, **“Лев старца Герасима”**, **“Скоморох Памфалон”**, **“Зенон-златокузнец”** (впоследствии – **“Гора”**) и другие под своеобразной декоративно-художественной тканью древних красок и образов выводили проблему праведничества на уровень межнациональный, вселенский, утверждали вневременные религиозно-нравственные идеалы.

Многие из “византийских легенд” создавались под влиянием этико-философских воззрений Л. Н. Толстого, с которым “совпал” Лесков. Толстой, в свою очередь, писал о Лескове: “Какой умный и оригинальный человек”. В то же время Лесков не принимал “крайностей” “яснополянского мудреца” и его восторженных подражателей. Полемизируя с ними в статьях **“О рожне (Увет сынам противления)”** (1886), **“Загробный свидетель за женщин”** (1886), Лесков продемонстрировал “разномыслие” с Толстым, самостоятельность религиозно-философской позиции. Православное по сути лесковское мироощущение во многом определяло своеобразие поэтики его поздних произведений. Так, аллегорический образ героини, истинное имя которой Любовь, в сказке-притче **“Маланья – голова баранья”** (1888), как и образы многих женщин-праведниц в творчестве Лескова, напоминает сострадательно-одухотворённые женские лики русских икон.

В рассказе **“По поводу “Крейцеровой сонаты”** (вариант заглавия – **“Дама с похорон Достоевского”**) (1890) Лесков вступил в творческий диалог и мировоззренческую полемику с Достоевским и Л. Толстым, противопоставляя их суровому этическому максимализму милосердный, божеский взгляд на морально-нравственные проблемы: “Бог вам судья в этом деле, а не я <...> победите самую себя, а не убивайте других, делая их несчастными”²⁰. В своём “художественном поучении” Лесков выступил и как проповедник христианских истин, и как духовный наставник своих читателей.

В циклах рассказов из жизни церковного быта **“Мелочи архиерейской жизни”** (1878–1880), **“Заметки неизвестного”** (1884), поверхностно воспринятых как антиклерикальные, писатель “расчищал подходы к храму”, в котором, по его убеждению, должны служить только чистые сердцем, наделённые высочайшей духовностью слуги Божии. Лесков критиковал не идею Церкви, а людей, считающих себя ей причастными, однако далеко отстоящих от её идеалов. “Выметая мусор” из храма, автор **“Мелочей архиерейской жизни”** создал в то же время “уповательные” образы русского православного духовенства, которые явились “болеутолителем” для Лескова, глубоко страдавшего при виде внутренних церковных “нестроений”.

В 1889 году был запрещён и приговорён к сожжению отпечатанный VI том Собрания сочинений Лескова, куда вошли **“Мелочи архиерейской жизни”**. Ранее за очерк **“Поповская чехарда и приходская прихоть”** (1883) писатель был уволен со службы в министерстве народного просвещения. Цензура продолжала преследовать Лескова. “У меня целый портфель запрещённых вещей”, – говорил писатель.

В последние годы жизни и творчества – с 1891-го по 1894 год – Лесков создаёт произведения, открыто направленные против правящей “элиты”, сурово обличающие российскую “социабельность”: **“Полунощники”**, **“Юдоль”**, **“Импровизаторы”**, **“Загон”**, **“Продукт природы”**, **“Зимний день”**, **“Дама и фефёла”**, **“Административная грация”**, **“Заячий ремиз”**. Усиление социально-критического пафоса поздних лесковских рассказов и повестей связано, прежде всего, с созидательным “стремлением к высшему идеалу”. Вслед за Тертуллианом Лесков был уверен, что “душа по природе христианка”. Поэтому неудивительно, что произведения, полные горечи и сарказма, освещаются изнутри светом Божественной истины. Знаменательны слова тёти Полли в “рапсодии” **“Юдоль”** (1892): “Надо подниматься!”

Герой “прощальной” повести Лескова **“Заячий ремиз”** (1894) Оноприй Перегуд видит “цивилизацию” в сатанинском коловращении “игры с болванами”,

социальными ролями, масками. Всеобщее лицемерие, бесовское лицедейство, замкнутый порочный круг обмана и насилия над личностью отразился в Перегудовой “грамматике”, которая только внешне кажется бредом сумасшедшего и заканчивается молитвой “за всех”: “Пожалей всех, Господи, пожалей!”

Лесков на новом духовном и эстетическом уровне подвёл итоги темам и проблемам, которые он разрабатывал на протяжении всего писательского пути. Духовное прозрение героя в финале “Заячьего ремиза” знаменует обостренную духовную зоркость и самого автора.

В то же время повесть требует основательной дешифровки, поскольку сам писатель предупреждал о том, что в ней есть “деликатная материя”, что всё “тщательно маскировано и умышленно запутанно”.

В “загоне” жизни Лесков ощущал настоятельную необходимость позитивных начал. Он выстраивал свою художественную модель мира: путь от злобы, богоуступничества, предательства, духовно-нравственного разложения, распада человеческих связей к искуплению вины через покаяние и деятельное добро, следование идеалам Евангелия и завету Христа: “Иди и впредь не греши” (Ин. 8: 11), к единению “во имя всех создавшего Бога”.

От добровольно возложенной на себя обязанности “выметальщика сора из храма” Лесков в последние годы переходит к реализации своего высокого творческого призвания — к художественной проповеди. Так, в рассказе “**Под Рождество обидели**” (1890) он убеждает читателя вместе с автором приобрести к поискам истины: “Читатель! будь ласков: вмешайся и ты в нашу историю <...> обдумай — с кем ты выбираешь быть: с законниками ли разноглагольного закона или с Тем, который дал тебе “глаголы вечной жизни”...”

Лесков — писатель “непостыдной совести”, которая требовала особого рода духовного призвания и творческого созидания. “Литература — тяжёлое, требующее великого духа поприще”, — говорил он. Несмотря на критический пафос, вызванный горячим желанием видеть свою Родину “ближе к добру, к свету познания и к правде”, каждой лесковской строке свойственна “скрытая теплота” (так называлась одна из поздних статей Лескова с эпиграфом: “Скрытая теплота не поддаётся измерению”²¹).

Особенность творчества Лескова такова, что за конкретно-историческими фактами русской реальности у него всегда проступают вневременные дали, открываются духовные перспективы, “мимотекущий лик земной” соотносится с вековечным, непреходящим. “Думаю и верю, что “весь я не умру”, — писал Лесков за год до смерти — 2 марта 1894 года, — но какая-то духовная постать уйдёт из тела и будет продолжать вечную “жизнь”.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 тт. — М.: ГИХЛ, 1956–1958. Т. 11. С. 233. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте. Римская цифра обозначает том, арабская — страницу.
- ² Лесков Н. С. Новозаветные евреи (рассказы кстати) // Новь. 1884. Т. 1. С. 72.
- ³ Лесков Н. С. Зеркало жизни истинного ученика Христова. М.: 1890. С. 5.
- ⁴ Там же. С. 30.
- ⁵ Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным записям и памятям: В 2 тт. М.: Художественная литература, 1984. Т. 1. С. 191.
- ⁶ Лесков Н. С. Полн. собр. соч.: В 30 тт. — М.: ТЕРРА, 1996. Т. 3. С. 206. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с обозначением тома и страницы арабскими цифрами.
- ⁷ Нагибин Ю. О Лескове // Нагибин Ю. Литературные раздумья. — М.: Советская Россия, 1977. С. 75–80.
- ⁸ См.: Лесков А. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 117.
- ⁹ Аннинский Л. А. Лесковское ожерелье. М.: Книга, 1982. С. 90.
- ¹⁰ Фаресов А. И. Против течений: Н. С. Лесков. Его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нём. СПб, 1904. С. 273–274.
- ¹¹ Горький М. Н. С. Лесков // Собр. соч.: В 30 тт. — М.: ГИХЛ, 1953. Т. 24. С. 231.

- ¹² Вольтинский А. Л. Литературные заметки. Н. С. Лесков // Северный вестник. СПб, 1897. № 1. С. 306.
- ¹³ Цит. по: Фаресов А. И. Против течений: Н. С. Лесков. Его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нём. СПб, 1904. С. 381.
- ¹⁴ Сувчинский П. П. Знамение былого. О Лескове // Московский журнал. 1995. № 3. С. 3.
- ¹⁵ Лесков Н. С. Вычегодская Диана (Попадья-охотница) // Новости и Биржевая газета. 1883. 9 июня. № 67.
- ¹⁶ Эджертон У. Почти неразрешимая проблема: перевод прозы Лескова // Leskoviana. Bologna Editrice Clueb, 1982.
- ¹⁷ Лесков Н. С. Русские антики (Из рассказов о трёх праведниках) // Ежедневное новое время. 1879. 20 сентября. № 37-38.
- ¹⁸ Лесков Н. С. Два слова о редстокистах (Письмо в редакцию Ц^керковно-^общественного вестника // Церковно-общественный вестник. 1876. 24 ноября. № 129.
- ¹⁹ Зайцев Б. Н. С. Лесков (к 100-летию рождения, заметки 1931 года) // Аврора. 2002. № 1. С. 81.
- ²⁰ Фаресов А. И. Н. С. Лесков в последние годы // Живописное обозрение. 1895. 5 марта. № 10.
- ²¹ Лесков Н. С. Скрытая теплота // Новое время. 1889. 2 (14) января. № 4614.